

ГЕННАДИЙ
ИЩЕНКО

КОРРЕКЦИЯ
ЙЕЛЛОУСТОУН

16+

Геннадий Владимирович Ищенко

Коррекция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67631754

SelfPub; 2022

Аннотация

Что бы вы делали, непонятно как и для чего очутившись в далёком будущем? Не торопитесь отвечать и строить планы, вам ещё не всё известно. В карманах у вас пусто, пусто и в голове, даже своё имя вспоминается с трудом. И несмотря на отсутствие воспоминаний, вы понимаете, что всё вокруг чужое и вызывающее неприязнь. И это только начало долгой жизни и борьбы за спасение людей и сохранение в них человечности.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	48
Глава 4	70
Глава 5	93
Глава 6	116
Глава 7	139
Глава 8	161
Глава 9	183
Глава 10	206
Глава 11	229
Глава 12	251
Глава 13	273
Глава 14	296
Глава 15	319
Глава 16	342
Глава 17	364
Глава 18	386
Глава 19	409
Глава 20	431
Глава 21	453
Глава 22	474
Глава 23	497

Глава 24	519
Глава 25	541
Глава 26	563
Глава 27	585
Глава 28	607
Глава 29	631
Глава 30	654
Глава 31	677
Глава 32	698
Глава 33	719
Глава 34	741
Глава 35	764
ЭПИЛОГ	787

Геннадий Ищенко

Коррекция

Глава 1

– Что с вами? – с тревогой спросила проводница молодого мужчину, которому явно было нехорошо.

Он ухватился руками за аварийный поручень и с изумлением оглядывал вагон экспресса, слегка раскачиваясь, хотя движение поезда, как всегда, почти не ощущалось.

– Кружится голова, – ответил парень, – и совсем не помню, как здесь очутился.

– Я тоже вас не помню, – сказала проводница. – Вы едете по билету, чипу или броне?

– А где это я? – спросил он, не отвечая на вопрос.

– Это вторая секция седьмого вагона экспресса «Пермь-Москва». Вы что, вообще не помните, как здесь оказались? Достаньте чип, может, в нём есть данные?

– Кажется, полегчало, – сказал парень, отцепляясь от поручня. – А что за чип? О чём вы говорите?

– Как о чём? – удивилась она. – О вашем электронном удостоверении личности. Неужели вы и этого не помните? Вас не били по голове?

– Не помню. – Он помотал головой, видимо, вызвав этим

приступ головокружения, потому что опять ухватился за поручень. – Если бы кто-то бил, была бы хоть какая-то боль.

– Идёмте в моё купе! – решительно сказала проводница. – Здесь мы будем мешать пассажирам.

Словно в подтверждение её слов недалеко от них открылась дверь и из купе в коридор вышли и двинулись в их сторону четыре негра.

– Мисс, мы скоро вернёмся, – по-английски обратился к проводнице самый пожилой из них. – Пусть нам доставят четыре обеда.

– Хорошо, господа, сейчас вам принесут контейнеры, – на чистом английском ответила проводница и обратилась к парню: – Ну же, давайте быстрее! Идите, пока я добрая. Или вызвать транспортную полицию?

– Не надо полицию, я иду! – поспешно ответил тот. – Не знаю почему, но мне не нравится слово «полиция».

– Не вам одному, – усмехнулась она, прикладывая большой палец к считывателю.

Дверь отъехала в сторону, и они вошли в небольшое, но уютное служебное купе.

– Садитесь на диван, – пригласила проводница, – а я сейчас приготовлю чай. Минут через десять будут окраины Москвы, так что скоро приедем.

– Никогда не ездил с такой скоростью, – сказал парень, отворачиваясь от прозрачной стены. – Стоит задержать взгляд, и опять начинает кружиться голова.

– Не смотрите в окно. От путей всё убрали, но триста километров в час – это немало. Сейчас я включу штору.

Из стены выползла матовая пластина, смазавшая мелькавший за окном пейзаж.

– Пейте! – проводница пододвинула ему чашку, в которую капнула чайный экстракт и добавила подсластитель. – И снимите свою куртку, а то вспотеете. Хорошая у вас имитация кожи.

– Почему имитация? – спросил он, поморщившись от неприятного вкуса напитка. – Обычная кожаная куртка. Но вы правы: нужно раздеться.

– Шутите? – спросила она, пощупав рукав. – Посмотрите по карманам, может, что-нибудь найдёте.

– В карманах куртки ничего нет, а в брюках только носовой платок, – разочарованно сказал парень. – Как вас зовут? Извините, я растерялся, поэтому...

– Ириной меня зовут. А вас?

– Понимаете, Ирина, – он отложил куртку и потёр рукой лоб, – я ведь совершенно ничего не помню. Вот вы задали вопрос, и у меня в голове мелькнуло имя Алексей. Будем считать, что оно моё. И когда вы заговорили с неграми, я всё понял. Получается, что знаю английский язык.

– Кто его сейчас не знает! – махнула она рукой. – Не стоит называть темнокожих неграми, за оскорбление могут и избить. Послушайте, Алексей, включите голо. Там должны быть все данные владельца. Их многие используют вместо

ЧИПОВ.

– Какое голо? – не понял он.

– На вашей руке коммуникатор с голо-экраном.

– Это обычные часы, – Алексей закатил рукав и показал часы.

– Вы не миллионер? – спросила Ирина. – Небось, и брюки из натуральной шерсти? Уже въехали в Москву, слышите, сбавили скорость? Мы не ездим по городу больше ста километров, поэтому на Ярославский вокзал прибудем через полчаса. Штору уже можно убрать

– А почему всё видно сверху? – спросил он, посмотрев в окно.

– Вы даже этого не помните, – покачала головой проводница. – Все экспрессы двухэтажные, а моя секция на втором этаже.

– А как же обеды для этих... темнокожих? Вы не забыли?

– Делать им больше нечего – обедать перед самой Москвой! – недовольно сказала она. – Разносить обеды не моя обязанность, а заказ я сделала, как только вошли в купе. Набрала на пульте номер купе и количество контейнеров. Давайте поговорим не о пассажирах, а о вас. Что думаете делать? Молчите? Я всё-таки советую сходить в полицию. Вид у вас приличный, поэтому и обращение будет нормальным. Они быстро установят вашу личность и найдут родственников.

– Спасибо за совет, – поблагодарил он. – Наверное, так

и сделаю. Что-то мы долго едем. На такой скорости давно должны были проехать всю Москву.

– Как же её быстро проедешь, если она вытянулась на сотню километров? – возразила Ирина. – Сейчас въедем на эстакаду и ещё больше сбавим ход, а на вокзал прибудем через десять минут. Вам лучше идти не в транспортную полицию, а в один из городских отделов. Чипа у вас нет, но таксисты принимают наличные. Возьмите пятьдесят рублей, на такси хватит.

Она протянула ему небольшую розовую пластинку.

– Мне неудобно, – замылся Алексей. – Такие деньги... Вряд ли я смогу вас увидеть, чтобы отдать.

– Это мелочь. Я не слепая и вижу, что вы не притворяетесь, а действительно попали в беду. Надевайте куртку, и пойдём на выход.

Купе проводницы находилось в конце секции, и вышли минут за пять до прибытия, поэтому Алексей первым ступил на стоявший напротив вагонных дверей эскалатор, который доставил его в один из залов, на треть заполненный толпой пёстро одетых пассажиров. Среди них выделялись крепкие парни в голубой форме с надписью «Полиция» на спине. Чтобы выйти на привокзальную площадь, пришлось пройти через два зала. Пешком на вокзал попадали единицы, остальные приезжали в такси, которые тут же загружались приезжими и уносились в город. Много этих треугольных машин, выкрашенных в жёлтый цвет, с привычными шахматными

клеточками ожидало пассажиров на трёх стоянках. Ехать в полицию не хотелось. Решив с этим не спешить, Алексей пошёл пешком. Москву он не узнал. Либо она разительно изменилась, либо забылась, как и всё остальное. Пешеходов было мало, зато машин на улицах... Они не только заполняли дороги, но и проносились по транспортным эстакадам, которые громоздились над головой в несколько ярусов. Время от времени приходилось спускаться в подземные переходы, которые были снабжены бегущими дорожками. Уже вечерело, и на улицах зажглись мощные светильники, заливавшие всё вокруг ярким оранжевым светом. На выходе одного из переходов его встретили. Увидев трёх стоявших у лестницы неряшливо одетых молодых людей, Алексей почему-то сразу понял, что с ними не получится разойтись. Остаться на движущейся дорожке было опасно, поэтому он соскочил с неё на ту сторону, где стоял только один парень.

– Эй, чел! – непонятно крикнул тот. – Снимай куртку и вытряхивай карманы. Если не станешь борзеть, уйдёшь отсюда своим ходом, иначе здесь и останешься. Быстрее шевелись, пока кого-нибудь не принесло! – И выхватил из-за спины здоровенный нож.

Двое его дружков разделились. Один остался по ту сторону дорожки, а второй перебежал через неё и стал подходить сзади. Алексей шагнул вперёд, отбил удар ножом и сам ударил противника в горло. Потом сразу же крутанулся на одной ноге, ударив другой в грудь подбежавшего сзади парня,

быстро подобрал с пола нож и метнул его в последнего из троицы, который почти добежал до выхода. Первый из нападавших был мёртв, и тот, кому нож попал в спину, тоже не подавал признаков жизни. Получивший удар в грудь стонал и пытался встать на ноги. Алексей добил его, обыскал тела, забрав всё содержимое карманов, и вытер чужим носовым платком рукоятку ножа. Теперь нужно было уносить ноги. Отойдя на два квартала от перехода, он остановился у мусорной урны и стал разбираться с добычей. В конечном итоге выбросил всё, кроме денег, которых набралось больше пяти тысяч рублей. Бой в переходе не только обеспечил наличностью, после него удалось кое-что вспомнить. Его действительно звали Алексеем, фамилия была Самохин, а служил в каком-то ГРУ в звании капитана. Немного, но хоть что-то. В полицию после случившегося лучше было не соваться. Надо было где-то переночевать, а уже потом думать о том, что делать дальше. Алексей подошёл к дороге, встал на высокий бордюр и поднял руку, надеясь, что отреагирует кто-нибудь из таксистов. Почти сразу возле него остановилось такси, обе дверцы которого поднялись вверх.

– Быстрее! – крикнул темнокожий водитель. – Да садитесь же, здесь нельзя останавливаться!

Таксист сидел впереди, а за ним располагались в ряд три пассажирских сидения, на одно из которых он поспешил сесть. Дверцы опустилась, и машина бесшумно рванулась с места.

– Вам куда? – не поворачиваясь, спросил водитель. – И почему голосовали рукой, а не воспользовались чипом?

– Потерял или украли, – ответил Алексей. – Отвезите меня в какую-нибудь гостиницу не из дорогих.

– В центре нет дешёвых, – предупредил он, – и здесь вас не поселят без чипа. Придётся ехать с полчаса.

– Везите, – согласился парень. – Надеюсь, вы не пустите меня по миру.

– Семьдесят рублей, – назвал цену водитель. – Раз у вас есть деньги на гостиницу, хватит и для оплаты моих услуг. Хотя не люблю возиться с наличными.

– Вы давно в Москве? – спросил Алексей.

– Уже год, а до этого с самого Исхода жил в Сибири.

– А до Исхода? Откуда к нам приехали?

– О таком не принято спрашивать, – ответил водитель, – но я не делаю из этого секрета. Я не из Штатов, а из Франции. После того как бабахнуло и Европу начало засыпать снегом, французы забыли о правах человека и озаботились своими собственными. Таких, как я, сразу вытурили. Хорошо, что вы тогда всех принимали.

Таксист оказался любителем поболтать, но за всё время пути не сказал больше ничего интересного. Через двадцать минут он подвёз клиента к нужному месту и умчался. Алексей переложил часть денег в боковой карман куртки и направился к входу, над которым светилась вывеска с надписью «HOTEL». При его приближении стеклянные двери бес-

шумно разошлись в стороны, открывая проход в небольшой вестибюль, где в одном из нескольких кресел сидел пожилой мужчина в строгом костюме.

– Рад вас приветствовать! – довольно улыбнувшись, сказал он посетителю. – Хотите у нас остановиться?

– Мне нужно переночевать, – ответил Алексей. – Возможно, задержусь на несколько дней. Но я где-то посеял чип и могу расплачиваться только наличными.

– Мы примем и наличные, – успокоил его работник отеля. – Вам какой номер?

– А какие у вас цены?

– Первая категория – триста рублей в сутки, а люкс – пятьсот. Эти расценки для одного человека, двухместные номера стоят дороже.

– Мне подойдёт и первая категория. Скажите, здесь можно поесть?

– Никаких проблем! Кафе уже закрыто, но вам доставят ужин в номер. Будете заказывать пард или предпочитаете живых партнёров? У нас есть три девушки, и все пока не заняты. Если нужен парень, один ещё свободен.

– Пард?

– Да, у нас большой выбор всех рас и возрастов. Их в основном и заказывают. Исполняют любые фантазии, стоят недорого, и никакой мороки. Хотите посмотреть?

– А можно? – спросил Алексей, решивший, что будет нелишним ознакомиться с особенностями гостиничного

сервиса.

– Воля клиента – для нас закон! Следуйте за мной. Это здесь же, на первом этаже.

Они вошли в коридор и остановились возле третьей по счёту двери. Работник отеля приложил руку к окошку считывателя, и дверь сдвинулась в стену, открывая проход в большое помещение, в котором на возвышениях стояли прикрытые стеклом человеческие фигуры. Вспыхнул яркий свет, давший Алексею возможность рассмотреть эти витрины со всеми подробностями.

– Здесь у нас европейцы, – объяснял провожатый. – Это типичные представители Латинской Америки, дальше идут азиаты и последняя группа – это темнокожие. Здесь не только негры, но и мулаты.

– А нормально называть их неграми? – спросил Алексей, в изумлении осматривая пардов, которые ничем, кроме неподвижности, не отличались от живых людей.

Все мужчины были атлетически сложены, а женщины поражали красотой.

– Между собой можно, – усмехнулся работник отеля. – Я же вижу, что у вас всё в порядке с головой. Так кого возьмёте, мужчину или женщину?

– А зачем мне мужчина? – удивился Алексей. – Это ведь для женщин?

– Почему только для женщин? Мужчины тоже берут, как и женщины женщин. В любви нет запретного, хотя лично я

предпочитаю следовать природе. Но у вас могут быть свои пристрастия.

– А что они могут? – смущённо спросил Алексей.

– Всё то же самое, что и живые люди. Могут рассказать вам на ночь сказку или развлечь беседой. Они подключены к Сети и не ограничены в темах, а в сексе гораздо опытнее живых партнёров и совсем не устают. В последнее время их стали продавать для домашнего использования, но пока это дорого.

– И сколько стоит такая услуга? – спросил Алексей, которого заинтересовали слова насчёт беседы.

– Если возьмёте только для разговоров, заплатите двести рублей за ночь, а если для использования по прямому назначению, то сто.

– Не понял, – удивился Алексей. – Предоставляете больше услуг и берёте за это меньше денег? Почему?

– Неужели раньше не пользовались? – в свою очередь удивился работник отеля. – Всё очень просто. При полном использовании вы оплачиваете часть стоимости своей спермой. Она сохраняется и используется фармацевтическими компаниями. Так возьмёте?

– Вот эту! – показал парень на низенькую изящную мулатку с тонкими чертами лица и роскошной гривой волос. Она была одета в белую блузку с кружевным воротником и символическую джинсовую юбку.

– Хороший выбор! – одобрил работник отеля. – С вас с

учётом ужина пятьсот монет.

Он принял у Алексея пять сторублевых пластинок, взял в руки какую-то коробку с кнопками и нажатием одной из них открыл нужную витрину. Стекло с тихим шелестом отъехало в сторону, а стоявшая за ним фигура девушки внезапно ожила. Её немаленькие глаза с любопытством уставились на клиента, грудь начала колыхаться в такт дыханию, и парда, несмотря на высокие каблуки, ловко спустилась с возвышения.

– Это твой клиент на сегодняшнюю ночь, – сказал ей работник отеля. – У вас минус пятый уровень, а номер двадцать первый. Проводи. Извините, совсем забыл спросить, вам не нужен крег?

– А что это? – спросил Алексей. – Не нужно так удивляться. У меня была травма с частичной потерей памяти.

– Это препарат, который увеличит вашу потенцию и усилит чувственность. Он не даёт привыкания и не вредит здоровью, правда, потом вы не захотите без него обходиться. Но если не злоупотреблять, то получите сплошную пользу. Парде всё равно, а вот к девчонкам без его приёма лучше не подходить: выщедят и побегут искать замену.

– Нет, спасибо, мне это не нужно, – отказался Алексей, с изумлением глядя на парду.

Перед ним был не автомат, а настоящая живая девушка, или то, что выглядело и вело себя так же, как она.

– Как вас зовут? – спросила она парня низким чувствен-

НЫМ ГОЛОСОМ.

– Алексей, – ответил он, отведя глаза.

Наверняка в его жизни были женщины, но рядом с этой красавицей вся невозмутимость вдруг куда-то исчезла.

– С пардами поначалу трудно, – сочувственно сказал работник отеля. – Они слишком совершенны. Но потом привыкаешь. Многих мужчин после них уже не прельщают живые подруги.

Парда шла впереди, демонстрируя точёную фигуру и упругую походку. Подойдя к лифту, она подождала клиента, после чего они спустились на пять этажей в подземную часть отеля. Она довела Алексея до двадцать первого номера и открыла дверь. На столе гостиной стоял поднос, на котором лежала овальная пластмассовая коробка.

– Это ваш ужин, – сказала парда.

С трудом отведя от неё глаза, он осмотрел номер. Гостиная была меблирована столом, диваном, двумя стульями и большой чёрной доской, занимавшая половину стены, а спальня – только большой кроватью с прикроватной тумбочкой и встроенным в стену шкафом.

– Как тебя звать? – спросил он. – И что ты собой представляешь? Я потерял память и ничего не знаю о таких, как ты.

– У меня нет имени, – ответила она, – только серийный номер. На эту ночь можете дать любое имя. Я электронное устройство, имитирующее поведение человеческой девушки. Электронный мозг содержит несколько миллиардов ак-

тивных элементов. Третью его возможностей используется для управления десятками тысячами мышц этого тела. Своей личности у меня нет, есть набор программ и связь с единой информационной Сетью, из которой могу заимствовать нужную информацию. Основное назначение – это удовлетворение сексуальных потребностей мужчин и женщин. Сама я при этом, естественно, ничего не чувствую, но могу точно имитировать поведение разных типов женщин. По желанию клиента изображу скромницу или распущенную девицу, способную исполнить любой ваш каприз. Могу, если хотите, поменять тембр голоса. Кроме того, умею готовить, выполнять любую домашнюю работу или ухаживать за детьми. Есть возможности бойца, но они сейчас заблокированы. Относитесь ко мне, как к живому партнёру, разница только в возможностях – у меня они больше.

– На сегодня тебя зовут Ольга, – сказал он. – Давай ты сначала ответишь на вопросы, потом я перекушу, а закончим в кровати.

– Вам лучше сейчас поесть, – возразила она. – После еды трудно полноценно заниматься сексом. Задавайте вопросы и садитесь ужинать, а я за это время подготовлю ответы.

– Хорошо, – согласился он. – Я хочу знать, что случилось с этой страной. Я почему-то не могу ничего вспомнить, но твёрдо знаю, что многое поменялось. Почему вокруг столько темнокожих и что такое Исход? Что вообще творится в мире? И как открыть эту коробку?

Парда забрала у него контейнер с ужином, нажала на нужное место и сняла крышку. В контейнере оказалась пластиковая тарелка с какой-то кашей и маленький кусочек хлеба.

– И это стоит сто рублей? – удивился Алексей.

– Еда стоит дорого, – совсем по-человечески пожалала плечами парда. – Это стандартный ужин: грибы и хлорелла. Хлеб, кстати, настоящий. Ешьте. Не очень вкусно, но полезно. Другого всё равно не будет. По-другому питаются те, кто не пойдёт ночевать в этот отель. Поели? Тогда сложите всё в контейнер и оставьте на столе. Утром прислуга уберёт. Я приготовила вам ответы. Буду рассказывать и показывать на экране.

На доске, которая оказалась экраном, возникло изображение земного шара, окружённого чернотой космоса с россыпью звёзд.

– Самым значительным событием в истории человечества, изменившим всё его развитие, стало извержение Йеллоустонского супервулкана в Соединенных Штатах в апреле две тысячи сорок второго года, – начала рассказ парда. – Результатом этого извержения явилась гибель большей части американцев в течение всего одних суток.

– Из-за какого-то вулкана? – не поверил Алексей.

– Это не какой-то вулкан, а супервулкан. При его извержении в атмосферу было выброшено три тысячи кубических километров пепла. Несколько штатов были выжжены дотла, остальная территория США и юг Канады были завалены пеп-

лом и отравлены вулканическими газами. Йеллоустонская катастрофа спровоцировала извержения вулканов по всему миру и мощные землетрясения в районе Камчатки и Сахалина. Во многих странах прошли кислотные дожди, уничтожившие значительную часть растительности и животного мира, но самым страшным было изменение климата. Атмосфера очищалась несколько лет, и всё это время на Земле было очень холодно, а в первые годы к поверхности пробивалось совсем мало солнечного света. Естественно, нельзя было ничего сеять. За десять лет погибли семь миллиардов человек. Меньше других стран пострадала Россия, за исключением её Дальнего Востока. В Приморье выпали кислотные дожди, а крупные города были разрушены в результате ядерной войны с Китаем.

– А из-за чего воевали?

– Китайцы хотели, чтобы Россия поделилась с ними Сибирью. Выжить на их собственной территории было нельзя. В результате у них ко всем бедствиям добавилась ядерная бомбардировка, и китайцев выжило очень мало. Посмотрите, это съёмки извержения из космоса.

На экране в Северной Америке вспух красный шарик, который рос и при этом терял яркость. Облака разлетались от него во все стороны.

– Мировое хозяйство пришло в упадок, политические союзы распались, и каждая страна спасала своё население, как могла. В первую очередь изгонялись иммигранты. Это и

назвали Исходом. Кроме них, без дома оказались несколько миллионов уцелевших американцев и часть канадцев. Юг Канады пострадал от вулкана, а север – от оледенения. Небольшое число беженцев приняла Австралия, остальные нашли пристанище в России. Её руководство первым применило чрезвычайные меры. Президент стал диктатором, а в стране ввели чрезвычайное положение. Срочно запустили программу строительства десятков термоядерных реакторов. Стратегические запасы продовольствия были велики и позволили продержаться несколько лет, пока не заработали фермы по выращиванию грибов и хлореллы. Изобилие электроэнергии и дешёвой рабочей силы позволили создать под землёй многочисленные сельскохозяйственные предприятия. Химики научились синтезировать из нефти высококачественные белки. Эта пища не для людей, ею кормят скот и птиц. Кроме канадцев, американцев и небольшого числа европейцев, в России нашли пристанище около пяти миллионов японцев. Пищевые ресурсы до сих пор невелики, поэтому проводится политика сдерживания роста населения. Сейчас в России самая крупная экономика мира. У нас даже запустили космическую программу, связанную с уничтожением потенциально опасных астероидов.

– Ты всё время говоришь о России, – мрачно сказал Алексей. – Мне кажется, что моя страна называлась иначе.

– Когда-то она называлась Российской Империей, – сказала парда, – потом Советским Союзом.

– Стоп! – остановил Алексей. – С этого места подробнее. Когда и почему переименовали?

– Переименовали в конце одна тысяча девятьсот девяносто первого года из-за развала СССР. Вскоре после этого в России был восстановлен капитализм.

– В вашей сети можно посмотреть, как это произошло?

– Только самые общие данные. Всё остальное пропало, когда гибли серверы Интернета, а потом эту информацию не стали восстанавливать.

– А где ещё можно найти?

– Должны знать учёные-историки, и могли сохраниться книги в больших библиотеках. Всё-таки прошло больше шестидесяти лет.

– Ольга, – он поднял на неё взгляд, в котором стыла тоска. – Скажи, что говорит наука о возможности путешествия во времени?

– Интересный мне попался клиент, – сказала она, расстёгивая блузку. – Вы долго собираетесь задавать глупые вопросы? Будете меня раздевать, или раздеться самой?

– Ты точно машина? – усомнился Алексей. – Не кочевряжься и ответь только на один вопрос. Для меня это очень важно.

– Нет такой возможности! – отрезала она. – Можно попасть в будущее, используя скорости, близкие к световой, а обратно – уже никак. Ты в моей практике первый, кто интересуется не мной, а историей и физическими парадоксами.

Я вижу, что тебе почему-то плохо. Иди ко мне! Если тебя мучат какие-то вопросы, оставь их на завтра. Ночь создана не для терзаний, а для любви и отдыха. Ну же!

Парда знала, о чём говорила. С ней Алексей забыл обо всём на свете. Она измотала его до предела, три раза довела до взрыва, пока он незаметно для самого себя не провалился в сон. Если ночью что-нибудь снилось, он не запомнил этих снов. Пробуждение было тяжёлым. Раскалывалась голова, болело мужское достоинство и страшно хотелось есть.

«Хорошо на мне нажились фармацевты, – подумал Алексей, ощупывая пострадавший орган. – С этим надо завязывать. Не верится мне, что она ничего не чувствовала. Для чего тогда это безумство? Или у неё план по сбору спермы?»

Одевшись, он застелил постель, сел на диван и стал думать, что делать дальше. Вчера удалось кое-что вспомнить. Во-первых, то, что страна, в которой он жил, называлась не Россией, а СССР, а во-вторых, год своего рождения. Родился Алексей лет сто назад, из чего следовало, что его каким-то образом занесло в будущее. Мало того что ему не нравилось это будущее, теперь пришло понимание того, что визит в полицию не приведёт ни к чему хорошему. Можно рассчитывать только на самого себя, а как это делать, если не знаешь этой жизни и не помнишь той? Итогом размышлений был вывод, что нужно как-то устраиваться и попытаться вспомнить прежнюю жизнь. И ещё почему-то обязательно нужно было разобраться в том, что же произошло шестьдесят лет

назад. Денег осталось дней на восемь, а потом хоть опять отправляйся шляться по подземным переходам. Дурак, надо было вчера расспросить Ольгу о том, как работать с Сетью, а он вместо этого полночи кувыркался с ней в кровати. Придётся опять заказывать парду. Он вспомнил игры с Ольгой и понял, что не ограничится одной учёбой. Ладно, вечером будет видно, а пока нужно позавтракать. Вчера Алексей не рассмотрел двери, ведущие в туалет и во что-то вроде умывальника с душевой, сегодня их показала пришедшая утром горничная. Она же рассказала, где находится кафе. Получив на вечер нескромное предложение, сказал, что уже занят, и ушёл в умывальник наводить марафет, предоставив ей возможность заниматься уборкой. Здесь было много непонятных приспособлений, но обращаться за разъяснениями к девице после отказа... Он не стал этого делать, ограничившись умыванием.

«И что теперь делать со щетиной? – думал Алексей, ощупывая уже колючие щёки. – И зубы нужно чем-то чистить».

После умывания пригладил волосы и, не надевая куртки, пошёл завтракать, на всякий случай забрав с собой все деньги. Кафе располагалось на два этажа выше, поэтому не стал пользоваться лифтом, а поднялся к нему по находившейся в конце коридора лестнице. На его часах было уже около девяти, и за всеми столиками сидели постояльцы. Алексей посмотрел список блюд с указанием цен и мысленно ужаснулся: за трёхразовое питание придётся платить больше, чем за

номер! Потом подошёл к столику, за которым сидела молодая женщина, и спросил, нельзя ли присесть.

– Ты не чомнутый, глечер? – спросила она, а когда он пожал плечами, махнула рукой на стул. – Падай, раззяй! Хочешь снять или пришёл за хавкой?

– Ничего не понял, – признался парень.

– Значит, чомнутый, – сделала она вывод. – Жри.

От неё сильно тянуло перегаром.

– Розы, ты опять здесь! – К женщине подошёл мужчина лет пятидесяти, схватил за руку и выдернул из-за стола, опрокинув при этом стул. – Я же сказал, чтобы завтракала в номере!

То, что вслед за этим слушали все посетители кафе, несомненно, было руганью, но Алексей узнал в ней только мат, к которому относилось каждое третье слово.

«Надо расспросить пард о местном обществе, – думал он, делая заказ подошедшей официантке. – Не может быть, чтобы они не знали. А посетители отреагировали спокойно. Неужели подобное здесь в порядке вещей?»

Глава 2

– Извините, к вам можно сесть? – обратился к Алексею пожилой, но ещё крепкий мужчина, одетый в похожий на военную форму костюм.

– Да, конечно! – ответил тот. – В компании приятней есть.

– Не видно, чтобы вы испытывали удовольствие от еды, – усмехнулся он. – Зря взяли рагу, здесь это самое безвкусное блюдо. Рекомендую запеканку. Пользы столько же, а на вкус намного приятнее. Вы не обиделись?

– Никаких обид, – ответил Алексей. – Я ещё здесь не ел, поэтому пока не разобрался. Пахнет мясом, а на вкус немного лучше бумаги. В следующий раз обязательно воспользуюсь вашим советом.

– Алекс, – представился мужчина. – Работаю охранником в казино, а сюда хожу завтракать и обедать.

– Меня зовут Алексеем. Разве это кафе не для постояльцев?

– В первую очередь для них, – кивнул Алекс, – но посещают и служащие из соседних заведений. Поблизости больше нет дешёвых кафе.

Он сказал официантке, что нужно принести, и стал ждать выполнения заказа.

– Послушайте, Алекс, – обратился к нему Алексей, – вы ведь пришли сразу после того, как отсюда вывели одну жен-

щину. Не обратили на неё внимания?

– Трудно было не обратить, – рассмеялся он. – Я услышал её матюги ещё у лифта.

– А кто она такая? Когда со мной заговорила, я ничего не понял.

– Откуда вы свалились? – удивился Алекс. – Это же нифа!

– Потерял память, – признался Алексей, – а вместе с ней и свой чип, вот и застрял в этом отеле. Хорошо, что в карманах осталась наличность и кое-что стало вспоминаться.

– А в полицию обращаться не хотите, – сказал Алекс, – и правильно делаете. На вашем месте я тоже воздержался бы. Кто знает, что они накопают. Если есть деньги и начала возвращаться память, лучше пересидеть здесь. Вы не употребляли наркотиков? А то сейчас выпускают много всякой дряни. Я слышал, что при приёме некоторых могут быть провалы в памяти. По-моему, один в один ваш случай.

– Не помню ни о каких наркотиках, да и не тянет что-нибудь принимать. Вчера предложили крег, а я отказался.

– Крег не наркотик. Он даёт силу, но быстро сажает сердце. Мне через двадцать минут заступать на дежурство, поэтому пора идти, но, если хотите, можем прогуляться до казино. Заодно и поговорим. Не против, если перейдём на ты?

– Я только за, – ответил Алексей. – Делать всё равно нечего. А так, может, узнаю от тебя что-нибудь полезное. В номере есть выход в Сеть, но я забыл, как им пользоваться. Надо

было вчера спросить у парды, но подумал об этом слишком поздно.

– Рядом с ними думаешь о другом, – рассмеялся Алекс. – Я два раза попробовал, и третьего не будет, иначе придётся разводиться с женой и копить деньги на покупку парды. Они со временем привязывают к себе не хуже наркотика. Давай не толпиться у лифта, а выйдем по лестнице.

– Подожди пару минут, пока я захвачу куртку, – попросил Алексей. – Иди к выходу, я догоню.

Он бегом спустился в свой номер, надел куртку и быстро пошёл к лифту. Алекс, как и договаривались, ждал возле отеля.

– А небо слегка сероватое, – сказал Алексей. – Я приехал в Москву вечером и этого не заметил.

– Прошло только двадцать три года, – сказал Алекс. – В первый год было не намного светлее, чем ночью. Учёные обещают, что лет через десять всё очистится, но климат будет восстанавливаться дольше. Жаль, что погибло столько всего живого! На суше остался только один вид растительности из десяти, а с животными и птицами ещё хуже. Океану тоже досталось, хоть и не так сильно, но киты вымерли все. У европейцев было хранилище генов, но там сейчас ледник.

– А что уцелело в Европе? – спросил Алексей.

– А чёрт его знает! Мы ими не интересуемся. Знаю, что вся Северная Европа была завалена снегом и льдом, а какую-то промышленность сохранила только Германия. Во

Франции и Италии населения осталось чуть, а англичан не осталось совсем. На Украине и в Польше ещё кто-то живёт. Несколько лет назад уцелевшие просились в Россию, но кому они нужны! У нас самих хреново с продовольствием, вспомни своё рагу. Но многое уже сажают на открытом грунте, поэтому положение выправляется.

– Для чего тогда принимали столько иностранцев? Понятно, что у нас много территории, которую не затронула катастрофа, но ведь беженцев нужно было чем-то кормить.

– Говори тише! – оглянулся Алекс. – Об этом не принято болтать, да и власть не поощряет такие разговоры. Мы тогда принимали не всех, а с разбором. Есть разница, принимаешь ты врача и инженера или какого-нибудь клерка. Клерков тоже брали, только из них мало кто выжил. Строительство реакторов мало чем отличалось от каторги. Да и на подземных работах часто гибли. Всё приходилось делать в спешке, на безопасность часто плевали.

– А сколько сейчас пришлых и вообще населения?

– Точных данных в Сети нет. Всего около ста миллионов, из них половина пришлых и их дети от смешанных семей.

– И многие смешиваются?

– Я знаю много смешанных пар. Для русских национальность никогда не играла большой роли. Язык все выучили в первые годы, а потом и наши стали говорить по-английски. Фактически в России два языка, хотя официальный только русский.

– А как такое вливание крови подействовало на народ? – спросил Алексей.

– По-разному, – сказал Алекс, останавливаясь перед высотным зданием. – Мы уже пришли. Казино на первом этаже этой башни. Ладно, пять минут у меня есть. Разгильдяйства стало меньше и все работают без дураков, но эмигранты при-тащили много своих тараканов. Например, от них пошли однополое браки. Раньше такое непотребство было запрещено, а потом узаконили, чтобы снизить рождаемость. На Западе были разрешены сексуальные услуги детей, а у нас за такое наказывают, но детских пард уже выпускают.

– Да, я видел их в отеле.

– Используют и детей, но нелегально. Если поймают, виновных отсылают на каторгу. Это на Дальнем Востоке, а там долго не заживёшься. С наркотиками тоже стало хуже. У нас хватало своих уродов, так добавились пришлые. При военном положении все сидели тихо, а сейчас попёрла такая гнусь! Секты эти грёбаные! Всё, Алексей, мне пора. Обедаю я в два, так что можем увидеться. Прихожу всегда в одно и то же время. Бывай!

Он махнул рукой и направился к одному из входов в здание, над которым висела вывеска «Casino», светящаяся, несмотря на дневное время. Рядом со входом была небольшая автомобильная стоянка, возле которой прогуливался ещё один охранник в такой же форме, как у Алекса. Алексей решил немного пройтись, но ему пришлось задержаться из-

за подъехавшей к казино машины.

– Подождите! – придержал его охранник. – Это госпожа Валери, а у неё нервная охрана. Пусть заведут в казино, потом пойдёте.

«Нервных охранников» было двое. Они покинули салон и разделились. Один двинулся к двери казино, а второй бросил подозрительный взгляд на Алексея и шагнул к вышедшей из машины женщине. В следующее мгновение он ничком упал на асфальт, несколько раз дёрнулся и затих. Не вошедший в казино телохранитель успел повернуться и достать пистолет, после чего обзавёлся дыркой во лбу и опрокинулся на спину. Стоявший рядом с Алексеем охранник бросился прочь от площадки, но получил несколько пуль в спину и упал. Алексей медленно повернулся в ту сторону, откуда стреляли, стараясь держать руки на виду, и увидел стоящую у обочины машину с открытыми дверцами. Из неё выскочили трое мужчин, одетых так же, как и большинство прохожих, и с пистолетами в руках бросились к застывшей женщине. Один из них, пробегая мимо Алексея, выстрелил ему в голову. Качнувшись в сторону, парень упал на асфальт и замер. Получилось очень натурально, поэтому о нём забыли и занялись женщиной. Она вышла из ступора и попыталась спрятаться в салоне, но не успела. Алексей упал так, чтобы из-под руки наблюдать за убийцами. Когда они схватили брыкающуюся женщину, он решил вмешаться. Все трое бегом несли свою добычу к машине и не видели, как «убитый» вскочил

и в несколько прыжков оказался у них за спиной. Первым умер бежавший сзади, а потом те, кто запихивал женщину в салон. Почему-то они с ней возились, вместо того чтобы врезать, а потом без проблем загрузить. Алексей нагнулся и поднял с асфальта один из пистолетов.

– Вы можете идти? – спросил он женщину.

– Кто вы? – с испугом спросила она. – Что вам от меня надо?!

– Мне ничего от вас не нужно, – ответил он, быстро обыскивая карманы убитых. – Просто не люблю, когда в меня стреляют и среди бела дня похищают женщин. Идите в свою машину. Или вас проводить в казино?

– Вы не с ними?

– Вроде нет, – ответил Алексей. – Ладно, вам ничего не угрожает, а мне лучше быстрее отсюда исчезнуть.

– Вас засняли камеры, – сказала женщина, показав рукой на столб освещения. – Хотя они, наверное, включили джаммер. Послушайте, помогите мне! Я одна не доеду до дома! Как только поймут, что дело не выгорело, нападение повторится! Бежим в мою машину!

– Я не хочу вмешиваться! – решительно сказал он. – Идите в казино и вызовите полицию. Неужели вас не доставят до дома?

– Вы идиот? – возмутилась она. – В казино наверняка есть их люди! Я очень богата и щедро заплачу за помощь!

«Может, это шанс? – подумал Алексей. – Мне нетрудно

проводить её до дома».

– Давайте руку! – сказал он, протягивая ей свою. – Как вас зовут?

– Лидия, – ответила женщина. Она выбралась из салона и с криком схватилась за своего спасителя. – Моя нога! Сил нет ступить, так больно!

Алексей сунул пистолет в карман куртки и, взяв женщину на руки, быстро пошёл к стоянке. С момента нападения прошло несколько минут, но из казино так никто и не вышел на выстрелы, а прохожие, увидев лежавшие тела, перебежали на другую сторону улицы по расположенному неподалёку подземному переходу.

– Посадите меня на переднее сидение справа, – сказала Лидия, – а сами садитесь на место водителя. И побыстрее, надо успеть заблокировать двери!

– Я не умею водить вашу машину, – предупредил он, помогая ей сесть.

– Там нечего уметь! – рассердилась она. – Быстро садитесь и закрывайте дверцу, потом будем разговаривать!

Решив не спорить, Алексей сел за руль и захлопнул дверцы со своей стороны. Свою дверь она закрыла раньше.

– Нажмите эту кнопку! – приказала Лидия. – Теперь мы в относительной безопасности. Вы совсем не умеете водить?

– Умею, – ответил он, – но не такую машину.

– Этим электромобилем может управлять ребёнок! Левая педаль – это тормоз, а правая – скорость. Руль понятно для

чего, а рычажок на нём – это реверс. Любые ваши ошибки исправит блок контроля. Он же не даст вам столкнуться с другими машинами или препятствиями. Светофоры управляют транспортом напрямую. Правила движения очень простые, но вам даже они не понадобятся. Просто двигайтесь в общем потоке, а я скажу, куда сворачивать. Если бы не больная нога, я вас не уламывала бы. Ну и чего вы ждёте? Поехали, пока никого нет!

Алексей пожал плечами, включил реверс и выехал с площадки, потом развернул машину и по дороге доехал до магистральной. Дождавшись разрыва в потоке машин, вклинился в него и дальше ехал, никуда не сворачивая.

– Они разбили мой коммуникатор! – пожаловалась Лидия. – Дайте мне ваш.

– А у меня его нет. На руке механические часы. Может, свяжетесь через чип?

– Откуда вы только такой взялись! – в сердцах сказала она. – Чипом можно остановить такси, на большие расстояния он не работает. В машине тоже есть связь, но она почему-то не работает. Если они закрепили на ней джаммер, это плохо. И связи не будет, и нас легко смогут найти. Выбирайтесь в крайний правый ряд. Скоро развязка, на которую надо свернуть. Развернёмся и выедем на пятьдесят первую трассу. По ней доедем до дома, и можно в три раза увеличить скорость.

– Зря вы беспокоились, – сказал Алексей, внимательно

рассматривая спасённую в зеркале. – Никто нас не преследует.

Женщина, безусловно, была красивая и очень холёная, но на несколько лет старше его.

– Посмотрим, – мрачно отозвалась она. – На магистрали гонок не устраивают, а будут неприятности или нет – узнаем, когда выберемся на трассу. Что вы возитесь? Проталкивайтесь направо, а то потом придётся ехать до следующей развязки.

Вызывая возмущённые вопли клаксонов и пользуясь тем, что автоматы удерживали машины от столкновений, Алексей перевёл электромобиль к правому краю дороги. По команде ушёл на развязку, выполнил поворот и выехал на находившуюся уровнем выше трассу.

– Теперь займите правую полосу, – сказала Лидия, – и жмите педаль скорости до упора! Нам ехать с полчаса. Как вас зовут?

– Зовите Алексеем, – представился он. – Посмотрите назад. Мне не нравятся те два автомобиля. У нас предельная скорость, но они едут быстрее. Это нормально?

– Это совершенно ненормально! – ответила она. – У них снято ограничение скорости. Здесь не устраивают гонки без причины. Наверное, это по мою душу.

– Мы от них не уйдём! – обеспокоенно сказал Алексей. – Как вы думаете, что они станут делать, когда догонят?

– Подождите, сейчас попробуем оторваться! – Лидия от-

крыла небольшое отделение там, где в нормальных машинах находился бардачок, достала дамскую сумку и начала лихорадочно в ней рыться. – Нашла! – радостно воскликнула она, выхватив небольшой цилиндр. – Приготовьтесь, сейчас увеличится скорость.

Предупреждение запоздало. Едва слышный гул двигателя усилился, став заметно выше, а скорость в считанные секунды выросла раза в два. При этом их сильно вдавило в мягкие спинки сидений. Светящиеся цифры указателя скорости показали больше четырёхсот километров в час. Боковое ограждение превратилось в мутную полосу, а машины преследователей стали отдаляться.

– И долго нам так гнать? – напряжённо спросил Алексей. – На такой скорости я ни на что не смогу отреагировать.

– Едем десять минут, – сказала Лидия. – Потом сбрасываете скорость и после поворота съезжаете на двенадцатое шоссе. По нему минут за пять доедем до дома. Преследователи уже не страшны, а если они повесили нам джаммер, то и в полиции ничего не узнают. Что вы выгребли из их карманов?

– А я знаю? – ответил он и по привычке пожал плечами, едва не потеряв при этом управление бешено несущимся автомобилем. – Чёрт! Взял оружие и бумажники. Меня интересовала только наличность, остальное без надобности.

– Ты на мели? – спросила она, переходя на ты.

– Вроде того. Вчера пришёл в себя и обнаружил, что по-

терял память, а заодно и чип. Остались только наличные, да и то всего пять тысяч. Память понемногу возвращается, поэтому решил пересидеть в отеле, а тут вы со своими разборками. Что им от вас нужно?

– Что в таких случаях нужно? – на этот раз плечами пожала она. – Деньги, конечно. Мой отец один из самых богатых людей России, да и я не бедствую. А кто они, узнаем дома по бумажникам. Многие носят в них чипы. Вовремя ты мне попался. Считай, что все твои беды позади. Ты помог мне, а я без труда решу все твои проблемы. Сбрасывай скорость. Мы от них оторвались, а скоро уже съезжать с трассы.

Он с облегчением отжал педаль, пока спидометр не показал сто пятьдесят километров, после чего свернул на отходящее вправо шоссе и через несколько минут езды остановился возле ворот в высокой бетонной ограде, из-за которой была видна часть второго этажа большого дома.

– Брось пистолет на заднее сидение, – приказала Лидия. – Здесь оружие не понадобится, и тебя с ним не пропустит охрана. Магазины тоже бросай. И нажми на зелёную кнопку, она должна открыть ворота.

– Не работает, – сказал Алексей, несколько раз утопив нужную кнопку.

– Значит, глушит джаммер. Наверное, он заблокировал и камеры наружного наблюдения. Выйди и нажми кнопку звонка, если не хочешь опять носить меня на руках. Нога ещё сильно болит.

Алексей выбрался из машины и подошёл к калитке рядом с воротами. На ней, помимо цифрового пульта и глазка камеры, была кнопка обычного звонка, которую он и нажал. Через несколько минут послышались шаги, и мужской голос спросил, кто звонит и по какой надобности.

– Спутник вашей хозяйки, – отозвался Алексей. – Она в машине с растяжением.

– Внешние камеры не работают, поэтому придётся подождать, – сказал мужчина. – Скоро придёт подкрепление, и с вами разберутся.

– Лидия сказала, что это из-за джаммера, – объяснил Алексей.

Охранник ещё раз посоветовал подождать в машине и ушёл.

– Большая недоработка вашей охраны, – сказал он, вернувшись в машину. – У них не работает электроника, поэтому нам нужно ждать. А если бы не отстали преследователи? Вот было бы весело! Неужели никто не может хотя бы забраться на стену и посмотреть?

– В особняке только один охранник, – ответила Лидия. – Обычно их трое, но сегодня так получилось. Ещё и перебили моих телохранителей. Завтра же удвою охрану. Может, ты поищешь джаммер? Тогда нам не придётся ждать.

– А что он собой представляет?

– Конструкций много. Нужно искать небольшой диск или коробку. Крепят магнитом или липучкой так, чтобы можно

было достать рукой.

– Попробую, – согласился Алексей и опять вышел из салона. Отсутствовал несколько минут, после чего показал небольшую коробочку с двумя кнопками.

– Это? По крайней мере, я больше ничего не нашёл.

– Да, это он. Отойди на полсотни шагов от машины и забрось подальше, тогда заработают камеры и связь в машине.

Он сходил выбросить находку и вернулся обратно.

– Садись в машину, – сказала Лидия. – Я уже связалась с Олегом, и он разблокировал ворота. Жми кнопку и заезжай, только медленно.

На этот раз после нажатия кнопки ворота сразу же разошлись в разные стороны и закрылись, когда электромобиль въехал во двор. Рядом с домом стоял невысокий крепкий мужчина лет сорока, державший руку на открытой кобуре. Он не спешил помогать хозяйке.

– Судьба у тебя сегодня такая – носить меня на руках, – улыбнулась Лидия. – Ничего, я найду, чем отблагодарить.

Он взял её на руки и под бдительным взглядом охранника понёс в дом. В прихожей Лидия обняла его за шею и прильнула к губам.

– Это только аванс! – шепнула она. – Неси по лестнице на второй этаж, там у меня спальня. Нога сильно болит, поэтому сегодня я тебя не трону, но завтра держись!

Минут через сорок во двор особняка начали прибывать машины. Срочно привезли хирурга, который занялся растя-

жением Лидии, вернулась отпущенная до вечера служанка, приехали дополнительные охранники, и последним со своими телохранителями примчался отец. Алексея выпроводили в большую гостиную и на время оставили в покое. Пользуясь этим, он осмотрел бумажники убитых и забрал из них пятнадцать тысяч рублей. Небольшие деньги, но для чего их кому-то отдавать? Едва с этим закончил, как в гостиную вошел отец Лидии.

– Владимир, – представился он, назвав только имя. – Спасибо за то, что помогли. В таких делах бывает всякое, иной раз и уплата выкупа не спасает от беды, так что я ваш должник. Я в курсе ваших неприятностей. Попробуем вам помочь всё вспомнить. Если это почему-то не удастся, обеспечим чистыми документами и на первое время дадим денег. Люди с вашими талантами не останутся без работы, могу предложить и я. Только вы должны понимать, что вас проверят.

– Проверяйте, – сказал Алексей, – я сам в этом заинтересован.

– У вас должны быть бумажники бандитов.

– Можете их забрать. Я ничего не трогал, кроме денег. Там было только пятнадцать тысяч, но для меня сейчас и это деньги.

– Скоро вы перестанете считать деньгами такие суммы, – улыбнулся отец Лидии. – Пока у вас нет документов, останетесь у дочери, а дальше посмотрим. Служанка накормит ужином и покажет комнату, а я с вами прощаюсь. Дела!

Этим вечером Алексей впервые нормально здесь поел. Мясо с гречневой кашей и вкусным хлебом и даже настоящий кофе. А потом служанка убрала грязную посуду и, мило покраснев, предложила ему себя, видимо, на десерт.

– Спасибо, – поблагодарил он, – но я сегодня сильно устал. Может, вы научите, как работать с этим экраном? Я хочу войти в Сеть и кое-что узнать, но забыл, как это делается.

– Это несложно, – ответила не огорчённая его отказом девушка. – Он управляется с помощью клавиатуры или голосом. Только для голосового управления нужна практика, а с клавиатурой легче работать. Давайте я покажу. Вот смотрите...

Потребовалось полчаса, чтобы Алексей научился работе с оборудованием и поисковой программой. Не на все вопросы давались ответы, а многого в Сети не было, но он всё-таки кое-что узнал. Часть сведений была в открытом доступе, а по отдельным вопросам требовали пароль. Чем больше он изучал здешнее общество, тем больше оно напоминало помойку. У нынешних людей не было никаких других целей, кроме выживания. Желание заработать или украсть больше денег, чтобы занять местечко получше, Алексей не считал достойной целью. С тех пор как отменили военное положение, сильно выросло производство товаров и продуктов питания, но, наряду с улучшением жизни, появилось такое, чему он просто отказывался верить. Наркотики и сексуальные извращения были невинными забавами по сравне-

нию с самыми разными сектами, которые повсюду росли как грибы после дождя. Были и сборища молодёжи, не имевшие отношения к религии, но не становившиеся от этого менее мерзкими. Как он выяснил, традиционные религии выродились ещё до взрыва. Все, кроме Ислама, но его последователи слишком часто прибегали к насилию и не желали признавать каких-либо ограничений даже на краю гибели, поэтому правительство того, что осталось от России, прекратило снабжение продуктами и электроэнергией тех областей, где исламисты придерживались наиболее радикальных взглядов. Католицизм растерял все те ценности, которыми жил тысячу лет, а вместе с ними и остатки своей паствы. Православие дотянуло до взрыва, но влияние церкви сильно упало. Виновата была не церковь, а общее падение нравов и духовности. Ни одна из религий не запрещалась, но большинству не было до них никакого дела. Как узнал Алексей, в школах на уроках истории давали лишь самые общие представления о развитии человечества, причём советский период умещался на нескольких страницах. Мол, было что-то такое, что привело к застою, который сменился динамичным развитием новой России. С сектантами и с другими извращениями пытались бороться, но, судя по всему, проигрывали эту борьбу. После четырёх часов общения с Сетью он выключил экран и задумался. Как жить, если не получится отсюда вырваться? И как жить, если это всё-таки удастся, но он будет знать, чем всё закончится? Алексей решил, что надо попытаться встре-

титься с историками, лёг в кровать и вскоре заснул. Разбудила Лидия, которая пришла утром в его спальню в шлёпанцах и ночной рубашке, сбросила с себя всё и забралась к нему под одеяло.

– Нога прошла, – сказала она, стаскивая с него трусы. – У нас есть время до завтрака. Надеюсь, ты не подсел на пард? Способен на что-нибудь без крега?

Алексей разозлился и довольно грубо показал ей свои способности. При этом сильно завёлся и завёл её. В финале Лидия осталась довольна.

– Я в тебе не ошиблась! – сказала она, поднимая с пола рубашку. – Хорошо, что меня хотели украсть и тебя вовремя принесло, а то я уже была готова заказать парда. Все мужики, которые прыгали ко мне в постель, думали только о капиталах отца, и от них было мало толку даже с крегом. Приводи себя в порядок, скоро завтрак.

– А чем у вас чистят зубы и бреются? – спросил он. – В ванной комнате полно вещей, которыми я не умею пользоваться.

– Сейчас пришлю Валентина, – пообещала Лидия. – Это один из новых охранников. Я могу показать ультразвуковой очиститель зубов, но не знаю, чем вы убираете щетину. А тебе надо убрать: исколол мне всё лицо.

Пришедший после её ухода охранник повёл его в ванную. Сначала была демонстрация того, как чистить зубы, потом перешли к бритью.

– Можно совсем избавиться от волос на лице, – предложил охранник. – Один раз втираете в кожу эту мазь – и всё. Только это необратимо. Если потом захотите отрастить усы или бороду, ничего не получится. А ежедневно щетина убирается вот этим диском. Я не знаю принципа работы, просто слегка надавливаете и водите круговыми движениями, пока кожа не станет гладкой. Можете попробовать сами.

На завтрак Алексей отправился с чистыми зубами и гладким лицом. Даже побрызгал себя чем-то, отдалённо напоминавшим «Красную Москву». При его появлении на большой кухне Лидия встала из-за стола, подошла к нему и ласково провела ладонью по лицу.

– Какой гладкий! А пахнешь как! Может, ну его к чёрту, этот завтрак? Ты просто сводишь меня с ума!

– А что у нас на завтрак? – спросил Алексей. – Это хорошо, что мясо. Без пищи от мужчины мало толку!

«Как бы она в меня не влюбилась, – подумал он, смущённый её страстью. – Похоже, неплохая женщина, ни к чему ей это».

Но у Лидии было своё мнение, кого любить, поэтому они сразу же после завтрака оказались в постели. Алексею стало жалко ластившуюся к нему женщину, поэтому он был нежен и не торопился. В результате его усилий она только укрепилась в своих чувствах.

– Я не знаю, что со мной! – плакала Лидия, прижавшись к его груди. – Такого никогда раньше не было! Я старше, но

ведь ты меня не бросишь? Ты не такой, как другие. Я не знаю, как объяснить то, что я чувствую, но с тобой мне не просто хорошо и надёжно. Я впервые захотела иметь ребёнка! Никогда раньше не думала, что можно так быстро влюбиться в совершенно незнакомого мужчину. Ты правда ничего о себе не помнишь?

– Кое-что вспоминается, – неохотно ответил он, – но совсем немного. А что имел в виду твой отец, когда говорил, что мне помогут всё вспомнить? И как его отчество? А то он назвал только имя, а мне неудобно называть по имени человека, который в два раза старше меня.

– У нас все обращаются по имени, что в этом неудобного? – удивилась Лидия. – Это пошло от американцев. А память можно вернуть разными способами, если только она не пропала из-за повреждения мозга. Есть и оборудование, и препараты, и гипноз. Я не знаю, что применяют в твоём случае. Об этом нужно говорить со специалистами.

– Ты намочила мне всю грудь, – ласково сказал он, вытирая ей глаза краем простыни. – Не нужно плакать.

– Я боюсь! – она опять обхватила его руками. – Боюсь, что ты как внезапно появился, так и исчезнешь, а я опять останусь одна! У нас страшный мир, Алексей! Когда есть любимый человек, появляется смысл в жизни, а если его нет... Деньги не дадут друзей и любви, наоборот, они мешают нормальной жизни. Сейчас почти никто не читает книг, особенно старых, которые писались до взрыва. Их не скрывают,

просто нет спроса, вот и не печатают, и не выкладывают в сети. А я на них выросла. У нас была большая библиотека, и мама много читала и приучила читать меня. Я очень любила книги о настоящей любви, поэтому было тяжело, когда полюбила в первый раз, а меня просто использовали для того, чтобы приблизиться к отцу! Потом такие увлечения были ещё два раза с тем же результатом. И я решила больше никого не пускать в сердце! Позже выросла, поумнела и научилась лучше разбираться в людях. У каждого человека свой круг общения, я в этом не исключение. Среди наших знакомых не все мерзавцы и карьеристы, попадаются и порядочные мужчины, но мне не повезло: или они уже заняты, или мне неинтересны. Для любви мало одной порядочности. Я несколько раз пробовала вырваться из этого круга. Один раз сходила на молодёжную тусовку к художникам, а второй – на сборище нимф. Там ведь не одни женщины, бывают и мужчины. И ходят туда больше служащие, хотя бывают и рабочие. Я почти не употребляю спиртного, но после этих вылазок оба раза напилась, так всё было мерзко, убого и безнадежно! Отец всё время на меня давит. Я ведь у него одна. Его делами не интересуюсь, и детей у меня нет. Он создал свою империю, а любому императору нужен наследник. Я мало для этого подхожу, а когда ещё будут дети и будут ли? Мне ведь уже тридцать пять! Если станешь моим мужем, всё достанется тебе. Поэтому не обижайся на отца, но он проверит тебя всеми возможными способами.

– Мы с ним об этом уже говорили, – успокоил её Алексей. – Не о женитьбе, конечно, а о проверке.

– Алёша... Можно я буду тебя так называть? Скажи, ты чувствуешь ко мне хоть что-нибудь?

– Не спеши, ладно? – попросил Алексей, целуя ей глаза. – Обещаю не исчезать и постараюсь ответить на твои чувства. А пока... Мы ведь совсем не знаем друг друга.

– Ты пробовал парду?

– Заказал два дня назад, – правдиво ответил он. – Если были другие случаи, я их не помню.

– А с кем было лучше, с ней или со мной? Только скажи правду!

– От неё больше удовольствия, но нежность я чувствую только к тебе. И что-то ещё, для чего у меня нет слов. Она дарила удовольствие, ты – любовь. Чувствуешь разницу?

Глава 3

Они долго лежали, обнявшись, и Лидия рассказывала Алексею о себе и самых близких для неё людях. Потом она решила, что любимый отдохнул, и опять начала его ласкать.

– Всё, – сказал Алексей, когда они наконец оторвались друг от друга. – Ты выцедила меня не хуже парды. Извини, но я до вечера больше ни на что не способен.

– А мне пока ничего не нужно, – успокоила его Лидия. – Кстати, утром звонил отец и предупредил, что приедет на обед. Учти, что у меня нет от него секретов, поэтому не стану скрывать и свою любовь. Тебе это пойдёт на пользу, будет совсем другое отношение.

– Послушай, Лида, у вас остались учёные, которые занимаются историей? Их не пустили на мясо после взрыва? Что я сказал такого, чтобы реветь?

– Извини! – она вытерла простынёй слёзы. – Меня так и отец не называл, только мама.

– Это ты меня извини. Я больше не буду...

– Глупый! – она нагнулась и поцеловала его в губы. – Это просто от неожиданности. Но ты называй, мне приятно! А что это за нелепые фантазии насчёт мяса? Мы в самое тяжёлое время не опускались до людоедства!

– Это я неудачно пошутил. Когда общество борется за выживание, оно заинтересовано в сохранении тех, кто нужен

в первую очередь, а историки к ним не относятся. И потом я вчера смотрел в Сети то, чему учат детей по истории. Маразм чистой воды! Вот и подумал...

– В школе много такого маразма. А историки и обществоведы есть. Их готовят в первую очередь для правительства. Есть в нём консультативный орган, который делает прогнозы и даёт рекомендации. А зачем они тебе?

– Меня заинтересовал один период в истории России ещё до взрыва, а в Сети об этом почти ничего нет. Ты не могла бы устроить встречу с кем-нибудь из них? Или нужно просить твоего отца?

– Я сама его попрошу, – сказала Лидия. – У него много знакомых в правительстве. Лёша, мы лежим уже три часа. Давай приводить себя в порядок, а то через час приедет отец. И нужно позаботиться о твоём гардеробе. У тебя ведь нет других вещей?

– Только то, что на мне, – подтвердил он, – но куртка ещё послужит и свитер совсем новый, а брюки нужно только погладить. Для повседневной носки больше ничего не нужно. Вот из парадно-выходного у меня ничего нет.

– Куртка даже из хорошего кожзама – это не одежда.

– Почему все считают, что у меня кожзам? – удивился Алексей. – Обычная кожа, утеплённая мехом. Я не люблю пальто, больше привык к курткам.

– Подожди, я сейчас приду, – сказала она, – а ты пока одевайся. И расчешись: волосы стоят дыбом.

Когда вернулась Лидия, он был уже одет и причёсан.

– Ты меня озадачил, – растерянно сказала она. – Твоя куртка на самом деле из кожи, да ещё с мехом!

– А что в этом особенного? – не понял Алексей. – Чему ты так удивилась?

– Такой одежды давно не выпускают. Через несколько лет после взрыва не осталось крупных животных, все были съедены. Точнее, небольшое количество коров и свиней сохранили, но они находятся на строгом учёте. А куртка у тебя новая.

– А как же мясо? И кофе я пил с молоком.

– На мясо разводят только кроликов, кур и водяных крыс, а молоко искусственное из сои. И свитер я проверила. Выдернула немного шерсти и прижгла огнём. Так вот, шерсть в нём тоже натуральная! Мне страшно, Лёша! Если ты появился издалека, тебя могут забрать, и отец не поможет! Ты не из Австралии?

– А чем так опасна Австралия?

– Она должна была пострадать меньше других, – ответила Лидия. – Туда успели эвакуировать часть англичан и уцелевших американцев. И промышленность они должны сохранить. Все американские подводные лодки тоже ушли туда. В правительстве считают, что если у нас появится противник, то им может стать только Австралия. Все остальные либо погибли, либо так пострадали, что оправятся очень нескоро. Давай спрячем твои вещи, а лучше уничтожим.

– Я точно не из Австралии. Я не против уничтожения одежды, только сначала нужно купить другую. Обувь у меня тоже кожаная. Это подозрительно? А бельё и рубашка их хлопка.

– Туфли заменим, а хлопка у нас много. Вещи из него дороги, но не вызовут большого удивления. Отцу я не буду об этом говорить. Давай, пока его нет, я тебя измерю и сделаю заказы. Сейчас обойдёмся тем, что привезут, а если не подойдёт, потом заменим.

У Лидии в руках был скрученный гибкий метр, с помощью которого она быстро измерила Алексея в нужных местах, посчитала размеры и тут же из спальни заказала по Сети кучу вещей, сразу всё оплатив.

– Обедаем в столовой, – предупредила она. – Отец не любит, когда Ольга накрывает в зале. Пойдём, уже всё должно быть готово, а он обычно не опаздывает.

Старший Валери не опоздал и подъехал в два часа, как и обещал.

– Привет, дочка! – он поцеловал Лидию в щёку и повернулся к Алексею. – Ну как вам у нас? Ещё не надоело пользоваться услугами дочери? Я договорился в одном из медицинских центров. Они обещали помочь и сохранить в тайне результаты лечения, а уже после него займёмся документами.

– Папа, Алёша в любом случае останется у меня! – твёрдо сказала Лидия.

– Вот даже как! – прищурился Владимир. – Я смотрю, ваши способности не ограничиваются одними бандитами. Кстати, ваши бумажники пригодились. С этой компанией быстро разобрались.

– И кто же это был? – спросила дочь.

– Неважно, их уже нет. Ты пригласишь за стол?

– Да, давайте садиться! – сказала Лидия. – Сначала поедим, а разговоры будут потом.

Некоторое время все молча ели очень вкусный обед из трёх блюд, после чего перебрались в гостиную.

– Ничего сами не вспомнили? – спросил Владимир, усевшись в кресло.

– Вспомнил фамилию и то, что раньше служил в армии, – осторожно ответил Алексей. – Мне почему-то всё кажется странным и немного чужим. В связи с этим хочу спросить, можно ли побеседовать с кем-нибудь из историков? Вчера перед сном работал с Сетью, и в результате появились вопросы.

– Интересно, – с любопытством посмотрел на него Владимир. – Вы единственный из всех, с кем приходилось общаться за последние десять лет, кому понадобился один из этой братии. Для меня это нетрудно устроить, и даже не потребуются дёргать связи. На всю Россию остался один университет, который готовит историков, а их кафедрой заведует один из моих друзей. Вы не против, если я буду присутствовать при вашем разговоре? Вот и прекрасно! Тогда я приглашу

Валентина к себе, ну и вас заодно. Там и поговорим. Но давайте сделаем это после лечения. От такого разговора больше пользы, если вы что-нибудь вспомните, а если вспомните всё, может, в нём не будет необходимости.

– Я тоже хочу присутствовать! – заявила Лидия.

– Это уж вы решайте между собой, – ухмыльнулся отец. – Алексей, у вас серьёзно с моей дочерью? Её не спрашиваю: и так видно.

– Наверное, да, но я пока не уверен, – ответил он. – Мы слишком мало знаем друг друга. Я и Лидии сказал, чтобы не спешила.

– Честный ответ, – довольно сказал Владимир. – Завтра я не приеду, пришлю своего человека. Будьте готовы к десяти утра. Я договорился на одиннадцать, но пока доберётесь... Это где-то на окраинах. А сейчас не буду мешать вам знакомиться. Дочь, завтра созвонимся.

– Ты ему понравился, – сказала Лидия, когда проводила отца и вернулась в дом.

– Он сам сказал или догадалась?

– А мне и говорить не нужно: что, я не знаю своего отца? И твой ответ ему тоже понравился, хотя я буду рада услышать другой.

– Я уже это понял. Любой из тех, кто подкатывал к тебе раньше, начал бы горячо убеждать его в своих чувствах. Ты это имела в виду?

– Конечно. А ты не выказал такой уверенности, и он это

оценил. Ладно, завтра тобой займутся другие, а сегодня ты только мой! Не нужно хвататься за своё богатство, до вечера оно нам не понадобится. Сейчас должны привезти всё зака-
занное, а потом нужно решить, чем займёмся. Ты танцуешь?

– Не знаю, может, и танцую. А что?

– Могли бы съездить к кому-нибудь из знакомых.

– Покажи ваши танцы. Если они не очень сложные, я быстро их освою.

– Покажу. Алексей, ты говорил, что вспомнил фамилию.

– Моя фамилия Самохин. Кажется, кто-то приехал.

– Это приехали твои вещи. Сейчас займёмся стриптизом. Я буду тебя раздевать, а потом одевать. Если не выдержу, потащу в спальню.

До спальни не дошло, а все вещи были впору и хорошо сидели.

– Надевай вечерний костюм и эту рубашку, – сказала Лидия, – и вон те туфли. Так, жених уже готов. Подожди меня, сейчас будет готова невеста.

Она выбежала в одну из своих комнат и минут через десять вернулась в малиновом платье, которое до бёдер сидело на ней, как вторая кожа, а юбка прямого кроя доходила до щиколоток. Туфли на высоких каблуках добавили стройности, а на шее отливало голубым искрящимся светом колье. В ушах посверкивали такие же серьги. Волосы были отброшены за спину и заколоты гребнем.

– Ты красавица! – восхитился Алексей, любуясь женщи-

ной.

– Наконец-то дождалась хоть одного комплимента! – довольно сказала она. – Посмотри, какая из нас получилась бы пара! Иди сюда, к зеркалу. Эх, мне бы сбросить лет десять! Ты тогда точно не устоял бы! Знаешь, какой я была в двадцать лет?

– Ты и сейчас замечательно выглядишь! – сказал он то, что думал. – Это я здесь невзрачный рядом с такой красавицей!

– Ладно, скромник, – засмеялась она. – Сейчас научу тебя танцевать. В танцах нет ничего сложного, так что попробуй только не выучить! Тогда вечер начнётся прямо сейчас и будет длиться, пока я не утомлюсь!

Танцы действительно оказались очень простыми, так что на их изучение хватило полчаса, после чего Лидия начала названивать подругам.

– Через час мы должны быть у Татьяны, – сказала она после пятого звонка. – Это дочь мэра Москвы. Она со своим мужем нас ждёт. Заодно Татьяна пригласила ещё одну пару, а кого – не захотела говорить, сказала, что будет сюрприз. Ну и мы преподнесём сюрприз. Нужно подумать, что о тебе говорить. Прежде всего запомни, что мы с тобой жених и невеста. Это тебя ни к чему не обязывает, а вес в их глазах прибавит. Ты служил в армии, но решил оставить службу и заняться бизнесом. Чем конкретно, пока не определился. Вот и всё, что нужно помнить. Танцевать с другими разрешаю, если потащат целоваться за портьеры, целуй. Но его, –

она показала ему рукой, – задействовать запрещаю! Увижу – оторву!

– У вас на вечеринках бывает и такое? – удивился он.

– У Таньки – вряд ли, – ответила Лидия, – а в других местах бывает всякое.

Через десять минут они в сопровождении двух охранников вышли во двор и сели в тот электромобиль, на котором вдвоём удирали из казино. До старого центра Москвы ехали сорок минут и высадились у четырёхэтажного здания. Охранники подождали, пока Лидии открыли двери, и уехали на стоянку ждать вызова. Лифт был, но на второй этаж поднялись пешком. Дверь им открыл накачанный парень с пистолетом в подмышечной кобуре.

– Привет, Сергей! – сказала ему Лидия.

– Здравствуйте! – почтительно поздоровался охранник. – Проходите, пожалуйста, вас ждут.

– Я думала, что сделала ей сюрприз, а, оказывается, это она приехала с сюрпризом! – сказала вышедшая в коридор невысокая стройная блондинка с красивым лицом, одетая в платье такого же кроя, как и у спутницы Алексея, только из белой ткани. – И как же этот сюрприз зовут?

– Познакомься с моим женихом! – довольно сказала Лидия, поцеловав подругу в щёку. – Это Алексей.

– Ну подруга, удивила! – воскликнула Татьяна. – Рада за тебя. Подойди, жених, да наклонись немного! Не видишь, что девушка не достаёт? А я должна тебя оценить!

Оценили его очень просто: стоило Алексею наклониться, как она впилась ему в губы поцелуем, вволю поработав язычком.

– Очень неплохо! – сказала Татьяна, нехотя оторвавшись от парня. – Проходите, а то мы вас уже заждались. Этот здоровяк приходится мне мужем. Зовут Фредом. А это...

– Светка! – радостно воскликнула Лидия. – Сколько же мы не виделись?

Если Лидия с Татьяной были просто красивыми женщинами, для описания Светланы у Алексея не нашлось бы слов. Она была красивее подруг и выглядела лет на пять моложе. Её мужем оказался плотный мужчина лет сорока, одетый в военную форму.

– Игорь, – представился он, – муж этого чуда. Извините, что не успел поменять форму на гражданское, нас слишком быстро выдернули в гости, а я час назад с самолёта. Отправили в инспекционную поездку в Хабаровскую зону.

– Ну и что там? – с едва уловимым акцентом спросил Фред. – Много расплодилось мутантов?

– Наших мало, – сказал Игорь, – постоянно прорывают периметр с китайской стороны. За неделю до моего прибытия был большой прорыв. Половину перестреляли, часть подорвалась на минах, а остальным удалось дойти до поселения. Порвали и съели два десятка каторжан. Пришлось поднять вертушки и отстреливать с них. Жаль, что не разрешили обработать китайскую территорию ракетами.

– Правильно вам это не разрешили, полковник! – рассердился муж Татьяны. – Вам бы только посильней шарахнуть, а думать не хотите! Вашим ракетам уже полвека! А если какая-нибудь рванёт в шахте? А это триста килотонн! Вас не жалко, и Светлана найдёт себе мужа, а вот территорию опять загадим.

– Не кипятитесь, комиссар! – неприязненно ответил Игорь. – Есть ещё ядерные фугасы. Собрать побольше солдат, да поднять ударные вертолёты... Заложили бы в двадцати километрах от границы и рванули без всякого риска. Там ветра почти всё время дуют на юг.

– Господа, – сказал им Алексей. – Мы собрались веселиться или говорить о мутантах? Тема, конечно, интересная, и я бы вас с удовольствием послушал, но дамы скучают.

Наградой ему были благодарные взгляды женщин.

– Слава богу, что среди вас нашёлся хоть один джентльмен! – сказала Татьяна. – Сейчас я включу музыку, а вы идите за столик. Примите по стопке, а кто хочет, может закусить пирожными. Сегодня у нас сливочные с орехами – пальчики оближешь!

– Ты же знаешь, что мне нельзя пить, – сказал Игорь. – И пирожные ешьте сами, не буду я обедать таких сладкоежек!

– Я тоже воздержусь, – сказал Алексей. – Не люблю спиртного.

– А что так? – спросил Фред, опрокидывая в рот одну за другой две рюмки с чем-то розовым. – Вы, случайно, не слу-

жите в госбезопасности, как наш Игорь?

– Служил в армии, – ответил Алексей. – Сейчас на вольных хлебах. Нет, не выгнали, сам ушёл. Что вы опять о делах, давайте танцевать! С такими дамами...

Дальше не было ничего интересного. Все трепались о пустяках, танцевали, а потом Татьяна выпила всё, что оставили мужчины, и захмелела. Алексей привлекал её больше остальных. Пока она ограничивалась поцелуями, он терпел, а Фред только посмеивался, но когда муж задремал, а Татьяна попыталась увести жениха подруги в другую комнату, стало ясно, что пора уходить.

– Обычно за Танькой такого не водится, – оправдывала её Лидия. – Надо было убрать лишнюю выпивку. А ты у меня молодец, даже к Светке не сильно прижимался.

– А зачем мне тереться о чужих жён, когда есть невеста? – шепнул он ей на ухо. – Ты только не снимай это платье сама. Я весь вечер мысленно тебя раздевал и буду очень разочарован.

Алексей проснулся позже обычного. Одеядло было скомкано, их одежда в таком же виде валялась на полу, а голая Лидия спала, свернувшись калачиком на другом конце кровати. Чувствовал себя неважно, но всё же лучше, чем вчера.

«Привыкаю к семейной жизни? – подумал он, с нежностью глядя на женщину. – Вот как её бросить? Ведь любит по-настоящему».

Он взял одеядло и накрыл «невесту», после чего стал полз-

ком покидать кровать, но был пойман за ногу.

– Ты куда? – не открывая глаз, спросила Лидия. – Увидишь от выполнения супружеского долга?

– Лида, уже девять, и через час за мной должны приехать!

– Подумаешь! – отмела она его доводы. – Один раз позавтракаешь позже.

Она пустила в ход вторую руку, и через минуту ему самому расхотелось уходить.

К приходу машины Алексей успел одеться и даже съесть пару пирожков из того богатства, которое Ольга приготовила к завтраку. Лида тоже рвалась поехать, но он отговорил.

Без трёх минут десять в ворота заехал небольшой электромобиль стального цвета. Из машины выглянул седой здоровяк, который приглашающе махнул Алексею рукой.

– Быстрее садитесь в машину, у нас мало времени. Меня зовут Отто.

Сидевших спереди шофёра и охранника он не представил.

– Меня зовут Алексей. Вы немец?

– Швейцарец. Я должен отвезти вас в лечебный центр и доставить обратно. Вы позавтракали?

– Не успел. Съел только два маленьких пирожка.

– Вот и хорошо. Вас не смогли предупредить, чтобы не наедались. Я не знал вашего номера, а госпожа Лидия вечером не отвечала.

Алексей хмыкнул, вспомнив, чем они занимались весь вечер. Стала бы Лидия отвечать на звонок во время по-

стельных батальи! Всю дорогу промолчали. Занятый мыслями о предстоящей процедуре Алексей не рвался общаться с незнакомым человеком, а Отто был от природы неразговорчив. Москва непомерно разрослась, и шофёр вёз их кратчайшей дорогой, ориентируясь на схему с маршрутом движения, которая высвечивалась у него на экране.

Территория лечебного центра была огорожена обычной сеткой, но вдоль всего периметра стояли камеры, которые Алексей уже научился узнавать. Шофёр высадил их возле ворот с калиткой и уехал на стоянку. Отто, игнорируя цифровой пульт, нажал кнопку звонка.

– Кто и по какому вопросу? – раздался тихий голос из динамика.

– Пациент от господина Валери с сопровождающим, – ответил Отто. – Время визита согласовано.

– Вы есть в списке, пожалуйста, проходите. Идите прямо, никуда не сворачивая, к пятому корпусу.

Калитка распахнулась, пропуская их на территорию. Пока шли до нужного корпуса, встретили двух вооружённых охранников.

– Объект режимный, – объяснил Отто, увидев реакцию Алексея на оружие.

У большого пятиэтажного здания с двухметровой цифрой «5» на стене их встречал молодой мужчина в белом халате.

– Входите, пожалуйста, – пригласил он их в вестибюль и представился. – Доктор Егор Гладышев.

– Охота вам было, Егор, стоять раздетым на холодном ветру! – сказал Алексей. – Мы и сами вас нашли бы. Нас предупредили о номере корпуса.

– Такой порядок, – ответил он. – Прошу вас, господа, пройти в лифт.

Они спустились на четыре этажа и прошли по коридору в просторное помещение.

– Идите за мной, – сказал провожатый и направился к нескольким стойкам с оборудованием и креслу, возле которых их дожидались двое мужчин, одетых, как и все здесь, в белые халаты.

– Вам ко мне, – сказал им пожилой врач. – Я Семён Волков. Кто из вас пациент?

– Это я, – отозвался Алексей и назвал своё имя.

– Садитесь, – показал на кресло Волков, – и ничего не бойтесь. Не будет никаких неприятных ощущений. Сначала займёмся не лечением, а диагностикой. Олег, начинай.

Его ассистент подвёл к голове Алексея металлическую полусферу метрового диаметра, с радиально выступавшими из неё цилиндрами, от каждого из которых шёл свой кабель к самой высокой стойке. Раздался низкий гул, но, как и говорил врач, Алексей ничего не почувствовал. Продолжалось это несколько минут, после чего металлическую «шапку» убрали.

– Уже хорошо, – сказал Волков, колдуя у приборов.

– И что у нас хорошо? – спросил Алексей.

– Мы выяснили, что вы не симулируете потерю памяти, – ответил врач. – Вы действительно не можете использовать её в полной мере. Кроме того, вы не травмировали мозг, не принимали наркотических веществ и не подвергались воздействию мощных магнитных полей. Скорее всего, причина вашего недуга чисто психологическая, поэтому для начала применим внушение.

– Гипноз? – спросил Алексей.

– Не совсем, – ответил Волков. – У нас свои методы. Олег, давай шлем.

На голову Алексею надели уменьшенную копию полусферы с цилиндрами.

– Расслабьтесь и постарайтесь не двигаться! – приказал Волков. – На этот раз придётся сидеть дольше. Если что-то вспомните, нам говорить не нужно. Процедуру надо провести до конца.

Алексей не мог бы сказать, сколько с ним работали. Он долго сидел в кресле и в конце едва не заснул. А может, заснул и проснулся, когда с головы снимали шлем.

– Ну как? – спросил Волков. – Помогло вам наше лечение?

– Спасибо, доктор, я всё вспомнил. Можно идти?

– Да, конечно, – кивнул врач. – Если нет претензий и необходимости в наших услугах, можете покинуть кресло. Вас проводят.

На обратном пути Отто не беспокоил Алексея, даже не задал вопроса о результатах лечения, за что он был ему бла-

годарен. Алексей Самохин в подробностях вспомнил свою жизнь и теперь сидел в мчащемся электромобиле и думал о том, что ему делать с этим знанием. На вопрос, каким образом и почему он оказался в будущем, всплывшие в голове знания не отвечали. Прежде всего нужно было решить, что говорить Лидии и её отцу. Есть какая-нибудь цель в его появлении или оно вызвано случайностью, но без посторонней помощи будет плохо. Да и не хотелось ему уже уходить от Лидии. Складно врать или продолжать прикидываться потерявшим память не получится. Он слишком плохо знал этот мир и был уверен в том, что медики по своим приборам легко определяют результаты лечения, поэтому сказал им правду. А теперь нужно говорить правду Лидии или уходить из её дома. В конце поездки он решил, что всё расскажет и попросит совета. Она хорошо знает своего отца, вот пусть и решит, стоит ли рассчитывать на его помощь и доверие.

Отто не стал заезжать на территорию особняка и высадил Алексея у калитки. Во двор его впустили сразу же после звонка.

– Ну как? – бросилась к нему Лидия. – Получилось?

– Да, я всё вспомнил, – кивнул он. – Пойдём в спальню, там и поговорим.

Она схватилась за него, и до спальни пришлось идти в обнимку.

– Что случилось, Лёша? Я же вижу, что ты сам не свой! Мне страшно!

– Сядь и выслушай! – он оторвал от себя женщину, взял за плечи и усадил на кровать. – Я не знаю, поверишь ты мне или нет, но я прибыл не из Австралии или другой страны, а из другого времени. Перед тем как сюда попасть, жил в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. Я не знаю, почему так получилось.

– У тебя осталась жена? – спросила Лидия.

– С женой развёлся, а детей не было. Мы и жили вместе только два года.

– Значит, всё хорошо? Почему же ты тогда весь сжался?

«Никогда не понимал женщин, – подумал Алексей. – Способны из пустяка сделать трагедию, а когда говоришь о действительно важных вещах, им всё по фиг, если это не касается семьи».

– Ну и что ты об этом думаешь? Ты мне веришь?

– Я тебя люблю, и если ты ответишь мне взаимностью, всё остальное будет неважно. Наверное, ты действительно пришёл из тех времён, о которых я так любила читать. Ни один мужчина из тех, кого я знаю, не бросится безоружный на трёх вооружённых бандитов, чтобы помочь незнакомой женщине, а потом не уйдёт, ничего за это не попросив.

– Твой отец такой же легковёрный, как ты? И он мне поможет? Не хочу ему врать и не смогу сделать это правдоподобно. Я ещё слишком плохо знаю ваше время.

– Даже если не поверит, всё равно поможет! – жёстко сказала Лидия. – Иначе лишится дочери! И потом ты ведь дол-

жен знать много такого, чего не знает никто из нас. Отец хотел пригласить историка, вот ты с ним и поговори. Он изучал твоё время по книгам, а ты в нём жил. Думаю, что ты сможешь его убедить, а он пусть убеждает отца. Что ты хотел у него узнать?

– Я хотел узнать не о своём времени, а о более позднем. Мне непонятно, почему развалился Советский Союз. Выиграли самую страшную войну в истории человечества, выстояли в невероятно трудных условиях послевоенной разрухи и развалились в благополучное время? Я в это не верю! Наверняка имели место предательство и пособничество нашим врагам, и я хочу знать, чьих рук это дело! Я не знаю, что тебе известно об СССР, просто хочу сказать, что, несмотря на все его недостатки, до такого маразма, как сейчас, при том строе не дошли бы.

– Ну и что? – не поняла Лидия. – Пусть у вас было лучше, это видно даже по тебе! Но даже если ты всё узнаешь, что от этого изменится? Прошлое изменить нельзя! Или можно?

– Я не знаю, – опустил голову Алексей. – Просто чувствую, что должен это выяснить. Давай не будем заглядывать далеко вперед, а сначала разберёмся с твоим отцом. Он не звонил, когда собирается приехать?

– Он должен позвонить позже, но я не буду ждать звонка и позвоню сама! Я же вижу, в каком ты состоянии, да и сама не успокоюсь до этого разговора! Подожди, я сейчас схожу в свои комнаты за коммуникатором и позвоню. – Она вышла

на несколько минут и, когда вернулась, сказала об отце: – Он опять приедет к нам на обед. Ты не завтракал и голоден, поэтому не станем ждать отца и поедим сейчас. А с ним просто посидим за компанию.

Отец Лидии приехал к трём.

– Вы уже пообедали? – спросил он дочь. – Может скажешь, что у тебя случилось? Из-за чего я бросил дела и ехал через всю Москву?

– Да, папа, – ответила она. – Твой обед ждёт на кухне. Давай сначала поешь, а потом поговорим.

– Отыскала ты себе жениха на мою голову! – проворчал Владимир. – Идите в гостиную, я после обеда приду туда.

Ждать пришлось двадцать минут.

– Выкладывайте! – сказал глава семейства, опускаясь на диван. – Мне нужно заранее принять что-нибудь сердечное?

– Наверное, не надо, – сказал ему Алексей. – Вы не поверите тому, что я скажу. Дело в том, что я родился в тысяча девятьсот сорок девятом году.

– Ты неплохо сохранился для своих лет, – усмехнулся Владимир. – Ты прав, я не верю в этот бред.

– Я попал к вам в возрасте двадцати девяти лет и не знаю, как это произошло.

– И кем же ты там был?

– Капитаном Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооружённых сил СССР. Я служил не в центральном аппарате, а в одном из отдельных отрядов спе-

циального назначения.

– Мне это ни о чём не говорит, – покачал головой Владимир. – Что ты должен был делать?

– Диверсионно-разведывательная работа. Такие, как я, должны были захватывать и уничтожать секретные объекты и руководство противника. Нас было всего несколько тысяч. Извини, Лида, но твои бандиты были мне на один зуб, хотя от случайностей никто не застрахован.

– И попав к нам, ты потерял память?

– Я возник в вагоне экспресса. Было сильное головокружение, и проводница увела к себе в купе отпаивать чаем. Спросила, как зовут, и я вспомнил имя. Позже вспомнились фамилия и место работы. Всё остальное всплыло только сегодня.

– Родственников там оставил?

– С женой был разведён, а детей мы не нажили, остались только мои родители. Я вижу, что вы мне не верите, но Лида подала неплохую идею. Вы обещали пригласить к себе историка...

– Хочешь, чтобы он устроил тебе экзамен? – сразу ухватил суть Владимир. – Это нетрудно сделать.

– Он не разболтает? Это может обойтись мне дороже вашего недоверия.

– Я же говорил, что это друг, не будет он мне вредить. Для чего ты принесла сюда эту одежду, дочь?

– В неё был одет Алексей. Это куртка из натуральной ко-

жи с таким же мехом, а это шерстяной свитер. Брюки из шерсти и кожаные ботинки я уже уничтожила, а это не успела.

Глава 4

– Так это вы у нас выходец из прошлого? – на Алексея с любопытством смотрел полноватый мужчина лет за шестьдесят, с небольшой, уже седой бородкой и весёлыми глазами, которые он немного щурил.

– Что, не похож? – спросил Самохин, в свою очередь рассматривая историка. – А вы у нас завкафедрой и знаток истории?

– Это Валентин Серёгин, – представил своего гостя отец Лиды. – О тебе он знает всё, что известно мне. А теперь можете беседовать, а мы с дочерью посидим и послушаем.

– Значит, вы родились в сорок девятом, а пришли к нам из семьдесят восьмого? – спросил Валентин. – Ладно, по этому времени и поговорим. Вы состояли в партии?

– Конечно, – ответил Алексей. – В тех подразделениях, где я служил, даже рядовые были коммунистами.

– Я не буду задавать вопросов по ГРУ, – сказал Серёгин. – Если вы решились на такую аферу, значит, в этом подготовились хорошо. Давайте поговорим о быте.

Он минут двадцать задавал Алексею самые разные вопросы, на которые тут же следовали ответы.

– Вам не надоело? – сказал он историку, когда тот спросил о стоимости водки. – «Московская» стоила два рубля восемьдесят семь копеек, а «Экстра» – чуть больше четырёх.

Я сам не покупал её с курсантских времён. У нас не приветствовалось употребление спиртного, поэтому пили чисто символически на праздники. Водка дома была, но в основном для знакомых жены, она её и покупала.

– Что я могу сказать, – повернулся историк к Владимиру. – Он знает о том времени больше меня. Такие знания не получишь из учебников или старых кинофильмов. Хотя, если перечитать много старых книг...

– Но ты ему не веришь, – сказал Владимир. – Кстати, я справлялся в центре, и мне подтвердили, что проблемы с памятью были на самом деле. Те знания, которые ты сейчас проверял, были для него закрыты. Спецназ ГРУ – это что?

– Элита боя и разведки. Эти ребята могли выкрасть и привезти в Россию Государственного секретаря США. Таких бойцов уже давно нет.

– Точно могли бы? – не поверил отец Лиды. – Вот ты мог бы?

– Убить мог без труда, – ответил Алексей. – Выкрасть сложнее, но тоже можно. А вот вывезти в Союз... У одного вряд ли получилось бы, но если с прикрытием, не вижу проблем. Только на такое никогда не пошли бы ни мы, ни американцы. Вы задали мне немало вопросов, можно спросить вас?

– Меня предупреждали, что у вас есть вопросы, – сказал Валентин. – Задавайте, попробую ответить.

– У меня два вопроса, и оба для меня важны. Я непонят-

но как попал в ваше время и вряд ли когда вернусь обратно. Значит, нужно как-то строить свою жизнь здесь. Я плохо ориентируюсь в том, что у вас происходит, но уже кое-что узнал в Сети, и это сильно не нравится.

– И что же вызвало неприязнь? – посерьёзnel Валентин.

– Мне не понравилось то, во что у вас превращаются люди, в первую очередь молодёжь. Пока все были зажаты военным положением и борьбой за выживание, это не бросалось в глаза. Сейчас у режима хватает сил бороться с крайностями, но это ненадолго.

– Почему вы так думаете?

– Потому что людям не оставили ничего, кроме работы и потребления, а человеку этого мало! Большинство разочаровано в религиях, а никаких других идей вы им не предложили. Вкалывай, чтобы заработать больше денег, и тебе воздастся! Будешь больше и вкуснее есть и чаще пользоваться пардами или той же наркотой. Ну и чем-нибудь ещё, что придумано для развлечения. И так всю жизнь! Отсюда и секты с их извращениями, и бегство в наркотики, и молодёжный экстремизм! Вы не даёте людям идей, и они пытаются найти их сами.

– Прекрасно обрисовали проблему, – согласился Валентин. – От меня-то чего хотите?

– Вы разбираетесь в этом гораздо лучше меня. Какой у вас прогноз по будущему?

– Плохой у меня прогноз, – вздохнул Валентин. – Года

два назад я занимался этим по заданию правительства. Когда проигнорировали мои предложения, в первый раз за много лет напился, хотя не терплю водку.

– Неужели так плохо? – нахмурился Владимир.

– Гораздо хуже, чем ты думаешь. Мы сделали большую ошибку, когда приняли столько мигрантов, да ещё из Штатов и Западной Европы. Если у нас к тому времени в населении была какая-то религиозность, семейные и нравственные ценности, то у них ничего этого давно не было. Они хорошие работники, но идея абсолютной личной свободы действуют на общество разрушительно. На Западе к тому времени лет тридцать с пеной у рта боролись за права человека, совсем забыв, что у него, помимо прав, должно быть и много обязанностей. А идеи равенства и социальной справедливости были похоронены хозяевами мира ещё раньше. Вы видели наши учебники истории, Алексей?

– Видел. Это делается специально?

– А вы как думали? Те, кто на вершине социальной пирамиды, сами не блещут интеллектом и считают, что болванами легче управлять. Это действительно так, только когда болванов слишком много, общество становится неуправляемым. И мы к этому опасно приблизились.

– И ваши рекомендации проигнорировали?

– Легче закрыть глаза на проблему и ничего не делать. Всё как-нибудь утрясётся само, а если не утрясётся, есть ещё армия. Правители на этом не раз обжигались. Ведь что такое

армия? Часть того же народа... Не всегда и не всё можно решить силой, но попробуй объяснить это тем, кто уже забыл, что можно править иначе. Я слышал, что в правительстве есть планы отвлечь население экспансией. При желании мы можем захватить всю Европу, и даже немцы ничего не смогут сделать. Беда в том, что подобное может дать только отсрочку, а потом будет ещё хуже. Да и резервов для этого пока недостаточно. И населения у нас мало, а на быстрый рост рассчитывать не приходится, даже если восстановим сельскохозяйственное производство.

– А почему? – спросила Лида.

– А почему у тебя самой до сих пор нет детей? – спросил Валентин. – В твоём возрасте после всех этих уколов трудно зачать даже одного ребёнка. Мы слишком долго сдерживали рост населения, часто негодными средствами. Знаете, сколько у нас однополых семей? Почти четверть! Мало того что они никого не оставят после себя, они плохо действуют на остальных! Семья не для детей, а для собственного удовольствия. А сейчас ещё начали продавать пард. Поменял раз в десять лет изотопную батарею и имеешь красивую безотказную жену, дарящую максимум того, что мужчине может дать женщина. Она обеспечит ему и быт, и общение, и вообще всё, кроме детей. Парды дешевлеют и тут же раскупаются! А большинство тех, кто образовал пару с живым партнёром, делает уколы и занимается безопасным сексом. Зачем возиться с детьми, тратя на это своё время, нервы и день-

ги? Дети – это обязанности и ответственность, большинству молодых это больше не нужно. Если сейчас снять все ограничения по рождаемости, мы даже не восполним убыли населения. А если в правительстве не примут немедленных мер, лет через десять рожать будет некому. Средний возраст населения и без того достаточно велик. Молодёжи мало, а её ещё вовлекают в сатанистские секты и сажают на наркоту. Вас интересовал прогноз? Думаю, что мы лет десять будем увеличивать производство и возрождать сельское хозяйство, а потом начнётся упадок. Когда появятся трудности со снабжением, следует ожидать беспорядков. Дальше додумайте сами. У вас был ещё один вопрос?

– Мне нужно знать, что явилось причиной упадка и развала Советского Союза. Почему он выстоял в трудные годы и развалился в благополучные? Кто в этом виноват?

– А зачем вам это? – удивился Валентин. – Это ведь уже не переиграешь.

– Я не знаю, – ответил Алексей. – Почему-то кажется, что это очень важно.

– А вот это интересно! Похоже, что вы искренни. Если поверить в то, что вы пришли к нам из прошлого, сразу же возникает вопрос: для чего? Не для того ли, чтобы посмотреть финал и отыскать причину? Но если это так, значит, есть возможность вернуться обратно и попытаться что-то исправить. Иначе в вашем появлении нет абсолютно никакого смысла.

– Как это вернуться? – растерянно сказала Лида. – А как

же я?

– Вы, милая Лидия, скорее всего, не предусмотрены сценарием, – улыбнулся Валентин. – Но если вашим избранником играют высшие силы, они могут снизить к его потребностям и отправить вас туда же. Только для этого вам мало любить самой, нужно чтобы любили вас. Так любили, чтобы с вашей потерей послали все эти игры к чёрту!

– И что случится, если он вернётся и сможет что-то исправить? – спросил Владимир.

– Ничего этого больше не будет, – Валентин показал рукой на гостиную Валери. – Мы с тобой, скорее всего, родимся, но проживём совсем другую жизнь, в которой не будет твоей империи. Никому не под силу остановить извержение, но к нему можно подготовиться. Десятки лет скупать на мировых рынках излишки продовольствия и хранить их хотя бы в вечной мерзлоте, заранее понастроить реакторов и подземных производств и собрать животных и растения, которые погибнут в катаклизме. Не всех, конечно, но хоть часть. Своё население можно спасти всё, даже на Дальнем Востоке. Просто вывезти всех вглубь страны. Можно даже принять мигрантов. Если будут нормальными жители Союза, принятые не навредят, только их не должно быть слишком много. А потом можно без проблем захватить всю Европу, и не только её. Мечты...

– Так что по причинам? – напомнил Алексей.

– Ваш коммунизм ближе к религии, чем к науке, – вздох-

нул Валентин. – Это вера, но не в бога, а в мечту о всеобщем равенстве и братстве. Многих она притягивала, у других вызывала неприятие. Причина в природе человека. В нём есть два начала: индивидуальное и коллективистское, причём первое, как правило, доминирует. А для построения коммунизма нужно добиться обратного. Не обязательно давить индивидуальное, как у вас одно время делали, достаточно того, чтобы каждый человек понял и принял, что его личное благо напрямую связано с благом всех остальных. В теории очень просто, попробуйте добиться этого на практике. В истории человечества ни одна такая попытка не увенчалась успехом. Сделать подобное можно только длительным целенаправленным воспитанием народа, других способов не придумано. Только воспитатели сами должны верить в идею и удержаться от соблазна воспользоваться властью в своих интересах. Пока ваше руководство верило или очень убедительно показывало это остальным и вело скромный образ жизни, большинство народа готово было терпеть лишения и даже при необходимости отдать жизнь за светлое будущее! А когда партийные и государственные чиновники отделились от народа, подгребая под себя материальные блага, а ему оставили идеологию... Началось это давно, но огромные масштабы приняло в конце правления Брежнева. У него самого была большая коллекция престижных иномарок, а дача смахивала на дворец. Там много чего было, если хотите, могу дать почитать книги.

– Разделение – это понятно, – сказал Алексей. – Книги возьму с благодарностью. Но ведь наверняка не только в этом дело! Не верю, что обошлось без Запада и своих иуд!

– Правильно делаете, – кивнул Валентин. – И Запад активно помог, и иуды нашлись в большом числе. Несмотря на все свои недостатки, Советский Союз имел и немало достоинств и был очень устойчивым образованием. Недовольство и выступления имели место, но они очень быстро подавлялись милицией и в отдельных случаях армией. Государство можно было разрушить только сверху, что и сделали. А перед этим запустили политические преобразования и экономические реформы, которые довели экономику до ручки, а терпение народов – до предела. Над людьми так долго издевались, что у них даже не было сил протестовать, когда страну растягивали на куски, а многие ещё и радовались. Я и по этому периоду дам книги, почитаете. И по виновникам всё распишу персонально. Но главное – это не то, что делалось тогда, а политика партийного руководства в предшествующий период. Слабое место Советского Союза в системе отбора руководящих кадров, в нём за всю историю не было ни одного сильного и порядочного главы. Сталин и Брежнев сделали много хорошего, но за ними числится и немало дурного. Об остальных вообще не хочется говорить. Способных людей было много, но их не пускали на самый верх. Не буду я разливатья соловьём, почитаете сами. Только имейте в виду, что не всем источникам можно безоглядно верить.

Я сделаю свои пометки на полях. У меня неплохой почерк, разберёте.

– Так ты ему поверил? – спросил Владимир.

– Как тебе сказать... – задумался Валентин. – Скажем так, я больше не отмечаю с ходу его версию и почти уверен в том, что он не пудрит нам мозги и сам верит в то, что говорит. Не вижу я для него смысла так врать. При такой тщательной подготовке можно было придумать что-нибудь более правдоподобное.

– Ладно, поговорили, теперь пойдёмте обедать, – сказал Владимир. – Всё уже должно стоять на столе.

Когда шли в зал, Лида схватила Алексея за руку.

– Не бойся, не исчезну, – пошутил он. – Неужели ты всерьёз восприняла слова насчёт высших сил?

– Не знаю, – ответила она, оглянувшись на историка, – но мне стало страшно! Как представила, что ты исчезнешь, а я останусь одна! И что это окончательно и навсегда, хоть голову разбей об стенку! Как же я в тебя влюбилась! Если уйдёшь, зачем жить? Когда я о таком читала, никогда не принимала всерьёз, разве что в детстве. А теперь хоть пристёгивай тебя к себе наручниками! Ты больше обо мне думай, ладно? Может, тогда меня действительно возьмут с тобой!

– А как же здешнее богатство? Не жалко лишиться?

– Жалко, – согласилась она. – И дома жалко, и всего остального, но главное моё богатство – это ты. И мир у вас настоящий, а не наш гнойник, который, по словам Валенти-

на, скоро прорвётся. Садись за стол рядом со мной.

Некоторое время все молча отдавали дань очень вкусному обеду. Перед десертом сделали небольшой перерыв.

– Мы уже слышали о том, что вам у нас не понравилось, – сказал историк Алексею, – а есть что-то вызвавшее восхищение?

– А как же! – засмеялся тот. – Лидия, например! И ещё электромобили. На дорогах от них не протолкнуться, а воздух чистый. Что используете для накопления электричества?

– Это тебе нужно поговорить с инженерами или физиками, – сказал Владимир. – В электромобилях используются накопители, причём не на химии.

– А у вас можно микрофильмировать книгу? – спросил Алексей. – Тогда я перенёс бы ваши книги на плёнку. И хорошо бы достать книгу по этому накопителю, а заодно и по термоядерным реакторам. Там тоже всё очень сложно?

– Вот в нём нет ничего сложного, – ответил Валентин. – Изобрёл вообще студент. Только это не тот реактор, над которым все бились, тот так и не построили. А этот низкотемпературный. Конструкция очень простая, но размеры мощного реактора не просто большие, огромные! Зато он почти ничего не требует для своей работы. А микрофильмы... Раньше микрофильмировали архивы, но есть ли это оборудование сейчас, я не знаю. Давайте, я кое с кем созвонюсь и выясню. Если есть, сразу же сделаю копии.

– А я дам задание своим, чтобы подобрали для тебя тех-

ническую литературу, – пообещал Владимир. – Хотя, скорее всего, это лишнее. Если ты действительно как-то попал к нам из прошлого века, это не значит, что сможешь вернуться. Я справлялся у учёных, так они в один голос утверждают, что двигаться в прошлое невозможно. Так что отпусти его, дочь, никуда он не исчезнет. И ешь пирожные, это твои любимые.

– А если всё же исчезну? – спросил Алексей. – Я тоже слабо в это верю, интересно, ради чего будете помогать вы. Ведь, если у меня получится, вы лишитесь всего.

– Это сложный вопрос, – сказал Владимир. – Дочь, ты слишком налегла на пирожные, оставь что-нибудь остальным. Понимаешь, Алексей, если я скажу, что не ценю своего положения и не держусь за богатство, это будет ложью. К богатству и власти привыкаешь и уже трудно жить по-другому. И потом это моё дело, которому отдана вся жизнь. Но это вовсе не значит, что я мечтал им заниматься. И этот мир очень отличается от того, в каком я хотел бы жить. Я не верю в какие-то высшие силы. Или их нет совсем, или мы их не интересуем. В прошлом были те, кто кричал, что Йеллоустун – это наказание за людские прегрешения. Если есть бог и он такое допустил, он мне не нужен, а если он это сделал специально, то не нужен и подавно!

– А если он почему-то не хочет или не может вмешаться сам и прибегает к помощи человека? – предположила Лидия.

– Как ты себя чувствуешь в роли посланца бога? – спросил Владимир Алексея. – Не страшно? Так я не договорил.

Если всё это исчезнет, я ничего не потеряю. Родители жили в одном дворе и любили друг друга со школьной скамьи, поэтому я всё равно появлюсь на свет в две тысячи четвёртом или чуть позже, что бы ты ни поменял в прошлом. Я не был глупцом или бездарем, так что и в другой реальности стану не последним человеком. Я ответил на твой вопрос? Теперь вы ответьте на мой: чем думаете заняться?

– Думали поехать домой, – сказала Лида. – Хочешь что-то предложить?

– Хотел просить Алексея, раз он такой крутой специалист, немного подтянуть ребят из моей службы безопасности. Пусть, так сказать, отработает обед, заодно это неплохая проверка его слов.

– Без проблем, – согласился Алексей. – До них долго добираться?

– Примерно час.

– Нормально, за это время еда немного уляжется. Давайте тогда мы простимся и поедем. Рад был с вами познакомиться, Валентин, и жду обещанные книги. А если сделаете микрофильмы, будет совсем хорошо.

Владимир включил свой коммуникатор, и над его рукой возникло изображение одного из порученцев.

– Виктор, – сказал Валери. – Сейчас отвезёшь мою дочь и её друга в наш центр к Жеглову. Друга зовут Алексей. Так вот, он проверит вашу подготовку, а вам не возбраняется проверить его. Всё понял? Тогда готовь сопровождение, они

сейчас выйдут.

– Я тоже поеду, – сказал Валентин, когда ушли Лидия с Алексеем. – Позвони вечером о результатах проверки. Сам понимаешь, что меня не интересует квалификация твоих охранников, а вот этот молодой человек интересует и очень. Если он сказал правду, результаты должны быть интересными.

– Конечно, сообщу, – пообещал Владимир. – Он меня самого интересует и чем дальше, тем больше, а дочь влюбилась так, что оторвать можно только с кровью. Не ожидал от неё такого. Предупредила, что если не помогу, то сделает это сама и я могу после этого не беспокоить. Представляешь?

Вечером Валери выполнил обещание. Выслушал отчёт начальника центра безопасности и набрал на коммуникаторе номер Серёгина.

– Валентин, – сказал он другу. – Похоже, что Алексей нам не врал. Он повозил носом по матам весь персонал центра, нашёл несколько дыр в системе защиты и выдал кучу ценных рекомендаций по подготовке охраны. Жеглов взял с него слово, что этот визит не последний. Похоже, что они понравились друг другу, а понравиться Жеглову трудно. Когда закончишь с книгами, можешь позвонить, я пришлю ребят, чтобы тебе самому не мотаться.

– Я съезжу сам, – ответил Валентин. – Хочется с ним пообщаться. Заодно дам пояснения к своим записям, тогда он легче в них разберётся.

Этим же вечером о подвигах Алексея высказалась Лида.

– Ты меня сегодня просто поразил! – сказала она любимому. – Перевернись на спину, мне удобней лежать у тебя на груди. Я хотела сказать насчёт центра. Я мало поняла из вашей беседы, но вот то, как ты разбрасывал охранников... Их бросалось трое, и ничего не могли поделать, а ведь Жеглов собрал у себя лучших. Он сам в прошлом работал в ГБ, я его немного знаю. Ты сильно ему понравился. И даже не тем, как дрался, а после вашего разговора.

– Госбезопасность – это плохо, – нахмурился Алексей. – Не знаю, как у вас, а у нас в ней не бывает бывших работников.

– Он предан отцу, – неуверенно сказала Лида.

– Он может защищать интересы семьи Валери и при этом не забывать о государственных. Если эта контора начнёт копать, она быстро выведет меня на чистую воду, тем более что пока нет ни документов, ни достоверной легенды, да и знаю я у вас всё с пятого на десятое. Начнут допрашивать – сразу засыплюсь.

– Отец не последний человек в России, по богатству и влиянию он пятый среди олигархов, так что они с ним тоже вынуждены считаться. Давай не будем об этом думать, всё равно без толку.

– Я тебе говорил, что ты умница?

– Нет, пока только то, что красавица, но и умницу приятно слышать.

– Ты заканчивала что-нибудь, кроме школы?

– По настоянию отца отучилась в Промышленном университете. Училась хорошо, хотя и без желания. После окончания он загнал меня на одно из своих предприятий директором, так что пришлось отработать два года. Говорили, что работала хорошо, но опять же без интереса. Не моё это.

– А что твоё? Есть что-то, чем ты хотела бы заниматься?

– В школе очень любила рисовать, даже освоила технику работы красками. Но кому у нас нужна живопись! Работы знаменитостей растащили по частным коллекциям, а молодых художников после взрыва вообще не обучают. У меня сохранилось несколько рисунков, потом посмотришь. И не нужно упрекать за безделье, оно мне самой в тягость, но не хочу заниматься тем, к чему не лежит душа.

– А я и не упрекаю, – Алексей нежно поцеловал её в губы. – Мне просто хочется лучше знать женщину, которую я полюбил!

– Повтори ещё раз то, что только что сказал!

– Лида, я тебя люблю! Хочешь стать моей женой? Ну а плакать-то зачем?

– Это я от счастья. Я ведь уже и не надеялась найти любовь. Мужчинам проще, а мы, женщины, слабые существа и не можем существовать без опоры. А по-настоящему можно опереться только на любимого и любящего тебя мужчину. Ты знаешь, что пард-мужчин почти не выпускают? Это для вас в первую очередь важны красота и удовольствие, женщи-

нам этого мало. Конечно, и я хочу получать радость, но для меня красота в мужчине не главное. Главное, чтобы он меня любил и мог показать эту любовь. А пард в этом ничем не отличается от вибратора. Ты заметил, что я меньше к тебе пристаю? Это потому, что ты доставляешь радость своим присутствием, даже вот так лежать на тебе – это уже наслаждение!

– Пока не заметил, ты жадная на любовь.

– Ах ты! Сейчас покусую!

– Хорошо, заметил. Лежи, мне это тоже приятно. И надолго у тебе хватит терпения только лежать?

– Главное не то, насколько хватит меня, – заявила Лида, пуская в ход руки, – а насколько хватит тебя. Это мы сейчас и проверим!

Утром приехал Владимир.

– Зачастил я к тебе, – сказал он дочери. – Ещё не завтракали? Тогда скажи Ольге, пусть ставит и на меня, позавтракаем вместе.

– Пап, Лёша сделал мне предложение! – похвасталась Лидия. – Нужно подумать, где будем играть свадьбу.

– Дозрел, значит, – одобрительно посмотрел на Алексея отец. – Я уже третий день жду, когда он это сделает. Только со свадьбой придётся подождать. Вначале нужно обеспечить его документами.

– Долго, что ли, сделать чип? – возмутилась Лида.

– Да, правильно говорят, что любовь оглушает.

– Ты не обзывай, а говори по делу! Никогда не поверю, что для тебя проблема – сделать кому-нибудь чип!

– Кому-нибудь – не проблема, а твоему жениху – проблема, да ещё какая. Подумай сама своей красивой головой! Много пройдёт времени, прежде чем имя твоего мужа замелькает на всех новостных сайтах? И сколько его потребуется, чтобы журналисты раскололи созданную на скорую руку фальшивку? И мимо ГБ он не пройдёт! Вам нужны неприятности?

– А что же делать?

– Всё, что нужно делать, делается. Ты для него и так жена, а свадьба подождёт. Сейчас опытные люди подбирают для Алексея такую биографию, чтобы не смог подкопаться никто. Слава богу, на просторах нашей родины достаточно медвежьих углов, в которых стоят небольшие гарнизоны. Иной раз они гибнут в полном составе, особенно на Востоке. А в армии два миллиона человек, и их учёт ведут живые люди. Занести в базы данных можно всё, главное, чтобы потом ничего не всплыло при проверке. Так что и с чипом, и с коммуникатором подождёте. Пока всё готовят, пусть Алексей читает книги. Надёжной легенды мало, нужно ещё знать нашу жизнь. А тебе надо показать ему фильмы.

– Что там смотреть! – махнула рукой дочь. – Боевики и мелодрамы. Одна халтура.

– Она права, – ответил Владимир на вопросительный взгляд Алексея, – искусства у нас больше нет. Фильмы –

дерьмо, я их сам не смотрю, но тебе они помогут лучше узнать жизнь.

– Неужели и музыку не сочиняют? – спросил Алексей. – О картинах Лида уже говорила.

– Сочиняют, но мало. Вы столько сочинили, что хватит на сто лет. Хорошие книги ещё пишут, но очень редко, а больше ничего нет. Я ведь запретил ей рисовать, хотя сердце кровью обливалось. Ты ему не показывала?

– Вчера говорили, – ответила Лида, – но он ничего не видел.

– Покажи портрет, – попросил отец. – Заодно и я посмотрю. Сходи, пока Ольга не позвала к столу.

Лида вышла и через несколько минут вернулась, неся в руках небольшую картину.

– Это моя мама, – сказала она, поворачивая портрет к мужчинам.

С полотна на Алексея с ласковой улыбкой смотрела красивая женщина лет сорока.

– Как живая, – грустно сказал Владимир. – И ведь выполнила масляными красками, а там сложная техника. И никто не учил, сама что-то читала и пробовала. Анна умерла рано, я такой её и запомнил из-за этого портрета, фотографии всё-таки совсем не то. А то, во что её превратила болезнь, лучше было не запоминать. Я поначалу вообще не мог видеть этот портрет, всё внутри переворачивалось. Так ни на ком и не женился, хотя в желающих не было недостатка.

– Паскудный мир, в котором никому не нужен такой талант! – сказал Алексей. – Сколько времени ты потратила на работу?

– Три месяца, – ответила Лида. – Это была вторая картина, которую я рисовала маслом. Если хочешь, я потом покажу все работы, но там в основном рисунки карандашом.

– Господа, к завтраку всё готово! – сказала вошедшая в гостиную Ольга.

– Пойдёмте, – поторопил Владимир. – Не знаю, как вы, а я сегодня рано встал и успел проголодаться. Да, Алексей, я вчера озадачил твоим вопросом одного молодого гения из своих головастиков. Вызвал к себе и дал задание подобрать всю информацию по накопителям и реакторам, чтобы их можно было сделать сто лет назад.

– Так и сказали? – удивился Алексей. – Он не обалдел? Наверное, потом крутил пальцем у виска?

– Принял к исполнению и даже не выказал удивления. Я плачу им за работу и не интересуюсь, как меня обсуждают между собой. Сказал, что потребуется время. Мало расписать конструкцию, нужно дать знания технологий, с помощью которых можно её создать. И таких технологий там с полсотни. Насчёт микрофильмирования тоже узнал. У меня на двух предприятиях осталось нужное оборудование, только с ним давно никто не работал. Но меня заверили, что в такой работе нет ничего сложного, поэтому все нужные материалы перенесут на плёнку.

– Кажется, кто-то хотел есть, – сказала Лида. – Садитесь и начинайте, поговорить можно потом.

Едва успели поесть, как Владимира по коммуникатору вызвал Валентин.

– Я не слишком рано? – спросил он. – Ну и хорошо. Понимаешь, в чём дело... Звоню по вчерашнему разговору. Я подготовил книги и выписки, а с микрофильмированием возникли сложности. Сделать можно, но быстро не получится. Сохранилось оборудование в Центральном архиве, но последний человек, который с ним работал, умер лет десять назад.

– Не морочь себе голову, – перебил его Владимир. – Всё переснимут мои люди, так что можешь приезжать. Или лучше кого-нибудь прислать?

– Нет, я приеду сам, – сказал историк и отключился.

– Зацепил ты его, – сказал Владимир Алексею. – Я знаю Валентина ещё со студенческой поры. Учились в разных институтах и познакомились на вечеринке у одной подруги, а потом и подружились. Ладно, общайтесь, а я поеду. Дочь, не забудь насчёт фильмов. Халтура, но познавательная. Пока есть время, пусть Алексей смотрит. И книги ему подбери из тех, что получше.

Он уехал, а минут через сорок охрана пропустила во двор машину Серёгина.

– Я вам много чего привёз, – сказал Валентин, выкладывая из сумки книги и распечатки. – Вот это по Хрущёву, а

это по Брежневу. Эта книга по перестройке Горбачёва. Отдельно есть материалы по Андропову, но их очень мало. Эти распечатки я приготовил вчера. Здесь то, что не относится непосредственно к распаду Союза, но ему способствовало. Там ведь было много аспектов, и не в последнюю очередь экономический. К некоторым данным нужно подходить с осторожностью. Вот, например, список работников Первого главного управления КГБ и вашего ГРУ, завербованных ЦРУ и выданных в восемьдесят пятом году начальником контрразведывательного подразделения в отделе стран Восточной Европы ЦРУ Олдричем Эйме. У вас были закрытые процессы, а эти фамилии опубликовали в США через тридцать лет. Так что всех нужно проверять. То же и по списку Эдварда Говарда. Вот ещё один тип, нанёсший огромный ущерб. Работал в Управлении Т КГБ и проводил оценку всей полученной научно-технической информации. Завербовали французы в году так восьмидесятом и поделились с американцами, а раскрыли и расстреляли уже гораздо позже. Сколько через него прошло дезинформации и к каким материальным потерям это привело! Это материалы по катастрофе в Чернобыле. Не кривитесь, Алексей! Пяток таких катастроф – и СССР мог пойти по миру с протянутой рукой. А это перечень неурожайных лет с указанием объёма собранного зерна. Я не делал отдельно выписок по политикам времен перестройки и развала, все замечания на полях книг.

– Неужели действительно украли и перегнали на Запад во-

семьсот тонн золота? – не поверил Алексей, прочитавший пометки на открытой наугад странице.

– Это в Татарстане? – спросил историк, заглянув в книгу. – Там много всего было украдено. Если у вас получится, лучше бы до такого не доводить.

– Значит, вы мне поверили? – сказал Алексей. – Поэтому и взялись помогать? Это ведь немалый труд.

– Сделать распечатки давно готовых файлов проще простого, а книги вы мне потом вернёте, так что не очень я на вас потратился. А насчёт веры лучше не спрашивайте. Весь опыт советует послать вас подальше, но я не могу этого сделать. Если вы вдруг опять исчезните, а я не помогу, я себе этого потом не прощу. Вот эта небольшая книга о Йеллоустонском супервулкане и его извержении. Я подумал, что она тоже не помешает.

Глава 5

Прошёл месяц, который Алексей безвылазно просидел в доме Лиды. Легенду для него разработали, чип изготовили, а изучать местную жизнь приходилось самостоятельно. Его лишь погоняли по легенде, задали много вопросов и сами же на них ответили, проконтролировав, как он запомнил ответы. Позади был просмотр сотни фильмов, пустых и утомительно-однообразных, но заполнивших немало пробелов в его знаниях. Ещё больше времени Алексей потратил на чтение книг, которые выбрала Лида. Это было интересней и принесло больше пользы. Кроме того, он периодически переключался на изучение материалов, которые привёз Серёгин. Микрофиши для него изготовили, но разбираться во всём было удобней по книгам.

Закончилось короткое лето, и наступила осень с почти каждодневными дождями.

– Сейчас уже не так холодно, – говорила Лида, – а года три назад в конце сентября уже срывался снег. Понемногу начинает теплеть, но я не любила осень и до взрыва.

За всё время они только трижды выбрались из дома: один раз в центр к Жеглову и два раза в гости к Серёгину. После визита в центр Алексей вернулся недовольный и заказал для себя тренировочный костюм.

– Теряю форму, – объяснил он. – Нужно тренироваться.

Посмотрев на его тренировки, Лида тоже захотела заняться спортом. Он ощупал её и быстро составил комплекс из десяти упражнений.

– Валькирией не станешь, но если будешь ежедневно выполнять, вместо киселя вырастут мышцы. А то ты скоро разучишься ходить из-за этих машин. Стройная и гибкая, а силы никакой. Если приведёшь себя в порядок и будет желание, научу драться.

Она не сачковала, очень скоро втянулась в тренировки и начала получать от них удовольствие, особенно когда заметила, что мышцы приобретают твёрдость. К концу затворничества привезли правила дорожного движения, которые тоже пришлось изучать.

– Не всегда вас будет возить охрана, – сказал Владимир. – Я уже заказал для тебя электромобиль. Выучишь правила, возьмёшь несколько уроков у ребят и сдашь на права. И возьми вот это.

Он отдал Алексею наплечную кобуру с пистолетом размером с «Вальтер», но с более длинным и толстым стволом. Весил он всего граммов триста.

– Электрический метатель, – пояснил Владимир. – При выстреле сильный магнитный импульс выбрасывает из ствола иглу. Скорость у неё около трёхсот метров в секунду. Таких игл в магазине сто штук, а ёмкости накопителя хватит на две тысячи выстрелов. Если оставишь нажатой кнопку, иглы будут вылетать непрерывно, по три в секунду. В кобуре пет-

ли на десяток магазинов, но сейчас их там пять. Серый цвет – обычные иглы, синий – с парализующим ядом, а иглы в красном убивают с первого попадания. Абы кому такое оружие не дадут, но для тебя пробили. В чипе и коммуникаторе прописано разрешение на ношение и применение. Но учти, что если кого-нибудь убьёшь, то будут разбираться, так что лучше до этого не доводить.

– Оружие – это хорошо, – сказала Лида, – но сколько можно тянуть со свадьбой? Чип получен, Лёша подготовился, а я до сих пор не замужем!

– Я думаю, что можно объявить о вашей свадьбе, – ответил Владимир. – Давайте назначим на эту субботу. За три дня успеем разослать приглашения. Предлагаю отмечать в «Империале».

– Я не в курсе того, как здесь проводят свадьбы, – сказал Алексей. – Их почему-то не было ни в одном из фильмов, да и в книгах никто подробно не расписывал. Обязательно звать толпу?

– Родственников у нас нет, а я со своей стороны приглашу человек двадцать. Это всё мужчины, и они наверняка придут с жёнами. Насчёт остальных сам говори с невестой, кого она захочет пригласить.

– Не так и много, – сказала Лида. – Приглашу с десяток подруг с мужьями и несколько полезных людей. И им приятно, и Лёше пригодятся такие знакомства. Думаю, что всего будет человек семьдесят. Пресса ещё напишет, что мы с

тобой жмоты.

– Чтобы так не писали, нужно пригласить несколько писак, – засмеялся Владимир. – Это тоже полезные знакомства. Начинай рассылать приглашения, а я забронирую зал. Давайте запланируем на час дня.

– Скоро я тебя окольцую, стрелок, – пообещала Лида изувачшему оружие Алексею. – Дай ручку и блокнот со столика, сейчас составлю список. Нужно никого не забыть, а то девчонки мне этого не простят.

Их регистрация мало отличалась от того, что было при его первом браке. Кольца, росписи, поцелуй и шампанское. Даже в загс входили под марш Мендельсона. До чего же живучи иные традиции! И платье у Лиды было того же фасона, как и у большинства невест в его время.

– Теперь ты мой! – шепнула она ему на ухо. – Пусть только кто-нибудь попробует забрать! Я твоя жена!

– Я думаю, наверху это учтут, – засмеялся он. – Помнишь, что сказал Валентин? Без тебя я не играю ни в какие игры!

Гостей на их свадьбе собралось больше восьмидесяти, но в рассчитанном на триста посетителей зале ресторана «Империал» было просторно. Лишние столы куда-то убрали, и после застолья начались танцы. Лиду у Алексея сразу же забрали, а его начали обхаживать её подруги, передавая из рук в руки. Потом сделали перерыв и опять вернулись за столы, которые работники ресторана уже уставили сладостями и фруктами.

– Это нормально, когда мужу не дают потанцевать с женой? – спросил он у раскрасневшейся Лидии. – И почему ты такая розовая? Тебя, случайно, не пробовали так же, как меня тогда твоя Татьяна?

– Не путай интимную вечеринку у подруги и свадьбу, – отмахнулась она. – Такого здесь никто не позволит, так что за меня можешь быть спокоен. А я присматриваю за тобой одним глазом. Иные из этих дам такие стервы! Сейчас нам дадут пообщаться, а потом опять потанцуем. Пойдём, ближе познакомлю с моими подругами.

До подруг они не добрались. Едва Алексей с Лидой, взявшись за руки, направились к группе женщин, как к ним подошёл муж Светланы, с которым вместе были на вечеринке у дочери мэра.

– От всей души поздравляю! – сказал он молодым. – Алексей, не уделите мне несколько минут? Извините, Лидия, я не заберу его надолго. Давайте отойдём, чтобы никому не мешать, и нам с вами никто не помешает. У меня только один вопрос: кто вы?

– В каком смысле? – насторожился Алексей.

– В самом прямом. Ваш тесть потратил большие деньги и привлёк лучших специалистов. В результате у вас идеальные документы и биография, которую не проверишь при всём желании. Наверное, и вас так подготовили, что простой допрос ничего не выявит, а применять к вам спецсредства никто не позволит. Но всё это только до поры до времени.

– И что вам во мне не нравится? – спокойно спросил Алексей.

– Мне? А я разве говорил, что вы мне несимпатичны? По моему, такого не было. Вопрос не во мне, а в вас. Вы появились непонятно откуда и очаровали дочь господина Валери. Женщины очень романтические создания. Когда их спасают из лап бандитов, это действует безотказно.

– Вы что-то имеете против таких действий?

– Вы меня не сбивайте. По вашим действиям у нас нет никаких претензий, разве что использование поддельных документов.

– Имя и фамилия в чипе подлинные.

– И биография? Поймите правильно. Мы очень уважаем господина Валери и верим в его здравый смысл. Не стал бы он делать документы мерзавцу и выдавать за него дочь. И господину Жеглову вы очень понравились, а это, поверьте, не так легко. Он от вас просто в восторге. Нет, говорит, у нас таких специалистов, как этот Самохин. А я привык ему верить. Вы не знаете, но на службу в Госбезопасность меня принимал он. И все остальные ваши связи отследили и не нашли никакого криминала, поэтому вас пока никто не трогает. Но если вы не объясните свои мотивы, это решение могут пересмотреть. У нас почти пустой мир, в котором островки цивилизации можно пересчитать по пальцам рук, а специалисты вашего уровня – это штучная работа государственных контор. Мы вами не занимались, поэтому закономерно воз-

никает вопрос: откуда вы взялись.

– Тесть первым делом задал вопрос насчёт Австралии, – мрачно сказал Алексей.

– Допустимый вариант, – кивнул Игорь, – но уж больно далеко. И времени прошло слишком мало. Если они нами заинтересуются, это случится не скоро.

– Тогда не остаётся никого, кроме немцев. И у них есть все основания вас опасаться. Если кого и захватывать, то только их. Так?

– Правильно говорите, но вы не оттуда.

– Почему вы так решили? – удивился Алексей.

– Побережье и граница охраняются самым тщательным образом. За последние пару лет не было никаких попыток перехода или сбоев в работе аппаратных средств контроля. И потом вы не имеете к ним отношения. Может, вы не знаете, но они проводили генный экспресс-анализ и изгоняли со своей территории всех жителей с нечистой кровью. Их поэтому и осталось всего миллионов двадцать. Остальные умерли от голода или замёрзли.

– Тогда откуда я, по-вашему, взялся?

– Я думаю, что вы скажете сами.

– И вы поверите? – с сарказмом спросил Алексей. – Я очень в этом сомневаюсь.

– А кто вам мешает попробовать?

– Ладно, Игорь, считайте, что вы сказали, а я вас выслушал. Я сейчас не сам по себе, а в семье, поэтому мне нуж-

но посоветоваться. Жена вам позвонит. Пойдёмте к остальным, а то на нас уже косятся. Да и прессе я обещал уделить внимание. Обидятся и такое напишут... Вон уже и моя жена сюда идёт, причём вместе с вашей.

– Да, сейчас выскажут, – согласился Игорь. – Не очень подходящее место для выяснения отношений, но меня просили поговорить.

– У тебя есть совесть? – напустилась Светлана на мужа. – Утащил виновника торжества и секретничаешь! Не мог найти другого времени?

– Не ругайте его, Светочка, – вступился Алексей. – Это был нужный разговор, и мы уже закончили. Я готов отдаться женщинам или прессе, решайте сами.

– Конечно, женщинам! – решительно сказала Светлана. – Пресса подождёт. Нам Лидочка рассказала, как вы защитили её голыми руками от трёх вооружённых похитителей. Теперь все хотят услышать вашу версию событий. Вы точно после этого несли её на руках?

– Не мог же я бросить женщину без помощи, – сказал Алексей, обнимая жену. – А она ещё сильно подвернула ногу и не могла идти. Пришлось нести.

– Как это романтично! – вздохнула одна из женщин, которые подошли ближе и слушали рассказ. – И что было дальше?

– Дальше меня стали ругать, – засмеялся Алексей и не без юмора рассказал историю их бегства.

– И она отдалась вам в ту же ночь! – утвердительно сказала самая молодая из женщин.

– Бог с вами! – опять засмеялся Алексей. – Куда ей было отдаваться с больной ногой. Сначала было лечение.

– А я и боль перетерпела бы! – под общий смех сказала Татьяна.

– Извините, леди, но я ненадолго вас покину, – сказал женщинам Алексей. – Нужно пообщаться с прессой.

После разговоров с час танцевали, а потом начали разъезжаться. Владимир ещё раз их поздравил, со всеми попрощался и уехал одним из первых. Алексей решил промолчать о разговоре с Игорем. Не хотелось испортить жене такой день. Срочности не было, поэтому рассказать можно и завтра. Дома Лида сразу же потянула мужа в спальню.

– Традиция! – сказала она, быстро освобождая его от одежды. – Сначала регистрация, потом свадьба, а после неё постель. И знаешь, я приняла средство, которое снимает действие уколов. Хочу иметь от тебя ребёнка, и начнём прямо сейчас!

Утром Алексей проснулся около семи. Вчера они угомонились поздно, поэтому Лида никак не отреагировала на его пробуждение. Он выполнил все свои утренние дела и прилёг на диване в гостиной, ещё раз прокручивая в голове вчерашний разговор. С ГБ надо было выстраивать какие-то отношения. В покое его не оставят, и тесть ему в этом не поможет. Только кто поверит его объяснениям? А если поверят,

не получится ли ещё хуже? Вот позволил бы он сам свободно гулять по Москве какому-нибудь асу разведки Главного управления Генерального штаба Российской империи? Он, может, и позволил бы, особенно если испытывал бы к нему симпатию, а вот от руководства не следовало ожидать либерализма. Либо такого спеца включили бы в свои ряды, либо где-нибудь изолировали. И это в лучшем случае. С Игорем придётся встретиться, но сначала надо поговорить с Лидой и отцом.

– Что ты вскочил ни свет ни заря? – спросила жена, заглянув в гостиную.

– Уже скоро девять, а в десять обещал заехать отец. Это тебе можно валяться хоть весь день, а у меня много дел.

– Я не виновата! – Лида зевнула, прикрыв рот ладонью. – Загонял бедную женщину.

– Да, ты права, – согласился Алексей, – надо сделать перерыв. Как думаешь, тебе хватит недели для отдыха?

– Какой перерыв? – вскинулась она. – Ты думай, о чём говоришь! Специально меня дразнишь? Вот сейчас надену халат...

– Надень и иди сюда, – сказал он, принимая сидячее положение. – Есть очень серьёзный разговор, и лучше поговорить до приезда отца.

Жена скрылась в спальне и почти тотчас вернулась, на ходу завязывая пояс халата.

– Твой серьёзный разговор не связан со вчерашним? – с

тревогой спросила она, сев рядом с Алексеем. – Что тебе сказал Игорь?

– Как я говорил, так и вышло. Ваш Жеглов доложил обо мне куда следовало, а там быстро поняли, что мои документы – это качественно сфабрикованная липа. Прицепиться им не к чему, но дело не в этом. Пока меня не трогают, но если не пойду на контакт, обязательно тронут, и твой отец не сможет им помешать. Поэтому нужно попробовать договориться. И долго с этим тянуть не стоит. Поговорим с отцом, а потом позвонишь Игорю.

– А как ты думаешь, когда нас могут забрать?

– Маленькая! – он обнял прижавшуюся к нему женщину. – Кто же нас с тобой заберёт? Не стоит придавать такого значения словам Валентина, он сам в них не верит.

– Тогда почему ты всё время носишь с собой микрофиши? Даже на свадьбу брал! Зачем ты меня обманываешь?

– Ношу на всякий случай. Пакеты такие маленькие, что войдут в любой карман. Если верить Валентину, нас уже должны были забрать. Материалы я изучил, копии сделал, даже на тебе женился, что мне ещё здесь делать? Скорее всего, никуда мы отсюда не денемся, из этого и нужно исходить.

– Тебе виднее, – согласилась Лида, – но я всё-таки подготавлиюсь. Посмотришь мой гардероб и отберёшь те вещи, которые можно у вас носить, а я подберу украшения подороже, в случае чего продадим.

– Тогда лучше старые золотые монеты, – пошутил Алек-

сей. – Их легче продать, да и цена определяется не только весом металла, но и редкостью монеты. Есть такая категория не совсем нормальных людей – коллекционеры. Вот им и продать.

– Сегодня же позвоню одному человеку, а ты тоже подбери неброский костюм и не ходи без метателя. А с Игорем я свяжусь после того, как поговорим с отцом.

– Жеглова я уволю! – жёстко сказал Владимир, когда они позавтракали и Алексей всё ему рассказал. – В бизнесе существуют определенные правила. Мне плевать на его патриотизм и обязательства перед конторой! Он подписал договор, который нарушил. Я мог наказать сильнее, но это прибавит тебе сложностей в общении с его коллегами. От меня он уйдёт с такой формулировкой, что никто из серьёзных людей не возьмёт даже на разнос заказов. Пусть, если есть желание, возвращается обратно в своё ГБ! Другим будет наука. Что скажешь Игорю?

– Я могу или говорить правду, или упереться и молчать, – ответил Алексей. – Любую мою ложь очень быстро раскусят. Если не поверят мне, отправлю к Серёгину. Только я хочу скрыть свой интерес к развалу Союза и вашей технике, а то как бы у кого-нибудь из них тоже не возникли мысли, что я могу вернуться. В таком случае я не дам за свою жизнь и рубля. Не все настроены так, как вы или Валентин, для многих их теперешняя жизнь является единственной и неповторимой, а моё возвращение поставит на ней крест.

– Я скажу Валентину и предупрежу своих людей, – кивнул Владимир. – И не нужно с ним общаться по коммуникатору. Вообще старайтесь не говорить ничего лишнего. Вряд ли осмелятся прослушивать мою семью, но лучше это не проверять. А я ещё подстрахуюсь. В своё время государство было вынуждено взять в свои руки финансы и промышленность, но за владельцами осталось право собственности. Восемь лет назад нам начали всё возвращать, и сейчас экономикой управляет очень небольшая группа людей, в которую вхожу и я. Есть даже что-то вроде совета. С нами приходится считаться президенту и правительству, а ГБ – это всего лишь их инструмент. Я сегодня же кое с кем поговорю. Не думаю, что из-за одного-единственного человека, какие бы к нему ни были претензии, пойдут на конфликт. А меня поддержат однозначно – это дело принципа.

Владимир не стал задерживаться и после разговора уехал, а Лида сразу же позвонила Светлане.

– Привет, Света! Не болит голова после вчерашнего? Вот и прекрасно. Слушай, твоему мужу нужно было встретиться с моим. У нас сейчас есть свободное время, поэтому мы приглашаем вас обоих. Мужчины будут обсуждать свои дела, ну и мы с тобой кого-нибудь обсудим. На работе? Это ничего, их встреча как-то касается его работы. Ты передай, а он пусть сам решает. Конечно, и я тебя.

Через десять минут позвонила Светлана, которая сообщила, что приедет вместе с Игорем в течение часа.

– Не вздумай устроить застолье, – предупредила она подругу, – мы недавно завтракали. Муж почему-то не хотел меня брать, но я настояла. Сказала, что если не возьмёт, поеду сама. Целую, скоро будем.

– Мне тревожно, – передёрнула плечами Лида. – Отец уверен в силе денег, а у меня нет такой уверенности. Как им всё отдали, так могут и забрать. Настоящая сила у тех, за кем армия и та же ГБ. Иной раз они действуют без оглядки на правительство. Фактически как была диктатура, так и осталась. Президент только называется президентом, а избирали его больше двадцати лет назад. Просто наша верхушка сбросила с себя часть забот об экономике и отменила некоторые ограничения, а в остальном ничего не изменилось. Так что не сильно надейся на отца и будь осторожней.

Через полчаса прибыли гости.

– Быстро приехали, – удивилась Лида, целуя подругу в щёку.

– У мужа служебная машина, – объяснила Светлана. – Люблю с ним на ней ездить, особенно по трассе. Отключены все ограничения по скорости: не едешь, а летишь!

– Лишь бы при этом никуда не улететь, – проворчал Алексей. – Ездил я так минут десять, и больше не тянет. Если что-нибудь случится, не успеешь ни на что отреагировать.

– Иди сюда, герой! – сказала ему Светлана. – Игорь, отвернись! Танька пробовала, а я чем хуже? Не смущайся, тебя не убудет, а мне приятно.

– Попробовала? – засмеялась Лида. – Пойдём, подруга, а они пусть здесь болтают.

– Садись, где удобно, – предложил Алексей, когда женщины ушли в другую комнату. – Хочу предупредить, что тесть очень резко отреагировал на наш разговор. Жеглова уволят с волчьим билетом. Понятно выражение?

– В первый раз слышу.

– Суть в том, что его не возьмут ни на одну нормальную работу. И нет смысла что-то править в чипе, потому что его имя внесут в чёрные списки по всем базам данных. Логика бизнеса в том, что есть обязательства по договору перед нанимателем и всё остальное. Так вот, договор – это основополагающее, а верность конторе и патриотизм – второстепенное.

– А как думаешь ты? – с любопытством спросил Игорь.

– Я с этим согласен. Если подписал договор, изволь его выполнять. Если наниматель нарушает закон или в твоём понимании вредит государству, разрывай договор и уходи, а уже потом можешь принимать меры. Но есть с руки и её же кусать, причём исподтишка...

– Понятно, – сказал Игорь. – Ты позвал, чтобы это сказать, или созрел для объяснения?

– Я-то созрел, вопрос в том, созрели ли вы. Из всех людей, кому я о себе говорил, мне сразу же поверила только Лидия, но для любящей женщины это понятно. А у вас пока нет мотивов для любви. Ладно, слушай. Полтора месяца назад я

жил в совсем другом мире и был в общем счастлив. Слышал о Советском Союзе? Вот в нём я и жил, пока меня что-то не выдернуло из родного семьдесят восьмого года двадцатого столетия и не зашвырнуло в вагон одного из ваших экспрес-сов. Что кривишь физиономию? Плохо верится? Тебя бы на моё место! Мало того что всё совершенно чужое, ещё и начисто отшибло всю память. Тесть отправил в какой-то центр, так они мне её там восстановили.

– И твой тесть в это поверил?

– Ну не настолько он доверчив. Сначала медики подтвердили факт блокировки памяти, а потом мне устроил экзамен один историк.

– Это Серёгин, что ли?

– Он самый. Я понимаю, что для вас мало этих доказательств, но Валери нужно было выбирать между недоверием и своей дочерью. Он и выбрал, а сейчас, похоже, мне верит.

– И кем ты там был?

– Капитаном спецназа ГРУ. Знакома такая аббревиатура?

– Изучали в курсе истории специальных операций. Что-то можешь добавить?

– Нечего мне вам больше сказать. Добавить могу свою куртку из натуральной кожи, только это ведь тоже не доказательство. Если меня сюда кто-то забросил, ему было не так уж сложно изготовить какую-то куртку. Ну пожертвовал бы коровой. Там, правда, есть мех...

– Давай свою куртку, может в ней что-нибудь найдут.

Больше ничего не было?

– Остальную одежду и обувь уничтожила жена, а карманы были пустыми. Разговор записывал?

– Конечно. Не хочу пересказывать этот бред начальству.

– Все вы здесь приземлённые! – сказал Алексей, поднимаясь с дивана. – Сиди, схожу за курткой. Я смотрел новинки ваших книг и не нашёл ни одной фантастической. Сплошные боевики и любовные романы, и в кино то же самое. Я сам был не любитель читать фантастику, а сейчас жалею.

– Фантастика есть в библиотеках, – сказал Игорь, когда Алексей вернулся с курткой, – а в Сеть не выставляют потому, что нет желающих читать небылицы.

– А ваши боевики – это шедевры реализма! – с сарказмом сказал Алексей, отдавая ему куртку. – Когда изучал вашу жизнь, столько просмотрел этой муры... И книги немногим лучше, хотя жена подбирала те, которые ей нравились.

– А это что? – с недоумением спросил Игорь, показывая рукой на молнию. – Это должно соединяться?

– Темнота! – сказал Алексей. – Это такой замок, а закрывается вот так.

– Зачем ты носишь метатель? Из-за меня?

– А как определил? – спросил Алексей. – В них маячки, или как-то по-другому?

– Неважно. Ты мне не ответил.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, но ты совершенно ни при чём. Я не просил тестя, сам принёс и приказал носить. А ваш

метатель раз в три легче моего штатного ствола, так что это нетрудно. Есть у тебя ко мне вопросы?

– Как насчёт того, чтобы потренировать наших людей?

– У меня нет возражений, но сотрудничество предполагает доверие. И потом я ведь смогу подтянуть ваших людей только самую малость. Для того чтобы добиться чего-то большего, я должен так их гонять, как в своё время гоняли меня. Будет у вас кто-нибудь так рвать жилы? Ладно, я вижу, что ты мне не поверил. Вряд ли твоё начальство более легковёрное, поэтому разговор о сотрудничестве считаю зряшным. Вы останетесь на обед?

– В другое время остались бы, – сказал Игорь, вставая с кресла, – но сейчас я на службе, а начальство ждёт запись, поэтому мы уедем.

– Пойдём к женщинам, – вздохнул Алексей. – Надеюсь, что они наговорились. И не забудь куртку.

Надеялся он зря. Светлана была огорчена тем, что нужно уезжать, но отказалась от предложения остаться и уехать потом на одной из машин Лидии.

– И чем всё закончилось? – спросила жена, когда гости уехали.

– Ожидаемо закончилось, – мрачно ответил Алексей. – Для него мой рассказ – это бред. Его начальство проявит ещё больше недоверия, а из-за тебя меня не оставят в покое.

– Почему из-за меня? – не поняла Лидия.

– Потому что ты теперь моя жена. Не понимаешь? Твой

отец – один из капитанов здешней промышленности, а ты единственная наследница и не рвёшься вникать в его дела и что-то решать. Что из этого следует? Если с твоим отцом случится что-нибудь нехорошее, ты с радостью переложешь управление его империей на мои широкие плечи, а это большая сила и огромная власть. Можно доверить её такому подозрительному типу, как я? Я на месте господ из ГБ не доверил бы. Поэтому они или наплюют на возможное недовольство твоего отца и расправятся со мной открыто, или устроят несчастный случай. Второе сделают не прямо сейчас, а через какое-то время, чтобы не связали с ними.

– И что ты думаешь делать?

– Прежде всего, не болтать здесь о своих планах. Наш Игорь мог оставить сюрприз, который передаёт куда-нибудь всё сказанное. Нужно позвонить отцу, чтобы прислал специалистов для проверки дома.

– Тогда оденемся и выйдем на улицу, – предложила жена. – Дождя нет, а далеко уходить не станем. Оружие у тебя с собой? Тогда пошли за куртками.

Дождя действительно не было, но дул сильный холодный ветер, и тёмные осенние облака скользили по небу с пугающей быстротой. Было сыро, холодно и неудобно.

– Я уже говорила, что не люблю осень? – сказала жена и подняла воротник куртки. – Всегда легко переносила жару, а вот холод терпеть не могу. Давай выйдем за ворота и немного пройдем вдоль дороги, заодно и поговорим.

Они вышли через калитку, отказались от охраны и, взявшись за руки, пошли по пустой дороге.

– Теперь говори, что придумал, – попросила Лида, – а то я сойду с ума от беспокойства.

– В голову приходит только мысль спрятаться где-нибудь подальше от столицы. Судя по тому, что я узнал, территория России контролируется слабо. Много сил сосредоточено на Дальнем Востоке и на европейской границе, а ГБ охраняет реакторы, арсеналы, стратегические продовольственные склады и правительство. Полиция занята большими городами и транспортом, а предприятия используют наёмную охрану. Поэтому с помощью твоего отца можно неплохо устроиться, и хрен кто найдёт. В этом плане есть только один крупный недостаток: ты очень быстро заскучаешь. Смотри, кто едет. Давай сойдём с дороги.

Они перебрались через бордюр и отошли от шоссе, после чего Алексей достал из кобуры метатель и переложил его в карман куртки. Трёхместный электромобиль, похожий на такси, но без его раскраски, ехал на небольшой скорости и, поравнявшись с ними, остановился.

– Госпожа Лидия! – крикнул выглянувший из машины мужчина. – Я приехал по вашему заказу.

– Всё в порядке, Алексей, – сказала жена. – Это приехали монеты. Пошли заберём.

Водитель не стал их ждать, покинул салон и пошёл навстречу.

– Привёз, Николай? – спросила Лида. – Много?

– Всё, как вы заказывали! – почтительно сказал мужчина, передавая ей небольшой пакет. – Отобрал сто пятьдесят монет общим весом в кило двести. Треть из них червонцы, остальные взяты самые разные. Соверены, кроны разных стран, франки, монеты Ватикана, многих я сам не знаю, отбирал по внешнему виду. Большинство в хорошем состоянии, но есть и старые, даже пара статеров.

– Сколько я тебе должна?

– Восемьдесят тысяч, госпожа Лидия!

– Я не ослышалась? – спросила жена, делая вид, что хочет вернуть пакет.

– Семьдесят! – поправился мужчина. – Мне самому платить из этих денег, да и срочность...

– Ладно, – согласилась она. – Лёша, поддержи пакет. Деньги я перевела, можешь проверить.

– Всё в порядке, – сверившись по коммуникатору, сказал Николай. – Благодарю! Больше ничего не нужно? Тогда разрешите проститься!

– А почему так дёшево? – спросил Алексей, когда продавец развернул машину и умчался.

– Золото почти никому не нужно, – объяснила жена. – В небольших количествах идёт на украшения, а больше никуда. Раньше применялось в электронике, но с тех пор, как открыли проводящие пластики, их повсюду и используют. А монеты давно никто не коллекционирует. Да и не своё он

продал, а стащил в хранилище. Пусть радуется, что получил столько денег на халяву! Теперь у нас есть и монеты, а украшения я ношу с собой. Вот они у нас дорогие и не из-за золота, а из-за алмазов. А ещё...

Она замолчала, потрясённо глядя вокруг. Исчезли пожухлая трава и чахлые кусты с облетевшей листвой, а вместо серой мерзости над головой раскинулось ослепительно-голубое небо. Они по-прежнему стояли на шоссе, но у него не было бордюров и сам асфальт оставлял желать лучшего. По обеим сторонам дороги стеной стоял зелёный летний лес.

– С прибытием! – сказал муж. – Быстро снимаем куртки, пока не вспотели. Сейчас их скатаем и стянем моим ремнём. Попали не в тот сезон, но жалко выбрасывать. В крайнем случае продадим. Ты у меня молодец! На нас, конечно, будут оглядываться, но если бы не твоя идея о смене одежды, было бы гораздо хуже. Теперь нужно определить, куда мы с тобой попали, причём и место, и время.

– Разве это не твоё время? – спросила она, протягивая ему куртку.

– А я знаю? Меня опять куда-то забросили, к счастью, на этот раз вместе с тобой. Пока только видно, что взрыва не было, да и асфальт на дороге хреновый. Такого в моё время было много. А точно можно сказать, когда увидим людей. Положение у нас с тобой интересное: ни денег, ни документов. Стоит в лесу празднично одетая пара с набитыми золотом и бриллиантами карманами, летом с двумя зимними

куртками в руках. Надо подумать, куда мне тебя деть и что говорить людям. Давай не ждать транспорт, а пойдём своим ходом. Ты сможешь идти на таких каблуках? Держись за мою руку, будет легче. И немного помолчи, мне нужно подумать.

Глава 6

– Смотри, бабочка!

– Ты что, никогда не видела бабочек?

– Наверное, видела, когда была маленькой, но уже не помню, – Лида радостно проводила взглядом порхающего махаона. – Слушай, а птиц сколько чирикает! А что это гудит?

– Пчёлы это гудят, – ответил недовольный Алексей, которому восторги жены мешали сосредоточиться. – Видишь на лугу цветы? А пчёлы собирают с них нектар.

– Ой! Это ведь стрекоза? – Лида побежала за большущей стрекозой, но первый же шаг с дороги оказался последним: длинные «шпильки» туфель проткнули дёрн, и Алексей едва успел подхватить упавшую жену.

– Тебе сколько лет? – рассердился он. – А если бы сейчас разбила голову об асфальт? Даже простое растяжение добавит проблем, а их и без того достаточно! Попросил же вести себя тихо! Тебе в таких туфлях только скакать козой!

– Извини, я больше не буду мешать. Скажи, ты уже что-нибудь надумал? Может, нам послушать ваше радио? Давай я попробую поискать нужные станции коммуникатором?

– Не знал, что они могут работать как радиоприёмник, – сказал Алексей. – Тогда уйдём с дороги. Держи куртки.

Жена взяла стянутые ремнём куртки, а он подхватил её на руки и отнёс на полсотни шагов от дороги.

– В траву не садись, запачкаешь платье, – предупредил он Лиду, поставив её на ноги возле берёзы. – Придерживайся за дерево. Неважно мы одеты для прогулок на природе, а твои туфли – это вообще мрак. Но тебя босиком непустишь: кожа на пятках как у младенца.

– А зачем ушли с дороги? – спросила она.

– На случай, если кто-нибудь проедет. Очень уж необычный у тебя приёмник. Постоим здесь и попробуем хоть что-нибудь узнать.

Минуты три коммуникатор издавал только слабый шум, но потом попала первая станция, за ней вторая...

– Это что-то американское, – сказал Алексей. – Уже можно слушать, но качество паршивое. Ищи передачи на русском. Всё, останови!

Минут десять они слушали найденную станцию, потом перешли на другую, а напоследок попала станция с хорошим качеством на французском. Он неплохо знал этот язык, поэтому послушал и её.

– Выключай, – сказал он Лиде. – Не стоит сажать батарею. Ты поняла, в какое время нас занесло?

– Сорок восьмой год?

– Четвёртое июля сорок восьмого года, – подтвердил Алексей. – Жив Сталин, а я рожусь только через год. Тот, кто отправил нас в это время, – он показал рукой в небо, – ничего не делает просто так. Значит, нам нужно было попасть именно сюда. Знать бы ещё для чего. Но об этом подумаем

потом, а сейчас тебя нужно куда-то пристроить.

– Да, ты уже об этом говорил. А зачем меня куда-то при-
страивать? Лёш, неси меня опять на дорогу, всё равно по ней
редко ездят. А то проваливаются каблуки и очень неудобно
стоять.

– Давай объясню, – сказал Алексей, после того как пере-
брались на дорогу. – Нам нужно обзавестись документами.
Без них в этом времени долго не погуляем. Первая же про-
верка – и всё! Дело это непростое, но решаемое при условии,
что есть деньги.

– Через твою службу?

– В мою службу лучше не соваться: сразу повяжут. И до-
казать свои слова будет не легче, чем у вас.

– А описание реактора?

– Нужно дожить до того времени, когда его построят, и
желательно не в камере. А если не заинтересовать серьёз-
ных людей, мои микрофиши по науке могут попасть вооб-
ще не к тому, к кому нужно. Объявят галиматьёй и сунут ку-
да-нибудь на хранение. Паспорта закажем у преступников.
Что сделала круглые глаза? Знаю я одну группу, которая до-
вольно долго изготавливала паспорта и другие документы на
вполне приличном уровне. Начали с подделки чужих пас-
портов сразу после войны, а повязали их только в начале
восьмидесятых. Всё упирается в деньги, их потребуется мно-
го и не только для покупки документов. Нужно оплачивать
жильё и на что-то жить.

– Продашь монеты коллекционерам?

– Монеты будут запасным вариантом. После войны народ жил бедно, и большинству было не до коллекций. Наверное, были и среди них богатенькие, но я таких не знаю, а искать – это время. Я ведь рассчитывал на восьмидесятые годы, а здесь никого не знаю и сам официально не существую. Хорошо, что многое запомнил с учёбы. Есть в Москве группа не очень законопослушных граждан, по которым я кое-что помню. Большие любители золота, валюты и драгоценностей. Им можно продать царские червонцы, они не сильно интересуют коллекционеров. Ну и пару серёжек с алмазами. На первое время денег должно хватить. Но публика это опасная, а я пойду не по наводке, а сам по себе, поэтому принять могут по-разному. И зачем ты мне там нужна? Чтобы я за тебя трясся? Я, если что, дам дёру, а как далеко ты сможешь бежать на этих каблуках?

– И куда ты хочешь меня деть?

– Я думаю, что мы где-то под Москвой. Вряд ли тот, кто нами играет, забросит к чёрту на кулички, поэтому сейчас поищем съезд с дороги и пойдём искать деревню. Договорюсь с кем-нибудь о тебе на несколько дней и буду добираться до Москвы.

– А если мы от неё далеко?

– А вот это будет плохо! Без денег и документов мы далеко не уедем. Не хотелось бы опускаться до банальной уголовщины. Но давай пока об этом не думать. Найдём деревню

и всё выясним. Судя по пустынному шоссе, сегодня воскресенье. Сколько сейчас, часов десять?

– Наверное, больше, – посмотрела на солнце Лида. – Смотри, вон там отходит дорога! Только на ней почему-то нет асфальта.

– Как раз то, что нужно, – одобрил Алексей. – Обычная грунтовая просёлочная дорога, и даже пыли не очень много.

– А как я пойду по ней на каблуках?

– Нормально пойдёшь, – успокоил муж. – Дождей давно не было, и дорога твёрдая как камень. Главное – следи, чтобы каблук не угодил в какую-нибудь трещину. Поломаешь свою шпильку, а мне потом нести тебя на закорках. Представляю, как на нас отреагируют в деревне. Мужики в костюмах вроде моего не появлялись там со дня её основания, а такие женщины, как ты, сродни космическим пришельцам. Не устала?

– Если бы не упражнения, ты меня уже нёс бы, – ответила Лида, – а так ещё немного пройду. Эх, были бы туфли без каблучков!

К счастью, долго идти не пришлось. Минут двадцать дорога шла по лесной просеке, но потом лес закончился и пошли поля. Дорога взобралась на невысокий холм, а с него спустилась прямо к деревне, недалеко от которой протекала небольшая речка. Дома стояли в линию вдоль дороги, а за ними до самой реки шли огороды. На дороге не было никого, кроме игравших в мяч мальчишек.

– Точно воскресенье, – сказал Алексей. – В полях никого,

да и здесь не видно, чтобы кто-то надрывал пуп. Ребята, а что это у вас так безлюдно?

Мальчишки, к которым обратился Алексей, оставили свой мяч и несмело приблизились.

– Так ведь обед, дяденька! – ответил самый старший на вид.

– А участковый у вас живёт или бывает наездами?

– Дядька Степан здесь живёт, – сказал тот же малец. – Ездит он к соседям на лисапед. Считайте отсюда пятую хату.

– А Москва далеко от вашей деревни?

– Далеко! – вздохнул мальчишка. – На телеге не доедешь, только на машине.

Поблагодарив ребят, пошли к указанному дому. С его хозяином столкнулись у калитки. Парень чуть старше двадцати лет в непривычной для Алексея милицейской форме вёл к калитке велосипед. Увидев Самохиных, он прислонил его к дереву, одёрнул гимнастёрку и решительно направился к калитке.

– Майор второго управления МГБ Вербицкий, – назвал себя Алексей. – Вы здешний участковый? Предъявите документы!

Младший лейтенант в замешательстве остановился, потом поспешно расстегнул карман гимнастёрки, вынул из него удостоверение и протянул Алексею.

– Участковый уполномоченный Степан Махров, товарищ майор!

– Возьмите, лейтенант, – вернул ему документ Алексей. – Вы должны всех здесь знать. Мне нужно на несколько дней оставить жену у приличных людей. Она у меня горожанка, корову и ту видела только в кино, а тут, понимаешь, загорелось пожить в деревне. Почему не сделать женщине приятно? Посоветуйте, к кому лучше обратиться. Естественно, я хорошо заплачу. Это всего дня на три-четыре и только для неё. Я думал отдохнуть вместе, но не получилось: срочная работа.

– Конечно, товарищ майор! – кивнул Степан. – Я думаю, можно поговорить с нашими соседями. Вот эта хата. Дети с ними уже не живут, но старики крепкие. И им веселее, и ваша жена попробует деревенскую жизнь. Давайте я пойду с вами.

Дед Трофим – крепкий старикан лет семидесяти – большой радости не выказал, но и отказываться не стал, а вот его жена – полная, но очень живая женщина лет на десять моложе его, наоборот, искренне обрадовалась.

– Что там на пять дней, пусть и дольше остаётся! – сказала она Алексею. – Только обувь у неё неподходящая. Я поспрашиваю что-нибудь у соседей, но обувь не платок, не всякая на ногу налезет. Что же вы свою жену в таком привезли?

– Постараюсь исправиться, – пообещал Алексей. – Если быстро обернусь, всё привезу. Куда вы её определите? Хозяйка отвела их в комнату и оставила одних.

– Непривычно? – посмеиваясь, спросил он жену, которая круглыми глазами осматривала своё новое жилище. – Тебя ожидает много открытий, главное, постарайся дожить до моего возвращения. Давай я отберу червонцы, а ты выдели те украшения, которые не сильно жалко. А это у тебя что?

– Магазины к твоему метателю, – ответила Лида. – Все брать не стала, только с цветовой маркировкой. Думаю, что тебе их хватит.

– Мне их теперь хватит на небольшую войну, – проворчал Алексей. – Спрячь получше, не дай бог, кто-нибудь уколется. Всё, червонцы я отобрал.

– Возьми серьги. – Она протянула ему золотые сережки с бриллиантами. – Как думаешь добираться?

– Чёрт его знает! – задумался муж. – В своём времени без колебаний проголосовал бы на дороге. Довезли бы без денег и не спросили бы о документах. А сейчас можно легко нарваться. Дед сказал, что до окраин Москвы километров тридцать. Можно было бы и пробежаться по тёмному времени, но не очень хочется. Одним словом, посмотрю. Вид у меня неподходящий для голосования на дорогах. Сейчас народ одевается просто, многие вообще ходят в военной форме, сняв погоны, а тут какой-то тип в лесу, одетый как на дипломатический приём. Вот что ты подумала бы?

– Я не знаю вашей жизни, но если всё так, как ты говоришь, я не остановилась бы.

– Ага, – вздохнул он. – Трус промчится мимо, а осталь-

ные останоятся и потребуют документы. После войны был такой всплеск преступности и бандитизма! И ещё будет из-за амнистии. А я не имею ни малейшего понятия, какой режим контроля на въездах в Москву. Не хотелось бы шуметь. Слушай, солнышко, через коммуникаторы можно связаться напрямую?

– Можно, но очень недалеко. С изображением километров на десять, а в голосовом режиме в несколько раз дальше. Извини, точнее не скажу.

– Тогда постарайся не вызывать меня без необходимости, а то могут быть паршивые сюрпризы. Ну всё, давай я тебя поцелую и побегу.

До того как начало темнеть, он дважды проголосовал, когда проезжавшие не внушали опасения. Видимо, опасения вызвал он, потому что никто не остановился. Часто в обе стороны двигались военные машины и несколько раз промчались грузовики, в кабинах которых не было свободных мест. Когда стемнело, побежал трусцой по обочине дороги, уже не обращая внимания на автомашины. По расчётам Алексея, осталась половина пути, когда рядом затормозила легковушка.

– Так и будете бежать до самой Москвы? – с насмешкой спросила молодая женщина в военной форме, приоткрывшая дверцу водителя. – Садитесь рядом, так и быть, подброшу.

– И не боитесь? – спросил он, садясь в салон. – Вдруг я

вооружён и очень опасен?

– Василий, он нам опасен? – спросила женщина.

– Не-а, – послышалось с заднего сидения. – Не станет он бузить, да и голову свернуть недолго.

– И намного вы сократили мой пробег? – спросил Алексей, не обращая внимания на подначки. – На час?

– А это смотря на то, куда вам нужно бежать, – она заразительно засмеялась, вызвав у него улыбку. – До предместья, может, и на час, но Москва большая, а ночью бегать по окраинам... Я сама москвичка, но не стала бы этим заниматься. Можно легко заблудиться, да и небезопасно. Ладно, скажите лучше в знак ответной любезности, откуда вы такой взялись?

– Намеряете на костюм? – спросил Алексей. – Не хочу врать, а правде вы не поверите. Но за помощь спасибо. Я уже вдосталь намотался, а нужно ещё где-то устраиваться на ночь. Реально устроиться в гостиницу?

– Когда были в Москве в последний раз? – спросила женщина.

– Ещё до войны. Сейчас приехал с женой к своим старикам в деревню.

– Воевали?

– Воевал, только с преступниками. Подавал заявление на фронт, но непустили.

– Тоже нужное дело, – одобрили с заднего сидения. – Сейчас этой сволочи расплодилось как грязи.

– Ну что, Василий, пристроишь человека? – спросила

женщина и представилась. – Капитан Ольга Смирнова.

– Ты в каком звании, человек? – спросил Василий.

– Тоже капитан, – ответил он. – Алексей Вербицкий.

– Повезло тебе, капитан! – сказал Василий. – И бежать никуда не нужно, и не придётся тратиться на ночлег. Сейчас Ольга тормознёт по дороге, и мы тебя сгрузим возле моей квартиры. Переночуешь, а утром закроешь дверь, а ключ положишь под половику.

– И вы доверите свою квартиру первому встречному? – удивился Алексей.

– А там вся обстановка – стол, стул и кровать с матрасом. Нет, вру, есть ещё стакан. Если тебя устраивает такой номер, бери ключ. Ни в какую гостиницу ты не попадёшь, тем более на ночь глядя.

– А как же вы?

– У нас свои дела, – ответил Василий. – Если получится сегодня выспаться, мы найдём где. Мне почему-то кажется, что тебе нужна помощь. Ведь нужна?

– Не помешает, – вздохнул Алексей. – Спасибо вам, Василий.

– Мог бы добавить «товарищ майор», – проворчал он. – Подъезжаем. Сбавь скорость, Оля, здесь могут быть посты.

Поколесив по тёмным улицам с полчаса, въехали в небольшой глухой двор.

– Вон тот подъезд, – показал рукой майор. – Держи ключ, капитан. Второй этаж, восьмая квартира. Там новые соседи,

так что тобой никто не заинтересуется. Удачи!

Гадая, чем вызвано непонятное доверие к незнакомому, можно даже сказать, подозрительному человеку, Алексей поднялся на второй этаж нужного подъезда, отпер выданным ключом обшарпанную дверь и включил свет. Да, майор ничем не рисковал: всё плохое, что могли сделать с этой однокомнатной квартирой, с ней уже давно сделали и не по одному разу, разве что не спалили. Хотя в одном месте на кухне полы немного обуглены, так что, может, и пытались жечь. Как и говорил Василий, на кухне имелся стол, а в комнате стояла металлическая кровать с панцирной сеткой и худым матрасом. В маленьком коридоре был стул без спинки, а на полке умывальника – стакан. Несмотря на убожество квартиры, она была для него царским подарком. Пожалуй, нужно было переночевать в деревне и двинуться в Москву рано утром. И кого ему благодарить за везение? Того, кто наверху или владельца этой квартиры? Алексей запер входную дверь, сунул в дверную ручку ножку увечного стула и лёг спать. Раздеваться не стал: матрас был грязным, а ткань костюма не мялась, и её нетрудно было почистить. Ночью никто не пытался ломиться в дверь, и он неплохо выспался. Утром Алексей напился воды из-под крана, умылся и с беспокойством осмотрел лицо, на котором уже была заметна щетина. Нужно было как можно скорее разжиться деньгами. Пригладив волосы ладонью, он вышел за порог, запер квартиру и положил ключ под грязный половик, запачкав при этом руку. Алексей

сам родился в Москве и провёл в ней большую часть своей жизни, но район, в котором очутился, не знал. Спрашивая дорогу, он за два часа добрался до нужного дома. Известный ему фарцовщик Рокотов уже пустился в бега куда-то на юг, поэтому этот адрес был у Алексея единственным. Он достал из кобуры метатель и засунул его за пояс, оставив расстёгнутым пиджак, после чего нажал на кнопку звонка.

– Вы к кому, молодой человек? – раздался из-за двери старческий голос.

– Я к Самуилу Яковлевичу, – почтительно сказал Алексей. – Это вы? Мне говорил о вас Алексей Христофорович.

– А что вам нужно от Самуила Яковлевича? – продолжал допытываться голос за дверью. – Стоит ли это того, чтобы тревожить старого и больного человека?

– Я думаю, стоит! – решительно сказал Алексей. – Только так я вам ничего не объясню, не могу я это делать на лестничной площадке!

– Ладно, заходите, – решил старик за дверью, щёлкнув замком.

Дверь распахнулась, но вместо старика за ней оказался крепкий парень. Алексей предполагал, что его не пустят в квартиру просто так, и не собирался давать себя обыскивать, поэтому успел взять в руку метатель. Увидев пистолет, парень рванул правую руку за спину и упал с парализующей иглой в плече. Вторым человеком в квартире был сам старик, который успел вооружиться вальтером.

– Не стоит вам стрелять, Самуил Яковлевич, – примири-тельно сказал Алексей, отступив в прихожую. – Нашумите, а меня не достанете. Я пришёл не за вашей жизнью и не для того, чтобы ограбить, а с деловым предложением. Срочно нужны деньги, и есть что вам предложить. Только очень не люблю, когда на меня наводят пушку, и начинаю нервничать. Ваш компаньон жив и очнётся через час.

– Мне не так много осталось жить, – с ехидством, за которым Алексей уловил страх, сказал старик. – С какой стати я должен вам верить? Пусть будут шум и милиция. Я получу срок за пистолет, но сохраню жизнь.

– Ну и что мне сделать, чтобы вы отнеслись ко мне, как к клиенту? – спросил Алексей. – Только не предлагайте разоружиться.

– Что вы принесли? – спросил старик. – Бросайте свой товар за угол, а я посмотрю, стоит ли иметь с вами дело. Входную дверь закрыли?

– Я не идиот, – недовольно сказал Алексей. – Сразу всё закрыл. Держите! В свёртке полсотни золотых червонцев и пара серёжек с бриллиантами в три карата, причём очень высокого качества. И учтите, что это только первая партия. Монеты у меня остались только коллекционные, и я не собираюсь их вам продавать, а украшения есть с гораздо большими камнями. Мне выгодней иметь дело с вами, чем искать другие каналы сбыта, но если окажетесь жмотом, на этом наше сотрудничество закончится.

Некоторое время было тихо, потом старик предложил:

– Заходите в комнату, но держите пистолет стволом вверх.

Потом одновременно уберём оружие. Чем вы стреляли в Андрея, если говорите, что он должен очнуться?

– Иглой с ядом, вызывающим временный паралич, – объяснил Алексей, осторожно входя в комнату. – Иглу потом придётся вынуть из правого плеча. Неприятно, но в следующий раз не будет дёргаться. Товар подходит?

– Если всё без подвоха, то с вами можно иметь дело, – сказал старик. – Посидите в комнате, а я выйду. Нужно проверить ваше золото и внимательно осмотреть бриллианты, тогда и оценим.

Оценил он всё в тридцать тысяч рублей, бросив на стол перед Алексеем три пачки сторублевых банкнот.

– Я передумал продавать! – решительно сказал тот. – Я считал вас, Самуил Яковлевич, серьёзным человеком, видимо, ошибся.

– Держите! – старик добавил к трём пачками ещё две. – Это окончательная цена. Вы правильно сказали о качестве камней, иначе я не дал бы таких денег. Говорите, есть камни крупней?

– Они все крупней, – недовольно ответил Алексей, забирая деньги. – Серьги я принёс на пробу. Надеюсь, что в следующий раз обойдёмся без стрельбы. Ваш партнёр скоро очнётся, поэтому я исчезаю. Разменяйте немного сотенных, а то у меня нет мелочи на транспорт.

– Я вам не меняла, – выразил недовольство старик. – Давайте вашу сотню. Всё, или нужно что-нибудь ещё?

– Прощайте и не ждите в ближайшее время: я буду занят. Следя за стариком и не поворачиваясь к нему спиной, Алексей прошёл через прихожую на выход мимо начавшего подавать признаки жизни Андрея и с облегчением закрыл за собой дверь. Деньги имелись, теперь нужно было заняться паспортом, для начала своим. Он не знал нужных адресов, помнил только две фамилии членов группы и то, что один из них работал в магазине канцелярских товаров в Калининском районе. Первым делом Алексей зашёл в парикмахерскую и побрился, после чего подкрепился в столовой и занялся поисками. Расспросы и хождения заняли большую часть дня. Он уже начал терять надежду на то, что успеет до закрытия магазинов, когда улыбнулась удача.

– Сапаров? – переспросила его молоденькая продавщица. – Если Фёдор Юрьевич, то это наш директор. Только его сейчас нет на работе и сегодня уже не будет. Вам нужно подойти завтра к открытию, тогда точно застанете.

– Девушка! – взмолился Алексей. – Как мне узнать его адрес? Дело не служебное, а личное, и до завтра ждать не может. Я через пять часов должен уехать из Москвы.

Девчонка не знала адреса, но он оказался известен продавщице, работавшей в другом отделе. Через полчаса Алексей, проигнорировав лифт, поднялся по лестнице на третий этаж дома дореволюционной постройки и позвонил в нуж-

ную квартиру. За дверью прозвучали шаги, и мужской голос спросил, кого надо.

– Если вы Фёдор Юрьевич, то вас, – ответил Алексей. – Возникли вопросы по работе магазина, а вас почему-то нет на месте! Я из районной плановой комиссии исполкома.

С той стороны двери сняли цепочку и открыли замок.

– Проходите, пожалуйста! – сказал открывший дверь полный мужчина лет пятидесяти, одетый в тёплый халат. – Я, знаете ли, немного приболел. Уже конец рабочего дня, так что не стал обращаться к врачу. Вы меня удивили: не ожидал, что работа магазина заинтересует исполком. Неужели на нас есть жалобы?

– В квартире есть кто-нибудь? – спросил Алексей.

– Нет, жена с детьми на даче, – ответил Сапаров. – Я не понимаю...

– Я не веду деловые разговоры в прихожей, – перебил его Алексей. – Может, пригласите в комнату?

– Проходите, – уже не скрывая беспокойства, сказал хозяин. – Садитесь в любое из кресел и говорите, что вам от меня нужно.

– Документы для меня и моей жены, – ответил Алексей, садясь на край кресла. – И работу нужно выполнить качественно и быстро. Мой паспорт нужен уже сегодня, а жену привезу через два-три дня. И не надо изображать недоумение или возмущаться, этим вы только отнимите время у нас обоих.

– Как вы на меня вышли? – спросил Сапаров.

– Это неважно. Окажете мне услугу, получите деньги, и мы с вами расстанемся. Неприятностей с моей стороны у вас не будет.

– Десять тысяч за паспорт, – решил Сапаров. – Деньги платите сейчас. Вами займутся завтра, вашей женой – когда привезёте.

– Устраивает всё, кроме сроков по моим документам, – сказал Алексей. – Мне негде ночевать, а без документов...

– Доплатите две тысячи, и вам обеспечат ночлег. Платите, или я попрошу вас покинуть мою квартиру и больше не появляться.

На следующий день, сделав всё, что было намечено, Алексей на попутках добрался до деревни.

– А я так волновалась! – плакала Лида, прижавшись к мужу. – Думала, если что-нибудь случится...

– Что может случиться с таким, как я? – сказал он, целуя заплаканные глаза. – Деньгами разжился, паспорт получил и даже сговорился насчёт комнаты и уже оплатил. Так что завтра твоя деревенская жизнь заканчивается. Не надо плакать, лучше примерь туфли. И платье я для тебя купил, так что теперь не будешь сильно выделяться. Как ты здесь отдыхала?

– Вчера с женой Степана бегала на реку купаться и ходила босиком по траве, – вытирая слёзы, ответила Лида. – А ещё помогала хозяйке.

– А на реку тоже бегала босиком или на каблуках?

– Нет, хозяйка взяла туфли у кого-то из соседей. Сказала, что их дочь погибла в войну, а обувь осталась. Немного великоваты, но ноги не натёрла.

– И какое у тебя впечатление от сельской жизни?

– Молоко вкусное, курочек жалко, а местный туалет поразил до глубины души.

– А что ещё поразило, кроме туалета?

– Люди мне здесь понравились, не все, но большинство. О природе не говорю: сам должен понимать.

– Ладно, хозяева не будут до ночи сидеть во дворе, дожидаясь, пока мы с тобой наговоримся. Поэтому о важном поговорим, когда завтра пойдём к шоссе.

– Лёш! – она прижалась к нему. – Знаешь, как я по тебе соскучилась?

– И как ты себе это представляешь? Ты не можешь любить тихо, а через двери всё слышно. Сеновал у них есть?

– Я не знаю, но корове сено давали.

– Давай потерпим до завтра? Хозяева квартиры работают, поэтому нам никто не помешает.

– Тогда я отправлю тебя спать на печь, а то рядом не усну. Только там сушатся вишни, надо будет их убрать.

Утром позавтракали, тепло простились со стариками и ушли из деревни. Перед уходом Алексей положил им на стол пятьсот рублей.

– Мог бы дать и больше, – выразила недовольство жена. – Вон у тебя сколько денег!

– Мне не жалко, но этого и так много за те несколько дней, которые ты у них была. Разболтают, что я сорю деньгами, а Степан возьмёт на карандаш. И на будущее запомни, что нам нельзя сильно выделяться.

Новые туфли оказались впору, и платье на Лиде смотрелось хорошо и не бросалось в глаза. Её вещи Алексей завернул в куртки и нёс в руке, держа за ремень.

– Теперь можно и поговорить, – сказал он, когда перевалили через холм и деревня скрылась из виду. – Сейчас пойдем попутку и доберёмся до Москвы. Первым делом веду тебя делать паспорт. Вот мой, можешь посмотреть. Делают очень прилично, при простом осмотре не придерёшься.

– Вербицкий Алексей Николаевич, – прочитала она. – А фотография паршивая.

– Их такие и делают на паспорта, – объяснил муж. – Я поменял только фамилию, тебе сделаем так же, чтобы не путалась. Потом отведу тебя на квартиру, и вместе подумаем, что нужно купить из вещей в расчёте на два месяца.

– А почему только на два? Это ничего, что я всё время задаю вопросы? А то ты сам не объясняешь.

– Сейчас объясню. Москва – город особенный, а время, в которое мы попали, делает его для нас ещё более неудобным. Просто так можем приехать в него только в гости и очень ненадолго.

– А чем неудобно время?

– Тем, что сейчас очень жёсткий контроль населения, а я

плохо знаю его особенности и не имею никаких связей. Читал книги, смотрел несколько кинофильмов, да кое-что изучал, а этого мало. Если будем долго жить на одном месте, быстро привлечём внимание. Выяснят, что мы не прописаны и нигде не работаем, а за незаконное проживание и тушеводство разберутся быстро и жёстко. Если неплохо живёшь и при этом нигде не работаешь – значит вор. Почти всегда так и есть. Я думаю, что месяца через два мы с тобой вообще уедем из столицы. Нетрудно найти много мест, где можно неплохо устроиться. Но всё это только тогда, когда сделаем дело.

– Хочешь кому-нибудь передать микрофиши?

– Только один комплект, – ответил Алексей. – А кому...

Ты не задумывалась, почему мы попали именно сюда? Лида, ты ведь читала все книги Валентина, неужели так сложно сделать вывод?

– Сталин? – предположила она.

– Не только. Давай положим куртки в траву и немного посидим, а то уже скоро дойдём и не успеем поговорить. Что ты можешь сказать обо всей верхушке государства в первые годы после смерти Сталина?

– Пододвинься, а то жене и присесть негде. Вела себя твоя верхушка, как пауки в банке, и начали грызть друг друга ещё при жизни вождя, а после его смерти там вообще не осталось никого порядочного.

– Вот ты и ответила, – довольно сказал Алексей. – При-

ятно, когда такая умная жена. Действительно, они все перегрызлись, а уцелевший Хрущёв столько всего натворил, что остаётся удивляться тому, что при Брежневке так много успели сделать, прежде чем всё начало валиться. Денежная реформа и нефтепроводы, через которые мы качали нефть себе в убыток, целина и идиотские новшества в сельском хозяйстве, разложение советской номенклатуры и конфронтация с Западом.

– И ты хочешь его утопить?

– Его утопить несложно, – вздохнул Алексей, – главный вопрос в том, кто заменит этого утопленника. Какая у нас была раскладка по силам?

– Сейчас скажу... – задумалась жена. – Если по книге, то были три группы. Первая – это экономисты, управленцы и хозяйственники, лидером которых был Жданов. Вторая – это партийные бюрократы во главе с Маленковым и Хрущёвым. А между ними была группа оборонной промышленности и спецслужб. Её представлял Берия.

– И кто из них тебе больше нравится? – спросил Алексей.

– Никто не нравится: мерзавец на мерзавце, и у всех руки по локоть в крови!

– У тебя очень поверхностный подход, – улыбнулся Алексей. – Я сказал бы, что он чисто женский. В то время нельзя было находиться у власти и не запачкаться. Кто-то этим грешил больше, кто-то меньше, но чистых рядом со Сталиным не было. Хрущёв потом кричал, что он не подписывал рас-

стрельные списки, а на поверку выяснилось, что по его распоряжению хорошо почистили архивы. Такое время и такие люди. И не все те, кого расстреливали и высылали, этого не заслуживали. Политических лидеров нельзя оценивать так же, как соседей по лестничной площадке. Вот взять Берию...

Глава 7

– А что Берия? – спросила Лида. – Он же один из главных организаторов репрессий. Неужели ты хочешь его использовать?

– Пока я хочу использовать его как пример того, что политических деятелей нельзя рассматривать только с точки зрения человеческой морали, а потом, может быть, попробую использовать против Хрущёва. Но это только в том случае, если не выгорит основной план.

– Только прибыли, а у тебя уже готовы планы. Ладно, не буду перебивать. Так что по Берии?

– После смерти Сталина Берия, наряду с Хрущёвым и Маленковым, стал одним из главных претендентов на лидерство в стране. Его первого и вывели из игры. Всё организовали Булганин и Хрущёв. Потом, как водится, на него навешали всех собак.

– Какие собаки? – не поняла Лида. – Можешь выразаться проще?

– Если проще, припомнили его грехи и приписали кучу чужих. Берия после этого стал чуть ли не символом зла.

– Если вспомнить всё, что за ним числится...

– А теперь посмотри на это немного иначе, – перебил Алексей. – Да, он мерзавец, и никто этого не отрицает. Только при Сталине система выстроена так, что не может быть са-

мостоятельных игроков. Есть только воля вождя и его установки, которые становятся линией партии. Всё окружение Сталина выполняло то, что он желал, различия могли быть только в мере энтузиазма. Если кто-то начинал действовать излишне самостоятельно, таких предупреждали, а потом вычищали, невзирая на чины и прошлые заслуги. Не был самостоятельным игроком и Лаврентий Павлович. Его самостоятельность проявилась только после смерти Сталина. Именно по его инициативе были освобождены больше миллиона заключённых и отпущено ещё четыреста тысяч находившихся под следствием. Он так же выступил с инициативой значительного расширения полномочий государственных органов власти за счёт партийных. Предложение не прошло из-за Хрущёва. И раньше у него не всё было однозначно плохо. С его приходом на пост наркома внутренних дел сократились масштабы репрессий, а по амнистии освободили триста тысяч человек, хотя аресты продолжались. Берия в кратчайший срок прекратил беззаконие и террор, царившие в НКВД и в армии. Под его руководством была создана мощная агентурная сеть внешней разведки. И он немало сделал для создания ядерного оружия.

– Всё равно мерзавец! – упрямо сказала Лида. – Я читала всё, что ты мне цитируешь, но неужели среди руководства нет ни одного порядочного человека?

– Маленков не устраивает?

– Я не могу вспомнить о нём ничего хорошего.

– К смерти Сталина Маленков твёрдо занял позиции второго человека в партии и государстве, а после неё стал председателем Совета министров СССР. На первом же закрытом заседании Президиума ЦК он заявил о необходимости перейти к коллективному руководству страной, а в мае пятьдесят третьего года по его инициативе было принято постановление правительства, вдвое уменьшавшее зарплату партийным чиновникам и ликвидировавшее дополнительные вознаграждения, не подлежащие учёту. Этим и воспользовался Хрущёв, отменивший коллективное руководство ЦК и вернувший прежние зарплаты и «конверты».

– Все хотят хорошо жить, – вздохнула Лида. – Что ещё?

– Много чего. В августе того же пятьдесят третьего года на сессии Верховного Совета Маленков выступил с предложением в два раза снизить сельхозналог, списать недоимки прошлых лет, а также изменить принцип налогообложения жителей села. Он первым выдвинул тезис мирного сосуществования двух систем, выступал за развитие лёгкой и пищевой промышленности, за борьбу с привилегиями и бюрократизмом партийного и государственного аппарата, отмечая «полное пренебрежение нуждами народа», «взяточничество и разложение морального облика коммуниста».

– И чем всё закончилось? Я это пропустила.

– Через два года его сняли с должности председателя Совета Министров, а ещё через два, после неудачной попытки отстранения Хрущёва, совсем убрали из власти, а заодно и

из партии.

– И здесь Хрущёв, – Лида поднялась с курток. – Может, договорим пока доберёмся до дороги? Кто у тебя ещё?

– Только Молотов, но он хуже Маленкова. И его тоже выжил Хрущёв.

– Так на кого из них ты хочешь делать ставку? – спросила Лида. – Я пока не поняла.

– А ни на кого, – Алексей тоже встал и взял вещи. – Ладно, пошли. Расскажу, сколько успею, а об остальном можно поговорить потом. Помнишь «Ленинградское дело»?

– Читала, но там только второстепенные лица, поэтому я плохо запомнила.

– А кто вычищал этих второстепенных, не помнишь? Тогда я напомним. Это в первую очередь Маленков с Хрущёвым. И не такими уж они были второстепенными. Из всех фигурантов «Ленинградского дела» меня интересуют двое. Это Вознесенский, который возглавлял Госплан и занимал ключевой пост в руководстве советской экономикой, и Кузнецов – секретарь и начальник Управления кадров ЦК. Он так же ведал работой органов юстиции, МВД, МГБ. Оба относятся к группе руководителей, в которую входили молодые работники, хорошо проявившие себя в годы Отечественной войны и успешно работавшие над решением экономических, хозяйственных и организационных вопросов. Своих наследников Сталин видел именно в них. Так он говорил, что в качестве своего преемника по партийной линии хотел бы ви-

деть Кузнецова, а по государственной – Вознесенского. В эту же группу входил и Косыгин.

– Тогда почему он допустил эту расправу? Это не вяжется с образом Сталина. Он должен был завязать в узел инициаторов «Ленинградского дела».

– Ну вот и дошли! – Алексей подошёл к шоссе и положил на траву свой тюк. – Голосовать будешь ты, а я подскажу, когда нужно поднимать руку. Пока голосуем, можно поговорить. С этими работниками разделались, воспользовавшись смертью Жданова, который не отдал бы их на съедение. А Сталину преподнесли сведения, сфабрикованные Маленковым и Хрущёвым. Это было за три года до его смерти. Скорее всего, он уже плохо себя чувствовал, от всего устал и не стал разбираться. Это дело, кстати, было единственным, которое вели не следователи МГБ, а члены партийной комиссии. Приговор вынесли ночью и уже через час расстреляли. Как тебе такое?

– Видимо, боялись, что вождь может вмешаться, – сказала Лида. – Смотри, машина! Тормознём?

– Пропускаем, – решил Алексей. – Это сто десятый ЗИС, нам он не по чину.

– Ну и ладно, тогда закончим с твоими кандидатурами. Я правильно поняла, что ты хочешь не допустить «Ленинградского дела» и сделать ставку на Кузнецова с Вознесенским?

– Ты у меня умница и всё понимаешь с полуслова, – польстил ей Алексей. – Жданов болен, и с этим ничего не по-

делаешь, а вот с Хрущёвым поделаться можно и нужно. Слишком много вреда от этой сволочи. Когда о нём всё узнал, сразу поменял отношение к Брежневу.

– Если для тебя запасной вариант – натравить на него Берия, что же входит в основной?

– Мы натравим на него самого Сталина. До смерти вождя ещё пять лет, и не такой он сейчас дохлый. Если узнает о будущих художествах Никиты, книгу о нём можно выбрасывать за ненадобностью.

– А он поверит? – с сомнением спросила Лида. – Судя по тому, что я читала, личность очень недоверчивая. И как ты к нему попадёшь? У него вроде была какая-то дача?

– Какая-то – это для неё слишком слабое определение, – засмеялся Алексей. – Есть дача в Кунцево, где он постоянно живёт. Но соваться туда – это верное самоубийство. Сотня бойцов, офицеры МГБ, патрули с собаками и защищённый периметр. И у моего самомнения есть границы. Есть вариант получше. Я хочу сделать фотографии книги с биографией Хрущёва и передать их Сталину с помощью его младшего сына. Всю книгу печатать не буду, достаточно половины. И снабжу эти фотографии своими комментариями.

– А станет он тебе помогать?

– Потом договорим, голосуй скорее! – поторопил жену Алексей. – «Эмка» едет.

Лида подняла руку, и возле них, скрипнув тормозами, остановилась неказистая легковушка.

– Садитесь на задние сидения, – сказал Самохиным приоткрывший дверцу лейтенант. – Быстрее, товарищи, не копайтесь!

Алексей открыл заднюю дверцу, помог сесть жене, передал ей тюк и сел сам.

– Спасибо, товарищ майор, – поблагодарил он офицера, сидевшего на месте водителя.

– Благодарите свою даму за красоту и нашего Олега, который её оценил, – хмыкнул тот. – Ради вас я не остановился бы.

– Спасибо, солнышко! – демонстративно обратился к жене Алексей.

– И как это солнышко зовут? – повернулся к ним улыбающийся лейтенант. – Не обращайтесь внимание на сказанное нашим майором. В душе он очень добрый, только редко это показывает.

– Болтун, – сказал ему майор и спросил у пассажиров: – Отдыхаете или как?

– Я капитан милиции, – сказал Алексей. – Сейчас в отпуске. Мы не москвичи, а едем от моих стариков. Специально отвёз жену попробовать деревенской жизни. Её зовут Лидия, а я Алексей.

– Зотов, – представился фамилией майор. – Вам куда надо?

– Подбросьте в любое место, где поблизости есть станция метро, – попросил Алексей. – Хотя можем добраться любым

видом транспорта, лишь бы довели до города.

– Меня, как и вашего мужа, зовут Алексеем, – обратился к Лиде лейтенант. – Как вам деревенская жизнь?

– Если приехать на несколько дней, как я, то просто здорово, – ответила она. – А жить... Слишком много работы, и всё делается вручную. Все с утра до вечера трудятся, как заведённые, без скидки на возраст. Из-за своего хозяйства работают без выходных и отпусков. Кто живёт с детьми, тем немного легче.

– Да, работать приходится, – сказал майор. – Здесь ещё повезло, что в войну уцелели дома. До метро мы вас не доведём, но высадим так, что сами доберётесь трамваем.

После того как их высадили военные, Алексей повёз жену обживать снятую жилплощадь. Хозяева были на работе, поэтому дверь открыл сам.

– Выдали только один, – сказал он о ключе. – Пока не будем разделяться, а потом закажем второй для тебя.

– Я думала, что будем жить отдельно, – растеряно сказала Лида, – а придётся ходить через комнату хозяев. Они же здесь спят?

– Не бери в голову, – успокоил муж. – Нам здесь долго не жить, да и хозяева вполне нормальные люди. Им нужны деньги, поэтому готовы мириться с временными неудобствами. Запомни, если будут интересоваться соседи, мы не квартиранты, а приехавшие погостить родственники. Сейчас оставляем куртки, приводишь себя в порядок, и едем делать

документы. Потом пообедаем и займёмся покупками, поэтому думай, что нам нужно.

– Сейчас я могу думать только о тебе! – сказала жена, глядя ему в глаза. – Ты что обещал? А обещания надо выполнять! А то уйдём и освободимся только к вечеру, когда появятся хозяева. Или тебе это не нужно?

Он взял Лиду на руки и унёс в свою комнату на выделенную им полуторную кровать. Часом позже они закрыли квартиру и пешком отправились к ближайшей станции метро.

– Идти минут двадцать, – предупредил Алексей, – даже больше, но транспортом добираться неудобно, а по пути есть хорошая столовая, поэтому сразу и пообедаем. Не знаю, как ты, а я сильно проголодался.

После не слишком вкусного, но сытного обеда минут сорок добирались до квартиры, где Лиду сфотографировали и сказали, что паспорт нужно будет забрать во второй половине завтрашнего дня. Потом часа три ходили по магазинам, покупая необходимое.

– Я совсем не узнаю Москву, – призналась жена. – У нас сохранилась часть старых зданий, но рядом столько всего построено, что совсем другой вид.

– Я тоже не знаю эту часть города, – сказал Алексей. – Мы жили в другом районе, да и служил далеко отсюда. И в моё время тоже было много новостроек. Всё купили? Тогда давай возвращаться на такси. Надоели мне эти хождения. Денег осталось немного, поэтому скоро нужно будет продавать

что-нибудь из украшений. Ты много их взяла?

– Порядочно. И мелких камней нет. Где будем искать так-си? Я уже устала.

– Нужно пройти ещё квартал. Заодно купим в гастрономе чего-нибудь на ужин. Смотри, какие собрались тучи, а у нас с тобой нет ни зонтов, ни плащей.

Они немного не успели: когда такси въехало во двор, дождь уже лил вовсю.

– Вы все промокли! – увидев их, воскликнула хозяйка – Разве можно в такую погоду без зонта?

– Да, взяли бы у нас, – поддержал её муж. – Быстро переодевайтесь. Есть во что?

– Ничего страшного, Виктор, – сказал Алексей. – Есть у нас во что переодеться и дождь тёплый, так что не простудимся. Забыли мы о зонтах, да и гроза началась очень быстро. Слышите гром? Нет, чай пока не надо, мы позже сами поставим.

Они переоделись, положили половину купленного в шкаф, а всё, что было сверху и промокло, развесили по комнате сушиться.

– Отстань от меня с этим полотенцем! – отмахнулась от мужа Лида. – Не стану я ничего накручивать на голову. Волосы сами высохнут, и с ними будет меньше мороки. Давай лучше ляжем на кровать и закончим утренний разговор. Хозяева не мешают, а делать всё равно нечего.

– Я уже почти всё рассказал. Ладно, ложись к стене, а я

буду с краю. Тебе неясно, с какой стати мне будет помогать сын Сталина?

– Я на его месте указала бы тебе на дверь.

– Тебе просто непонятна ценность той информации, которая у нас есть. В моих книгах нет ни слова о детях Сталина, но я читал о них в других и многое запомнил. В двадцать шесть лет Василий уже генерал-лейтенант авиации, а в этом году его назначат командующим ВВС Московского военного округа. Вскоре умирает отец, и его отправляют на понижение. Фактически это конец карьеры, поэтому Василий наплевал на этот приказ. В том же году его уволят в запас без права ношения военной формы. Обращение в китайское посольство с заявлением, что его отца отравили, и просьбой о выезде в Пекин привело к аресту. Василия обвинили во всех смертных грехах, и через два с половиной года он признал самые нелепые обвинения. В тюрьме просидел восемь лет и вышел на свободу инвалидом. Как ты думаешь, будет он благодарен тем, кто попытается предотвратить такое будущее?

– Во всё это ещё нужно поверить, – скептически заметила Лида.

– Поверит. Во-первых, он прекрасно знает систему. Во-вторых, дадим почитать часть книги. И не надо улыбаться. Это для нас с тобой в ней нет ничего особенного, а для его современников это сплошь конфиденциальная, а то и секретная информация. Текст по тому, что уже произошло, могло бы составить ведомство Берии, но у них не хватит фантазии,

чтобы описать будущее. А в книге на каждой странице по две-три фотографии. А для пущей убедительности свяжемся по коммуникатору. Я думаю, что объёмное изображение твоей головы над моей рукой будет убедительным аргументом. У них нет пока даже обычного телевидения.

– Ну хорошо, – согласилась Лида. – Он тебе поверил, схватил твою книгу и помчался к отцу. И Сталин это съест?

– Ещё как! Он умнее сына и гораздо больше знает, а когда поймёт, что у него только часть книги, захочет узнать больше.

– Только не говори, что к ним пойдёшь! – Лида схватила его за руку. – Там палач на палаче, и никто не будет придерживаться никаких договоров! И ты для них ценен только до тех пор, пока не отдал всё! Затянул меня в чужой мир и хочешь бросить?

– Ты расцарапала мне руку. Успокойся и выслушай внимательно. Моя ценность не ограничивается микрофишами, я знаю о будущем намного больше. Конечно, история страны пойдёт по-другому, а это скажется и за её границами, но многое сохранит свою ценность. Сталин ценил полезных людей, а я могу стать очень полезным.

– Он, может, и оценит, да и то не факт! Не забыл, сколько ему осталось жить? Всего пять лет! А потом начнутся разборки, в которых тебя уберут!

– Для того и нужно идти, чтобы разборки начались не через пять лет, а сейчас, и с теми, с кем нужно разбираться!

Тогда через пять лет не будет никаких разборок. А за это время я постараюсь стать своим. Если я просто отдам книги и исчезну, Хрущёва уберут, и не его одного. А если сейчас расчистить политбюро и часть ЦК, Берия усидит и долго сохранит влияние, а может быть, заберётся на самый верх. И не факт, что при этом уцелеют те же Кузнецов с Вознесенским! Но тебя я с собой не возьму. Устрою в безопасном месте и снабжу деньгами лет на двадцать. Если не будет Хрущёва, не будет и его денежной реформы. А ты станешь одной из лучших художниц Союза. Я тебя люблю, но это нужно сделать, иначе вообще всё лишается смысла. Ну сделают раньше эти реакторы и электромобили – толку-то!

– Какой же ты дурак! Да плевать мне на мир и на деньги! Я ушла с тобой, бросив миллиарды! Вечно вы, мужчины, рвётесь переделывать мир, а о нас не думаете! Зачем всё, если не будет тебя? Если пойдёшь к этому живодёру, требуй больше! Пусть дают квартиру в центре, генеральский чин и машину с охраной! И квартира должна быть просторной, чтобы её хватило, когда у нас появятся дети! И скажи, что я хочу нарисовать его портрет.

– Лида!

– Что Лида? Высшие силы привели нас сюда вдвоём, значит, и делать всё будем вместе! Получится – прекрасно, а если нет, то всё в конечном итоге накроется медным тазом! И о чём тогда жалеть? Где живёт сыночек Иосифа?

– Понятие не имею, – пожал плечами муж. – Будем решать

задачи по очереди. Сначала займусь фотографиями, а уже потом начну искать подходы к Василию. Среди московских чинуш о нём должны знать многие, так что как-нибудь найдём.

– А какие сложности с фотографиями?

– Сложности есть. Желательно делать их на профессиональном оборудовании и нужно распечатать хотя бы первые двести страниц, а лучше, если их будет больше. И работу я должен делать сам. Фотографу нельзя это читать. Придётся с кем-то договариваться, а перед этим продать что-нибудь из твоих драгоценностей.

С этой продажей ничего не вышло.

– Квартира закрыта, а на звонки никто не отвечает, – хмуро сказал Алексей. – Я расспросил соседей и узнал, что её хозяин уехал куда-то на такси с несколькими чемоданами. Наверное, его напугало моё оружие. Надо было врезать его парню по голове, а с ядом получился перебор. Ваш мир подействовал на меня не лучшим образом, раньше я не допустил бы такой промашки. Ладно, завтра возьму несколько монет и съезжу на Тишинский рынок. Плохо, что они у нас только золотые.

– Сам же говорил, что они наиболее ценные.

– Я рассчитывал на своё время, – возразил Алексей, – а здесь бегать с золотом по рынку... Ладно, завтра будет видно. А фотоателье я нашёл и даже договорился с мастером. Оговорил своё присутствие при работе, но не сказал, что его

к ней не допущу, а то примет за шпиона и побежит докладывать. Заломил цену и наверняка после моего ухода крутил пальцем у виска.

– Так ты его...

– Уколю иголкой и свяжу, чтобы не мешал, а когда сделаю работу, расплачусь и исчезну. Если не дурак, не станет шуметь. Но сначала займусь деньгами, а то после фотографий их хватит максимум на месяц.

Утром сходили в столовую, а после завтрака Алексей проводил жену до дома, поцеловал и ушёл за деньгами. Вернулся к четырём часам, когда Лида уже вся извелась.

– Не ругайся! – сказал он, увидев её лицо. – Всё оказалось намного сложнее. Поначалу эти коллекционеры вообще от меня шарахались, как от чумного, а один даже побежал куда-то докладывать. Пришлось делать ноги и ждать, пока они не начнут расходиться. У всех на виду была одна медь, а чем-нибудь ценным обмениваются только между собой. Повезло с одним, который решил рискнуть, да и то покупателем был не он. Наверняка на мне здорово нажились. Продать три редкие монеты за пять тысяч – это почти даром, но главное, что теперь есть канал для восполнения денег. Проголодалась?

– А ты как думаешь? Сам же запретил уходить из квартиры!

– Давай руку, пойдём в столовую шиковать! Пообедаем, а заодно и поужинаем, так что начинай развязывать пояс.

– Пошли быстрее, а то я сейчас захлебнусь слюной. Как

связалась с тобой, вечно хожу голодная!

– Зато будешь стройная, пока я не испорчу фигуру!

– Быстрей бы уж! – прижалась она к нему. – Мы уже столько времени вместе, и ничего.

– У меня по этому поводу есть гипотеза, – сказал Алексей. – Быстрее шевели ногами, а то не буду рассказывать. Валентин пошутил насчёт высшей силы, да и ты совсем недавно ляпнула что-то такое.

– Почему ляпнула? – обиделась Лида.

– Потому что я не верю в бога, – объяснил он. – Кому-то нужно было изменить историю, и его возможности не назовёшь человеческими, но это не значит, что я должен крестить лоб. Так вот, я думаю, что у тебя не будет беременности, пока не выполним необходимого.

– Хочешь сказать, что она помешает работать, поэтому...

– Если кто-то легко перебрасывает людей во времени, ему ничего не стоит устроить им безопасную любовь. Мне недавно помогли офицеры, причём сам я на их месте так не поступил бы. То ли действительно повезло нарваться на очень порядочных людей, то ли их к этому мягко подтолкнули.

– А почему тогда он сам не подтолкнет кого нужно без твоей помощи? А лучше не подтолкнуть, а дать пинка под зад, чтобы шея отвалилась!

– Потому что есть разница в том, подтолкнуть к добру хорошего человека или мерзавца. И одним пинком не ограничишься, да и слишком многих придётся пинать. Навер-

ное, человеческим обществом должны заниматься сами люди. Вот представь, что твой бог начнёт вмешиваться в наши дела на каждом шагу. И что из этого получится? Я не хотел бы жить в таком мире.

– Ладно, посмотрим, что получится у тебя. Уже пришли. Обещал кормить, так корми!

Сегодня качество готовки было хуже обычного, поэтому в столовой долго не засиделись.

– Во сколько завтра пойдёшь в ателье? – спросила Лида на обратном пути. – Не хочешь, чтобы я помогла?

– Не стоит, – отказался Алексей. – Я с трудом договорился насчёт себя. Пойду к закрытию, а домой вернусь очень поздно. Не самое безопасное занятие – мотаться по Москве ночью, тем более с красивой женщиной. Так что меня не жди, и ложись спать. А хозяев сегодня предупредим.

– Ну хорошо, завтра ты всё напечатаешь, а дальше что? Как думаешь искать Василия?

– Есть одна мысль. Его сестре дали квартиру в правительственном «Доме на набережной». Может, и Василий там же живёт? Плохо, что у нас совсем нет нужных знакомств. Ладно, не морочь себе голову, что-нибудь придумаю.

Утром он проснулся первым и долго лежал, глядя на умиротворённое лицо жены. Впервые пришла мысль отдать все материалы и уехать с ней подальше от Москвы, от всей этой паучьей суеты. Он был готов рисковать собой, ставить на кон жизнь любимой женщины готовности не хватало. Устранить-

ся мешала возникшая откуда-то уверенность в том, что его вчерашние слова о зачатии не плод воображения, а доподлинная реальность. Он не хотел прожить жизнь пустоцветом, да и Лида будет несчастной.

– Что ты на меня так смотришь? – спросила проснувшаяся жена. – Я не святая Богородица, меня нужно не рассматривать, а любить. Сейчас уйдут хозяева, и я тебя долго не отпущу. А пока расскажи, чем думаешь заниматься весь день.

– Сходим позавтракать, потом отведу тебя домой, а сам пойду в ресторан.

– А почему не со мной?

– Вдвоём не получится. Мне нужно познакомиться с жаждущим общения клиентом, довести его до кондиции и разговорить. Можно было бы послать тебя. Это более выигрышный вариант, но он должен закончиться койкой, а я пока не готов к таким жертвам.

– А выпитое не повредит в ателье?

– Солнышко, я буду не столько пить, сколько спаивать. Не беспокойся, всё будет нормально. Слышишь, заперли входную дверь. Я тебе точно был для чего-то нужен или только дразнилась?

Весь день Лида не находила себе места от беспокойства. Это просто свинство – вот так её изводить! Сам занят делом, а она за него волнуется! Все купленные книги и те немногие, которые стояли на хозяйской книжной полке, были прочитаны, а слушать радио муж отсоветовал.

– Мы не знаем, на сколько хватит заряда батарей, а коммуникаторы ещё понадобятся. Включи лучше приёмник хозяев, они не возражают.

А что можно слушать по этому убожеству? Одни хрипы, треск и завывания! Хорошо хоть обещал позвонить перед походом в ателье, а то она до ночи сошла бы с ума от беспокойства! Тихая трель вызова пришла в четыре часа дня.

– Можешь говорить? – услышала Лида тихий голос мужа. – У меня всё хорошо закончилось, поэтому иду делать фотографии. Там вообще не ожидаю сложностей, поэтому ложись и отдыхай.

Легко сказать, но попробуй заснуть, когда муж шляется по уголовно наказуемым делам! И то, что муж элитный боец, успокаивает мало. Она всё же попробовала заснуть, но только три часа проворочалась в кровати до его прихода.

– Ну и зачем себя так изводить? – спросил Алексей, держа на руках бросившуюся к нему жену. – Я же говорил, что всё будет в порядке. Фотографии сделал и о Василии узнал. О нём здесь многие знают, популярная личность. Так что осталось изучить его распорядок дня, и можно наносить визит. Правда, есть одна тонкость: я вспомнил, что за ним присматривали органы безопасности. Вряд ли это делалось постоянно, но влипнуть можем. Наверное, сделаем так. Понаблюдаем за домом, чтобы определить, когда он приходит и с кем. Утром Василий едет на службу, поэтому для разговоров мало времени, а ему ещё нужно часа два на знакомство с тек-

стом. Так что остаётся только вечер. Если он приезжает поздно, придётся идти к нему в квартиру, а в дом просто так не пройдёшь. А если пишут его разговоры... Лучший вариант – перехватить одного возле дома, и делать это нужно тебе.

– Бабник? – спросила Лида. – Конечно, сделаю, лишь бы никто не помешал.

– Ладно, – Алексей поцеловал жену в губы и опустил на пол. – Уже поздно, давай спать.

– Ну да! – тихо засмеялась она. – Довёл меня до истерики, а теперь укладываешь спать. Сначала нужно успокоить. Ты хорошо закрыл дверь? Вот и начинай успокаивать, а о хозяевах можешь не думать: я буду кричать тихо. Если ненароком разбужу, они поймут, сами не так давно были молодыми.

Утром проснулись поздно, когда хозяева уже ушли на работу, и первой на этот раз встала Лида.

– Хорошо я тебя вчера заездила! – сказала она мужу. – Как ни проснусь, ты уже не спишь и смотришь на меня так, что в голове не остаётся ничего, кроме желания. А сегодня продрых, и даже не разбудила утренняя возня хозяев. Ну и я смогла вволю полюбоваться на тебя спящего. Встаём или...

– Встаём, а «или» будет как-нибудь потом. А проспал я не из-за тебя. Хоть немного, но вчера пил, ты должна была унюхать. Вот водка и нагнала сонливость, да ещё поздно легли. Сейчас поедим, и нужно в темпе пробежаться по магазинам кое-что купить, в том числе зонты, а потом пойдём знакомиться с домом и его обитателями.

– Дай хоть посмотреть на то, что у тебя получилось, – попросила Лида. – Где фото?

– Вот смотри. Распечатал три сотни страниц. Качество очень приличное.

– А что сделал с бедным фотографом?

– Уколол и связал. Когда он стал приходить в сознание, объяснил, чтобы сидел тихо и не орал, если не хочет получить по кумполу. Товарищ оказался понятливым, и мне не пришлось прибегать к крайним мерам. Когда закончил работу, даже не стал колоть его второй раз, развязал, оставил деньги и ушёл. Понятное дело, что на всякий случай вытер везде пальчики и обрезал провод телефона. Очень сомневаюсь, что фотограф куда-нибудь побежит. Он сам пошёл на нарушение, оставшись в лаборатории после работы с посторонним. Потрясётся от страха и постарается забыть.

Они привели себя в порядок, сходили в столовую и пошли пешком к станции метро. Покупки сделали за какой-то час, сложили в сумку и, не возвращаясь домой, отправились на разведку. По территории определились быстро. Все, кого привозили автомобили, покидали их в сотне шагов от дома и оставшееся расстояние шли пешком. Поэтому, если Василий приедет один, перехватить будет нетрудно.

– Я передумал, – сказал жене Алексей. – Сейчас возвращаемся домой, оставляем вещи и берём фотографии. Обедаем и едем сюда. Если Василий приедет не один, мы его пропускаем, в противном случае ты его перехватываешь и

передаёшь мне. А дальше будем действовать в зависимости от его готовности с нами общаться. Если он нас пошлёт, займёмся Светланой.

Василий приехал один, махнул на прощание рукой водителю и целеустремлённо зашагал к подъезду.

– Извините, Василий Иосифович, вас можно на несколько минут? – перегородила дорогу Лидия.

– Только на несколько минут? – улыбнулся молодой парень в генеральской форме. – Может быть, я могу уделить вам больше времени?

– Это было бы неплохо, – сказал ему Алексей, который подошёл и встал рядом с женой. – Вы можете сейчас уйти, можете попытаться нас задержать, но я не советую, потому что речь идёт о вашей жизни. Мы поможем её сохранить, а вы взамен окажете нам только одну услугу. Если посчитаете это для себя неприемлемым, скажете, и мы уйдём. Но сначала вам нужно ознакомиться с документами, а на это потребуется время. И нам не хотелось бы делать это в ваших комнатах. Не из страха перед вами, а из-за того, что они могут прослушиваться. Что вы нам скажете?

Глава 8

Василий думал недолго.

– У вас есть оружие? – спросил он Алексея.

– Есть, но я не воспользуюсь им без крайней необходимости.

– И вы согласны поехать туда, куда я вас повезу?

– Почему бы и нет? – улыбнулся Алексей. – Если только вы не повезёте на Лубянку или в свой штаб. Поймите, вам не стоит нас опасаться. Поговорим, вы узнаете много нового, а если не захотите иметь с нами дело, просто разойдёмся.

– Какого рода услуга вам нужна?

– Ничего особенного, – сказала Лида. – Отдадите отцу те бумаги, которые почитаете сами. Мы могли бы обратиться к вашей сестре, но вам это проще сделать. К тому же вам выгоднее иметь с нами дело, потому что её, в отличие от вас, никто не тронет.

– Едем! – решительно сказал Василий. – Здесь рядом стоянка такси. Если всё ограничится разговором и просмотром бумаг, вам тоже не нужно бояться. Поедем в «Сокольники», там в это время не так много людей.

Через полчаса они шли по одной из аллей, почти не встречая других посетителей.

– Больше, я думаю, нечего искать, – сказал Василий. – Давайте сядем на эту скамейку и поговорим.

– Я буду говорить невероятные вещи, – начал Алексей. – Постарайтесь не уходить, выслушать до конца и не материться, хотя бы из-за присутствия моей жены. Дело в том, что мы с ней пришли сюда из будущего.

– Действительно, хоть вставай и сразу уходи!

– Чтобы вы этого не сделали, мы покажем действие одного прибора, который используется для связи. Вот он. Это не часы, а что-то вроде радиостанции, которая передаёт не только звук, но и изображение, причём в объёме. В будущем с его помощью можно связываться на огромных расстояниях, здесь возможности скромней, но километров на десять хватит. Мы не будем гонять мою жену далеко, посмотрите так.

Гулявших в пределах видимости не было, поэтому Алексей вызвал Лиду, и у обоих над запястьем вспыхнули голографические изображения.

– Как я уже говорил, передаётся и звук, – сказал Алексей, и его голографический двойник повторил ту же фразу. – Не надумали уходить?

– Говорите, я вас слушаю, – сказал Василий, зачарованно смотревший на изображение головы Лидии.

Оно подмигнуло ему и исчезло.

– Сначала поговорим о вас, – продолжил Алексей. – Я хочу показать и попросить отнести отцу фотокопию одной из книг, описывающих жизнь хорошо известного вам человека. Это Никита Хрущёв. В этой книге о вас ничего нет, но мне довелось читать другую, в которой была коротко описана ва-

ша судьба. Мы не знали, что нас занесёт в это время, иначе скопировали бы и её. Но я думаю, что вам и так интересно послушать. Там было написано, что вы в разговоре с сестрой сказали, что живёте до тех пор, пока жив отец. Эта фраза оказалась пророческой. Нет, вас не убили, но лишили всего и на восемь лет посадили в тюрьму, следствием которой стала инвалидность.

– Когда умрёт отец? – севшим голосом спросил Василий.

– Вечером пятого марта пятьдесят третьего года. Первого марта вашего отца разобьёт паралич и до самого конца он так и не придёт в себя.

– И что мне припишут?

– А что приписывают в подобных случаях? В вашем обвинении было много, начиная от аморального поведения и злоупотребления служебным положением и заканчивая клеветой на СССР. С вами в той ситуации всё равно разделались бы, потому что вы слишком много знали и были невоздержанны на язык. Но если бы сидели тихо, это произошло бы позже и могли меньше пострадать.

– Можете сказать, что я такого сделал?

– Конечно, – ответил Алексей и повернулся к жене. – Ты куда собралась?

– Надоело сидеть, – ответила Лида. – Погуляю рядом и разомну ноги, а вы беседуйте.

– Вы почему-то решили, что Сталин был отравлен, – сказал Алексей, – и попытались вывести всех на чистую воду.

Наплевали на приказ Булганина...

– А что он приказал? – спросил Василий.

– Он направил вас командовать каким-то военным округом. В книге не написали каким, но, скорее всего, где-нибудь подальше от Москвы. В то время вас плотно опекала госбезопасность. Все телефонные разговоры прослушивались, а вы не стеснялись в выражениях. После того как вас выперли из армии, обратились в китайское посольства с заявлением, что отец был отравлен, и с просьбой уехать к ним. После этого вас арестовали, три года вели следствие, и в конце получили признание по всем пунктам обвинений.

– Это они умеют, – криво усмехнулся Василий. – Но если я так себя вёл и говорил об отравлении, значит, были основания.

– Может, и были, – не стал спорить Алексей, – но даже если так, глупо вести себя вызывающе, не имея за спиной сильной поддержки. Вас выбила из колеи смерть отца, и вы слишком привыкли к тому, что всё сходит с рук.

– Когда я умру?

– В конце марта шестьдесят второго года. Точной даты я не помню.

– Сорок один год! И что делать, молчать? Сами же говорили, что всё равно не оставят в покое!

– Успокойтесь, Василий! – повысил голос Алексей. – Вы были такой не один, просто пострадали одним из первых. Делёжка власти началась при жизни вашего отца, но основ-

ные баталии разгорелись после его смерти. В конечном итоге к власти пришла всякая сволочь и кончилось всё очень плохо. Мы ведь здесь не из-за вашей печальной судьбы, хоть я вам и сочувствую.

– Хрущёв?

– Да, но не он один. В результате борьбы за власть уничтожили самых честных, знающих и порядочных, а наверх всплыло всё дерьмо. Будете читать книгу?

– Почитаю, но у себя, – ответил Василий. – Вы же оставляете её для передачи отцу.

– Я хотел сделать пометки на полях, но передумал. В личном разговоре можно сказать больше.

– Вы рискнёте встретиться с отцом? – удивился он.

– Готов рискнуть, – кивнул Алексей. – Я говорил, что всё плохо кончилось, не сказал только насколько плохо. Ради того, чтобы это предотвратить, можно рискнуть жизнью. И потом здесь не вся книга, только две трети. Таких книг у меня несколько, а это история страны до конца века. Кроме того, есть информация по технике будущего, да и я сам очень много знаю. Постарайтесь донести до отца, что он получит от меня намного больше на добровольной основе, чем выбивая зубы в подвалах Лубянки или шантажируя женой. Я мог ограничиться этой книгой, только тогда даже ваша судьба изменится мало. Хрущёв почти наверняка уже конченный человек, но Берия принимал в вашей судьбе не меньшее участие. Его отстранение от власти и арест – это во многом ра-

бота Хрущёва. А если уберут Никиту, может не быть и ареста. Понимаете? Хрущёва ваш отец сотрёт в порошок, но Берию не тронет.

– Я постараюсь сделать всё, что в моих силах, но не могу ничего обещать, потому что отец мало считается с моим мнением.

– Ладно, возьмите пакет, – сказал Алексей, поднимаясь со скамейки. – Поговорите с отцом, а потом мы встретимся, и вы скажете о результате. Если он решит воспользоваться моими знаниями, я готов служить. Только все материалы я отдам лично ему, а уж он пусть решает, кому можно доверить с ними работать. Говорю для того, чтобы у меня ничего не изъяли при обыске. Пусть проверяют, что я не несу оружие или взрывчатку, но потом всё вернут обратно. Не стоит такое оставлять в посторонних руках даже ненадолго.

* * *

– И где эта книга? – хмыкнул отец.

– Забрала твоя охрана! – ответил Василий. – Но я их предупредил, чтобы не вздумали читать.

– Позови Алексея.

Сын вышел и через минуту вернулся вместе с Рыбиным.

– Не разворачивали? – спросил Сталин у телохранителя, кивнув на пакет в его руках. – Ну и правильно, давай его сюда. Оба свободны. А тебе, – он посмотрел на Василия, – я позвоню.

* * *

– Продал двадцать монет, – отчитался Алексей. – Больше у них не было денег. Теперь нужно сохранить наши запасы. Не будем делать тайники в лесу под ёлкой, а спрячем драгоценности, золото и часть денег на чердаке какого-нибудь дома. И легче взять, и ничего не промокнет. А оружие прятать не буду, всё равно им никто не сможет воспользоваться.

– А если отберут? – спросила Лида.

– Если со мной будут считаться, то вернут, а если нет, мне оно не понадобится.

– Когда ты так говоришь, мне хочется плакать! – всхлинула жена. – Когда пойдём к Василию?

– Я пойду, – поправил он, вытирая ей слёзы платком. – Уже прошло три дня, поэтому Сталин наверняка успел оценить нашу книгу. Пообедаем и пойдём искать место для тайника. Если успеем всё сделать до возвращения Василия, то сегодня и пойду. Тянуть время – это только трепать себе нервы. А ты постоишь в сторонке и посмотришь. При любом исходе дела вернёшься домой. От нас до дачи Сталина меньше пятнадцати километров, так что на изображение коммуникаторов хватит. Лучше продемонстрировать вождю твоё изображение, чем тебя саму, а дальше посмотрим.

С тайником управились быстро. В первом же осмотренном пятиэтажном доме люк на чердак был открыт, отсутствовали даже петли для замка. Разгрести насыпку и уложить в углубление купленную деревянную шкатулку было делом нескольких минут.

– Хорошо запомнила место? – спросил жену Алексей. – Тогда я зарываю.

На лестничной площадке никого не было, поэтому они поспешно спустились с чердака и потом по лестнице к выходу из подъезда.

– Вроде не запачкались, – сказала Лида, осмотрев мужа. – Я как?

– Грязи не наблюдается, – ответил он. – Ключ не забыла? Если договорюсь и тебя будут забирать, собери все вещи и выйди с ними в сквер. Ни к чему подставлять хозяев квартиры. И давай уже направимся к Василию, он через час должен подъехать.

– Меня всю прямо колотит! – призналась жена полчаса спустя, когда Алексей оставил её за местом парковки автомашин, а сам собрался встречать сына Сталина.

– Обещай, что если со мной случится несчастье, ты не станешь делать глупостей, – попросил он, прижав её к себе. – Постарайся прожить жизнь счастливо!

– Иди, дурак! – ответила она. – Я тебе наобещаю! Только попробуй умереть! И позвони сразу, как только сможешь.

Алексей отстранился и пошёл к подъезду дома. На душе было паршиво, как никогда. Вот надо было ему влюбиться? Насколько легче рисковать только собой!

Василия пришлось ждать больше двадцати минут. Он, как и в прошлый раз, приехал на машине и сразу же направился к дому. Пройдя половину дорожки, увидел Алексея и ускорил

шаг.

– Хорошо, что вы пришли! – сказал он, протягивая руку для пожатия. – Отец звонил вчера и сегодня. Сказал, что никто не собирается вас гнобить, если сами не дадите к тому поводов. Пойдёмте в дом, мне нужно позвонить.

Василий воспользовался служебным телефоном на первом этаже.

– Выходим и ждём машину, – сказал он после звонка.

Через полчаса подъехал сто первый ЗИС, в котором находились два офицера ГБ.

– Михаил Старостин, – представился открывший дверцу подполковник. – Садитесь в машину. Оружие есть?

– Есть, – ответил Алексей. – Сдать?

– А вы как думали? – удивился он вопросу. – Сдают все, исключений не предусмотрено. Товарищ генерал-лейтенант тоже сдаёт, несмотря на родственные связи.

– Возьмите, – протянул Василий свой ТТ.

– А это моя пушка, – сказал Алексей, передавая метатель рукояткой вперёд. – Можете не осторожничать: в ваших руках не выстрелит.

– Вы не шутите? – подполковник с изумлением осмотрел оружие. – У него даже нет отверстия в стволе!

– Вас как по отчеству? – спросил Алексей и, получив ответ, добавил: – Я не склонен к шуткам, особенно сейчас. Если хотите, Михаил Гаврилович, я позже покажу, как он работает, а сейчас, может, лучше поедем?

– Ладно, давай, Николай, – сказал Старостин сидевшему за водителя капитану. – Всё равно ещё будет досмотр.

В первый раз их проверили, когда машина съехала с Можайского шоссе на дорогу, ведущую к даче Сталина. Увидев знакомых офицеров, машину сразу же пропустили, не спрашивая об остальных.

– Какой-то поверхностный осмотр, – высказался Алексей.

– Я старший сотрудник для поручений при Сталине, – сказал ему Старостин. – Если кого-то везу, значит, имею право. Это не последняя проверка.

Вторая проверка была у ворот на саму дачу, и здесь их тормознули, пока не вышел помощник коменданта Лозгачев.

– Пётр, это тот человек, о котором шла речь, – сказал ему Старостин.

– Оружие имеете? – спросил он Алексея.

– Сдал товарищу подполковнику, – ответил тот.

– Машину на территорию, – приказал Лозгачев. – А вас попрошу на досмотр.

Досмотр происходил не на самой даче, а в примыкающем к ней двухэтажном помещении охраны.

– Что имеется с собой? – спросил Алексея майор ГБ. – Выкладывайте всё, что есть в карманах.

– Это что-то вроде микроплёнки, но разделённой на кадры, – пояснил Алексей, выкладывая пакет с микрофишами. – А это устройство для их просмотра. Вот так его можно разо-

брать на две части и осмотреть. Это оптика, аккумулятор с лампой и устройство управления. Собираю и показываю в работе. Только хочу предупредить, товарищ майор, что просматривать кадры вам или кому-либо ещё категорически не рекомендуется, если не хотите продолжить службу за полярным кругом. Это привезено лично для товарища Сталина. И постарайтесь не повредить устройство для чтения, оно такое одно.

– Учтём, – ответил майор. – Всё выложили? Тогда разведите руки, вас осмотрят.

– Что под мышкой? – спросил один из офицеров, быстро прощупавший одежду.

– Кобура, – ответил Алексей. – Пистолет у Старостина. Все запасные магазины он оставил жене.

– Снимите!

Пришлось снимать пиджак и освободиться от ремней.

– Всё чисто, – сделал заключение проверяющий, ещё раз обшарив Алексея.

– Долго вы там? – заглянул в помещение Старостин. – О нём уже справлялись.

– Можно вести, – ответил майор.

– Товарищ подполковник, – обратился к нему Алексей. – Изъятые плёнки и устройство для их просмотра предназначены для Иосифа Виссарионовича, и мой визит к нему без них не имеет смысла. Кроме того, никому другому плёнки смотреть нельзя. Я уже предупредил товарища майора, но

считаю нелишним сказать и вам. Поверьте, что это очень серьёзно. Принадлежность к ГБ не даёт право на знание всех секретов государства.

– Да, мне говорили, – сказал Старостин. – Я их заберу сам. А вы идите за майором и строго следуйте всем его указаниям. Я сейчас подойду.

Одним майором не ограничились, и на выходе из здания к ним пристроились два офицера. Все прошли через ворота на территорию дачи и дальше, к отдельно стоявшему большому двухэтажному зданию с верандами. Возле входа стоял ещё один офицер, который отступил в сторону, пропуская их через тамбур в просторную прихожую.

– Ждём здесь, – сказал майор Алексею. – Подойдёт подполковник, он вами и займётся.

Старостин не заставил себя ждать и вошёл следом за ними.

– Сейчас я о вас доложу, – сказал он и после стука вошёл в левую дверь.

Отсутствовал минуты три, после чего приоткрыл дверь и приказал Алексею зайти. Он вошёл в просторную светлую комнату, в которой не было другой мебели, кроме большого полированного стола, трёх стульев и кожаного дивана. В одном из углов комнаты находился камин. Сам Сталин сидел за столом, на котором лежали отобранные у Алексея вещи, и с любопытством на него смотрел. Алексей в свою очередь рассматривал вождя, отметив его усталый и нездоровый вид.

Уже не новый серый китель хорошо вписывался в спартанскую обстановку комнаты. Он знал, что у Сталина на даче был кабинет, но от этой комнаты он отличался только отсутствием камина и чехлом на диване.

– Ты приехал сюда играть в молчанку? – с едва уловимым акцентом спросил Сталин.

– Жду, когда хозяин разрешит говорить, – ответил Алексей.

– Хозяин разрешает. Всё, что говорил сыну, правда?

– Если он точно пересказал мои слова... Он ведь сильно волновался. Если хотите, я могу и повторить. Только не помешает ли нам товарищ подполковник?

– Хочешь остаться со мной наедине? – усмехнулся Сталин. – Ты ещё не заслужил такого доверия.

– Иосиф Виссарионович, – упрямо сказал Алексей, – я ничего не имею против товарища Старостина, хотелось бы только знать, что из сказанного здесь станет известным его руководству.

– Ты так плохо относишься органам или испытываешь моё терпение? – спросил Сталин.

– Ну как хотите! – не скрывая досады, сказал Алексей. – Я понимаю, что со многим из того, что я скажу и вам передам, будут ознакомлены отдельные руководящие работники. Со многим, но не со всем же! А если вы опасаетесь меня, то товарищ подполковник вам от меня не защитник. Я пришёл помогать и делать дело, которое считаю для себя важнейшим

в жизни, а не устраивать покушение.

– Поясни, – спокойно сказал Сталин.

– Я офицер Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооружённых сил СССР. Боевиков с такой подготовкой было немного и в России, у вас их нет совсем.

– А почему в России? – удивился Сталин.

– Потому что через сорок лет после моего рождения СССР развалили. Стал бы я идти сюда, рискуя жизнью, и что-то вам доказывать, если бы это не было так важно!

– Говори что хотел, – сказал Сталин. – Михаил, спрячь пистолет! А ты не бойся: всем, что ты скажешь, буду распоряжаться я. Что там Василий говорил о ваших часах?

– Это не часы, а устройство связи. Здесь они работают не в полную силу, но с женой связаться могу. Я только хотел сделать это позже.

– Показывай сейчас. Будет больше веры твоим словам.

Алексей пожал плечами и включил коммуникатор.

– Тебя можно поздравить с генеральским чином? – пошутила жена, но по голосу было заметно, как она волнуется.

– Лида, перестань, – сказал он. – Я сейчас на даче и только начал беседу. Это Иосиф Виссарионович.

Он развернул коммуникатор так, чтобы жена могла видеть Сталина. Её голограмма повернулась от него в сторону стола.

– Здравствуйте! – поздоровалась она. – Вы уже дали мужу своё согласие на то, чтобы я нарисовала ваш портрет?

– Мы ещё не говорили на эту, несомненно, важную те-

му, – усмехнулся Сталин, с удивлением рассматривая парящую голову очаровательной женщины.

– С вашего позволения, я прерву эту демонстрацию, – сказал Алексей, выключая свой коммуникатор. – Не знаю, на сколько хватит заряда батарей, а связь может понадобиться.

– Ты принёс только это, или есть что-то ещё? – спросил Сталин.

– Есть оружие, которое я отдал подполковнику.

– Непонятная штукавина, – сказал Старостин, вытаскивая из кармана метатель. – Похожа на пистолет, но нет отверстия в стволе и не реагирует на спуск.

Сталин с интересом осмотрел оружие, держа его стволом от себя, и вопросительно посмотрел на Алексея.

– Это оружие будущего, – объяснил тот. – Действует только в моих руках. Импульс магнитного поля со скоростью пули выбрасывает небольшие стальные иглы. Весь секрет в накопителе электрической энергии, который имеет чудовищную ёмкость. Заряда хватает на две тысячи выстрелов, а в магазине сто иголок. Может стрелять непрерывно. Часть игл смазывают парализующим или смертельным ядом.

– Сильное оружие! – уважительно сказал Сталин. – Мы можем сделать?

– Не прямо сейчас, но сможем. У меня есть много научных данных, которые позволят со временем делать электростанции, получающие энергию из воды и накопители электричества. Я брал их для электрических автомашин, но мож-

но делать и оружие.

– А теперь рассказывай сам, а я буду задавать вопросы.

– Разрешите? – Алексей подошёл к столу и взял в руки устройство чтения.

Он объяснил его назначение и показал, как использовать микрофиши.

– Удобнее, конечно, всё распечатать, но не с моими возможностями. В этом конверте книги о четырёх Генеральных секретарях партии. Фактически это история развития СССР до конца века. В последней книге описано то, как он развалился. Пятая книга посвящена извержению супервулкана, который положил конец прежней человеческой цивилизации. Ещё есть несколько книг с описанием термоядерных реакторов, накопителей электричества и всего того, что необходимо знать для их создания. Кроме того, я сам знаю много такого, чего здесь нет, и по развитию России и всего мира, и в науке и военной технике. Конечно, не всё можно сделать прямо сейчас и многое в мире изменится, если воспользоваться этими книгами, но я постараюсь изложить все свои знания для их использования в будущем.

– Мне не ясно, как можно попасть в прошлое? – сказал Сталин. – Объяснишь?

– Мне самому это неясно, – ответил Алексей. – Я должен родиться в сорок девятом году, а в семьдесят восьмом непонятно как перенестись на восемьдесят лет вперёд. Там узнаю, что девяносто процентов населения Земли погибло,

а Россия – одна из немногих стран, сохранивших большинство жителей и промышленную мощь. После катастрофы её правительство приняло много беженцев из США и Западной Европы. По причинам, о которых долго рассказывать, будущего у той цивилизации не было. Когда я всё это собрал, – он показал рукой на микрофиши, – меня с женой перебрали к вам.

– Так она не из твоего времени? – спросил Сталин.

– Нет, она из будущего. Влюбилась сама и влюбила меня, всё бросила и ни о чём не жалеет.

– И что же она там бросила?

– Отца и очень крупное состояние. Один учёный в шутку сказал, что меня использует бог, который хочет изменить будущее, но почему-то не делает этого сам, а прибегает к помощи людей. Я не верю в бога, но кто-то, несомненно, очень могучий в этом замешан.

– Мы ещё поговорим об этом и о многом другом, – сказал Сталин. – А теперь скажи, чего бы ты хотел?

– Нужно убрать Хрущёва. Вы прочитали не всю книгу, и не всё там для вас понятно...

– Ты считаешь меня недостаточно умным для своих книг? – прищурился Сталин.

– Я имел в виду другое. Жизнь меняется, и чем дальше, тем больше. Появилось много новых понятий, о которых вы ничего не можете знать, а книги пишутся для современников, и в них нет таких объяснений. Зачем они, если об этом

и так все должны знать? Приведу пример. Вы прочитали о том, что по инициативе Хрущёва на Кубу завезли ядерные ракеты, чем вызвали Карибский кризис. И что вы из этого поняли? Почему именно на Кубу? Кто такой Фидель Кастро? Что такое ядерные ракеты и почему их туда повезли? И почему на это так отреагировали американцы? Для моих современников всё ясно и понятно, а вы не поймёте, пока я не внесу свои пояснения.

– Я понял, что ты имел в виду, – кивнул Сталин. – Да, в конце того, что я прочёл, были непонятные места.

– Я хотел сделать пометки на полях, но не успел, точнее, поторопился из-за жены, – объяснил Алексей. – Она вся на нервах из-за моего визита к вам, поэтому не стал больше тянуть.

– Когда я спрашивал о твоих желаниях, имел в виду не то, кого ты хотел бы убрать в ЦК, – усмехнулся Сталин. – Об этом я подумаю сам. Что ты хочешь для себя? Твоя жена что-то говорила о генеральских погонах.

– Не нужны они мне, – ответил Алексей. – У меня звание капитана, и должны были дать майора, вот вы и дайте майора. Генералов мало, и они на виду, а майоров – как собак нерезанных. Могу поработать в ведомстве Абакумова, если выведут из прямого подчинения. Не откажусь от квартиры.

– А где сейчас живёшь?

– А где я могу жить? Сняли комнату. Не могу же я заявиться к родителям, если ещё не родился!

– А жена?

– Она окончила Промышленный университет и по настоянию отца два года проработала директором на одном из его предприятий. Получалось у неё прекрасно, только ей самой это не нужно. Она художник от бога, а отец запретил рисовать.

– Почему?

– Потому что в будущем этот вид искусства никому не нужен. Картины из музеев растянут чиновники, а новых художников перестанут обучать. Зачем они нужны, если есть фотография?

– Где сейчас твоя жена?

– Ждёт, когда я сообщу результаты своей поездки.

– И что сделает, если вызова не будет? Почему молчишь?

– Потому что не знаю сам. Я обеспечил её на первое время деньгами, но ей ничего не нужно...

– Кроме тебя, – закончил за него Сталин. – Успокойся сам и успокой жену. Ты мне нужен, и ты пришёл сам. Никто не режет курицу, несущую золотые яйца. Генеральских погон у тебя не будет, но всё остальное получишь. Сейчас вам найдут квартиру, и Михаил поможет перевезти туда твою жену. С ним же решите все бытовые вопросы. А с завтрашнего дня, пока тебя будут проводить по службе и оформлять вам документы, поживёте у меня. Здесь пустоует много комнат, а мне будут нужны твои консультации. Михаил, займись его вопросами. Позвони в исполком Георгию Михайловичу,

у них есть резерв по квартирам. Идите оба и занимайтесь делом.

– Ты меня ошарашил, капитан! – сказал Старостин, когда они вышли в прихожую.

– А почему не майор?

– Потому что, по твоим же словам, у тебя капитанское звание. Пойдём, позвоню Попову насчёт твоей квартиры, а заодно в наши кадры. Имей в виду, что руководство заинтересуется. На моей памяти Сталин делает такое в первый раз, обычно всё идёт через министра. Абакумов точно начнёт копать.

Они вместе с ожидавшей в прихожей охраной вернулись за территорию, в то здание, где обыскивали Алексея, и Старостин позвонил председателю исполкома.

– Георгий Михайлович, это не мне нужно, у меня есть квартира. Да, и чтобы непременно с телефоном и хоть какой-то мебелью. Хорошо, я передам, что всё сделано. Ордер оформим задним числом, мне главное – вселить людей! Записываю. А у кого будут ключи? Хорошо, спасибо! – закончив телефонный разговор, он повернулся к Алексею и недовольно сказал: – Морока с тобой, капитан! Попробуй для тебя что-то сделать, если у вас нет документов! Не нужно показывать свою липу, её расколет первая же проверка. Потом объяснишь, откуда взял. Диктуй ваши данные... Так, сейчас вызову машину и дам офицера, поедешь за женой, а потом заселяться. А я поеду в министерство. Такие вопросы, как

твой, не решаются по телефону. Сегодня в лучшем случае пробьют нормальные паспорта, да и то завтра потребуются ваше присутствие. Успеешь сделать фотографии?

– А чёрт его знает, – ответил Алексей. – Если быстро переедем, должен успеть. Я же не знаю, куда нас поселят, а там придётся искать фотографию.

– Ладно, постарайся успеть. Паспорт – это только первоочерёдное. Вот когда я начну лепить из тебя майора, будет весело. Надеюсь, что министру он позвонит сам.

Перед поездкой в город Алексей, как и договаривались, сделал звонок Лиде. Вышел в коридор и быстро сказал, чтобы выходила с вещами. Когда они через час подъехали к скверу, жена уже сидела на лавочке, обложенная сумками. Увидев выпрыгнувшего из ЗИСа мужа, она вскочила с лавки и, растеряв сумки, бросилась к нему.

– Ну, солнышко! – успокаивал Алексей плачущую навзрыд Лиду. – Всё закончилось хорошо, зачем плакать? Подожди, я покидаю сумки в автобус, а поговорим, когда поедем заселяться.

Он быстро всё собрал и уложил в салон автобуса, а сам вместе с Лидой сел на задних сидениях, чтобы их разговор не слышал сопровождавший майор.

– Как всё прошло? – спросила она. – Или ещё ничего не закончилось?

– Всё заканчивается только со смертью. Дали квартиру и присвоят майорское звание. Завтра у нас должны быть нор-

мальные паспорта. А теперь слушай, что отмочил отец народов. Пока будут всё готовить, он поселит нас у себя. Я объяснил, что уже через двадцать лет будет много такого, в чём сложно разобраться без моих консультаций, вот он и решил, что лучше, если я буду под рукой. Ну а ты идешь ко мне до-веском. Вот тебе, кстати, возможность, его нарисовать. Очаруй и сделай наброски, а по ним уже нарисуешь картину.

– А как сегодня спать без мебели? У нас ничего даже постелить на пол...

– Сказали, что будет какая-то мебель.

Когда приехали и им открыли квартиру, оказалось, что она обставлена красивой, хоть и излишне громоздкой мебелью. Отсутствовала только одежда прежних жильцов, и в спальне кто-то снял со стены ковёр.

– Хозяев этой квартиры уже нет, – сказала домоуправ, отведя глаза, – а вещи остались. Теперь это всё ваше.

Глава 9

– Алексей Рыбин, – представился крепкий мужчина лет тридцати. – Я один из телохранителей Хозяина. Он поздно встаёт, поэтому вчера поручил мне вас устроить.

– Устраивайте, – улыбнулась ему Лида. – И куда?

– Есть комната для гостей на первом этаже, но она рядом с кабинетом, поэтому для вас остаётся второй этаж.

– Это значит, что нам не доверяют и не дадут тереться спинами с Хозяином, – объяснил жене Алексей, – а на второй этаж он поднимался считанное число раз. Гордись, жена, будем жить в тех комнатах, где ночевал Черчилль. Ему там, кстати, понравилось. Лифт работает?

– Здесь всё работает, – неприязненно ответил его тёзка, – но вы обойдётесь без лифта. Сейчас туда отведу, а потом посетите нашу кастеляншу и возьмёте бельё. У хозяина дачи свой график, поэтому вы будете пользоваться столовой раньше него. Здесь есть и библиотека. Пока у вас нет документов, по даче лучше не ходить, подышать воздухом можно и на веранде. По всем вопросам обращайтесь к коменданту или его заместителю. Старостин должен появиться к обеду. Вопросы есть? Если нет, прошу пройти за мной.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и осмотрели две большие комнаты, обставленные без большой роскоши. Вся мебель была прикрыта чехлами.

– Пыль уже убрали, – сказал Рыбин, – а чехлы снимите сами. Вот это выход на веранду. Свои вещи принесёте сами. Хозяин составил список вопросов, к которым вам нужно написать свои пояснения. Сейчас спустимся, и я вам его отдам, а заодно отведу к Бутусовой за бельём.

– Не понимаю, что здесь могло понравиться Черчиллю, – сказал Алексей Лиде, когда они принесли вещи и выданное постельное бельё и стали снимать чехлы. – Надо вынести на веранду пару стульев, там действительно хорошо.

– Тебе долго возиться с этими вопросами?

– Минут за пятнадцать отвечу. А что ты хотела?

– Поговорить. Как ты думаешь, здесь есть микрофоны?

– Думаю, что ничего такого здесь нет, – сказал Алексей, усаживаясь за стол писать ответы. – Эти комнаты делались для его дочери, а потом здесь останавливались очень важные лица. Ни о чём секретном они не болтали бы, а риск скандала большой. А сейчас помолчи, а лучше подыши на веранде свежим воздухом.

Он быстро и подробно ответил на все вопросы, после чего спустился на первый этаж и отдал свои записи телохранителю.

– Вы завтракали? – спросил Рыбин.

– Не получилось, – ответил Алексей. – За нами рано приехали и повезли заниматься паспортами, а потом сразу отправили сюда.

– Сейчас без десяти одиннадцать, – посмотрел на часы

Рыбин. – Хозяин в это время встаёт, а завтракает позже. Берите жену и идите на кухню, должны успеть.

Алексей поспешил подняться к себе и вышел на веранду, куда Лида уже вынесла стулья.

– Потом подышишь, – сказал он. – Нас хотят накормить, но поесть нужно быстро, чтобы не мешать Хозяину. Или ты не голодна?

–Издеваешься? В животе так урчит, что было стыдно перед охранниками. Где здесь кормят?

Накормили их без изысков, но очень вкусно и вволю.

– Берите подносы и говорите, что накладывать, – сказала им одна из двух поварих. – Сами всё отнесёте в малую столовую, а потом принесёте посуду. Матрёна Петровна подаёт только Хозяину, ну и если приедут из Кремля. И постарайтесь уложиться в двадцать минут.

В указанное время уложились впритык.

– Я здесь так вкусно ещё не ела! – довольно сказала Лида, собирая посуду на свой поднос. – Вроде не намусорили. Допивай свой компот, пока нас отсюда не погнажи.

Они отнесли грязную посуду и на выходе из кухни столкнулись со Старостиним.

– Я смотрю, вы уже начинаете осваиваться, – сказал подполковник. – Жаль, что успели поесть, я хотел проверить твои вчерашние слова. Да и Сталин вчера об этом говорил.

– Я могу продемонстрировать свои возможности и с полным брюхом, – улыбнулся Алексей. – Долго заниматься тя-

жело, но это не займёт много времени.

– А можно посмотреть? – просительно сказала Лида. – Секрета в этом нет, а мне пока нечем заняться.

– Тебе нужно переодеваться? – спросил подполковник, игнорируя просьбу Лиды.

– Да нет, сойдёт и так, – ответил Алексей. – Золотко, поднимайся наверх. Найдёшь сама дорогу? Вот и хорошо. А я сейчас покажу класс и вернусь.

– Мальчишка, – пробурчал Старостин. – И тебя ещё оформляют майором! Двигай за мной, сейчас посмотрим, как ты покажешь класс.

Они вышли за ворота и по дорожке прошли в дом охраны. Там уже знали о предстоявшем развлечении, и в дежурке собрались несколько свободных от дежурства офицеров.

– Спортзала у нас нет, – сказал всем Старостин, – поэтому пойдём в вашу комнату для отдыха, она достаточно просторная. Для проверки возьмём... Борисова, Козленко и Денисова. Остальные могут присутствовать, но у стеночки. И чтобы никто не мешал!

Они вышли из дежурки и толпой прошли по коридору в комнату отдыха, где находились ещё двое.

– Попробуй положить на лопатки кого-нибудь из них, – сказал подполковник, показав рукой на трёх офицеров. – Третье трепать языком-то все горазды.

– Это слишком просто, – покачал головой Алексей, – и не покажет моих возможностей, а я хочу доказать, что ваше

присутствие рядом с Хозяином для меня ничего не значит. Поэтому давайте я уложу сразу троих. Разрядите свои пистолеты, чтобы кто-нибудь случайно не пострадал. Можете даже расстегнуть кобуры или засунуть свои пушки за пояс. И встаньте вокруг меня на расстоянии трёх-четырёх шагов. Да, примерно так. Все готовы? Тогда начнём!

Здесь собрались неплохие бойцы, и все внимательно следили за новичком, полагая, что у его наглости должны быть основания, поэтому они увидели, что он сделал, вот только проделано было так быстро и четко, что никто не успел отреагировать. Окружённый тремя офицерами парень вдруг прыгнул назад, сбив с ног одного из противников. Потом подхватил упавшего и бросил его на стоявшего слева офицера. Поднялся он уже с пистолетом в руке, который был направлен в лоб последнему из противников.

– Пух! – громко сказал Алексей, имитируя выстрел. – Остальных тоже можно было застрелить или утихомирить десятком других способов. И учтите, что я плотно поел, давно не тренировался и был ограничен в действиях, иначе вообще не стрелял бы, а засветил ему в лоб пистолетом. Было бы намного меньше шума. Достаточно, или хотите ещё?

Они захотели, и Алексей с полчаса демонстрировал разные приёмы и стили боя.

– Пожалуй, хватит, – сказал наконец Старостин. – Беру свои слова назад. Ладно, Хозяину я обо всём доложу, а к тебе будет просьба заняться с ребятами. Для начала хотя бы с

теми, кто изъявит желание.

– Я не против, – ответил Алексей, – но нужны маты, иначе они будут ходить в синяках. И от эпизодических занятий мало пользы, заниматься нужно без дураков. Знаете, как меня гоняли?

– Это понятно, – согласился Старостин. – Условия я вам обеспечу.

Алексей попрощался с офицерами, большинство которых теперь относилось к нему подчёркнуто уважительно, и в сопровождении Старостина вернулся на дачу. Подполковник пошёл докладывать Сталину о результатах проверки, а он поднялся на второй этаж.

– Зацепили? – спросила жена, имея в виду ссадину возле брови.

– Ерунда, – отмахнулся он. – На лицах проверявших таких отметин... в общем, много.

– И что сделает Сталин?

– А что он может сделать? – пожал плечами муж. – Не поставишь же рядом со мной при беседе несколько охранников. Скорее всего, теперь при разговорах не будет посторонних. Альтернатива – гнать меня с дачи и передавать свои вопросы через третьих лиц или забить сапогами в подвалах Лубянки.

– И надо тебе было выделываться?

– Надо, малыш, – он подошёл к сидевшей на кровати жене и сел рядом. – Или он мне доверяет, или нет. А без его

доверия я не смогу ничего сделать, я даже вряд ли уцелею. Поэтому риск оправдан. Думаю, что он меня скоро вызовет.

Вызов состоялся около пяти вечера. За Алексеем пришёл Старостин и отвёл его к Хозяину, на этот раз в кабинет.

– Ну и что мне теперь с тобой делать, капитан? – спросил Сталин, после того как кивком ответил на приветствие.

– Вы понизили меня в звании? – спросил Алексей и, видя, что собеседник не расположен шутить, продолжил: – А что, собственно, произошло? Я доказал, что мог бы причинить вам вред, но не собираюсь этого делать. Я пришёл сюда сам и полностью от вас завишу. Для чего мне вам вредить? Это если не считать того, что только вы можете изменить будущее в лучшую сторону, а ведь я пришёл именно для этого! Я за вас сам кого угодно порву в клочки! И ваше доверие для меня жизненно необходимо, иначе в моём пребывании на этой даче нет смысла.

– Доверие, говоришь! – Сталин взял со стола курительную трубку, повертел в руках и положил обратно. – Выйди, Михаил.

Несколько минут после того, как за подполковником закрылась дверь, он молчал, сверля Алексея неприятным взглядом, потом спросил:

– Что знаешь о моей смерти? Есть что-нибудь в словах сына? Если хочешь доверия, должен говорить мне только правду! За правду, сказанную здесь, тебя никто не накажет.

– Я точно не знаю, – начал Алексей, осторожно подбирая

слова. – В своём времени я неоднократно слышал о версии отравления, но мало этим интересовался. А в будущем подбирал материалы, начиная с Хрущёва, да и то на всякий случай или потому, что меня к этому подталкивали. Но историк, который всё это дал, принёс ещё несколько книг. Он словно предвидел, что это может оказаться важным. А может быть, его, как и меня, подталкивали и направляли. Но я не отдал их фотографировать.

– И что в них было написано?

– Двадцать восьмого февраля вы, по словам Хрущёва, были в Кремле и предложили ему, Молотову, Булганину и Берии посмотреть кинофильм, а после повезли пировать на эту дачу. Уехали они от вас уже под утро, и он отмечал, что вы были веселы и прекрасно себя чувствовали. Позже выяснилось, что вы не появлялись в Кремле с семнадцатого февраля, но вот на дачу к вам эта компания ездила именно в указанном им составе. И показания охраны не стыкуются по времени с его рассказом. А на следующее утро, первого марта, вы долго не выходили. Обеспокоенный Лозгачев направился выяснить, в чём дело, и нашёл вас лежащим на полу в малой столовой. Там же валялся стакан, из которого вы пили минералку. Речью вы не владели, двигаться тоже не могли. Вас положили на кушетку и попытались дозвониться до Берии, но долго не могли его найти. Дальше было написано, что руководство тянуло время, и врачей к вам допустили только через сутки, когда уже поздно было что-то сделать.

Скончались вы пятого марта. Странностей много. Одной из них было то, что прикрепленный к вам полковник ГБ Хрусталёв передал охране дачи ваш приказ, что они сегодня не нужны и могут идти отдыхать. Как выяснилось позже, Хрусталёв оказался человеком Берии. После вашей смерти Берия откровенно ликовал, и не зря. В этот же день состоялось совместное заседание Пленума ЦК партии, Совета Министров и Президиума Верховного Совета, где были утверждены назначения на высшие посты партии и правительства, и по предварительной договорённости с Хрущёвым, Маленковым, Молотовым и Булганиным Берия был назначен первым заместителем Председателя Совета министров СССР и министром внутренних дел.

– Это всё?

– Есть ещё несколько деталей, которые указывают на заговор. Несчастье произошло в ночь с субботы на воскресенье, что тоже сказалось, так как нужных людей приходилось долго искать, а ваши лечащие врачи были арестованы. Вскоре были сфабрикованы слухи о вашей долгой и тяжёлой болезни. В данных ваших обследований, которые всплыли гораздо позже, на неё нет даже намёка. И были свидетельства вашего недовольства Лаврентием Павловичем, а он хорошо помнил, чем оно закончилось для его предшественников. И последнее, что могу добавить. Похоже, что начали вычищать верных вам людей. В пятьдесят втором году был снят с должности бывший начальник вашей охраны, а затем

начальник охраны правительства генерал-лейтенант Власик, заменены и другие должностные лица. Вы назначили на пост коменданта Кремля одного из своих телохранителей – генерал-майора Косынкина. Так вот, молодой генерал-майор Косынкин «безвременно умер» семнадцатого февраля. С этого дня вы больше не ездили в Кремль и всё время находились на даче.

– И ты молчал!

– Это только подозрения, а доказательств у меня нет. Даже то, что я рассказал, не всё можно считать достоверным. О Хрусталёве вспоминала ваша дочь, а она не любила Берию и могла солгать. Кое-кто утверждает, что он предпринимал попытки провести расследования. Вот вина Хрущёва не вызывает сомнений. Была запись о том, что он даже сам этим хвастался, правда, за рубежом. Вы мне и так не сильно верили, а если бы я сходу начал порочить ваше окружение... И мы вообще встречаемся только второй раз.

– Сын действительно вёл себя так глупо?

– Не то слово. Василий просто не оставил им другого выхода. Скорее всего, его просто убрали бы в какую-нибудь дыру и присматривали, чтобы не сильно распускал язык. Но он угрожал обратиться к иностранной прессе, бросился в китайское посольство...

– Ну и что мне с ним делать? – неожиданно спросил Сталин. – Взрослый человек, генерал-лейтенант, а ведёт себя как мальчишка. Сколько ни наказываю, всё без толку. Я ведь

всё равно умру, пусть и позже, и что тогда будет с детьми? Что было с дочерью?

– Она эмигрировала в Штаты, потом вернулась в СССР, но не нашла общего языка с детьми и опять уехала в Америку. Очень неплохо жила на доходы от выпущенных книг и любила путешествовать. Пять браков и несколько детей от разных мужей. Подробности я не запомнил. Умерла в возрасте восьмидесяти пяти лет. Она сама выбрала себе жизнь, на неё не давили даже наши власти. А Василий избалован своим положением и вниманием окружающих. Он и так плохо кончил бы. Были некрасивые истории с женщинами, частые гулянки. В пятьдесят втором он пришёл на правительственный приём пьяный и сцепился с главкомом ВВС. Вы выгнали его из зала, а потом его сняли с должности. В августе вашего сына зачислили в Военную академию Генерального штаба, но он не ходил на занятия. Но о Василии писали не только плохое. Прекрасный лётчик и командир, который сделал много хорошего для своих подчинённых и способствовал развитию армейского спорта. Было что-то ещё, но я уже не помню. Я подвёл бы к Василию хорошего человека, с которым он мог сдружиться. Его нужно чем-то занять и отвлечь от выпивки. Не надо на меня так смотреть, я говорю не о себе. Майор ГБ и генерал-лейтенант ВВС никак не сочетаются. Вы же знаете, как армейцы смотрят на наши погоны! А меня он вообще боится.

– Ты мне сегодня больше не нужен, – сказал Сталин, – иди

отдыхать.

В коридоре Алексей увидел Старостина с Рыбиным, которые смотрели на него с плохо скрываемой тревогой.

– Да успокойтесь вы, Михаил Гаврилович! – сказал он подполковнику. – Что вы, в самом деле, как дети малые! Алексею простительно, потому что он ничего не знает. Прекрасно же понимаете, что он мне нужен живым и здоровым больше, чем вам.

– Что сказал? – спросил Старостин.

– Сказал, что я ему сегодня не нужен. О вас разговора не было. Постучите и проверьте мои слова, а то ведь не заснёте. А я, как и приказано, пойду отдыхать. Да, вы так и не сказали, скоро ли будем обмывать мои звёзды?

– У тебя есть деньги? – непонятно к чему спросил Старостин.

– На водку, что ли? – не понял Алексей.

– Я имел в виду пошив формы. Можешь носить ту, которую выдадут, но большинство старших офицеров шьёт на заказ.

– Найду я деньги.

– Тогда завтра или послезавтра организую тебе поездку в ателье. Заодно можно съездить в министерство. Абакумов подписал приказ, но выразил желание с тобой познакомиться. Можно и проигнорировать, но я бы не советовал. Поэтому завтра дам тебе твою новую биографию. Заучишь и отдашь учить жене. А в министерстве всё должны сделать дня

за три. Ладно, иди отдыхать, а я всё-таки зайду.

Заходить в кабинет ему не пришлось: Сталин вышел сам.

– Вы ещё долго будете мне мешать? – спросил он у Старостина. – В этом доме мало комнат? Его я отпустил, и ты мне сейчас не нужен, хватит одного Алексея.

– Ну и о чём вы так долго беседовали? – спросила Лида, когда муж вышел к ней на веранду. – Или это секрет?

– У нас с тобой теперь вся жизнь будет секретом, – вздохнул он. – Хозяина интересовало, кто его убьёт.

– Разве его убьют? – удивилась Лида. – Я читала, что у него был инсульт.

– Это официальная версия, – объяснил Алексей. – Для своего возраста Сталин был очень здоровым человеком. Судя по всему, ему отравили минералку, а потом сделали всё, чтобы медики прибыли как можно позже. То их набежала целая толпа для лечения какой-то ангины, а как прижало, сутки не подходил ни один врач. И вообще вокруг его смерти было слишком много лжи и подозрительных совпадений. Я где-то читал, что Сталин хотел провести очередную чистку и начать её с Берии. Вот они и засуетились. Я ему рассказал всё, что запомнил. Похоже, он ждал чего-то такого, потому что сразу поверил.

– Значит, ты добился своего, – сделала вывод Лида, – и даже не пришлось врать.

– Убрать мерзавцев – это только полдела, – возразил Алексей. – Свято место пусто не бывает. Кто-то придёт им

на смену! Желаящие встать у руля всегда найдутся, лишь бы после этого не затонул корабль. Убедить Сталина расправиться с врагами несложно: для него это теперь вопрос жизни и смерти. Выбрать тех, на кого нужно опереться, гораздо сложнее. Я ведь сам не до конца уверен в правильности своего выбора. Одно дело читать статьи о людях, совсем другое – отдавать в их руки судьбу страны, не зная никого из них лично. Как себя поведут Вознесенский с Кузнецовым, получив всю полноту власти? Единственное, в чём можно быть уверенным, это в более деловом и профессиональном управлении. Кроме того, не всё определяется первыми людьми. Руководят-то они, опираясь на партийный аппарат. В той реальности, которую мы собрались менять, Маленков потерпел поражение из-за шкурных интересов этого аппарата. Ведь и Сталин не всесилен, и ему часто приходилось отступать перед верхушкой партии, иной раз жертвуя своим авторитетом и сторонниками. Знаешь, что вызвало самые массовые репрессии в тридцать седьмом и тридцать восьмом годах?

– Откуда мне знать, говори уж, если начал.

– В тридцать шестом году приняли новую конституцию, которую назвали сталинской. Она устраняла политическое неравенство между рабочими и крестьянами и наделяла всё население страны равными избирательными правами. Гражданам разрешалось создавать общественные организации, а ВКП(б) была лишь одной из них. Впервые вводились тайные и альтернативные выборы. На одно место должно было быть

не меньше двух-трёх кандидатов. Это и привело к массовым репрессиям.

– Извини, но я не поняла, – сказала Лида. – Объясни.

– Сразу после пленума, который поддержал новый избирательный закон с альтернативными кандидатами, в Москву посыпались зашифрованные телеграммы. Секретари обкомов и крайкомов запрашивали так называемые лимиты – количество тех, кого им можно арестовать и расстрелять или отправить в места заключения. Мотивировали вскрытыми заговорами, которые не позволяют проводить альтернативные выборы. На Сталина оказали сильное давление, и он вынужден был уступить. Такого авторитета, как сейчас, у него не было, а вот прегрешений, с точки зрения партийного руководства, хватало. На время контроль над Ежовым ослаб со всеми вытекающими последствиями.

– Всё равно не поняла, для чего им это понадобилось!

– Большинство партийных руководителей были людьми малограмотными, а результаты их работы оставляли желать лучшего. Отсюда нелюбовь к интеллигенции, которая выражала недовольство таким управлением, и боязнь альтернативных кандидатов. Сталин, конечно, виноват, но главный виновник – это партийный аппарат.

– И что ты тогда построишь с этими людьми? Верхушка партии – это и есть партия! Рядовые члены мало что решают, особенно в таких партиях, как здесь. И наверняка все те, кто просил эти лимиты, до сих пор управляют государством!

– Не все, но многие, – согласился Алексей. – Для меня важны не столько они, сколько сама идеология. Несмотря на ужасное качество человеческого материала, она доказала свою жизненность. И если сейчас избавиться от тех, кто гириями висит на ногах, а в будущем приведёт к развалу... Пойми, что любая общественная система несовершенна. Она зарождается и начинает развиваться или гибнет. Капитализм обеспечил комфортное и спокойное проживание большинству населения развитых стран, но ведь им это благополучие не упало с неба! Сколько пришлось работать, чтобы всё это создать, сколько боролись и проливали кровь, чтобы заставить свою элиту поделиться с остальными! Демократия просто так никому не даётся, её нужно выстрадать, и с ней нужно научиться жить! А если получишь её на халяву, то скатишься к анархии или к диктатуре. И замаскированная диктатура, например, как у вас, ничем не лучше открытой.

– Ладно, давай на этом закончим. Я никогда столько не болтала, пока не связалась с тобой, разве что в детстве. В котором часу у них здесь ужин?

– Ты знаешь, забыл спросить, – Алексей обнял жену и прижал к себе. – Уже проголодалась? Надо заняться с тобой спортом, а то растолстеешь от такой жизни.

– Это я с радостью, – засмеялась Лида. – Сейчас разберу кровать и займёмся!

– Займёмся, но позже. А ужинать рано, да и у Сталина сейчас должен быть обед.

– А почему у него всё так поздно? Встаёт и завтракает, когда уже пора обедать.

– Он очень поздно ложится. Если бы ты засыпала в три ночи, вставала бы тоже в одиннадцать. Сейчас у всего руководства рабочий день заканчивается чёрт-те во сколько. Лида, Старостин обещал организовать поездку в ателье. Нужно заказать пару комплектов формы, вот я и подумал, может, и тебе что-нибудь закажем?

– Давай закажем брючный костюм? – загорелась жена. – Не везде и не всегда удобно ходить в платьях, и я уже соскучилась по штанам.

– Хочешь попасть в законодательницы моды? – засмеялся Алексей. – Где ты здесь видела женщин в брюках? Даже военные носят юбки. Мода на брючные костюмы появится в лучшем случае через десять лет и не у нас. Я хотел предложить сшить что-то вроде женской офицерской формы. Хозяин у нас аскет: должен оценить. Заодно нужно купить тебе всё необходимое для рисования. Ещё не отказалась от идеи с портретом? Вот и нарисуй для тренировки портрет родного мужа. И тебе занятие, и Сталину будет что предъявить. Конечно, если ты не разучилась рисовать. И завтра же нам дадут изучать биографию. Интересно, что там для нас сочинили.

Биографию привезли на дачу в первой половине дня и сразу отдали Алексею под роспись.

– Потом обязательно вернёте подполковнику Старости-

ну, – предупредил его привёзший пакет капитан.

– Ну и кто мы такие? – с любопытством спросила жена, когда он прочитал.

– Ты сибирячка и круглая сирота, – ответил муж, – Составлено так, чтобы желающему что-то проверить пришлось потрудиться. Сочиняли родные органы, так что проверять никто не будет. Сделано для того, чтобы было меньше вопросов у посторонних. Учи, а потом я ещё прочту.

До обеда их никто не беспокоил, а к двум часам подошёл Старостин.

– Изучили? – кивнул он на лежавшие на столе распечатки. – Тогда я забираю.

– Я и сам принёс бы, – сказал Алексей. – Стоило вам подниматься.

– Я пришёл не из-за бумаг, – сказал подполковник. – Через час будет машина с сопровождающим, поедешь в ателье. В министерство съездим завтра, сегодня там нет министра.

– Я хотел взять жену. Там шьют на женщин? Послушайте, подполковник! Не нужно так на меня смотреть: не собираемся мы делать ноги! Можете к одному сопровождающему добавить грузовик солдат и сами составить нам компанию!

– Он всегда такой нервный? – спросил Старостин у Лиды.

– Алексей очень спокойный, – ответила она, – а здесь больше волнуется из-за меня. И вы тоже хороши, Михаил Гаврилович. Если ему доверился сам Сталин, то вам и по-давно нечего проявлять недоверие на каждом шагу. Вот вы

на его месте сейчас сбежали бы?

– Мне и на своём неплохо, – сказал он. – Во всяком случае, так было до вашего появления. Я не верю в то, что вы сейчас сбежите, но должен учитывать и такое. Это гимнастёрка у меня много, а шкура одна. Ладно, поедете вдвоём, но я дам в сопровождение ещё одного человека.

Оба приставленных офицера ГБ молчали всю дорогу, лишь в самом ателье подтвердили заказ Алексея. Его быстро измерили и сказали, что через день всё будет готово. С Лидой провозились дольше. Её заказ на женскую офицерскую форму вопросов не вызвал, а вот требование пошить брючный костюм удивило мастера, который их обслуживал. Жене пришлось минут десять объяснять, что и как должно быть пошито. На обратном пути заехали в несколько магазинов купить краски и всё остальное, что нужно для рисования.

– Надо заехать за водкой и можно возвращаться, – сказал Алексей шофёру.

– Если она нужна для звёздочек, то никуда заезжать не нужно, – вмешался один из офицеров. – Вам всё выдадут из запасов кухни.

– Что это? – удивлённо спросил майор на вахте, когда ему предъявили к проверке несколько сумок со всякой всячиной для рисования, холсты в подрамниках и мольберт.

– Я художник, – сказала ему Лида. – А это мне нужно для работы. Думаю написать портрет Хозяина.

После этого заявления офицеры бегло осмотрели содер-

жимое сумок и погрузили обратно в салон, обращаясь к Лиде подчёркнуто уважительно.

– Зря раньше времени раскатала губу, – сказал жене Алексей, затаскивая покупки наверх. – Сталин не любит позировать даже фотографам. Жаль, что не подумали сделать фотографию того портрета.

– Это ты не подумал, – довольно сказала она, – а я подумала и сделала и заодно взяла с собой несколько семейных фотографий. Я отнеслась серьёзнее к словам Валентина и оказалась права. Мне кажется, что его догадка о вмешательстве бога – это совсем не ерунда, как ты думаешь. Всё, о чём он говорил, произошло на самом деле. Может быть, это не тот бог, которому молятся в церкви, но явно какое-то высшее существо, если для него не писаны законы природы.

– Если не тот, тогда пусть будет бог, – согласился муж. – Для нас с тобой нет никакой разницы, естественная у него сущность или сверхъестественная. Дай мне фотографию портрета матери. Покажу Сталину, возможно, он разрешит тебе сделать наброски. Рисовать в любом случае придётся по ним и по памяти.

– Можно подумать, что мама позировала мне три месяца! – ответила Лида. – Главное – понять человека. Возьми фотографию, но никому не отдавай, она у меня одна. Открой, стучат.

Стучал Рыбин.

– Алексей, возьми список вопросов, – сказал он, зайдя в

комнату. – Мне приказано передать, что к Хозяину скоро приедут гости. Это несколько высших руководителей, которые будут здесь обедать. Такие визиты не редкость, редкость – гости вроде вас. Хозяин не хочет, чтобы вас сейчас видели, поэтому сегодня лучше не выходить из комнат. Если они не уедут, ужин вам принесёт кто-нибудь из нас. Свои ответы отдашь завтра. Нужно что-нибудь ещё?

– Нет, Лёша, спасибо, – ответила Лида. – Если не дадите умереть голодной смертью, то мы отсюда не выйдем.

– И постарайтесь не выходить на веранду и открывать окна так, чтобы было незаметно со двора. Эти люди хорошо знают, что комнаты второго этажа не используются, не стоит вам обращать на себя внимание.

– Хорошо, что здесь есть санузел, – пошутила Лида, когда вышел телохранитель. – Можем отсидеться, не испытывая неудобств.

– В охране наверняка есть люди, которые обо всём докладывают наверх, – сказал Алексей. – О нас знают в министерстве, поэтому узнает и Берия. И не один он такой умный, у других тоже должны быть информаторы. И включение меня в штат министерства и охраны Сталина уже ничего не изменит. У того же Берии возникнет вопрос, с чего такая честь какому-то майору, которого Хозяин поселил в лучших комнатах дачи, да не одного, а вместе с женой. И он легко сможет узнать в министерстве, по чьему указанию у них появился ещё один майор. И как после этого жить в нашей квартире,

особенно тебе? Боюсь, что, пока Сталин с ними не разберётся, мы здесь застрянем. Или он переведёт нас в помещение охраны, хотя, судя по её численности, там нет свободных помещений.

– А он точно будет с ними разбираться? – спросила жена. – С Берией, наверное, разберётся, а вот с остальными?

– Когда имеешь дело с Иосифом Виссарионовичем, предсказывать его действия – неблагодарное занятие. Лишь бы не попытался их сравнить. Раньше он часто так поступал, и это всегда срабатывало, а сейчас может не сработать. Они слишком сильно его боятся и хорошо изучили. С большинством нужно расправляться сразу, и всё делать быстро, не используя аппарат МГБ, только своих людей. А много их у него? И сделать нужно так, чтобы не связали со Сталиным. Народ переживёт такой падёж руководства, а вот партийная верхушка будет в панике. У каждого из лидеров повсюду свои люди, сложились определенные отношения и связи. И всё это враз рухнет. А у нас в традициях, что падение лидера тянет за собой чистку большей части его сторонников. И сейчас нужно действовать по такой же схеме и при этом не навредить управлению государством. Одна надежда на ум, опыт и изворотливость Сталина и на веру в него народа. Это десять лет назад партийные консерваторы могли обвинить его в отходе от канонов и снять, сейчас это не выйдет. И от культа личности может быть польза.

– Давай отдохнём от политики, – предложила Лида. – Пе-

реодевайся и будешь позировать, а я сделаю несколько набросков.

– А почему не сразу на холсте?

– Потому что мне его долго готовить. Ты лучше не спорь со мной, а то нарисую злым и некрасивым! Готов? Голову немного поверни... Вот так и сиди, только смотри на меня, как смотришь, когда я просыпаюсь.

Глава 10

– Что-нибудь получается? – спросил Алексей, которому надоело позировать.

– Уже устал? – спросила жена. – Можешь отдохнуть, но ко мне не заглядывай. Слышишь, приехали машины? Это, наверное, гости. Не хочешь посмотреть в окно? Отсюда должно быть видно, а они тебя не заметят.

– Что на них смотреть! – ответил он. – Их всех нужно быстрее убирать. Хорошо, что Сталин мне поверил, и не пришлось врать. Был заговор или его не было, но я постарался бы подвести его к этой мысли.

– Давай больше не будем о них говорить? – попросила Лида. – В самом деле, сколько можно! Как представлю всю эту огромную пирамиду полуграмотных партийных чиновников, озабоченных только личным благополучием и готовых из-за него лить кровь...

– Бог с тобой, малыш! Откуда ты это взяла? Если бы всё было так, как ты сказала, проще было пойти и повеситься! Какие тогда, к чёрту, реформы! В партии очень много порядочных людей, в том числе и на руководящих должностях. Конечно, они не ангелы, но и не дерьмо. Дерьмо по известному правилу всплывает на самый верх. Я не знаю, сколько сейчас членов в ЦК, но вряд ли больше сотни. И основная борьба после ликвидации верхушки разгорится там! Если удаст-

ся взять под контроль ЦК, никто из остальных и не пикнет! Можно заблокировать созыв съезда и постепенно разбираться со всеми секретарями обкомов и крайкомов, часть из которых заседает в том же Центральном Комитете.

– Всё, я неправа и молчу. Тебе видней, но давай на этом закончим. Ты вроде завтра должен был ехать в министерство?

– Поеду, если Старостин ничего не переиграет.

– Меня волнует твоя поездка. Ты что-нибудь знаешь о министре?

– Об Абакумове? Кое-что проходили в училище. Во время войны он возглавлял «СМЕРШ». Это военная контрразведка. В министерстве государственной безопасности практиковал пытки, а потом его самого арестовали, но сколько ни допрашивали, так и не выбили признания вины. Это всё, что вспоминается.

– Как ты думаешь, о чём будет разговор?

– А тут и думать нечего, ясно, что он попытается выяснить, кто я такой и откуда взялся. И я могу его понять. Если по моей вине что-нибудь случится с вождём, ему не поможет то, что на моём назначении настоял Сталин. Приказ был передан через Старостина и подтверждён Сталиным по телефону. Не осталось ни одной бумаги, всё было только на словах. И формально он мог не подчиниться.

– Что будешь отвечать?

– Хочу попросить Сталина написать ему записку и дати-

ровать её двумя днями раньше. Пусть письменно подтвердит свою просьбу и как-нибудь обоснует свой запрет на мою болтовню. Ему это нетрудно, а у министра появляется соломка, подстелить под задницу. Он и на меня не станет сильно давить. Если эти нахлебники долго не задержатся, сегодня же скажу Старостину.

«Нахлебники» уехали в девять вечера. Самохины поужинали и сидели на веранде, не включая свет, который легко было заметить от ворот даже со шторами, когда послышались голоса, смех и шум моторов нескольких машин.

– Пойдёшь? – спросила Лида. – Не поздно?

– Для него это не время, – ответил Алексей, поднимаясь с кресла, – а вот Старостин может уйти. Уже уехали, так что можешь включать свет.

Он вышел из гостиной и спустился по лестнице в коридор.

– А я к тебе, – сказал ему вышедший в коридор Старостин. – Он хочет тебя видеть.

– Это кстати, – отозвался Алексей, – а то я уже хотел обратиться к вам. Теперь скажу сам. Кто дежурит?

– Григорий Пушкарёв. Ты с ним ещё не встречался, так что я провожу. Пойдём, хозяин не в кабинете, а в рабочей комнате.

Пушкарёв – высокий, широкоплечий парень – дежурил в прихожей.

– Никуда не вышел? – спросил Старостин о Сталине. – Тогда заходим.

Сталин сидел за столом и что-то писал.

– Присядьте, – кивнул он на стулья. – Сейчас закончу.

Дописав, вложил бумагу в конверт и отдал Старостину.

– Оформи и отправь Поскрёбышеву. Теперь разберёмся с тобой. Просьбы ко мне есть?

– Есть, Иосиф Виссарионович, – ответил Алексей. – Мы с Михаилом Гавриловичем хотим завтра посетить Абакумова. Его заинтересовал такой мутный тип, как я. Мало того что я оказался в опасной близости от вас, так ещё нужно присвоить звание старшего офицера ГБ. Я и подумал, что неплохо было бы успокоить его вашей запиской. Всё-таки хоть какой-то документ. Телефонный звонок к делу не подошьёшь. Заодно в ней можно приписать, что вы запрещаете мне распространяться о себе. Наверняка он попытался навести справки, получил в результате дырку от бублика и теперь будет на меня давить. И о моей жене он уже знает и гадает, с чего это ей такая честь.

– Что-то уже придумал? – спросил Сталин.

– Лида хороший художник. Вот фотография портрета её матери.

– Работа мастера, – оценил Сталин, возвращая фото. – Хочет нарисовать меня?

– Я знаю, что вы не любите позировать, – сказал Алексей, – но это не потребует много времени. Она лишь сделает эскизы, а работать будет по ним. И это не к спеху, сейчас она взялась за мой портрет. Нужно вспомнить технику и потре-

нироваться. А для Абакумова хоть и хилое, но объяснение.

– Это не объяснение, а так... – Сталин недовольно нахмурился, достал и раскурил трубку. – О вас скоро многие узнают, поэтому нужно придумать что-нибудь получше, а пока пусть будет портрет. И вот ещё что... От твоего устройства для чтения плёнок устают глаза. Мне сделают все книги, а тебе нужно написать свои объяснения, не дожидаясь, пока у меня появятся вопросы. Я не один буду их читать. Задача ясна? Завтра к вечеру должен подъехать один человек, и я вас познакомлю. А с Абакумовым будь осторожен. Когда оформят все документы?

– Завтра заберём форму, а послезавтра – документы, – ответил Старостин. – Это если ничего не помешает. Послезавтра же включим в работу. Думаю пока с его помощью потренировать ребят.

– Сможешь совмещать с записями? – спросил Сталин. – Ну раз сможешь, потренируй охрану. Это всё? Тогда я вас не держу.

– У руководства работа начинается в девять тридцать, – сказал Старостин, когда они вышли в прихожую. – Утром у Абакумова совещание, потом он с час работает в своём кабинете, а вот, когда закончит, мы и подойдём. Ехать здесь всего ничего, поэтому будь готов к одиннадцати. Шофёра брат не будем, поведу сам. Заодно и поговорим.

– Сказал? – спросила жена, когда он вошёл в гостиную.

– Сказал. Записку он напишет. Я предложил объяснить

твоё пребывание на даче рисованием портрета, так он посмотрел на меня как на дурачка. Сказал, что придумает что-нибудь более жизненное. Плохо, что я почти ничего не знаю по этому времени и не узнаю, если буду сидеть на этой даче. Насколько всё было бы проще, если бы нас перенесли лет на двадцать позже.

– Толку об этом сокрушаться! Ты показывал ему фотографию? Тогда возвращай обратно. Когда едете?

– В одиннадцать нужно быть готовым.

– Позавтракаем, я поглажу брюки, и поедешь. Паспорт сейчас положу в пиджак. Когда поедем за одеждой?

– Не терпится натянуть брюки и посмотреть, как на тебя сделает стойку мужская часть населения дачи? Вынужден огорчить: ты завтра не поедешь. После министерства всё заберём. Это классное ателье: они шьют без повторных примерок, и никто не жалуется.

На следующий день Старостин появился чуть раньше.

– Броский костюм, – сказал он, осмотрев Алексея, – ну да ладно. Раз уже готов, выедем чуть раньше. Заскочим в Кремль кое-что отдать, а потом поедем в министерство.

– И меня туда пустят только по паспорту? – удивился Алексей.

– Конечно, нет. Постоишь на площади, а я обернусь за пять минут. Пошли к машине.

Машиной оказался уже старый ЗИС – 101.

– Удивлён? – усмехнулся Старостин. – Это разъездная ма-

шина для поездок вроде нашей. Хозяин и «девятка» ездят на бронированных сто пятнадцатых. В гараже их пять штук. «Девятка» – это у нас выездная группа охраны.

– А почему вы зовёте его Хозяином? – спросил Алексей, садясь на переднее сидение рядом с подполковником. – Он об этом знает?

– Это для посторонних. Между собой наши ребята зовут его Дедом. Тебе тоже не возбраняется, когда станешь для них своим.

Старостин завёл мотор и после проверки выехал за ворота.

– Хочу с тобой поговорить, – сказал он Алексею. – К тебе теперь многие будут присматриваться, а кое-кто попытается сблизиться. В глазах всех ты новый любимчик Сталина. Вынырнул неизвестно откуда, был обласкан и приближен, даже поселён на даче вместе с женой в комнаты для почётных гостей. Ты знаешь, что там жили Мао Дзэдун, Броз Тито и Черчилль? А теперь живёте вы. Почти наверняка об этом знают уже и Абакумов, и Берия. У них есть здесь свои люди. Не из телохранителей или «девятки», а их тех, кто сидит на воротах и патрулирует территорию. Буду удивлён, если никто не стучит Маленкову. О твоём геройстве в комнате отдыха тоже доложат. Я думаю, что Берия не утерпит и примчится на вас посмотреть.

– Как вы к нему относитесь?

– Нормально я к нему отношусь. И он относится к нашим

парням так же. Частенько заходит поиграть в бильярд или сыграть в козла. Не веришь? Ну и зря. За проигрыш он даже лазил под стол. И давай на ты. А то я тебе тыкаю, а ты мне в ответ показываешь своё воспитание. Мы не сильно разнимся по возрасту и званию.

– Ты просто держал дистанцию, поэтому и такое обращение.

– Ладно, с этим закончили. Держи свою бумагу для Абакумова. Сталин вчера написал. Думаю, что она его удовлетворит. Если со Сталиным из-за тебя что-то случится, погони он потеряет, но может сохранить голову. Войди в его положение и не обижайся: проверять тебя будут в любом случае. И на Власика будут давить, чтобы он держал тебя подальше от Сталина. Николай в данном случае ничего не решает, но Абакумов и здесь прикроется. Он принял меры, а если начальник Главного управления охраны не отреагировал должным образом, его и наказывайте. Так, теперь я остановлю машину, а ты выйдешь и немного подождёшь. Мне нужно передать пакет Поскрёбышеву, а он предупреждён и ждёт, так что я быстро обернусь.

Через пятнадцать минут Старостин вернулся, забрал Алексея и погнал машину на Лубянку. Приехали вовремя. Пропуск на Самохина был готов, поэтому быстро прошли проверку и поднялись на третий этаж. Посланному красной ковровой дорожкой коридору дошли до приёмной министра. Абакумов был у себя и сразу же их принял.

– Здравствуйте, Виктор Семёнович, – поздоровался Алексей. – Я пока не в штатах и в цивильном, поэтому не буду щёлкать каблуками.

– Здравствуй, – отозвался министр, с любопытством осматривая Самохина. – Не обижаешься, что на ты? Ну и прекрасно. Ты ещё не в штатах, а у меня из-за тебя уже прибавилось седых волос. Я не могу отказывать Иосифу Виссарионовичу в его просьбе, а выполнять не имею права! Извини, но ты очень подозрительная личность. У вас с женой ни документов, ни биографии. Вы, случайно, не с неба свалились? И такому человеку я должен присвоить звание майора и ввести в охрану Сталина!

– Я всё понимаю, товарищ генерал-лейтенант, но ничем не могу помочь, – сказал Алексей. – Мне запрещено говорить о своей семье. Прошу вас взять эту бумагу и ознакомиться.

– Ладно, к этому разговору мы ещё вернёмся, – сказал Абакумов, прочитав записку Сталина.

Он хорошо владел собой, но Алексей заметил мелькнувшее на лице удовлетворение. Они перебросились несколькими фразами, и Абакумов их отпустил.

– Завтра придётся приехать в отдел кадров, – сказал Алексею Старостин, – а сейчас едем за одеждой.

От министерства до ателье оказалось недалеко, а одежда была готова и оплачена, поэтому много времени не потратили.

– Тебе идёт форма, – сказала жена, после того как он по её

просьбе надел на себя один комплект обмундирования. – Но я не могу смотреть без улыбки на эти галифе, хотя пошито качественно. Давай теперь я примерю.

– Начни с офицерской формы, – попросил он. – Ты, кажется, что-то меняла?

– Попросила больше приталить, и не делать такую широкую юбку. Постой здесь, а я переоденусь в спальне.

Она ушла в спальню и отсутствовала минут десять.

– Хотел тебя выругать из-за того, что слишком долго одеваешься, – признался Алексей, когда она вошла в гостиную и крутанулась на месте, показывая себя со всех сторон, – но сейчас не поворачивается язык. Я слышал, что для многих женщин мужчина в военной форме выглядит привлекательней. Так вот, хочу сказать, что эта форма и тебе добавила прелести. Так и хочется её с тебя...

– Тогда пойду в ней на обед! – решила Лида. – Посмотрю, один ты падкий на девчонок в форме или это у вас общий бзик. Жаль, в тапочках совсем не тот вид, но не надевать же туфли на моих каблуках. И пойдём быстрее, а то уже три часа, и я проголодалась. Костюм потом померю.

Увидевший их Пушкарёв на мгновение замер, а потом показал Самохину поднятый вверх большой палец.

– Ты ему понравилась, – сказал Алексей.

– Грише? Да, я заметила. Пошли быстрее, всё равно мужчин больше не будет.

Она ошиблась: когда они уже поели, отнесли на кухню

подносы с грязной посудой и возвращались к себе, из кабинета вышел Сталин.

– Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! – поздоровалась Лида.

– Здравствуй, – ответил он. – Постой на месте, посмотрю. Да, так лучше.

– Что он хотел этим сказать? – спросила жена, когда Сталин ушёл.

– Наверное, понравились твои усовершенствования формы, – предположил Алексей. – Теперь все будут щеголять в такой же, и ты сразу потеряешь половину своей привлекательности.

– Ничего, надену брючный костюм, в нём больше этой привлекательности!

– Может не надо? Вдруг я не выдержу, а на полный желудок...

– Слушай, Лёш, – она остановилась перед лестницей и прижалась к мужу. – Как ты думаешь, может у нас уже появиться ребёнок? Ты ведь много успел сделать...

– Тебе так не терпится стать матерью? – спросил он. – Мы сейчас в подвешенном состоянии, случиться может всё что угодно. Куда спешить?

– Было бы мне лет двадцать, я никуда не спешила бы!

– Ты знаешь, малыш, – задумчиво сказал Алексей, – мне кажется, что ты стала выглядеть заметно моложе.

– Ты знаешь, мне тоже! И почему-то это не радует, а пу-

гает. И у тебя исчезли морщинки возле глаз.

– Надеюсь, это не зайдёт слишком далеко. Помолодеть, конечно, здорово, но если это станет очень заметно... Ладно, что мы застряли на лестнице, пошли в комнаты. Сегодня у меня последний нерабочий день, давай хоть его остаток посвятим друг другу.

На следующий день в министерство опять поехали вдвоём на той же машине. После проверки прошли в кадры, где пришлось расписаться в нескольких журналах, после чего выдали удостоверение и сказали, чтобы зашёл к начальнику.

– А Свижелупову что от тебя нужно? – удивился Старостин. – Тоже разыграло любопытство? Так вроде не тот человек. Ладно, давай быстрее, нам ещё нужно зайти в финансовый отдел за подъёмными.

Худой генерал-майор с невыразительным лицом не задержал, задал несколько ничего не значащих вопросов и отпустил. Наверное, ему действительно было интересно посмотреть на Самохина. На получение денег ушло минут десять, после чего они покинули министерство и направились к своей машине.

– Когда приедем, получишь оружие и начинай работать, – сказал Старостин. – Хватит уже бездельничать, а то скоро начнёт расти брюхо. Ношение формы необязательно, но я советую носить, хотя бы в первое время.

* * *

– Иосиф Виссарионович, прибыл Берия, – доложил Ста-

ростин.

– И где он? – спросил Сталин. – Ему нужно специальное приглашение?

– Столкнулся в коридоре с Самохиной. – Старостин замялся. – Вы же знаете Лаврентия Павловича. Чтобы он просто так прошёл мимо красивой женщины... Сейчас пробует её обхаживать.

– Скажи ему, Михаил, что если через минуту не будет здесь, может сразу же уезжать.

Подполковник вышел из кабинета и подошёл к Берии, который задержал Лиду в коридоре и сейчас о чём-то её расспрашивал.

– Лаврентий Павлович! Товарищ Сталин приказал передать, что у него мало времени, поэтому если вы сейчас же не пройдёте в его кабинет, он не сможет вам его уделить.

– Ну мы ещё поговорим! – сказал Лиде Берия, бросил недовольный взгляд на Михаила Гавриловича и скрылся в кабинете.

– Зря вы надели штаны, – с досадой сказал Старостин, – да ещё эти туфли. Он и так сделал бы на вас стойку, а теперь не отвяжется. Женщины – это его слабость. Вам ничего не сделает, а вот Алексею при случае может припомнить. На будущее советую одеваться не так вызывающе.

В кабинете Сталин, не отвечая на приветствие Берии, несколько минут рассматривал его оценивающим взглядом.

– Я в чём-то виноват? – забеспокоился тот. – Это из-за

этой женщины, да? Михаил доложил? Так ничего не было, просто поговорили. Давно не видел таких красивых женщин, а эта ещё необычно одета.

– Можешь её не обхаживать, – сказал Сталин. – Ей нужен только муж, который открутит тебе шею. И не помогут твоё положение и охрана. Он и так тебя недолюбливает, не стоит давать повод для ненависти.

– И из-за чего у него ко мне неприязнь? – прищурился Берия. – Сам из-за меня пострадал или родные? Это ведь ваш новый майор? Я его знаю?

– Не знаешь, – Сталин достал и раскурил трубку. – И он тебя не знает, просто читал то, что писали другие. Я хотел вас познакомить.

– И что в нём ценного, что так обхаживают? Даже поселили на даче!

– Узнаешь. Для начала возьми эту книгу, садись на диван и читай.

– О Никите написали книгу? – удивился Берия, взглянув на фото титульного листа. – Это ведь не печать, а фотографии?

– Пока об этом любителе гопака никто книг не писал. Ты пропустил самое главное – дату.

– Но, товарищ Сталин, это же полная чушь, – растерянно сказал Берия. – Я в такое не верю!

– А тебе не надо верить или не верить! Я сказал читать, значит, читай! Начало, включая войну, можешь пропустить.

Там есть интересные моменты, но не будем терять время. Захочешь – посмотришь потом. Читай до закладки, закончишь – скажешь. Я тоже пока почитаю.

Берия читал около часа. Дойдя до закладки, он закрыл книгу и поднялся с кресла.

– Дочитал? – спросил Сталин, отрываясь от своей книги. – И как тебе прочитанное? Сядь, разговор будет долгим.

– Откуда это? – охрипшим голосом сказал Берия. – Это принёс муж той женщины?

– Он мне, Лаврентий, принёс не только это, а вообще всю историю до конца века. И помимо книг были другие доказательства. Да и книги... Ты знаешь, что я недоверчивый человек и любого, пришедшего ко мне с дикой историей и пачкой отпечатанных листов, отдал бы разбираться тем, кому положено этим заниматься. Но этот поступил умно. Он сначала встретился с Василием и рассказал ему о моей смерти и о его собственной судьбе.

– И он поверил?

– Видимо, был готов к чему-то такому, – ответил Сталин. – И ему тоже дали почитать книгу. А там ведь не только текст, ещё много фотографий. И фотографии можно подделать, но не всегда и не в таком количестве. А в последних книгах на них такое, что не хватит фантазии придумать.

– И Василий примчался к вам?

– Сначала позвонил. Хоть в этом его приучили к порядку. Потом приехал, всё рассказал и оставил отданную ему часть

книги.

– Почему отдали только часть?

– Потому что у них с собой не было фотографий, только это.

Сталин положил на стол устройство чтения и микрофониши.

– Это разрезанные на кусочки кадры фотоплёнки. Изображения очень маленькие и занимают мало места. А с помощью этого их можно читать. Вот сюда вставляешь, включаешь и читай. Смотри, какое качество фотографий и что на них показано. Сумеешь ты это подделать? А первую книгу он отпечатал уже здесь в фотоателье. Договорился с фотографом, потом оглушил, связал и сам выполнил всю работу. Деньги, говорит, заплатил, но на всю книгу не хватило бумаги. Я начал читать и не нашёл ничего такого, что не могло бы произойти. И ещё эти фотографии. Захотел дочитать до конца, поэтому позвонил сыну и сказал, что этот пришелец из будущего может меня навестить. Он и навестил, а заодно показал работу устройства связи. Размером и формой напоминает обычные часы, а позволяет не только переговариваться, но и видеть собеседника. И изображение цветное и объёмное. Помимо истории он принёс научные книги.

– А для чего он пришёл сюда, рискуя собой и женой? Не для того же, чтобы поселиться на вашей даче и стать майором нашего МГБ? Какая цель?

– Его никто не спрашивал. Люди и в будущем не умели

такого делать. Советский Союз развалится, а он хотел это предотвратить. Он думает, что этого же хочет тот, кто сюда их послал.

– И кто это может быть?

– Он не знает. Давай поговорим о моей смерти. Лаврентий, скажи откровенно, ты мог бы меня убить?

– Да вы что! – вскочил Берия. – Я всем в своей жизни обязан вам!

– Сядь и не дёргайся! – приказал Сталин. – И не нужно мне врать! Сейчас ты мне не враг и не желаешь вреда, а что будет в пятьдесят третьем году, никто сказать не может. О моей смерти в этой книге почти ничего нет, но мой гость читал и другие, где об этом написано много всего. И точно известно только то, что меня отравили и в этом замешан Хрущёв. Под подозрение попали Маленков, Булганин и ты.

– Да я...

– Помолчи, я сказал! Я не могу исключить того, что и ты принимал в этом участие, но думаю, что тебя просто подставили. Потом, чтобы не копался в этом деле, повысили и дали МГБ. Ты читал, чем это для тебя закончилось. Я долго думал, прежде чем тебя позвать. Я прочитал все книги, а сейчас перечитываю их по второму разу. И знаешь, читая, понимаю, что после правления Хрущёва всё должно прийти к развалу. Наше будущее можно поменять, и мы его меняем. Хрущёва нужно убрать в первую очередь. Насчёт Маленкова я до конца не решил, а Булганина заменим надёжным чело-

веком. В том, что нужно сделать, потребуется поддержка армии. Основную работу придётся выполнить тебе. Даже если я не допущу своей смерти в пятьдесят третьем, долго оставаться у руля не получится. Силы уходят, и никаким врачам это не остановить. Пока смогу, я тебе помогу, а потом будешь работать сам. Слушай внимательно. Никиту нужно убрать, не привлекая министерство. У меня есть свои люди, но я не хочу их использовать. Что можешь посоветовать?

– Через Абакумова действовать нежелательно, – задумался Берия. – Привлечём слишком много внимания. Лучше обратиться к Судоплатову. Его можно использовать, ни во что не посвящая. У него много спецов, для которых это нетрудно сделать. Они не обсуждают приказы и будут молчать. Давайте я возьму это на себя. Как думаете, лучше всё сделать тихо, или, наоборот, на шуметь и использовать его смерть в своих интересах? Можно было бы под этот шум снять Абакумова и отдать министерство мне. Так было бы намного легче работать.

– Об этом ещё подумаем, – оборвал его Сталин. – Ты слушай дальше. Давно назрела необходимость провести чистку верхушки партии. Слишком много в ней тех, кто не хочет и не умеет работать и не даёт делать это другим. Ты знаешь, что они и мне не дали провести реформы десять лет назад. И свою опору Никита нашёл в них. Я написал Поскрёбышеву, чтобы собрал компромат на членов ЦК, особенно на тех, с кем дружен Хрущёв. По моему распоряжению он давно

кое за кем присматривает. Я думаю арестовать тех, кто замаран, а остальных поставить перед фактом. Заодно выступлю с обращением к народу с просьбой о поддержке. Тогда уцелевшие члены ЦК будут сидеть тихо. Объявим, что со временем проведем внеочередной съезд партии, а сами развернём чистку секретарей обкомов и крайкомов. Всех, кто залит кровью, нужно убрать, причём сначала судить и всё освещать в печати. Народ должен это поддержать. И нужно передавать власть партии советским органам. Не всю, но большую часть. Тридцать первого августа должен умереть Жданов. Что вскинулся? Меня это резануло по сердцу. Один из единомышленников, можно сказать, друг. Я позвонил и узнал, что у него неважно с сердцем. Он и ко мне из-за этого не заезжает, видимся только в Кремле. И в августе он собрался в санаторий, всё как в книге. После его смерти начнут разбираться с врачами, большинство которых были евреями. Написано, что всех уцелевших потом реабилитировали. Надо проследить за этим делом и разобраться. Но меня в связи с его смертью интересуют не эти евреи с медицинскими дипломами, а большая группа партийных и хозяйственных работников, которых расстреляли по делу, начатому Маленковым и Хрущёвым. Это Кузнецов, Вознесенский, Родионов и многие другие. Само дело высосано из пальца, но в результате погибли очень ценные работники. Я на них рассчитывал и непонятно, почему не вмешался. Написано только, что Хрущёв с Маленковым подсунули мне сфабрикованные доказа-

тельства их вины. Их осудила ночью партийная комиссия и через час всех расстреляли, так что, может быть, я просто не успел. Тебе они пригодятся. Эту книгу потом хорошо изучи. Почти все, с кем после моей смерти расправился Никита, оказались очень ценными работниками, например, Пономаренко. И неплохо бы тебе поближе сойтись с Алексеем. О его жене сразу забудь, и вообще пора тебе менять свою жизнь. За первыми лицами следит много глаз, а всем рты не заткнёшь.

– Если ваш Алексей меня невзлюбил...

– Я с ним поговорю, – пообещал Сталин. – Он не знает тебя, а судит только на основании публикаций. Если увидит, что ты работаешь на благо страны, и отношение будет другим. Он очень много знает и может быть полезным.

– А кто он? – спросил Берия.

– Управление разведки Генерального штаба. Он был капитаном в каких-то отрядах специального назначения. Слышал уже, как он разбрасывал орлов Власика?

– Передали, – кивнул Берия.

– Я поручил ему описание непонятных слов, которых много в книгах, а попутно пусть тренирует охрану.

– А кто его жена? Да я не в том смысле, просто интересно!

– Окончила Университет и два года работала директором завода. Сходи в охрану и передай Алексею, чтобы зашёл ко мне, а сам начинай заниматься Никитой. Только действуй осторожно. Может, не стоит обращаться к Судоплатову, а обойдётся своими людьми?

– Я буду осторожен, товарищ Сталин, – пообещал Берия. – Судоплатов умный человек и знает, что Абакумов не будет вечно сидеть на своём посту, а в этом министерстве при чистках замы часто идут до вестком к руководству. А я всё ещё ваш человек. Поэтому попробую подключить его, а если не получится, буду действовать сам. Пойду в охрану, сегодня уже не увидимся. Постараюсь заехать завтра почитать эту книгу.

Через пятнадцать минут после его ухода постучался Рыбин и доложил, что прибыл Самохин.

– Вызывали? – спросил Алексей, заходя в кабинет.

– Видел Лаврентия? – спросил Сталин. – А теперь садись, поговорим. Как ты представляешь чистку партийных рядов? Убрали Хрущёва с Маленковым или Берию, и всё партийное руководство разом поумнело, перестало зубами держаться за власть и лить кровь? Ты их не знаешь, а я знаю. Знаешь, кто делает революции? Большинство – это неудачники, у которых не хватило ума или способностей устроиться в жизни. Поэтому, вместо того чтобы менять себя, они пытаются изменить окружающий мир. А меньшинство, к которому отношусь и я, думает уже не только о себе, но и о других. Нельзя изменить мир к лучшему, думая только о себе. Вот ты взъелся на Лаврентия из-за того, что кто-то вылил на него ведро помоев. Но это книжный Лаврентий, настоящего ты не знаешь. А он у нас очень способный человек, не заваливший пока ни одного поручения. Одна слабость – бабы. Но

идеальные люди встречаются редко, а во власти их нет вообще. Для чистки партийных рядов это идеальная кандидатура. И я не верю в то, что он принимал участие в покушении. Не стал разбираться, потому что меня уже не вернуть, а своя шкура одна и другой не будет. Ну и кость ему бросили, чтобы успокоить. И всё ещё только должно произойти, но не произойдёт, если мы это переиграем. У нас есть много молодых и способных, но им рано брать власть, они её не удержат, а Лаврентий сможет удержать и не дать их на расправу.

– Мало он сам их репрессировал? – недовольно буркнул Алексей.

– Немало, – согласился Сталин, – но меньше, чем другие. И у него были связаны руки. Я сам часто вынужден был делать не то, что хотелось, а то, что позволяли. Всё не мог делать даже император. И потом ты судишь с позиции своего времени. Сунуть бы тебя в те годы! Ты знаешь, что половина высланных и расстрелянных этого заслуживала? А почти все остальные проходили по обкомовским спискам, и я не мог их не подписывать. Мне тогда много чего припомнили бы, хотя бы то, что уравнил в избирательных правах рабочих и колхозников, или альтернативные выборы, которые так и не состоялись. Уклонение от ленинской линии партии и ревизионизм! Какие могут быть альтернативные кандидаты, если есть секретарь обкома? Ну проявил бы я тогда принципиальность, думаешь, было бы лучше? Меня убрали бы, а эти списки визировал бы кто-нибудь другой, и не только тогда,

но и сейчас! Пётр Первый лил людскую кровь, как водицу, думаешь, ему это доставляло удовольствие? А не делал бы, и где бы мы сейчас жили? В какой-нибудь Германии, Англии или даже Голландии. Не было бы ни СССР, ни Российской Империи! Я мог бы не убеждать, а приказать, но хочется, чтобы ты помогал Лаврентию делать дело от души, а не по приказу. Если кто и сможет удержать в узде партию, сохранить государство и сделать его сильным и богатым, то это он. Есть и другие, но ему это проще. А потом он уйдёт, и на его место придут те, кого ты имел в виду.

Глава 11

– Что-то случилось? – забеспокоилась Лида, увидев мужа. – Что ты такой печальный?

– Сталин всё переиграл, – сообщил Алексей. – Он не собирается ликвидировать Берию, наоборот, сделал его главной фигурой, а меня в очередной раз убедил в том, что я ни хрена здесь не знаю.

– Ну и что? – не поняла жена. – Я в здешней жизни понимаю ещё меньше тебя, но не делаю из этого трагедии. Ты хотел всё передать Сталину и это сделал. Ты же понимаешь, что не можешь быть самостоятельным игроком. Ты говорил, что нужно убрать Хрущёва. Сталин от этого не отказался? Значит, дело будет сделано, а чьими руками – это уже не так важно.

– Всё так, – согласился Алексей, – только я в таком случае не представляю большой ценности: у Берии хватает своих костоломов.

– Тебя сегодня не били по голове на ваших тренировках? – насмешливо спросила Лида. – Или вместе с телом помолодели и мозги? Сколько мы здесь живём? По-моему, меньше месяца. И ты хотел сразу во всём разобраться? Сталин тебя оскорбил или унизил?

– Да нет, наоборот, можно сказать, уговаривал.

– И откуда тогда хандра? Хороших бойцов и здесь хвата-

ет, твоя ценность в другом! Ты передал несколько книг, так даже в них не разберутся без твоих объяснений. А сколько ты всего знаешь? А в здешней жизни разберёмся, это только вопрос времени. Что ещё говорил Сталин?

– Говорил, что Берия – единственный из его окружения, кому по силам обуздать партию и провести реформы, и хотел, чтобы я ему помог.

– Ну так помоги! Я не узнаю тебя в последние дни. Когда мы сюда попали, рядом со мной был железный человек, а сейчас, когда всё начало получаться, ты почему-то расклеился.

– Это из-за Берии. Я понимаю, что Сталин прав, но мне очень не нравится, что мы будем полностью зависеть от этого человека.

– А что если тебе с ним сблизиться? Вам придётся много общаться, а человек из будущего наверняка вызовет у него интерес.

– Учитывая репутацию бабника, интерес у него вызовешь ты, – мрачно сказал Алексей. – Правда, я читал, что к нему не возили насильно ни одну из понравившихся женщин. Но ведь и способы уламывания могут быть разные.

– Уже понравилась! – засмеялась Лида. – Ну и что? Сталин шикнул, и он сразу же побежал в кабинет. Мне кажется, что для Берии дело важнее его пристрастий. Красивых женщин много, на мне свет клином не сошёлся, а ты прекращай валять дурака и подумай лучше обо мне.

– Я и так думаю о тебе всё время.

– Плохо думаешь! – она подошла к нему и села на колени. – Тебе не тяжело? Нет? А скоро будет! Как ты думаешь, во что я превращусь, если стану три раза в день объедаться той вкуснятиной, которую готовят на здешней кухне, а потом валяться на веранде или сидеть за мольбертом? Даже в постели у нас в основном работаешь ты.

– Хочешь возобновить занятия?

– Хочу, только не в чём. Не знаю, продаются ли здесь костюмы для тренировок, но пижамы видела. Купи мне парочку на размер больше, чтобы не мешали двигаться. И ещё несколько мужских маек к пижамным штанам. И учти, что мне мало тех упражнений и йоги, которые ты дал. Кто-то обещал учить меня драться. Это прекрасно, когда рядом муж-костолом, но я тоже хочу научиться бить морды! Тому же Берии врезать при необходимости. Ну что, займёшься женой, или у тебя все силы уходят на охрану? Подожди, кто-то стучит. Сиди, я подойду сама.

Стучал Старостин. Он пришёл в сопровождении двух офицеров, нёсших небольшой, но, тяжёлый сейф, который занесли в гостиную и с облегчением поставили у стены. После этого они обласкали взглядами фигуру хозяйки, попрощались и вышли.

– Пусть пока постоит так, а потом принесём что-нибудь вроде тумбочки, – сказал Михаил Гаврилович. – В нём лежат твои плёнки и устройство для их чтения. Вот ключи. Ты зна-

ешь, что со всем этим делать. Он велел спросить, не нужна ли печатающая машинка.

– Даже здесь пользоваться сейфом? – спросила Лида. – В этих комнатах не бывает никого, кроме нас и уборщицы, а она работает в моём присутствии.

– Пока не бывает, – сказал Старостин, выделив слово «пока». – И потом существуют правила работы с секретными документами. У нас и Хозяин их не разбрасывает. Так что насчёт машинки?

– Да ну её, – отказался Алексей. – Много шума, да и не привык я на ней работать. Почерк у меня разборчивый и писать стараюсь аккуратно, а в тишине легче думается. Вот бумага нужна.

– Бумагу я тоже положил в сейф, – сказал Старостин. – Чернила нужны?

– Спасибо, не нужно, – Алексей взял авторучку и провёл ею по лежавшей на столе салфетке, оставив тонкую чёрную линию. – Видишь, как работает? Это не чернила и не паста, а не пойми что. Такое впечатление, что она как-то меняет бумагу. Так что для работы всё есть. Послушай, Михаил, мне нужно смотаться в Москву. Надо купить для жены пару пижам и майки. Она закисла в четырёх стенах и хочет заниматься спортом.

– Спортом в пижаме?

– А чем не нравится пижама? От неё нужны только штаны, но и верх пригодится для использования по прямому

назначению. Если есть что-то другое, можно купить и его. Лишь бы была просторная одежда из тонкой прочной ткани. Я хорошо вожу машину и, если доверяете, могу смотаться сам, только я плохо знаю эту Москву, особенно на окраинах.

– Машину я тебе доверю, – ответил Старостин, – но есть указание одного никуда не отпускать. И дело не в недоверии. Ты слишком ценен, чтобы так рисковать. Мало ли что может случиться! Давайте я сегодня раньше уеду домой и сам куплю. Спрячь свои деньги, потом рассчитаемся. А тебе, Лида, никто не запрещает гулять по территории. Вот за ворота одну не выпускают.

– Вот ты у нас какой ценный кадр! – сказала жена, когда подполковник попрощался и ушёл. – Охраняют почти как Сталина. И пистолет дали. Заряжен, кстати?

– Да, сегодня выдали, но пока не пристрелял. Ладно, раз принесли работу, работой и займусь. А как твои дела с моим портретом?

– Всё быстро вспомнилось, – ответила она, – но о результатах говорить рано, так что прошу не смотреть мои рисунки.

* * *

Берия находился в растерянности. Он был слишком умным и предусмотрительным человеком, чтобы не задумываться о своей судьбе после смерти Сталина. Врагов и просто тех, кому он мешал в борьбе за власть, было предостаточно. Ему уже начала надоедать вся эта суета. Сказывалась и на-

копившаяся за годы войны усталость. Ирония заключалась в том, что он не мог всё бросить и уйти. Это было равносильно самоубийству. Единственное спасение для него было в том, чтобы сохранить власть, а лучше – забрать её как можно больше. Именно это ему сегодня предложил вождь. Поначалу Лаврентий не поверил в пришельцев из будущего. Коба постарел, и нашёлся ловкач, который запудрил мозги старику. По мере чтения книги в нём зародилось и начало крепнуть ощущение того, что всё так и должно случиться, что написан не чей-то вымысел, а самая настоящая действительность. Он хорошо знал всех, о ком писалось, и чего от них можно ожидать. Так вот, в тексте не было ни одной нелепости, а многочисленные фотографии придавали прочитанному достоверность. Когда Сталин спросил насчёт убийства, Берию прошиб холодный пот. Он понял, что за этим вопросом скрывается что-то страшное лично для него. Рассказ об убийстве Сталина только укрепил его в этой мысли. Мог ли он в этом участвовать? Конечно, мог, а может быть, и участвовал бы в будущем. За пять лет Сталину могло многое прийти в голову, могла прийти и мысль обновить своё окружение. Их многое связывало, но в политике личные пристрастия значат очень мало. Поэтому в случае угрозе жизни он не колебался бы. Жизнь – это высшая ценность, без которой всё остальное теряет смысл. Так почему тогда он, а не Коба? Слава богу, что принесло этого пришельца! Если верно написанное в книге, этот Алексей спас ему жизнь. А может,

наоборот, сократил. Берия отдавал себе отчёт в том, какую тяжёлую ношу взвалил на него вождь. Схватка с верхушкой партии будет насмерть. Поддержка Сталина значит многое, без неё за это не стоило и браться, но и с его поддержкой за-просто можно было остаться без головы. Стоит ошибиться, а им понять, что именно затевается и какие ставки, и лучше будет застрелиться самому. Работы он не боялся, а рисковать своей шкурой пришлось бы не сейчас, так позже. Лучше уж сейчас вместе со Сталиным. Надо тщательно продумать, что говорить Судоплатову, а завтра обязательно съездить дочитать книгу. И с Алексеем нужно познакомиться ближе. Он видел его один раз и очень недолго, но парень понравился. Это что же должны были написать, если этот Алексей заочно так его невзлюбил? А в его жене есть что-то необычное. Чем-то она его зацепила, жаль, что придётся оставить в покое. Но он не отказался бы увидеть её снова.

* * *

– Общая подготовка у вас ни к чёрту! – сказал Алексей двенадцати построившимся перед ним в шеренгу офицерам. – У большинства хорошо развиты мышцы, но плохая дыхалка, да и растяжки... тоже хреновые. Для кабинетных капитанов и майоров всё выше всяческих похвал, но, с моей точки зрения, «на отлично» только стрельба, да ещё многие неплохо управляют с ножом. Рукопашники из вас слабые. Могу подтянуть, но придётся поработать. Кто к этому не готов, лучше сразу уйдите. Ну не хотите – как хотите! Я

вас предупредил. И учтите, что я буду выполнять всё вместе с вами и не потребую ничего такого, чего вы не смогли бы сделать. А для начала разомнёмся и пробежим вокруг дачи двадцать кругов.

– Ну ты и зверь! – сказал Старостин, когда Самохин закончил тренировку. – Ребята ушли от тебя чуть живые. Может, уменьшишь нагрузку? А то ведь разбегутся.

– Я сделал специально, – признался Алексей. – Двенадцать человек много для группы, поэтому я их малость прижал, чтобы отсеялись самые слабые. И мне легче работать с остальными, и им больше пользы. Михаил, вы привезли слишком много матов, поэтому я на время два конфискую. Ковёр на веранде хороший, но его мало для занятий. Да, кстати, ты привёз, что собирался купить?

– Привёз и уже отдал, – ответил Старостин. – Давай помогу донести один мат, оба сразу нести неудобно. Заодно рассчитаешься.

Они свернули каждый по мату, обвязали верёвками и понесли к воротам.

– Уже не устраивают диваны? – спросил дежуривший майор. – Правильно, на полу спать просторней.

– Хватит зубоскалить! – прервал его Старостин. – Открывайте ворота.

Через десять минут маты оказались на веранде, а Самохины поблагодарили Михаила Гавриловича за помощь и пошли обедать. В коридоре столкнулись с вышедшим из при-

хожей Берией.

– Здравствуйте, – сказал он. – Далеко собрались?

– Здравствуйте, Лаврентий Павлович! – поздоровалась Лида. – Идём на кухню за обедом.

Алексей ограничился приветствием.

– Разве вам не подают? – удивился Берия. – Ладно, если вы не против, пообедаем вместе. Я тоже как-нибудь себя обслужу. У товарища Сталина обед поздно, а я уже проголодался.

– Мы не против, – сказал ему Алексей. – У товарища Сталина малая столовая мала только по названию.

Они прошли на кухню и, взяв подносы, подошли к поварихам. При этом Берия встал последним.

– Как же так... – растерялась старшая из них. – Лаврентий Павлович, что же это вы сами? Сейчас вам накроем...

– Ничего, я и сам возьму, – ответил он. – Накладывайте всем по очереди.

За столом Берия сел слева от Лиды. Утоляли голод молча, а когда первое и второе были съедены, он спросил у Алексея:

– Не скажете, почему смотрите на меня букой даже после разговора с товарищем Сталиным? Что вы вычитали такого обо мне в своих книгах? Этот вопрос уместен за столом? Я не испорчу аппетит?

– В пору моей молодости вашу деятельность на посту наркома сводили к развязыванию репрессий, – ответил Алексей. – Эта оценка не изменилась даже после отставки Хру-

щёва. Ну и, само собой, женский вопрос. Ходили слухи, что женщин для вас чуть ли не отлавливали на улицах. Я здесь недавно и лишь вчера узнал о вас кое-что от товарища Сталина. Нелегко сразу отбросить то, что столько лет вдалбливали в голову, тем более что я не уверен в том, что всё это неправда.

– Значит, репрессии, – кивнул Берия. – Я так и думал. Ну что же, придётся немного вас просветить. Вы знаете, что при Дзержинском не было массовых репрессий? Феликс Эдмундович набирал кадры ВЧК, не обращая внимание на их национальность. Он был поляком, но взял в центральный аппарат только одного своего соотечественника. Для него главным были преданность делу революции и деловые качества. Всё началось, когда наркомом стал польский еврей Ягода.

– А при чём здесь евреи? – спросила Лида.

– Сейчас объясню, – улыбнулся ей Берия. – Сам Ягода был в органах случайным человеком. Все годы своего управления он тащил в ОГПУ и наркомат евреев, заменяя ими работавших там чекистов. Беда была в том, что проверенные специалисты заменялись буквально людьми с улицы. Был бы еврей, а остальное приложится. Когда туда пришёл Ежов он с громадным трудом убрал из центрального аппарата больше пяти тысяч евреев. Всех ему так и не удалось вычистить, спился. Когда туда пришёл я, пришлось продолжить чистку. И это только в Москве! А сколько таких случайных людей, не обязательно евреев, было в органах! Вы думаете, их так

легко контролировать? Слава богу, к началу войны удалось навести относительный порядок, в том числе и в организации разведки. И потом не нужно думать, что все, кого мы арестовывали, были невинными овечками. Были аресты по политическим мотивам, брали и случайных людей, но основная масса арестованных в моё время шла за дело. Хотя я не могу отвечать за действия всех сотрудников. И надо мной существовала власть партии, а в ней всякие люди бывают. Я не безгрешен, но и не дьявол, каким меня описывали в ваше время. А женщины... Было, но я, в отличие от Ягоды, не арестовывал мужей своих женщин и не травил их ядами. Им даже не угрожали. Связи с женщинами плохо сочетаются с образом коммуниста, но я понемногу исправляюсь. Постарайтесь отринуть предубеждение и руководствоваться не клеветой, а собственным опытом. Товарищ Сталин хочет, чтобы мы с вами работали вместе. Я не возражаю, вы мне симпатичны, как и ваша жена. Так что дело за вами. Вы чем сейчас занимаетесь?

– Пишу комментарии к книгам и гоняю охрану.

– И долго вам этим заниматься?

–Комментариями с месяц, а насчёт охраны сказать трудно. Но за месяц дам достаточно, чтобы потом могли заниматься сами.

– Значит, месяц, – подвёл итог Берия. – Предлагаю после этого поработать со мной. Говорят, вы хороший боевик. Сможете работать телохранителем?

– Там своя специфика, но нас учили и этому. Думаю, что смогу.

– Вот и хорошо. Это вам самому очень полезно. Сидя на этой даче, вы не вращаете в нашу жизнь. Подумайте, а я ещё поговорю на эту тему с товарищем Сталиным.

– Ну и как он тебе? – спросила Лида, когда они вернулись к себе.

– Если не врёт, то ничего.

– Если ты через месяц станешь бывать здесь наездами, нужно усиленно тренироваться. До твоего прихода я уже сделала асаны. Всё получилось, но с трудом. Когда уляжется обед, начнёшь учить приёмам, а я верну себе форму сама через три-четыре дня.

– Ты только не перестарайся и ничего себе не потяни, – предупредил Алексей, – а то будут тебе тогда занятия.

– Лёш! – Лида подошла и прижалась к мужу. – Мы точно молодеем. Я утром не обнаружила на лице ни одной морщины. Посмотри, какая кожа. Я была такой только в восемнадцать лет! И тебе уже никто не даст твоего возраста. Что если это и в самом деле бог?

– Мне трудно поверить в бога, – ответил он. – Понимаешь, нас воспитали атеистами, не верящими ни в бога, ни в дьявола. Верующие были, но они жили сами по себе и с нами не пересекались. А верить современному человеку в то, что писали тысячу лет назад...

– Писавшие могли отразить своё понимание бога. Оно не

обязательно будет истинным. А людям нужно во что-то верить, почему не в это?

– Ну и что это для нас меняет, малыш? – спросил он. – Бог нас использует и поощрил молодостью, но рассчитывать нужно только на самих себя. Вряд ли он станет вмешиваться, если мы напортачим, иначе давно сделал бы всё сам.

– Значит, не надо портачить! – сделала вывод Лида. – Ты не очень устал? Давай погуляем по территории? Сейчас я быстро надену форму и пойдём! Я дышу воздухом только на веранде, а там что-то вроде леса.

Они гуляли часа полтора, вызывая зависть у охраны. Когда хотели возвращаться, послышался шум мотора и через открывшиеся ворота въехали две машины ЗИС-110. Из передней вышел невысокий усатый мужчина с пенсне, одетый в строгий костюм коричневого цвета. Он целеустремлённо зашагал к даче, но, увидев Самохиных, передумал и направился к ним.

– Это Молотов, – успел шепнуть Алексей жене.

– О чём шепчемся? – спросил подошедший Молотов. – Не меня обсуждаете?

– Как можно, – улыбнулся Алексей. – Я, Вячеслав Михайлович, просто сказал жене, кто приехал.

– Вы здесь недавно, – утвердительно сказал Молотов. – Я частый гость на этой даче, а вас вижу в первый раз. Вы не тот майор, о котором судачат в верхах?

– Не могу знать, – ответил Алексей. – Я, Вячеслав Михай-

лович, в верхи не вхож и не могу слышать этих сплетен. Но на даче у товарища Сталина мы всего несколько дней.

– И как вас зовут?

– Алексей и Лидия Самохины.

– Я министр иностранных дел, – сказал Молотов. – На этой даче останавливались гости нашего государства, можно сказать, великие люди. И я всегда знал о них заранее, а фамилию Самохин почему-то слышу в первый раз.

– Всё когда-нибудь случается впервые, – заметил Алексей. – Если мы пока не прославились, не беда: у нас впереди ещё вся жизнь.

– Вы мне понравились, молодой человек! – одобрительно сказал Молотов. – А ваша жена – идеал женщины. Надеюсь, ещё увидимся.

Он повернулся и ушёл в дом.

– Пошли и мы, – предложила Лида, – а то уже появились комары. Лёш, а кто он такой? Я слышала, что министр, и что-то о нём читала, но уже не помню. Должности меня не интересуют, скажи, что он за человек.

– Твердокаменный большевик с партийным билетом под номером пять, – ответил Алексей, прихлопнув севшего на лоб комара. – Ты права, разлетались гады. Пойдём быстрее, закроем окна на веранде, а то потом не дадут спать. Молотов – один из самых близких Сталину людей. Если верить тому, что я читал, он порядочная сволочь, причём сволочь убеждённая. Через несколько лет должен пострадать с согласия

Сталина.

* * *

– Здравствуй, Коба! – поздоровался Молотов. – Лаврентий у тебя?

– Здравствуй, Вячеслав, – недовольно сказал Сталин. – Занят Лаврентий. Неужели один вечер не можете без него обойтись?

– Я подожду, – сказал Молотов. – Мне он нужен ненадолго. Интересный у тебя появился майор. А жена у него настоящая красавица, где только такую достал! Лаврентий ещё не сделал на неё стойку?

– Не нужен ей наш Лаврентий. Где ты их увидел?

– Гуляли возле дачи. Я подошёл и поговорил. О них уже ходят сплетни, мне вчера Микоян рассказал, вот и стало интересно, с чего им такая честь. Так этот майор меня вежливо отшил. Молодец!

– Может не узнал? – предположил Сталин.

– Назвал по имени-отчеству. Жена, говорит, не узнала. Не скажешь, кто они такие?

– Кто он, ты теперь знаешь, а она хороший художник. Ты приехал ко мне или к Лаврентию?

– Он мне нужен по делу, а тебя я всегда рад видеть, ты же знаешь.

– Сейчас я оторву его от дела, а то тебе придётся долго ждать. Я тоже сегодня занят. Все перед приездом звонят, один ты сваливаешься как снег на голову. Смотри, когда-ни-

будь просто не пустят.

* * *

Прошла неделя. Алексей передал дежурившему телохранителю пакет со вчерашними записями и направился в здание охраны заниматься с офицерами. Ученики у него подобрались упрямые, поэтому не ушёл ни один. Форму он им немного подтянул и продолжал этим заниматься, только не так усердно, как в первые дни. А со вчерашнего дня занялись отработкой приёмов. Алексей понимал, что мало успеет за месяц-два, поэтому начал обучать своих учеников десятку самых полезных связок. Главное – научить, отработать они смогут и сами, было бы желание. Хорошо, что в группу отбирали тех, кто не занимался самбо. Хуже нет, чем кого-нибудь переучивать.

Берия приезжал почти каждый день. Два раза они вместе обедали, а вчера он поднялся к ним в комнаты.

– Товарищ Сталин пока вас не отдаёт, – сказал он Алексею, – и я с ним согласен. Вы слишком много знаете, чтобы использовать как боевика. Он сказал, что после объяснений, которыми вы занимаетесь, займётесь ответами на его вопросы. А я смогу воспользоваться вашими услугами, когда возьму власть. Тогда книги по науке будут переданы тем, кто занимается атомом. Скорее всего, вы поедете туда. У учёных тоже будет много вопросов.

Пожалуй, он был этому рад. Несмотря на симпатию, которую к ним демонстрировал Берия, сблизиться с ним не хоте-

лось, а Алексей привык доверять своей интуиции. Лида по-прежнему не показывала свою работу, и, пока его не было, много занималась упражнениями, а перед ужином они больше часа разучивали три связки.

– Тебе больше и не нужно, – говорил он жене в ответ на упрёк в том, что даёт мало приёмов. – Лучше один хорошо заученный приём, чем три десятка, которые ты знаешь кое-как. Если не умеешь драться, лучше убегай, но не пытайся отмахиваться, разве что прижмут так, что уже не убежишь. А этих трёх связок тебе хватит с головой, главное – делать их без ошибки и с максимально возможной скоростью. В скорости главный успех. Будешь выполнять медленней, чем нужно, и тебя не спасёт никакая техника. В борьбе нет чудес, почти всё в ней очень просто. Тренируйся, не жалея себя, развивай тело и учи приёмы так, чтобы не думать над их выполнением. Почему я валяю ребят, как хочу? Просто потому, что намного быстрее их. Они видят мои движения, но даже их цель понимают с опозданием, а о том, чтобы отреагировать, вообще нет речи. Потренируются год и станут намного быстрее, а мастерами с тем, что я дал, не будут никогда. Для этого нужны годы упорных тренировок с моим участием.

– И мне тренироваться годы? – ужаснулась Лида.

– Чтобы набить морду Лаврентию, хватит месяца, – успокоил Алексей. – Через два сможешь вырубить кое-кого из здешних ребят, если ударишь внезапно и от тебя не будут этого ждать. В дополнение к остальному мы займёмся бегом.

Здесь есть нормальный маршрут от фонтана к гаражу, потом вокруг дачи и к воротам. Для начала пробежим раз десять, а потом сама доведёшь до сотни. Тогда уж точно не растолстеешь и так укрепишь мышцы ног, что хрен тебя кто-нибудь догонит.

Алексей зашёл в дежурку и поздоровался с сидевшими в ней офицерами.

– Алексей Николаевич, – обратился к нему один из них. – Старостин просил передать, что у вас сегодня не будет занятий. Вчера вечером товарищ Сталин предупредил, что после завтрака поедет в Кремль, а из ваших учеников больше половины входят в выездную группу.

– Ну и ладно, я тоже устрою себе выходной. Я тогда не буду заходить, а вы передайте тем, кто остаётся, что могут отдохнуть. Будет неплохо, если сделают разминку и поработают с тем, что я дал.

Сталин уехал через два часа. В четыре ЗИСа загрузились два десятка бойцов «девятки», а в пятый сел Иосиф Виссарионович с одним из телохранителей. Первыми выехали две машины с охраной, потом сталинский ЗИС и следом с минимальным интервалом пристроились остальные автомашины. Ребята говорили Алексею, что, когда не было этих бронированных монстров, впереди пускали две машины с открытым верхом, чтобы охране было удобно вести огонь во всех направлениях.

Хозяин вернулся через шесть часов и не один. Вслед за его

машинами в ворота въехали четыре ЗИСа. «Свои» машины высадили Сталина и «девятку» и уехали к гаражу, а ЗИСы гостей остались стоять вдоль дороги. Вышедшие из них люди разделились. Группа из четырёх человек пошла вслед за Сталиным, а остальные направились к воротам.

– Приехали гости, – сказал жене Алексей, смотревший во двор из-за шторы. – Среди них были Берия с Молотовым, а двоих я не узнал.

– Опять сидеть в комнатах! – с досадой сказала Лида. – А я хотела прогулять.

Через десять минут к ним пришёл Старостин.

– Видели мы ваших гостей, Михаил, – сказала ему Лида. – Можете не предупреждать, мы никуда не выйдем.

– Вас, Лида, просят выйти, – ответил он. – Приехали те, кто часто навещает Сталина. Кроме Берии, там Молотов, Маленков и Микоян. Маленков и пристал к Хозяину. «Где вы, – говорит, – товарищ Сталин, держите красавицу, о которой столько разговоров? Не пора ли разбавить нашу чисто мужскую компанию хоть одной женщиной?» Сталин ответил, что вы замужем и здесь по делу. Приглашать без мужа неприлично, а ему нечего делать в их компании. Так Маленков не унялся. «Я, – говорит, – слышал, что она художница, вот мы её в этом качестве и пригласим. Пусть изобразит нас хоть карандашом. Заодно и посмотрим. За осмотр, мол, деньги не берут, а от вас не убудет». Сталин не стал возражать, сказал, что на ваше усмотрение. Пойдёте?

– Я думаю, что отказываться неудобно, – сказала Лида. – Хотят, чтобы я их нарисовала? Почему бы и нет? Вот только во что мне себя упаковать? Надену то платье, в котором сюда пришла, и туфли на каблуках. Серьги тоже не помешают.

– Хочешь произвести на них впечатление? – спросил Алексей. – Зачем?

– На Хозяина уже поздно производить впечатление, а Лаврентий, если ты не заметил, и так ходит под впечатлением. Молотову безразлично, в тапочках я или на каблуках, а вот двое остальных... Не всё ли тебе равно, что они подумают, а мне легче держать дистанцию.

– Я беспокоюсь из-за Бери. Почистишь пёрышки, а у него поедет крыша. И что тогда?

– Михаил, скажите им, что я сейчас соберу всё, что нужно для работы, и приду. Послушай, Лёш, ты всё ещё смотришь на Лаврентия под впечатлением когда-то прочитанного. Я ведь уже давно не девочка, какой сейчас выгляжу, и научилась разбираться в людях. Так вот, в Лаврентии нет подлости. Да, он задавил свою совесть и отстранился от того, что творили в его наркомате. И это понятно. Ни один умный врач не станет сочувствовать своим пациентам, иначе ему самому скоро понадобится помощь коллег. В той жизни и в той борьбе, которую сейчас ведут люди, нет места чистюлям. И ты тоже рано или поздно запачкаешься. Люди всегда остаются людьми, и многое они делают в первую очередь для себя. Но одни льют кровь только тогда, когда без этого не

обойтись, и борются не только за своё место под солнцем, но не забывают и о народе, а для других все средства хороши, лишь бы удержать власть, а лучше захватить её ещё больше. Так вот, Лаврентий из первых. А тяга к красивым женщинам... Она ведь есть в каждом из вас, у него просто больше возможностей и плохие тормоза. А в случае со мной можешь не бояться: он не перейдёт черты.

– Почему ты так думаешь?

– Во-первых, потому что ему через год пятьдесят и думает не тем, что между ног, а головой и понимает, что мне не нужен, а ты окажешься для него потерянным. А он, как я уже говорила, человек дела.

– Есть и во-вторых?

– Есть. Дело в том, что я сильно его зацепила. Мне его жаль, но моя совесть чиста: я не крутила хвостом. Так вот, есть разница в том, чтобы завести короткую, ни к чему не обязывающую интрижку и развлечься с понравившейся тебе женщиной, особенно когда она сама не против, и навязываться той, которая запала в душу, но совершенно к тебе безразлична. Мерзавцу всё равно, ему – нет. Так что хуже, чем есть, ему уже не будет.

– Смотри сама.

– Если ты против, я туда не пойду, хотя и обещала. Просто я думаю, что могла бы не только дарить тебе любовь, но и помочь в делах. А для этого нужно хоть иногда выходить из этих стен и показываться на людях. Почему не начать сей-

час? Подожди, придёт время, они нас с тобой ещё будут к себе приглашать. По крайней мере, те, которые уцелеют.

– Ладно уж, иди приводить себя в порядок.

Через десять минут Лида вышла из спальни и повернулась, давая себя осмотреть.

– Ну и как я тебе?

– Для меня ты во всех видах хороша, а их сразишь, несмотря на возраст. А Лаврентию я заранее сочувствую. Надеюсь, что ты не ошиблась в его оценке. Не забудь карандаш и бумагу.

– Да, сейчас возьму. Пожелай мне удачи!

– Удачи. И долго там не задерживайся, а то приду забирать. Шучу, иди уже и не вздумай рисовать на них шаржи. Не те люди, могут не понять.

Лида поцеловала его в губы, обдав ароматом духов, и вышла из гостиной.

Глава 12

– Лидия Владимировна, – сказал Рыбин. – Вас ждут в большом зале. Давайте я провожу.

– Спасибо, Лёша, – поблагодарила Лида. – Не скажете, почему большой зал? Гостей же всего четверо, а в малой столовой восемь мест. Такие встречи всегда проводятся в большом?

– Часто, – ответил Алексей. – Я думаю, что из-за проигрывателя. Да и грампластинки почти все там.

Они вышли в прихожую, где у двери в большой зал стоял Пушкарёв.

– Счастливый у вас муж! – сказал он, с восторгом глядя на Лиду. – Вы красивые, как актриса, даже лучше!

– Спасибо, Гриша, – отозвалась она. – Пойду рисовать руководство.

В зале, оказавшемся в три раза больше столовой, стоял длинный стол, за который можно было посадить полсотни человек. Сейчас здесь обедали пятеро. При появлении Лиды все прекратили разговоры.

– Подойдите сюда! – сказал Сталин. – Товарищи хотели, чтобы вы их нарисовали. Сможете?

– Да, конечно, – ответила Лида. – Только мне нужно где-нибудь сесть.

– Садитесь, где хотите, – разрешил Сталин. – Меня тоже

можно рисовать.

«Хоть бы представил, – подумала она, садясь за пять мест от Маленкова. – Чем-то он недоволен. Моим появлением или внешним видом?»

Разложив свои принадлежности, она начала рисовать круглое лицо Маленкова, постоянно ловя на себе любопытные и восхищённые взгляды. Через пятнадцать минут на листе ватмана был выполнен портрет Георгия Максимилиановича, и она перенесла внимание на Молотова. Когда они поели, у Лиды были готовы три портрета, и вскоре должна закончить четвёртый.

– Долго ещё? – спросил Сталин.

– Четверых нарисовала, – ответила она. – Остались только вы. Мне нужно минут десять-пятнадцать.

– А почему меня рисуете последним? – полюбопытствовал он.

– Я всегда последней стараюсь сделать самую сложную работу, товарищ Сталин.

– Ну, рисуй, – кивнул он. – Лаврентий, поставь что-нибудь из пластинок, послушаем музыку. Или, может быть, споём?

– Выпили всего по рюмке – какие песни? – сказал Маленков. – Споём позже.

Берия включил радиолу, подождал, пока прогреются лампы и поставил пластинку.

– Я закончила! – Лида встала из-за стола и раздала рисунки. – Можно идти?

– Интересно! – Молотов протянул свой портрет Маленкову. – Посмотри, Георгий. Как на фотографии, вот только взгляд... Разве я так смотрю?

– Смотришь, – ответил тот, возвращая портрет. – Меня точно изобразили, спасибо! Сохраню на память.

– А вы рисуете маслом? – спросил Микоян. – Я заказал бы портрет.

– Рисую, – ответила Лида. – Но сейчас я работаю с портретом мужа, а потом буду рисовать товарища Сталина.

– Спасибо, Лида! – подошёл к ней Берия. – Спасибо за то, что рассмотрели.

– Что в тебе такого увидели? – спросил Молотов. – Покажи рисунок.

– Я уже убрал в портфель, – отказался Берия. – Как-нибудь потом.

– Лаврентий, пластинка доиграла, – сказал Сталин. – Поставь что-нибудь из песен. А вы идите сюда. Это я?

– А вам не нравится? – спросила Лида. – Наверное, это из-за того, что вы были чем-то недовольны, поэтому получился образ хмурого вождя. Если бы вы смеялись, был бы совсем другой рисунок. Художник только отражает действительность. Чтобы что-то менять, нужно лучше знать человека, а я видела вас от силы полчаса за всё время жизни на этой даче.

– Девушка молодец! – сказал Маленков. – Такая работа нуждается в поощрении, не правда ли, товарищи? Вот чего

бы вы хотели?

– Можно сыграть на рояле? – спросила она, глядя на Сталина. – Я очень давно не играла, но одну вещь должна помнить.

– Ну если только одну, – Сталин указал ей рукой на рояль. – Лаврентий, подожди с пластинками.

Лида прошла в другой конец зала, откинула крышку рояля и села на стул. Он был нужной высоты и регулировать не потребовалось.

«Надеюсь, ничего больше не попросят играть!» – подумала она и положила пальцы на клавиши.

– Что это была за вещь? – взволнованно спросил Молотов, когда отзвучали последние аккорды. – Я ни разу её не слышал, но хватает за сердце!

– Я не знаю, – соврала она. – Меня научила играть мама. Давно, ещё девчонкой. Так мне можно уйти?

Молотов хотел возразить, но Сталин его опередил:

– Конечно, идите. Спасибо, вы нас развлекли.

Лида вышла, чувствуя спиной их взгляды. Кивнув Пушкарёву, она открыла дверь в коридор и вскоре была в своей гостиной.

– Ну как, малыш, развлеклась? – спросил Алексей, обняв жену и прижав к себе. – Как они на тебя отреагировали?

– По-моему, Сталин был недоволен, – ответила она, устраниваясь на его коленях. – Наверное, рассчитывал на то, что я откажусь. Мог бы тогда хоть намекнуть. Он вообще ведёт

себя со мной не очень вежливо. Сейчас никого не представил, да и меня не назвал. Портретом остался недоволен. А что я могу нарисовать, если он сидит, насупившись, как сыч? Таким и нарисовала. Всем остальным понравилось. Микоян так вообще хотел заказать себе нормальный портрет, а Берию проняло. Нет, не мой внешний вид, а то, как я его нарисовала. Он смотрел на меня такими глазами, что ты не выдержал бы и набил ему морду. Я его и изобразила с этим взглядом. Поблагодарил и сразу же спрятал в портфель. А под конец я сыграла им одну вещь... Там в углу стоит шикарный рояль.

– Не знал, что ты умеешь играть.

– А много ты обо мне знаешь? Когда умерла мама, отец отдал меня в привилегированную гимназию для девочек. Там нас учили пению и музыке, причём разучивали на рояле одну-единственную мелодию. Написал кто-то из композиторов вскоре после взрыва. Классная вещь, но если бы ты знал, как она нам тогда осточертела! Но этой компании понравилось.

– Я думаю, что после сегодняшнего вечера слухов в Кремле прибавится, и на этот раз не о непонятно откуда вынырнувшем майоре, а о его жене. Ты ведь на это рассчитывала? Только эти слухи цепляют и вождя. Слышала поговорку о том, что седина в бороду, а бес в ребро? Говорить, понятно, никто не станет, но подумать могут. Вот тебе и причина его недовольства.

– Скоро всё должно измениться, – поёжившись, сказала

Лида. – Всем будет не до нас. – Не думаю, что Берия станет тянуть. А остальные... Понимаешь, Лёша, Сталин ведь их всех приговорил. Я, когда рисую, замечаю все нюансы поведения, особенно когда люди ничего не скрывают. А он не скрывал, значит, всё произойдёт очень скоро.

– Сталин не вечен. Пусть лучше сейчас, пока у него есть силы и работает голова. И если скоро начнётся, Берии точно будет не до тебя.

Началось на следующее утро. Новость сообщил приехавший Старостин.

– Здравствуй, – поздоровался он с Алексеем. – Вы наверняка ещё не слышали. Сегодня в пять часов утра от острой сердечной недостаточности скончался Хрущёв. Савченко арестовал врачей, которые обслуживали ЦК компартии Украины и, по-моему, правильно. Не бывает такого, чтобы здоровый мужчина его лет взял и окочурился. А раз случилось, значит, или преступная халатность, или сговор. Ты здесь человек новый, а я знаю, как он на посиделках глушил водку и полночи отплясывал гопак. В Киев собирается комиссия ЦК. В котором часу от нас уехали гости?

– В десять с копейками.

– Значит, Сталин должен встать как обычно. Не гоняй ребят, немного потренируйтесь – и хватит. Если Дед ездит в Кремль, то обычно часа в два-три, но сегодня может уехать раньше.

Сталин в этот день никуда не поехал, обошёлся телефо-

ном. Вторую новость им привёз один из охранников, который ночевал не в общежитии, а в Москве. Ему дали задание забежать по делам в министерство, там он всё и узнал. Сегодня вышел приказ, что их министра снимают с должности и направляют руководить Главным управлением лагерей. Новым министром ГБ стал Лаврентий Берия, сохранивший за собой пост заместителя председателя Совета Министров СССР. Большое удивление вызвало то, что, кроме Абакумова, не пострадал никто из руководства министерства. О смещении Булганина узнали на следующий день. Он остался членом Политбюро ЦК, но лишился должности министра Вооружённых Сил. Новым министром назначили маршала Василевского.

* * *

– Наверное, некоторые товарищи задают себе вопрос, зачем мы их сегодня собрали в таком составе, – сказал Сталин, посмотрев на девятнадцать мужчин, сидевших в его кремлёвском кабинете, и продолжил: – Здесь присутствуют все члены Политбюро, кроме отсутствующих по уважительной причине Жданова и Кагановича, члены Оргбюро ЦК и секретариат. Нам с вами нужно решить ряд чисто партийных вопросов. К сожалению, Политбюро не собиралось на совещания целых полгода, а деятельность Оргбюро свелась к решению немногочисленных кадровых вопросов. Это наша с вами общая ошибка, а ошибки нужно исправлять. Все вы знаете, в каком тяжёлом положении находится СССР. В минув-

шей войне мы понесли огромные потери. Нужно срочно восстанавливать экономику, строить жильё и улучшать жизнь людей. Кроме того, возникла серьёзная угроза существованию нашего государства. Американские империалисты и их союзники запустили производство атомного оружия и стягивают силы к нашим границам. Есть попытки не признавать за нами статус великой державы. В такой обстановке весь советский народ должен сплотиться вокруг партии и приложить все силы в борьбе за укрепление Родины. Мы видим у простых советских людей и понимание тяжести момента, и стремление своим трудом улучшить жизнь. Тем большую озабоченность вызывают действия части партийного руководства. Некоторые товарищи то ли не хотят работать, то ли до сих пор этому не научились. Более того, не работая сами, они мешают это делать другим. Вызвано это некомпетентностью или другими причинами, но, по сути, ничем не отличается от вредительства. Сейчас я говорю о членах нашего ЦК. Сразу хочу уточнить, что не имею в виду никого из присутствующих. Поэтому назрела необходимость разобраться с теми, к кому имеются серьёзные претензии. Вы хотите что-то сказать, товарищ Молотов?

– Может, по этому вопросу собрать пленум ЦК? – предложил Вячеслав Михайлович.

– Это негодное предложение, – возразил Сталин. – Прощтрафились члены ЦК, и вы предлагаете им же с этим разбираться?

– И много таких... проштрафившихся? – счёл возможным спросить Маленков.

– Пока задержано и доставлено в Москву пятнадцать человек, – ответил Сталин. – И работали только по Российской Федерации. Хочу сразу всех успокоить. Эти люди пока не арестованы, а их задержание связано с работой специальной следственной комиссии МГБ. Её возглавляет лично товарищ Берия. Все вы получите возможность беспрепятственно ознакомиться с результатами следствия. Если обвинения подтвердятся, мы осудим этих людей, как бывших коммунистов, а суд разберёт их дела по всей строгости закона. Всё это широко осветим в партийной и советской печати. Умалчивать такое нельзя, а люди нас поймут и поддержат. Со своей стороны предлагаю создать партийную комиссию, которая займётся нашими товарищами, ещё не попавшими в поле зрения органов. Цель не в том, чтобы шельмовать партийные кадры, а чтобы вовремя разобраться в недостатках в их работе. Где можно поправить товарищей – это нужно сделать, кому этим уже не поможешь – будем менять. Если в результате наших проверок вскроются преступная халатность или злой умысел, таких руководителей передадим комиссии МГБ. Мы с вами были свидетелями и участниками многих чисток и знаем, во что они порой выливаются, но эта отличается от прочих. Раньше мы боролись с агентами империализма, шпионами и вредителями всех мастей. Сейчас такие остались только на западных границах, и с ними

борются органы, нашего непосредственного участия в этом не требуется. Но опасность разложения части руководства партии, по моему мнению, является более серьёзной угрозой. Ряд секретарей обкомов и крайкомов, многие из которых так же являются членами ЦК, обвиняются в массовых убийствах. Уже проведенными проверками установлено, что при их попустительстве, а то и по инициативе, были расстреляны десятки тысяч людей, не имевших вины перед советской властью. Имеют место и многочисленные хозяйственные преступления. Но всем этим, как я уже говорил, будет заниматься товарищ Берия, а наша комиссия займётся теми, кто, занимая высокие партийные посты, позорит звание коммуниста. Барские замашки, пренебрежение нуждами трудящихся, злоупотребление служебным положением и некомпетентное вмешательство в работу советских органов власти. Кому многое даётся, с тех нужно много спрашивать. В дальнейшем контроль над работой руководящих кадров должен стать постоянным, чтобы не допускать компаний подобных этой и не дискредитировать партию в глазах людей. Кто-нибудь хочет сделать замечание или дополнить?

– Разрешите мне, товарищ Сталин, – поднялся со своего места Молотов. – Хочу сказать, что согласен с каждым вашим словом, но такая масштабная чистка только силами Политбюро и его органов может вызвать...

– Я понял, что вы имеете в виду, – кивнул Сталин. – Мы сообщим о созыве съезда партии, который обсудит на-

ши действия. Но организация съезда и его проведение требуют много времени, которого у нас нет. В ближайшее время о факте задержания ряда крупных партийных работников узнают многие. Чтобы не допустить распространения слухов и панических настроений в среде партийных работников, я сегодня же выступлю с обращением к народу. Я объясню, чем вызваны наши действия, и попрошу людей их поддержать. Вот и посмотрим, как на это отреагируют простые члены партии и беспартийные. Если нас поддержат, в чём я не сомневаюсь, вряд ли кто-то посмеет выступить против, по крайней мере, открыто. Надеюсь, никто из вас не даст нам поводов для разочарования. Теперь я предлагаю проголосовать списком за следующих членов комиссии: Сталин, Мехлис, Сулов, Кузнецов и Шверник. Комиссия небольшая, но я думаю, что ей надо дать право в случае необходимости использовать возможности Секретариата ЦК и Комиссию партийного контроля. Кто за эти предложения?

* * *

– Думаете, Кузнецов справится? – спросил Берия Сталина, когда они двумя часами позже ехали в Кунцево.

– Если не справится, очень меня разочарует, – ответил Иосиф Виссарионович. – Он об этом знает, так что будет стараться. Ты хорошо подготовил совещание. Задёргался один Молотов, как мы и ожидали. Как идёт проверка?

– По большинству не возникает никаких сложностей, – пожал плечами Берия. – Во многих случаях следствие не про-

водили даже формально. Никому из них и в страшном сне не снилось, что за это придётся оправдываться. Заодно чистим и свой аппарат на местах. Понятно, что не там, где брали под козырёк, а инициаторов.

– Четыре часа, – посмотрел на часы Сталин. – Сейчас должны передавать моё обращение. Завтра оно появится во всех газетах.

– Нужно усилить охрану дачи, – сказал Берия. – Большинство, безусловно, горячо поддержит, хотя будут опасаться перегибов. Но будут и несогласные.

– Несогласные появятся, когда начнём чистить руководство компартий в Союзных республиках, – сказал Сталин. – Но я предупредил Радионова, так что пусть только попробуют проявить своё недовольство. Никому не дадим развалить страну. А дача и так хорошо охраняется.

– С Молотовым и Маленковым так и не решили?

– Пусть пока работают, – недовольно сказал Сталин. – Убрать недолго, лучше использовать. Я даже Мехлиса не тронул, хотя надо было. Толковых молодых не так много, как хотелось бы, пока они ещё наберутся опыта... Да и я уже плохо привыкаю к новым людям. Хрущёв был сволочью, но из своих. А через две недели умрёт Жданов. Его многие не любят, но мне без Андрея будет тоскливо. Если сейчас убрать остальных, с кем я останусь? С тобой? Скажи, Лаврентий, как там Василий? Он не появляется уже месяц.

– Пьёт меньше, это многие заметили, и на язык стал более

сдержан, вот только женщины...

– А как на это смотрит Катерина?

– Возится с дочкой, а на мужа, похоже, махнула рукой. Она ведь опять ходит беременная. А может, ничего и не знает, потому что он стал осторожней. Да, совсем забыл за делами. Звонила Светлана и хотела вас навестить, так что я распорядился послать машину.

Через десять минут подъехали к воротам дачи, которые охрана тут же распахнула. Их машина свернула к дому, а остальные ЗИСы выгрузили «девятку» и уехали в гараж.

– Дочь здесь? – спросил Сталин встретившего его в прихожей Рыбина.

– Приехала, товарищ Сталин, – ответил Алексей. – Узнала, что вы не возвращались, и ушла в Малый дом. Позвонить?

– Не надо, я сам. Самохин оставлял бумаги?

– Да, всё в комнате на вашем столе.

– Что можно столько писать? – спросил Берия, который вслед за Сталиным вошёл в рабочую комнату.

– Ты прочёл только одну книгу, – сказал Сталин. – Начнёшь читать остальные – поймёшь. Мало того что сильно изменилась жизнь, ещё и непонятна связь между записями. Ничего, через неделю закончит, а потом ещё посидит над моими вопросами.

– А для чего это, если мы всё поменяем?

– Всё не измениться, многое повторится, особенно в дру-

гих странах. И потом это ты увидишь, как оно там будет, а мне интересно заглянуть в будущее самому. Не мешай, займись чем-нибудь, я хочу позвонить дочери.

Светлана ждала в небольшом домике, построенном в ста метрах от главной дачи, сразу взяла трубку и после короткого разговора пошла к отцу. Зная, что дочь не любит Берию, Сталин вышел встретить её в прихожую и отвёл в свой кабинет.

– Что должно было случиться, чтобы ты вспомнила об отце? – спросил он, садясь на диван.

– Могу я соскучиться? Ну ладно, услышала, что ты поселил на даче красавицу, и решила оценить. Это правда?

– Правда, – не стал он отрицать.

– А как же Валя?

– Сколько раз я просил об этом не говорить? Не помнишь? Женщина, о которой ты говоришь, замужем.

– И когда вас останавливала такая мелочь? Твой Власик...

– Всё, я сказал! Ты приехала поругаться? Эта Лида больше чем вдвое моложе меня и живёт наверху со своим мужем. За месяц я видел её несколько раз, да и то мельком. Да, красива, но меня интересует не она, а её муж. И её никто не интересует, кроме мужа. По ней сохнет Лаврентий, и это не похоже на простое увлечение.

– Да ну? – удивилась дочь. – Я могу её увидеть?

– Оставайся и увидишь. Они с мужем после шести гуляют и любят сидеть в беседке между дачей и Малым домом.

И не надо на меня так смотреть: я за ними не слежу. Если ты не забыла, я иногда тоже гуляю. И их прогулки видны с веранды.

– Ты когда будешь обедать?

– А ты проголодалась?

– Ещё нет, но скоро проголодаюсь. Твой обед совпадает с моим ужином, почему бы не посидеть вместе? Только если не будет Лаврентия.

– Не будет, – проворчал Сталин. – Что ты на него взъелась? Сейчас я с ним поговорю, и уедет.

Самохиных она встретила около шести, как и говорил отец, в большой беседке. Красивый, широкоплечий парень лет двадцати в форме майора ГБ сидел рядом с изящной женщиной, тоже одетой в форму, но без погон. Светлана видела Лиду со спины, а когда та повернулась на звук шагов, была поражена её красотой и какой-то необычностью.

«У Лаврентия не было шансов – подумала она, заходя в беседку. – Вот почему так устроено, что кому-то даётся всё, а на других природа экономит?»

– Здравствуйте, – первой поздоровалась она. – Узнала, что у отца гости, и захотелось на вас взглянуть. Если не считать отцовых соратников, гости здесь редкость.

– Здравствуйте, Светлана! – поздоровался парень. – Я Алексей, а это моя жена Лида. Мы не набивались в гости к вашему отцу, просто ему так было удобно.

– Вы недавно поженились? – спросила она. – Я не дала бы

вам, Лида, и семнадцать.

– Да, недавно, – ответила Самохина, переглянувшись с мужем. – Но, вообще-то, мне больше лет, чем кажется.

– Вам, наверное, скучно здесь одной, когда муж на службе?

– Пока не почувствовала, – засмеялась Лида. – Алексей уходит только на полдня, а потом работает в наших комнатах. Я ведь художник и сейчас заканчиваю портрет мужа и буду рисовать вашего отца. Кроме этого, время уходит на занятия спортом. И книг я набрала в вашей библиотеке. Нет, пока не скучаю.

– И отец согласился? – удивилась Светлана. – Его рисовали многие, но почти все по фотографиям. Он ужасно не любит позировать даже фотографам.

– Хорошему художнику не нужно долго позировать, – сказала Лида. – Главное для него – это понять характер, суть человека, а для остального делаются несколько эскизов. Муж у меня позировал час. Правда, портрет я рисую уже месяц. Фактически закончила, остались детали.

– Покажете? – неожиданно для себя спросила Светлана.

– Пойдёмте, – поднялась со скамейки Лида. – Для меня общение с новым человеком – это подарок судьбы. Сiju на этой даче уже полтора месяца и не общаюсь ни с кем, кроме мужа и Лаврентия. Охранники не в счёт: мне не о чём с ними говорить.

– А как вы относитесь к Берии? – заинтересовалась Свет-

лана.

– Мужу он неприятен, – засмеялась Лида, – но это и понятно: кому понравится влюблённый в твою жену мужчина! А мне его жалко. Рядом со Сталиным нет ангелов, но Лаврентий сохранил остатки порядочности. Правда, он их запрягал поглубже, потому что так проще жить. А я не из тех дур, которым нравится пленять мужчин и разбивать им сердца. Красота должна дарить радость, а не причинять страдания. Ладно, пойдёмте, пока не разлетались комары. Покажу вам картину, и будем ужинать.

Портрет Алексея Светлане понравился. Самохин был на нём как живой и смотрел с такой любовью и нежностью, с какой на неё саму не взглянул ни один мужчина. Внезапно стало так тоскливо, что на глаза навернулись слёзы.

– Это он так смотрит на вас? – дрогнувшим голосом спросила она. – Вы счастливая! А у меня ничего такого не было. Один раз влюбилась, когда училась в десятом классе, в еврея лет на двадцать старше. Отец вообще не любит евреев, а здесь прямо взбесился. Схватил меня за руку, подтащил к зеркалу и кричит, мол, смотри, дура, нужна ты ему такая, когда вокруг него выются артистки? Ему не ты, ему я нужен! Конечно же, он был прав. Позже вышла замуж за другого, родила сына и разошлась. Вот и вся личная жизнь.

– Всё ещё у вас будет! – обняла её Лида. – Вам ведь немногим больше двадцати. Разве это возраст? Ладно, уже семь, пора ужинать.

– Отец в это время только обедает. Совершенно ненормальный образ жизни. И бесполезно что-то говорить. Я обещала поесть с ним, но поужинаю с вами. Вас кормят в малой столовой?

– Да, в малой, – ответил подошедший к женщинам Алексей. – Мы сами себя обслуживаем. Когда Берия в первый раз пришёл вместе с нами с подносом к поварихам, у них чуть не случился удар.

–Представляю, – засмеялась Светлана. – С его замашками и стать с подносом на раздачу! Крепко же вы его зацепили, не думала, что он на такое способен.

* * *

– И что ты думаешь делать? – спросил Маленков Молотова.

Они не были друзьями, но общались и помимо работы, так как жили в одном подъезде дома на улице Грановского, только на разных этажах. Вот и сейчас Маленков, вернувшись из Кремля и поужинав, спустился на этаж поговорить с Вячеславом. Обычно домой возвращались поздно, сегодня их отвезли на два часа раньше.

– А есть выбор? – вопросом ответил Молотов. – Коба уже за нас решил. Собрать пленум не получится, а на съезд, который будет уже после чистки, приедут новые люди. Догадываешься, какие решения будут приняты? Сам-то что думаешь?

– Я не против чистки, – начал Маленков, – особенно если пустить кровь тем, кто сам в ней замаран с головы до ног. Я

узнал у Берии, кого взяли. На каждом тысячи смертей. Коба припомнит им, как его припёрли к стене и заставляли подписывать списки. Но ведь это только начало! Таких наберётся немало, просто у них покороче хвосты. И только этим он не ограничится! А если начнём чистить тех, у кого есть упущения в работе или подпорчен моральный облик... Под это дело можно подвести любого! Он потому нас и успокоил, мол, к вам нет претензий, работайте спокойно. Сейчас нет, потом могут появиться. Нас с тобой он поставил перед фактом, но удивлены были не все. Некоторых предупредили, и я знаю, чья это работа.

– Понятно, что всё подготовил Лаврентий, – согласился Молотов. – Кажется, Коба определился с преемником, а нас с тобой уже списали.

– Для тех, кого будут вычищать, мы с тобой люди Сталина, – сказал Маленков, – поэтому при победе его противников разговор с нами будет короткий. И открыто противиться мы не можем. Он всё точно рассчитал. Зачем нас убирать, если можно заставить работать? Молодые у него есть, но когда ещё у них прорежутся зубы! Я вижу только один выход – помогать Лаврентию, доказав тем самым свою преданность. Иначе разделим судьбу Никиты.

– Думаешь, его убрали? – спросил Молотов.

– Почти уверен. Да ты сам его вспомни! У него из всех проблем со здоровьем была одна лысина! Какая там сердечная недостаточность! В МГБ хватает спецов, которые и нам

с тобой организуют такую же недостаточность. Коба хорошо подстраховался. Почти все арестованные – это дружки Никиты. ЦК сейчас ополовинят, съезд отложат, а армия в руках Василевского, который получил власть от Сталина и не выйдет из его воли. И ещё это обращение. Думаю, реакция на него будет повсеместно восторженная! Понятное дело, что восторгаться будут не все, но такие постараются не выделяться. Надо завтра походить по улицам и послушать, что будут говорить люди. В газетах и так ясно, что напишут.

– В России всё должно получиться, – согласился Молотов. – Разве что с Кобой что-то случится, да и то не факт, что Лаврентий не доведёт начатого до конца. В национальных компартиях будут проблемы.

– Пока в союзных республиках нет национальных армий, на эти проблемы можно плевать! – махнул рукой Маленков. – И чистить их не все сразу, а по одной. Если где-нибудь поднимут бучу, им же будет хуже.

На следующий день Кузнецов сформировал два десятка групп из работников Секретариата, членов Комиссии партийного контроля и привлечённых коммунистов, присланных Поповым. К концу дня часть набранных для этих комиссий работников по разным причинам отсеяли и к каждой прикрепили по одному следователю МГБ, а в Москву доставили ещё трёх задержанных членов ЦК. На следующее утро все группы начали работу с партийными архивами и документами, переданными им Поскрёбышевым.

– Они уже вышли за рамки ЦК, – сказал Маленков Молотову в перерыве, – а следствие передаёт первые дела в суд. Там всё прозрачно, поэтому не будут долго канителиться. Первые приговоры должны вынести уже через неделю. Умно сделали, пустив первыми этих: после них ни у кого не будет сомнений в справедливости суда.

– К тебе не подходил Берия? – спросил Молотов. – Значит, подойдёт. Коба хочет, чтобы в «Правде» время от времени появлялись публикации видных деятелей партии в поддержку принимаемых мер. Мы с тобой пока ещё видные, нам и писать. Меня он попросил сделать это завтра.

– Я сегодня его не видел. Если обратится, напишу.

– А Коба хитёр, – сказал Молотов, оглянувшись перед этим посмотреть, нет ли кого поблизости. – Всем накрутил хвосты и уехал в Кунцево.

– Если дело не выгорит, он может и выкрутится, сдав Лаврентия, – тихо отозвался Маленков. – Хотя, если всё так пойдёт и дальше, ему не простят.

– Никому из нас не простят, – вздохнул Молотов. – А этими статьями мы привязываем себя к Кобе. Теперь уже, хочешь не хочешь, придётся идти до конца. Да и не верю я в то, что всё ограничится статьями. Смотри, Лаврентий.

– Здравствуй, Егор! – поздоровался подошедший Берия. – Тебя я сегодня не видел. Вот что, товарищи, есть мнение, что все члены Политбюро с сегодняшнего дня должны быть обеспечены надёжной охраной. Это же касается и работни-

ков комиссий. Не исключена возможность терактов. На работу и домой вас будет отвозить не только служебный автомобиль, но и машина с охраной. И вам пока нечего разгуживать просто так. Позвоните – и приедет охрана. И это не шутки и не перестраховка. За одну статью можете получить пулю. Будут задеты интересы слишком многих, а у партийных работников на руках много оружия.

Глава 13

– Смотри, как поливает! – сказала Лида, подойдя к окну. –

И похоже, что это надолго.

– Так уже пора, – отложив газету, отозвался Алексей. –

Середина сентября – самое время для дождей.

– Я тебе говорила, что не люблю осень? Она всегда напоминала мне о смерти.

– Тебе ли думать о смерти? – засмеялся муж. – Мне в пору записывать себя в соавратители малолетних. Светлана правильно сказала, что тебе не дашь больше семнадцати. Если бы ты была такой, когда мы встретились, не пришлось бы самой проявлять инициативу.

– И никто этого почему-то не замечает!

– И не заметит. – Алексей подошёл к висевшему на стуле кителю и достал удостоверение. – Посмотри на фото, а задно на дату рождения.

– Переделал? – спросила она.

– Если бы. Ты давно раскрывала свой паспорт?

– Вообще не раскрывала. Как положила в шкаф, так он там и лежит.

– Вот возьми и посмотри. И учти, что я тоже его не касался.

– Как такое может быть? – растерянно спросила Лида, открыв паспорт. – Фотография изменилась и дата рождения на

десять лет позже...

– Наверное, тот, кто подарил нам юность, не хочет, чтобы его подарок нам навредил. Отсюда и изменения в документах, и то, что никто не замечает нашей молодости. Я думаю, что всё изменилось не только в наших документах, но и в паспортном учёте, и в моём деле в министерстве. Только молодость нам дали авансом, её ещё нужно отработать.

– Хрущёва нет, чистка ведётся, чего же ещё? Что нового в газете?

– Ничего нового, – ответил Алексей. – Уже больше недели нет ни одного смертного приговора. Сажают, снимают с должности, а то и просто в ней понижают, но расстрелы прекратились. Основных мерзавцев убрали, осталась мелочь. Берия почистил и своих орлов на периферии. Теперь поубавится любителей искать заговоры там, где их нет. А после смерти Жданова арестовали всего трёх врачей.

– А они виноваты?

– Мне, малыш, забыли об этом доложить. – Алексей улёгся на диван и позвал жену. – Ложись рядом, полежим. Всё равно тебе нечего делать.

– Если хочешь, я найду дело! – игриво ответила Лида, ложась рядом. – С этой неожиданной молодостью не могу долго лежать рядом с тобой просто так. И ты на меня вон как реагируешь!

– Это позже, – сказал он, отодвигаясь. – Так вот, о врачах. В моё время об этом писали разное, не исключали и заго-

вора. Уж очень неприятной фигурой был Андрей Александрович. Возмущало не столько наказание тех, кто его лечил, сколько масштабы репрессий. Начали с врачей, а потом перекинулись на евреев.

– Я смотрю, у вас их вообще не любят, особенно руководство.

– Руководство их как раз любит, – рассмеялся Алексей, – причём в прямом смысле. Почти все руководители женаты на еврейках. Исключением были Ленин, Сталин и Калинин, может быть, кто-то ещё, но они погоды не делают. В неприязни к евреям виноваты они сами, их неумное стремление пролезть во власть и всё взять под свой контроль. Такие, конечно, не все, но многие, а остальным приходится за них отдуваться. Их в нашей стране всего четыре процента, а во властных органах временами набивалось до половины. Их мало там, где нужно тяжело и долго вкалывать, но много, где чистая и выгодная работа. И объясняли это в моё время некой еврейской гениальностью. Мол, никто не мешает и русским становиться известными врачами, композиторами и режиссёрами. Никто не спорит, что среди них немало способных людей, но настоящая еврейская гениальность в другом. Они очень хорошо могут использовать поддержку членов своей диаспоры для устройства личных дел. В результате, если этому не противодействовать, получим непропорционально большое представительство людей этой национальности во всех значимых органах государства. И кому такое

понравится, кроме них самих?

– Я вспомнила, что отец как-то говорил, что до взрыва евреи контролировали больше трети мировых финансов. О чём был разговор, уже забыла, а это почему-то запомнилось.

– Ну их! – сказал Алексей. – Ругать евреев – всё равно что жаловаться друг другу на плохую погоду. Скажи лучше, когда отдашь Сталину его портрет? Мне интересно, как он отреагирует на твою работу.

– Светлана просила без неё не отдавать. Она хотела сначала посмотреть сама.

– Мне её жаль. Она к тебе привязалась, а нам скоро отсюда уезжать.

– Дурак ты, Лёша. – Лида перевернулась так, чтобы лежать к мужу лицом, и рукой взъерошила ему волосы. – Это она не ко мне привязалась, а к тебе. Какие же вы, мужчины, невнимательные! А ты в этом многих переплюнул. Мне пришлось самой раздеваться и забираться к тебе в кровать, чтобы обратить на себя внимание! Что ты только что сказал насчёт поездки?

– Я уже несколько дней ничего не пишу, а Лаврентий говорил, что нас после этой работы должны отправить в один из закрытых научных центров. Лично я уеду с радостью – так надоела писанина.

– А как же твои родители? Ты ведь думал съездить и взглянуть одним глазом.

– Как думал, так и передумал, – ответил Алексей. – Пони-

маешь, когда я начинаю думать о таком визите, сразу нака-
тывает страх, и я не могу понять его причины. Раньше этого
не было. Наверное, мне так показывают, что этого не стоит
делать. Кстати, мама сейчас беременна мной.

– Когда ты это сказал, мне тоже стало страшно! – Лида
прижалась к мужу. – Что если из-за изменений в будущем с
тем тобой что-то случится? Ты не исчезнешь?

– Вряд ли, – подумав, ответил он. – Его судьба не повторит
мою, а, значит, это будет другой человек с моей внешностью.
И если я до сих пор не исчез, не исчезну и дальше.

В дверь постучали.

– Кого ещё принесло! – Лида вскочила с дивана, попра-
вила причёску и пошла открывать дверь, которую они днём
запирали. – Света! Вот не ожидала, что ты приедешь в такую
погоду. Снимай быстрее плащ, а зонт положи в угол. Да не
закрывай, быстрее высохнет.

– Я от машины до дачи дошла под зонтом, – сказала Свет-
лана, снимая плащ. – Почему-то вдруг стало тоскливо и за-
хотелось вас увидеть. Оставила сына няне и вызвала маши-
ну. Не прогоните?

– Плохое настроение не основание для того, чтобы гово-
рить глупости! – отчитала её Лида. – Садись в кресло, а я
сейчас сбегаю на кухню и принесу горячий чай.

– Можно позвонить, – сказала Светлана. – Они сами при-
несут.

– Мне легче сбежать самой. А вы пока поболтайте.

Она через ступеньку сбежала вниз и быстро пошла по коридору в сторону кухни. Дверь сталинского кабинета распахнулась, заставив испуганно шархнуться в сторону.

– Дочь у вас? – спросил Сталин.

– Только что приехала, – ответила Лида и неожиданно для самой себя добавила: – Вы так резко распахнули дверь, что чуть не засветили мне по лбу. Я хотела напоить Светлану чаем...

– Не надо так носиться по коридору, – проворчал он. – Возвращайтесь и скажите дочери, чтобы шла в малую столовую, и сами туда приходите. Я позвоню насчёт чая.

– И где обещанный чай? – спросил муж. – Почему вернулась с пустыми руками?

– Что-то сдохло в лесу, – ответила она. – Поднимайтесь, хозяин приглашает нас на чай. Давайте я заодно отдам ему портрет. Ты хотела взглянуть?

– Как это у тебя получилось? – спросила Светлана, с удивлением всматриваясь в работу Лиды. – Он и на фотографиях так на себя не похож, как на твоём портрете! Я видела отца таким только девчонкой, но тогда он был моложе. А потом между нами словно пробежала чёрная кошка. Наверное, в этом больше моей вины, но отец стал другим. Я ещё и из-за этого редко к нему приезжала. Вряд ли он покажет кому-нибудь этот портрет, а, по-моему, только его и нужно показывать. Что плохого в том, что люди увидят в своём вожде человека? Пока ко мне не приставили охрану, я была среди лю-

дей и слышала, как они относятся к происходящему. Отца и раньше многие любили, но было немало тех, кто боялся, так вот, сейчас любящих большинство! А когда он написал статью против культа своей личности, любить стали больше!

– Сильно мешает охрана? – спросила Лида.

– Не то слово! – ответила Светлана. – И не возразишь: в Юру Жданова стреляли даже с охраной. А я сейчас вынуждена работать только дома. Наберу книг... Ладно, пошли быстрее, а то отец рассердится.

– Долго ходите, – недовольно сказал Сталин, когда они зашли в малую столовую. – Чай почти остыл, да и булочки тоже.

– Здравствуй, папа! – сказала Светлана, подошла и поцеловала его в щеку. – С чем сдоба?

– Твои любимые, – ответил он, – с яблоками. А вы что стоите? Ждёте отдельного приглашения? Это портрет? Поставь где-нибудь, попьём чай, потом покажешь.

Чай был горячий и вкусный, а булочки – ещё вкуснее. Алексей тоже любил сдобу с яблоками, но съел только одну булку, глядя на то, как на них набросились женщины.

– Вредно есть столько теста, – заметил Лиде Сталин. – Ты должна кормить мужа, а вы ничего ему не оставили.

– Вредно, когда часто, – возразила она. – Я много занимаюсь спортом, и если растолстею, то очень нескоро. Такие булочки – это не еда, а подарок судьбы, а подарки должны делать мужчины, мы для этого и выходим замуж!

– Ну если так, считай, что я расплатился за портрет, – усмехнулся Сталин. – Ты свой подарок получила, теперь черёд твоего мужа. Он сильно рисковал, когда решил прийти сюда, но пришёл и выполнил всё, что требовалось. Есть решение наградить его орденом Красной Звезды. Награду вручу лично. На днях вы оба выедете на Урал в небольшой посёлок, куда закрыт доступ посторонним. В нём будет создана лаборатория, в которой учёные изучат ваши книги, ну а вы им в этом поможете. Условия жизни там немного похуже, но вас обеспечат всем необходимым. Лучше вам год или два пожить там. И принесёте пользу, и безопасно. А теперь покажи, что нарисовала.

На свой портрет он смотрел долго, потом спросил Светлану:

– Что думаешь, дочь?

– Я уже забыла, когда ты был со мной таким, – сказала она, отведя глаза. – Прости, я перед тобой виновата.

– Ты не получишь известности с этой работой, – сказал Лиде Сталин. – Хотя выполнено, несомненно, талантливо, не думаю, что покажу его многим. Но пирожков за такое мало. Я подумаю, что к ним добавить. А тебе надо развивать свой дар. Там, куда вы едете, это трудно сделать, но можно. Недалеко расположен Челябинск, и вы сможете в нём бывать. Лаврентий тоже будет появляться в вашем посёлке, и если потребуется, всегда поможет. Что пригорюнилась, дочь? Они уезжают не насовсем. Надеюсь, ты и в их отсутствие не забудь

дешь сюда дорогу.

Орден привёз на следующий день Берия, а вручил, как и обещал, Сталин.

– Обмоешь сам, – сказал он, отдавая Алексею коробочку и удостоверение. – Если будут результаты от вашей поездки, будут и награды. Трудись, майор, а мы о тебе не забудем. И забери это. – Он положил на стол метатель.

– Завтра поедешь в министерство, – сказал Берия, когда они вдвоём вышли из кабинета Сталина. – Все документы для тебя будут готовы. Получишь подъёмные, и собирайте вещи. Часов в семь вечера приедет машина с сотрудником, который будет сопровождать вас до объекта и поможет устроиться. Поезд у вас отходит в восемь с минутами, так что успеваете нормально. Ехать меньше двух суток, поэтому лучше затариться продовольствием на кухне. Я скажу, чтобы приготовили. Майор, который с вами поедет, тоже будет не с пустыми руками. В поезде есть вагон-ресторан, но вам лучше в него не ходить. Я отправил указание директору комбината Мазуркову, так что вас должны хорошо устроить. Лаборатории пока нет, и учёные не приехали, поэтому отдыхайте и обживайтесь на новом месте. Там можно хорошо порыбачить, да и охота неплохая. Только не лови рыбу в озёрах. Работа начнётся через два месяца, когда подберём кадры и обеспечим вас всем необходимым. Пока найдём временно помещение в городке, а весной построим здание КБ. Запомни, что никто из учёных не должен знать, откуда вы взялись.

Их предупредят, что излишнее любопытство наказуемо. И вы об этом должны постоянно помнить. В случае утечки пострадаете не вы, а они. Возможно, исключением будет академик Курчатов, но в таком случае тебя предупредят. Научную информацию по вашей теме можешь выдавать любую, всё остальное под запретом. Я туда периодически навещаюсь, так что встретимся. Не знаю, получится ли завтра увидеться, поэтому прощаюсь сейчас. Скажи жене... В общем, удачи вам!

– Подождите, Лаврентий Павлович! – остановил его Алексей. – Вы отправляете нас не в Челябинск-40?

– Так! – остановился Берия. – Откуда ты о нём знаешь?

– Слышал ещё в своё время, – ответил Алексей. – Всё-таки работал не в аптеке. А потом в будущем по лазил по Сети. Это такая система, в которой можно было узнать почти всё. Меня интересовало, какие виды оружия массового поражения могли ещё придумать. Не нашёл ничего, кроме микроволновых излучателей, но посмотрел конструкции атомных и водородных бомб. В моём времени все знали только принцип, подробностей нигде не излагали, а мне стало интересно.

– А почему молчал?

– Да я как-то не придавал этому значения. Мало ли что я знаю! Сказали, что наукой займёмся потом, я и ждал. Да и под наукой понимал в первую очередь то, что принёс в книгах. Знаю-то я до фига, вот только вытащить эти знания из

головы и связно изложить будет трудней, чем писать комментарии к книгам.

– Ничего, вытащим! – пообещал Берия, выразительно посмотрев на Алексея. – Слушай внимательно. Сопровождать вас будут двое сотрудников. С тебя по приезду возьмут подписки, а пока закрой рот и держи свои знания при себе. Если появиться Курчатов, ему разрешаю говорить всё, что помнишь по атомному и водородному оружию. И больше ничего! Понял? Ну тогда всё.

– Вернули метатель? – сказала Лида, когда он вернулся к себе и положил оружие на стол. – Что это ты какой-то взъерошенный?

– В очередной раз сделал глупость. У наших сейчас гонка с американцами, кто быстрее наделает атомных бомб. Они свои уже испытали, а мы это сделаем только в следующем году.

– А ты тогда при чём? – спросила Лида. – Если наши через год их взорвут, то уже наверняка знают конструкцию.

– Атомную знают, в с водородной только начали заниматься. Да и у американцев её пока нет. А я как-то не придавал значение своим знаниям. Сейчас сказал Берии, а тот едва сдержался, чтобы не покрутить пальцем у виска, но лицо у него было очень выразительное. Ладно, возьми наш первый орден и куда-нибудь пристрой.

– Может, пристроить его на твоём кителе? – спросила Лида. – Где делать дырку?

– Нигде не нужно дырок. Будем скромней. В дорогу наде- ну костюм, а приедем на место, тогда посмотрим. Я должен завтра съездить в министерство за документами и деньгами. Надо сделать это со Старостиним. Заодно уломаю Михаила остановиться у того дома, где мы сделали тайник. Надо за- брать всё с собой. Кто знает, когда удастся в следующий раз приехать в Москву. Ты сможешь сама уложить вещи или по- мочь?

– Уложить-то я уложу, только нам мало двух чемоданов. Купи ещё один и на всякий случай хозяйственную сумку с крепкими ручками.

На следующий день, сразу после завтрака, Алексей надел форму и пошёл прощаться со свободными от дежурства офи- церами. Для всех он уже стал своим, поэтому попрощались тепло.

– А где Старостин? – спросил он у дежурного, перед тем как покинуть здание охраны.

– Он эту ночь не ездил домой, а ночевал в общежитии, – ответил офицер. – Пока не подходил.

– Не меня ищешь? – спросил вошедший в дежурку под- полковник.

– Тебя. Ты в курсе, что мне нужно в министерство?

– Тебе нужно, а я должен быть в курсе? – хохотнул Миха- ил. – Хочешь съездить вдвоём? Вообще-то, можно, но толь- ко если ненадолго, а то у меня через два часа дежурство.

– Туда и почти сразу же обратно, – заверил Алексей, – и

на пять минут заскочим в одно место. Заодно и поговорим. Знаешь, что мы сегодня вечером уезжаем?

– Откуда мне знать? Дед не говорил, ты тоже молчишь. Куда и насколько?

– Я сам только вчера узнал от Берии, – виновато сказал Алексей. – Надо было найти тебя и посидеть, но он накрутил мне хвост, и всё вылетело из головы. Уезжаем на Урал, а насколько – этого я сказать не могу. Не меньше чем на год.

– Служба, – философски сказал Михаил. – Жаль, я к вам привык. Пошли за машиной, а поговорим в дороге.

Время на поездку потратили мало, да и в министерстве всё прошло без волокиты. Документы были готовы, и так же быстро выдали деньги.

– Говори, куда хотел заехать, – садясь за руль, сказал Михаил.

– Перед тем как идти к вам, я припрятал деньги и кое-какую мелочёвку, – сознался Алексей. – Уезжаю надолго и решил забрать.

– Ладно, конспиратор, – проворчал Михаил, – говори адрес.

Через десять минут остановились у нужного дома, и Самохин сходил за шкатулкой.

– Ну и что ты тут прятал? – спросил Михаил, когда Алексей вышел из подъезда с ней в руках и сел в машину. – Есть что-нибудь запрещённое?

– По-моему, ничего, – ответил Алексей, открывая шка-

тулку. – Посмотри сам. Это деньги, украшения жены и боеприпасы к моему оружию.

– Вернули?

– Вчера Сталин отдал после награждения орденом.

– И каким же орденом тебя наградили, орденосец?

– Красной Звезды. Ну что ты на меня так смотришь? Я же сказал, что вчера был в растрёпанных чувствах, какое там обмывание!

– Когда отъезд?

– В семь должна прийти машина, а поезд в восемь. Ты будешь на дежурстве.

– Дед в это время обедает, и я ему не нужен. Хоть ты и свинья, всё равно провожу. Машину ради вас на дачу не пропустят, так хоть помогу донести вещи.

– Тормозни у магазина, – попросил Алексей. – Совсем забыл, что нужно купить чемодан и сумку. Я быстро.

– Какой-то ты не такой, как обычно, – заметил Старостин, когда купленный чемодан отправился на заднее сидение, а ЗИС опять понёсся по московским улицам. – Был собранный и уверенный в себе офицер, а сейчас... даже не подберу слов! Неужели из-за вчерашней взбучки?

– Вряд ли, – подумав, ответил Алексей. – Просто долго прожил на вашей даче и расслабился. Я ведь знал, что придётся уезжать, и всё равно резко отреагировал. Наверное, ещё из-за того, что посылают к чёрту на кулички и вся жизнь теперь пойдёт совсем по-другому. А взбучка пошла уже до-

веском.

Жена собрала два чемодана и ждала его приезда на веранде.

– Поставь свои покупки возле дивана, – сказала она Алексею. – Я сложила на нём оставшиеся вещи. Потом уложу.

– Отдыхаешь? – спросил он, садясь на соседний стул.

– Скорее, прощаюсь. Не от чего мне отдыхать. Скучновато здесь жить, но и хорошего было немало. Всё сделал?

– Да. Всё взял в министерстве и забрал шкатулку.

– Михаил не интересовался тем, что ты забыл на чердаке?

– Я ему сам рассказал. Он обиделся из-за того, что только сегодня сказал о награждении и отъезде.

– Правильно сделала. Я заметила, как к тебе тянутся самые разные люди. Мы здесь живём три с половиной месяца, а Михаил уже считает тебя своим другом. А с друзьями не прощаются мимоходом. Где он сейчас?

– На дежурстве. Обещал вечером проводить.

– Ладно, я перед ним за тебя извинюсь, а сейчас соберу вещи и затащу тебя в кровать. Неизвестно, когда доведётся побыть вдвоём, так что надо пользоваться, пока есть такая возможность. Или сделать это после обеда?

– Лучше сейчас, – решил Алексей, – а потом повторим ближе к вечеру. Ужинать будем раньше, поэтому давай раньше и пообедаем.

На ужин был сюрприз: работники кухни сами накрыли им стол в малой столовой.

– Смотри, красная икра! – удивлённо сказала Лида, оглядывая богато уставленный стол. – Я ела её только в детстве. И это на ужин? В меня столько не влезет! И сумки тоже нам?

– Лаврентий говорил, что нам приготовят продукты в дорогу, – объяснил Алексей. – Нечего разглядывать эту кулинарию, её нужно съесть. На новом месте таких разносолов не будет. А вот и Михаил!

– Здравствуй, Лида, – сказал вошедший Старостин. – Товарищ Сталин передал, чтобы после ужина зашли к нему в кабинет.

– Присядь с нами, Миша! – попросила Лида. – Посиди хоть немного, заодно и поешь. Нам наложили на четверых. И извини этого охламона, он обещал исправиться.

– Ну если обещал... – Старостин сел за стол и помог им его очистить. Заодно немного пообщались.

– Посуду уберут без вас, – сказал он Самохиным, когда закончили есть. – Сумки я отнесу сам, а вы идите в кабинет. Дежурит Гриша, его насчёт вас предупредили.

– Подойдите ближе, – сказал Сталин, когда Пушкарёв пропустил их в кабинет. – Я обещал расплатиться за портрет. Это тебе.

Лида взяла из его рук неожиданно тяжёлый пакет и достала из него пистолет. Сбоку над спусковым крючком желтела небольшая золотая пластинка, на которой было выгравировано несколько слов: «Лидии Самохиной на память И. В. Сталин».

– Не люблю, когда у женщин в руках оружие, – сказал ей Иосиф Виссарионович. – У дочери отобрал, но тебе можно дать. Ты сильная и не сделаешь глупости. Это хорошо, что муж учит драться, но несерьёзно. От пьяницы отобьёшься, но от него проще убежать. А для серьёзных врагов лучше это. В пакете патроны и удостоверение. Лаврентий сам подписал и сделал нужные отметки, так что и там, куда вы едете, сможешь пользоваться. Муж научит. Дочь хотела проводить и попросила прислать машину, но я запретил. Пусть на меня обижаются, но ей это ни к чему. И лучше не распространяться о моём подарке. Идите, скоро уже прибудет машина. Михаил вам поможет.

Они попрощались и вышли в коридор, где рядом с телохранителем ждал Старостин с сумками в руках.

– Что вы их держите, Михаил! – сказала ему Лида. – Они же тяжёлые. Вынесите и поставьте на пол в тамбуре, а мы сейчас сходим за вещами и переоденемся в дорогу. Нет, чемоданы нести не нужно. Они набиты одеждой и очень лёгкие.

Через десять минут они втроём шли к воротам, за которыми был слышен шум мотора подъехавшей машины.

– Расщедрились для вас, – сказал Михаил, сгружая сумки в просторный багажник сто десятого ЗИСа. – Давайте чемодан, Лида, а Алексей уложит свои сам. А теперь я вас по-дружески поцелую. Счастливо вам, ребята, добраться и устроиться на новом месте! Держите бумажку и постарайтесь не

потерять. Это мой адрес. Вы у нас люди секретные, так что не обижусь на отсутствие писем, но если будете в Москве и не заедёте, можете больше не показываться на глаза!

– Давайте быстрее, товарищи! – поторопил Самохиных сидевший в середине салона майор ГБ. – Садитесь на задние сидения.

Они попрощались со Старостиным и заняли указанные места, после чего шофёр развернул машину и хорошо разогнал её на почти пустом в это время шоссе.

– Куда так несёмся? – спросил Алексей. – До отхода поезда не меньше часа.

– Нужно забрать напарника, – объяснил майор. – Будем знакомы. Я Николай Волков, отдел «ДР». Вас я заочно знаю, так что можете не представляться.

– Вы уже были на объекте или, как и мы, в первый раз? – задал вопрос Алексей. – Спрашиваю потому, что задание у вас не по профилю отдела. Это не из-за нас?

– Из-за вас, – Николай кивнул на шофёра. – Поговорим на эту тему потом. – Мой напарник из отдела «К» и едет на объект уже не в первый раз.

На подъезде к столице шофёр сбавил скорость и через двадцать минут езды по плохо освещённым улицам по команде майора остановился возле большого дома, наверное, дореволюционной постройки.

– Не надо сигналить, уже идёт, – сказал ему Николай.

Напарником оказалась женщина лет тридцати в звании

капитана.

– Здравствуйте, товарищи! – поздоровалась она, передавая майору небольшой чемодан. – Подержи, Николай, а то у меня ещё сумка. Не будем тратить время на багажник. Поехали, Семен. Что вы так долго-то? Ведь договаривались на половину восьмого. Да, я Елена Баляева.

– Немного задержали машину, – ответил Николай. – Ничего, время в запасе есть, успеем.

Без десяти восемь прибыли на Казанский вокзал, взяли носильщика и через десять минут уже устраивались в купе.

– Как на ней можно спать? – спросила Лида, имея в виду верхнюю полку. – Если оттуда упасть...

– Женщины будут спать внизу, правда, майор? – сказал Алексей. – Они существа нежные и ранимые. А если с полки спикурует один из орлов Судоплатова, ему это ничем не грозит.

– Это точно, – подтвердила Елена. – Был уже случай проверить.

– А разве я возражаю? – пожал плечами Николай. – Наверх, так наверх. Ужинать никто не будет? Ну и ладно. Давайте уложим ненужные вещи и дождёмся отправления, а потом возьмём постели и завалимся спать. Не знаю, как вы, а я постоянно недосыпаю.

Поезд тронулся через пятнадцать минут, а ещё минут через пять к ним пришла проводница. После её ухода мужчины покинули купе, чтобы дать женщинам возможность пе-

реодеться.

– Не куришь? – спросил Николай Алексея. – И правильно делаешь. Не люблю дыма, а у нас почти все курящие. Наверное меня из-за этого с вами и направили. Что ухмыляешься? Выкурил бы я сейчас пару папирос и закрылся с вами в купе. Ну что, переделались они или ещё нет?

– Сейчас возьму у проводницы постели, тогда и зайдём, – сказал Алексей. – Я тебе сочувствую. Сам не терплю курильщиков, а курильщик в купе – это мрак, особенно когда нельзя открыть окно.

Он сходил в купе проводницы, забрал постели и отказался от предложенного чая. Через полчаса в шестом купе спали все, кроме Лиды, которая лежала на боку и смотрела во тьму за окнами, слушала перестук колёс на стыках рельсов и громыхание сцепок. Вскоре она заснула и была разбужена резкими рывками вагона, светом станционных прожекторов и шумом проезжавших мимо составов. Их поезд остановился возле ярко освещённого здания вокзала и долго стоял, пока опять не двинулся, уходя от света и шума в темноту ночи. Лида просыпалась ещё несколько раз, удивляясь тому, что всем остальным не мешают спать шум, свет и даже рывки состава, от которых постель ёрзала по полке. Проснулась она не сама, разбудил муж.

– Малыш! – легко потряс он за плечо. – Ты собираешься сегодня вставать или нет? Мы уже давно клацаем зубами от голода, чай остывает, а ты храпишь и не думаешь просыпаться.

ся. Вот меня всё купе и делегировало тебя поднять.

За окном рассвело, но было пасмурно и шёл дождь, а на столике действительно стояли четыре стакана с чаем в металлических подстаканниках. Николая в купе не было, а уже одетая Елена скатала свою постель и сидела у окна с книгой в руках.

– Я выйду в коридор, а ты приводи себя в порядок, – сказал Алексей. – Постель убирать не нужно, мы и на ней посидим. И можешь надеть пижаму, я думаю, что наш майор это переживёт.

– Ну что, разбудил благоверную? – спросил Николай. – Она, наверное, вообще не ездила в поездах. Вчера осматривала купе, открыв рот, а ночь наверняка толком не спала. Без привычки так и бывает. Нас предупредили, что вы люди необычные, но разбираться в причинах ваших странностей чревато крупными неприятностями. Кстати, если жене нужно посетить туалет, обязательно проводи, иначе это придётся делать мне. Или отправим с ней Лену.

– Елена не оперативник? – спросил Алексей. – Спрашиваю, чтобы знать, на что можно рассчитывать с её стороны.

– Не оперативник, но и не кабинетный работник, так, немного того, немного другого.

– Заходите уже, голодные! – сдвинув дверь, сказала Лида. – Шевелитесь, а то чай действительно остынет.

– Давайте посмотрим, что нам наложили, – предложил Алексей, доставая сумку с провизией. – Чувствует моё серд-

це, что мы не съедим всё это и вчетвером.

– Ничего, Алексей, – сказала Елена, – съедите сами. Мы рано прибудем в Челябинск, так что кафе и столовые будут закрыты. И из города уедем ещё до их открытия, а пока доберёмся до места... А там вам дадут пустую квартиру. Раскладушки с матрасами обеспечат – и всё. Столовые есть: одна в городке, а другая на комбинате, но разносолов там не ждите. Вот когда через пару лет всё построят и наведут порядок, будет неплохо. А пока построили школу, но нет больницы, даже городской парк сделали только наполовину. Есть магазин, но вряд ли вы купите всё необходимое. Составите список покупок, а я организую машину в Челябинск. Вот там можно купить всё. Так что не разбрасывайтесь продуктами, они вам самим пригодятся.

– Учту, – пообещал Алексей. – Только ещё не зима, и половина этого богатства до завтра протухнет. Отравимся, и с вас снимут не только погоны, но и головы. Поэтому дружно навалились и съели всё скоропортящееся. А то, что может полежать, так и быть, пока уберу. А для начала попью чай.

– А куда прячешь сдобу? – запротестовала Лида.

– Сдоба полежит, ешь мясо, паштет и яйца. Нам с тобой даже отдали любимую печёную картошку Деда. Мажь на хлеб масло и ешь. Да и других продуктов здесь навалом. Нет, Лена, вашу курицу оставим на обед, а то и на ужин. У нас есть ещё одна сумка. Что там? Так, красную икру нужно съесть в первую очередь!

– Чуть по привычке не сказала «наркомовский паёк», – засмеялась Лена. – Вы не министра ограбили? Я беру её только к праздникам.

– Нас, дорогая Лена, тоже в детстве икрой не закармливали, – сказал ей Алексей, доставая балык и ветчину. – Все поняли задачу?

– Я поняла, – кивнула Лида. – Но чтобы с ней справиться, мне нужно кое-куда отлучиться.

– Я с тобой, – поднялась Лена. – Возьми мыло, а я прихвачу полотенце, одного хватит.

– Вас с нами надолго командировали? – спросил Алексей, когда женщины ушли.

– Командировка бессрочная, – ответил Николай. – Ни у меня, ни у Лены нет семьи, нас ещё из-за этого выбрали. Отозвать могут, но не раньше чем пришлют замену.

Глава 14

День прошёл скучно. Расспросить Елену о городке не удалось. Она ответила на несколько вопросов, потом стала уводить разговор в сторону, а под конец отказалась говорить на эту тему, сославшись на инструкцию. Трёп ни о чём быстро угас, и все до обеда лежали на своих полках. Мелькавший за окнами серый пейзаж, перечёркнутый косыми струями дождя, не вызывал ничего, кроме уныния. После обеда Николай достал колоду карт, и часа два резались в «дурака», научив этой игре Лиду. Потом мужчины рассказали несколько анекдотов, и на этом лимит общения был исчерпан. Вечером легко поужинали и рано легли спать. На этот раз Лида заснула одной из первых и ночью просыпалась только один раз, да и то ненадолго. В Челябинск прибыли в семь утра. Дождя в городе не было, поэтому обошлись без зонтов. Взяли носильщика с тележкой, с помощью которого перебрались в зал ожидания вокзала, где Самохины с Еленой остались с вещами, а Николай на такси поехал в территориальное Управление МГБ. Вернулся только через два часа.

– Пришлось задержаться, – объяснил он спутникам. – О нас сообщили, но кто-то решил, что мы можем подождать. Я не стал выяснять, кто у них такой самостоятельный, а то приехал бы ещё позже. Передам в министерство, пусть там разбираются, если сочтут нужным. Машина ждёт на площа-

ди, поэтому сейчас поедем. Это рядом, так что обойдёмся без носильщиков. Продукты мы подъели, а чемоданы у вас лёгкие.

Мужчины нагрузились вещами, оставив женщинам по небольшому чемодану, и все вместе вышли на привокзальную площадь. В полусотне метров от вокзала их поджидала новая «Победа». Водитель уже открыл багажник, и в него положили все вещи, кроме продуктовых сумок Самохиных.

– Перекусим в дороге, – сказал Алексей. – Сейчас сядем, и я сделаю бутерброды с ветчиной. Сколько нам ехать?

– Часа два, – ответила Елена. – Но если хотите есть, это нужно делать сразу, потом будет неважная дорога.

Сначала было неплохое шоссе, и они с удовольствием съели по паре бутербродов, потом дорога пошла хуже и машину стало трясти, поэтому шофёру пришлось сбавить ход. Километра за два до городка дорогу перегораживал шлагбаум, возле которого было построено небольшое одноэтажное здание для охраны. Сама охрана КПП в составе лейтенанта ГБ и пяти автоматчиков профессионально окружила машину.

– Предъявите документы! – потребовал лейтенант.

Стоявший рядом с ним сержант подбежал к «Победе» и, собрав у всех документы, отнёс начальству. После их просмотра лейтенант приказал Самохину выйти из машины.

– Почему в гражданском? – спросил он, с явным недоверием осматривая Алексея.

– А вам какое дело, лейтенант? – ответил тот. – Я могу

приехать хоть в домашнем халате и тапочках, вас это не касается. Что-то не так с моими документами? Тогда прямо и скажите!

– У вас не может быть указанного в документах воинского звания! – с неприязнью сказал лейтенант. – Ваш возраст не подходит!

– К вашему сведению, в жизни случаются исключения из правил, – пояснил Алексей. – Василий Сталин, например, в двадцать шесть лет стал генерал-лейтенантом. Так что для меня звание майора – это ещё не предел. Но если вам что-то кажется и вы не верите офицерам центрального аппарата МГБ, которых отправили меня сопровождать, и бумагам с подписью министра, флаг вам в руки и барабан на шею. Я вижу, что здесь проложена телефонная связь. Позвоните в комендатуру, пусть они пришлют машину и отвезут меня к себе. Нет у меня желания выяснять с вами отношения.

– Постойте здесь! – решил лейтенант. – Я доложу начальству.

Он ушёл в дом охраны и вернулся через несколько минут.

– Ваша фамилия есть в списках, – сказал он Алексею. – Возьмите, пожалуйста, документы и садитесь в машину. Онищенко, открой шлагбаум!

– Ну и почему вы не предъявили свои бумаги? – спросил Алексей, когда пост охраны скрылся за поворотом дороги.

– А зачем? – сказала Елена. – Это только первый пост, проверять вас будут в городке. Наши бумаги не для этого

лейтенанта. О вас предупреждены все, кому положено знать, а действия охраны могли привести только к потере времени. Ну отвезли бы вас для проверки на другой машине, что с того? Нам всё равно туда ехать. Так, поворачиваем направо и потом ещё раз через два квартала. Там я скажу, где остановиться.

– Кто вам виноват, что так молодо выглядите? – добавил Николай. – Вы из-за этого не раз столкнётесь с недоверием. Его слова оказались пророческими.

– Вы в звании майора? – недоверчиво уставился на Алексея пожилой майор, которому показали сопроводительные документы на Самохиных.

– Надо было не соглашаться с Берией и просить, чтобы дали младшего лейтенанта, – вздохнул тот, добавляя к бумагам своё удостоверение и командировочное предписание. – Вы верите этим офицерам? Вот у них и спрашивайте, где они меня такого нашли. А то, может быть, я американский шпион с неудачно подделанными документами?

– Всё в порядке, Александр Евгеньевич, – усмехнулась Елена. – Там, откуда его взяли, шпионов не бывает. А возраст... Он постареет. Давайте побыстрее закончим, нам ещё их устраивать.

– Кто вы по специальности? – спросил майор Лиду. – В сопроводительных документах стоит прочерк.

– Художник, – ответила она, – но ничего не оканчивала, кроме школы.

– Оружие имеется?

– У меня штатный «ТТ», а у жены «Вальтер-ППК». Лида, покажи документы.

На стол легло ещё одно удостоверение.

– Надо же! – сказал майор, увидев роспись министра и отметки. – Таких клиентов у меня ещё не было. Интересоваться вами запрещено, есть указание оказать содействие. Вы сейчас в администрацию?

– Да, – ответила Елена. – Повезём устраивать их, а потом вернёмся в общежитие. Паспорта для прописки я потом передам.

– Вам сделали временные отметки, – сказала она, когда все опять сели в машину. – Сейчас поедем вас устраивать, а по пути я покажу, где столовая, магазин и баня. Школа вам не нужна, а больше здесь пока ничего нет. Железнодорожный вокзал в километре от городка, а парк, как я уже говорила, только начали делать. Когда устроитесь, возьму у вас паспорта. Всех местных прописывают в Челябинске.

Устроили их очень быстро.

– Насчёт вас есть указание Ванникова, поэтому квартира подготовлена, – сказал им представительного вида мужчина. – Директор распорядился поселить вас на Школьной, там у нас живёт всё руководство. Подождите, я сейчас оденусь и съезжу с вами – так быстрее.

Уже через десять минут их провели в двухкомнатную квартиру, оставили два ключа от замка входной двери и по-

могли перенести вещи. Пообещав позже навеститься, Николай с Еленой поехали устраиваться сами.

– Да, это не дача Сталина, – сказала Лида, осматривая комнаты. – Вся квартира меньше одной нашей гостиной.

– Не ворчи, нам с тобой досталась царская по местным меркам квартира, вот только вся мебель – это две раскладушки и табуретка на кухне, и обещали привезти матрасы и подушки. Какую-нибудь посуду купим в магазине, а на завтра попробую выбить грузовик и смотаюсь в Челябинск. Денег навалом, так что постараюсь сразу всё купить. Давай внимательно осмотрим квартиру и составим список того, что нужно, а то я что-нибудь забуду.

Жилая площадь обеих комнат не превышала сорока квадратов, кухонька была совсем маленькой, но туалет и ванная комната находились в отдельных помещениях. Окно кухни и балкон в гостиной выходили во внутренний двор с видом на громаду комбината, а окно в спальне смотрело на Школьную улицу, пожалуй, самую приличную в городке.

– Смотри, какая просторная прихожая, – сказал Алексей. – Сюда войдёт и одёжный шкаф. Бери ручку, бумагу и пиши.

– Что писать? – растерялась Лида. – Я ни разу не готовила на электрической плите, я вообще ничего не умею готовить! И как здесь стирать? Может быть, в городке есть прачечная?

– Это вряд ли, – Алексей подошёл к жене, обнял и поцеловал в макушку. – Не бойся, в домашнем быте нет ничего

сложного. Угроздило же меня жениться на миллиардерше, теперь тебя нужно всему учить. Ничего, у нас с тобой два месяца отпуска, так что всё потихоньку сделаем. Ты всему научишься, а стирать я буду сам: не женское это дело. А потом наймём домработницу, а то или ты не доберёшься до своего мольберта, или я помру от голода. Ну что, идём в магазин?

Магазин был единственным и продавались в нём продукты и кое-какая хозяйственная мелочь, в том числе и посуда. Её и купили, выбирая самое необходимое.

– Остальное купим в Челябинске, – сказал Алексей. – Там больше выбор. Вообще-то, насколько я знаю, закрытые города хорошо снабжались, просто здесь всё ещё только начинается.

Через полчаса после их возвращения во двор дома заехал грузовик, и солдаты внесли Самохиным небольшой стол, табуретку и постельные принадлежности.

– Живём! – сказал жене Алексей. – Матрасы, подушки и одеяла у нас есть, привезли даже постельное бельё. Сегодня будем спать, как белые люди. Давай сложим сумки с остатками провизии на балконе, чтобы ничего не пропало, а пообедать сходим в столовую. Заодно оценим здешний общепит, а поужинаем дома. Наши сопровождающие придут не скоро, им самим нужно устраиваться. Это не командировка на несколько дней, они надолго здесь застряли.

Столовой остались довольны.

– Не кухня Сталина, но лучше той московской столовой,

где мы ели, – сделала вывод Лида. – Если не захочется готовить, можно поесть здесь. Плохо только, что очередь. Пошли домой, я хочу отдохнуть.

Они вернулись в квартиру за несколько минут до прихода Николая.

– Я уже договорился насчёт машины, – с порога сказал он Алексею. – Завтра будь готов к девяти. Я тоже поеду и кое-что себе куплю. Не мебель, конечно, она у нас казённая. Планируй покупать тяжёлые и громоздкие вещи, а за мелочёвкой съездим отдельно на легковушке. О вас, кстати, уже справлялись. Через несколько дней должен приехать кто-то из научного руководства, но это точно не завтра. Так что готовься к поездке. Лишь бы не было дождя, а то придётся переносить. С соседями ещё не познакомились?

– Когда бы мы успели? – отозвалась Лида. – Сами только въехали и всё время в бегах.

– Тогда хочу дать совет. Ты ведь и дальше будешь ходить в гражданском?

– Не хочу без необходимости надевать форму, – ответил Алексей. – Лиду смешат галифе, да и пугать людей...

– Вот насчёт людей и хочу предупредить. Сразу говори, где служишь. Пусть поначалу отпугнёшь, зато потом не будет проблем. А если с кем-то сблизись, и сами узнают, подумают, что скрывал. Нас мало кто любит, сам знаешь за что. Ладно, я смотрю, Лида уже зевает. Она мало спала в поезде, поэтому пусть отдыхает. Я к вам зашёл только сказать

о поездке.

После сытного обеда Лида действительно засыпала на ходу, поэтому Алексей поставил одну из раскладушек и быстро разобрал постель. Кое-как раздевшись, жена забралась под одеяло и тут же заснула. Он поставил и свою кровать, но не стал ничего стелить, кроме матраса, на который и прилёг, поменяв перед этим костюм на домашнюю одежду. Спать было нельзя, иначе пошёл бы коту под хвост ночной сон, поэтому Алексей просто лежал, обдумывал события последних дней и прикидывал, что нужно сделать в первую очередь. Ему очень не понравился сегодняшней инцидент на КПП, показавший, что их внезапной молодости не замечали только Сталин и его окружение, включая охрану. Всем остальным она бросалась в глаза. Он понимал этого лейтенанта: сам не видел таких молодых майоров, капитаны и те были старше. Имея за спиной Берию, на это можно было не обращать внимания, хотя не будешь же всем ссылаться на министра... И что делать, если ничего не можешь сделать? Правильно – выбросить из головы!

Он не дал Лиде долго спать: в пять вечера разбудил и заставил умыться, а в шесть достали с балкона продукты и немного разогрели в духовке. Алексей вскипятил в купленном чайнике воду, и они заварили чай, после которого пришёл черёд булочек.

– Завтра утром подыдем все запасы, – предупредил он Лиду. – Я постараюсь что-нибудь купить в Челябинске, но

не уверен, что будет возможность мотаться по гастрономам, поэтому купи чего-нибудь здесь. Если пойдём обедать в столовую, пригодится на ужин. Я вижу, что ты опять не прочь завалиться спать. Этот номер не пройдёт: раньше девяти не ляжешь. Вредно спать с полным брюхом, а ты съела шесть пирожков! Зачем мне толстая жена?

– А чем заниматься? – спросила она. – Если тем, о чём ты подумал, я для этого слишком сильно наелась, а больше в голову ничего не приходит. Надо было забрать у Николая карты.

– Я ещё не играл с тобой в карты! – рассмеялся Алексей. – В дороге с попутчиками, чтобы убить время, – куда ни шло, но не дома. Мы займёмся делом. Доставай из чемодана свой именной пистолет, буду учить им пользоваться. Кстати, надо купить для тебя дамскую сумочку. Не в кобуре же его носить, если потребуется, да и не дали её тебе.

Премудрости обращение со своим оружием Лида освоила за полчаса.

– Где бы здесь пострелять? – задумчиво сказала она, демонстративно оглядывая комнату.

– Быстро учишься, – заметил муж, отбирая у неё пистолет. – Хватит баловаться! Пожалуй, надо достать тебе кобурку. Под свитером на ремне удобно носить. Кстати, вот ещё одна проблема, которую нужно срочно решать. У нас с тобой три чемодана одежды, и вся летняя. Скоро уже начало октября, а октябрь для этих мест почти зима. Так что послезавтра,

если не принесёт Курчатова, едем за зимними вещами.

– А хватит денег?

– Хватит. Мне выдали три оклада, да ещё получил деньги за сентябрь. И в шкатулке тоже было много, я их так и не посчитал, вот и займись финансами. В нашей семье ими занималась мать, а в моей – бывшая жена. Не будем нарушать традиций.

– Лёш, а почему вы разошлись? Ты её разлюбил, да?

– Зачем тебе это, малыш? Было и нет, так зачем вспоминать о том, чего никогда не случится?

– Для тебя это было, и я хочу знать из-за чего! Вдруг ты и меня вот так... А я без тебя точно умру, ты должен это знать!

– Глупенькая! – он прижал её к себе. – Я похож на мужчину, который бросит доверившуюся ему женщину? Бросил не я, бросили меня. А почему... Просто нашёлся тот, кто стал для неё дороже. Я поспешил жениться сразу после училища, потому что позже это сделать трудней. Вечные сборы, спецкурсы, учения. Наверное, повлияло и то, что меня подолгу не было дома. А тот другой никуда не мотался, да и зарабатывал больше меня.

– Какое значение имеют деньги?

– Это они для тебя не имеют значения, потому что ты в них никогда не нуждалась. Для большинства жён зарплата их мужчин стоит не на последнем месте. Так что если ты меня не бросишь сама, жить нам с тобой вместе до глубокой старости, потому что я тебя люблю и буду любить!

– Докажи!

– Знаешь что, малыш, – сказал он, ссаживая жену с колен, – доказательствами займёмся завтра на нормальной кровати. Ещё не затопили, и на полу будет холодно.

Недовольная Лида легла на свою раскладушку и скоро уже спала, а он задержался и теперь не мог уснуть из-за шума у соседей, которые устроили гулянку. Толстая стена почти полностью глушила музыку, в отличие от топота ног. И ничего им не скажешь в девять вечера. К десяти соседи утомились, и он наконец уснул.

Утром Алексей, стараясь не разбудить жену, позавтракал, надел форму, разложил по карманам документы и деньги и спустился во двор. Заметно похолодало, поэтому он успел замёрзнуть за те двадцать минут, пока ждал машину.

– Легко оделся! – осмотрел его вышедший из кабины тентованного грузовика ГАЗ-51 Николай.

Сам он был одет в шинель.

– Совсем нет тёплых вещей, – сказал Алексей. – Были две куртки, но мы не взяли их с собой. Надо завтра попросить легковушку и съездить за барахлом.

– Ладно, полезай в кабину, а я пойду на лавки в кузов. Там ещё четверо солдат для погрузки мебели, но все тепло одеты, не то что ты.

На поездку потратили полдня, но купили всю мебель, нужную посуду и кое-какую тяжёлую мелочёвку вроде ручного инструмента или утюга.

– Совсем другой вид у квартиры! – сказала довольная Лида, села на одну из двух составленных вместе кроватей и покачалась на панцирной сетке. – Почему купил две?

– А ты попробуй найти хорошую двуспальную кровать, – ответил Алексей. – Полуторки были, но на них спать вдвоём... Ничего, положим матрасы, всё выровняем, тебя потом с них не сгонишь.

– Начинай укладывать и выравнивать! – скомандовала жена, освобождая кровать. – Опробуем твои покупки.

– Подожди, – остановил он. – Ты ходила в магазин? Чем накормишь утомлённого и голодного мужа? А то я ведь уложу, выровняю и этим ограничусь.

– Пошли быстрее в столовую! – заторопила Лида. – Она закроется только через полтора часа. Я кое-что купила, но не стала без тебя готовить.

Когда поели и возвращались домой, в первый раз встретили жильцов одной из соседних квартир. В этот вечер успели привести в порядок только кровати, после чего всё остальное перестало существовать до следующего утра. Утомонившись, уснули и проснулись утром от стука в дверь.

– Чёрт! – выругался Алексей, взглянув на ручные часы. – Проспали! Уже восемь, а я на это время договорился с Николаем насчёт машины. Наверное, это он тарабанит. Живо приводи себя в порядок, а я попрошу его немного подождать. В Челябинске первым делом куплю будильник!

В этот раз они потратили больше времени, объездили два

десяток магазинов и купили всё, что требовалось, начиная с зубного порошка и заканчивая пальто для Алексея и шубой для Лиды. Николай тоже немало всего накопил для себя и по заказам Елены. По его совету Алексей заказал в ателье форменную шинель.

– Растратили почти все деньги, – сказал он жене, когда уже выехали из города. – Осталась всего пара тысяч, а следующая зарплата только через месяц. Правда, купили всё, что нужно, даже шинель оплатили, а на продукты много денег не нужно.

– Две тысячи на месяц питания – это по-царски, – сказал Николай. – Другие обставляют квартиру полгода, а вы всё сделали за два дня. Молодцы!

Когда возвращались, на КПП была смена того самого лейтенанта, который проверял документы в первый раз. Он осмотрел салон машины и махнул рукой, чтобы поднимали шлагбаум.

– А документы не проверил, – заметил Алексей, когда КПП скрылся из вида. – Непорядок.

– Служебная машина, – объяснил Николай, – и он знает, что у нас постоянные пропуска. Нужна бдительность, а не формализм. Хотя ты прав, и ему при проверках за такое не поздоровится. Но о проверках обычно знают заранее. Кстати, здесь, с самого начала работ не было серьёзных нарушений режима. Сейчас забросьте меня в общежитие, а потом поедете к себе. И тебя просили предупредить, чтобы в ближайшие три дня не отлучался из городка.

Они сильно устали за день мотания по магазинам и стояния в очередях, поэтому просто сложили всю купленную мелочёвку на стол в гостиной, а одежду запихнули в шкаф и занялись приготовлением ужина, после которого Лида улеглась на кровать с книгой в руках, да так и заснула. Алексей походил по квартире, намечая работу на завтрашний день, и тоже лёг спать. Встали рано, позавтракали тем, что смогли приготовить из остатков вчерашних продуктов, и занялись квартирой. Когда приехал Курчатов, Алексей стоял у окна гостиной на табуретке с молотком в руках и закреплял гардины.

– Лёша, к тебе пришли! – крикнула из прихожей жена.

Лица Курчатова он не помнил, но сразу же узнал его по усам и дурацкой бородке. Учёного сопровождал мужчина в гражданском с военной выправкой.

–Здравствуйте, Игорь... – он замялся. – Извините, отчество запамятовал.

– Васильевич, – удивлённо сказал Курчатов. – Вы меня знаете? Откуда?

– Раз спрашиваете, значит, вам обо мне ничего не говорили, – сделал вывод Алексей. – Лида, выйди, пожалуйста, в спальню, нам нужно поговорить. Только товарищ Берия разрешил мне откровенничать с вами, ни о ком другом речи не было.

– Валентин Иванович, подождите меня, пожалуйста, в машине! – обратился Курчатов к своему спутнику, и тот вышел

из комнаты.

Алексей выглянул в прихожую, после чего пригласил академика сесть на диван.

– Разговор у нас будет недолгим, но зачем же стоять на ногах? Вам говорили, что я знаю особенности конструкции атомного и водородного оружия?

– Об атомном вы ещё можете знать, хоть и непонятно откуда, – усмехнулся Курчатов, – а водородного пока не существует. Есть только понятие самого принципа и кое-какие намётки. Как можно знать о том, чего ещё нет?

– Если вам дадут допуск, я объясню, – ответил Алексей. – Так об атомном оружии не рассказывать? Сразу перейдём к термоядерному?

– Переходите, – согласился Курчатов, с весёлым любопытством следя за молодым парнем, который принёс от окна табуретку, положил на неё лист бумаги и взял в руку авторучку.

– Условий, возникающих при подрыве ядерного заряда, недостаточно для того, чтобы инициировать реакцию синтеза в дейтерии, – начал Алексей, – но вот в дейтериде лития-6 она возникнет. Это соединение тяжёлого изотопа водорода – дейтерия и изотопа лития с массовым числом шесть. Дейтерид лития-6 – это твёрдое вещество, с ним удобно работать. Смотрите на рисунок. Водородная бомба состоит из двух ступеней: триггера и контейнера с термоядерным горючим. Триггер – это небольшой плутониевый ядерный заряд

с усилением мощностью в несколько килотонн. Его задача – создать необходимые условия для разжигания термоядерной реакции – высокую температуру и давление. Контейнер с термоядерным горючим – основной элемент бомбы. Внутри него находится горючее – дейтерид лития-6 – и расположенный по оси контейнера плутониевый стержень, играющий роль запала термоядерной реакции. Оболочка контейнера может быть изготовлена из урана-238 или свинца. Контейнер покрывается слоем нейтронного поглотителя для защиты топлива от преждевременного разогрева потоками нейтронов после взрыва триггера. Расположенные соосно триггер и контейнер заливаются специальным пластиком, проводящим излучение от триггера к контейнеру, и помещаются в корпус бомбы. Вот, собственно, и всё. Конструкция может быть и сферическая. Принцип действия тот же, но нет плутониевого запального стержня, а вместо него используется плутониевая полая сфера, находящаяся внутри и перемежающаяся со слоями дейтерида лития-6. Это более эффективная конструкция. На чертеже я всё записал. Вопросы можете не задавать, потому что по водородной бомбе больше ничего не помню. Был ещё расписан процесс, но, зная конструкцию, вы в нём разберётесь. Нужны подробности по атомным бомбам?

* * *

- Ну и что сказал Курчатов? – спросил Сталин.
- Вцепился, как клещ, по поводу личности Самохина. Ко-

гда я задал вопрос о водородной бомбе, отозвался осторожно. Ни у Тамма, ни у Зельдовича пока нет больших подвижек в этом направлении. Сказал, что мысли интересные, но надо думать и всё посчитать. А вот по атомной бомбе сразу заявил, что нужно вносить изменения в проект.

– Вот что, Лаврентий, – сказал Сталин, – у учёных свои заморочки, а это может сказаться на деле. Проконтролируй, чтобы Курчатов не занимался новым оружием сам. Его амбиции и так уже мешают работе. Пусть все силы бросит на атомную бомбу, а остальное отдаст Зельдовичу. Если изменения в проекте сильно не скажутся на сроках, пусть меняет, а если из-за этого придётся надолго откладывать испытания, пусть заканчивают так. Потом всё исправят. И предупреди, чтобы не хитрил. Напомни, что у нас нет незаменимых. Что по Самохиным?

– Получили и полностью обустроили квартиру. Сейчас знакомятся с соседями, и Алексей учит жену готовить. Пару раз выбирались за город пострелять из вашего подарка. Наверное, уже маются от безделья.

– Как идут дела с формированием научной группы?

– Группа готова, но нас задерживают строители. Через месяц должны сдать два дома, тогда отправим пять человек. Я думаю до начала строительства центра ограничиться ими. Пусть пока знакомятся с его книгами и составят своё заключение, ну и разработают план дальнейших работ. Сейчас пока нет ясности с тем, что им потребуется для работы, и ко-

го ещё придётся привлекать. И обнаружилась интересная подробность. Я, когда узнал, не поверил. Это касается возраста Самохиных.

– А что не так с их возрастом?

– Они помолодели лет на десять. При этом изменились и их учётные данные, и документы. Помолодели изображения на фотографиях и изменились даты рождения. Причём их такими забирали уже отсюда. Когда сделали запрос работникам, которых посылали для сопровождения, они это подтвердили. У Алексея даже были проблемы на КПП. Какой майор в двадцать лет? А вот мы с вами этого не заметили. Не заметила и охрана, я узнавал.

– Лаврентий, скажи честно, ты веришь в бога? – неожиданно спросил Сталин.

– Нет, наверное, – смешался Берия. – Когда-то верил...

– Вот и я верил, ещё мальчишкой, а когда учился в семинарии, уже не верил. Как думаешь, почему их прислали ко мне? Что молчишь? Ладно, подумай вот о чём. Я изучил все книги, но обо мне сказано только в первой. И о смерти написано как-то невнятно. Нигде не утверждается, что это было отравление, мог быть и insult. Понимаешь, что это может для тебя значить? Если мы отменили Никиту, то insult не отменишь. И времени у тебя не слишком много. Россию вы почистили, на очереди Прибалтика. За год нужно заканчивать со всеми и созывать съезд. Твоя власть в партии крепка, но ты у нас тоже не бессмертный. Нужно сделать так, чтобы

после тебя всё замыкалось на Кузнецове. Этот не из тех, кто ударит в спину, и прекрасно понимает, что за тобой он как за каменной стеной. Честолюбив, но в меру. Меня беспокоит, что народ относится к тебе с прохладцей. Сила и авторитет у тебя есть, а любви к тебе нет, и ты ничего не делаешь, для того чтобы была. А ведь моя сила именно в этом! Проработай этот вопрос. Нужно посмотреть, кого можно амнистировать из арестованных в прежние годы. Только не выпустите тех, кого не надо. Можно немного снизить цены на продукты питания или выступить с критикой темпов строительства жилья. Смотри сам, но работать в этом направлении нужно. Я на твоём месте выступил бы с разъяснениями о состоянии наркомата и его работе, когда ты сменил Ежова. Многие не понимают, в каких условиях приходилось работать. Если объяснишь, будет другое отношение. Раньше было нельзя, теперь уже можно. Когда закончите с бомбой и наградим отличившихся, я сам объясню твою роль в проекте. С этим всё. Скажи, когда собираешься на «Сороковку»?

– Дней через пять-десять.

– Узнай, что им нужно, и помоги. И проверь насчёт помещения для лаборатории. Вы тянете, потому что никто пока не оценил важности этих реакторов и всего остального. Электроэнергии не хватает и ещё долго не будет хватать. Отправляй своих учёных прямо сейчас. Пусть устроят в общежитие, а когда будут квартиры, помогут перевезти семьи. И привези мне новые фотографии Самохиных, хочу посмот-

реть.

– Фото Лидии у меня с собой, – сказал Берия.

Он достал из нагрудного кармана кителя небольшую фотографию и протянул Сталину.

– Совсем девчонка, – сказал тот. – А ведь ей было около тридцати. Надо подумать, что сделать, чтобы у Алексея не было из-за этого проблем. И дочь попросила передать им это письмо.

* * *

– Ну и метёт! – сказал Николай, оббивая снег с валенок. – Чуть не засыпало, пока до вас добирался.

– Ты почему не взял с собой Елену, изверг! – недовольно сказала Лида. – Очень мне приятно слушать ваши разговоры!

– Я не виноват, – начал оправдываться Николай. – Могу поклясться, что я ей предлагал! Предлагал даже нести на руках. На последнем, правда, не настаивал, но она сказала, что придёт своим ходом как-нибудь в другой раз.

– Отряхни от снега шинель и иди на кухню, – сказал ему Алексей. – Горячий чай на столе. Только сначала давай газету. Прочёл статью?

– Прочёл. Там пишут то, что сообщали по радио, только написали о перестрелке. Смотри на второй странице.

Алексей расправил сложенную в несколько раз «Правду» и сел на диван в гостиной. В небольшой статье пересказывали вчерашнее сообщение об убийстве секретаря ЦК Ма-

ленкова и его жены. Сосед услышал выстрелы и с пистолетом выбежал на лестничную площадку. Дверь в квартиру Маленковых была распахнута, а на пороге лежал сам Георгий Максимилианович. Когда из квартиры начали выбегать злоумышленники, сосед открыл огонь на поражение и сумел убить одного из них и ранить другого. Потом его самого тяжело ранил третий бандит. Прибывшие работники ГБ обнаружили в подъезде двух убитых ножами работников охраны, а в квартире Маленковых, помимо тела хозяина, его жену, которую убили тремя выстрелами. Раненый бандит позже скончался, так и не придя в сознание. В одном из убитых опознали бывшего партийного работника, снятого с должности в результате чистки. Дальше шли изъятия соболезнования и обычные в таких случаях призывы сплотиться вокруг партийного руководства. Алексею в этом происшествии было непонятно всё. Если смогли тихо убить ножами двух вооружённых мужчин, зачем тогда поднимать шум, стреляя на лестничной площадке? И кому нужен был Маленков, который, судя по газетным публикациям, отошёл от дел и потерял былое влияние? Просто месть руководству?

– Что думаешь об этом? – спросил он Николая, зайдя на кухню. – Мне непонятно, кому это нужно. И выполнено очень топорно.

– А кто выполнял? – сказал Николай. – Оpoznанный Ветров воевал в Красной армии, но пришёл в неё из махновцев. Тогда же умудрился вступить в партию, скрыв от товарищей

этот факт своей биографии. В тридцатых из-за чисток можно было быстро продвинуться, именно это он и сделал. Не поставили к стенке только потому, что на нём не было крови. Кроме того, он выступал свидетелем против своего руководства, на котором была кровь. Поэтому даже не посадили, хотя было за что. Но большую часть имущества конфисковали и лишили кормушки. Вот его и использовали. Откуда у таких исполнителей взяться профессионализму? Да и не так уж они рисковали. Если бы не сосед со своим стволом, спокойно ушли бы. А кому нужно... До Берии трудно добраться, а в подъезде, где жили Маленковы, было всего два охранника. Непонятно, почему открыл дверь хозяин, сейчас всех призывают к осторожности. Может, дело в том, который сбежал? Он мог знать его лично. Это убийство не так бесполезно, как ты думаешь. Не отреагировать не могут, а лет десять назад единственной реакцией была бы волна арестов. На это и рассчитывали.

– Откуда знаешь по исполнителю? – спросил Алексей.

– Сегодня прислали кое-какие данные по линии ГБ. Руководство опасается, что эта акция не последняя, поэтому меры безопасности однозначно усилят. Хотя вряд ли сюда сунутся.

Глава 15

– Я Алексей Самохин, консультант центра, в который войдёт лаборатория, – представился Алексей, протянув руку для приветствия.

– Михаил Гольдберг. – Высокий симпатичный мужчина лет сорока ответил крепким рукопожатием. – Сказали, что буду возглавлять эту лабораторию.

– Почему вы один? – спросил Алексей. – Обещали пяти-рых.

– Остальные должны приехать через несколько дней, а я здесь пока осмотрюсь. В чём вы будете консультировать нас, Алексей? Мне неизвестна тематика работ.

– Вот что, Михаил, – Алексей вернул вошедшему документы, – возьмите ваше предписание и всё остальное и раздевайтесь. Пойдём на кухню, напою вас горячим чаем. Если предпочитаете водку или коньяк, то вам не повезло: в этом доме не пьют спиртное. Позже подойдёт жена и накормит обедом. Судя по дате отметки, вы приехали сегодня. Уже устроились?

– Да, – ответил гость, снимая пальто, – поселили в общежитии. Через две недели закончат отделочные работы в доме, где должны дать квартиры научным работникам лаборатории, тогда заберу жену с сыном.

На кухне Алексей налил в чашки кипяток и пододвинул

заварочный чайник.

– Заварку добавляйте по своему вкусу. Я много не лью, но здесь любят крепкий чай. Вот сахар. По поводу лаборатории... Вам что-нибудь обо мне говорили?

– А как же! Предупредили, что у вас есть уникальная научная информация и нужно оценить степень её важности. И добавили, что с вами нельзя разговаривать ни о чём другом, кроме науки.

– Это перегиб, – засмеялся Алексей. – Для вас табу – это информация, связанная с прошлым моей семьи. На другие темы общаться не возбраняется. У нас могут быть странности, старайтесь не обращать на них внимания. О себе скажу только то, что старше, чем выгляжу, и работал в войсковой разведке. Сейчас для удобства работы перевели в МГБ, звание – майор. Жена у меня художник. Надеюсь, вы не шарахаетесь от таких особистов, как я?

– От таких не шарахаюсь, – улыбнулся Михаил. – А образование у вас есть, или это тоже табу?

– Образование чисто военное, но и науки давали, хотя к вам в научные сотрудники не пойду. Давайте немного расскажу о том, чем займёмся. Три дня назад в городок приехал Берия, и вместе с ним привезли наши материалы. В исходном виде это были заснятые на фотоплёнку книги. Для нашего удобства их распечатали в нормальном формате. Книг пять и есть ещё несколько отдельных статей. Каждый источник для удобства выполнен в пяти экземплярах.

Всё хранится в секретном бюро рядом с лабораторией. Пока лаборатория – это пять комнат со столами и стульями. Выделенная нам часть здания тщательно охраняется и попасть в неё можно только по специальным пропускам.

– Получается, что вся наша работа сведётся к тому, чтобы сидеть и читать?

– Попробуйте понять прочитанное и оценить его важность. Нужно составить план работ по освоению рабочих тем. Туда уже включите необходимое оборудование и всё остальное.

– Я уже могу узнать, что описано в этих книгах?

– Уже можете. В первую очередь это рабочая конструкция низкотемпературного термоядерного реактора для получения пяти миллионов киловатт электроэнергии. Это там самое простое.

– А что же тогда сложное? – невозмутимо спросил Михаил.

– Всё остальное предназначено для создания компактных устройств накопления электрической энергии огромной ёмкости. Это не конденсаторы и не химические источники тока, а что-то совсем другое. При их изготовлении должны использоваться процессы, о которых пока никто ничего не знает. Их описанию и посвящены остальные книги и статьи.

– Я правильно понял, что вы сами их не знаете? – спросил Михаил. – Как же тогда консультировать?

– Я знаю многое другое, – объяснил он. – Не гарантирую,

что смогу помочь, но попытаюсь.

– Но вы читали эти книги?

– Читал только ту, в которой описан реактор, но мало что понял. Внешне всё просто. Существует большая камера, в которой создаётся вакуум. Магнитное поле специальной формы удерживает ионизированный дейтерий, плотность которого очень мала. Система электродов, создающая сильное электрическое поле, и очень мощный микроволновой излучатель нейтрализуют силы отталкивания атомов дейтерия, в результате чего идёт синтез гелия с выделением тепла. Я не знаю, из-за чего так раздули размеры установки, но это позволяет использовать прямое преобразование тепла в электрическую энергию за счёт огромного числа полупроводниковых преобразователей с очень высоким КПД. Такой реактор после запуска требует минимального присмотра. Фактически нужно лишь подпитывать систему дейтерием и очень редко менять выгорающие ячейки преобразователей.

– Но вы не поняли, за счёт чего происходит эта нейтрализация.

– Я не физик. Почитаете, может, поймёте. Мне сказали, что там нет ничего сложного для понимания. Кто сказал, можете не спрашивать, не отвечу. Жена пришла, сейчас вас накормим.

– А сам не мог этого сделать? – спросила Лида, услышавшая его из прихожей. – Жена у соседей, а ты, вместо того что-

бы накормить гостя, поишь его водой! Здравствуйте! Сейчас я быстро всё сделаю.

– Не стоит вам беспокоиться, – попробовал отказаться Михаил. – У меня ещё остались продукты с поезда.

– Так вы только приехали? Тогда тем более поедите! Вас как зовут? Очень приятно, Михаил, я Лида. Вы, случайно, не из тех физиков, которых мы ждём?

– Наверное, из тех. По крайней мере, я физик и буду работать с вашим мужем.

– Жена-то у вас есть, физик? – спросила Лида, быстро разогревая вермишель по-флотски. – Берите ложку. Вот вам хлеб, а это солёные грибы.

– Есть жена, – ответил Михаил. – И сын есть. Только они приедут не раньше чем через месяц. Пока получу и обставлю квартиру...

– Месяц я потерплю. Нас поселили в лучшем месте городка. На этой улице в пяти домах живёт всё руководство комбината и города, но большинство из них или в возрасте, или такие... в общем, неважно. В нашем доме только одна девушка, с которой мне интересно общаться, но она часто задерживается на работе и сильно устаёт. А у меня нет других дел, кроме готовки, вот и маюсь от безделья. Я неплохой художник, но здесь и рисовать нечего, всё вокруг засекречено! Скажите, у остальных тоже есть жёны?

– Не даёшь человеку есть, – упрекнул Алексей.

– Да я уже закончил, – сказал Михаил, отодвигая от себя

пустую тарелку. – Спасибо, всё было очень вкусно. Насчёт жён могу сказать только о двоих, об остальных не знаю. У одного жена лет тридцати, а у другого – на десять лет старше. Благодарю за гостеприимство, но мне пора идти. Куда и когда подойти?

– Завтра ждите меня возле своего общежития в девять, – сказал ему Алексей. – Сходим оформить пропуск, а после покажу вам, где лаборатория, и пойдёте в столовую. Вернётесь, когда позавтракаете.

* * *

– Ни черта не понял! – сердито сказал Олег Свечин. – Сколько уже можно их читать? Пять ссылок на термины, которые ты не смог объяснить! Консультант! И как это всё связать?

– И чем ты так недоволен? – осведомился Алексей. – Ну не знаю я этих терминов, но без меня вам было бы ещё хуже! Как бы ты контролировал структуру термоэлементов с помощью лазера, если не знаешь, что это такое? А я преподнёс вам эти лазеры на тарелочке. Хотите рубиновые? Вот вам чертёжик, хотите газовые... Только полупроводниковые не помню. Зато теперь вы знаете и биполярные транзисторы, и полевые! Светодиоды тоже объяснил и не только их. Готовьте карманы под премиальные!

– А я и не говорил, что от тебя нет пользы, – пошёл на попятную Олег. – Всё это ценно, но не приблизило ни на шаг к пониманию работы реактора. Если и дальше будем пла-

вать, придётся всё подтверждать экспериментально, а это годы! Маленькую модель не слепишь, а для большой всё нужно готовить с нуля, ничего нет! Разобрались с тем, как изготовить излучатель, и сможем создать электрические поля, хотя с ними придётся повозиться. А сколько времени уйдёт на соленоиды? И с термоэлементами не всё ясно. Каналы в кремнии... Есть описания, но всё нужно проверять!

– По-моему, ты неправильно понимаешь свою задачу, – спокойно сказал Алексей. – Тебе нужно только высказать своё мнение и расписать, кому и что делать и в какой очередности. Здесь работа для десятков предприятий.

– Вот-вот, – ехидно вставил Иван Сеницин. – Выскажем своё мнение, заработают эти десятки предприятий, а на выходе получишь пшик! И нам это мнение никто не припомнит?

– Я, конечно, не физик, но и мне понятно, что для проверки не обязательно городить рабочую установку, – возразил Алексей. – Взять обычную вакуумную камеру, запустить в неё немного ионизированного дейтерия и без всяких магнитов обработать полями. Перед этим можно на всякий случай обратиться подальше. Уж реакцию приборы должны показать. И термоэлемент можно сделать без контрольной аппаратуры. Ну угробите вы девять образцов из десяти, но вамто и нужен всего один! А в заключении так и напишите, что, поскольку в тексте даны ссылки на неизвестные науке эффекты, требуется экспериментальное подтверждение. И про-

водить его лучше там, где для этого есть условия. А потом можно построить и опытный реактор.

– Так и сделаем, – сказал оторвавшийся от книги Михаил. – Пусть принцип работы проверяют другие. Пока они сделают излучатель и всё опробуют, пройдёт минимум полгода. И лазерами есть кому заниматься без нас, и твоими транзисторами. А у нас вон ещё сколько книг. Я только начал копать в принципе накопления и сразу встал. Много ссылок на другие работы. Они здесь есть, но нужно изучать. И получится ли сейчас понять – это тоже вопрос. Но сделать сможем, не сейчас, так лет через пять. Нас мало, и нет экспериментальной базы, а за центр возьмутся только весной. В этих книгах техническая революция, а то и не одна, а революции делают партии, а не кружки. Так что заканчивайте базар и беритесь за чтение, вам за это платят.

Прошло уже три недели, с тех пор как вслед за Михаилом приехали остальные члены группы. Все стали с интересом читать книги и с не меньшим интересом слушали Алексея, когда ему было что сказать, но ни у кого из них не было полного понимания прочитанного. Неделю назад физикам дали квартиры, и они на два дня оторвались от работы, завозя в них казённую мебель. Никто не захотел ездить за ней в Челябинск и тратить деньги, а вот за недостающими вещами съездили. Михаил связался с руководством и сообщил о готовности принять семьи, и вот уже два дня все с нетерпением ждали близких. В этом и была причина нервозности учёных,

раньше они относились к своим неудачам спокойней.

– Это вы базарите и мешаєте заниматься другим, а я и так читаю, – сказал Сергей Остроумов, – хотя пора бы уже прерваться для обеда.

Зазвонил телефон, и Алексей взял трубку.

– Заканчивайте чтение и сдавайте книги, – сказал он. – Приехали ваши семьи. Я думаю, что на сегодня закончим. Топайте разбирать родных.

– Что это ты сегодня так рано? – спросила Лида, когда муж отряхнул с себя снег и зашёл в прихожую.

– Пришёл проверить одёжный шкаф, – пошутил он, но жена не поняла.

– А зачем его проверять? – наморщив лоб, просила она.

– Темнота, не знаешь, для чего женщине нужны шкафы! – сказал Алексей и рассказал ей два анекдота о любовниках, после чего добавил: – Приехали семьи моих физиков, поэтому они всё бросили и разбежались. И правильно, толку от их чтения...

– Ничего не получается? – сочувственно спросила Лида.

– Отделение не бросают штурмовать укрепрайон, – ответил он. – Такими силами мы сможем только обозначить проблему. Я думаю, что руководство ставило именно такую задачу, но учёные ожидали большего и теперь буют. Ничего, сегодня ночью жёны заставят их так поработать, что завтра силы останутся только на чтение.

– Ты подал хорошую мысль, – задумчиво сказала Лида. –

Я ничем не хуже их, а тебе не нужно беречь силы даже для чтения.

– А я разве против? – он обнял жену и поцеловал в губы. – Можем даже...

Во входную дверь постучали.

– Кого-то принесло, – Алексей отстранился от Лиды и пошёл открывать.

– Обогреете путника? – спросил его стоявший на пороге Курчатов.

– Заходите, Игорь Васильевич, – Алексей посторонился, пропуская учёного в прихожую. – Здравствуйте. Куда дели охрану?

– Здравствуйте, – Курчатов разделся и вошёл в комнату. – Лида, я не ошибся? Замечательно выглядите, завидую вашему мужу. Охрану я пока отпустил. Я им позвоню, перед тем как от вас уходить. Возьмите это предписание и ознакомьтесь.

– Значит, разрешили, – сказал Алексей, прочитав подписанный лично Берией документ. – Напоить чаем или поедите?

– Спасибо, ничего не нужно, – отказался Курчатов. – Уже пообедал. Я видел ваших физиков, хотя пока ни с кем подробно не говорил. Я прилетел в Челябинск военным бортом, заодно забрал и их семьи, так что им пока не до разговоров. Давайте поговорим с вами.

– Если не хотите чаю, садитесь на диван, – сказала Лида. –

Мне уйти?

– Сиди, – сказал ей Алексей. – Раз Игорь Васильевич в курсе наших дел, не будем заниматься ерундой. Что вы хотели узнать? Только заранее предупреждаю, что по атомному оружию рассказал всё, что помнил.

– Я подробно осведомлён о работе вашей лаборатории из отчётов Гольдберга, – начал Курчатов. – Есть и отчёты Волкова, которые идут по линии вашего министерства. В последнее время от вас поступило много ценной информации, не связанной с изучаемыми источниками. Всё это вспомнили вы. Но ваши сведения не имеют отношения к тем вопросам, которыми я сейчас занимаюсь.

– Я вам об этом и говорил, – пожал плечами Алексей. – Могу рассказать о сильном радиоактивном загрязнении большой территории отходами комбината в следующем году и о крупной аварии на нём же, которая должна произойти в пятьдесят седьмом. В следующем году у вас будут перегружены выпарные установки и чьи-то умные головы примут решение выливать высокорadioактивные отходы прямо в реку Теча. Облучится уйма народа. Лаврентий Павлович советовал мне здесь порыбачить. Поймать ему, что ли, здешней рыбки и угостить? В пятьдесят седьмом из-за выхода из строя системы охлаждения ёмкости с радиоактивными отходами, в ней произошёл мощный взрыв. Радиоактивное облако поднялось на высоту двух километров. Оказались загрязненными комбинат, большая часть городка и две сотни

посёлков. Сотни тысяч людей подверглись облучению. Не знаю, какие меры были приняты, чтобы такого не случилось впредь, но я ставил бы резервную систему охлаждения.

– Учтём, – сказал Курчатов. – Спасибо. Расскажите, как вообще развивалось ядерное оружие. Ведь были же, наверное, и ошибки.

– Сначала основное внимание уделяли мощности взрыва, – ответил Алексей. – Были даже заряды на десятки мегатонн. Потом от этого отказались. Очень сложно и дорого доставить к цели такую дуру, да это и ненужно. Намного проще использовать несколько не очень сильных зарядов. Стратегическую авиацию не развивали, сделав упор на межконтинентальные баллистические ракеты. Часть была на суше в шахтах, часть – на подводных лодках с атомной силовой установкой. Головные части ракет сделали разделяющимися. Такая головная часть несла несколько боеголовок, каждая из которых наводилась на свою цель. Чтобы затруднить перехват ядерных зарядов, применялись ложные боеголовки и поглощающие радиоизлучение покрытия. Много было и тактического ядерного оружия. Давайте я изложу на бумаге и передам обычным порядком, как и всё остальное. Эти сведения вам сейчас ничем не помогут.

– Жаль, что вам нельзя задать другие вопросы, – с сожалением сказал Курчатов, – а хочется!

– Могу кое-что посоветовать, – подумав, сказал Алексей. – При случае передайте Берии. Это касается ядерных во-

просов, так что и вам не помешает знать. В следующем году в Китае окончательно победят коммунисты, а через несколько лет мы с ними будем крепко дружить и окажем помощь в развитии атомной промышленности. Пройдёт немного времени, и от дружбы останутся одни воспоминания и растущие ядерные арсеналы Китая. И придёт время, когда они будут пущены в ход.

– Это касается только ядерных технологий? – прищурившись, спросил Курчатов.

– Это касается всего и не только в Китае! – ответил Алексей. – Я представляю, что имелось в виду, когда Лаврентий Павлович запрещал мне с вами откровенничать во всём, что не касается науки. Думаю, что об этом сказать можно. За свою историю СССР кому только не помогал! На это были выброшены огромные средства, которым нашлось бы применение и внутри страны.

– Выброшены?

– Именно. Возьмём, к примеру, Польшу. Вы общались с поляками?

– Встречался. Я чувствую по тону, что вы их не любите. Я не прав?

– Правы. Почему я должен их любить, если они сами никого не любят, кроме самих себя? Уже во времена социализма Польшу очистили от всех инородцев. Мы десятилетиями снабжали их за бесценок горючим, продавали по дешёвке свою продукцию, пичкали кредитами и практически безвоз-

мездно оказывали научно-техническую помощь. И что в итоге? Они далеко нас послали вместе с социализмом, вошли в НАТО и стали одними из самых последовательных врагов! При мне этого не было, но я смотрел потом. Мы простили африканцам и прочим друзьям долги чуть ли не на сто миллиардов долларов!

– Ну что ты завёлся? – сказала Лида. – Это уже не наука, а политика. Захочешь, сам скажешь Берии. И получится это у тебя более аргументировано. А Игорю Васильевичу от этих знаний только лишняя головная боль и неприятности.

– Да, меня не туда понесло, – признал Алексей. – Не нужно вам никому ничего говорить, скажу сам. А насчёт Китая просто запомните на всякий случай.

– Ладно, если нельзя говорить о будущем, поговорим о настоящем, – сказал Курчатов. – Я понимаю, что, несмотря на знания, вы не являетесь учёным, но хотел бы знать мнение по поводу дальнейшей работы группы.

– Изучать дальше реактор нет смысла, – ответил Алексей. – Ваши физики выучили всё наизусть, но так и не поняли суть процесса нейтрализации сил отталкивания в атомах. В книге имеются ссылки на явления, которые не описаны в наших источниках. Мы сегодня говорили на эту тему. Общее мнение такое, что нужно изготовить излучатель и в упрощённом виде воспроизвести описанную реакцию синтеза. Если всё получится, надо строить сам реактор. И отдельно кому-нибудь передать работы по преобразователю тепла

в электрический ток. Здесь для этого нет никаких условий, а собранный научный коллектив может разве что провести предварительную оценку работ. И реактор я здесь не строил бы.

– Почему? – спросил Курчатов. – Место достаточно удобное. И режим легко обеспечить, и рядом производственная база.

– Прежде всего потому, что я не верю в то, что вы обойдётесь без аварий на комбинате. Я рассказал только о тех, о которых читал сам, а сколько их было всего? Вы устроили гонку с американцами и не щадите ни себя, ни других. Я понимаю всю важность вашей работы, но не хочу здесь жить и работать. Одно дело приехать пусть даже на полгода, совсем другое – жить несколько лет. Строить здесь центр, потом реактор... Ваша производственная база не справляется даже с нуждами комбината, значит, сюда нужно везти тысячи рабочих и гробить им здоровье! Я думаю, что руководство просто не осознаёт, сколько всего нужно вложить, чтобы выйти на промышленное строительство реакторов. Они вместе с накопителями сделают нас первыми в мире, но пока государству это не потянуть. Вот наделаете вы своих бомб, восстановим экономику, тогда и возьмёмся. А пока, как я и говорил, нужно делать подготовительную работу. Она не потребует много сил. А к весне нас нужно отсюда убрать.

– Я доложу руководству ваше мнение. Чем Гольдберг собирается занять людей?

– Мы подготовим материалы по уже проделанной работе, сейчас займёмся накопителями. Там много сложных моментов, которые только начали изучать.

– Я так и думал, – кивнул Курчатov. – Задержусь на объекте на два дня, так что ещё увидимся. Спасибо за советы. С вашего позволения, я от вас позвоню.

– Не замечала за тобой склонности к болтовне, – заметила Лида, после ухода учёного. – Если Берия узнает, выйдешь из доверия. И твоё желание отсюда уехать для меня новость. Только обжились...

– Оно и для меня новость! – мрачно ответил муж. – Я сначала думал осесть здесь лет на пять, пока не построим реактор. На полгода я сам взял бы казённую мебель с бирками. Понимаешь, малыш, он ведь не хочет, чтобы мы здесь жили. Уже с месяц во мне зреет желание всё здесь бросить и уехать. А когда пытаюсь понять причину, приходит страх.

– Но до пятьдесят седьмого года ещё столько времени! С чем это может быть связано?

– Если бы я знал! Мы ведь уже сильно поменяли то будущее, которое помним. Уцелели одни люди, попали под нож другие. Поменялась значительная часть руководства, а это скажется на судьбах миллионов людей. Уже начинает сказываться. И не факт, что все изменения будут в нужную сторону. Даже случайная ошибка может наделать бед. А здесь... Они ведь с самого начала сливали в водоёмы всякую дрянь, только раньше она была со слабой радиацией. Думаешь, я

сказал об аварии Курчатову, и сразу же станут строить новые выпаривающие аппараты и ёмкости для хранения отходов? Это очень сложные и дорогие устройства, и для их строительства нужно время, а его нет: летом должны взорвать бомбу. И мало испытать одну или две, их производство нужно поставить на поток! А оружейный плутоний производят только здесь. И потом у Курчатова своё отношение к радиоактивности. Читал я о том, как они носили плутоний в руках. Я сказал, что пострадают сотни тысяч людей, а он принял это к сведению! Появится Берия, я ещё ему начну долбить.

– А может, тот, кто нас сюда прислал, прикроет и от радиации? Вернул же он нам молодость.

– Мне не хочется это проверять. Если бы нам не вредила радиация, вряд ли меня толкали бы в спину отсюда уезжать. Непонятно только, почему этого не сделать сразу.

– Ладно, Курчатову ты сказал, меня напугал, а Берии скажешь потом. Больше от тебя сейчас ничего не зависит, поэтому давай на время об этом забудем. Через две недели Новый год. Как будем отмечать?

– Возьму на комбинате счётчик Гейгера и выберу елку, которая излучает поменьше рентгенов. Правда, игрушек нет ни одной. Может, съездить за ними в Челябинск?

– Я имела в виду не ёлку, – сказала Лида. – Пригласим кого-нибудь, или опять просидим вдвоём?

– Квартира маленькая, многих сюда не пригласишь, – задумался Алексей. – Я пригласил бы Михаила с женой, но у

них ребёнка. И потом я не знаю его планов. Может, он уже сговорился с кем-нибудь из ребят.

– Ты что-то имеешь против детей? – вскинулась жена.

– Ну что ты, малыш! – успокоил он. – Ничего не имею даже против чужих, особенно если они не шумят. Только мальчишке нет семи лет, и он быстро устанет и заснёт. Мы не просидим ночь за столом, а оставить его у нас негде. И что, через весь городок в мороз нести спящего ребёнка? Жили бы рядом, тогда дело другое.

– Может, нас кто-нибудь пригласит?

– Вот этого я не знаю, – засмеялся Алексей. – Завтра поговорю на эту тему в лаборатории, у кого какие планы.

* * *

Через неделю в Саров приехал Берия. Первым делом он посетил директора КБ Зернова.

– Здравствуйте, Павел Михайлович! – сказал он, появившись в кабинете. – Чем обрадуете? Как изделие?

– Всё идёт по графику, – ответил Зернов. – Если бы нам разрешили его доработать, сделали бы на месяц раньше. И вес был бы наполовину меньше.

– Он решил не рисковать, – ответил Берия. – У американцев взорвалась, должна взорваться и у нас. А доработки введёте уже во вторую. Ускорить никак нельзя?

– Может, и можно, – пожал плечами директор, – только без меня. Голова у меня только одна, как бы невзначай не оторвали за неудачу. Вы с какой целью приехали? От меня

что-то нужно?

– Побеседую с людьми и проверю ход работ, – ответил Берия, – в Москве отчитаюсь. Я узнал, что Курчатов уже два дня здесь. Он у себя?

– Минут двадцать назад звонил, что пошёл во второй заводской корпус. Он не успел бы вернуться, поэтому ищите там. С вами пройти?

– Не нужно, не заблужусь, – отказался Берия.

Искать Курчатова не пришлось, он сам вышел из заводского корпуса вместе с главным конструктором Харитоном, когда Берия к нему подходил.

– На ловца и зверь бежит! – довольно улыбнулся министр. – Здравствуйте, товарищи!

– Здравствуйте, Лаврентий Павлович, – одновременно с Харитоном поздоровался Курчатов. – Вам кто из нас нужен?

– Вы и нужны. А с Юлием Борисовичем мы поговорим позже. Давайте прогуляемся по территории. Мороз вроде несильный. Я хочу, чтобы вы рассказали о поездке в «Сороковку». Выудили что-нибудь ценное из нашего пришельца?

– Выудил, – хмуро сказал Курчатов. – Дела на комбинате идут хреново, и на это меня натолкнул ваш Алексей, хотя он на нём ни разу не появлялся.

– В чём дело? – насторожился Берия, всю весёлость которого как ветром сдуло.

– Он рассказал о двух известных ему авариях и сказал, что их было больше. Вторая, которая сопровождалась силь-

ным взрывом и вызвала загрязнение двух сотен посёлков и самой «Сороковки», меня пока не волнует, до неё ждать ещё восемь лет. А вот первая случится уже в следующем году.

– И что это будет?

– Он сказал, что выйдут из строя выпарные аппараты, и мы начнём сливать всё в реку напрямую. Пострадают сто тысяч человек, да и сама «Сороковка» загрязниться ещё больше. Нам Алексей не верит и считает строительство там центра и реактора дурным делом.

– Что-нибудь предприняли?

– Поехал к директору и потребовал собрать совещание главных специалистов. Как выяснилось, из-за высокой нагрузки корпуса выпарных аппаратов слишком быстро разрушаются от коррозии. Никто не рассчитывал на такую концентрацию солей.

– А почему молчали?

– Объясняют тем, что до весны ничего не получится сделать. Разгильдяйство, конечно. Наверняка так и рассчитывали, что мы дадим добро на слив в реку. Деваться-то некуда.

– А что реально сделать?

– Много чего. В мороз котлованы рыть не будем, но можно завезти цемент для бетонирования. И корпуса новых аппаратов нужно заказывать прямо сейчас. Ёмкости из нержавеющей стали можно варить на месте уже через два месяца. Я дал рекомендации Ванникову.

– Я сам поговорю на эту тему с Борисом Львовичем. А что

по реактору?

– Не могут до конца разобраться, поэтому предлагают проверить по упрощённой технологии. Если пойдёт реакция, не останется никаких сомнений и можно строить опытный реактор. Там несколько задач, которые нужно распределить между исполнителями. Сами пока пытаются разобраться с накопителями. Я говорил с ребятами. Нет у них надежд на быстрые результаты, слишком уж там всё сложно. Но говорят, что сделать можно, если не прямо сейчас, то в недалёком будущем.

– А что говорит Алексей?

– Что в его книжках будущее страны, но нам это пока не по зубам. Нужно малость оклематься после войны и немного развязаться с атомным оружием. Слишком уж велики масштабы работ. Но исследования и подготовку к ним уже нужно вести и даже строить опытный образец, только не в «Соколовке». И я с ним согласен. Производственные мощности комбината замкнуты на него самого. Фактически для разработчиков и строителей всё нужно строить с нуля. Так почему там, а не в другом месте? Мне не понравилось, что, когда разговор зашёл о том, чтобы им там остаться надолго, он стал сильно нервничать, хоть и старался это скрыть.

– Думаете, он что-то знает и не хочет говорить?

– Вряд ли, – ответил Курчатов. – Ему нет смысла скрывать что-то опасное, наоборот. Я сказал бы, что он что-то чувствует. Что-то такое, что вызывает беспокойство, но не

поддаётся объяснению. Он хотел кое-что передать для вас, но потом решил, что при случае расскажет сам. Но это не имеет отношение к комбинату.

– Что за информацию он дал по вашей части?

– Кое-что по полупроводникам и оптическим генераторам. Некоторые идеи уже были в научных публикациях, но не смогли реализовать, а он даёт описание технологий. Очень приблизительные, но можно доработать. Пока засекретили и консультируемся, кому передать. Перспективы огромные, но нужно время.

– Думаете использовать его информацию во втором издании?

– Уже начали. Но Алексей только кое-что уточнил и подтвердил наши собственные доработки. Информация по водородному оружию более ценная. Год-полтора он нам точно сэкономил.

– Последний вопрос. Игорь Васильевич, как вы смотрите на то, чтобы отдать проект генератора Капице? Мы не хотим снимать вас с атомной темы.

– Положительно смотрю. Прекрасный учёный, но мне с ним было трудно работать. Хорошая кандидатура, если опять не откажется. Тема-то скользкая, можно и шею сломать.

– Ладно, – подвёл итог Берия. – Сделаем всё, чтобы «Со-роковка» работала без аварий и сбоев. Кроме неё, плутоний нам не даст никто. Прошу вас проконтролировать руковод-

ство комбината, не специально, а когда будете там по другим делам. А группу Гольдберга весной уберём. Пусть там зимуют вместе с Самохиными и читают книги, а я пока дам задание подобрать место для центра.

Глава 16

Алексей шёл по пустому коридору центра в свой кабинет за оставленной шубой. Сегодня была суббота, тридцать первого декабря, и директор отпустил весь персонал на три часа раньше, а Алексея задержала проверка помещений, в которой он должен был участвовать как один из заместителей Капицы. Время подбиралось к шести часам, и пора было бежать домой, где Лида вместе с жёнами остальных ребят заканчивала оформление новогоднего стола. В новую трёхкомнатную квартиру он мог пригласить всех, с кем они хотели провести праздник. До своего кабинета Алексей не дошёл, остановившись у приоткрытой двери в приёмную директора. В ней было темно, но через узкую щель в двери кабинета Капицы пробивался свет. Постучав, он вошёл. Пётр Леонидович сидел за массивным столом и, казалось, спал. На стук не отреагировал, и Алексею на мгновение стало страшно. На мгновение, потому что Капица тут же открыл глаза.

– Не собираетесь домой, Пётр Леонидович? – с облегчением спросил Алексей. – На улице пурга и сильный ветер. Вызвать дежурную машину?

– Если бы я хотел, сам позвонил бы, – сказал Капица. – А вы почему бродите по Центру? Я рано отпустил, неужели нужно столько времени, чтобы проверить опечатанные двери? Или дома не ждёт жена?

– Вас тоже ждёт Анна Алексеевна, – сказал Алексей, садясь на один из стульев для посетителей. – Если не хотите вызывать машину, давайте я вас провожу.

– Прошло полгода, как меня выдернули с дачи и поставили сюда директором, – сказал Капица. – До сих пор я сам подбирал себе кадры, здесь меня лишили этой возможности, иначе я никогда не взял бы вас замом.

– Я не рвался в замы, – спокойно ответил Алексей. – Мне и консультанта было выше крыши. Или хотите сказать, что от меня нет пользы и я даром ем свой хлеб?

– Да нет, так не скажу. Даже за эти полгода вы подали столько идей, что с лихвой окупили свой хлеб. И большинство тем, над которыми работают в бывшем моём институте физических проблем, исходит от вас. Это и удивительно, потому что вы не имеете никакого отношения к науке. Тематика центра тоже связана с вами?

– Связана, – не стал отрицать Алексей. – И что из этого?

– Почему вы пришли сюда? – спросил Капица. – В Англии вы получили бы несравненно больше. Я уже не говорю о том, что тогда ваши знания стали бы достоянием всего человечества!

– Умный вы человек, Пётр Леонидович, – с сожалением сказал Алексей. – Мне до вас и за три жизни не дорасти. Но иногда говорите глупости. Где вы видели это человечество? Пока вы в Кембридже двигали с Резерфордом чистую науку, вам никто не мешал, а вот когда наука начинает прино-

сидеть большие деньги, позволяет увеличить экономическую или военную мощь государства, сразу же заканчивается всякая свобода. Мне понятен Жюль Верн с его идеализмом, но вы-то живёте совсем в другое время! Почему в СССР приехал Дирак, и вам никто не мешал общаться? Да потому, что ни англичане, ни мы не видели вреда от вашего общения. Попробуйте сейчас обменяться знаниями по ядерной тематике с кем-нибудь из коллег в США. Ничего не получится, даже если наши разрешат.

– Хотя я, по вашим словам, способен на глупости, но прекрасно понимаю, о чём вы говорите. Такое не может нравиться, но понятно, чем вызвано. А чем вызвана секретность с вашими реакторами? Их при всём желании не используешь в военных целях! А в содружестве с другими странами всё можно сделать гораздо быстрее. И пользовались бы тогда не одни мы, а всё человечество, о котором вы высказались так пренебрежительно!

– Этому человечеству мы в лучшем случае не нужны, а в худшем – мешаем. Знаете, что обычно делают с теми, кто мешает? Вас не убедили образование НАТО и американские планы атомных бомбардировок Советского Союза? Вы действительно такой космополит, каким кажетесь, или в вас всё-таки есть капля патриотизма?

– Я патриот! – сказал Капица. – Просто не верю в угрозу войны.

– Ну и глупо, – оставив дипломатию, сказал Алексей. –

Если бы все были такими чистоплюями и отстранились от атомного проекта, нас уже не было бы. Силу можно остановить только силой. Этот закон жизни, а не только физики. Говорите, что нет приложения в военной сфере? А в сфере экономики реакторы что-нибудь дадут?

– К чему этот вопрос? А то вы сами не знаете!

– Знаю, потому и говорю. Изобилие электроэнергии сильно увеличит возможности экономики, в том числе и в области производства вооружений. К вашему сведению, помимо государственных или военных секретов существуют ещё и коммерческие. Приди я в ваш Кембридж, англичане и не подумали бы привлекать вас к работам. Вот со Штатами поделились бы, а даже с соседями-французами уже вряд ли. Вы меня разочаровали. Не ожидал от такого ума, как ваш.

– Меня столько не обвиняли в глупости за десять последних лет, – сказал Капица.

– Заслужили! – отрезал Алексей. – Вы убедились в том, что конструкция накопителя должна работать?

– Принцип проверили и даже в нём разобрались. Ну и что?

– А то, что имея изобилие электрической энергии и способы её накопления, можно создавать такое оружие, что вам не будет противников. Знакомы с работами по рубиновым лазерам? И лучевое оружие это только одно из многих возможных. Можно использовать плазму, микроволновое излучение и электромагнитные орудия. Это уже не говоря о бо-

евых машинах на электричестве. Вот полюбуйтесь, – он достал из кобуры метатель и выпустил очередь иголок в деревянную настенную панель.

– Что это? – спросил Капица.

Он встал из-за стола и подошёл к тому месту, где иглы почти полностью вошли в дерево.

– Ручное оружие, – объяснил Алексей. – Магнитное поле ускоряет иглу, придавая ей свойства пули. Из этой штуки можно стрелять несколько тысяч раз подряд. И иглы могут быть отравленными. Вы и сейчас станете утверждать, что наша секретность вредит человечеству?

– Можно посмотреть?

– Пожалуйста, – Алексей протянул метатель. – И на меня можете не направлять: стреляю из него только я. Распознавание осуществляется по отпечаткам пальцев.

– И вы дали такую силу этому режиму? Они же зальют весь мир кровью!

– Вы думаете? – усмехнулся Алексей. – А кто я, по-вашему, такой?

– Тут и думать нечего, – Капица вернул оружие и сел на соседний стул. – Вы представитель цивилизации другого мира. Никогда не верил выдумкам, но не могу не признавать факты.

– Несколько дней назад в центр приезжал Берия, и у нас состоялся разговор о том, что мне можно о себе говорить, – сказал Алексей. – Мне уже надоели вопросительные взгля-

ды, в том числе ваши. Нельзя годами жить и работать с людьми, оставаясь для них загадкой. Лаврентий Павлович выслушал и признал мою правоту. Почему – поймёте позднее. Мы очертили круг тем, которых запрещено касаться, остальное – на моё усмотрение. Так вот, уже могу сказать, что не имею никакого отношения к пришельцам из других миров. Я прибыл сюда из вашего будущего, моя жена – тоже. Что смотрите так недоверчиво? Не верите, что время обратимо? Ну и зря. То, что оно обратимо для элементарных частиц, докажут лет через пятьдесят.

– Вы не частица и не могли прийти сюда из будущего! – упрямо сказал Капица.

– Я и не пришёл, – кивнул Алексей, – нас с женой кто-то сюда забросил. Один умный человек считал, что это сделал бог. Бог это или нет, но он щедро нас наградил, вернув молодость. На самом деле мы намного старше.

– В это я могу поверить, – согласился Капица. – Не в бога или путешествия во времени, а в ваш возраст: мальчишки так себя не ведут.

– Вы многократно писали письма товарищу Сталину и на многое из написанного он отреагировал и даже несколько раз вам ответил. Как вы думаете, он очень доверчивый человек?

– Думаю, что нет.

– Я тоже имел возможность в этом убедиться, но мне он поверил.

– И как вы к нему попали?

– Передал одну из своих книг через его сына. Не те, которые изучаете вы, у меня были и другие. Книги, в которых подробно описывалась история страны до конца века. И не просто текст, ещё около тысячи фотографий. Можно подделывать несколько, но не столько. А на многих было такое, на что у ваших современников не хватило бы фантазии.

– Ему нельзя было такое давать!

– Это, дорогой Пётр Леонидович, эмоции! – возразил Алексей. – На днях мы отмечали его семидесятилетие. Люди не вечны, а ему не безразлично, что после него останется. Чтобы объективно оценить роль этой личности, нужно знать намного больше того, что вам известно. Мне запрещено говорить на эту тему. Могу лишь сказать, что сейчас исправляются последствия многих ошибок, а ещё больше таких, которых не будет вовсе. Не нужно всё валить на этого человека, уверяю вас, что он этого не заслужил. Вспомните своих детей. Бывало же, что они кричали, капризничали и мотали вам нервы десятком других способов?

– Дети – это дети, – сказал Капица. – С возрастом всё проходит. Главное – правильно воспитать.

– Золотые слова! – согласился Алексей. – Подпишусь под каждым. У общественного строя, как и у человека, есть период становления. Вы же не убиваете маленького ребёнка за эгоизм и жестокость, а стараетесь вытравить их из него воспитанием. Вам нравится Англия, а теперь вспомните её историю. Как там нарождался капитализм, сколько крови про-

лилось! Эту их демократию пришлось вырывать у правящего класса зубами. И учтите то, что Англия долго доила половину мира, а у нас в активе были послевоенная разруха и нищее безграмотное население.

– А почему вы вообще пришли? В чём цель? Подмять под СССР весь остальной мир?

– Пуп надорвём его под себя подминать, – ответил Алексей. – Было много желающих рулить миром, так ни у кого и не получилось, по крайней мере долго. И мои книги дадут только временное преимущество. Главная цель не в реакторах, а в исправлении допущенных ошибок. А почему мы здесь появились... Просто всё пришло к очень печальному финалу, и кто-то решил это переиграть.

– Неужели война? – недоверчиво спросил Капица.

– Нет, войны не было, так, обменялись ядерными ударами с Китаем. Были геологический катаклизм и длительное изменение климата. Девять людей из десяти погибли, а выжившие... многим из них лучше было бы тоже погибнуть. Но всё это очень нескоро.

– И это нельзя предотвратить?

– Вот что, Пётр Леонидович, – сказал Алексей, посмотрев на часы, – мы с вами заговорились, а уже восьмой час. Давайте собираться и идти домой. Сначала к вам за Анной Алексеевной, а потом все вместе ко мне. У меня большой стол, а пригласили только три пары, так что вас усадим без труда. И в отличие от вас, у нас есть ёлка. Если хотите, потом

я вам многое расскажу. Говорить об этом другим не советую: не поверят. Скажут, что у вас умственное расстройство из-за чрезмерной научной деятельности. А сейчас нужно обо всём забыть и немного отдохнуть и повеселиться. Я расскажу хорошие анекдоты, а Гольдберг принесёт гитару. Вы когда сидели так с друзьями, ни о чём не думая?

– Уже забыл, – растерянно ответил Капица. – Говорите, там сильный ветер?

– Метёт, но не настолько сильно, чтобы вызывать машину. За десять минут дойдём. Не знаю, как для вас, а для меня в такой погоде есть своя прелесть.

* * *

– Ты хочешь, чтобы я приехал на заседание? – спросил Сталин Берию. – Зачем это нужно? С кем-то сложности?

– Ничего такого, с чем я не справился бы, – поспешно сказал тот. – Ворошилов несколько раз высказался в том смысле, что я действую за вашей спиной и не обо всём ставлю в известность. Не хотелось бы действовать жёстко. Ваше появление на Политбюро пошло бы на пользу.

– Что-то я плохо себя чувствую после юбилея. Давай сделаем не так. Не я поеду разбираться с Климентом, а пусть он приезжает сюда. После совещания бери его и Кузнецова и приезжайте. А то у меня за последние два месяца не было никого из гостей. Посидим за столом, а потом я с ним поговорю. У тебя есть кандидатура на его место?

– Я заменил бы его Шаталиным. После смерти Маленкова

мы с ним сблизились. И Молотова пора убирать из Политбюро. Он в последнее время сильно сдал и редко появляется на заседаниях. Фактически он сейчас вообще ничем не занят.

– Подготовь свои соображения по кадрам. Сколько вам ещё чистить партаппарат?

– Должны управиться за два месяца.

– Тогда запускай подготовку к съезду. На нём всех и поменяем.

– Всё сделаю. Сегодня же скажу Кузнецову. Не курили бы вы? Врачи ведь...

– Поздно мне бросать, Лаврентий. Ты недавно ездил в этот центр. Не ошиблись мы, послав туда Капицу?

– Работает нормально. Ему на даче всё осточертело, поэтому долго не ерепенился. Пытался ставить свои условия, но ему сразу сказали, что другого предложения не будет. Смутьян, но быстро разобрался в работе реактора. И с накопителями у них большие подвижки.

– И когда можно строить?

– В первом полугодии должны разработать конструкцию, а потом запустим опытный образец. Строить будут года полтора.

– Почему так долго, если известна конструкция? – ворчливо спросил Сталин.

– Нет нужных материалов и пока не решён вопрос охлаждения излучателя. А приборы контроля и управления нужно разрабатывать самим, в книгах о них лишь несколько об-

щих фраз. Много времени займёт изготовление термоэлементов. Для их производства придётся строить завод.

– А что с нашей собственной бомбой? Ты ведь ездил и в Саров?

– Курчатов обещал, что должны закончить в конце года. Он не сомневается в результатах, а по ним решим, что запускать в серию. Наш вариант намного удобней в использовании и экономичней. После испытания второго изделия сразу же запускаем водородную бомбу, проект уже на выходе.

– Если всё пройдёт так, как обещает Курчатов, надо бы наградить Самохина. Как думаешь?

– Думаю, нужно, – согласился Берия. – Сделали бы и без его подсказки, но время он сэкономил сильно. Да и вообще от него было много полезного. Физики запустили восемь тем. И это помимо того, чем занимается их центр.

– Вот что, Лаврентий... – Сталин помолчал, потом закончил: – Готовься после съезда меня заменить. Ты и так тянешь всю работу, возмёмшь и то немногое, что ещё делал я. Я на съезде скажу. Нужно взять за правило, чтобы не держать стариков у власти. Ты сам читал, чем такое заканчивается. Исполнилось семьдесят – и на покой. А тем, у кого есть силы и скучно сидеть дома, можно найти другую работу. И ещё одно... У тебя кто-нибудь занимается Ракоши?

– Вопрос с Венгрией прорабатывается, – ответил Берия. – Ракоши кое в чём переплюнул нашего Ягоду. Его однозначно нужно убирать, и не одного. Сейчас решают, как это сделать

безболезненно и кем заменить. В отношении кандидатуры Надя есть большие сомнения.

* * *

– Мама, смотри, краб!

– Ромка, ты почему опять забрался в воду? – Одета в купальник жена Михаила побежала вытаскивать сына из воды на галечный пляж.

– Здорово у тебя получается! – с искренним восхищением сказал Михаил, смотревший на работу Лиды. – Море как настоящее.

– Не люблю, когда смотрят на незаконченную работу, – недовольно сказала она. – Лучше поплавай с Алексеем.

– Надоело! – ответил он. – Сколько уже можно плавать? Мы три недели только и делаем, что плаваем. Ответишь на вопрос?

– Смотря на какой, – Лида отошла от мольберта и сняла рубашку, которой прикрывала уже облезшие от загара плечи. – Давай свой вопрос, пока я не в воде. В отличие от тебя, мне ещё не надоело море.

– После катастрофы спаслось много евреев?

– Ну ты и спросил! – удивилась она. – Знаешь, после взрыва было не принято интересоваться национальностью. Её и в чип не заносили. Все жители России считались русскими, даже негры. Насколько я помню, большие диаспоры евреев были в Штатах и в Европе. Ну и, конечно, Израиль. Из США спаслось миллионов двадцать или тридцать.

– А почему такой разброс в цифрах? – удивился Михаил.

– А ты сам подумай. Кто их тогда считал? Уцелели в основном в южных штатах, а там тогда треть жителей была чиканос, а половина оставшихся – негры. Вряд ли среди них было много евреев. Примерно треть сбежала в Австралию, остальных поначалу принимали в Европе, но когда припекло, всех выбросили вместе с другими иммигрантами. Те, кто не погиб, прибились к нам. А в Европе уцелели немногие. Это в основном немцы, которых осталась четверть, и совсем мало французов. Остальных можно не считать. Что было в Австралии, я не знаю. Если в Сети об этом что-то было, я тогда не интересовалась. Спроси Алексея, он может знать. Читала только, что до них не достали кислотные дожди. Но попробуй прокормить пятьдесят миллионов ртов, если десять лет нельзя ничего выращивать! Мы выжили только из-за диктатуры, а австралийцы могли продолжать играть в демократию.

– Это из-за анархии?

– Президент с помощью армии национализировал все запасы продовольствия и всю энергетику. Потом временно забрали под государственное управление вообще всю экономику. Большую часть иммигрантов бросили на постройку реакторов и подземных производств продовольствия. Отец как-то говорил, что из них по разным причинам погиб каждый четвёртый. Ну и половину населения Дальнего Востока потеряли из-за войны с Китаем. Я думаю, что если евреи бы-

ли у нас до взрыва, то должны были сохраниться. Но я не слышала чисто еврейских имён и фамилий среди своих знакомых.

– Что-нибудь знаешь насчёт Израиля?

– Извини, Миша, но там вряд ли кто уцелел. Америка, которая их поддерживала, исчезла, а атомное оружие уже было и у арабов. И терять им было нечего. Да и без арабов... В том регионе не было больших запасов продовольствия. Наши потом сообщали, что там точно применяли атомное оружие, но кто и против кого, этого я не знаю. У нас считалось, что на Ближнем Востоке не осталось людей. А для чего это тебе? Неужели для тебя это так важно?

– А ты как думаешь?

– Я, Миша, вас не понимаю. Мне безразлична национальность человека. Если он живёт в моей стране, значит, соотечественник. Нас приучили не смотреть на внешность, а в бога тогда вообще мало кто верил, поэтому и на веру не обращали внимания. Ваша семья – очень хорошие люди, поэтому мы и дружим. У меня муж не то чтобы не любит евреев, скажем так, недолюбливает некоторых из них, а о тебе сразу сказал, что классный парень.

– И в чём же причина его неприязни?

– Ты неправильно меня понял. У него нет неприязни ко всем евреям, он недолюбливает тех, кто упорно лезет во власть, используя поддержку тех, кто уже там обосновался. Он говорит, что такие не все, но из-за них и к остальным не

очень хорошее отношение.

– Алексей не прав в том, что причина неприязни к нам в еврейской упёртости во власть, – сказал Михаил. – Давай ненадолго присядем, и я постараюсь тебе объяснить. Что ты знаешь об истории евреев?

– Почти ничего не знаю. – Она поднялась с камней. – По-дожди, подстелю рубашку, а то всё сильно нагрелось от солнца. Я помню, что евреи были рабами фараонов и их увёл какой-то пророк и сорок лет водил по пустыне.

– Всё началось с исхода евреев из Палестины в пору владычества Рима. Я не буду утомлять тебя долгим рассказом, скажу только о том, что поначалу евреи расселились по Римской империи, а после её падения стали селиться в Европе и Азии. Бывало так, что они какое-то время неплохо жили в отдельных местах, но остальные терпели постоянные притеснения. И длилось это чуть ли не две тысячи лет. Их грабили и убивали не только в древние времена на Востоке, совсем недавно еврейские погромы были обычным делом в Российской империи. Вот могли бы вы нормально жить, рожать и воспитывать детей, зная, что можете всего лишиться в любой момент? Евреев не защищало даже богатство, наоборот, оно было лишней причиной для грабежей.

– Ты хочешь сказать, что они лезут во власть, чтобы обеспечить себе безопасность? Что-то слабо верится. Их же оттуда периодически вычищают. Какая в этом безопасность?

– Чем вы занимаетесь? – крикнул вышедший из воды

Алексей. – Сидите и воркуете, как два голубка, вместо того чтобы купаться.

– А ты уже накупался? – спросила Лида. – Тогда подожди, я сейчас тоже окунусь, и пойдём обедать. Ладно, Миша, договорим как-нибудь потом.

– О чём болтали, что жена даже забыла о своей работе? – спросил Алексей, садясь на камни.

– Рассказывал Лиде об исходе евреев из Палестины, – ответил Михаил. – Пойду смывать песок.

– Странную выбрали тему для пляжа, – хмыкнул Алексей. – Идите купаться, а я пока обсохну.

В свои комнаты возвращаться не стали, сразу пошли в столовую. Михаил посадил уставшего сына на плечи.

– Ромка будет карабкаться наверх до ужина, – сказал он недовольной супруге. – Ничего не забыли? Тогда вперёд!

После обеда Михаил с Викой повели сына спать, а Самохины пошли в одну из парковых беседок.

– Для чего Михаил взялся тебя просвещать? – спросил Алексей жену. – Не замечал за ним любви к истории.

– Он спросил, сколько евреев осталось после взрыва, а когда ответила, заговорили о том, почему к ним такое отношение, и я пересказала твою версию.

– Надо же! – удивился Алексей. – У каждого в голове свои тараканы. Я выдал тебе не свою, а обывательскую точку зрения. Настоящая причина сложнее. Постарайся в дальнейшем не говорить на эти темы. Если человек нравится, на-

плюй на то, какая у него национальность. Тебя, по-моему, так и учили. А сволочей хватает в любой нации.

– Ладно, буду плевать, – согласилась Лида. – Лёш, ты не мог бы устроить меня в ваш центр хоть кем-нибудь? Сил больше нет сидеть дома! Я нашла бы себе занятие в большом городе, а в нашем городке без тебя никак.

– Я поговорю с Капицей, когда приедем, – пообещал муж. – Может, он что-нибудь придумает, мне ничего не приходит в голову.

* * *

Зазвонил телефон, и Лида подняла трубку.

– Лидия Владимировна, это Орлов с КПП. Приехал министр электростанций. Через десять минут будет у вас.

– Спасибо, Толя, – поблагодарила она и сразу же начала обзванивать нужных людей: – Гараж? Ребята, найдите Василия, и чтобы через десять минут машина директора стояла у подъезда. Дежурный? Санеев далеко? Найдите и передайте, чтобы по моему звонку уводил всех из монтажного зала. Да, это секретарь директора. У нас гости, так что пусть немного раньше пообедают. Столовая? Это Самохина. Приготовьте малый зал. У вас примерно час. С директором будут гости, думаю, что не больше двух-трёх человек. И из сборочного могут раньше прийти на обед.

Закончив, она встала из-за стола и зашла к Капице.

– Пётр Леонидович, минут пять назад звонили с КПП. Приехал Жимерин. Он наверняка захочет осмотреть объект.

Шофёра я предупредила, а людей из монтажного уведут, как только вы туда поедете. В столовой всё тоже приготовят. В гостиницу я пока не звонила. Зовут его Дмитрий Георгиевич.

– Спасибо, Лида, вы незаменимый человек. Что бы я без вас делал?

– Это вам спасибо, – улыбнулась она. – И за работу, и за комплимент. Да, будем переносить совещание с главными специалистами?

– Пока нет, – ответил Капица. – Если выйдет задержка, я вам позвоню.

Лида вышла, а он невольно проводил её взглядом, в очередной раз подумав о том, насколько внешний вид этой женщины не соответствовал её деловым качествам. Он без желания взял Самохину на эту должность, но за три прошедших месяца ни разу не пожалел о своём решении. Она выглядела старшеклассницей, но сразу же смогла продемонстрировать ум и организаторские способности, сходу освоила работу секретаря, взяв на себя заодно и кое-что из того, что ему приходилось делать самому. Вот только её красота напрягала, вызывая зависть к заму и заставляя остро чувствовать свой возраст.

Лида села за свой стол и начала разбирать почту. Через несколько минут дверь в приёмную отворилась и вошёл худощавый мужчина в очках, одетый в пальто, отделанное каракулем. За ним следовали ещё двое.

– Здравствуйте, Дмитрий Георгиевич! – поздоровалась она. – Проходите, пожалуйста, директор вас ждёт. Товарищи могут подождать здесь. Если желаете, можете снять верхнюю одежду, у нас тепло.

Министр скользнул взглядом по её фигуре, задержал его на лице, хмыкнул и вошёл в кабинет. Остальные, удивлённо посматривая на красивую девочку, расстегнули пальто и сели на стоявшие у стены стулья.

– Здравствуйте! – поздоровался с Капицей Жимерин. – Я вижу, вам обо мне уже доложили.

– Здравствуйте, – приподнялся Капица, приветствуя гостя. – Мне звонили несколько дней назад по поводу вашего приезда. Не хотите снять пальто? Или сразу поедem посмотреть объект?

– Я начал бы с осмотра, – ответил Жимерин. – Заодно введёте меня в курс дел.

– Тогда я сейчас оденусь и поедem. Вы один?

– Со мной два ответственных работника министерства. Они сейчас в приёмной.

– Тогда подождите, – Капица взял телефонную трубку: – Лида, приехавшим с министром товарищам нужно посетить объект, проверь их предписания.

– Откуда вы только взяли такую секретаршу! – неодобрительно сказал Жимерин. – Я не рискнул бы.

– А я не предлагаю вам Лиду, – засмеялся Капица. – Она старше, чем выглядит, уже два года замужем и работает так,

что я скоро разучусь говорить. Стоит о чём-то подумать, а она уже это сделала.

– Пётр Леонидович, – сказала зашедшая в кабинет Лида, – у остальных нет нужной отметки в предписаниях, поэтому пропусков на объект не оформят. Возьмите их с собой, сидят в охране, а потом вместе пообедают. Пропуск для Дмитрия Георгиевича оформлен, а Санееву я позвонила. Да, в почте нет ничего срочного.

– Хорошо, – кивнул Капица. – Мы поехали. Возьмём мою машину, вашу не пропустят к объекту.

Полчаса спустя после беглого осмотра основных цехов он с гостем лифтом спустился к реактору.

– Мы полгода рыли котлован, бетонировали и строили помещения, – рассказывал директор, когда после короткого коридора ввёл Жимерина в большой зал, освещённый двумя сотнями светильников. – Сам реактор только начали монтировать.

– Ничего себе! – поражённо сказал министр, уставившись на огромный цилиндр, установленный в центре зала на высоких опорах. – И вы говорите, что он не полностью смонтирован?

– Длина реактора около ста метров, а диаметр у него пятнадцать. Пока сварили примерно две трети. Сварку ведут изнутри и снаружи, потом швы шлифуют и полируют готовую часть корпуса.

– А это что за трубы?

– Это волноводы излучателей. Мы убрали их из реактора и ставим три вместо одного. Это позволяет решить вопрос охлаждения и увеличивает надёжность. По нашим расчётам, они должны проработать без замены десять лет. Единственный пока нерешённый вопрос – это долговечность датчиков. Раз в год нужно останавливать реактор и их менять. Для этого предусмотрены люки. Но я думаю, что со временем решим и это. В соседнем зале находятся источник высокого напряжения и вся аппаратура контроля и управления. Подстанции, которые преобразуют постоянный ток в переменный нужного напряжения будут стоять наверху. Их запланировано десять. Вот эта пластина и есть преобразователь тепла в электричество. Такие преобразователи покроют почти всю поверхность реактора. Видите у него с одной стороны штыри? Это для охлаждения. Здесь всё будет обдуваться сильным потоком воздуха. Нагретый воздух думаем использовать для горячего водоснабжения и других нужд. Но это в самую последнюю очередь, поначалу будем выдувать наружу.

– И когда всё это закончите? – обвёл рукой зал Жимерин.

– Вопросов с конструкцией нет, излучатели нам скоро поставят, а преобразователи начали выпускать серийно. Из-за того, что их нужно очень много, и из-за большого объёма монтажных работ, закончим только через год, если не подведут смежники.

– Дорого обойдётся ваш реактор! – сказал Жимерин. – А

в Госплане уже хотят всё перспективное строительство ориентировать на них.

– Дорого, – согласился Капица. – Но этот реактор даст столько электроэнергии, сколько дали бы десять таких станций, как ДнепроГЭС. Я не экономист, но мне и без расчётов ясно, что выгодней строить. При серийном изготовлении стоимость реакторов уменьшится, а затраты на их эксплуатацию ничтожны. Об остальных преимуществах говорить не буду: сами должны понимать.

– Значит, к съезду партии не успеете, – с сожалением сказал Жимерин. – Ладно, подождём. Я понял из слов вашей секретарши, что нам приготовили обед. Давайте поедим, а потом мы уедем. Я ознакомился с вашей работой, а задерживаться не вижу смысла.

Глава 17

– Входи, Снегурочка! Надеюсь, ты уже в наших рядах? – Алексей помог жене снять шубу, вышел на лестничную площадку и несколько раз энергично встряхнул, очищая от снега.

– Приняли, – сообщила Лида, когда он вернулся в прихожую. – Билет выдадут позже. Проголосовали единогласно.

– Ещё бы им не проголосовать! – засмеялся муж. – Ты бы на них потом отыгралась! Только дурак обидит секретаря директора.

– Ты давно дома?

– Уже час. Изучаю материалы съезда.

– Что в них интересного? Колись, я уже тоже коммунист!

– Обновляют Политбюро. Отправили на пенсию Ворошилова, освободили по состоянию здоровья Андреева, а Молотова перевели на хозяйственную работу. Ворошилова давно надо было убрать, Андреев, насколько я помню, начал терять слух, а Молотова просто вытурили. До него хозяйственная работа никому не мешала оставаться членом Политбюро. Ему ещё повезло: раньше из него живыми не уходили. Все депутаты выступают с поддержкой курса руководства на очищение партийных рядов, но это было ожидаемо, потому что многие из них выдвинулись после этой чистки. К тому же вычищали всякую сволочь и чистка проходила открыто и

освещалась в печати. Попробуй что-нибудь возразить! Ладно, пойдём пить чай с домашним печеньем.

– И откуда у нас домашнее печенье? – спросила Лида. – Колись, кто у нас был!

– Да ладно тебе, колись да колись! – деланно возмутился Алексей. – Я и так ничего от тебя не скрываю. Ну пришла Вика, ну повалял я её на диване, ну расплатилась она печеньем собственного изготовления – что в этом такого? А драться-то зачем?

– Это чтобы ты меня не дразнил! Вику он валял, как же! У неё есть свой валяльщик, не хуже тебя. А по сравнению со мной она для тебя старуха!

– По сравнению с тобой у нас все жёны старухи. Хорошо, что ты перестала молодеть. Местные уже привыкли, а те, кто приезжает по первому разу, недоумевают, что эта красивая девочка делает в приёмной директора. Ты бы хоть надела обручальное кольцо и всем его демонстрировала, а то Капицу будут подозревать чёрт-те в чём.

– Посмотри на мои пальцы! Я носила бы, если бы оно держалось, а здесь нет ювелиров. Спроси у ваших мастеров, может, кто-нибудь возьмётся обжать? Ой, как пахнет ванилью! Ты, наверное, почти всё съел и оставил мне совсем чуть-чуть!

– Чтобы я объел свою жену? Ну съел десяток паучков, но в кульке ещё что-то осталось.

– Ах ты!

– Да шучу я, шучу. Вот тебе чай, вот печенье. Садись, а я буду на тебя любоваться, потом схвачу в охапку и унесу в спальню! В моё время утверждали, что от молодых девчонок в любви мало толку. Врали, наверное. Чем больше ты молодеешь, тем больше я теряю от тебя голову!

– Я давно её от тебя потеряла, – Лида доела печенье и передвинула свой стул ближе к мужу. – Лёша, как ты думаешь, когда у нас будет ребёнок? Сил нет, так хочу малыша! Ну что ему стоит? Вроде мы с тобой всё сделали! Может быть, дело не в нём, а в ком-то из нас?

– Меня проверить легко, – задумчиво сказал Алексей. – Позвать ту же Вику...

Последняя шутка привела к тому, что ему пришлось спастись бегством. Убежал он в спальню, где всё завершилось на недавно купленной двуспальной кровати. Устав, некоторое время просто лежали.

– Лёш, – сказала Лида. – Вот закончите вы этот реактор, и что дальше?

– Наверное, наше КБ начнёт доработку опытного реактора до серийного, а остальные займутся накопителями.

– Я спрашиваю не об этом. Я хочу понять, где наше место в этой жизни. Пока ты ещё вспоминаешь не одно, так другое и часто даёшь дельные советы, но рано или поздно выложишь все свои знания. Ты ведь не учёный, ты военный, а теперь ещё и офицер ГБ. Тебя поставили заниматься наукой, а чего хочешь ты сам?

– А чего хочешь от жизни ты? – спросил он, притягивая к себе жену. – Можешь не повторять о малыше, я это уже слышал. Тебя устраивает работа у Капицы?

– Пока да.

– Ну и я могу ответить примерно так же. Неизвестно, как повернётся жизнь. Мы с тобой помолодели до предела возможного. Ещё чуточку – и потеряем право на самостоятельность, твоё и так уже подвергают сомнению. У нас впереди целая жизнь, можно поменять много всего. И это при условии, что мы начнём взрослеть.

– Как это? – не поняла Лида.

– А вот так! Ты уверена, что мы и через двадцать лет не останемся такими, как сейчас? Я уже ни в чём не уверен. Кто знает, что для нас запланировали на будущее? Может быть, из-за этого и откладывается твоё материнство?

– Ты специально говоришь это, чтобы оправдать свою лень? – спросила она, стаскивая с мужа одеяло. – Я же вижу, что ты уже отдохнул! Кто врал, что теряет голову?

Заснули они в тот вечер поздно. Следующий день оказался богатым на неожиданности.

– Слышали, что только что передали по радио? – сказал вошедший в лабораторию Иван Синицин.

– Интересно, как мы могли слушать радио, если его здесь нет? – спросил Сергей Остроумов. – Давай уже, излагай.

– Передали, что в Советском Союзе состоялось успешное испытание второй атомной бомбы! Вчера взорвали.

– О первой промолчали, отделались намёками, – сказал Алексей, – а сейчас заявили во всеуслышание. Я думаю, что это свидетельствует об успехе работ и уверенности руководства.

Вторую новость Алексей услышал от Капицы, когда по делу зашёл в его кабинет.

– Перед вашим приходом передали по радио, – сказал ему Пётр Леонидович. – Сталин уходит.

– Как это уходит? – не понял Алексей. – Куда?

– Включил приёмник и услышал информационное сообщение съезда, – объяснил Капица. – Выступил Сталин и заявил, что не в силах больше занимать посты Генерального секретаря партии и предсовмина. Предложил доверить их Берии. Мол, он и так прекрасно выполняет эту работу. Его пытались уговорить остаться, но не преуспели. Сталин посоветовал не оставлять высших партийных и государственных постов тем, кому перевалило за семьдесят. Надо сказать, что он меня приятно удивил. Сообщили, что съезд всё утвердил. Как вы думаете, к чему это приведёт?

– Хуже не будет, – ответил Алексей. – Берия и так всем заправлял. Я думаю, что следует ждать от него каких-то действий, направленных на увеличение популярности. Снизят цены или кого-нибудь реабилитируют. И взрыв второй бомбы подгадали к съезду. Наверняка Сталин донёс до депутатов роль Берии в атомном проекте.

– Он действительно очень много сделал, – сказал Капи-

ца. – Ладно, перейдём к делам центра. Я думаю использовать лабораторию Гольдберга для подготовки выпуска накопителей. Реактор достроят и без них, там дело только за строителями. Что скажете?

– Правильно думаете, – согласился Алексей. – Они не участвуют в разработке КИП, а больше там учёные не нужны. Если возникнут трудности при монтаже, они всегда смогут помочь. Только я остаюсь не у дел. Не понял я, как эта хреновина накапливает электроны. Отдельные элементы мозаики понятны, но не складываются в ясную картину. Так что помощи от меня...

– А вы не расстраивайтесь, – сказал Капица. – Не вы один такой. Из группы Гольдберга полностью в накопителях разобрался только он сам. Там всё довольно сложно. Но для вашей задачи это неважно. Нужно изучить производственные процессы и дать свои рекомендации и замечания. До этого вы неплохо помогали в такой работе.

Вечером Самохины сами прослушали новости съезда по недавно купленному радиоприёмнику. Ничего важного к утреннему выпуску добавлено не было.

– Теперь Лаврентий Павлович не будет ездить по объектам, пошлёт кого-нибудь другого, – с грустью сказала Лида. – Знаешь, в отличие от тебя, я по нему соскучилась.

Её слова оказались пророческими: через неделю после окончания съезда вместо Берии на объект прибыл один из новых секретарей ЦК Капустин. Через десять минут после

того, как он зашёл к Капице, туда же вызвали Лиду.

– Лидия Владимировна, – обратился к ней директор. – Где Алексей Николаевич? В лаборатории? Вызовите его, пожалуйста, и зайдите ко мне вдвоём.

Она вышла от Капицы и позвонила в лабораторию Гольдберга.

– Олег? Алексей далеко? Дай ему, пожалуйста, трубку. Лёш, приехал секретарь ЦК, который сейчас у Капицы. Он займётся Центром вместо Бери. И директор для чего-то вызывает нас вдвоём. Подходи, я жду.

Для того чтобы появиться в приёмной, Алексею потребовалось меньше пяти минут.

– Что за секретарь? – спросил он у Лиды.

– Яков Фёдорович Капустин, – ответила она. – Ребята с КПП передали данные, у меня не было его в списках. Наверное, из новых. Заходи первым.

– Лаврентий Павлович говорил мне о вашей молодости, но по личным делам я представлял вас старше, – сказал гость, с любопытством разглядывая Самохиных. – За содействие развитию науки комитет по Сталинским премиям при Совете министров наградил Алексея Самохина второй Сталинской премией в размере пятидесяти тысяч рублей. Возьмите медаль и диплом лауреата. Подождите, это ещё не всё. Кроме того, вы награждаетесь орденом Трудового Красного Знамени. Вот орден и свидетельство. К сожалению, Лидия Владимировна, лично для вас у меня ничего нет.

– Ничего, Яков Фёдорович, – улыбнулась она. – У нас в семье всё на двоих. Мы можем идти?

– Вы давно с ними работаете? – спросил Капустин Капицу, когда вышли Самохины.

– С первого дня пребывания в центре. До этого Алексей работал на одном из атомных объектов. А что вас в них заинтересовало?

– В первую очередь возраст. По документам вашей секретарше двадцать один год, а я дал бы шестнадцать. Да и её муж выглядит ненамного старше, просто очень хорошо развит.

– Я понял, что они люди Бериин, – сказал Капица. – Всех, кто с ними работает, предупреждали, чтобы не вздумали интересоваться их личной жизнью, даже взяли подписку. Я и не интересуюсь. Так что вам лучше справиться у него.

– Он сейчас сильно занят. Мы говорили всего минут десять и обсуждали перечень моих задач, а не странности работников вашего Центра. Меня послали в ознакомительную поездку и попросили вручить награды. Кто-то посчитал нежелательным вызывать Самохина в Москву. Ладно, не будем больше терять время. Выделите мне кого-нибудь в сопровождение.

– Я сам вас провожу, – сказал Капица. – Реактор почти готов, его сейчас обшивают преобразователями. Дело это долгое, а почему – сейчас увидите сами.

* * *

Второй раз Капустин приехал в Центр через три месяца.

– Как видите, мы сильно продвинулись с монтажом, – сказал ему главный инженер объекта, когда зашли в реакторный зал. – Здесь осталось работы на четыре месяца. Нужно закончить с пластинами преобразователей и монтировать магниты. Вентиляторы для обдува и всё остальное оборудование уже готовы. В соседнем зале идёт доводка контрольно-измерительной аппаратуры. Здесь мы закончим раньше срока, а вот силовые подстанции пока задерживают поставщики. Надавили бы вы на них, Яков Фёдорович! Там всё делать на поверхности, поэтому хочется закончить до зимы. И ЛЭП тянут очень медленно, а там две линии общей протяжённостью около двухсот километров. Реактор хоть и экспериментальный, но энергию должен давать не намного хуже серийного. А пока мы не обеспечим минимальной нагрузки, его даже нельзя опробовать.

– Я посмотрю, чем можно помочь, – пообещал Капустин. – Мне сказали, что Самохин в генераторном зале, но я его не вижу.

– Был минут двадцать назад, но ушёл к себе. Наверное, вы с ним разминулись.

– Тогда пойду к учёным. Нет, провожать не надо, сам доберусь.

Алексей был в своём кабинете, сидел за столом и что-то записывал в тетрадь.

– Как у вас успехи? – спросил Капустин, после того как они обменялись приветствиями. – На объекте я уже был, хо-

тел узнать, чем занимаетесь вы.

– Накопителями мы занимаемся, – ответил Алексей, закрывая тетрадь. – Вы в полном объёме ознакомились с проектом?

– О накопителях читал, но мельком. Кроме вашего центра, у меня три подобных объекта. Есть и другие дела, да и недолго я на этой работе.

– Вас интересуют накопители или лично я? – спросил Алексей.

– Вы меня тоже интересуете, – улыбнулся Капустин. – Я спросил о вас товарища Берию.

– И что же он вам ответил?

– Сказал, что вы не значитесь в перечне моих работ, а если меня заело любопытство, могу обращаться лично к вам. И было заметно, что он не хочет разговаривать на эту тему. Понятно, что я больше его не беспокоил.

– Решили побеспокоить меня, – кивнул Алексей. – А цель?

– Я могу рассчитывать на то, что этот разговор останется между нами? – спросил Капустин.

– Мне трудно что-то обещать, не зная темы разговора. Вы знаете, что я офицер ГБ?

– Тема – вы. Сейчас в руководстве партии и в правительстве появилось много новых людей. Естественно, что они интересуются окружением первых лиц. Это полезно и для работы, и для собственного здоровья.

– И один из таких руководящих вы? Или вы выступаете от чьего-то имени? И непонятно, при чём здесь я? Да, я знаю Лаврентия Павловича, но не отношусь к его близкому окружению.

– Вы загадочная личность, Самохин! – усмехнулся Капустин. – Вы и ваша жена. После того как вы несколько месяцев были личными гостями товарища Сталина, о вас пошло много разговоров. Ни до вас, ни после он никому не оказывал такого уважения. И присвоение вам звания старшего офицера госбезопасности не осталось без внимания. Потом в копилку фактов легло покровительство Берии и ваши награды. Вы не учёный, но по вашим идеям трудятся три института. И ещё ваша молодость, которая прямо режет глаза. Наверняка за этим скрывается нечто очень важное, о чём пока знают очень немногие.

– И вы хотите войти в круг знающих? – утвердительно спросил Алексей. – А для чего я буду с вами откровенничать? Что это даст, кроме возможных неприятностей в будущем? Да, Берия разрешил мне кое о чём говорить, но то, что вас интересует, как раз под запретом. А разрешённое не принесёт вам никакой пользы, только добавит к старым сплетням новые, а если дойдёт не до тех ушей, может оказаться опасным. Так что не буду я с вами откровенничать, вы уж извините. Докладывать о нашем разговоре тоже не собираюсь.

– Жаль! – поднялся Капустин. – Я рассчитывал на другой ответ. Но вы ещё подумайте. Я приезжаю не в последний раз.

Если передумаете, скажете сами. Вредить я вам не собираюсь, а польза может быть обоюдная.

Больше в этот день они не встречались, а вечером Капустин уехал.

– Захотелось сладкого? – спросил Алексей жену, когда она вечером положила к чаю начатую плитку шоколада.

– Я не покупала, это Капустин подарил. Он вертелся вокруг меня и засыпал комплиментами вперемежку с вопросами. Отвечать не хотелось, поэтому пришлось изображать дурачку. Он быстро меня раскусил и отстал.

– У меня тоже был с ним разговор. Шоколадом меня не кормил и не обхаживал, а задал вопрос в лоб. Расскажи ему, кто мы и откуда. Я вежливо его послал.

– А зачем ему это?

– Я думаю, что он и сам не знает. О нас в Москве ходят слухи из-за Иосифа Виссарионовича и наших странностей. Кое-кто предполагает, что за всем этим скрывается что-то важное, а знание – это сила. Не слышала такого выражения? В нашем случае это так и есть, но я не хочу с ним откровенничать. Если вдобавок к остальным слухам пойдут разговоры о пришельце из будущего, который сыпет идеями направо и налево, это может кое-кого заинтересовать. Не сейчас, а когда СССР оставит всех позади. Мне не понравилось то, что к нам обратились вопреки желанию Берии. Он, правда, прямо не запрещал, но высказал неудовольствие. Раньше этого хватило бы с головой. В чём причина? То ли позиции Берии

не так крепки, как кажется со стороны, то ли во власть пришла молодёжь, которую толком не били.

– Молодёжь! – фыркнула Лида. – Капустину под пятьдесят.

– Неважно. У новых кадров нет страха предшественников, а сейчас ещё усилен контроль над органами со стороны нового ЦК. А Берия вынужден опираться на них, вот и начинаются вольности.

– И чем это может грозить?

– Пока ничем. Вот если вслед за Сталиным уйдёт и Берия, тогда может быть плохо. Придут новые люди, которые рано или поздно начнут разбираться с его делами. И одно из таких дел – это мы с тобой. Тот же Капустин приедет, а у нас за спиной никого нет. Думаешь, он по-прежнему будет деликатничать? Ещё и припомнит мой отказ. И эта молодость, которая может выйти боком. Не понимаешь? Если кто-то из них узнает, что мы реально стали молодыми, нужно будет делать ноги. В руководстве молодых раз, два и обчёлся, а власть – это не гарантия долгой жизни. И никто не поверит в то, что это дано нам свыше. Самое малое – это начнут исследовать в какой-нибудь закрытой клинике, и не факт, что мы из неё выйдем. А ведь может кончиться и допросом в подвалах Лубянки.

– Почему кончится? – вздрогнула Лида.

– Потому что то, что от нас останется, не отпустят на свободу. Я говорю не для того, чтобы тебя пугать, просто ты

должна это знать. Нужно подготовиться к тому, чтобы срочно покинуть центр. Мы расслабились, а для нас расслабляться опасно. Наша безопасность держатся только на одном человеке.

После этого разговора прошло больше четырёх месяцев. Когда Алексей в середине июля попытался достать путевки на море, ему отказали, сославшись на директора.

– Я здесь ни при чём, – сказал ему Капица. – Не хотел вас расстраивать, но было письмо за подписью Капустина. Вам предписывается на время летнего отпуска не покидать центр. Обоснование – производственная необходимость. Чушь, но придётся выполнять. Если можете что-то сделать, попробуйте, у меня нет такой возможности.

Поначалу Лида сильно расстроилась, но им и без поездки удалось неплохо отдохнуть. В лесах вокруг центра было много земляники и грибов, а во время одной из вылазок нашли лесную речку с холодной, но чистой водой, к которой стали часто приходиться купаться. Капустин приехал только один раз. Лида держалась с ним подчёркнуто холодно, а с Алексеем он не встречался. Реактор полностью закончили, в том числе и подстанции, а сегодня наконец подключили и вторую ЛЭП. На завтрашний день был запланирован пробный пуск.

– Как ты думаешь, заработает? – спросила Лида за ужином. – Столько трудились, столько всего угрожали, представляешь, что будет в случае неудачи?

– Реакция пойдёт, это уже проверено. Может, не получим ожидаемой мощности или откажет что-нибудь из оборудования, но это неприятность, а не провал. Конструкция должна работать, а сделано на совесть.

– А накопители получились большие, – сказала Лида. – Я вчера к вам заходила, так Олег показывал. Весят килограммов десять!

– Зато местная промышленность освоит без труда, – возразил Алексей. – Потом понемногу уменьшат размеры, главное, что всё работает. В электромобили уже поставят, а если закрепить за спиной, можно использовать для оружия.

В эту ночь во многих квартирах центра спали плохо, а наутро в аппаратной собрались те, кому было поручено осуществить пуск. Аппаратную для безопасности устроили в небольшом отдельно стоявшем доме, и её оборудование на время испытаний дублировало диспетчерский пункт реактора. Здесь же были Капица и три его заместителя, в том числе и Алексей. Они не участвовали в пусковых работах, поэтому сели так, чтобы никому не мешать. В час дня начали. Первыми включились вентиляторы охлаждения реактора, и все услышали шум выбрасываемого наружу воздуха. Потом включили магнитную ловушку и подачу ионизированного дейтерия.

– Есть напряжение, – сказал Капица. – Сейчас включат излучатели...

– Пошла реакция! – сказал кто-то из испытателей. – Тем-

пература корпуса растёт, фон излучения низкий. Можно было работать и внутри.

– Там сильный шум от вентиляторов, – возразил старший группы. – Лучше уж отсюда. Внимание, температура корпуса растёт! Подключайте первую подстанцию! Уже пятьсот. Вторую подстанцию!

Через полчаса старший группы испытателей подошёл к Капице.

– Пётр Леонидович, – реактор работает на треть мощности. Больше по этим двум ЛЭП не передашь. Температура корпуса – шестьдесят процентов от максимально-допустимой.

– Получается, что полная мощность только три тысячи мегаватт, – подсчитал Капица, – а мы рассчитывали на пять. Надо улучшать преобразователи. Какая температура выбрасываемого воздуха?

– Больше восьмидесяти градусов.

– Выбрасываем много тепла, – сказал Алексей. – Его хватит отопить небольшой город. Надо строить станции рядом с городами, от них нет никакой опасности.

– Дадим свои рекомендации, – кивнул Капица. – Ну что, товарищи, позвольте всех поздравить с успешным пуском первого в мире термоядерного реактора! Считайте, что мы с вами за полтора года построили четыре ДнепроГЭСа! Испытания продолжим. Реактор пусть работает, отключим только при возникновении аварийной ситуации или если отключат-

ся потребители. Синхронизация прошла?

– Да, товарищ директор, – ответил один из испытателей. – Выходные параметры по станциям в норме.

– Сейчас бы выпить! – сказал кто-то из инженеров.

– Это вечером, – отозвался Капица. – Устроим в столовой торжественный ужин. Заслужили!

* * *

Никто не напечатал об их успехе в газетах и не сообщил по радио, но на третий день в центр приехал сам Берия со свитой, в которой находился и Капустин. После их отъезда группу руководителей и главных специалистов Центра наградили орденами Трудового Красного Знамени и Сталинскими премиями, а всем, кто работал на объекте, выдали крупные премии. Алексей получил ещё один орден и пятьдесят тысяч рублей.

– Даже мне расщедрились на две тысячи, – похвасталась жена. – Вношу в общую копилку!

– Деньги лишними не бывают, – сказал Алексей, – а у нас их больше ста тысяч. Лишь бы в чью-нибудь светлую голову не пришла мысль о денежной реформе. Что же это ты не подошла к Лаврентию? Заметила, что Капустин был какой-то дёрганный? Точно ждал, когда мы побеем жаловаться.

– А что к нему подходить, – со скрытой обидой ответила жена. – Он с тобой здоровался, мог бы и сам пригласить. Значит, так надо!

– Зря на него обижаешься, – заступился за Берию Алек-

сей. – Видела, какой он приволок за собой хвост? Хочешь, чтобы глава партии и государства где-нибудь с нами закрылся и точил лясы? Мало тех сплетен, которые уже есть?

Прошло девять дней – и мир рухнул. Всё началось с сообщения о смерти Сталина. Его самочувствие улучшилось после отдыха и лечения, и вот такое... Многие отказывались верить услышанному. Во вторник девятого декабря Иосиф Виссарионович, как обычно, поздно лёг, а утром его обнаружила мёртвым приехавшая на дачу дочь. Диагноз консилиума медиков был единодушным: вождь умер от острой сердечной недостаточности. По всей стране был объявлен день траура, повсюду были вывешены скорбные флаги.

– Как же так? – растерянно говорила Лида. – То прожил до пятьдесят третьего, а сейчас умер на три года раньше?

– У меня только одно объяснение, – сказал ей Алексей. – Мы очень сильно изменили будущее, судьбы многих людей, в том числе и его. А в его возрасте толчком к ухудшению состояния может стать что угодно. Иной раз умирают и от радости. А он сделал всё, что хотел. Лишь бы его смерть не использовали для расправ и сведения счётов. Надеюсь, что Василий не станет на этот раз валять дурака.

– Светлану жалко! – вздохнула Лида. – Неужели она опять уедет из Союза? И как это ещё скажется на положении Берии! Сталин передал ему власть, но потом постоянно поддерживал.

Три дня москвичи и многочисленные делегации проща-

лись со Сталиным, после чего его гроб доставили к Мавзолею Ленина и после траурного митинга занесли внутрь. Никаких гонений, арестов или отставок высокопоставленных лиц не последовало. Даже его лечащих врачей никто не тронул, что вызвало сильное удивление.

После похорон Сталина работа в центре вошла в привычную колею. Реактор, к которому спешно тянули ещё две ЛЭП, работал без сбоев, а небольшая смешанная группа учёных и инженеров разбиралась в результатах испытаний и готовила свои рекомендации по увеличению выработки энергии и удешевлению конструкции. Одновременно в правительство был послан отчёт о результатах работ по накопителям с предложениями по развёртыванию их производства и областях применения. Вскоре из Москвы затребовали специалиста по накопителям с образцом, и Капица отправил Михаила с двумя готовыми изделиями и охраной. Через неделю Гольдберг вернулся обратно.

– Готовьте карманы для премии, – сказал он, появившись в лаборатории. – Мы всех поразили своими изделиями. До гражданских электромобилей дело дойдёт не скоро, но военную технику хотят перевести на электричество. Не всю и не сразу, но многое. В ближайшее время определят завод, а наша задача – помочь запустить производство. В дальнейшем построят ещё два-три таких завода.

На этот раз Сталинских премий не было, но всем дали по пять окладов. За десять дней до Нового года лабораторию

перебросили куда-то на Северный Кавказ. Алексей, как заместитель Капицы, остался в центре. Пётр Леонидович простыл и Новый год провёл в кровати, а Самохины праздновали только вдвоём. Были большой, уставленный деликатесами стол и нарядная ёлка, не было только праздничного настроения.

– Сидим, как на похоронах, – в сердцах сказала Лида. – Праздник, а на сердце тревога, всё время ждёшь беды. Разве можно так жить? Слушай, Лёш, давай все бросим и уедем куда-нибудь далеко-далеко? Денег много...

– А ребёночка уже не хочешь? – спросил Алексей. – Я сам с удовольствием всё бросил бы, но пока Берия у власти и нам ничего не угрожает, надо держаться. Ну сбегу я сейчас и что? Забыла, что я не только зам у Капицы? Из моего министерства не убегают, из него трудно даже уволиться. Искать нас будут однозначно. Тот же Берия спустит с них шкуру, если не найдут. А я сдал изготовителей фальшивых паспортов и не знаю других.

– А если попросить Берию? – жалобно посмотрела на мужа Лида. – Большой пользы от нас нет, неужели не поможет?

– Может быть, и поможет, – задумался Алексей. – Совсем без присмотра не оставит, но уволить из органов может. Такой присмотр я пережил бы, только как ты думаешь с ним связаться? Он сам может здесь не появиться, а мы к нему не попадём, даже если приедем в Москву. Разве что попытаться через Светлану... Она вроде больше с ним не собачилась.

– А если через Капустина? – предложила Лида. – Скажешь ему, что ответишь на вопросы после того, как он поможет связаться с Лаврентием. Ведь необязательно говорить всё. Это не так страшно, если уйдём в тень.

– Можно попробовать. Только вначале поговорю с Капицей. Завтра ходим к ним вдвоём. Ты развлечёшь Анну Алексеевну, а я с ним объяснюсь.

Утром Лида замесила тесто и испекла пирог с земляничным вареньем. С этим пирогом и пришли в квартиру директора, где их с радостью встретила Анна Алексеевна.

– Молодцы, что пришли! – сказала она, принимая блюдо с пирогом. – Это у вас что? А пахнет-то как! Обувайте тапки, полы холодные. Заходите в гостиную, а я сейчас поставлю чай. Муж у себя, если хотите, можете зайти.

– Давайте я вам помогу, а мужчины пусть общаются друг с другом, – предложила Лида. – Мы зайдём потом.

– Хорошо, что вы пришли, – обрадовался Алексею Пётр Леонидович. – Не люблю жаловаться или признаваться в своих слабостях, но мне как-то тоскливо. Дети и друзья далеко, а здесь только подчинённые. Начал сходиться с Гольдбергом, так и его забрали, а с вами интересно поговорить.

Он сидел на кровати, одетый в тёплый халат и укутанный пледом.

– В вашем присутствии в центре нет необходимости, – сказал Алексей. – Здесь уже не нужны учёные, тем более вашего масштаба. Я тоже не нужен, поэтому хочу подать ра-

порт о переводе, а перед этим поговорить с вами.

– Правильно решили, – одобрил Капица. – Вы можете быть кем угодно, но наука – это не ваше. Вы принесли много пользы, но только за счёт чужих знаний. Не нужно обижаться за правду, просто надо искать своё.

– Я не обижаюсь, – сказал Алексей, – сам так же думаю. Я хороший военный, этим и займусь. Что скривились, не любите армию? А зря! Армия необходима в любом государстве, и общество должно содержать свою, если не хочет кормить чужую. Это не я придумал. Чтобы избавиться от армии, нужно изменить природу людей.

– Мне трудно с вами спорить, это уже проверено. И то, что мне что-то не нравится, ещё не значит, что я не признаю его полезности. Только постарайтесь не дать погибнуть таланту вашей жены! Она художник от бога, а работать может очень редко. Если меня освободят от этой ссылки, покажу свой портрет признанным мастерам. Она выполнила его просто здорово! А картина, которую вы привезли с моря? На мой взгляд, она не хуже картин Айвазовского.

Дверь в комнату распахнулась, и на пороге появилась бледная Лида.

– Только что передали по радио, что убит Берия!

Глава 18

– Как это случилось? – спросил Алексей. – Лидочка, да успокойся ты, ради бога!

– Я не знаю! – заплакала она. – Как услышала, всё внутри сразу оборвалось! Застрелили его, а кто – не сообщали! Сказали только, что произведены аресты и ведётся следствие. Ну и, как обычно, набор лозунгов: наймиты империализма, сплотимся вокруг партии...

– А я думал задержаться здесь до тепла, – сказал Алексей Капице. – Подпишите заявление на увольнение?

– Вы же знаете, что я не распоряжаюсь кадрами, – ответил Пётр Леонидович. – Даже для увольнения уборщицы нужно разрешение, а вы мой зам.

– Ладно, всё равно я легально не уйду. – Алексей подошёл к жене и обнял. – Успокойся, этого уже не изменишь. Дня три-четыре у нас точно есть, а скорее, намного больше. Мы никуда не денемся, а делёжка власти – дело первостепенное. Пётр Леонидович, у меня к вам просьба. Возьмёте её картины? Будет жалко, если пропадут.

– Мог бы и не спрашивать, – ответил Капица, неожиданно переходя на ты. – Постараюсь помочь всем, чем смогу. Деньги нужны?

– Вот чего у нас много, так это денег, – сказал Алексей, – сложность в том, чтобы уехать отсюда с вещами. Я думаю,

что охрана не выпустит с кучей чемоданов, и не хочу вас в это вмешивать. Короче, буду думать об этом завтра, а сейчас принесём сюда пирог с чаем и посидим, когда ещё доведётся увидеться!

За пирогом посидели, но недолго, потому что Лида никак не могла успокоиться.

– Для вас он посторонний человек, на котором к тому же много крови, – возразила она Капице, когда тот сказал, что Берия не стоит её слёз, – а мы с ним немало общались. Он меня любил и многим нам помог. А по поводу всего остального уверена, что другой на его месте действовал бы не лучше. Он как-то рассказал, в каких условиях приходилось работать. Конечно, он не ангел, но много вы видели ангелов?

– У меня самого было к нему плохое отношение, – добавил Алексей. – Потом имел возможность убедиться, что Берия очень толковый управленец и трудяга. И авторитет у него был, да и побаивались по старой памяти. Тому, кто займёт его место, придётся трудно. Одна надежда на то, что он всё-таки выдрессировал свою команду и почистил руководство от типов вроде Ворошилова. Может, обойдётся без резни.

Дома Лида ушла в спальню и попросила её не трогать.

– Дай выплакаться, – сказала она. – Это вы, мужчины, всё держите в себе, а мы так не можем. Последние годы живём на нервах, а теперь ещё и это! Опять срываться, бросать квартиру и где-то прятаться! Так что успокойся: я не из-за одного

Берии буду реветь!

Он терпел её всхлипывания минут десять, после чего пришёл в спальню, посадил на колени и стал гладить волосы и целовать. Закончилось всё в постели. Утром по радио передали подробности. Берия убит выстрелом в затылок один из охранников Кремля. При попытке его обезоружить погибли ещё два охранника, и был ранен один из телохранителей. В перестрелке убийца получил два огнестрельных ранения и через час скончался. Были арестованы старший смены и начальник управления охраны МГБ. В тот же день на срочное заседание собрали Совет министров и Политбюро. Решили не совмещать председателя Совмина с постом Генерального секретаря. Правительство возглавил Вознесенский, а партию – Кузнецов. Второе января объявили днём траура, а похороны назначили на пятое.

– Всё так, как я и хотел с самого начала, – сказал Алексей. – Только сразу это вряд ли получилось бы. Сталин сделал гораздо лучше. Надеюсь, что теперь удастся избежать многих ошибок. Единственное, что меня беспокоит, кроме нашей судьбы, это судьба книг. Когда мы уезжали, они были у Сталина. Уверен, что после его смерти Берия забрал их себе. А вот в том, что их найдут и передадут кому следует, уже уверенности нет. Берия не собирался умирать и мог хорошо их припрятать.

– Ну и что? – спросила Лида. – Свою роль они сыграли, а будущее сильно поменялось.

– А подумать? – постучал себя по голове Алексей. – Ты же умница и должна понимать! Во-первых, ценность этих книг по-прежнему велика. Пусть многое изменится, особенно в нашей стране, но тенденции развития и многие события в мире повторятся и знать о них очень полезно. В тех книгах упоминались и природные катаклизмы. Но самое главное – это книга о взрыве. Нашей целью было не только спасти СССР, но и подготовить его к катастрофе. И что теперь, если книги пропали? Правда, где-то остались микрофиши, но они могут храниться вместе с книгами, вряд ли Сталин кому-то их отдал.

– Один комплект есть у тебя.

– И его как-то нужно отдать руководству и убедить в том, что это не липа. Понимаешь теперь, что для нас ничего не закончилось? И прямо сейчас я ничего отдавать не стал бы. Если опять начнут делить власть, можем лишиться всего. Нужно подождать, пока стабильно заработает механизм государственной власти и страна придёт в порядок после войны. Сейчас всем не до какого-то там катаклизма через сотню лет.

– Уже придумал, как уйдём? И куда?

– Я над этим думаю, – ответил Алексей. – У нас три чемодана...

– Есть большой саквояж, – вспомнила Лида.

– Вот в них и нужно уложить самые необходимые вещи. Позавтракаем и начинай их отбирать. А я отнесу твои кар-

тины Капице и помогу с укладкой.

Вещи собрали быстро. В чемоданы с саквояжем вошло всё, и вес получился не очень большой. Два самых лёгких чемодана могла унести даже Лида.

– Не торопи, – сказал жене Алексей, когда она опять стала спрашивать насчёт отъезда. – Сегодня день траура и не получится уехать. Завтра я кое с кем поговорю, а если не договорюсь, подготовлю что-нибудь другое. Нельзя уходить с шумом. До ближайшего города семьдесят километров, да еще из него нужно выбраться и не оставить хвоста. Успеют обложить и взять, даже если захватим машину. Нам с тобой нужно минимум полдня, а потом пускай ловят конский топот.

Следующий день был рабочим, и разговор об отъезде состоялся уже дома.

– Выяснил в охране, что в отношении нас не было новых указаний, – сказал Алексей, – так что выпустят без проблем и даже отвезут в город. Вопрос упирается в вещи. Можно, конечно, бросить, но не хотелось бы. И дело не в деньгах, попробуй потом всё это купить. Я договорился с Капицей взять его служебную машину. Директорский ЗИС осматривают поверхностно, и, если ехать в смену Пашки Васильева, запросто проскочим.

– А когда эта смена? – спросила Лида. – Не подведём мы твоего Пашку под монастырь?

– Послезавтра. Я что-нибудь придумаю, а если начнут раз-

бираться, все промолчат. По инструкциям это общее упрощение. Если кто-нибудь распустит язык, влетит всем, а там умные ребята. И к тебе исключительно хорошее отношение. Не скажешь, в чём причина?

– Молодая и красивая, – улыбнулась Лида, – и всех их знаю поимённо и узнаю по голосам. Ребятам приятно уважительное отношение, не так уж часто они с ним сталкиваются. Ладно, подождём.

Ждать не пришлось. На следующее утро в Центр с плановой проверкой охраны прибыл из министерства подполковник ГБ. До обеда он занимался своими делами, а потом зашёл в кабинет Самохина.

– Это вам! – сказал он, передавая Алексею большой запечатанный конверт из плотной бумаги. – Я приехал из-за него, а проверка только предлог, через две недели её должен был проводить другой человек. Пакет на случай своей смерти оставил Берия. Министр в курсе и сделает всё, что необходимо. Возьмите бумагу и пишите рапорт на увольнение из органов. Подпишите его двадцатым декабря. Удостоверение я заберу после того, как покинете центр. Приказ о вашем отзыве в министерство уже подписан, и я отдал его в кадры, так что у вас не будет сложностей с отъездом. Приказ на ваше увольнение подпишут, как только я передам рапорт. В пакете должны быть паспорта на другую фамилию, комсомольские билеты и удостоверение лейтенанта ГБ. Последнее – липа. Даётся на всякий случай. Выполнено качествен-

но, но проверку не пройдёт, имейте это в виду. Кроме того, там ваши свидетельства о рождении, трудовые книжки и военный билет, согласно которому вы уже отслужили. В паспортах есть выписка с прежнего места жительства. И внимательно изучите вложенные распечатки с биографией. По пакету всё. Сможете разжиться транспортом? Не хотелось бы вывозить вас самому.

– Не проблема, – ответил Алексей. – Директор даст свою машину. Спасибо вам большое! Когда вы выезжаете?

– В три часа, тогда нормально успеваю на поезд. До города поедете следом за мной, а на вокзале сдадите удостоверение. Оружие оставьте себе.

– Можете сказать о смерти Берии?

– Следствие только начато, и материалы засекречены, так что я сам ничего толком не знаю. Слышал краем уха, что дело очень мутное. Я не верю в то, что это разборки в верхах. Не те сейчас люди у власти, а свои посты они и так получили бы лет через пять, причём много неприятной работы выполнил бы Берия, а теперь им нужно делать её самим. Скорее всего, это месть за чистки партийного аппарата. У вас есть здесь дела, которые нужно сдавать?

– Я уже месяц только изображаю деятельность, – ответил Алексей. – Какие там дела! Сейчас сдам ключи от сейфа и кабинета и схожу к директору домой насчёт машины. Можно позвонить, но заодно прощусь. Вот жену нужно срочно кем-нибудь менять, но это уж пусть болит голова у других. К трём

часам мы будем на КПП.

Подполковник ушёл, а Алексей забрал конверт, запер кабинет и заглянул к жене в приёмную.

– Лида, срочно всё бросай, через полтора часа уезжаем. Позвони в кадры, пусть дают замену. Меня отзывают в министерство, и приказ уже у них, так что и тебя никто не задержит. Отдай заодно мои ключи, а я побегу к Капице. Договорюсь о машине, заодно и прощусь.

Дома он первым делом вскрыл пакет. В нём было всё, о чём говорил подполковник, и ещё письмо Берии, адресованное Лиде. Капица жил в соседнем доме, поэтому визит к нему не занял много времени.

– Значит, он помог вам и после смерти! – сказал Пётр Леонидович, выслушав Алексея. – Надо же! Значит, был не таким уж плохим человеком. А насчёт машины звони в гараж сам. Я уже говорил Василию, он в курсе. Поцелуй за меня Лидочку. У меня никогда не было такого толкового и молодого секретаря. Если потребуется помощь, всегда обращайся, жаль только, что не могу сейчас дать адрес. Как думаешь, можно кому-нибудь рассказать о вашем вулкане? Я имею в виду там, за границей.

– Думаю, не стоит, – ответил Алексей. – Они и сами узнают о нём в конце века и будут отслеживать состояние, а случится внезапно. Да и что можно сделать? Убирать страну с четырьмя сотнями миллионов населения? И потом это случится через сто лет. Вам почти никто не поверит, а того, кто

поверит, не станут слушать правнуки. Мало ли что мог придумать свихнувшийся прадед! Не буду доказывать, что их не нужно спасать по другим причинам: вы не поверите тому, что можно дойти до такого маразма.

– Мне действительно трудно поверить в то, что есть причины, из-за которых можно обречь на смерть столько людей.

– Тогда посмотрите на это с другой точки зрения, – сказал Алексей, уже давно пожалевший о своей откровенности. – Учёным не так сложно просчитать, что меньше других пострадают СССР и Австралия. Ресурсы Австралии не очень велики, в Союзе они намного больше, и он находится рядом. В моей реальности между нашими странами не было войны, здесь, если вам поверят, она неизбежна. В результате и Америка погибнет, и мы не спасёмся. В двадцать первом веке не будет таких излишков пищевых ресурсов, чтобы создать запас продовольствия для прокорма населения Штатов хотя бы на пятнадцать лет, поэтому его придётся забирать у других народов, обрекая их на голод и смерть. И американцы с лёгкостью это сделают. Не беритесь судить о будущем на основе ваших теперешних представлений, слишком уж сильно всё должно измениться. Если я доживу и буду хоть что-то значить в то время, постараюсь спасти и американцев. Но не всех, а только тех, кто этого заслуживает и захочет, чтобы его спасали. Я вас не убедил?

– Я уже зарекался с вами спорить, – с горькой улыбкой сказал Капица. – Мне трудно молчать, но я постараюсь. По-

сланцу бога виднее.

– Зря я говорил вам о катастрофе! – сказал Алексей. – Теперь будете терзаться. Поймите, я прав не потому, что меня направляет высшая сила, а в принципе. Вижу, что общие рассуждения до вас не доходят. Давайте перейдём к конкретике. Представьте, что в то будущее попали вы. У вас надёжный дом с запасом горючего и продовольствия, позволяющий выжить два десятилетия вам, вашим детям и внукам. Впритык, но до тепла и первого урожая хватит. А за забором бродят десятки людей, которые замерзают на ваших глазах, мучаются от голода и молят о помощи. И среди них много женщин и детей. И вы знаете, что стоит только открыть ворота, как все эти люди заберутся в ваш дом и у вас уже не хватит ни сил, ни духа выставить их на смерть. В финале вы съедаете всё за два года и дружно умираете от голода. И те, кто и так погиб бы, и вы со всеми вашими родными. И это в лучшем случае. Ведь не исключён и такой вариант, в котором часть этих несчастных, отогревшись и утолив голод, прикинет численность едоков и решит радикально их сократить. В таких случаях обычно начинают с самых сердобольных, то есть с вас. Ваши действия?

– Не дай бог стать перед таким выбором! – поёжился Капица. – Но я понял, что вы имели в виду.

– Так вот, повсюду в мире поступили одинаково, выбросив всех чужих, а заодно и часть своих. Исключением стали Россия и Австралия. Причём большую часть беженцев при-

няли мы, за что и поплатились вырождением собственной нации из-за потери духовности и дикого искажения многих сторон жизни людей. Думаете, почему я здесь? Ведь несколько сотен миллионов выживших и уцелевшая промышленность – это неплохие условия для возрождения цивилизации. Так вот, не знаю, как в Австралии, а у нас возрождать было некому. Можно было удержать разваливающееся общество в узде, бросив его на захват почти пустой Европы, но это была бы только отсрочка. Человек звучит гордо только для Горького. Мы в СССР попытались сделать, чтобы это было действительно так. И в чужие дела мы лезли немного и только поначалу. Никакого сравнения с теми же американцами, которые развязали с полсотни войн! А нам мешали все. Друзья мешали тем, что их приходилось подкармливать, а враги вовлекли в гонку вооружений, которая подорвала экономику и привела к краху! Вы судите о Западе по миру науки, в котором вас приняли, как равного, а он многогранен и в целом настроен к нам враждебно. Ладно, я заболтался, а время идёт. Если когда-нибудь увидимся, ещё поговорим.

– Не беспокойся, Алексей, я буду молчать, – сказал Капца. – Удачи вам. Пусть у вас всё получится!

Лиду Алексей застал за чтением документов.

– Откуда это богатство? – спросила она.

– Это посмертный подарок Берии, – объяснил он. – Там есть для тебя письмо, считаешь позже. Я заговорился и забыл о времени. Вещи у нас собраны, нужно только срочно

настрогать бутербродов на ужин и завтра на утро. У нас с тобой двадцать минут, потом подъедет Василий. Капица попросил тебя поцеловать, но это тоже перенесём. Давай ты займёшься бутербродами, а я разложу деньги и документы. Возьми один экземпляр биографии, выучишь в поезде. И не вздумай сейчас реветь.

– Не буду я реветь, – пообещала Лида. – Тоже перенесу на потом. И обязательно нарисую его портрет. Хоть так отблагодарю. Куда мы хоть едем?

– В Москву нам нельзя, – сказал Алексей, укладывая документы, кроме паспортов и удостоверения, обратно в пакет, – но не хочется забиваться в какую-нибудь щель, поэтому думаю поселиться во Владимире. Большой город, и до Москвы можно добраться часа за четыре. Возьми газеты, завернёшь бутерброды. Яйца успеем сварить? Ну и чёрт с ними. Собрала? Тогда одеваемся и выходим. Дверь не запираем и ключи оставим на столе. Не хватай чемоданы, я сам отнесу в два приёма, возьми только сумку с продуктами.

– Хорошо здесь было! – сказала Лида, в последний раз с грустью оглядывая гостиную.

– Пошли, а то Василий уже сигналил! – поторопил Алексей.

У КПП их ждали. Машина подполковника выехала за шлагбаум, а он сам нетерпеливо расхаживал возле помещения охраны.

– Задерживаемся, – недовольно сказал он вышедшему из

машины Алексею. – Если задержимся в пути, можем застрять на полдня в Кунгуре.

– Ребята, проверяйте быстрее! – попросил Алексей охрану. – В машине три чемодана, саквояж со шмотками и сумка с продуктами. Если нужно, я открою любой чемодан, только проверяйте быстрее.

– Всё в порядке, товарищ майор, – сказал ему старший наряда, искоса взглянув на столичного подполковника. – Счастливо вам добраться и устроиться на новом месте! И вам счастья, Лидия Владимировна!

– Спасибо, ребята! – поблагодарил их Алексей. – Прощайте. Загружаемся и едем!

Последний снег выпал неделю назад, поэтому дорога была расчищена и укатана и до города добрались за полтора часа. У небольшого двухэтажного здания вокзала попрощались с Василием, который помог внести вещи в зал ожидания. Возле кассы стояли только трое, поэтому через пятнадцать минут Алексей вернулся к Лиде с билетами. Подполковник забрал его удостоверение и куда-то ушёл. Больше они его не видели.

– Ещё долго ждать, – сказала Лида. – Может, посмотрим биографию? В нашей части зала никого нет.

– Кому какое дело, что ты читаешь, – отозвался Алексей. – Только если будешь разговаривать, говори тише.

Он тоже вытащил лист с текстом и углубился в его изучение. Имя и отчество оставили прежние, а фамилия ока-

залась созвучной пункту прибытия – Володин. В указанные двадцать четыре года его жизнь уложилась в три слова: школа, армия, завод. Ему повезло окончить среднюю школу, после которой осенью сорок пятого года забрали служить в армию. Отслужив, вернулся в родную Пермь и поступил учеником токаря на машиностроительный завод. Через год после этого женился на Лиде Ветлицкой, которая работала на том же заводе секретаршей. Причину, по которой они уехали из Перми, в биографии не указали. Она была короткая, на половину страницы, и изучение не заняло много времени.

– Мне девятнадцать лет, – сообщила Лида. – Уже хорошо, потому что в двадцать один год никто не поверит. И с секретаршей угадали, можно опять устроиться на эту работу.

– Сначала повзрослей, – вздохнул муж. – Такую соплю никто не возьмёт в секретари. И Капица брал неохотно, хотя знал, что не дура и старше, чем выглядишь. Репутацию ты ему подпортила. Тебе лучше сидеть дома и рисовать. Денег достаточно, да и я пойду работать, чтобы не привлекли за тунеядство. Понятно, что не токарем, хотя смогу выполнить простую работу. Наверное, самое лучшее – устроиться в милицию. В армии дослужился до старшего сержанта, снайпер и борец. Такого парня при нынешнем дефиците кадров возьмут с руками и ногами. Я ведь и десятилетку закончил, а сейчас этим не все могут похвастаться. У многих только семилетка, а то и её не закончили. Так что старшего сержанта твоему мужу точно дадут, а то и старшину. Мне идти или в

милицию, или в грабители, потому что ничего не умею, кроме битья морд. Так, прячем бумаги и идём на перрон. Поезд подойдёт на первый путь, а вагон у нас шестой.

Они вышли на перрон и поставили чемоданы, выбрав место, где было меньше грязи и окурков. До прихода поезда осталось десять минут, и из здания вокзала подтягивался народ. У каждого второго во рту дымила папироса, и некурящие Самохины испытали большое облегчение, когда наконец появился поезд. Они почти угадали, и к шестому вагону пришлось пройти метров двадцать. В их купейный вагон больше никто не сел, поэтому проводница сразу же задвинула лестницу и закрыла дверь. Почти тотчас же состав дёрнулся и пополз вдоль перрона, постепенно ускоряя ход. В их купе уже ехала пожилая пара. Увидев Самохиных, попутчики вышли в коридор, чтобы молодёжи было удобнее устроиться. Алексей положил чемоданы и саквояж на багажную полку, а сумку поставил на одну из верхних.

– Потом переоденемся, – сказал он жене. – Сначала поужинаем и получим бельё. Открывай дверь, пусть заходят.

– Виктор Фёдорович, – представился мужчина. – А это моя жена Елена Николаевна. Расправьте одеяло и садитесь, мы пока не будем лежать.

– Алексей и Лида, – сказал в ответ Алексей. – Далеко едете?

– Выходим во Владимире, – сказала Елена. – Ехать ещё больше дня.

– Вот хорошо! – обрадовалась Лида. – Мы едем туда же и совсем не знаем города. Вы не подскажите, где в нём лучше устроиться?

– А почему едете к нам? – спросил Виктор. – Если не хотите, можете не отвечать, просто так мне понятней, что вам посоветовать.

– Причина в ней, – кивнул на жену Алексей. – Простыла и долго болела. Теперь каждую зиму проблемы. Мы привычные к уральским морозам, а ей нужно место потеплей.

– А откуда вы? – спросила Елена Лиду.

– Из Сталинграда. Эвакуировали в сорок втором году.

– А почему не вернуться туда?

– Некуда ей возвращаться, – ответил Алексей. – Дом разнесло снарядом ещё до эвакуации, отец погиб на фронте, а мама застудила лёгкие и умерла за год до нашей свадьбы.

– Сейчас не стоит ехать в Сталинград, – сказал жене Виктор. – Город будут долго восстанавливать. Вы ведь не строитель?

– Нет, я токарь, – ответил Алексей. – А жена работала секретаршей. Но хочу устроиться в милицию, а ей пока лучше не работать. Пусть сидит дома и рисует картины.

– А почему в милицию? – полюбопытствовал Виктор. – Не самая лёгкая работа, и зарплаты у них небольшие.

– У меня только второй разряд, – начал объяснять Алексей. – Денег получаю мало, а работа... не моё это. Я ведь служил в воздушно-десантных войсках. Там нас учили мно-

гому, что и в милиции пригодится.

– А Лида училась на художника? – спросила Елена, с сомнением глядя на девушку.

– Что вы! – засмеялась Лида. – Мне всего девятнадцать. У нас с Лёшей только десятилетка. – А рисую я сама с детства. Если хотите, могу вас нарисовать.

Она попросила мужа снять с полки один из чемоданов, из которого достала тетрадь и несколько простых карандашей.

– Пересядьте к мужу, – попросила она Елену, – а я сяду за столик. Это недолго, минут по десять на рисунок. Лёш, пока я работаю, сходи сам к проводнице. Отдай билеты и возьми постели. Вам не обязательно сидеть неподвижно, можете говорить или читать, мне это не мешает.

Через двадцать минут она закончила оба рисунка, привычно расписалась на каждом и отдала их попутчикам.

– А у вас, несомненно, талант! – сказал ей Виктор. – Мы здесь как живые. И характеры прекрасно переданы, а не просто внешнее сходство! Вам обязательно нужно учиться.

– А зачем? – спросил давно вернувшийся Алексей. – Чему её могут научить? Видели бы вы, как она рисует красками. Человек на портрете получается как живой. Просидеть в училище несколько лет только для того, чтобы получить бумажку о его окончании?

– А куда вы дели её работы? – спросил Виктор.

– Подарили другу, – ответила Лида. – Мы не знаем, где придётся жить, какие тут картины!

– Подъезжаем к Перми, – сказал Алексей. – Попрощайся с городом.

– Я приеду сюда посмотреть на могилу мамы, – сказала Лида и всхлипнула.

«Какая актриса пропадает, – подумал Алексей. – Даже слёзы потекли, Елена сейчас сама прослезится».

– Так вы жили в Перми, не в Кунгуре? – спросил Виктор. – А в него как попали?

– Там живут мои родственники, – объяснил Алексей. – Семья брата отца. Мои родители тоже умерли. Когда мы уволились, поехали к ним погостить и посоветоваться. Дядя объездил весь Союз, вот и хотели узнать, куда лучше приткнуться. Он нам Владимир и посоветовал. В нём жил до войны его друг, так дядя ездил к нему пару раз. Город ему понравился. Ещё тем хорошо, что недалеко от Москвы.

– Хотите со временем перебраться в столицу? – с пониманием сказал Виктор. – Так вы едете к другу дяди?

– Его друг погиб, так что едим наудачу, – ответил Алексей. – А Москва... Посмотрим, как устроимся во Владимире. Если плохо, можно съездить в столицу и попробовать найти работу. Ехать в неё просто так глупо.

– Вы не по возрасту умны, – сделал ему комплимент Виктор. – Вам, молодые люди, повезло. Я не последний человек во Владимире, так что поможем вам устроиться.

– Да, – поддержала его Елена, – завтра, как приедем, забираем вас к себе, а потом Виктор договорится, и вас устро-

ят на работу. Квартиру сразу никто не даст, а вот комната в общежитии будет. У вас как с деньгами?

– Денег пока хватает, – сказал Алексей. – Были свои, да ещё дядя помог. И вещей надавали. К двум нашим чемоданам добавили два своих. Так что для жизни есть всё, было бы где жить. Если поможете, будем вам благодарны.

– А с меня портреты, – улыбнулась Лида.

– Остановка. – Виктор поднялся и потянулся за пальто. – Пойду пройду по перрону. Стоянка минут двадцать, так что я разомну ноги и покурю.

– Никак не отучу его от курения, – пожаловалась Елена, когда муж вышел из купе. – Две-три папиросы за день обязательно выкурит. Вы, ребята, не беспокойтесь: если Виктор сказал, что поможет, значит, так и сделает. Вы и ему, и мне понравились. Муж работает в горисполкоме, и в городе с ним считаются.

– Спасибо, Елена Николаевна, – поблагодарил Алексей. – Мы тоже пройдемся. Не на перрон, просто постоим в коридоре и посмотрим на вокзал. С этой стороны видны только составы.

Они вышли в коридор и встали возле окна напротив своего купе.

– Интересно, это опять так повезло или помог этот свыше? – тихо сказал Алексей. – Не похож Виктор Фёдорович на человека, который бросается всем помогать.

– А я знаю? – пожала плечами Лида. – Может, помог или

мы действительно им понравились. Дорога часто сближает людей, а ничего особенного он не сделает. Один звонок нужному человеку... Мы устроились бы и сами, просто так меньше мороки. А портреты я нарисую. Уже объявили отправление, где его носит?

– Вон бежит, – показал рукой Алексей. – Стоял в очереди к киоску.

Через минуту в коридоре показался недовольный Виктор.

– Хотел взять свежего хлеба и не успел, – пожаловался он. – Деликатесов набрали, а хлеб закончился.

– У нас много бутербродов, – сказал ему Алексей. – На ужин всем хватит, а завтра достанем хлеб. После Перми начнут разносить чай, тогда и поужинаем. А потом ляжем на полки, чтобы завязался жирок.

– Мне это лишнее! – хохотнул Виктор. – А вам рано думать о жирке. Всё, поехали.

Через двадцать минут проводница занялась чаем. У них было третье купе от её служебного, поэтому долго ждать не пришлось. Алексей достал из сумки свёрток с бутербродами, а Виктор добавил к ним нарезанную буженину.

– Ещё что-нибудь или достаточно? – спросил он.

– Я думаю, хватит, – остановил его Алексей. – Не знаю, как вы, а я не очень проголодался и не буду много есть на ночь, тем более что здесь всё мясное.

– Разумная позиция! – одобрил Виктор. – Ну что, навалились?

Они съели всё, что было выложено, а потом по очереди посетили туалет, переоделись и легли на расстеленные Алексеем постели. Начало темнеть, но свет пока не включали.

– Спи, – сказал Лизе Алексей. – Ночью опять будешь просыпаться, так что отсыпайся впрок.

Утром он на первой же остановке пробежался по киоскам и купил хлеб, печенье и халву. Купил и газету, чтением которой занялся после завтрака.

– Что интересного пишут? – спросил Виктор, который дочитал свою книгу и теперь маялся от скуки.

– Скоро дочитаю и отдам вам, – пообещал Алексей. – За рубежом ничего интересного. Есть статья об убийстве Берии, но я не вычитал в ней ничего нового, только повторение того, что уже сообщали по радио. Скорее всего, покушение выполнено так, что со смертью убийцы не осталось никаких следов. Арестованных отпустили, но из органов выгнали. Вины за ними не нашли, просто надо было кого-то наказать, вот они и пострадали за халатность. Ещё повезло: раньше точно поставили бы к стенке.

– Смело говорите, но верно по сути, – заметил Виктор. – Сами как думаете, месть это или работа империалистов?

– Я думаю, что ему отомстили наши. Слишком много значительных людей расстреляли, сослали или просто убрали от кормушки. А ведь вместе с ними пострадали и их родственники. С самого начала было ясно, что после покушения не удастся убежать: убьют или схватят, и неизвестно, что хуже.

За деньги на такое не идут. Это или ненависть, или помутнение рассудка. А нашим уроком на будущее. Не должна охрана так топорно работать. Прошли в Кремль и расслабились – вот и результат! И охрану Кремля нужно ставить не так. Там каждый в наряде должен присматривать за остальными. Слишком высокая цена доверия.

– А вы не думали пойти учиться? – спросил Виктор. – Стали бы офицером. Вы слишком умны для рядовой работы.

– Посмотрим, – ответил Алексей, – если и пойду, то не сейчас. Сначала нужно устроиться и хоть немного поработать, а потом будет видно.

День прошёл в разговорах. Только после обеда, который организовали из запасов попутчиков, все улеглись на свои полки и задремали под перестук колёс и мягкое раскачивание вагона. Вечером выпили чай и поужинали халвой с печеньем. Виктор предлагал достать грудинку, но остальные дружно отказались от мясного.

– Завтракать пойдём в вагон-ресторан, – сказал Алексей жене, когда они перед сном вышли в туалет. – Не будем наглеть и объедать Громаковых. Прибываем днём, поэтому пообедаем в городе.

Вторая ночь ничем не отличалась от первой, только долго стояли на одной из станций. Утром сходили в вагон-ресторан, где их не очень вкусно, но сытно накормили кашей с мясом. Последние часы перед прибытием во Владимир сидели и смотрели в окно. Поезд прибыл по расписанию, по-

этому стоянку не сокращали, и все без спешки спустились на перрон со своими вещами. Алексей позвал носильщика, на тележку которого поставили всю свою кладь и два чемодана Громаковых. На площади перед вокзалом с ним расплатились и направились к такси.

Глава 19

– Алексей, ставьте свои чемоданы в прихожую, – сказал Виктор. – Раздевайтесь, Лидочка, и проходите в комнату. Плохо, что уже конец рабочего дня, но сейчас попробуем созвониться с вашим будущим начальником. Обычно он задерживается на работе.

Алексей помог жене и Елене снять верхнюю одежду и разделся сам. Уже снявший шубу Виктор сел на большой кожаный диван и пододвинул к себе стоявший на низком столике телефонный аппарат, после чего перелистал блокнот и быстро нашёл нужный номер.

– Николай? Это Виктор говорит. Узнал? Хорошо, что ты на месте. Да, только что приехали. Я звоню не просто так. Тебе нужны работники? Да, нашёл ценного кадра. Служил в ВДВ, старший сержант, окончил десятилетку и умён настолько, что я сразу дал бы майора, но вы жмоты, поэтому он согласен на меньшее. Парень – кровь с молоком! Да в поезде и познакомились. Тут одна проблема. Он приехал в город с женой и пока нигде не остановился. Не хочешь, как хочешь, я тогда предложу Зайцеву. Ему нужен заместитель начальника охраны. А кто тебе такое говорил? Конечно, решай. Но сегодня ты их устрой. Если этим займусь я, ты больше его не увидишь. Не забыл мой адрес? Спасибо – это хорошо, но мало! Это уже лучше. И Катерину обязательно захватишь, а

то моя по ней соскучилась. Ладно, я им скажу, чтобы ждали внизу.

Он положил трубку на рычаг и посмотрел на Алексея.

– Всё понял?

– Спускаться и ждать во дворе? – спросил тот.

– Сейчас приедет дежурная машина, и вас отвезут в общежитие для семейных сотрудников. Завтра утром за тобой зайдут и отведут куда надо, а там уже будут решать, нужен ты им такой умный или нет. Понял? Если решат, что не нужен, из общежития выселят. У них свободны только две комнаты, поэтому абы кому не дадут. Думаю, что у вас всё будет хорошо, но если нет, заходи. В охрану на любом предприятии устрою без проблем. Зарплата у них не меньше, а работа намного спокойнее, и почти на каждом заводе есть места в общежитии.

* * *

– Товарищ директор! – в кабинет заглянул новый секретарь. – Звонили с КПП. Приехал Капустин с двумя сопровождающими. У всех документы на полный допуск. Сейчас им выписывают пропуска.

– Хорошо, Виктор, как появятся, пусть заходят.

Капица не долечился и чувствовал себя паршиво, а тут ещё принесло столичных визитёров. Приехавшие появились через полчаса.

–Здравствуйте, Пётр Леонидович! – поздоровался Капустин, заходя в кабинет в сопровождении одного из своих

спутников. – Познакомьтесь с Игорем Львовичем Кожиним. Это новый директор объекта. Здесь уже нет надобности в присутствии учёного вашего уровня, поэтому можете вернуться в Москву. Возьмите этот конверт, в нём перечень нескольких мест работы. В зависимости от того, что вы выберете, вам предоставят квартиру ближе к месту работы.

– А мой прежний институт? – спросил Капица. – Его нет в вашем перечне?

– Там другое руководство, – ответил Капустин. – Люди давно и нормально работают. Если хотите, можем создать в нём отдельную лабораторию. Прежде чем что-то решать, лучше прочесть всё, что вам предлагают. Вы неважно себя чувствуете?

– Сильно простыл и десять дней лежал дома. Надо бы ещё полежать, но уже не вмоготу. Как быстро я смогу уехать?

– Сдадите дела и можете уезжать. Только раньше передайте своё решение. Надо ещё подготовить квартиру и помочь вам переехать. Я оставляю вам Игоря Львовича, а сам хочу встретиться с Самохиным. Не скажете, где он сейчас?

– Он уволился и уехал вместе с женой, – ответил Капица, с интересом ожидая реакцию Капустина.

– Как уволился? – не понял тот. – Он не мог сам ни уволиться, ни уехать!

– Приехал подполковник из министерства с приказом и настоял, чтобы быстро оформили. После этого Самохины собрались и уехали. Мебель оставили, так что новый директор

может занять их квартиру, она не меньше моей.

– Так вот почему у вас новый секретарь! – зло сказал Капустин. – Как мне узнать фамилию этого подполковника?

– Сходите в бюро пропусков, там должны знать. – Капица подождал, пока Капустин выйдет из кабинета и обратился к новому директору: – А вас, Игорь Львович, я сведу с главным инженером. Я почти не занимался вопросами эксплуатации, а он в курсе всех дел. Пока я ещё здесь, займите кабинет Самохина. Он был у меня одним из замов. И советую занять его квартиру. Там не только мебель, там вообще всё оставлено. Они взяли с собой только одежду, так что вселяйтесь и живите.

* * *

– Говоришь, служил в ВДВ? – спросил полковник, разглядывая стоявшего возле стола парня. – И где конкретно?

– Разведка, – лаконично ответил Алексей.

– И чему тебя там научили?

– Прежде всего – дисциплине, – позволил себе улыбнуться Алексей, – а вообще многому. Думаю, что в боевом отношении у вас для меня немного противников.

– А если мои ребята повозят тебя носом по матам? – насмешливо сказал он.

– Это вряд ли, товарищ полковник, – ответил Алексей. – Я был в полку одним из лучших.

– Проверим, – сказал полковник, берясь за телефон. – Громов? Вот что, Николай, кто у тебя сейчас свободен из ре-

бят? Мне нужно два-три человека проверить одного новичка. Утверждает, что он твоих ребят одной левой... А? Хорошо, мы сейчас спустимся.

Он положил трубку на рычаг и поднялся из-за стола.

– Пойдём, нас ждут в зале. Учти, у нас не любят хвастунов.

Не побьют, но повозят носом по матам.

– А если ничего не выйдет? – спросил Алексей.

– Тогда будем разговаривать дальше.

Разговор продолжили через полчаса в том же кабинете, только, кроме них двоих, в нём присутствовал молодой майор, который, наверное, и был Громовым.

– Я понял, что ты не наглец и правильно себя оценил, – сказал полковник, садясь за свой стол. – Как стреляешь?

– Снайпер, – ответил Алексей. – Профессионально могу водить все виды транспорта, только нет документов. Так что могу работать у вас шофёром.

– Это хорошо, что у тебя нормально с юмором, только пока придержи его при себе. Что скажешь, Николай? Использовать его на обычной работе глупо, а отдать тебе нельзя. У тебя одни офицерские должности, а я не могу дать ему ничего выше старшины.

– Ну так и дайте старшину, – посоветовал Громов, – и определите в ППС. Мы имеем право привлекать их к работе, вот и привлечём. Тебя как зовут? Алексей? Можешь позаниматься с нашими офицерами? У тебя интересный стиль боя, никогда такого не видел.

– Могу, – согласился Алексей, – только у них должно быть желание, иначе ничего не выйдет.

– Пришлось демонстрировать свои таланты, – говорил он жене двумя часами позже. – Почувствовал, что ещё немного – и мне укажут на дверь. Потребность в кадрах у них была, но не такая, чтобы из-за неё отдавать нам одну из двух свободных комнат, тем более не офицеру, а старшине. А в заводскую охрану идти неохота. Как тебе комната?

– Жить можно. Хотя после нашей последней квартиры...

– Это понятно, – согласился Алексей. – Метраж небольшой, но мебель есть и проход между ней тоже имеется. Сегодня сдвинем кровати, и я передвину стол к окну. Да, ещё поменяю замок. Коменданту об этом не скажем, но нам не нужны здесь посторонние. Так, дверь нужно уплотнять. В коридоре курит какая-то сволочь, а нам тянет дым.

– А если попросить не курить? – спросила Лида. – Или здесь можно?

– По идее, нельзя. Я уточню у коменданта, только большинству курильщиков плевать на правила и твои неудобства, лишь бы им было удобно. Они понимают только силу, а её нежелательно применять. Здесь почти все офицеры, а я только старшина. Рукоприкладство к старшему по званию, причём неважно, что не на службе, а в быту. Даже если не привлекут, врага себе наживёшь. А таких здесь должно быть много. И самое главное, что они все свои, а я пока чужак. Это не значит, что я буду подставлять лицо под плевки, но

и сам не стану нарываться на неприятности. Тебя это не касается. Если прицепится какая-нибудь сволочь, можешь использовать всё, чему я учил. В этом случае я смогу действовать, наплевав на звания.

Дверь приоткрылась и к ним в комнату заглянул мужчина лет сорока в гражданских штанах, майке и с дымящейся папиросой во рту.

– Новенькие? – спросил он, выпустив в комнату клуб дыма.

Лида, ничего не говоря, подошла к двери и резко выбросила руку, впечатав ему кулак в горло.

– Открой, пожалуйста, форточку, – попросила она мужа, закрывая дверь. – Слушай, а он не встаёт. Я не могла его...

– Хороший удар! – оценил Алексей. – Только бить надо было в челюсть и немного быстрее, а лучше совсем не драться. У тебя получилось, потому что он такого не ожидал. Надо опять с тобой заняться, да пока негде. Да не бойся, живой он. Слышишь, матерится?

– Что засунул, по тому и получил, – ответила Лида. – Мне и так было неудобно бить из-за его роста. А об его челюсть я ободрала бы себе костяшки.

Минут пять проветривали комнату, потом из-за холода пришлось закрыть форточку. Вскоре в их дверь требовательно постучали. На стук вышел Алексей.

– Чем обязан? – спросил он коменданта – невысокого полного мужчину с пышными усами, одетого в галифе и китель

без знаков различия.

– Откройте дверь! – потребовал тот.

– Не могу! – развёл руками Алексей. – У вас в коридоре так накурено, что хоть вешай топор. И это зимой. Я не читал правила, но почти уверен, что ими это запрещено. А тут ещё всякие хамы без спроса лезут в нашу комнату с папиросами в зубах. Если вы пришли по поводу того, что моя жена выкинула одного такого, то она в своём праве, а он пусть делает выводы.

– А что сделали вы?

– А я его и пальцем не тронул, – улыбнулся Алексей, – просто не успел. Но жене сделал внушение. В следующий раз будет бить по-другому.

– Вам надо отсюда уходить, – сказал комендант. – Это не шутки. Майору Лыкову придётся обратиться к врачу. А насчёт курения я не смогу ничего сделать. Здесь курят почти все, в том числе и женщины. Как ваша жена думает готовить на кухне, если там курят во время готовки? Будет драться с жёнами офицеров? Так они её саму отлупят. А о сегодняшнем случае я обязан доложить.

– Слышала? – спросил Алексей, вернувшись в комнату. – Против лома нет приёма, а мы с тобой не наведём здесь свои порядки. Нужно срочно искать комнату или начинать курить. Завтра попробую что-нибудь найти. Пока обойдёмся без готовки. Здесь недалеко есть столовая, походим туда. Нам ещё не хватало драк с женщинами!

С утра не получилось заняться поисками жилья, потому что за ним прислали дежурную машину.

– Как это понимать, старшина? – спросил полковник. – Устраиваем драки и калечим сотрудников, которые намного старше вас по званию? Нам такие не нужны! Никакая полезность не заменит дисциплины. Что можете сказать?

– Моё заявление к вам было ошибкой, – спокойно ответил Алексей. – Хотел максимально реализовать свои способности на пользу обществу, да, видно, зря. Считайте, что я забрал заявление. И общежитие мы вам освободим. Если не задержите, постараюсь сделать это уже сегодня.

– Из-за чего случилась драка?

– Я не знал, что всё общежитие курит, иначе никогда туда не вселился бы, – начал объяснять Алексей. – Мы с женой не курим и не переносим этой гадости, а там в коридорах и на кухне нечем дышать. И из-за холода толком не проветришь. А пострадавший майор влез без стука к нам в комнату с папиросой и надымил. У меня жена молодая и не всегда может сдержаться. Я просто выпер бы это хамло, тем более что на нём не было формы, а она не удержалась и врезала. Комендант мне потом сказал, что он не в силах с этим бороться и мне не советует. Совет был один – убираться оттуда в какое-нибудь другое место, что я и собрался делать с утра. Теперь нужно искать жильё. Деньги у меня пока есть, остаётся найти комнату.

– Если всё так и было, мы не станем привлекать её к от-

ветственности, – сказал полковник, – но предупредите, что проявляем снисхождение в первый и в последний раз. Чтобы больше не распускала рук. С поисками комнаты поможем, только у вас уйдёт половина жалования на её оплату. На что собираетесь жить?

– Жена отличный художник. Она не только умеет бить морды, ещё неплохо их рисует. Если не хватит денег, заработает. Я сейчас не нужен, товарищ полковник?

– Куда торопишься? Сказал же, что найдём квартиру.

– Жена волнуется, – объяснил Алексей, – и она голодная. Продуктов мы ещё не покупали, хотели с утра сходить в столовую, но не успели, а сама она не пойдёт.

– Голодная жена – это страшно, – согласился полковник, – особенно такая, как твоя. Можешь идти. Машины не даю, доберёшься сам. Здесь три остановки троллейбусом.

Лида действительно проголодалась и сильно переживала за мужа. Решив заглушить голод водой, она вышла из комнаты и прошла на кухню, в которой были две раковины для мытья посуды. На одном из трёх составленных в ряд столов стояла электроплитка, на которой жарила что-то мясное пожилая невысокая женщина.

Лида поздоровалась и, стараясь не обращать внимания на запах, от которого рот сразу наполнился слюной, подошла к мойкам. Посуды не было, поэтому она принялась пить из-под крана.

– Ты что делаешь, шальная? – Женщина, отставила ско-

вородку и оттащила Лиду от воды. – Пьёшь ледяную воду! Совсем нет ума?

– Сильно захотелось пить, – объяснила смутившаяся девушка, – а мы только вчера въехали и не успели разжиться посудой. Да и плитки, я смотрю, у всех свои.

– Конечно, свои. А нельзя попросить? Или после вчерашнего не хочешь ни к кому обращаться? За что ты приголубила нашего майора? Неужели приставал? Раньше за ним такого не водилось. Хотя ты очень славная.

– Не поэтому, – ответила Лида и рассказала, как было дело.

– Только из-за папиросы? Ну и глупо! Здесь многие курят, а нравы... тоже простые. Если не хочешь, чтобы к тебе заходили без приглашения, запирай дверь. Здесь все так делают. А ты сразу драться. Он почти не мог говорить, но не пустил жену разбираться, никому не стал объяснять, и я уверена, что не жаловался. А вот комендант наверняка доложил. Получается, что ты нарушила закон и нанесла побои работнику милиции. Знаешь, что за такое бывает? Вот я и говорю, что дура! И никто здесь тебя не поймёт, все осудят, даже некурящие. Я сама не курю и не испытываю радости от табачной вони, но рук не распускаю.

– И долго вы здесь живёте?

– Третий год и, я надеюсь, последний. В следующем мужу обещали квартиру. Вот и терпим. Это, милая, общежитие, здесь не все под тебя, а ты под остальных должна подстраи-

ваться. А если не можешь, тогда уходи.

– Мы думаем уйти и снять комнату, – сказала Лида.

– И чем будете за неё расплачиваться? Звание-то у мужа какое?

– Обещали старшину. А деньги заработаем.

– Детский сад, – вздохнула женщина. – Мой муж майор, и то нам накладно снимать комнату. Заработаем! Не так они просто зарабатываются! Что ты глотаешь слюну, голодная?

– Хотели с утра пойти в столовую, а мужа срочно вызвали.

– Горе луковое! Пойдём, угощу тебя хоть чаем с печеньем, пока твоего мужа чихвостят за вчерашние художества.

Женщина взяла сковородку с котлетами и пошла к выходу из кухни. Жила она через две комнаты от Самохиных.

– Садись за стол, – пригласила она Лиду, – а я сейчас схожу на кухню поставлю чайник. Что уставилась на папиросы? Не мои это, муж курит.

* * *

– Здравствуйте, Алексей Александрович! – поздоровался Капустин.

– Здравствуй, Яков Фёдорович, – сказал Кузнецов. – Как съездили? Есть результаты?

– Директора заменил, а по вашему распоряжению ничего сделать не смог. Федотов в пожарном порядке отозвал Самохина в министерство. Ему тут же оформили увольнение и вывезли с женой в Кунгур на машине директора. О спешке свидетельствует ещё то, что он не стал ждать, пока офор-

мят расчёт, и оставил в квартире не только очень качественную и дорогую мебель, но вообще всё. С собой забрал только несколько чемоданов с одеждой.

– Вы не звонили Петру Васильевичу?

– Я не стал беспокоить министра, послал своего человека в их кадры. Алексея уволили на основании его собственного заявления.

– Они всех так увольняют?

– Формально он имел право уволиться, – пожал плечами Капустин. – Я хотел поговорить с подполковником Ярцевым, которого посылали с проверкой, но он в длительной командировке.

– Плохо! – сказал Кузнецов. – Вне всякого сомнения, Самохины люди Берии. Пока он был жив, они не хотели идти вам навстречу, а стоило ему умереть, и они тут же срываются с места, бросая всё нажитое. И похоже, что госбезопасность им помогает.

– Мы не тронули руководство министерства после смерти Лаврентия Павловича, – со значением сказал Капустин.

– Полагаете, он оставил им приказ на случай своей смерти? Очень похоже. Но это только подчёркивает важность Самохиных. Товарищ Сталин высоко их ценил и передал Берии, а вот Берия почему-то не захотел с нами делиться.

– Может, не успел? – предположил Капустин. – У товарища Сталина было время. Кстати, есть один человек, который может пролить свет на причины пребывания этой семьи

в Кунцево. Полковник Старостин был в то время порученцем Сталина и, по свидетельству охраны, много занимался Самохиными и близко сошёлся с Алексеем.

– Поговорите с ним, Яков Фёдорович, – сказал Кузнецов. – Как коммунист он должен помочь. Если начнёт ссылаться на секретность, задействуем министерство. Что у нас по самому Алексею?

– Его идеи нашли экспериментальное подтверждение, но от большинства пока мало пользы.

– Почему? – спросил Кузнецов. – Есть причины?

– Причина одна, – ответил Капустин, взглянув в глаза Генеральному секретарю. – По мнению физиков, мы пока не доросли до их практического применения.

– А майор ГБ, значит, дорос? Книжки, которые дали такой толчок энергетике, его?

– Думаю, да. Он работал вместе с Гольдбергом, когда проводилось их предварительное изучение, а потом долго консультировал учёных.

– И это при том, что он сам внешне совсем мальчишка.

– Я считаю, что в его случае не стоит обращать внимания на внешность, – сказал Капустин. – Я несколько раз с ним разговаривал и могу утверждать, что он старше, чем выглядит. То же касается и его жены. На вид Лидии лет шестнадцать, но на должности секретаря показала себя превосходно. Она делала за Капицу всё, что не касалось науки. И по разговору она тоже гораздо старше.

– У нас ничего нет, кроме этого полковника?

– Есть ещё одна ниточка, – нерешительно сказал Капустин, – не знаю только, стоит ли за неё тянуть. Охрана Кунцево показала, что Самохин приехал туда вместе с сыном Сталина. И за несколько дней до этого Василий посетил отца. Если учесть, что в то время он ездил к нему не каждый месяц, это наводит на мысль, что на Сталина Алексей вышел через него.

– Очень логичный ход, – одобрил Кузнецов. – А почему не хотите трогать Василия?

– Он после смерти отца немного не в себе, – объяснил Капустин. – Его даже на время отстранили от командования. Полагаю, лучше вначале поработать со Старостиным, а Василия оставить на тот случай, если полковник откажется помочь.

– А с дочерью Сталина не говорили? Она часто бывала у отца.

– Я не хотел бы её привлекать.

– Какие причины?

– Она очень сдружилась с Самохиными, и, по словам одного из телохранителей, влюбилась в Алексея. Вряд ли она знает то, что нам нужно, а если что-то знает, не скажет.

– Действуйте, Яков Фёдорович. Этот Алексей через Василия вышел на Сталина с чем-то очень важным, и это не могли быть научные книги. С ними его направили бы в Академию Наук или, скорее всего, в ведомство Абакумова. Да и

Василий не мог никого привезти в Кунцево без разрешения отца. Значит, Сталина чем-то заинтересовали, да так, что он несколько месяцев держал этих Самохиных у себя. Зачем? У нас Алексей консультировал учёных, похоже, что он и на даче давал консультации. Может быть, и там были свои книги? Если это так, Сталин наверняка передал их Берии, как и всё остальное. Значит, нужно поискать ещё и в этом направлении. Но этим я озадачу Федотова.

Этот разговор имел продолжение на следующий день.

– По вашему лицу могу предположить, что с полковником ничего не получилось, – после обмена приветствиями сказал Кузнецов. – Ничего не знает или не стал говорить?

– Второе. Ему, видите ли, приказал молчать сам Сталин! Заявил, что считает Самохина другом и уверен в том, что он не причинит вреда государству. Всё, что мог, он уже передал руководству страны, а если уволился и уехал, значит, были основания. И вообще, если ему доверял товарищ Сталин...

– Новый подход имеет и недостатки, – заметил Кузнецов. – Года три назад ответ был бы другим. Сделаем так. Я договорился с Федотовым, что вас допустят к бумагам, которые были в кабинете Берии и его домашнем сейфе. Если ничего в них не найдёте, возьмёмся за Василия Сталина, а полковника оставим на крайний случай. Раз не захотел открыть добром, придётся уламывать с помощью министра.

* * *

–Здравствуйте, Ангелина Васильевна! – поздоровался

Алексей с хозяйкой дома.

Когда он уходил на службу, она спала, поэтому они сегодня не виделись.

– Здравствуй, Лёша, – ответила она. – Что-то ты сегодня рано вернулся.

– Отпустили на время, – объяснил он. – Сегодня надо задержаться на службе. Лида дома?

– Сидит в вашей комнате и рисует. Вы бы на неё подействовали, Лёша. Нельзя так мало есть и много работать! Она у вас такая худая и бледная, что прямо хочется плакать!

– Я подействую, – пообещал он, снимая сапоги.

Они уже три недели жили в этом доме, и он был доволен всем, за исключением удалённости от места работы и чрезмерно заботливой хозяйки, которая взялась опекать его жену. Одинокая шестидесятилетняя Ангелина Васильевна буквально влюбилась в свою постоялицу. Будучи сама полной женщиной, она считала худобу одним из смертных грехов, а стройность Лиды в её глазах ничем не отличалась от худобы. Выяснив, что девушка любит сдобу, Ангелина начала каждый день печь пирожки и угощать ими жену. На него такая забота не распространялась.

– Ты стала быстрее работать, – сказал Алексей, заставив Лиду вздрогнуть. – Рисуешь две недели, а портрет почти готов.

– Ты хоть бы кашлянул, – недовольно сказала она. – Подкрался и напугал. Что так рано?

– Отпустили на тебя посмотреть, – пошутил он. – Кое-кто заболел, поэтому придётся дежурить. Позже обещали прислать машину. Можно сжевать пирожок?

– Не перебивай аппетит. Сейчас закончу и тебя накормлю. А пирожки возьмёшь на дежурство, а то зайдёт Ангелина и будет меня потом пилить из-за того, чего я тебя ими угощаю. А портрет рисовать ещё столько же.

– Не надумала его продавать?

– А что ты так колотишься? У нас мало денег?

– Нет, тут другое, – сказал Алексей, взял с тарелки пахнувший ванилью пирожок и сел так, чтобы его не застала врасплох хозяйка. – Во-первых, надо легализовать наши доходы, а во-вторых, я не хочу, чтобы ты днями напролёт смотрела на свою несостоявшуюся любовь. И если мы продадим его местным чекистам, твою работу увидят многие, а не только мы с Ангелиной.

– Посмотрим, что получится, и захотят ли они его брать и вешать на всеобщее обозрение. Для них лучше нарисовать Железного Феликса. Ты звонил Громаковым?

– Позвонил, но Елена Николаевна сказала, что они не могут выбрать время. А я думаю, что баба с возу – кобыле легче. Не хотят, и не надо. Людям предлагают за так нарисовать портреты, а они кочевряжатся. Тебе же лучше. Когда-нибудь за твои работы будут драться лучшие музеи мира!

– Потомки Капицы обогатятся, – засмеялась Лида. – И у Светланы остались два портрета. Она выклянчила твой и на-

верняка забрала с дачи портрет отца. Когда потеплеет, нарисую Успенский собор или хотя бы какой-нибудь вид покрасивее, а то всё творчество – одни портреты. Ладно, Берия подождёт, а ты сейчас умрёшь от голода. Иди мыть руки, а я согрею обед.

Днём печь топилась постоянно, поэтому разогреть борщ было делом нескольких минут. Лида сидела рядом с мужем и с удовольствием смотрела на то, как он ест.

– Что ты на меня так уставилась? Ни почавкать, ни обливать тарелку, – пошутил он.

– Лёш, – сказала Лида, – ты не думал над тем, чтобы сделать копии книг и подбросить их кому-нибудь из правительства? Один раз печатал, почему бы не повторить?

– А почему это так тебя беспокоит? – спросил Алексей.

– Я подумала, что если у них будут эти книги, то, может, у меня всё-таки будет ребёнок?

– Не хочу с этим спешить. Наберись терпения, года два-три точно пройдёт.

* * *

– Что сказал полковник? – спросил Кузнецов.

– После моего рассказа о разговоре с Василием Сталиным, он перестал упираться и добавил к тому, что нам известно, много интересных подробностей, – довольно сказал Капустин. – Подтвердил, что Самохины действительно пришли из будущего и сумели это доказать. И самое главное, что книга была не одна. Он точно не помнит, но их было то ли

пять, то ли шесть. Самохин принёс их в виде пластинок, на которые наклеивалось много кадров крошечной фотоплёнки. Их можно было читать с помощью специального устройства или сделать фотографии страниц. Алексей распечатал только одну книгу и то не полностью. Потом для Сталина их кто-то печатал. Берия всё прочитал, когда приезжал на дачу. А Самохин писал расшифровку непонятных слов, а потом отвечал на вопросы Сталина.

– Какую расшифровку? – не понял Кузнецов.

– Мне тоже было непонятно, но Старостин объяснил. В будущем появятся новые слова, а некоторые из известных сейчас приобретут другие значения, а книги писались для современников, поэтому без объяснений не всё поймём.

– И Сталин после этого их отпустил!

– Значит, поверил, – сказал Капустин. – Они предложили помощь сами, ничего не попросив взамен. И ценность Самохина в научной программе неоспорима. Он ведь консультировал ещё и Курчатова. Водородная бомба уже готова, а без его помощи провозились бы ещё с год.

– А как они доказали Сталину, откуда пришли?

– В книгах очень много фотографий, кроме того, у Самохиных был прибор связи из будущего и какое-то оружие. При его работе можно было видеть собеседника, но не так, как на экране телевизора, а в воздухе возникали цветные и объёмные изображения.

– Узнали ещё что-нибудь?

– Он добавил, что Самохина великолепно рисует. Ей позировал Сталин, и так остался доволен работой, что подарил именно оружие.

– И где же этот портрет?

– После смерти отца забрала Светлана. Ещё раньше она выпросила у Лиды портрет Алексея. Я посетил её и посмотрел обе работы. Выполнено талантливо. Алексей на портрете как живой, а Сталина я не узнал.

– Неужели так непохож?

– Нет, здесь другое. Посмотрите фотокопии. К сожалению, они чёрно-белые. Светлана трясётся над этими портретами, даже поначалу не хотела показывать, а у меня есть на них виды. Я предлагаю прославить Лидию Самохину, и сделать это с помощью портрета Сталина. Его никто не изображал таким человечным, и люди это оценят. А она не сможет сидеть без дела, не удержится и будет рисовать. Пусть у них много денег, но им и многое нужно, в том числе где-то жить. И плохо жить не захотят. Она сама единственная дочь одного из очень богатых людей будущего, а Самохин по профессии военный. Много у нас зарабатывает человек, который умеет стрелять и сворачивать шеи? В армию он не пойдёт, может устроиться в милицию, да и то вряд ли. А на картинах можно неплохо заработать, причём совершенно легально. А если она продолжит по привычке ставить на них свой автограф...

– То найти будет делом времени, – закончил за него Кузнецов. – Эти пластины с негативами были большие?

– Нет, примерно вот таких размеров. И они очень тонкие, умещались в пачке толщиной сантиметра полтора.

– Если бы я ушёл в прошлое, постарался бы подстраховаться, – сказал Кузнецов. – Мало ли что могло случиться с одним комплектом этих плёнок! Их надо найти, Яков Фёдорович, и как можно быстрее!

Глава 20

– И кто его такого купит? – с сарказмом сказал Алексей. – Я понимаю, что между вами любовь и всё такое, но повесить этот портрет на стену в госучреждении...

С обсуждаемого портрета на него с любовью и нежностью смотрел Лаврентий Павлович.

– Это уже не говоря о том, что могут задаться вопросом: где ты его таким видела, – добавил он. – Я не Отелло, но неприятно хранить такое дома. Предлагаю, когда поедем в Москву, подарить твоё произведение его семье.

– Думаешь, его жена обрадуется? – спросила Лида. – Если бы ко мне с твоим портретом заявила какая-нибудь... Ну ты понял. Я точно попортила бы ей внешность. Давай подарим его в художественную галерею! Здесь она точно есть. И вряд ли они откажутся брать. И работа очень хорошая, и по политическим соображениям. Так и сделаем! И попросим Виктора Фёдоровича. Завтра воскресенье, вот и сходим. Надеюсь, тебя не заставят опять работать?

Ему не испортили выходной, и они около двенадцати, купив пирожные, постучали в квартиру Громаковых. Дверь открыла Елена.

– Ребята! – обрадовалась она. – Проходите и раздевайтесь. Муж у соседей, сейчас должен прийти. Что это у вас? Пирожные? Это хорошо, а то Виктор ограничивает меня в слад-

ком. Сам уже не влезает в штаны, а за женой следит! Это картина? Неужели вы нас нарисовали?

– Не вас, – ответил Алексей, – вы пока успешно отбрыкиваетесь. Но из-за этого портрета мы к вам и пришли. В городе есть художественная галерея?

– Есть и немаленькая, – подтвердила Елена. – Виктор заведует культурой в горисполкоме, так мы с ним несколько раз ездили. Там не только много картин, есть и иконы. А вы хотите поместить туда свою работу? Боюсь, что ничего не получится.

– А вы сначала посмотрите, – сказал Алексей, проходя в гостиную. – Сейчас мы его развернём.

Елена долго смотрела на портрет, потом подошла к окнам и раздвинула шторы, после чего осмотр продолжился.

– Это ведь Берия? – спросила она. – Интересно вы его изобразили.

– Я хотела нарисовать его не вождём, а человеком, – объяснила Лида. – Таким, какой он дома со своими близкими.

– Странная тема для начинающего художника, – сказала Елена, – но нарисовано здорово. Что стоите? Садитесь на диван, а я приготовлю чай.

Она ещё раз взглянула на портрет и ушла на кухню.

– У нас гости! – сказал в прихожей Виктор. – И кто?

– Мы это, Виктор Фёдорович, – отозвался Алексей. – Володины.

– А, герой пришёл! – обрадовался Виктор. – И жену с со-

бой взял. Молодец! Меня на днях благодарило ваше начальство. Ценного, говорят, кадра нашёл. Слышал, тебя собираются представить к награде. Расскажешь за что или это секрет?

– А почему я об этом не знаю? – спросила Лида. – Что ты натворил? Колись!

– Как-нибудь потом, – поспешно сказал Алексей. – Виктор Фёдорович, посмотрите на этот портрет.

– Великолепная работа! – оценил тот. – Руководитель партии и правительства, погибший на посту! Только он у вас какой-то не такой.

– Потому к вам и пришли, – сказал Алексей. – Сначала хотели продать портрет нашим чекистам, но потом передумали. Лида изобразила Лаврентия Павловича таким, какой он, по её представлениям, в кругу семьи, вот мы и решили с вашей помощью подарить эту работу в городскую картинную галерею. Можно попросить моё начальство, но вам это проще сделать.

– Попробую, ребята, но ничего не обещаю.

– Садитесь за стол, – выглянула с кухни Елена. – Только сначала помойте руки. И учти, Виктор, что это не я покупала пирожные, ребята принесли.

* * *

– Пётр, ты ещё не смотрел сегодняшнюю «Правду»? – спросила мужа Анна Алексеевна.

– Нет, – ответил Капица. – А что в ней?

– Большая статья о нашей Лидочке и портрет Сталина её работы. Пишут, что ещё никто из художников не изображал его так талантливо и для этой работы она долго жила на его даче. Теперь этот портрет выставят в Третьяковской галерее. Хотят найти остальные работы и сделать экспозицию. Вот слушай, что написали: «Несмотря на свой возраст Лидия Самохина уже успела нарисовать немало замечательных картин. Мы просим тех, к кому они попали, прислать их в адрес Государственной Третьяковской галереи. Если владельцы согласятся, картины у них выкупят, если нет, то после согласованного срока им их вернут вместе с вознаграждением. Узнать её работы можно по автографу в правом нижнем углу». И здесь же в статье приводят автограф. Совсем такой, как на наших картинах. Хорошо, что мы уже в Москве. Давай позвоним в Третьяковку. Я думаю, будет лучше, если на её картины посмотрят многие, а не только мы и твои коллеги. Только твой портрет продавать нельзя, отдадим им на время.

* * *

– Ну вот, портрет пристроили, можешь рисовать дальше, – довольно сказал Алексей, когда они простились с Громаковыми и вышли на улицу. – Советую нарисовать Ангелину Васильевну и назвать картину «Портрет русской толстушки».

– Зря смеёшься! – улыбнулась жена. – Вот возьму и нарисую. Она очень хорошая женщина с трудной судьбой. Это она с тобой не делится, а мне многое рассказывает. Ей будет тяжело, когда мы уйдём.

– У неё есть дети? – спросил Алексей. – Я ни разу не видел, чтобы хоть кто-то приходил навестить или помочь. Даже дровишки рублю я, только мне почему-то не достаётся еёготовки.

– Были два сына. Один погиб на войне, а другой... другого тоже нет. Бросил её и уехал, забрав перед этим из дома всё ценное и последние деньги. А мужа никогда не было. И не вздумай осуждать, нет в этом её вины. Расскажи лучше, из-за чего тебя решили наградить, и почему этот факт твоей героической биографии не доведён до моего сведения. Что жмётся? Выкладывай как на духу!

– Да не было ничего особенного, – недовольно сказал Алексей. – Ну участвовал в операции нашего уголовного розыска в Собинке. Пришлось немного помахать руками и пострелять. Года три-четыре назад это было обычным делом, а сейчас стали отвыкать от перестрелок. Одного из парней у нас тогда ранили, ну а мы взяли их всех. Трёх уже холодными и двое отделались побитыми мордами.

– Морды, небось, сам бил?

– Пришлось, – пожал он плечами. – Если бы не я, их там тоже положили бы. А так наши следаки вытянули немало полезного. Начальство оценило. А тебе не говорил, чтобы не волновалась.

– А ты подумал обо мне, когда полез геройствовать?

– Ну вот, началось! Малыш, я работаю в милиции или устроился дворником? А если в милиции, то в ней иногда

стреляют. Успокойся, это случается редко. И я не лезу сдуру под пули. А погибнуть можно от чего угодно. Сосулька упадёт на голову, машину занесёт или съедят не тот гриб. А ты у меня сильная и умная и в случае чего сама всё сделаешь. Эй, а драться-то зачем?

– Я вышла за тебя замуж, чтобы потерять и остаться одной в этом диком мире? Отвечай, не то ещё не так тресну! Хочешь помереть и даже не оставить мне ребёнка? Так знай, что я в тот же день застрелюсь из своего пистолета! И плевать я хотела на весь остальной мир! Понял? Вот и живи так, чтобы этого не случилось!

* * *

–Здравствуйте, Алексей Александрович! – поздоровался Капустин. – Знаю, что вы скоро уезжаете, поэтому забежал буквально на пару минут.

– Слушаю вас, Яков Фёдорович, – сказал Кузнецов.

– Прежде всего хочу сказать о картинах. Кроме двух портретов, которые мы забрали у Аллилуевой, ещё четыре картины передал академик Капица. Всё выставлено в Третьяковке. Пока других предложений не поступало. Как вы знаете, в бумагах Берии ничего не нашли, вот я и подумал... Почему мы решили, что Сталин всё ему передал? Книги он читал на даче, может, они на даче и остались?

– Возможный вариант, – согласился Кузнецов. – И что вы предлагаете?

– Вы не ставили в известность Вознесенского?

– Пока нет. Думаете надо?

– Мы можем привлекать к работе госаппарат, минуя правительство, но это ограничивает наши возможности, да и узнают рано или поздно. В Кунцево сейчас музей, и я не могу приехать в него с обыском. Да и много я там найду? Нужно привлекать Федотова, а делать это в обход главы правительства... Я думаю, что Пётр Васильевич и так уже доложил о моей активности.

– Не хотелось бы выглядеть в глазах Вознесенского фантазёром, – задумался Кузнецов. – Доказательств много, но они все косвенные, либо просто слова. В другом случае их было бы достаточно, но уж больно о диких вещах идёт речь. И не хочется расширять круг людей, посвящённых в историю с книгами. Но вы правы: без толковых следователей работать тяжело. Я поговорю с Николаем Алексеевичем, а вы подумайте о том, что можно сказать Федотову.

Разговор Генерального секретаря с председателем Совмина состоялся на следующий день. Кузнецов коротко рассказал историю Самохиных и обо всём, что было сделано после их исчезновения.

– Интересно, – сказал Вознесенский. – Я слышал об их жизни в Кунцево и, как и все, терялся в догадках, чем это было вызвано. А об участии Самохина в атомном проекте и создании новых электростанций слышу в первый раз. Да и эти работы в институтах... Говоришь, совсем молодой?

– По документам должно быть двадцать пять, но внешне

не тянет даже на двадцать, хотя высок и физически хорошо развит. А по разговору можно дать тридцать. Жена смахивает на несовершеннолетнюю пигалицу, правда, необыкновенно красивую. Но на месте секретаря освободила Капицу от всей рутинной работы. Персонал отзывался о ней, как о прекрасном организаторе.

– И ещё талантливый художник. Интересная семейка. Всё бросили и уехали? Да, похоже на бегство. Но это уже ваша вина. Вместо того чтобы спросить самого Берия или попросить это сделать меня, вы начали на них давить в обход него. И что я подумал бы на их месте после его смерти? Конечно, что опять заявиться твой Капустин и снова начнёт давить. Но на этот раз его уже не больно пошлешь. Ладно, я поговорю с Федотовым. Ты прав, Берия оставил им какие-то инструкции насчёт Самохиных. Не верю я в то, что это может быть чья-то инициатива. Какая нужна помощь?

– Дай ему распоряжение выделить в помощь Капустину оперативную группу из трёх-четырёх опытных работников. Люди должны быть такие, которых можно допустить к любым секретам и после этого оставить в живых. Нужно тщательно обыскать внутренние помещения дачи. Там может быть тайник с книгами.

– Не верю я, если честно, ни в каких пришельцев, – сказал Вознесенский, – но история интересная и таинственная. Что-то важное за всем этим, безусловно, стоит. Держи меня в курсе и скажи своим, чтобы предприняли меры против

утечки. Федотов недавно сообщил, что нашей электростанцией заинтересовались на Западе. Когда начнём строить запланированные пять реакторов, их интерес взлетит до облаков, а у нас где-то бегают человек, которому известны все секреты. Пусть он не побежит их продавать, но ведь есть и другие возможности. Если на них выйдут и нажмут на него через жену, всякое может быть. Так что найти их нужно в любом случае, а потом будем разбираться.

– Вот и объясни всё Федотову. Помогли сбежать, пусть теперь сами ищут. Только чтобы работали деликатно. Самохины не враги, нам просто нужно убедить их вернуться. Или заставить, но без применения крайних мер.

На следующий день следственная группа МГБ вместе с Капустиным выехала в Кунцево. Перед отъездом старший группы майор Вехлин передал Капустину запечатанный конверт.

– Приказали отдать вам. Здесь паспортные данные семьи Самохиных. Новая их фамилия Володиных. Возраст немного уменьшили, особенно у жены Алексея. Сейчас запущен их поиск по прописке. Должны уложиться в неделю, но, скорее всего, найдём раньше. Теперь по нашей работе. Что именно нужно искать?

– Несколько книг, – ответил Капустин. – Содержание их неизвестно, и вам нежелательно с ним знакомиться. Помимо книг, могут быть и записи. Всё это где-то спрятано.

– Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что, –

резюмировал Вехлин. – Ну что же, поищем. Прятал сам хозяин или кто-то другой?

– Скорее всего, Сталин, так что начинать нужно с его комнат.

– Маловато нас для такой работы, – предупредил Вехлин. – Площадь поисков очень большая, поэтому не рассчитывайте на быстрые результаты.

Первый день прошёл безрезультатно, а на второй за деревянной облицовочной панелью кабинета обнаружили связанную кипу исписанных листов. Часть записей была сделана рукой Сталина, остальное, судя по образцу почерка, писал Алексей Самохин.

– Сталин писал вопросы, Самохин на них отвечал, – докладывал Кузнецову Капустин. – Кроме того, есть записи, где Алексей комментировал отдельные события, делая ссылки на книги и номера страниц. Есть ещё два листа с объяснением слов. Слова пронумерованы и начинаются с трёхсотого. Остальные листы отсутствуют. Книг пока не нашли, но там работы самое малое на неделю. Скорее, раньше найдём Самохиных, чем книги.

На следующий день позвонили из Третьяковки. В музей прислали картину с автографом, идентичным тому, который приводился в «Правде». Имя и отчество художницы совпали, не совпала фамилия, но директор Владимирской картинной галереи решил, что её перепутал кто-то из его работников.

– Нашли, – сообщил по телефону Капустин. – Они во Владимире. Оттуда прислали портрет Берии с автографом Самохиной. Я сейчас в музее. Интересная, надо сказать, картина. Сегодня уже поздно, а завтра с утра возьму людей и отправлюсь туда.

* * *

Рабочий день подходил к концу, когда Алексея нашёл дежурный и приказал срочно явиться к полковнику. В кабинете вместо начальства сидел улыбающийся Капустин.

– Что же это вы, Алексей Николаевич, доставляете столько хлопот? – спросил он невозмутимо смотревшего на него Самохина. – Знали бы, сколько мне пришлось побегать! Теперь с вас коньяк!

– Надеюсь, не ящик, – сказал Алексей. – С вашего позволения, я сяду. Как нас нашли?

– По портрету Берии, – объяснил Капустин. – Ваша жена теперь известна на весь Союз. У неё даже своя экспозиция в Третьяковской галерее.

– Умно, – признал Алексей.

– Вам и без этого недолго оставалось бегать, – сказал Яков Фёдорович. – За поиски взялось министерство, а ваши документы они делали сами.

– Что же случилось, если они на это пошли? – поинтересовался Алексей.

– Прямой приказ Вознесенского. Они могли прикрыть вас от меня, если бы я действовал по своей инициативе, но не

от первых лиц.

– Сами виноваты, – сказал Алексей. – Помниться, я спрашивал, кто за вами стоит, но ответа так и не получил. И чего вы хотите сейчас?

– Я должен привезти вас в Москву, разумеется, вместе с женой. У вас есть какие-нибудь сведения о книгах или микроплёнки?

– Всё-таки раскопали. Раз спрашиваете, значит, сами книги не нашли. Кололи Старостина? Надеюсь, без применения крайних мер?

– За кого вы нас принимаете? – изобразил обиду Капустин. – Он упирался до тех пор, пока не узнал, что мы говорили с Василием Сталиным, а потом рассказал всё, что знал. Вы не ответили на мой вопрос.

– А вы – на мой. На кого работаете? Раз, по вашим словам, к работе подключили председателя Совмина, это должен быть Кузнецов. Я прав?

– Правы, – кивнул Капустин.

– Вот с ним я и буду разговаривать. И не стоит напоминать мне моё место, подумайте лучше о своём. Не все государственные тайны полезны для здоровья.

– А вы сами?

– Послушайте меня, Яков Фёдорович! Я к этим тайнам не рвался и не упрашивал делать меня их носителем! С каким удовольствием мы с Лидой всё сбросили бы со своих плеч!

– И кто же вам не даёт сбросить их с плеч? Хотите, под-

ставлю свои?

– Сейчас это бесполезный разговор. У меня есть выход на книги, но об этом я буду разговаривать с Кузнецовым или с Вознесенским, а лучше сразу с обоими. У вас есть с собой машина?

– У меня три машины. Мы ехали из Москвы своим транспортом.

– Вот и дайте мне одну. Надо съездить за женой и забрать вещи. Если хотите, можете ехать со мной. Всем эскортом туда являться не стоит: это будет смахивать на арест.

– Тяжёлый вы человек, Самохин, – вздохнул Капустин. – Ладно, сейчас дам машину. Сколько вам нужно времени?

– С час. Плохо, что в Москве будем ночью. Не могли приехать раньше?

– Ну вы и тип! Выезжая во Владимир, я знал только о портрете, вас ещё нужно было найти, а это тоже время.

– Какой есть, – поднялся со стула Алексей. – Вас бы на моё место. Здесь сами уладите дела? Хорошо, тогда давайте машину.

К дому подъехали на сто десятом ЗИСе. Кроме шофёра, в нём сидели два офицера ГБ.

– Значит, так! – сказал он дёрнувшимся следом за ним офицерам. – Стоять возле калитки и в дом не входить. Были бы вы в гражданском, куда ни шло, а так напугаете хозяйку до смерти. Тебя как зовут? Михаил? Вот ты и пойдёшь со мной, поможешь с вещами.

Забрав шофёра и оставив возле машины недовольных офицеров, он вошёл в дом и сказал встретившей в прихожей хозяйке:

– Съезжаем мы от вас, Ангелина Васильевна! Ничего не поделаешь – вызывают в Москву!

Жена работала в их комнате за мольбертом.

– Лида, нас ждёт машина, – сказал Алексей. – Уезжаем в Москву. Я начинаю собирать вещи, а ты успокой хозяйку. И вот ещё что... Если начнёт сильно убиваться, спроси, согласится ли переехать к нам. Конечно, это при условии, что появится такая возможность. Всё поняла? Поговорим потом, а то сейчас сюда примчится толпа офицеров.

Он отдал шофёру два чемодана с летними вещами и бельём, которые они не открывали, а сам стал собирать саквояж. Когда затянул ремни, возвратился шофёр и пришла заплаканная жена.

– Ты-то чего ревёшь? Лида, сейчас Миша отнесёт саквояж, а ты переодевайся в дорогу и собирай свои краски. Михаил, скажи, что нам нужно минут десять, чтобы уложить вещи и переодеться. Последний чемодан я возьму сам.

– Она согласна, – сказала Лида, вытирая лицо. – Мы действительно её возьмём?

– Если будет куда и позволит наше положение. Малыш, шевелись быстрее! Нам ещё часов пять ехать. Давай уложу кисти и краски. Картину вместе с мольбертом положим отдельно. Так, я всё забираю, иду к машине и жду тебя.

Сопровождавшие встретили его появление с видимым облегчением. Уже хорошо, значит, не арест, иначе хрен бы кто его слушал. Алексей положил в багажник последний чемодан, а сверху пристроил мольберт с холстом.

– Нечего вам мёрзнуть, – сказал он офицерам. – Садимся в машину и ждём. Сейчас выйдет жена, и поедем.

Лида вышла не одна, её провожала плачущая хозяйка. У калитки девушка поцеловала её и выбежала на улицу.

– Садись, – сказал открывший дверцу Алексей. – Всё, поехали.

Когда подъехали к горотделу милиции, в машину сел Капустин.

– Прекрасно выглядите, – сделал он комплимент Лиде. – Михаил, поезжай за головной машиной. Алексей, могу вас обрадовать: в милиции вы больше не служите. Сохранили настоящие документы? Если хотите, можно восстановить вашу работу в министерстве.

– Там будет видно, – неприязненно ответил Самохин.

Появление Капустина опять круто меняло жизнь, а к худу или к добру эти перемены, ещё предстояло выяснить. Он сохранил самообладание, хотя прекрасно понимал свою зависимость. Ни о каких условиях не могло быть и речи. Стоит им взяться за Лиду, и он сделает всё, что потребуют.

– Куда едем? – спросил Алексей. – То, что в Москву, понятно. Куда нас определяют?

– Переночуете в гостинице ЦК, а где вам жить потом, ре-

шать буду уже не я.

С час выбирались из города, после чего смогли увеличить скорость. Дорога заняла часа четыре, и потом поколесили по Москве, пока не остановились у гостиницы «Октябрьская». Формальности заняли несколько минут, после чего Самохиных проводили в номер и принесли в него вещи.

– Я могу быть уверен в том, что вы никуда не исчезните? – спросил Капустин.

– Я похож на идиота? – сказал Алексей. – Не собираюсь я никуда бежать. Сказали бы тогда, что от Кузнецова, вообще никуда не бегали бы. Если не верите, ложитесь в гостиной, там есть где пристроиться.

Он думал иначе, но прекрасно понимал, что теперь их не оставят без присмотра и не дадут убежать.

– Как они нас нашли? – спросила Лида, когда их оставили вдвоём.

Номер мог прослушиваться, но Алексей не видел в этом ничего страшного. Пусть слушают, если есть желание.

– Вознесли тебя на вершину славы и устроили выставку картин в Третьяковке. Не веришь? Об этом сказал Капустин. Забрали у Светланы портреты, после чего расхвалили в газетах и написали, что примут с распростёртыми объятиями всех, у кого есть твои работы. Наверное, напечатали твой автограф.

– Дура! – сказала о себе Лида.

– Хватит заниматься самобичеванием, – сказал Алексей. –

Давай ложиться спать. Раз за нас взялось правительство, нашли бы и без твоих картин. Новые документы делали в министерстве, так что даже в какой-нибудь глуши только дольше погуляли бы.

– И что теперь?

– Слышала, что сказал Капустин? Завтра будут решать, что с нами делать. Придётся делиться информацией раньше, чем я планировал. Надеюсь, что разговор будет с первыми лицами и я в них не ошибся.

– А если нет?

– А если нет, то пусть этот мир спасает себя сам! – разозлился Алексей. – Что ты накручиваешь себя раньше времени? Сейчас мы ничего не можем сделать, только надеяться на ум Кузнецова с Вознесенским. Со Сталиным и Берией договорились, а они должны быть не глупее. Постараюсь убедить в своей правоте. А ты ложись и спи, пока не подвело живот от голода. Говорят, здесь много ресторанов, но все уже закрыты. Можешь помолиться нашему покровителю о ниспослании руководству здравого рассудка.

– Ты это серьёзно? – не поверила она.

– Ты как хочешь, а я ложусь спать! – сказал Алексей, снимая пиджак.

Когда приезжали за вещами, он сменил милицейскую форму на костюм и снял кобуру с метателем. Лида тоже начала раздеваться, достав перед этим из чемодана халат. Минут через десять они выключили свет и легли в кроватки.

ти. Дневная нервотрёпка, неопределенность положения и нарастающее чувство голода долго не давали заснуть, поэтому поднялись, когда за окнами начало светать.

– Подъём! – скомандовал проснувшийся первым Алексей. – Вставай, соня, уже девятый час. Пока приведёшь себя в порядок, пока поедем... Я не думаю, что нам с тобой дадут долго валяться.

Когда около девяти вышли из номера, в коридоре их уже ждали.

– Далеко собрались? – спросил Капустин, рядом с которым стояли двое крепких мужчин в гражданском.

– Мы хотим есть! – сказала Лида. – Если я умру от голода, будущие поколения вам этого не простят. Лучше покажите, где здесь общепит, чтобы мы не искали.

– У вас есть в вещах что-нибудь ценное? – спросил Капустин Алексея.

– Только деньги и ордена, – ответил тот. – То, что вас интересует, у меня с собой.

– В вашем номере подежурят, – сказал он, делая знак одному из своих людей. – Оставьте ему ключи, а сами идите за мной. Сейчас позавтракаете, только попрошу делать это быстрее: через час нас ждут в Кремле.

Вкусный и сытный завтрак немного поднял настроение.

– Яков Фёдорович, – обратился к Капустину Алексей, когда вернулись в номер за верхней одеждой, – у меня есть необычное оружие, которое не рискнул здесь оставить. Но и

брать его с собой... Придётся сдавать, а охране Кремля ни к чему его видеть.

– В номере подежурит наш человек. Оставьте своё оружие. Покажите, что оно собой представляет.

– Пожалуйста, – Алексей расстегнул и снял пиджак, после чего освободился от кобуры с метателем. – Вот эта штука, похожая на пистолет. Действует только в моих руках.

– Положите в любой чемодан и быстрее одевайтесь! – поторопил Капустин. – Нам ещё ехать до Кремля, а вам проходить контроль. Возьмите документы и идём.

До назначенного срока они успели, хоть и впритык.

– Подождите в приёмной! – сказал заметно нервничавший Капустин. – Вам скажут, когда заходить.

Сам он о чём-то переговорил с секретарём и вошёл в кабинет. Через несколько минут пригласили и их. Кроме Кузнецова с Капустиным, в большом и почти пустом помещении никого не было. Самохины прошли по красной ковровой дорожке к стульям, которые поставили для них в пяти шагах от стола генсека.

– Я хочу, чтобы вы рассказали о себе сами, – сказал Кузнецов, после того как поздоровались и они сели. – Мы знаем о вас слишком мало, чтобы начинать с вопросов.

– Я расскажу, – согласился Алексей. – Жаль, что меня не послушали и здесь нет Николая Алексеевича. Его всё равно нужно во всё посвящать. А вот насчёт товарища Капустина я в этом не уверен. Лично против него ничего не имею...

– Яков Фёдорович вёл ваше дело и достаточно много узнал, – перебил его Кузнецов, – и я ему доверяю.

– Как хотите, – пожал плечами Алексей, – тогда слушайте. Помимо обычных вулканов на Земле есть вулканические образования, которые люди назовут супервулканами. Извержение таких вулканов в тысячи раз мощнее обычных. Они бывают раз в сотни тысяч лет и сопровождаются масштабными геологическими и климатическими катастрофами. При этом иной раз гибнет значительная часть всего живого. Когда в две тысячи сорок втором году началось извержение такого вулкана на территории Соединенных Штатов, больше трёхсот миллионов американцев погибли в первые же часы. В атмосферу были выброшены тысячи кубических километров пыли, которые превратили день в ночь на несколько лет. Сильно похолодало, и во многих странах прошли дожди из раствора серной кислоты, погубившие и растительность, и животный мир. В последующие годы от голода умерли миллиарды людей. До света и тепла дожили очень немногие. Меньше других пострадали Россия и Австралия. Россия даже приняла часть населения Америки и Европы.

– Мне показалось, или вы специально говорите «Россия», подразумевая не часть СССР, а самостоятельное государство?

– Вам не показалось, Алексей Александрович. В конце века Советский Союз распался на союзные республики, в которых был реставрирован капиталистический строй. Од-

новременно прекратили существовать социалистические режимы во всех странах Восточной Европы. Коммунизм строили только в Китае, но он у них был очень специфический.

– А в чём причина такого распада?

– Крах экономики, вызванный действиями одного из генеральных секретарей, многочисленными ошибками других и непомерными расходами на оборону. Но этот вариант будущего уже начал меняться. Умер Хрущёв, который должен был стать этим секретарём, и очищены руководящие органы партии.

– Значит, смертью Хрущёва мы обязаны вам?

– Мне вы обязаны жизнью! – сказал Алексей. – И вы, и Вознесенский. В моей реальности вас обоих расстреляли после смерти Жданова в рамках так называемого Ленинградского дела в пятидесятом году. А перед этим в течение года пытали и допрашивали. Дело было сфабриковано Маленковым и Хрущёвым, и, кроме вас, пострадали сотни партийных работников. Сталину подсунули сфабрикованные доказательства вашей вины. Я не знаю, почему он не разобрался и не стал вмешиваться. В книгах об этом ничего не было.

– И что было после развала? – спросил побледневший Кузнецов.

– Распад Союза вызвал разрыв связей между тысячами предприятий, что ещё больше усугубило экономический кризис. Ну и Запад не оставил нас своим вниманием. Кроме того, все почему-то сразу забыли о братстве народов. У нас

остались хорошие отношения только с белорусами. Не буду об этом рассказывать, потом почитаете сами. Скажу только, что после страшных невзгод и невиданного ограбления народа началось восстановление экономической и военной мощи, но прежнего уровня мы так и не достигли.

– Теперь перейдём от мировых проблем к вам. Кто вы?

– Посланцы бога, – улыбнулся Алексей. – Не верите? Я тоже не верил ни в бога, ни в чёрта. В чёрта я и сейчас не верю, а в отсутствии бога уже сомневаюсь.

– И что даёт основание для таких сомнений?

– Путешествия во времени в прошлое принципиально невозможны. Это вывод не современной науки, а той, которая будет через сто лет. И молодость людям возвращать так и не научились.

– А вам вернули?

– Нас, Алексей Александрович, не только сделали моложе на пятнадцать лет, нам вообще убрали старение.

– Это как? – не понял Кузнецов.

– С тех пор как мы стали молодыми, прошло больше года. В нашем возрасте за год люди заметно меняются. Так вот, у нас нет этих изменений.

Глава 21

– И для чего это, по-вашему, было сделано? – спросил Кузнецов.

– Я могу только строить предположения, – сказал Алексей. – Судя по тому, что с нами происходит, кто-то не хочет, чтобы итогом развития человечества стали его гибель или вырождение. Сам он не хочет или не может действовать, поэтому использует нас. Помимо перемещения во времени и молодости, была и другая помощь. Нам необыкновенно везло на участливых людей. Похоже, что эта сила мягко подталкивала их проявлять к нам сочувствие и оказывать помощь. Да и мне самому иной раз приходили в голову мысли, скорее всего, навязанные свыше.

– Можете привести примеры?

– В самом начале мне нужно было добраться до Москвы и где-то переночевать. Документов не было никаких, а одет я был в костюм получше вашего. Представили такого типа, бегущего поздно вечером по обочине дороги в Москву? Возле меня тормознула машина с военными, которые без разговоров довели до города, а один из офицеров отдал ключи от своей квартиры, чтобы я мог переночевать. Пусть он хороший человек, а в квартире давно не было ничего ценного, всё равно поступок нехарактерный. Когда меня забросило в будущее, большую помощь оказал один историк. Он скепти-

чески отнёсся к моему рассказу, но тем не менее помог, причём дал не только ту информацию, которую я у него просил, но и книги по вашему времени. Не было никаких оснований считать, что я вернусь обратно в прошлое, но меня словно кто-то подталкивал под руку, заставляя изучать историю и готовить микрофильмы с книг.

– Я не понял, – сказал Кузнецов. – О каком будущем вы говорите?

– Об этом я ещё не рассказывал. Я жил в Советском Союзе и был перенесён из семьдесят восьмого года в две тысячи шестьдесят пятый. Там уже узнал и о развале Союза, и обо всём, что было дальше. И фильмы смотрел, и в книгах об этом читал. А Лида сама из того времени. Мы там поженились и с тех пор вместе.

– Кем вы были в своём времени? – спросил Кузнецов.

– Офицером Главного разведывательного управления Генерального штаба, а Лида – дочерью одного из крупных промышленников. По настоянию отца окончила Промышленный университет и два года проработала директором одного из его заводов. Потом бросила.

– Почему?

– Я у отца одна, – объяснила Лида, – а ему был нужен наследник. Мужа у меня не было, детей тоже, оставалась я сама. Но это не моё, хоть работала вроде неплохо. Я хотела рисовать, но живопись была никому не нужна.

– Насколько богат был ваш отец?

– Он входил в первую десятку олигархов России. А к чему этот вопрос? Той жизни уже нет и никогда не будет. Отец знал, что если у Алексея всё получится, то его мир исчезнет, но помог. Если бы не эта помощь, нас бы здесь не было.

– Расскажите о книгах.

– Книг несколько, – начал Алексей, доставая пакет с микрофишами. – Четыре из них – это биографии Генеральных секретарей партии. В них описана история СССР до конца века. Даже если наша история пойдёт совсем по-другому, многое в мире повторится. И это будут не только такие природные явления, как засухи или наводнения, но и социальные изменения в разных странах. Поэтому книги по-прежнему представляют ценность. В пятой собрана информация по американскому супервулкану. Вы не всё в них поймёте. Мне пришлось делать комментарии для Сталина, отвечать на его вопросы и объяснять значения новых слов.

– Почти все эти записи сохранились, – сказал Кузнецов, – а вот сами книги мы так и не нашли. Непонятно, почему такой предусмотрительный человек, как Берия, ничего о них не сказал.

– Я думаю, что у Берии не было книг, он лишь прочитал их в Кунцево, – сказал Алексей. – Сталин наверняка отдал бы ему книги, если бы не внезапная смерть. Он знал, что в моей реальности умер в пятьдесят третьем году, поэтому не торопился с передачей книг. Я не знаю, почему он прожил меньше. Я отдаю вам микрофиши, но прошу вернуть после

снятия копий.

– Зачем они вам? – удивился Кузнецов. – Теперь это дело правительства.

– Давайте я объясню, – сказал Алексей. – Эти книги нельзя размножать и отдавать в работу многим. Пользоваться ими можете вы, Вознесенский и, возможно, два-три ваших ближайших помощника. Я прав?

– Скорее всего, так и будет.

– Пятую книгу я не показывал бы никому, кроме вас и Николая Алексеевича. Почему – сейчас поймёте, но прежде поговорим о другом. Я уже отдавал книги в руки государства в лице товарища Сталина. И где они? Если бы я не оказался предусмотрительным и не захватил второй комплект фотокопий, вам пришлось бы верить мне на слово. Вам должно быть понятно, что если бы я явился к Сталину и начал объяснять такие вещи на словах, то быстро попал бы к товарищу Абакумову, да не на ковёр, а в подвал. В более поздние времена таких сажали в психушку. Сейчас у власти нормальное руководство, почищена партия и взяты под контроль органы, но вы не можете дать гарантии, что так будет всегда. Природа у людей такая, что, пока существует власть, они будут за неё бороться. Кто окажется на вашем месте через десять или двадцать лет? Меня не интересуют книги о генсеках, это просто доказательный довесок к пятой книге. Что бы ни делало человечество, в положенный час разразится катастрофа, и у нас есть все шансы к ней подготовиться. И не в спеш-

ке, что чревато большими потерями, а за сотню лет. Это даст возможность сохранить своё население и выбрать полезных беженцев из других стран. А когда климат начнёт возвращаться к исходному, перед нами окажется почти свободная от людей планета. Мы можем спасти даже часть растительного и животного мира, погибшего в катастрофе, и позже восполнить потери.

– А не хотите предупредить американцев?

– И не подумаю. Не получится собрать жизненные ресурсы, чтобы кормить население Земли двадцать лет. Если те же американцы начнут готовиться к катастрофе, они будут делать это за счёт других. А об Америке и американцах расскажу тогда, когда прочитаете книги, сейчас вы мне не поверите. Даже если бы у меня была возможность их спасти, я не стал бы этого делать. Отдельных американцев спас бы, всю нацию – нет. То же касается и многих стран Европы, в первую очередь Западной. Врагов спасают только блаженные, и мы не давали им поводов к вражде.

– Вы будете у нас хранителей тайны? – сказал Кузнецов. – Даже если всё так, как вы говорите, я не могу отдать такие материалы постороннему человеку, пусть вас выбрал хоть сам Господь Бог!

– Можно сделать по-другому, – предложил Алексей. – В России была служба с длинным названием – министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий

стихийных бедствий. Обычно использовали сокращение – МЧС. Это была военизированная организация, в которую входили пожарные, спасатели и работники гражданской обороны, обеспечивающие живучесть населения в войнах с применением оружия массового поражения. Можно создать что-то подобное в ранге комитета при Совете министров. Пусть занимается землетрясениями, пожарами и другими бедствиями и потихоньку готовится к Судному дню. Сейчас рано проводить какие-то масштабные мероприятия. Слишком много должно пройти времени, да и возможности государства пока ограничены. Хватит и того, что начнём строить реакторы. По мере роста возможностей займёмся строительством необходимых подземных производств, закладкой в зоне вечной мерзлоты складов с продовольствием, ну и многим другим. Я думаю, что для меня найдётся работа такой службе, заодно буду хранить микрофиши.

– Старостин говорил о каком-то приборе связи, – сказал Кузнецов. – Вы можете его продемонстрировать?

– Если заработает. Не знаю, насколько разряжены накопители. Коммуникаторы у нас с собой.

Алексей вызвал Лиду, и она тоже включила связь. Их голографические изображения возникли на несколько секунд, потом замерцали и исчезли.

– Разрядились, – сказала Лида. – Жаль.

– Сделаем так! – решил Кузнецов. – Сейчас вам определяют место для проживания. Ездить по городу будете под охраной.

Это не из-за недоверия, а мера предосторожности. Нам долго с вами работать, так что со службой определимся позже, а пока обживайте квартиру. И напишите пояснительную записку по предлагаемому вами комитету. Его состав, задачи и необходимые средства.

– Я отведу вас в свой кабинет, – сказал Капустин Самохиным, когда они попрощались с Кузнецовым и вышли в приёмную. – Подождёте там, пока я договорюсь насчёт квартиры. Как у вас с деньгами? Спрашиваю потому, что в квартире может не быть мебели. Я могу достать казённую, только стоит ли? Вам долго там жить.

– Хватит у нас денег, – ответил Алексей, – только организуйте машину и людей. Вы правы: казённая мебель нам не нужна. Да и помимо мебели нужно многое покупать.

Они спустились на один этаж и прошли в конец коридора. Капустин открыл дверь и впустил их в кабинет. Он сделал несколько телефонных звонков, после чего сообщил о результатах:

– Нашёл вам трёхкомнатную квартиру на Арбате. Освободилась на днях на Поварской улице. Одна комната небольшая, но две другие очень просторные. Сказали, что осталась мебель.

– А куда делись хозяева? – спросила Лида.

– Ничего такого, о чём вы сейчас подумали, там не было, – усмехнулся Капустин. – Жила семейная пара лет под восемьдесят. На днях старик похоронил жену, а наутро умер

сам. Непонятно, почему их не уплотнили, но это уже неважно. Сейчас поедem в гостиницу за вашими вещами, а потом на квартиру. Посмотрите, может, по первому времени устроит их мебель. Говорят, что у прежних жильцов не осталось близких родственников.

Дом был явно дореволюционной постройки. Просторная прихожая, высоченные потолки и даже камин в одной из комнат, красиво украшенный изразцами. Сами комнаты тоже были просторными. Их размеры не сильно скрадывала громоздкая, но красиво сделанная старинная мебель. Были даже два ковра на стенах, и один лежал на полу в гостиной.

– Вовремя успели, – сказал Капустин. – Обычно в подобных случаях из квартир растаскивают всё ценное, а здесь сохранились даже сабли на ковре. А обстановка богатая, видно, непростые старики здесь жили. Смотрите сами, что менять. Я не буду этим заниматься, пришлю людей.

– Мы осмотримся, а потом решим, – отозвался Алексей. – Это не горит. А вот легковую машину завтра пришлите. Наверняка придётся покупать разную мелочёвку или продукты. К вам будет просьба через месяц, привезти из Владимира хозяйку дома, который мы там снимали. Адрес я скажу.

– Зачем она вам сдалась? – удивился Капустин.

– Она одинокая женщина и привязалась к жене, как к дочери. Когда уезжали, обещали забрать к себе.

– Хорошо, – согласился он. – Скажете, когда привозить. Машину на завтра обеспечу, остался телефон.

– А это не он подключался? – спросил Алексей, показывая на обрезанный кусок телефонного провода в прихожей.

– Всё-таки спёрли! – с досадой сказал Капустин. – Хорошо, что есть линия. Товарищ, подойдите сюда!

– К вашим услугам! – подбежал к секретарю домоуправ.

– Услуга от вас потребуется только одна! – сверля его взглядом, сказал Капустин. – Чтобы через час здесь стоял телефонный аппарат! Не найдёте тот, который отсюда украли, поставите свой! Где второй комплект ключей? Давайте сюда. Здесь вы больше не нужны, идите заниматься телефоном. Алексей, я ухожу, а позже узнаю ваш номер и позвоню. Сами по городу не мотайтесь. Видели столовую на углу? Вот в неё можете ходить без охраны, больше никуда! Мне говорили, что у вас остался пистолет.

– Есть тот, который выдавали в министерстве.

– Вот и прекрасно. Я не смогу уделять вам много времени, у меня своя работа. Завтра подойдёт прикреплённый сотрудник, с которым будете решать свои дела. Скажите номер ствола, и он оформит удостоверение. И чтобы без оружия не выходили. Это и вас касается, Лидия Владимировна. Подарок товарища Сталина не потеряли? Пользоваться умеете?

– Не потеряла, – ответила Лида, – и пользоваться могу, даже есть разрешение.

– Завтра, перед приездом машины, придёт слесарь. Он поменяет замки во входной двери. Оружие из будущего у вас заберут. Начнёте работать – вернут. Хранить будете в слу-

жебном сейфе, квартира для этого не годится.

– Очередная квартира! – сказала Лида, когда уехал Капустин. – Станет ли она по-настоящему нашей? Или и из неё придётся уходить? А ты ещё хочешь привезти сюда Ангелину!

– А ты не хочешь? Я ведь потому и не спешу, чтобы определиться с положением. Надо передать ей деньги, пусть заплатит соседям, чтобы присмотрели за домом. Ей здесь лучше, а тебе не стоять у плиты. Известная художница должна творить, а не печь булочки. И спальня для неё есть. Мебель здесь старомодная, но красивая и добротная, поэтому я думаю её не менять. Вот часть домашней утвари заменим, и вынесу во двор ненужные нам вещи стариков. Кому надо, возьмут.

Они с полчаса осматривали содержимое комода и двух шкафов, когда постучали в дверь.

– Вы сможете его подключить? – спросил домоуправ, протягивая Алексею телефонный аппарат. – Моя вина: не уследил, а соседи унесли. Больше ничего не нужно? Ну тогда я побежал!

Когда определились с вещами, отложив многое на отдачу, зазвонил подключённый Алексеем телефон и Капустин продиктовал их номер. После этого сообщил свои номера для рабочего и домашнего телефонов и отключился.

– Вещи я вынесу позже, – сказал жене Алексей, – а сейчас вооружаемся и идём в столовую. Пообедаем, а заодно и по-

ужинаем. Плохо, что нет холодильников и первый этаж. Был бы балкон, можно было бы хранить продукты и меньше мотаться по магазинам.

Столовая находилась рядом, большой очереди в это время не было, и поели очень хорошо. Проголодались, конечно, за полдня, но и готовили здесь вкусно.

– С тех пор как мы сюда попали, прошло всего два с половиной года, а снабжение продовольствием заметно улучшилось, – сказал на обратном пути Алексей. – И не только в Москве, во Владимире тоже. Мы-то не успели заметить, но я спрашивал у ребят. Понятно, что из хороших продуктов и готовка вкуснее. Я думаю, что будем пользоваться этой столовой.

Когда пришли домой, он в два приёма вынес вещи стариков во двор и сложил на лавочку. После этого Лида занялась уборкой, а Алексей менял ей воду в ведре и вытирал пыль там, где она не доставала.

– Хватит! – наконец сказал он. – Отдохни, и так всё блестяще. Позже разложим вещи, а сейчас я займусь кроватью. Застелем гобеленом и поменяем бельё, а завтра купим новые одеяла. Составила список покупок? Значит, отдыхаем.

Через час они легли в кровать.

– Лёш, что если квартиру прослушивают? – задыхаясь после поцелуя, сказала Лида. – Если я начну...

– Вряд ли, – ответил он. – А если слушают, то чёрт с ними! Пусть завидуют!

Говорят, что на новом месте плохо спится, но Самохины этого не заметили. После долгих ласк и бурного финала быстро заснули и проспали до рассвета. Утром, до прихода слесаря, успели сходить позавтракать, а сразу же после его работы приехал порученец Капустина.

– Сергей Анатольевич Вехлин, – представился он, показывая своё удостоверение. – Майор. Временно прикрепили к вам. Есть какие-то проблемы?

– Я видел вас в министерстве, – сказал ему Алексей. – Заходите в комнату. Может, обойдёмся одними именами? Мы с вами в одном звании, я, правда, от своего отказался.

– Не имею ничего против, – ответил Вехлин, заходя в гостиную. – Здравствуйте, Лидия Владимировна.

– Тогда и я для вас просто Лида, – улыбнулась ему Самохина. – У нас пока нет вопросов, разве что найти мне кобуру для этого красавца.

Она протянула ему свой пистолет.

– «Вальтер-ППК». – Он прочитал дарственную надпись Сталина и почтительно вернул ей оружие. – Сегодня же сделаю. Номер вашего ствола, Алексей?

– Возьмите, – Самохин отдал ему лист бумаги. – А это оружие, которое нужно передать на хранение. Машина у вас есть?

– Да, я оставляю её вам. Подбросите меня в министерство, а потом пользуйтесь.

По магазинам ездили полдня, но купили всё, что было в

списке. Дома долго раскладывали покупки, а потом пошли обедать.

– Иди дорисовывать свою Ангелину, – сказал Алексей жене, когда вернулись домой, – а я начну работать над пояснительной запиской для Кузнецова.

На черновик записки ушло два часа, потом Алексей переписал её начисто и вложил в заранее купленный конверт. На следующее утро отдал свою работу Вехлину, который приехал в одиннадцать и привёз Лиде кобуру.

– Передам, – сказал Сергей о конверте. – Возьмите своё удостоверение. Чем думаете заниматься? Машина нужна?

– Не знаю, – ответил Алексей. – Задание выполнил, а другой работы пока нет. И жена не будет весь день стоять за мольбертом. Достали бы вы билеты в какой-нибудь театр? А то мы два года трудимся как заведённые и ни разу никуда не выбрались.

* * *

– Впечатляет! – сказал Вознесенский. – Я прочёл книги. Первая читается легче других. Почти всё понятно, и не нужно лазить в пояснения. Если правда то, что в ней написано, мы с тобой действительно обязаны им жизнью, да и все остальные пострадали бы из-за этой сволочи. Ты знаешь, что я недолюбливал Лаврентия, хоть он помог мне подняться. Но после прочитанного на многое начинаешь смотреть другими глазами. Без чистки руководства всё так и закончилось бы, как описано в книгах. И Сталин только поддерживал Бе-

рию, всю грязную работу он проделал сам.

– Убедился?

– Не похоже на липу. Уйма фотографий, которые пуп надорвёшь подделывать, да и фантазии ни у кого не хватит. А если ещё работала их связь... Это слишком сложно для чьей-то игры. И потом у него были не только эти книги, учёные тоже многое получили.

– Была ещё одна книга, которую я тебе не давал.

– И в чём причина?

– Первые четыре книги содержат много полезного для нас с тобой и тех, кто будет на нашем месте в этом столетии. А вот последняя не даёт в этом никаких преимуществ, но позволит нашим потомкам собрать человечество в одном государстве, точнее, его остатки. Через сто лет разразится страшная катастрофа, после которой уцелеет только каждый десятый житель Земли. Соединенные Штаты будут уничтожены, при этом погибнут четыреста миллионов американцев. Если как следует подготовиться, можно сохранить своё население и получить для него почти пустой от людей мир. Так вот, истинная цель Самохина и того, кто его послал, состоит в том, чтобы сделать нас инструментом объединения и основой нового человечества. Не дать развалиться СССР, сделать его сильнее других и подготовить к катастрофе. Стоит узнать об этом другим, и в следующем веке разгорится такая битва за ресурсы, что не останется выживших. Большие и относительно свободные территории, которые мало пострадают от

катастрофы, будут только в нашей стране. Догадываешься, к чему это приведёт?

– И кто же послал Самохина?

– Он считает, что это некто вроде бога.

– Ты что, серьёзно? Он, часом, не свихнулся от всех передраг?

– Исключительно здравомыслящий молодой человек. Действительно молодой, больше восемнадцати не дашь, хотя здоровый, как лось. И похоже, что они с женой такими молодыми и останутся. Самохин считает, что это не подарок, а средство дожить до катастрофы и сделать всё, что от них требуется. А мы с тобой убедимся, прав он или нет. Нужно только подождать лет пять и посмотреть на их внешний вид. Он мне много чего говорил, пересказывать не буду. Пущу запись, а ты послушай.

Он включил воспроизведение, и они минут двадцать слушали записанный разговор.

– Возьми пятую книгу, – сказал Кузнецов, передавая Вознесенскому тонкую сшивку фотографий. – А это рассуждения по поводу нового комитета. Самохину его не доверим, но ему можно поручить отдел. Пусть работает на будущее. И эти... микрофиши отдам ему на сохранение. В том, что он говорит, есть резон. Почитай, обдумай, потом обсудим. И нужно очертить круг работников, которых частично посвятим в историю с книгами. Конечно, ни о Самохиных, ни о пятой книге никто не должен знать. Если создадим комитет,

узнает только его руководитель.

– Ты уже несколько раз общался с этим Алексеем. Как он тебе? – с интересом спросил Вознесенский, укладывая всё в портфель.

– С ним интересно. Он очень много знает, и если не давить авторитетом, то говорит что думает и доказательно аргументирует своё мнение. Так он категорически против того, чтобы экономическая выгода приносилась в жертву политическим интересам. В отдельных случаях и очень ненадолго можно пойти на уступки, но это не должно становиться системой. Помогать нужно, но надо брать за свою помощь достойную цену. Друзья, которых нужно подкармливать, для него не лучше врагов. И в книгах мы прочитали, чем обирается такая дружба. Он настаивает на том, что все ресурсы государства должны быть направлены на внутренние нужды. Если мы станем сильнее других, если наш народ будет жить лучше остальных, не потребуются пропаганды коммунизма. Я не во всём с ним согласен, но кое в чём он меня убедил.

– И в чём же? – спросил Вознесенский.

– Помнишь, была дискуссия о возможной продаже технологии новых реакторов? Не сейчас, а лет через двадцать. Мол, обеспечим себе первенство, а потом ещё заработаем на патентах.

– Я тогда сказал, что это несвоевременный разговор. Пройдут эти двадцать лет, тогда посмотрим.

– Он утверждает, что подобное было бы большой ошибкой. Весь цикл производства и сборки реакторов хорошо прикрыт, поэтому что-то узнать очень сложно. Та же ситуация и с накопителями, и в них всё гораздо сложнее. Реакторы и накопители очень скоро позволят изменить всю жизнь. Не нужна газификация, а протянуть линию электропередачи – это не строить газопровод с его подстанциями. А вот нашим друзьям и на Запад газ поставлять нужно. Это и источник валютных поступлений, и политический рычаг. Об этом тоже читали. А если поделимся секретами, обойдутся без газа. Хотя когда мы вырвемся вперёд, будет много недовольства.

– Плевать! – сказал Вознесенский. – Танк на накопителях пройдёт до тысячи километров. Не нужны заправщики и привязка к базам снабжения. У них же не только двигатели электрические, уже есть наработки по электромагнитной пушке и боевым лазерам. И такой выигрыш почти во всём. Есть сложности в переводе на электричество реактивной авиации, но конструкторы утверждают, что это дело времени. А после армии возьмёмся за гражданский транспорт. Электромобиль меньше обычного авто, гораздо дешевле и не отравляет воздух. Делиться этим с кем-то? Я читал, как все вооружения, которыми мы снабжали союзников, потом использовались НАТО. Нам хоть кто-нибудь что-то дал, чем-нибудь поделился? Сами копировали с их образцов. Так что Самохин прав: станем сильными и не гавкнет ни одна собака. Американцев не больно-то кусали, а у наших обгрызли все

пятки, хотя мы давали для этого меньше поводов. Нам бы только быстрее восстановить экономику, тогда сможем удивить очень многих.

* * *

– Можешь меня поздравить, – сказал Алексей, не дожидаясь вопроса жены. – Теперь я начальник Управления продовольственных резервов и один из четырёх замов нашего министра.

– Всё-таки министерство, а не комитет? – спросила Лида. – И чем займёшься?

– Решили, что лучше создать министерство. А займусь продовольствием. Нужно создать продовольственные резервы на случай стихийных бедствий и ядерных войн. А если таких войн не случится, съедят в следующем веке. В моё время такие резервы тоже были, правда, не в тех объёмах, в каких нужно нам. Хранили, а когда истекал срок хранения, пускали в продажу, заменяя свежим. Такая система нас не устраивает. Слишком много мороки, а с будущими объёмами это вообще нереально.

– Ты же сам говорил, что рано заниматься продовольствием.

– Им рано заниматься для катастрофы после взрыва. Мы с тобой сильно изменили историю. У нас не было атомных войн, сейчас я не исключаю их возможности. И стихийные бедствия никуда не денутся, например, засуха в семьдесят втором. Так что продовольствие будем собирать, в первую

очередь это зерно. Но поработаем и на перспективу. Нужно озадачить учёных вопросом длительного хранения продуктов в условиях вечной мерзлоты. С зерном больших проблем нет, а вот мясо, рыба и жиры... Я этим не занимался и не специалист, но уверен, что там много сложностей. Положи в морозилку холодильника кусок мяса или рыбы, а потом попробуй через несколько лет что-нибудь приготовить. Съешь, конечно, если не будет ничего другого, но в морозилке очень холодно и мясо не хранится пятьдесят лет. В вечной мерзлоте не такие низкие температуры. Просто так мясо не положишь, оно успеет испортиться раньше, чем полностью промёрзнет. Даже если закладывать уже замороженное, с ним перед этим нужно что-то делать. Вот пусть учёные и подумают, что именно. И с самой мерзлотой нужно разобраться и найти подходящие места, близкие к транспортным магистралям. Промышленным выращиванием грибов в пещерах можно заняться лет через пятнадцать. Подвести электричество – и вперёд!

– Так просто? – усомнилась Лида.

– Конечно, нет, – он обнял жену. – Нет людей, нет опыта, пока вообще ничего нет, но есть твой муж! Так что даёшь грибы! Хлореллой пока заниматься не будем, кормами из нефти – тоже. Всему своё время.

– Неужели совсем нет людей?

– Из Министерства внутренних дел перейдут люди, которые занимались пожарной охраной, Пономаренко передаёт

несколько своих спецов из министерства заготовок, кое-кого отрываем у Федотова и других министров. Но остальные штаты придётся заполнять самим. Деньги выделены, помещения и транспорт тоже есть, осталось найти нужных специалистов. Этим и буду заниматься в первую очередь. А как дела у тебя? Отвезла в музей портрет Ангелины?

– Отвезла. Приняли и при мне повесили рядом с остальными картинами. Ты знаешь, возле них постоянно стоят люди и смотрят не только на портрет Сталина, но и на всё остальное. Повесили портрет Ангелины, так возле него сразу собралась толпа. И это Третьяковка! Они смотрели на картины, а я на них и думала, насколько эти люди отличаются от тех, кого мы оставили в моём времени. Конечно, не все у нас были дерьмом и не все здесь ангелы, но разницу чувствуешь сразу. Здесь люди живут, там они существовали.

– Ты решила, что будешь рисовать? Советую нарисовать себя. Я не шучу. Если бы во мне была хоть капля твоего таланта, я рисовал бы только тебя. Люди стремятся запечатлеть красоту, а ты наделена в избытке телесной и духовной.

– И когда ты все это рассмотрел? Неужели сразу, как только познакомились?

– Сразу я увидел красивую перепуганную женщину, – засмеялся муж, – потом холёную светскую стерву, а всё остальное...

– Я не могла позволить себе такую роскошь, как искренность. Во всём мире был лишь один родной человек – отец,

но он уделял мне мало внимания. Близких подруг не было, так, приятельницы. За всё в жизни нужно платить, пришлось и мне заплатить одиночеством за миллиарды отца. Думаешь, почему я так в тебя вцепилась? Видел, какие меня окружали мужчины? И на тусовках у подруг они были не лучше. А в тебе я сразу почувствовала силу и внутреннюю чистоту! Я видела, что тебе не нужна, и боролась за тебя, как могла! Сначала была только постель, потом я поняла, что не могу тебя отпустить. Что ты уйдёшь, и для меня всё кончится. Всё случилось быстро, я не могла этому противиться да и не хотела. Как ты думаешь, это не он толкнул нас друг к другу?

– А если даже и так? – Алексей с нежностью посмотрел ей в глаза. – Что это меняет? Какая разница, чем вызвана любовь, если она уже есть? Любовь к тебе придаёт мне силы и заставляет бороться за будущее. Возможно, будь я один, плюнул бы на всё и постарался лучше устроиться в жизни. Так что, может, ты и права, но для меня это не имеет значения.

Глава 22

35 лет спустя

– Лида, подойди! – крикнул Алексей. – Американцы запустили свой реактор!

– Не хочу, – отозвалась жена, которая работала за мольбертом в соседней комнате. – Это было ожидаемо, что они могут сказать интересного? С союзниками поделятся?

– Не хочешь идти – не иди. Жди, пока я посмотрю новости, потом скажу. Незачем нам перекрикиваться.

Алексей ещё десять минут смотрел телевизор, потом выключил и пошёл в маленькую комнату, где жена устроила себе мастерскую.

– Реактор выдал три мегаватта, – сказал он, – следующий будут делать мощнее. А с европейцами поделятся, это и к бабке ходить не надо. Союзникам помогут ради того, чтобы грохнуть наш газовый бизнес и оторвать от трубы Западную Европу. Только без газа они долго не обойдутся, а потом перекроют трубы. Газ и самим пригодится. Ты читала сегодняшнюю газету?

– Не буду я читать, – ответила жена. – Она лежит на столике, можешь взять. Там же и вчерашняя, которую ты тоже не смотрел. Прежде чем браться за газеты, рассказал бы хоть, как у вас идут дела, а то в последнее время стал неразговор-

чивый. Будто и нет в доме мужа.

– Надоело мне всё, Лидочка! Покупаем продовольствие, роём землю, как кроты, и прячем. Дело давно запущено и делается фактически без моего участия. Так, вожу рукой. Подземные производства сейчас строят другие, и слава богу! Мне и грибы уже давно сидят в печёнках! А производство БВК из нефти отдали Комитету по кормам. Со следующего года начнём заниматься хлореллой, но я пока не знаю, кому это поручат.

– И это говорит мой муж! – делано возмутилась она. – Знаешь, как тебя называют в министерстве?

– Знаю! – буркнул он. – Вечный Алекс. Знаешь, как уже надоел этот грим?

– Мне, что ли, поплакаться? – рассердилась Лида, бросая работу. – Ты думаешь, мне ничего не надоело? Регулярно закрашивать несуществующую седину, делать морщины и председательствовать в Союзе художников! Некрологи эти бесконечные! В последнее время заставляю себя братья за кисти! И терплю из-за тебя и твоего дурацкого бога, который лишил меня радости быть матерью! Зачем мне вечная молодость, которую приходится скрывать от людей, если за неё нужно платить такую цену? Я хотела взять ребёнка из детского дома! Напомнить, что ты тогда сказал? Ты остался молод телом, но ведешь себя как старый дед! Когда мы были близки в последний раз? Или тебе уже надоела и постельная работа? Конечно! Столько телодвижений и без ма-

лейшего результата. А то, что мне нужно твоё тепло и хоть капелька радости, уже не в счёт? Ты когда-то говорил, что любовь ко мне придаёт тебе силы, а сейчас жалуешься на их отсутствие! Значит, нет и любви?

– Что ты такое говоришь! – Алексей вскочил и обнял дёрнувшуюся жену. – Прости дурака! Как любил, так и люблю, но мне стало казаться, что ты меня сторонишься. И ещё чувство вины...

– Точно дурак! – она уткнулась ему в грудь и сказала то, что не собиралась говорить: – Лёша, Старостин умер. Мне Галя звонила три дня назад, когда ты был в командировке. Обширный инфаркт. Его уже похоронили. Не хотела тебя расстраивать...

– Ладно, – он погладил её волосы. – Я уже стал к этому привыкать. Пройдёт лет десять, и не останется никого из тех, с кем я начинал, а нам тогда не поможет никакой грим. Хотя многие уже привыкли к тому, что руководство приходит и уходит, а Самохины остаются.

– Недавно видела Кузнецова. Стал старенький и ходит с палочкой. Ему год назад исполнилось восемьдесят. Ещё пошутил, что его стараниями председатели Совмина передают тебя своим преемникам как символ власти.

– Не меня, а книги, – невесело усмехнулся Алексей. – Раньше они были при мне, а теперь я при них. И спихнули на меня министерство, после того как похоронили трёх министров, наверное, чтобы больше не тратиться на похороны.

Я тебе тоже не хотел кое о чём говорить, чтобы не расстраивать. Ещё это испортило настроение. Мне сообщили, что нами всерьёз заинтересовались на Западе. Информация пришла от англичан, но где англичане, там и американцы. Так что нам с тобой увеличивают охрану.

– Да, это паршиво, – согласилась Лида. – Мне было выше крыши и одного телохранителя. Что привлекло этих сволочей? Наш возраст?

– Наверное. И многим известно о моём особом положении в правительстве.

– У меня и так не было настроения работать, а теперь оно пропало окончательно, – сказала Лида, откладывая кисти. – Сейчас будут передавать недельное обозрение новостей. Иди включать телевизор. Посижу с тобой и посмотрю, что делается в мире.

Они прошли в гостиную, где Алексей включил телевизор и пододвинул для жены второе кресло.

– Вчера американцы запустили очередной пилотируемый корабль к своей станции, – сказала она мужу. – Пока не началось обозрение, скажи, что с нашими кораблями. Уже два года никуда не летаем.

– И пока не полетим, – ответил он. – Спутники для разведки, связи и метеорологов запускаем, а пилотируемые полёты – это слишком дорогое удовольствие, которое почти не даёт отдачи. Вот закончим с ядерным двигателем, тогда можно летать. А химия – это несерьёзно.

– И сколько вам с ним возиться? – с иронией спросила Лида. – Даже до взрыва с ним не было больших подвижек. Только слабые реакторы для плазменных двигателей.

– Мы тоже сделаем для плазменных, только мощней раз в пятьдесят, ну и ресурс гораздо больше. Но работы там лет на десять. Так, начали обозрение.

Они замолчали и с полчаса слушали выступление политического обозревателя, прерываемое показом коротких роликов.

– Всё то же самое, – сказала Лида, когда он закончил. – Повсюду собачатся. Войны и в Азии, и в Африке. В Израиле террорист-смертник на машине врезался в автобус. Это уже второй за неделю. Здесь хоть ехали солдаты, а не дети. Опять наши на Кубе сбили американский самолёт. Какой уже по счёту?

– А я знаю? – пожал плечами Алексей. – Наверное, американцы сами потеряли им счёт. Самолёты радиоуправляемые, долго ли их наделать? Смысла в таких полётах нет, разве что трепать всем нервы. И так с помощью спутников прекрасно всё видно. Меня больше беспокоит не Америка, а Китай. Слава богу, что мы не помогали им с атомом, но два года назад они взорвали свою бомбу. Выгадали двадцать лет, но у них будет время нарастить ядерные арсеналы. После того как получили от нас по носу, переключились на Индию и Вьетнам.

– Лёш, а для чего нам столько реакторов? Уже пошли на

вторую сотню и объявляли, что в планах их строительство в трёх следующих пятилетках.

– Окончательно переводим на электричество всю авиацию – это раз! – начал объяснять Алексей. – В этом году вступит в строй завод легковых электромобилей, в следующем – ещё один. Это два! Раньше делали только такси, теперь будут выпускать для личного пользования. А через два года появятся мини-вертолёты. Пока только для организаций, но скоро будут продавать и населению. И потом вам хватило полусотни реакторов, потому что в России осталось всего сто миллионов населения, а у нас его в три раза больше. Так что по планам их число будут доводить до двухсот. Ладно, это суета сует, ты лучше расскажи о своей выставке. Ты думаешь, это здравая идея?

– А ты считаешь нормальным, что полсотни моих полотен висели в Третьяковке? Я хороший художник, но таких много. Чем я заслужила такую честь? Тем, что нарисовала Сталина человеком? Или тем, что кому-то понадобилось нас найти? Пусть лучше желающие ходят на мою экспозицию. Не думаю, что их будет много.

– Когда открытие?

– Завтра в одиннадцать. А что, думаешь приехать?

– Если не случится чего-нибудь ужасного, обязательно буду.

– Как там твоя Людмила? Всё по тебе сохнет? – с иронией спросила Лида. – Очень эффектная женщина, не понимаю, о

чём ты думаешь. Или уже не думаешь, и на меня не хватает сил?

– Она втюрилась так, что уже не в силах этого скрывать, а у меня не поднимается рука её убрать. Работает просто идеально, а перевод у нас однозначно воспринимается как наказание. Я боюсь сломать ей жизнь.

– Рука не поднимается! Лишь бы у тебя не поднялось на неё ничего другого! Если женщина сохнет от любви и ты ничего не можешь ей дать, либо удали её, либо удались сам. Иначе рано или поздно доиграешься! Захочется разнообразия... На меня уже не смотришь!

– Ну ты сама виновата, договорилась! – Алексей вскочил и подхватил жену из кресла. – Теперь держись!

Держалась она долго, у него раньше кончились силы.

– Давно ты не был со мной таким! – счастливо сказала Лида, положив голову мужу на грудь. – Прямо растерзал. Только непонятно, злость это была или любовь?

– Опять дразнишь? – отозвался он и поцеловал жену в макушку. – Или тебе мало?

– А ты способен на большее? Нет? Ну и лежи спокойно, я больше не претендую на твоё внимание. Слушай, Лёш, может ну его, этот ужин? Не хочу вставать. Давай раньше заснём?

Утром пришла горничная, которая быстро приготовила завтрак. Когда они поели, явилась гримёр, которая сначала поработала с Алексеем, а потом занялась Лидой. Он и

уехал первым. Рабочий день начинался с планёрки. Сегодня на ней присутствовали два его заместителя и все двенадцать начальников отделов.

– Есть срочная почта? – спросил он у сидевшего здесь же секретаря. – Ну если нет, тогда начнём. Давайте вы первый, Сурен Вахтангович.

– По плану на август купили большую партию американской тушёнки, – начал докладывать начальник отдела внешних закупок. – Приобретали, как и всю американскую продукцию, через посредников. Обошлась она нам дёшево, поэтому взяли всё, что предлагалось. А теперь Госплан пытается наложить лапу на то, что куплено сверх контрольных цифр. У них, видите ли, невыполнение плана по тушёнке!

– И много хотят взять?

– Треть. Это двадцать миллионов банок.

– А сроки там какие?

– Хорошие там сроки, Алексей Николаевич! Вы же знаете, что мы не берём просроченную продукцию!

– Хорошо, я поговорю с Гриневским. Думаю, половину этого количества мы отобьём.

– Разрешите, дальше продолжу я, – сказал начальник отдела, отвечавшего за монтаж оборудования на объектах переработки продовольствия. – «Насосэнергомаш» срывает сроки поставки вакуумных сушильных агрегатов. Я звонил в Сумы, но они не отгрузят продукцию раньше середины сентября.

– Две недели можно подождать, – решил Алексей. – Если нарушат и этот срок, тогда выставляйте в государственный арбитраж. Кто следующий? Да, Людмила Викторовна, что у вас?

– У меня, Алексей Николаевич, сухофрукты. В этом году был очень большой урожай, и месяц назад вы дали добро принимать эту продукцию без ограничения. Мы и принимали. Все промежуточные склады уже заполнены, а их продолжают везти, и по опыту прошлых лет могу сказать, что подвоз продлится с месяц. А фрукты мы отправляем на окончательную обработку и заложение только в конце октября. Может, дать отбой?

– Не будем отказываться, – не согласился Алексей, – перенаправим груз. Плохо, что придётся возить туда-сюда, но ещё хуже его лишиться. Найдите свободные площади для хранения. Нам они и нужны-то на месяц. Если не найдёте, подключайте меня. Что у вас, Павел Максимович?

– У меня сводка по катастрофам, – сказал начальник Управления спасательными операциями. – Точнее, не сводка, а одно сообщение. В Союзе всё нормально, сообщение пришло из Камеруна. У них мощный выброс углекислого газа из озера Ньос с многочисленными жертвами. Больше полутора тысяч погибших, но нашим спасателям там делать нечего.

– У меня по вчерашнему дню ничего серьёзного, – увидев вопросительный взгляд министра, сказал начальник Управ-

ления пожарной безопасности. – Сводку я оставил, как обычно.

– Больше никто не хочет сказать? – спросил Алексей. – Тогда совещание закончено, все свободны.

С час он работал с почтой, после чего вызвал секретаря.

– Вадим Александрович, заберите письма с моими заметками и составьте ответы. И пусть подадут машину. Если будут звонить, я должен вернуться к двенадцати.

К выставке жены он приехал за десять минут до открытия, но у дверей в помещение с её экспозицией уже толпились люди. Поодаль никем не узнанная стояла Лида. Он вышел из машины и в сопровождении двух приотставших телохранителей подошёл к ней и вручил купленный утром букет.

– Поздравляю! А ты сомневалась, будут ли посетители. Ещё не открыли, а полсотни людей уже собралось. Со мной и моей охраной будет ещё больше. Где, кстати, твоя?

– Вон Сергей, – показала она на крепкого парня, стоявшего в десяти шагах от них. – Я знала, что ты приедешь, и попросила его отойти. Не бойся, он знает своё дело. Ой!

Алексей повернулся в ту сторону, куда, приоткрыв рот и округлив глаза, уставилась Лида. К зданию музея шёл он сам об руку с женщиной лет двадцати пяти. Лево́й рукой он прижимал к себе пятилетнюю девочку. В открывшиеся двери музея начали входить люди, туда же зашла и пара, за которой наблюдали Самохины. Малышку перед этим опустили на асфальт, и она, задирая ножки, сама преодолела ступени,

придерживаясь за руку отца.

– Он сейчас на семь лет старше того меня, которого ты увидела в первый раз, – сказал Алексей. – Не похоже, чтобы был военным. Но с семьёй вроде все в порядке. Ты плачешь?

– От зависти, – призналась Лида. – Подержи букет, я вытру глаза. Спасибо. Не стоит тебе туда заходить, увидишь как-нибудь в другой раз. А я должна идти.

* * *

Ещё 35 лет спустя

– Алексей Николаевич! Вас хотел видеть Генеральный секретарь. Звонок был пять минут назад. Олег Игоревич сказал, что будет у себя.

Было шестое сентября и стояла по-летнему тёплая погода, поэтому он не стал одеваться, спустился по лестнице к выходу и минут через пять вошёл в главный корпус Кремля. В приёмной встретил секретарь.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич, заходите, пожалуйста, вас ждут.

Ждали его двое. Шестидесятилетний Олег Игоревич Сотников сидел за столом, а Виктор Александрович Зорин, которому пять дней назад праздновали семидесятилетие, занял один из стоявших у стены стульев. Оба смотрели на Самохина с любопытством. Алексей привык к таким взглядам, потому что на него уже давно никто не смотрел по-другому.

– Садись ближе, – сказал ему генсек, – у меня к тебе важ-

ный разговор. Алексей, ты знаешь закон. Исполнилось семьдесят – и на отдых!

– Мне недавно исполнилось сто, – равнодушно ответил он. – Я готов уйти хоть сейчас, и вы это знаете.

– Знаем, – кивнул Олег Игоревич, – но речь не о тебе. Ты у нас вне возраста, и этот закон писан не для тебя. А вот Виктору Александровичу пора освобождать кресло председателя Совмина, вопрос в преемнике. Он рекомендовал тебя, и я склонен его поддержать. У тебя громадный опыт и отменное здоровье! И ни к кому не нужно ходить с книгами.

– Я устал, товарищи, и жена устала. Фактически я уже сделал всё, что от меня требовалось. Созданы нужные производства и продовольственные запасы и построены резервы жилья. Мы уже можем укрыть и сохранить своё население а, если продолжим двадцать лет увеличивать запасы, сможем принять до ста миллионов иммигрантов. Мы даже построили подземные зоопарки и создали банки семян не хуже тех, которые есть в Западной Европе. Построены реакторы в Болгарии и ГДР, и их правительствам настоятельно рекомендовано заготовить запасы продовольствия. Нужно только сохранить тайну и, когда придёт час, отобрать беженцев.

– Вас с женой во всём мире зовут Вечными, а вы расклеились, – улыбнулся Олег Игоревич. – Рано вам пока на покой. Мы обошли всех в производстве и в военной силе, но это не гарантия безопасности. Вы прекрасно знаете, что творится в мире. Безверие, отсутствие идеалов, яд вседозволенности и

право силы! Во многих странах свирепствуют войны, голод и анархия. Польша и Венгрия ушли от социализма, а Чехословакия к этому близка. Югославия воюет с Албанией, и мы решили не вмешиваться в их войну. Китай стремительно набирает экономическую мощь, не забывая о военной. Мало подготовиться к катастрофе, до неё ещё нужно дожить! И желательно сделать это без серьёзных военных конфликтов, а то нам не больно помогут и ваши запасы. Когда помотришь на то, что творится в мире, и припомнишь о грядущем взрыве, сразу вспоминаешь о Боге и очищающем Землю от скверны Апокалипсисе.

– Я вспоминаю о Боге каждый день, кроме воскресенья, – улыбнулся Виктор Александрович. – Как его увижу, так и вспоминаю. Не выпендривайся, Алексей. За сто лет нельзя устать от жизни, и ты устал не от неё, а от своей работы, вот и сменишь. Помимо опыта у тебя во всём мире нужная репутация. Знаешь же, как к тебе относятся.

Конечно, он знал. Пять лет назад в газете «Нью-Йорк Таймс» появилась статья под заголовком «Дети Люцифера». Немаленькая такая статья на пару газетных страниц и с фотографиями его и Лиды. Конечно, это был правительственный заказ, слишком уж много приводилось фактов, которых не нарыл бы никакой писака. Вранья было на удивление мало, хотя во многих событиях их роль сильно преувеличили, а фактам давали свою трактовку. Написано было талантливо, а многочисленные факты приводились со ссылками на ав-

торитетные источники. Сенсацию подхватили другие СМИ, тем более что со стороны руководства СССР не последовало опровержений. Давно не глушили передачи вещавших на Союз западных радиостанций, поэтому о новости скоро стало известно и здесь.

– Врать не будем, – сказал ему тогда Виктор Александрович, – говорить всей правды – тоже. Ну а у вас больше не будет мороки с гримом.

Тогда вышло информационное сообщение Советского правительства, в котором признавалось, что Алексей и Лидия Самохины уже семьдесят лет не подвергаются старению. Проведённые медико-биологические исследования не выявили у них никаких отклонений от нормы. Факторов, объясняющих этот феномен, не обнаружили, а поднимать шум не захотели, поэтому по просьбе самих Самохиных не было никаких публикаций. Это сообщение подлило масла в огонь, и на полгода они стали излюбленной темой не только для прессы, но и для пересудов обывателей в большинстве развитых стран. Больше всего, конечно, досталось ему. Их проживание в гостях у Сталина вызывало наибольший интерес. Что такого могло оказаться в молодой паре, чтобы кровавый тиран оказал им такую честь, поселив рядом с собой на долгое время в покоях, где жил сам Черчилль? Что интересно, сексуального подтекста никто не мусолил. Если верить газетным публикациям, он был отцом советского ядерного оружия и подарил своей стране термоядерные реакто-

ры и накопители. Некоторые шли ещё дальше, приписывая ему и научно-техническую революцию пятидесятых. В том, что СССР был их родиной, высказывались большие сомнения. Поговаривали о пришельцах, но в такое мало кто верил. Естественно, что обратили внимание и на его теперешнюю работу. Всплыли факты, позволившие сделать выводы о том, что в Советском Союзе создаются большие запасы продовольствия. Это сразу же вызвало подозрения в миролюбии оплота социализма, тем более что в это время запустили программу производства сотни боевых самолётов, способных ненадолго выходить в космическое пространство. Фактически это были перехватчики ракет и истребители орбитальных лазерных батарей, которые США собрались повесить над Советским Союзом. До конца шум не утих до сих пор, хотя писали и говорили об этом гораздо меньше: тема уже приелась. В СССР о них тоже писали, хоть и поменьше, чем на Западе, и отношение повсеместно было самое благожелательное. Единственным светлым моментом во всём этом было то, что отпала необходимость в гримёре. И потом гримом можно скрывать молодость лет тридцать, но не сто.

– И чего вы хотите добиться этим назначением? – спросил он. – Нас и без того бояться, станут бояться ещё больше.

– Что и требуется, – сказал генсек. – Если не хотят дружить, пусть хоть бояться. Нам осталось терпеть их соседство двадцать лет. А здесь народ за вас кого угодно порвёт на клочки. В связи с событиями в мире я не исключая при-

нятия непопулярных решений. Если такое придётся делать, лучше если это сделаешь ты.

– Китай? – спросил он.

– В первую очередь, – кивнул генсек. – По всей видимости, не удастся избежать столкновения, а терять людей не хочется. Сколько ни наращивай оборону, её не сделаешь сто процентной. Китай – это не Штаты, мы трёмся с ним спинами. Сибирь прикрываем плотно, но Дальнему Востоку достанется. Сколько у нас резервного жилья?

– Для комфортного проживания его на тридцать миллионов, – ответил Алексей. – Если ужаться, можно поселить в три раза больше, но мы планировали его для иммигрантов.

– До взрыва двадцать лет, – сказал Зорин, – успеем построить ещё. Переселять многих и в пожарном порядке нельзя: вызовем панику и насторожим китайцев. Прежде всего нужно выселить тех, кто живёт в приграничных территориях. Не все согласятся, но всех и не нужно. Нельзя бросать край, кто-то должен за ним присматривать. Военным такое не поручишь, у них свои задачи. И людей мало переселить, их нужно обеспечить всем необходимым, в первую очередь работой. И нужно выделять из резервов средства на усиление обороны. Поскупимся сейчас – потом будем кусать локти. Планируй эту работу лет на десять.

– Мой отказ не предусматривается? – спросил Алексей. – Я знаю много молодых и способных.

– Вот и заставь этих молодых и способных работать, – от-

ветил ему генсек. – Считаю, что ты согласен. Бросай свою работу и поезжай домой, обрадуй жену. Твоя команда сама сделает всё, что нужно. Да, подбери кандидатуру на своё место. И дней через пять проведём традиционную пресс-конференцию. Подумай над тем, что будешь говорить. Ну это мы успеем обсудить.

Он решил последовать совету. Звонить не стал, приехал домой и отпустил машину. Жена не работала в студии, как он думал, а лежала в гостиной и читала книгу.

– Что ты сегодня так рано? – спросила она. – Хочешь есть? Лена всё приготовила, и я отпустила её до утра. Если хочешь, то всё ещё горячее, сейчас наложу.

– Лежи, – остановил он. – Что я без рук? Слушай, малыш, мне, наверно, придётся возглавить правительство.

– Так наверно или придётся? – спросила она.

– Придётся, – ответил Алексей и сел рядом. – И квартиру поменяем. Знаю, что не хочешь, но это нужно сделать. Сегодня со мной уже говорили на эту тему. И несолидно главе правительства ютиться в старой трёхкомнатной квартире, и нас здесь не смогут охранять.

– Значит, теперь я ко всему прочему ещё и первая леди! Ты хоть сопротивлялся?

– Могла бы и не спрашивать, – он обнял жену, и она сделала то же самое. – Нам осталось только двадцать лет! Это ерунда по сравнению с прожитым. А потом, может быть, у тебя будут дети.

– Я уже не хочу детей, – сказала Лида. – Наверное, брошу рисовать. Найдёшь для меня какую-нибудь работу? Больше убивает не возраст, а однообразие. Когда у тебя пресс-конференция?

– Обычно через три дня после назначения. А работу найду. Хочешь быть министром вместо меня?

– Шутишь? – улыбнулась она. – Выбери что-нибудь попроще. Ладно, это подождёт. Пойдём на кухню, пообедаю вместе с тобой

Следующий день Алексей посвятил передаче дел и согласованию своей позиции на предстоящей пресс-конференции. Выдвинутого на должность министра зама даже не обсуждали, утвердили сразу. Заместитель был в курсе почти всех дел, поэтому Алексей уже к обеду освободился от министерства. После этого состоялся разговор с Сотниковым, на котором окончательно определились с ответами на наиболее вероятные вопросы. На следующий день вышло сообщение о его назначении, и пришлось до обеда принимать дела у Зорина, а потом осматривать новую пятикомнатную квартиру в правительственном доме, куда был закрыт доступ посторонним. Все вещи быстро собрали и перевезли, но раскладывали их сами с помощью своей горничной. Старую мебель не брали, выбрали по каталогам новую, и её быстро доставили и установили в соответствии с пожеланиями хозяев.

– Просторно, светло и красиво, – сказала Лида, когда закончили, – но в старой было уютно, а здесь чувствую себя

так, будто пришла в гости.

– Привыкнешь. В ней удобней жить. Жаль, что бросила рисовать, здесь для этого больше возможностей, чем в комнатухе Ангелины.

– Не надо о ней напоминать, – попросила Лида. – Я до сих пор стараюсь не смотреть на её портрет. Столько уже прошло лет с тех пор, как она умерла, а всё равно больно. Теперь я лучше понимаю отца, когда он попросил убрать портрет мамы. Старикам хорошо: к концу жизни время многое стирает из их памяти, а я всё помню.

– Как тебе спальня? – спросил Алексей, чтобы поменять тему разговора.

– Ночью проверю спальню и мужа, – улыбнулась она, – а то зададут вопрос на тему твоей мужской состоятельности, и мне придётся врать.

– Не придётся тебе врать! – обнял он жену. – И на пресс-конференцию я тебя не возьму, и сегодня ночью погоняю. Какие наши годы!

* * *

– Не припомню такой пресс-конференции, – сказал Алексей Сотникову, сидевшему рядом с ним за одним столом.

– Да, много их набежало, – согласился генсек, осматривая полностью заполненный зал. – Сложно будет работать.

– Ничего, сейчас упростим, – сказал Алексей и обратился к залу: – Дамы и господа! Товарищи! Вас в этом зале больше трёхсот, и большинство пришло не просто на меня

посмотреть, но и задать вопросы и выслушать мои ответы. Так вот, чтобы ответить на большее число вопросов, мы изменим процедуру проведения конференции. Я выбираю кого-нибудь из вас, а вы, не называя себя, задаёте вопрос. Потом каждому дадут запись, в которую вставят кто есть кто, а мне это неважно. Всё ясно? Тогда начнём. Кто хочет задать вопрос? Как я и думал, хотят все. Ладно, будем джентльменами и начнём с дам. Прошу вас.

– Кто вы и откуда?

– Это уже два вопроса. Спросили коротко, я отвечу так же. Родился в Москве и не имею никакого отношения к пришельцам. Следующий вопрос.

– Ваша молодость не может быть случайной, потому что она и у вашей жены. Кто вам её подарил и для чего?

– Не знаю, мы с ним не встречались. Дальше!

– Чем было вызвано расположение Сталина?

– А кто вам сказал, что он был к нам расположен? Сделали вывод из-за нашего проживания на его даче? Там было несколько причин, в том числе и работа жены над его портретом. Других я касаться не буду.

– Вы принимали участие в советской ядерной программе?

– Совсем немного. Поделился кое-какими мыслями с академиком Курчатовым.

– А реакторы?

– Здесь я работал достаточно долго, даже получил орден.

– Вас награждали не один раз. Многие приписывают вам

и другие открытия. Это правда?

– Вы сами ответили на свой вопрос. Это действительно приписки, не имеющие ничего общего с действительностью.

– Для чего Советскому Союзу такие запасы продовольствия? Мало того что вы закладываете на длительное хранение часть своего, вы ещё покупаете его у других!

– Это по-настоящему важный вопрос. Ответ на него дать просто. В течение ближайших пятидесяти лет в опасной близости от Земли пролетят шесть астероидов. Падение любого из них приведёт к сильным разрушениям и глобальной климатической катастрофе. Нас не успокаивает тот факт, что такого не было тысячи лет, поэтому построили избыточные энергетические мощности и резервное жильё в сейсмически устойчивых районах и вывели на орбиту космический корабль с силовой ядерной установкой. По расчётам, он сможет два раза разогнаться до скорости в тридцать километров в секунду и полностью её погасить. Если появится опасный астероид, мы попытаемся его уничтожить или изменить орбиту. Если это не получится, переждём катастрофические последствия столкновения с помощью своих запасов. Они нам пригодятся и в том случае, если кто-нибудь осмелится напасть с атомным оружием. Сами мы не собираемся ни на кого нападать.

– Кого вы имели в виду, когда говорили о нападении, США или Китай?

– Какая разница? – демонстративно пожал плечами Алек-

сей. – Пусть нападают хоть вместе. Мы неоднократно показывали мировому сообществу возможности своей противоракетной обороны. Если на нашу территорию что-то и попадёт, то не больше одного процента от запущенного. Тоже ничего хорошего, но напавшие получают много больше. Естественно, это приведёт к заражению атмосферы и изменениям климата, и их придётся переждать. Ещё раз хочу подчеркнуть, что сами мы никогда не применим первыми такого оружия.

– А как же остальные страны?

– Какие остальные? – спросил Алексей. – Их много. Мы помогаем своим немногочисленным друзьям, а недоброжелателям ничем не обязаны. Если меня чему-то научила жизнь, так это тому, что есть свои и все остальные. Вы не хотите стать для нас своими? Ну и ради бога! Мы никому не навязываем свою дружбу, но в таком случае и вы нам не нужны. Живите как хотите. С момента образования Советского Союза многие страны Европы, особенно Западной, и Соединенные Штаты последовательно проводили в отношении нас враждебную политику. Были ли примеры дружбы и помощи? Лично я их не помню.

– А помощь Америки в годы войны с Гитлером?

– Вы считаете её дружеской? Ну и зря. Это была акция, выгодная для США и с политической, и с экономической точек зрения. Вы не могли позволить себе остаться один на один с блоком фашистских государств. Думаете, Германия

ограничилась бы Советским Союзом? Дружбой там и не пахло, был голый расчёт. До последнего тянули с открытием второго фронта, чтобы максимально ослабить нас и самим понести меньше потерь, а за свою помощь получили от нас золото, в том числе и за погибшие грузы. Справились бы и без вас, хотя было бы труднее. А как только в нас отпала необходимость, сразу перекрестили из союзников в Империю Зла. Вам посчитать, сколько раз мы пытались наладить нормальные отношения с Соединёнными Штатами? Вам не на кого обижаться, кроме самих себя. Дальше!

Глава 23

12 апреля 2042 года, за три дня до взрыва

– Я знаю, что многие сделанные за последний месяц распоряжения воспринимались вами с недоумением, – сказал Алексей собранным в кабинете министрам. – Я не мог объяснить мотивы своих действий, но сейчас без их знания вы не сможете выполнить то, что от вас требуется. Через три дня состоится конец света. Не стоит, Николай Игнатьевич, так на меня смотреть: я не сошёл с ума от долгой жизни. Через три дня произойдёт извержение Йеллоустонского вулкана. Большая часть жителей США погибнет в первые часы после начала катастрофы. Пострадают Канада и Мексика. В атмосферу будет выброшено много соединений серы и вулканической пыли. В ряде стран пройдут кислотные дожди, которые полностью или частично уничтожат животный и растительный мир. Но самое страшное – это пыль. Она на два года закроет от нас солнце и вызовет сильное похолодание. Почти на всей планете в течение двух десятков лет не смогут заниматься земледелием. Голод и холод уничтожат девяносто процентов населения. Вижу, что многие по-прежнему не верят и пытаются понять, для чего я рассказываю эти ужасики. Да, мы не можем предсказывать извержения вулканов, да ещё с точностью до часа, но я говорю не о пред-

сказании. Я прибыл из будущего, в котором эта катастрофа уже произошла. Длинная жизнь дана для того, чтобы помочь к этому подготовиться. Мы и готовились. Последние семьдесят лет создавались резервные энергетические мощности, строились убежища и подземные производства и запасалось продовольствие как своё, так и приобретаемое за рубежом. Теперь мы сможем спасти своё население и принять около ста миллионов беженцев из других стран. Вижу, что большинство из вас уже осознало серьёзность положения. Сейчас я вкратце скажу о том, чем вам придётся заниматься, а потом каждый получит развёрнутую программу действий по своему министерству. Учтите, что с этого момента взят под контроль каждый ваш шаг. Эти три дня займётесь только делами, а для отдыха вам отведены специальные помещения. Каждый наденет электронный браслет, контролирующий переговоры по любым каналам связи. Кроме того, в моей приёмной ждут люди, которые до начала катастрофы станут вашей тенью. Мы не имеем права рисковать. Если кто-то из вас случайно или намеренно допустит утечку этой информации и ей поверят, последствия могут быть трагичными, начиная с паники с человеческими жертвами и кончая массированными ядерными ударами. Если в Соединенных Штатах станет известно о том, что мы всё знали и не предупредили, обрекая их на гибель, следует ожидать акта возмездия. У руководства США останется время задействовать свои ракетноносцы и тактическую авиацию на базах вблизи наших границ. Мы

готовы к такому повороту событий, но понесём потери. Всем всё ясно? Тогда перейдём к тому, что нужно сделать. Сначала займёмся министерством вооружённых сил. С сегодняшнего дня все виды войск переводятся в режим повышенной боевой готовности. В полную они будут приведены за десять часов до извержения.

– Сделаем, Алексей Николаевич, – сказал министр вооружённых сил маршал Брагин.

– Слушайте дальше, Александр Иванович, – продолжил Алексей. – Сразу же после катастрофы на всей территории Союза вводится военное положение. Обеспечением порядка по-прежнему будет заниматься министерство внутренних дел, но в случае осложнений привлечём и вас. Своих сил у милиции может не хватить, тем более что у неё будут и другие задачи. Главное, что вы должны выполнить, кроме своих обычных обязанностей, – это надёжно перекрыть сухопутные и морские границы и обеспечить контроль воздушного пространства. К нам придут миллионы людей, и многим из них мы окажем помощь. Многим, но не всем. Поэтому члены специальных комиссий будут вести фильтрацию беженцев на границах. Этот вопрос буду курировать лично я. Других мест проникновения через границу, кроме специальных пропускных пунктов, быть не должно. Поэтому уже завтра начинайте выдвигать к границам необходимые средства усиления в помощь пограничным войскам. Особый контроль должен быть за условиями их размещения и снабжения. Пока обходитесь

своими силами, а через месяц в указанных вами местах начнут работать строители. Размещение планируйте на год, после этого войска уберём. Выживших вблизи наших границ останется немного, так что с их контролем справятся сами пограничники. Теперь дальше. Готовьте к перелёту на Кубу все десантные экранолёты «Ковчег». Каждый из них способен нести тысячу десантников, поэтому штатских за один рейс перевезём не меньше ста тысяч, а если будет много детей, то и больше. По планам за месяц нужно эвакуировать воздухом два миллиона кубинцев. Болгарией и ГДР займёмся позже и используем средний десантный транспорт. Авиацию пошлём только при отсутствии сильных возмущений в атмосфере. Теперь то, что нужно от вас, Николай Павлович.

– Слушаю вас, Алексей Николаевич, – сказал главнокомандующий ВМФ адмирал флота Васильев.

– Атомные торпедные и многоцелевые лодки должны выйти в район перехвата американских ракетносцев, находящихся к моменту катастрофы на базе в порту Нью-Лондон. Всё, что поплывёт в Австралию или Канаду, нужно топить. Основные силы Черноморского флота направите в рейд к восточному побережью США, в порты Нью-Йорк и Нью-порт-Ньюс. Всё живое в них должно быть уничтожено сернистым газом, поэтому мы не ожидаем противодействия. Ваша задача – найти и привести к побережью Кубы крупные суда, пригодные для перевозки большого числа пассажиров, ну и вообще там осмотреться. Кубинцы будут спасать себя, а за-

одно перегонят к нашим берегам всё отобранное. В последнюю очередь осмотрим боевые корабли. Если на них кто-то выжил, попытаемся договориться, если это не получится, топим. У них там много тактического ядерного оружия и химии. Оставлять такое нельзя. Теперь ваша задача, Фёдор Иванович, – обратился Алексей к министру морского флота. – Суда, о которых мы с вами говорили, готовы?

– Да, их подготовили, – ответил Зеленский. – Каждому конвою в сопровождение выделены боевые корабли.

– Они не смогут выйти раньше начала катастрофы из-за американцев, – продолжил Алексей. – Да и неясно, как извержение повлияет на погоду. Если не будет сильных штормов или цунами, вы эвакуируете три миллиона кубинцев. Их поставят перед фактом, что возмём только молодёжь, армию и специалистов, остальных пусть спасают сами, тем более что у них будет такая возможность. Теперь поговорим о Комитете государственной безопасности. Вас, Василий Петрович, фактически расформируют. Оставим только часть центрального аппарата и тех, кто работал на границу, а остальных передадим в помощь МВД. В бумагах, которые вам передали, всё подробно расписано. А вот о вашей работе, Дмитрий Сергеевич, поговорим подробнее.

– Готов выполнить любой приказ, – сказал министр внутренних дел.

– Приказов много, и спросим за исполнение по всей строгости, имейте это в виду. На ваше министерство возлагается

контроль за переселением людей и распределением пищевых ресурсов. Для обеспечения этой задачи в министерство передаётся Управление продовольственных резервов МЧС и, как я уже говорил, большая группа работников госбезопасности. Вы должны выполнить фильтрацию заключённых в тюрьмах и лагерях. Сразу же после начала извержения и введения военного положения все осуждённые за тяжкие преступления должны быть расстреляны. Остальных разобьёте на две группы. Лёгких закрепим за предприятиями, остальные отправятся на Дальний Восток. Освободившиеся конвойные войска будут приданы ОМОНу для оперативного использования. Для нас главное – обеспечить порядок и не допустить паники и насилия. Если упустим ситуацию, исправлять придётся с кровью. Также будете помогать Николаю Игнатьевичу, а в чём, я сейчас скажу. Группы подготовлены?

– Людей и технику подготовили, Алексей Николаевич, – ответил министр заготовок. – Задачу ни до кого не доводили, мне она самому неизвестна.

– Вашим людям нужно взять под контроль все пищевые ресурсы села, в первую очередь это посевное зерно и скот. Сеять ещё долго не будем, а на будущее зерно отложено. Скот сейчас в стойлах, и кормов хватит на полгода, так что проведём отбраковку и забой только для восполнения запасов мяса. На будущее оставим небольшое число животных для размещения в подготовленных помещениях. По мере высвобождения, людей из небольших хозяйств перевезём в

города, где их легче занять делом и обеспечить всем необходимым. Ценное имущество будут сдавать на склады. Выживут – получают обратно.

– Не все отдадут последнее, да ещё после катастрофы, – сказал министр. – Некоторые побоятся, что о них потом забудут. Вам, конечно, верят...

– Может случиться и такое, – согласился Алексей. – Пусть объясняют, что мы никого не бросим на произвол судьбы, а на своих запасах они не протянут двадцать лет. Электричество у них останется, так что не замёрзнут, но мы не будем распределять продовольствие по деревням. В ваши группы будут включены сотрудники МВД. Только они вам даются для наведения порядка и пресечения паники. Применять силу для изъятия продовольствия запрещаю. Не захотят его отдавать – и бог с ними. Пусть сами едят своих коров. Когда закончится еда, попросят помощи. Хочу заранее вас предупредить, а вы предупредите своих людей. Если где-то жители села отдадут продовольствие и скотину, а о них потом забудут, таких забывчивых расстреляем. Я думаю, что в Российской Федерации у вас не будет больших проблем, а чтобы их не было и в союзных республиках, в центральные органы их власти отправляется большая часть работников аппарата КГБ. Любые проявления местничества и нарушение наших директив нужно наказывать по законам военного времени. Если понадобится, они привлекут армию. У вас всё готово, Игорь Юрьевич?

– Все средства массовой информации готовы передать экстренную информацию, – ответил министр связи, – нужен только текст.

– За два часа до извержения прекратится работа во всех рабочих коллективах, кроме тех, где этого сделать нельзя, – сказал ему Алексей. – Временно заблокируем сотовую связь. Сразу после начала извержения всеми средствами массовой информации нужно довести до населения, что происходит и как себя следует вести. Текст у вас есть в бумагах. Через три дня в действие вступит военное положение и вся власть сосредоточится в наших руках. Я очень надеюсь на то, что мы ни в ком из вас не ошиблись. По законам военного времени будем судить не только насильников, грабителей и прочую шваль. Если по вине кого-то из вас неоправданно погибнут люди или понесём большие материальные потери, тоже накажем без скидок на занимаемое положение. Я возьму на себя комиссии, которые будут решать, кому жить, а кому нет. Кубинцев будем сортировать перед отправлением. Если ошибёмся, для отбраковки останется только Дальний Восток, а они там долго не протянут. С болгарами и немцами придётся деликатничать больше, а вот со всеми остальными разговор короткий. Критерий приёма только один: нужен человек или нет. Таких будет восемьдесят миллионов, и приём продлится года три. После этого придут единицы. Для комиссий отобрано пять тысяч человек, но этого очень мало, нужно в пять раз больше. Я попрошу вас, Александр Ива-

нович, подобрать мне порядочных офицеров. Не прямо сейчас, а через две недели. Я думаю, что это нетрудно. Основной поток беженцев пойдёт к осени, когда все поймут, что не будет тепла. Всё, товарищи, можете быть свободны. Вас, Николай Павлович, попрошу ненадолго задержаться. Давайте отойдём в сторону. Вы подготовили подлодку?

– Завтра она уйдёт на задание, – сказал адмирал. – Не беспокойтесь, Алексей Николаевич, всех ваших людей заберём, лишь бы они выбрались в условленное место.

– Обедать я еду домой, – сказал Самохин секретарю. – Распорядитесь насчёт машины.

Бронированный электромобиль, весящий шесть тонн, домчал его до дома за десять минут. Лида уже работала в его секретариате, но сегодня он освободил её от работы.

– Ты одна в квартире? – спросил Алексей.

– Ты отпустил меня, а я – Лену.

– Тяжело мне, малыш! – сказал он, прижав к себе жену. – Ещё ничего не сделано, а я уже на пределе. А вскоре придётся убивать людей налево и направо, пусть и чужими руками. Когда-то я убеждал Капицу, что иначе нельзя. Его совесть я тогда успокоил, кто бы теперь успокоил мою! Знаю, что не получится быть добрым, а внутри всего корёжит! Будь проклят тот, кто позволил мне до этого дожить! И я уже не могу уйти, оставив вместо себя кого-нибудь другого.

– Не переживай так! – сказала Лида. – Подожди несколько дней. Я помню, как это было. Когда день превратится в ночь,

а лето в зиму, и маленькие дети начнут спрашивать матерей, почему им дают так мало еды, на многое начинаешь смотреть иначе. И ты не убиваешь, а только отказываешь в помощи. Я тоже не рада тому, что дожила до взрыва. Знаешь, чего мне хотелось в последний год? Я ведь знаю, где мы жили.

– Хочешь увидеть мать? – догадался он.

– Очень! И боюсь, что приду, а у отца в доме другая женщина. Он-то должен был родиться, а вот их свадьба уже под вопросом. Слишком сильно всё поменялось. Даже если там мать, то она не такая, какой я её знала. И ребёнок у них, если он есть, – это тоже не я. В каждой женщине скрыта маленькая девочка, которой хочется, когда ей плохо, прижаться к материнским коленям. У меня тоже есть такое желание, а может быть, даже возможность, но не могу. Представь себе картину: вбегает первая леди Союза и бросается обнимать колени молодой женщины, заливая её слезами. Она точно станет заикой.

– Поплачь на моей груди, – предложил Алексей. – А у родственников лучше не появляться. Они совсем не те люди, которых ты любила и помнишь. А лучше пойдём обедать и ты расскажешь, как это выглядело. Я ведь чувствовал, что тебе неприятно вспоминать, и никогда не расспрашивал.

– Пойдём, – согласилась Лида. – Я тоже с тобой поем. А выглядело... Когда сообщили, первый день ничего не менялось, а потом начали наползать тучи. Знаешь, какие они бывают при сильных грозах? Только при грозе они хоть и

чёрные, но немного отсвечивают синим. А тогда было впечатление, как будто сидишь в кастрюле и кто-то надвигает на неё крышку. Когда крышка легла на место, стало темно. Днём ещё было видно, как в лунную ночь, а ночью наступала полная мгла. Немного светлеть начало через пять-шесть месяцев, а совсем посветлело только к концу второго года, но небо осталось серым. И всё время было холодно. Апрель вообще прохладный месяц, а после взрыва уже через несколько дней начались морозы, сначала небольшие, потом такие, что долго не побегаешь даже в зимней одежде. Хорошо, что у нас в армии зимняя форма с электрообогревом, вот в ней было неплохо. Помню, что среди беженцев было много обмороженных.

– Да, я читал, – сказал Алексей. – Вкусный борщ, скоро такого не поедим. Запасли столько, что будем питаться лучше, чем вы тогда, но без зелени. Продукции теплиц не хватит даже для детишек, будем подкармливать их зеленью два-три раза в неделю. Есть планы по их строительству, но это ещё не скоро.

– Как ты думаешь, мы начнём когда-нибудь стареть или это навсегда?

– Спроси что-нибудь полегче, тогда отвечу.

– Поедешь сегодня на работу?

– Конечно, малыш. Сейчас доем и поеду. Работы много, просто захотелось тебя увидеть и немного поплакаться.

* * *

15 апреля 2042 года, за полчаса до взрыва. Куба, Гавана

– Вы не могли сказать об этом раньше? – спросил председатель Государственного Совета Кубы Эрнесто Гарсия Сароса. – Что можно сделать за оставшееся время?

– Я только выполняю распоряжение своего правительства, – пожал плечами посол СССР Валентин Балакшин. – И не так уж у вас мало времени. До извержения ещё полчаса и часов пять, пока оно у вас не проявится. Вы должны не хуже меня понимать, чем было вызвано молчание. Я сам получил этот пакет час назад, и всё это время за мной наблюдали, чтобы не позвонил куда-нибудь помимо вас. Вам нужно увести большую часть населения под крыши и объяснить, что творится и что им окажут помощь. Во всём мире такую помощь получают только два государства, ваше – третье.

– Восемь миллионов, которые вы спасёте, – это чуть больше половины населения. А что делать остальным?

– Вам построили реактор, для остальных его должно хватить. Утепляйте дома и собирайте продовольствие. А позже направите команды на восточное побережье Штатов. Там должно быть много бесхозной еды. Если перевезёте к себе, должно хватить. Может, и мы поделимся, но это не гарантируется. И учтите, что стариков не возьём. Они не протянут двадцать лет в наших условиях и отнимут жизни у тех, чьи места займут. К сожалению, мы должны это учитывать. Все подробности в бумагах. Если позволит погода, воздуш-

ный транспорт и корабли отправят уже завтра. Да, первыми же экранолётами вам доставят лёгкие скафандры, которые хорошо защищают от пыли и кислотных дождей. Не очень много, но для команд, которые будут заниматься продовольствием, должно хватить. Аппараты для очистки воды и контейнеры с тёплой одеждой придут с кораблями. Пока идёт эвакуация, задержим весь персонал посольства, потом останутся только связисты. Я выполнил своё задание, а вам советую не терять время и не говорить о причинах до четырёх часов. Если по вашей вине случится утечка, наши отношения будут скорректированы в зависимости от её последствий.

* * *

15 апреля 2042 года, за полчаса до взрыва. США, штат Вайоминг, автострада I-25

– Надо отъехать дальше, Сергей! Мы только проехали Каспер, и до этого чёртова вулкана всего двести километров! Давай доберёмся хотя бы до Шайена! Там и заснимешь. Не выберемся, на фиг! И так получим втык. До Сан Антонио девять часов хода, и это при условии, что не будет пробок. Ты думаешь, нас станут ждать?

– Кто не рискует, тот не пьёт шампанского, – отмахнулся от своего спутника высокий парень лет двадцати пяти, крепивший к кронштейну на крыше электромобиля видеокамеру. – Олег, такого никто никогда не снимал! Что там снимут со спутника! А отсюда мы уйдём. На двадцать пятой ма-

ло машин, а по десятой ехать всего пятьсот км. Для нашей птички это семечки, тем более с её оборудованием. Достань лучше из багажника маски и брось на задние сидения.

Тот, кого называли Олегом, выругался и подошёл к открытому багажнику. На пустой автотрассе со стороны Шайена показалась быстро приближающийся электромобиль. Он подъехал к ним и остановился рядом.

– Эй, парни! Что случилось? – спросила молоденькая рыжая девчонка, сидевшая в открытом «форде». – Помощь не нужна?

– А можете вы, мисс? – засмеялся Олег. – Или миссис?

Девчонке исполнилось от силы шестнадцать, и на миссис она не тянула. Несмотря на столь юный возраст, смотреть на неё было приятно. Скуластенькая, с большими глазами и вздёрнутым носом, она напоминала белочку. Рыжие, коротко стриженные волосы усиливали сходство.

– Нет, я не замужем, – улыбнулась она. – А что вы собирались здесь снимать? Это нужно делать в Йеллоустоне. Говорят, там сейчас такие гейзеры! Я еду туда, если хотите, можно поехать вместе. Вы вроде ничего.

– Закончил! – сказал Сергей, спрыгнув с подножки. – Тебя как зовут, Бельчонок?

– Бельчонок меня зовёт дядя, – засмеялась она. – Я Джейн, а вас как звать?

– Я Олег, а это Сергей, – ответил Олег, с которого слетела весёлость. – Мы русские.

– В первый раз вижу русских! – Она вышла из машины и подошла к парням. – Это советский электромобиль? Здоровый! Я просила дядю купить одну из ваших моделей, но он купил «форд». Сказал, что покупать ваши машины непатриотично.

Сильный толчок бросил Джейн в сторону, и она, чтобы не упасть, ухватилась за Сергея.

– Мы возьмём её с собой, – по-русски сказал напарнику Сергей.

– Сбрэндил? – покрутил тот пальцем у виска. – Кто пустит её в подлодку?

– Пустят, есть у меня такое право. – Сергей погладил испуганную девчонку по голове и перешёл на английский: – Вы туда не поедете, мисс. Там сейчас проснётся вулкан, а это смерть. Если хотите жить, оставайтесь с нами. Вы далеко не уедете на открытой машине, отравитесь. Олег, возьми ещё одну маску, закрывай багажник и отправляйся с нашим трофеем на задние сидения. Минут через пять начнётся.

Олег усадил в машину оторопевшую девушку и сел сам, а Сергей поправил камеру и занял место водителя.

– Пристегнитесь! – сказал он. – Джейн, ничего не бойся, мы плохого не сделаем.

– Отпустите меня! – рванулась пришедшая в себя девушка. – Я буду кричать!

– Посиди спокойно две минуты, – сказал ей Олег. – Если после этого захочешь уйти, я тебя выпущу. Ну что за дуроч-

ка, тебя же никто не трогает!

Сначала не было ни звуков, ни сотрясения почвы. Где-то на северо-западе из-за горизонта в небо рванулся огненный столб. Он прожёл облака и стал заметно шире и ярче. Не прошло и минуты, как сильный удар подкинул и едва не перевернул машину. Последовавшие за этим толчки снесли её с шоссе на обочину. Мужчин удержали ремни, а Джейн успел схватить Олег.

– Шевелись! – заорал он Сергею. – К чёрту съёмки, эта сволочь расширяется!

Огненный столб на глазах увеличивался вширь, изображение ходило ходуном и стало мутнеть. Сергей вывел дёргающуюся от толчков машину на шоссе и погнал её прочь от вулкана. Местами шоссе пересекали трещины, но пока они были узкие и не сильно мешали.

– Держи, – сквозь зубы сказал он, бросив Олегу пульт управления камерой. – Разверни её назад и постарайся удерживать!

– Быстрее не можешь? – крикнул Олег.

К гулу, который начался вместе с землетрясением, добавился грохот извержения, и, чтобы быть услышанным, приходилось кричать во весь голос.

– Больше двухсот пока не могу, – тоже крикнул Сергей. – Один сильный толчок – и улетим с дороги. И трещин полно!

– Вот зараза! – заорал Олег. – Если выберемся, хрен я с тобой ещё раз куда-нибудь пойду! Посмотри, что творится!

Во все стороны от столба с неба изливался огонь, а его основание вспучилось и начало быстро приближаться.

– Наддай, чёрт с ними, с трещинами! – закричал Сергей. – Здесь точно сторим! Что по газу?

– Приборы не показывают! Скорость двести пятьдесят. Больше не могу: дорога вихляет и скоро Шайен.

Через десять минут Сергей уменьшил скорость вдвое и въехал в город. Несмотря на то что ширина автострады не уменьшилась, проехать было трудно из-за брошенных автомашин. Один раз даже пришлось сдавать назад и ехать в объезд. Когда выбрались за город, увидели, что столб не стал шире, пожалуй, он даже уменьшился в размерах, но огненный вал, катившийся от его основания заметно приблизился. Шум уже не оглушал, и можно было не надрывать горло.

– Неужели лава сюда дойдёт? – сказал Олег. – Это же четыре сотни километров!

– Лава не дойдёт, – ответил Сергей. – но здесь всё сожжёт газами. У нас корпус может держать только триста градусов, да и то недолго. Пристегни Джейн, нечего её лапать, а я увеличу скорость. Дорога стала лучше.

Сорок минут до Денвера они проигрывали гонку и только когда выехали из города, вал огня позади замер и стал медленно удаляться.

– Едем быстрее лавы! – обрадовался Олег. – Кажется, ушли!

– Накаркал! – сказал Сергей.

Их нагнала волна жара, накрыла и ушла вперёд. На глазах желтели и вспыхивали деревья и кустарники, задымилось покрытие дороги.

– Триста пятьдесят! – прочитал показания датчиков Сергей. – Диоксида серы десять процентов. Включил охлаждение, так что какое-то время продержимся. Хорошо, что не вспыхнул асфальт, но дорога начала скользить.

– А я думал, почему нет пепла, – сказал Олег, гляди на густо поваливший чёрный снег.

Видимость сразу упала.

– Ты лучше меньше думай. Хорошо, что дорога прямая. Через час большой город, причём заваленный мертвецами и брошенными машинами. Вот там придётся попариться.

– Что показывают приборы? – спросил Олег.

– Плохо. Температура за двести и полно ядовитых газов, а баллонов хватит часов на пять максимум. Как там Джейн?

– Ещё не отошла от шока. Не скажешь, зачем её взял?

– Она очень похожа на мою сестру, только другой цвет волос.

– Как ты думаешь, выберемся?

– Если не завалит пеплом дорогу, то должны. Нам только проскочить бы этот Сюадад-Хуарес, а там до Сан Антонио всего два часа езды. Но метёт сильно, надо включать визор, по приборам так не погонишь. Надеюсь, что у побережья газ сдует, а то масок надолго не хватит. Сволочь!

– Что ещё?

– Сдыхает климат-контроль. Но температура упала, растительность уже не горит. Заблокируй дверь со стороны Джейн, а то очухается и откроет. И будет нам тогда кирдык. Смотри, сколько уже машин! Мать!

Впереди на дороге был затор из десятка столкнувшихся электромобилей. Пришлось тормозить и объезжать по обочине. Но это были только цветочки, ягодки начались, когда они въехали в город. Мало того что мела настоящая метель из пепла, город горел и клубы дыма в отдельных местах заставляли ориентироваться только по экрану ультразвукового визора. Через мёртвый город пробирались три часа. Охлаждение почти сдохло, но температура снаружи упала до сотни градусов и в салоне было терпимо.

– Слава богу, выбрались! – сказал Сергей, когда прибор перестал показывать контуры домов. – Судя по навигатору, мы на десятой автостраде. И газа в воздухе стало намного меньше. Может быть, эта дрянь не дошла до Сан Антонио.

– Не дошла сейчас, может дойти потом, – Олег достал бутылку с водой и приложился к горлышку. – Хочешь?

– Нет, спасибо, дай девушке. Ты прав: вулкан будет извергаться не один день, поэтому на месте выживших я сбежал бы в Мексику или через океан. Наверное, те, кто поумней, так и сделают. Пьёт она воду?

– Выпила.

– Джейн, ты как? – спросил Сергей. – Можешь говорить?

– Вы знали, что так будет! – с горечью сказала девушка. –

Почему молчали? Хотели всё забрать себе? Правильно о вас говорили! Я читала об этом вулкане, только не верила. И никто не хотел верить. У нас все погибли?

– Уцелеют миллионов двадцать в южных штатах, – ответил Сергей. – Потом будут искать спасения в разных странах. – Поможем только мы и Австралия.

– А Европа? – с недоверием спросила она. – Неужели Европа не поможет?

– Это только начало, – сказал ей Олег. – По всему миру от голода и морозов погибнут миллиарды людей. Просто вы были первыми. А европейцы сами придут к нам за помощью. Ты спросила, почему не сказали, и сама же ответила.

– Это когда? – не поняла Джейн.

– Когда сказала, что вам правильно о нас говорили. Американскому народу вдолбили в голову, что мы враги. Ваше оружие готовилось в первую очередь против нас. Мы неоднократно протягивали вам руку, и по ней неизменно били. С какой стати вам помогать?

– А почему тогда помогли мне?

– Отдельные люди – это не вся нация, – ответил Сергей. – Ты сильно похожа на мою сестру, вот и пожалел. Но тебя никто не станет спасать насильно. Когда приедем на побережье, сможешь нас покинуть. Только не советую. В такие времена многие люди звереют, и ты одна не выживешь без поддержки. Олег, температура совсем упала, а газа меньше процента. В городе наверняка будут живые. Приготовь оружие.

– Зачем вам оружие? – спросила девушка.

– Затем, милая, что в Сан Антонио не будет закона и порядка, – сказал Сергей. – Пепла падает меньше, но не видно ни зги. Сейчас ночь, может, что-нибудь увидим утром. Через полчаса баллоны опустеют, возьмите маски.

Когда стало тяжело дышать, надели маски и приоткрыли одно из окон. Вместе с воздухом в окно задувало и пепел, но не сильно.

– Фильтрующих свойств масок хватит на десять часов, – сказал Сергей. – Пепла мало, поэтому включу фары. Накопители тоже садятся, но главное, что добрались до города, а от него рукой подать до побережья.

– А зачем вы снимали извержение и так собой рисковали? – спросила Джейн.

– Потому что дураки, – объяснил Олег. – Он дурак, потому что загорелся снять то, что никто до него не снимал и уже никогда не снимет, а я дурак, потому что поддался на уговоры. А тебе от нашей глупости одна выгода.

– А кто вы вообще, шпионы?

– Ну насмешила! – засмеялся Олег. – Где ты видела таких глупых шпионов? Хотя... – он задумался, – что-то общее есть.

– Меньше его слушай, – сказал Сергей. – Шпионы наносят вред, а наши действия никому не навредили. Мы с ним программисты. Америка кое в чём нас обогнала, а мы позаимствовали эти достижения. Не поняла? Ваши корпорации

не включают свои локальные сети в государственную. Наши люди долго работали, пока нашли к ним подход. А потом приехали мы, взломали защиту и передали нужное через спутники связи. Взлом хорошей защиты никогда не проходит бесследно, вскоре поднимается шум. Если бы мы вскрыли одну сеть, остальные перекрыли бы эту лазейку, а при массовом вскрытии сразу догадались бы, чьих рук дело. А такое чревато крупными неприятностями. А когда эту работу проводят за день до извержения, даже если успеют что-то раскопать, уже никто не отреагирует и труд тысяч учёных и инженеров будет спасён для человечества!

– А под человечеством вы понимаете себя, – сказала она. – Я должна вас ненавидеть, но почему-то не получается.

– Ты меня ещё полюбишь, – пообещал Олег. – На всякий случай запомни, что я холостой, а Сергей тебе уже брат!

– Замолчи, балабон! – прервал его напарник. – Въезжаем в город.

Глава 24

– Вот и свершилось, – сказал жене Алексей и выключил экран коммуникатора, который вчера установили в его домашнем кабинете. – Вид со спутника меня не впечатлил.

Катастрофа произошла, и можно было без ограничений использовать в работе современное оборудование, что и делали. Возможные утечки информации больше никого не волновали.

– Мне не нужны такие впечатления, – отозвалась Лида. – Если бы кто-то умудрился заснять, как лавовые потоки сжигают города, я уничтожила бы такую запись. В картинах катастроф есть что-то притягательное, но они разрушительно действуют на психику. Ты сейчас на работу?

– Нет, останусь с тобой. Я сделал своё дело, сейчас работают другие. Если понадобится, свяжусь по комму. Время для моей работы ещё не пришло, поэтому сегодняшний день проведём вместе.

– Интересно, как на это отреагируют другие. – Лида встала со своего кресла и перебралась к мужу на колени. – Включить телевизор?

– Не стоит, – ответил Алексей. – Сейчас передают только наше информационное сообщение, все остальные каналы блокированы. Можно послушать новостной канал комма, но лучше сделать это позже. Пока никто толком не понял, что

произошло.

– А когда поймут?

– Скоро. Мы передаём для своих по открытым каналам, так что слушают многие. Только поверить в такое без доказательств... Спутников над Штатами много, поэтому информация пошла, но нужно время определиться, что с ней делать и как теперь жить. И как сказать людям, что прежней жизни пришёл конец, а в новой им нет места. Удел большинства стран – это паника, анархия и хаос. В вашей истории, кроме России и Австралии, что-то похожее на государства сохранили немногие. В Европе такими были немцы. По Латинской Америке не нашёл у вас никакой информации, может, на юге кто-то и уцелел. Кислотой их не поливало и было достаточно тепло. Вот только питание...

– По Канаде тоже не удалось узнать, – сказала Лида, – а Африкой не занимались.

– В ней и без катастрофы такое творилось... Тепло – это ещё не всё. Могли и выжить, если опустились до людоедства, но вряд ли их осталось много.

– Ты не любишь негров? – удивилась жена.

– Люблю я только тебя. Дело не в цвете кожи, а в воспитании. И отбирать людей будем не по расовому признаку.

– А как вы собираетесь их отбирать? Ну что ты кривишься, мне действительно интересно. У нас принимали всех подряд, а потом самые бесполезные посылались на те стройки, где их выжило очень немного.

– И к чему вы пришли? – спросил Алексей. – Набрали полезного дерьма, да ещё и сами кое-что поощряли. Я понимаю, что у вас было намного меньше ресурсов, но это не основание для того, чтобы разрушать нравственные устои.

– Я не состояла в правительстве, и катастрофа разразилась для нас так же внезапно, как и для остальных. Мы не готовились к ней семьдесят лет.

– Уела, – согласился муж. – Я действительно слабо представляю, что бы мы делали, свались всё это на голову внезапно. Снимаю шляпу перед вашим президентом! Ладно, давай коротко расскажу. Кто у нас в соседях? Пойдём по кругу, начиная с севера. Финляндия, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Турция, Иран, Афганистан, Китай, Монголия и Северная Корея. Кажется, никого не забыл. Турцию, Иран и Афганистан можно не считать. Границу с ними закроем.

– Ислам?

– Ислам и многое другое. У нас хватает своих правоверных, но их приучили верить потихоньку и не навязывать свою веру другим. Ваша история показала, что и они могут оказывать разрушающее действие на государственные устои, но мы такого не допустим. Если что-то начнётся, даже не потребуется никого выселять, просто перекроем продовольственные поставки – и всё! Китай из этого списка тоже можно убрать. У нас на Дальнем Востоке живёт полмиллиона китайцев, и нам их хватит. Монголам помогать не стали, пото-

му что не сможем прикрыть их от Китая. Точнее, сможем, но выйдет слишком дорого и ослабит нашу собственную оборону. Монголию Китай захватит, потому что до неё не дойдут кислотные дожди, сильно осложнившие жизнь самим китайцам. При этом большинство монголов перебеют, а часть успеет перебежать к нам. Их там всего три с половиной миллиона, поэтому спасётся тысяч триста. Для нас это немного, поэтому примем всех. Из Северной Кореи никого не возьмём. Там работающий народ, но с повёрнутыми мозгами. Когда тебе сто лет говорят, что чёрное – это белое, такое не проходит бесследно для психики. Конечно, не все такие, но у нас и без них проблем выше крыши. Следующей отпадет Польша.

– Я знаю, что ты их не любишь.

– Это они меня не любят, и тебя тоже, и всех остальных, кроме самих себя. Совсем не откажем, но отбор проведем по жёсткой схеме, так что поляков много не будет.

– Если так отсеивать всех соседей, у тебя вообще никого много не будет, – сказала Лида. – Давай я пересяду в кресло, а то отсидела тебе колени.

– Вы тоже взяли немногих из соседей, – возразил Алексей. – Финляндия превратится в ледник, а финнов восемь миллионов, и три четверти из них нам и даром не нужны.

– А последняя четверть?

– Тоже не нужна, но миллиона полтора приютим, если придут. К нам ведь массово побегут не сейчас, а позже, ко-

гда убедятся, что не вернётся тепло и станет нечего есть. Очень скоро с европейцев слетит налёт цивилизованности. Все дружно забудут об общих ценностях и интересах и начнут отстаивать свои собственные. А в условиях отсутствия сильной власти подобное отстаивается кровью. Полномасштабных войн в вашей истории в Европе не было, но мелкие драки и переделки остатков ресурсов кипели повсюду. Плюс голод и холод. Многие просто не могли добраться до ваших границ. Кто в основном к вам тогда прибыл? Те, кого вытурили немцы, французы и прочие. Сначала набрали иммигрантов, а когда прижало, дружно избавились от балласта. А американцы плыли по большей части в ту же Европу, а уже потом к нам. Немногие переправились в Австралию из Латинской Америки, ещё меньше было тех, кто уплыл вместе с англичанами, когда те покидали свой замерзающий остров.

– Ну хорошо, – сказала Лида. – Мы в своё время принимали почти всех, хоть потом треть из них уморили, и набрали всего миллионов восемьдесят, а ты хочешь многих отсеивать, хотя возможностей гораздо больше. Зачем тогда столько строили?

– Я хочу помочь боливийцам, – объяснил Алексей, – и ещё кое-кому в Латинской Америке. На Кубе свет клином не сошёлся, а в Боливии очень неплохой человеческий материал. Будет жалко, если они все погибнут. Главное – не слишком сильно разбавить наш народ, а умеренное вливание свежей крови пойдёт ему только на пользу.

– А это ничего, что они там все католики?

– Это больше относится к прошлому веку, а сейчас мало кто истово верит. Возьмём молодёжь, и тоже с отбором.

– С чего начали, к тому и пришли, – сказала Лида. – Как будете отбирать?

– Всё сделаем по одной схеме, – начал объяснять Алексей. – На нашей территории вблизи пропускных пунктов огораживаются большие площадки, на которых устанавливаются типовые надувные конструкции. Надуваются они полимерной пеной, а после затвердения остаётся установить освещение и обогрев. Линии электропередачи туда протянуты, поэтому работу выполняют за несколько дней. В каждом помещении установим пять сотен столов с компьютерными терминалами. Кандидаты должны сдать два теста. На первый из ста вопросов даются пять минут, поэтому времени на обдумывание нет. Во втором всего три десятка вопросов и дают уже десять минут. Каждое место оборудовано скрытыми датчиками, позволяющими измерять частоту пульса, давление и другие параметры, и машина фиксирует все изменения по каждому из ответов. В результате беженцы делятся на три группы: те, кого безусловно берём, те, кому указываем на дверь, и всех остальных, с которыми нужно разбираться. В базе есть данные на полмиллиона людей, полезность которых не вызывает сомнения, но и они должны пройти тесты. Даже если получают неудовлетворительные результаты, всё равно возьмём, но потом с ними будут работать или отве-

зут в те места, где вред будет минимальный, а пользу принесут. Я думаю, не нужно объяснять, кому откажем. Нам нужны уживчивые, порядочные люди без психических или сексуальных отклонений, которые примут нашу идеологию или с ней смирятся.

– И со многими придётся беседовать? – спросила Лида. – Справятся твои комиссии?

– В них скоро будет двадцать пять тысяч работников. Я думаю, что пропустить три тысячи человек за год сможет каждый. Нужно быстро решить, брать или нет человека, который представляет интерес, но вместе с тем вызывает сомнения. Поскольку я не смогу оценить работу членов комиссий, нужно оценивать их самих. Это не моя работа, но люди уже подобраны. Удовлетворена?

– Получила примерное представление, а чтобы разобраться, нужно читать ваши тесты и знать, как машина оценивает ответы. Но что бы вы ни придумали, я не хотела бы быть на месте членов твоей комиссии. Как представлю себе вереницы голодных, замерзающих людей, с надеждой входящих в ваши здания... А потом кто-то их выслушивает и выгоняет обратно на мороз. Я так не смогла бы. Дети как-нибудь влияют на выбор?

– У проблемных добавляются баллы. А если, к примеру, мужа пускать нельзя, а у него жена с ребёнком, ей предлагают остаться или оставить ребёнка. Детьми считаем тех, кто младше четырнадцати. Но у проблемных редко есть жёны с

детьми, а вот супруг с взятым на воспитание ребёнком может быть.

– Никогда не понимала этого маразма, – сказала Лида. – Точно бесятся с жиру. Ладно, пойду немного полежу. Когда надумаешь включать комм, позови.

Первые отклики на катастрофу пришли только через четыре часа после взрыва, когда уцелевшие и обезумевшие от страха американцы повалили через границу с Мексикой, и не только в положенных местах, но почти на всём её протяжении, ломая при этом мешавшие ограждения. Они скупали продовольствие и транспорт, после чего старались как можно быстрее убраться подальше от границы. Беглецов было так много, что скоро в приграничных городках стало нечего покупать. Деньги были не у всех, поэтому не обошлось без воровства и грабежей. Местные власти попросту растерялись. Через два часа потемнел край неба с американской стороны, и полоса черноты стала быстро приближаться, погружая мир в жуткий полумрак. Люди включали фонари, жгли на улицах костры, бросая в них всё, что могло гореть, и истово молились о прощении грехов. Те, на ком грехов было много, не рассчитывая на милосердие и пользуясь темной и бездействием властей, грабили, насиловали и убивали, пытаясь жестокостью и текилой заглушить леденящий душу страх.

– Началось, – сказала Лида. – Власти Мексики так и не выступили, а ведь наверняка знали о ваших передачах. И в

Европе пока молчат.

– Испуг и растерянность, – ответил Алексей. – Связь со Штатами пропала почти сразу. Наши передачи они принимали, да и национальные космические агентства наверняка отчитались о вулкане. Я на их месте мобилизовал бы армию и ввёл военное положение, а потом избавлялся от лишних ртов. Они, скорее всего, будут действовать так же, но не сразу. Нелегко на такое решиться после того, как семьдесят лет убеждали всех в приверженности правам и свободам граждан. Да и исчезновение старшего брата, которому смотрели в рот, выбило из колеи. Завтра, когда на нас начнут надвигать крышку кастрюли, молчать уже не смогут.

– А ведь нас будут подозревать, – сказала Лида. – Я сразу вспомнила бы о наших закупках продовольствия.

– Ну и что? – возразил он. – Мне теперь на это плевать. И в чём нас могут обвинить? В предусмотрительности? Не в том же, что мы проковыряли дыру в Йеллоустоне. Подожди, меня кто-то вызывает.

Вызывал министр связи.

– Алексей Николаевич, – сказал он. – Население оповещено всеми видами связи. Сотовую разблокировали и продублировали сообщение на все телефоны. Это всё, что можно сделать. В газетах будут печатать статьи о катастрофе и её последствиях. Ваше распоряжение о раздаче населению фонарей сейчас выполняется. В сельские районы их развозят по воздуху. Завтра в первой половине дня должны за-

кончить. Меня в этом заверили работники республиканских министерств.

– Хорошо, Игорь Юрьевич, – сказал Алексей, – спасибо за работу.

– Что за фонари? – спросила жена.

– Забыл тебе сказать. Подожди минутку, сейчас принесу.

Алексей ненадолго сходил в кабинет, после чего вернулся в гостиную и протянул ей небольшой фонарик.

– Изготовили для всех, включая детей старше пяти лет, – объяснил он. – Светодиодный излучатель и накопитель. Светит очень ярко и непрерывно работает месяц. Яркость можно регулировать. Ночью в городах будет светло, но вне зон освещения видимость почти нулевая. В квартирах и рабочих помещениях увеличим число светильников. Хоть как-то компенсируем отсутствие солнечного света. Я читал, что в ваше время у многих из-за его отсутствия появлялось состояние депрессии.

– А что скажете людям?

– Объявим о введении военного коммунизма, – невесело усмехнулся Алексей.

– Я серьёзно спросила.

– А я серьёзно ответил. Вот же чёрт! Ведь уже почти построили материальную базу коммунизма! Каждый имел нормальный дом или квартиру и мог купить электромобиль. Любая техника или мебель – бери на выбор! Питание у всех было хорошее, и каждый мог прекрасно отдохнуть! А теперь

всё коту под хвост! С завтрашнего дня отменяем деньги, точнее, временно прекращаем их использовать. Будем начислять на счета, но без права пользования. Оставим только возможность перевести на другой счёт для стариков, которые уже не увидят своих денег. Что так смотришь? Зачем нам деньги? Кормить всех будем бесплатно. На предприятиях и в больших домах откроется много столовых, где каждый сможет поесть три раза в день, регистрируя всё на свой чип. Их, кстати, выдадут всем детям старше пяти лет. Проживание и все коммунальные услуги теперь бесплатно, городской транспорт – тоже, а междугородним будут пользоваться только по служебной надобности и специальным разрешениям. Если разрешат поехать, снимут деньги со счёта. Одеждой и обувью обеспечим, а все компьютерные салоны и кинотеатры будут бесплатные. Даже бытовую технику дадим просто так, если выйдет из строя или иммигрантам. Чем не коммунизм, жаль, что он никого не обрадует!

– Да ладно тебе огорчаться! – сказала Лида. – По сравнению с тем, что будет твориться у других, это действительно коммунизм. А почему не напечатали сегодня?

– Когда отберут солнце, уже не так остро воспримут потерю всего остального. Многие не поверили нашему сообщению. Им легче думать, что я сбрендил, чем поверить в гибель мира.

– Когда завтра поедешь на работу?

– Как обычно в девять. Вместе поедем. Один из законов

военного коммунизма заключается в том, что должны работать все, за исключением стариков, беременных и больных. Ну и те, у кого малыши до двух лет.

– Да я не против, – засмеялась Лида. – Просто хотелось бы знать, каким будет у нас пенсионный возраст. Или теперь вкалывать вечно?

На следующий день затмение началось около трёх часов. Алексею передали, что фронт пыли появится над Москвой через десять минут, и он позвонил в секретариат и вызвал Лиду к себе.

– Хочу встретить это вместе с тобой, – сказал он жене. – Можешь смеяться, но с тобой мне не так страшно. Сколько себя к такому ни готовь...

– Не надо! – сказала она, обняв мужа. – Пошли к окнам.

Они стояли, обнявшись, у одного из двух окон кабинета и ждали. Минуты через три край неба подёрнулся дымкой, а следом за ней появилась чёрная полоса, которая начала на глазах наползать на город. Сразу же потемнело, свет убывал, пока не стало так темно, что глаза с трудом воспринимали контуры предметов.

– На два года убавили свет! – сказал Алексей, включая фонарик. – Но на улице светлей, всё-таки можно обойтись без освещения.

Он дошёл до двери в приёмную и включил свет.

– Возвращайся в секретариат, у меня сейчас будет много работы.

Когда жена вышла, Алексей сел за стол и уронил голову на руки. Хотелось сидеть и не оборачиваться, чтобы не видеть темноту за окнами, но он поборол слабость и включил коммуникатор.

* * *

Прошли пять первых и самых тяжёлых дней. Как это ни казалось дико, но все начали привыкать к темноте и к ограничениям. Людей грела мысль, что это не навсегда. Два года можно было перетерпеть. На улице похолодало, но пока не очень сильно. Сегодня было минус пять, но температура понемногу падала. Питались почти так же, только немного уменьшили порции и уже не было большого выбора. В городе постоянно горел свет и каждый день бригады монтажников устанавливали новые светильники.

– Скоро не понадобится и солнца, – глядя в окно, пошутила Лида. – Хватит нам энергии?

– Её у нас с запасом, – ответил Алексей, – а если не хватит, построим реакторы. Людей всё равно нужно чем-то занять.

Они отработали своё и уже были дома, но Алексею звонили и домой. Сегодня тоже были два вызова. Первым вышел на связь министр заготовок.

– Алексей Николаевич, извините за то, что беспокою дома, но вы сами сказали доложить, а у меня раньше не было полной картины.

– Не стоит извиняться, Николай Игнатьевич, переходите к делу.

– Дела идут не лучшим образом. Треть колхозников отказывается сдавать продукты и скотину. Не прямо в лоб, но тянут резину, зная, что у нас нет на них времени. Как вы и говорили, таких берём на карандаш и оставляем в покое. Это в основном мелкие хозяйства, и на западе Украины отказы почти повсеместно. На Кавказе другая беда. Нам нужно спустить с гор всех крестьян, но почти никто не хочет ни спускаться, ни отдавать скот. На них не повлияли темнота и понижение температуры. Поблагодарили за фонари, на этом всё и закончилось. Я боюсь, что, если дней через десять ударят морозы, мы мало кого оттуда выведем.

– Обращались в местные органы власти?

– Там сидят такие же... извиняюсь! На словах соглашаются, а делать ничего не хотят. Не все, но многие.

– Успокойтесь, Николай Игнатьевич, – сказал Алексей. – Силу применять нельзя, а сейчас не то время, чтобы кого-то уговаривать. Мы всё объяснили и предложили помощь. Не верят или не хотят? Дело их. Пускай, когда приморозит, спускаются со своих гор сами! Как дела в Средней Азии?

– Там всё нормально. Как только установятся морозы, проведем массовый забой скота и заморозку мяса. А крестьян уже вывозят в города.

Потом позвонил один из заместителей министра вооружённых сил.

– Алексей Николаевич, это вас беспокоит генерал Гращенков. Звоню по просьбе нашего посла в Гаване. Вопрос

срочный, поэтому он не обратился по своим каналам, а передал с нашими пилотами. На Кубе температура воздуха около нуля и завтра уже будут заморозки, а у них у трети населения нет никакой тёплой одежды. Дома утепляют, но эта работа на месяц. Им отправили сотню контейнеров с тёплой одеждой, но корабли подойдут только через три дня, да и мало им посланного. А у нас десантная авиация каждый день летит туда порожняком. Дать бы им хоть что-нибудь из резервов? Жалко, хороший там народ, но к морозам непривычный. И если есть войлочная обувь, тоже бы подкинуть.

– Хорошо, Иван Павлович, – сказал Алексей. – Я посмотрю, что можно сделать. Во сколько у вас завтра вылет? После двух? Попробуем успеть. Как идёт эвакуация?

– Хорошо идёт, – ответил генерал. – За один заход перевозим сто тысяч. Выделяют молодые семьи с детьми. Проверку делаем поверхностную. И люди вроде хорошие, и нехватит времени нормально всех проверить.

– Перебьются без войлока, – сказал Алексей жене, которая слушала их разговор. – При массовом забое скота получим много кожи, поэтому отправим им из резерва кожаную обувь. На Кубе не будет наших морозов.

Прошло ещё три дня, и в Москву прилетел председатель Европейской комиссии Хюго Петерссон. В тот же день Алексей дал ему аудиенцию.

– Господин премьер-министр! – обратился он к Самохину. – От имени...

– Нет, – перебил его Алексей. – Мы не станем делиться с вами продовольствием, нам нужно растянуть его на двадцать лет. И я не собираюсь брать ваших граждан к себе, они никак не вписываются в наше общество. Могу приютить специалистов по списку и членов их семей. Ещё можете передать своих детей в возрасте от пяти до восьми лет. Этих возьмём хоть миллион.

– Почему такой возраст? – оторопел Петерссон.

– С младшими тяжело, – объяснил Алексей, – а старшие могут припомнить нам своих матерей. Мы могли бы оказать помощь в строительстве реакторов, но вы не успеете. К тому же энергией сыт не будешь, а продовольствия у вас хватит от силы на год. Извините, господин Петерссон, но вас семьсот миллионов, а мои возможности ограничены. Я при всём желании не могу помочь, и никто не сможет. Скоро ваша Объединённая Европа начнёт делиться и менять свои приоритеты. Англичане сбегут в Австралию, немцы пошлют всех... далеко и, скорее всего, уцелеют, пусть и не все. Судьба остальных достойна сочувствия. Если вы отклоните мои предложения, возможно, мы приютим кого-то из европейцев, но решим это на нашей границе в индивидуальном порядке.

– Не ответите вопрос? – спросил гость. – Почему он выбрал вас?

– Не понял, – сказал Алексей. – Что вы имели в виду?

– Я хотел узнать, почему Бог, очищая Землю от нас, отдаёт

её вам. Чем мы хуже?

– Он не объясняет своих мотивов, – ответил Алексей старику, который с жадным любопытством смотрел ему в лицо. – Выбрал и заставил жить. Я могу только догадываться, но вы не поверите моим догадкам: мы с вами слишком по-разному смотрим на мир.

Как только Алексея покинул европейский гость, позвонил секретарь и сообщил, что должен подъехать адмирал Васильев.

– Он передал, что хочет поговорить лично.

– Скажите ему, чтобы сразу входил, – распорядился Алексей. – Я его жду.

Через десять минут главком ВМФ сидел в его кабинете.

– Много новостей, – сказал он Самохину. – Можно было поговорить по закрытому каналу, но я решил доложить лично.

– Правильно решили, Николай Павлович, – одобрил Алексей. – Выкладывайте, с чем пришли.

– Основная флотская группировка занимается портом Нью-Йорк. Взяты на заметку сотни судов с самыми разными грузами. Это и продовольствие, и ширпотреб, и промышленное оборудование. Очень много бытовой электроники. На Кубу перегнали пять круизных лайнеров и сейчас отправляют корабли с продовольствием. Разгрузят и своими командами отправят в наши порты. Позже начнём переправлять к ним суда с самыми ценными грузами. Эти уже разгружаться

не будут, просто поменяем команды и посадим столько кубинцев, сколько смогут увезти.

– Самим кубинцам что-нибудь оставите или очистите всё побережье?

– Шутите, Алексей Николаевич? – улыбнулся адмирал. – Там одних кораблей останется столько... А мы ещё не брались за Ньюпорт-Ньюс. Да и в Нью-Лондоне, помимо боевых кораблей, есть грузовые. И это не единственные порты на побережье. Погода стала портиться. Скоро начнёт штормить, да и морозы... Плавать будет трудней, да и суда в портах могут пострадать. Из-за погоды кубинцы вряд ли не доберутся до берега, удовлетворятся кораблями. Само побережье, кстати, пострадало мало, пепла почти нет. Но в Нью-Йорке много сгоревших домов, а улицы завалены телами. Наши ребята туда не совались, наблюдали инфракрасной оптикой и облетели на вертолётах. Живых не видели. Если кто-то и уцелел, наверное, успели сбежать. Там навалом яхт и катеров, и накопители у многих заряжены под завязку. До Мексики вполне можно доплыть.

– Вы из-за мародёрства не забыли о подлодках? – пошутил Алексей.

– Как можно! Сейчас перейду к ним. Те, которые были на боевом дежурстве, двинулись в Англию. Видимо, получили приказ командующего американскими войсками в Европе. Мы не успели их перехватить, да и не ставилось перед нами такой задачи. В Канаду или Австралию пока не отправилась

ни одна, поэтому не пришлось их топить.

– За лодками наблюдали «Паутиной»?

– Да, три дня назад развернули систему. Связные и навигационные спутники работают нормально, а вся оптика сдохла, поэтому «Паутина» – это единственное средство. Только вряд ли она продержится больше нескольких месяцев. И накопители сядут, и мусора на орбите много, а антенная система разбросана на сотню километров.

– Больше вам и не понадобится. Через месяц-два англичане начнут эвакуацию.

– Теперь по Нью-Лондону, – продолжил доклад адмирал. – Мы блокировали выход судов из Темзы и провели воздушную разведку. В порту стоят несколько боевых кораблей и пять подводных лодок. Обнаружили людей, которые при виде вертолётa махали руками, пытаясь привлечь внимание. Мы не убрали подсветку, поэтому они наверняка рассмотрели нашу символику, но не испугались. Я думаю, что их там выжило немного и не набирается на полноценные экипажи, поэтому нетрудно договориться. Город тоже мёртвый. Теперь по вашим людям. Забрали все пять групп, хоть и не без приключений.

– Что стряслось? – спросил Алексей.

– Одна из групп работала в штате Колорадо и, вместо того чтобы дёрнуть оттуда после выполнения задания, направилась в соседний Вайоминг поближе к вулкану.

– Повредились головой?

– Понадеялись на возможности машин, которыми их снабдили, и решили заснять извержение.

– Кто же это у меня такой безбашенный? – спросил Алексей.

– Я не запомнил фамилий. Самое интересное, что им удалось заснять начало извержения и уйти оттуда живыми. А ведь подобралась почти вплотную, километров на двести. Мало того что удрали сами, так ещё привезли с собой молодую девчонку. Она решила полюбоваться на гейзеры, а они её завернули.

– Красивая девчонка? – улыбнулся Алексей.

– Я не видел, – вернул улыбку адмирал, – говорят, симпатичная. Всего шестнадцать лет, но уже есть на что посмотреть. Но дело было в другом. У старшего в группе есть сестра, которая отличается от этой девчонки только цветом волос. Вот он и пожалел.

– Повезло, – сказал Алексей.

– Повезло, – согласился адмирал. – И не только ей, но и им. Через Сан Антонио проехать не удалось: дороги были перегорожены машинами и завалены телами, да и накопители разрядились.

– Что за новости? – удивился Алексей. – Как они могли разрядиться?

– Они немало ездили, а потом на полную мощность гоняли охлаждение, чтобы не изжариться. В общем, пришлось этой троице идти пешком через полгорода. Уже на выходе

их обстреляли, и тяжело ранили вашего сердобольного программиста. Второй отбился и с помощью девчонки понёс друга дальше. Когда выбились из сил, она взяла один метатель и ушла искать машину. На ней добрались до побережья, а потом донесли раненого до места встречи. Вот и получилось, что он спас её, а она – его. Без помощи этой девушки его напарник не справился бы. Мой капитан поначалу не хотел брать её на борт, но пришлось.

– И что же вынудило изменить решение? – поинтересовался Алексей.

– Второй ваш специалист. Он сказал, что тоже останется. Так что девчонку забрали, и сейчас вся команда носится с ней как с родной. Капитан сказал, что замечательная девушка.

– Были бы они все такие! – сказал Алексей, имея в виду американцев. – Как состояние раненого?

– Намного лучше, но придётся полежать.

– Извините, Александр Николаевич, – вмешался в их беседу секретарь. – С вами хочет говорить премьер-министр Японии. – Соединять?

– У меня пока все новости, – поднялся Васильев. – Не буду вас задерживать.

С экрана коммуникатора Алексею поклонился пожилой японец, одетый в чёрный костюм.

– Приветствую, ваше превосходительство! – сказал он, шевеля губами не в такт произносимым словам. – Прошу вас

уделить мне несколько минут для важного разговора.

– Приветствую вас, господин Сатоми Морисима, – поклонился в ответ Алексей. – Ваша программа переводит и мой разговор или мне включить свою?

– Вы говорите на хорошем японском, – слегка улыбнулся премьер-министр. – Чтобы вас не задерживать, я хотел бы перейти к делу. Мы знаем, что вы лучше всех подготовились к катастрофе. У нас к вам деловое предложение. Вы можете принять восемь миллионов наших детей? Прошу не спешить говорить «нет». Дети будут в возрасте от пяти до десяти лет. Они мало едят и не доставят беспокойства. К малышам добавим девушек, которые будут за ними ухаживать. В оплату можем отдать вам любые технологии и много уникального оборудования. И уцелевшие никогда не потребуют своих детей обратно. Мы предпринимаем большие усилия для спасения населения, но не сможем всех спасти, особенно детей.

– Мы поможем, – ответил Алексей, – только вам придётся самим доставлять детей во Владивосток, а оттуда их эвакуируем. Тянуть с этим не стоит, так как мы ожидаем осложнений с Китаем. Да, с оборудованием можете не спешить, а информацию по технологиям передадите по каналу, который вам предоставят.

Глава 25

– Не ожидала я от них такого! – сказала Лида, когда Алексей вечером рассказал о договоре с японцами. – Ты сам предложил европейцам, и, наверное, откажутся, а эти...

– Потому что в Европе полно придурков! – охарактеризовал Европу муж. – Они ещё не до конца осознали серьёзность положения, а когда осознают, поезд уже уйдёт. Да и не смогут ни о чём договориться, перемрут вместе с детьми. А японцам не позавидуешь. Море, которым многие кормились, почти ничего не даст, а купить продовольствие не получится. И ещё их Фудзи начала плевать огнём. К соседям тоже не сунешься – не те у них соседи, и кислотой сверху поливает. Но, в отличие от европейцев, это правильный народ. И организованный, и дети для них – это высшая ценность, а мы даём им жизнь. И не только им, они сплавляют нам сто шестьдесят тысяч своих девчат.

– И ты их берёшь. А как же бразильцы?

– У нас хватит места и для бразильцев. Мы ведь можем взять и сто миллионов, и двести. Сейчас у нас всего в досталь и так будет долго. Хлореллу начнём добавлять в пищу только через два года, когда съедим текущие запасы и возьмёмся за склады в мерзлоте. Сейчас запланировано только строительство подземных теплиц, чтобы обеспечить овощами и зеленью сначала детей, а потом и всех остальных. Но если брать

людей со стороны больше, чем планировалось, придётся их же бросать на строительство грибных комбинатов и производство хлореллы. Опять будут нужны теплицы, и не помещает построить десяток реакторов и дополнительную жилплощадь. Всё это решаемо, но...

– Что «но»? – спросила Лида.

– Но мы этого не сделаем. Мы не можем сильно размещивать свой народ чужими, ни к чему хорошему это не приведёт. Сто миллионов – это потолок, и чем больше среди них детей, тем лучше. Русский – это не столько национальность, сколько состояние духа. Язык, культура и образ мысли! Мы не будем держать японских детей в интернатах, а раздадим по русским семьям. Там они быстро освоят язык и пойдут в школу, где через несколько лет ничем не будут отличаться от своих сверстников, кроме внешности. А женщины – это те же дети. Выйдут японки замуж и через несколько лет будут тараторить по-русски и делать всё, что скажут их мужчины. В этом они лучше наших.

– Я давно лупила тебя в последний раз?

– Не пихайся, малыш, у тебя острые локти! Не понимаешь шуток.

– Думаешь, многие возьмут?

– Ты внимательно читала газету? Вижу, что поняла. Если у женщины уже есть ребёнок, но она не хочет вести скромный образ жизни, то обязана каждый раз перед этим делом принимать таблетку. Рождение ребёнка будет наказываться.

Средство безвредное и абсолютно надёжное. Удовольствие не гарантируется, а вот отсутствие последствий – вполне.

– Ты сегодня уже дважды пошутил! Что у нас сдохло в лесу?

– Больше не буду. Я к чему веду разговор? Многие женщины хотят малышей, а если нельзя иметь своих, разберут чужих. Да и жалостливый у нас народ, а дети потребуют от них только времени и любви, остальное им даст государство. К тому же женщин, у которых больше двух ребятишек, освободим от работы и будем начислять деньги на их счета. Так что детей разберут, ещё и станут в очередь. Подожди, пришёл вызов.

Звонил министр иностранных дел.

– Можете уделить мне несколько минут? – спросил он после взаимных приветствий. – Мы дали задание послу в Бразилии организовать ваш разговор с президентом. Оно выполнено. Вас соединят через десять минут. Алексей Николаевич, пока меня ещё не освободили от должности из-за отсутствия отношений с соседями, хочу напомнить о необходимости эвакуации на родину персонала всех наших посольств и консульств. И долго с этим тянуть нельзя, многих, возможно, уже не вывезем.

– Я хотел использовать «Ковчеги», но они освободятся только через три недели. Вот что, Алексей Павлович, запросите через всех послов в Европе разрешение на пролёт малых десантных судов «Шторм». Если разрешат, сразу всех

заберём, а если не разрешат, обойдёмся без разрешения. Они невидимы для радаров, а с этой теменью вообще никто не заметит. А в Латинской Америке и Канаде привлечём к эвакуации военных моряков. Там сейчас группировка наших кораблей. По остальным решим завтра.

– У тебя разговор с Бразилией, – сказала Лида, когда министр отключился. – Мне уйти?

– Если интересно, можешь послушать, – разрешил муж, – только пересядь подальше от камеры. Можешь забраться на диван, только не кашляй и не сморкайся.

– Ты сегодня не такой, как всегда, – заметила она. – Я давно не слышала от тебя ни одной шутки. Не скажешь, в чём дело?

Загудел коммуникатор, и Алексей дал разрешение на связь. На экране появился пожилой мужчина, напомнимший Самохину его министра заготовок.

– Приветствую сеньора президента! – обратился к нему Алексей. – Наш переводчик с португальского неидеален, поэтому я поставил испанский. Вы не возражаете?

– Не имею ничего против, – ответил президент. – У нас многие говорят на этом языке. Чем обязан честью общаться с вашим превосходительством?

– Вы ещё контролируете страну? Этот вопрос связан с тем, что я хочу предложить.

– Контролирую и намерен сохранить контроль.

– Мы долго готовились к чему-то подобному и проработа-

ли разные варианты действий, – сказал Алексей. – Возможно, я смогу помочь советом.

– Мне не помешала бы более существенная помощь, – криво усмехнулся президент, – но я понимаю, что сейчас никто не станет разбрасываться ресурсами. Расскажите своё видение того, что нас ожидает.

– Можно и так, – согласился Алексей. – Пыль осядет через два года. Не вся, но станет светло. Температура воздуха продолжит падать. В Бразилии не дойдёт до морозов, но всё равно не обойдётесь без тёплой одежды и отопления. У нас окончательно потеплеет через двадцать лет, у вас это случится раньше. Значит, вы должны пять лет обогреть дома и пятнадцать лет чем-то кормить население. Зерна мало для людей, поэтому вы не накормите им скот. Если просто взять под контроль продовольственные ресурсы, вам их хватит на год, максимум на два, если урежете потребление. С имеющимися запасами смогут выжить миллионов тридцать, остальные лишние.

– И что вы можете посоветовать?

– Если сумеете удержать власть и мобилизовать население, сможете его сохранить. Вряд ли всё, но хотя бы половину. Будет очень тяжело и, скорее всего, старики и дети погибнут в первый же год. Прежде всего вам нужно много электроэнергии. Это свет и отопление для городских квартир и сельскохозяйственного производства. В деревнях можно топить дровами. Нефть у вас, по-моему, есть.

– Есть, – подтвердил президент. – Раньше мы её экспортировали, а сейчас почти не используем. Все электростанции работают на газе. Договаривались с американцами о постройке реакторов, но не сошлись в цене.

– Из нефти можно делать пищу для скота, а для людей выращивать грибы и хлореллу. Если к ним добавлять обычную пищу, жить можно. Подготовьте своих людей, мы научим их этим заниматься и дадим рассаду. Мы всё делаем под землёй, но у вас гораздо теплее, поэтому можете строить деревянные дома. У вас развитая экономика, так что постройте реакторы. Дадим комплект документации на английском и поможем с оборудованием, а дальше вы уже сами.

– И что вы хотите за помощь? – дрогнувшим голосом спросил президент.

– От вас? – удивился Алексей. – Дорогой сеньор Мантега! Нам ничего от вас не нужно. Могу предложить спасти часть ваших детей. Я недавно говорил жене, что мне нравится ваш народ и будет жалко, если он исчезнет. Японцы передадут нам восемь миллионов своих детишек. Им тяжело на такое идти, но альтернатива для них – это смерть.

– И вы их вернёте?

– Нет, – ответил Алексей. – Когда вырастут, мы не станем их насильно удерживать, поэтому берём только малышей. У вас они погибнут первыми, а у нас обретут новый дом и семьи. Подумайте, а потом сообщите своё решение. Поможем в любом случае, для нас это нетрудно.

– Молодец! – похвалила Лида, когда отключили связь с Бразилией. – Как ты думаешь, много их уцелеет с нашей помощью?

– С той, которую я обещал, уцелеет мало, а продовольствием помогать не будем. Хорошо, если они сохраняют пятьдесят миллионов, а их больше двухсот. И это при условии, что соседи не потребую делиться. Давай об этом закончим. Скажи лучше, чем думаешь заниматься завтра.

– Я не поняла, что ты имеешь в виду.

– Заработалась? Один выходной мы у всех забрали, но второй остался, а завтра воскресенье.

– И ты не поедешь в Кремль? – не поверила Лида.

– Поеду, но ненадолго. Если буду нужен, пусть связываются по комму. Хочу совместить приятное с полезным и навестить «Ковчег Алекса». Не хочешь составить компанию?

– Тебя и здесь увековечили! – засмеялась жена. – Поеду с удовольствием. Помню, сколько ты со всем этим возился. Много животных набрали?

– А разве я не говорил? – задумался Алексей. – Да, пожалуй, мы об этом не разговаривали. Животных больше трёхсот видов. Только слонов десятков, остальных намного больше. И подбирали их чуть ли не из разных концов света. Птиц в «Ковчеге» больше пяти сотен видов, а есть много насекомых, рыб и прочей живности. Пятая часть производимого БВК идёт туда, остальное – на фермы. За всем этим хозяйством наблюдают и ухаживают пять тысяч учёных и рабо-

чих. Всё подобрано так, чтобы потом можно было возродить несколько пищевых цепочек. Сколько во всё это вложено денег и труда! Мы ведь не только собрали животных, но и храним сперму для искусственного оплодотворения самок. Без этого число живности нужно было бы увеличить самое малое в десять раз. Завтра съездим, а то я уже год туда не навевывался. Получишь много впечатлений, плохо только то, что в «Ковчеге», несмотря на хорошую вентиляцию, сильно воняет.

– Сколько же вы всего нарыли возле самой Москвы! – удивилась жена. – Много там помещений?

– Ты даже не представляешь, сколько. Завтра сама увидишь.

Утром он не стал ждать Лену, собрался, вызвал машину и уехал, сказав жене, что позавтракает на работе. В приёмной уже ждал министр иностранных дел.

– Не спится, Алексей Павлович? – спросил Самохин. – Я сегодня вскочил ни свет ни заря, а вы уже на работе.

– Какой сейчас свет! – махнул рукой министр. – Единственная разница в том, что ночью гасят половину фонарей. А спал я действительно плохо. Вы сейчас свободны?

– Заходите, – пригласил его в кабинет Алексей. – Что у вас за вопрос?

– После нашего разговора, связался с болгарами и немцами. Бартель сказал, что они не будут никого отправлять. Энергии много, а продовольствия набрали года на четыре.

Он поблагодарил и попросил прислать специалистов по выращиванию грибов и хлореллы. БВК они делали и раньше, теперь будут расширять производство.

– А что сказали болгары?

– Эти не отказывались, но будут решать, кого выделяют на переселение. Я не брал бы их много.

– Много и не будем, – сказал Алексей. – Предлагайте забрать пятьсот тысяч детей нужного нам возраста. Взрослых не возьмём, разве что к детишкам добавим немного молодых девушек по японской схеме, а то с малышами поначалу трудно общаться. Если откажутся, поможем с грибами, только пусть вначале всё подготовят. Раз кочевряжатся, значит, накупили много продовольствия. Теперь поговорим об эвакуации персонала. Сам я не буду этим заниматься. Люди ваши – вам и карты в руки. Соединитесь с Брагиным и от моего имени попросите помочь. У военных есть экранолёты «Призрак». По-моему, они идеально подходят для ваших целей. В скрытом режиме их вообще ничем нельзя обнаружить. Нет у нас возможности действовать по дипломатическим каналам, да и желания тоже. Выделит Александр Иванович с десяток аппаратов, думаю, вам хватит. Их делали для дальней разведки, но и вооружение такое, что при необходимости разгонят любую толпу. В каждый можно погрузить сто человек, а у нас нет столько ни в одном посольстве. Вот только в Китае лучше обратиться официально. Вы ведь вывезли оттуда часть персонала?

– Мы незадолго до катастрофы вообще отовсюду убрали всех лишних, а в Штатах не осталось никого, кроме охраны посольства. Этим ребятам выделили скафандры и транспорт высокой проходимости, но до побережья никто не добрался, и по радио не отвечают. А в Китае только охрана и несколько дипломатических работников – всего двадцать три человека. И официально их не выпускают.

– Тогда и этот вопрос обсуждайте с Брагиным. Может, у него есть что-нибудь получше «Призраков», я не знаю всех возможностей военных. Что передают из посольств по радиосвязи?

– Из Пекина было несколько попыток связаться, но китайцы глушат все каналы, большинство остальных передают о беспорядках, пожарах и отсутствии связи с официальными лицами. О видимости порядка и контактах с местным руководством сообщают очень немногие. А с каждым третьим посольством вообще нет связи. Я поэтому и тороплю.

Больше никто не пришёл по его душу, не было и звонков, поэтому Алексей сходил в столовую позавтракать, решил несколько оставшихся со вчерашнего дня вопросов и, созвонившись с женой, вызвал машину. Когда он подъехал к дому, Лида уже ждала у подъезда.

– Ты хоть позавтракал? – спросила она, садясь рядом с ним на заднее сидение. – Или опять заработался и забыл?

– Позавтракал. Работы совсем мало, и слава богу. Мы уже выполнили почти всё, что было намечено, причём без авра-

лов. Народ потихоньку привыкает к новой жизни, а возникающие проблемы быстро решаем. Теперь до наплыва иммигрантов можно жить спокойно.

– Если бы у вас были авралы после семидесяти лет подготовки, вас всех нужно было бы разогнать! – сказала жена. – И начать с тебя. Что у нас на границах?

– Тишина. Возвращаются те, кто уезжал за границу и по каким-то причинам не смог или не захотел вернуться раньше. Мы ведь не могли кричать на весь мир, чтобы все бросили дела и бегом мчались в Союз. Кого смогли, тех предупредили, и постарались, чтобы было меньше выездов по служебным делам. От соседей наведались всего несколько сотен иммигрантов. На них опробовали систему. Но с сегодняшнего дня японцы начнут перевозить детей. Во Владивостоке к этому готовы, и сейчас на Дальний Восток перебрасываются скоростные поезда. В день перевезут авиацией только пятьдесят тысяч, так что если не задействуют флот, то эвакуация растянется на пять месяцев. Мы не можем столько ждать. Как только закончим с кубинцами, перебросим в Японию «Ковчеги».

– А как у нас обживаются кубинцы?

– Пока не интересовался, – пожал плечами Алексей. – Если по ним ничего не выносится на Совет, значит, всё идёт так, как запланировали. А самой Кубе помогли с одеждой. Через несколько дней начнут прибывать те корабли, которые взяли у побережья Штатов. Кубинцев на них мало, а ценных

грузов много. Это пока все новости. А вот и «Ковчег Алекса».

Машина свернула на съезд с шоссе и въехала на огороженную территорию, застроенную десятком многоэтажных зданий.

– Здесь живёт большинство работников «Ковчеха», – сказал Алексей. – Нам нужно к главному корпусу.

У входа в большое девятиэтажное здание их встретили двое. Это были представившийся Лиде директор объекта Вячеслав Андреевич Ольховский и его заместитель по хозяйственной части, который только поздоровался, передал мужу какие-то бумаги и ушёл.

– Дай нам кого-нибудь в гиды, Вячеслав, – попросил директора Алексей, – иначе мы у вас заблудимся, а то и вовсе попадём в вольер к кому-нибудь из хищников, а вам потом придётся долго отписываться.

– Если наши питомцы вас съедят, я не отделаюсь отписками, – пошутил Ольховский. – Лучше похожу с вами сам. Я думаю, что сейчас не пойдём смотреть насекомых, пресмыкающихся и земноводных. Их содержат при пониженных температурах, поэтому эти секции не зрелищные. Рыбы интересуют?

– На сковородке, – засмеялась Лида. – Шучу. Давайте ваших рыб и ракообразных отложим напоследок, а начнём с животных.

– Желание женщины – закон! – галантно наклонил голову

Ольховский. – Особенно такой, как вы! Прошу вас!

Они прошли мимо охраны к лифту и спустились на четвере этажа.

– А почему так глубоко? – спросила Лида.

– Верхний этаж используется для административных нужд, – начал объяснять директор. – На нём же находятся склады с продовольствием. Два следующих этажа – это наши питомцы. Для мелочи используются помещения с обычной высотой потолка, а для более крупных животных два этажа свели в один. Сейчас сами увидите. А последний этаж инженерный. Там у нас нагреватели и вентиляторы. Воздух ионизируется и меняется его влажность. Кроме того, здесь расположены криогенные хранилища спермы. Прошу вас сюда, здесь у нас самые крупные звери.

Он открыл дверь в коридоре, которым они шли от лифта, и пропустил вперёд Самохиных.

– Да, пахивает, – сказала Лида, осматривая огромных размеров помещение, разбитое на секции металлической оградой.

– А что вы хотели? – пожал плечами директор. – Здесь полсотни видов животных, число которых немного не дотягивает до двух тысяч. Вентиляция не справляется. Но пахнет не очень сильно. Мы уже приняохались и не замечаем.

– Здорово! – сказала Лида, подходя к ближайшему вольеру. – Не просто пол, вы устроили им царские условия!

– Всё действительно по-царски, – согласился Ольхов-

ский. – Насыпали землю, за несколько лет превратили её в дёрн, а уже потом выпускали животных. Само собой, посажены деревья и кустарники, а в бетонированных каналах течёт питьевая вода. Такой красоты нет только у копытных. Они вмиг оприходуют эту травку и всё разроют. Моча усваивается растительностью, но кал приходится убирать.

– Не люблю медведей, – сказала Лида. – Есть в них что-то неприятное. Хотя медвежата забавные. Пойдём дальше. Это волки? И опять много детёнышей. Это специально?

– Да, у нас очень много детёнышей, причём взрослые им не родители. Странно, смотрите, что они вытворяют!

Три десятка волчат, повиливая хвостами и громко тьявая, устремились к посетителям. Собравшись у решётки они пытались просунуть через неё голову, повизгивали и умильно заглядывали в глаза. А некоторые падали на спину и дрыгали лапами.

– Совсем как щенята! – сказала Лида, присаживаясь на корточки и протягивая руку к одному из малышей. – Смотрите, он урчит от удовольствия! Они у вас всегда такие?

– Я их такими ещё не видел, – растерянно ответил директор. – Лидия, уберите руку, пока вам не отхватили пальцы! Это дикие звери, а не домашние щенята. Странно, что они себя так ведут, обычно при виде посторонних прячутся и выбегают только на кормёжку.

– Ничего они не сделают! – сказала она, лаская волчат. – Они не кусаются, просто лизут руки.

– Лида, отойди! – сказал жене Алексей. – Сюда идут взрослые.

К вольере молча подходили взрослые волки, впереди которых выступал крупный самец. Щенячьего восторга они не выказывали, но и не скалились.

– Это их вожак! – сказал Ольховский. – Подлая зверюга! «Подлая зверюга» подошёл к решётке, не обращая внимания на пузатую мелочь под ногами, посмотрел в глаза Алексею и ткнулся здоровенной башкой в решётку.

– Никогда не думал, что у вас столько безрассудства! – держась за сердце, выговаривал Алексею Ольховский, когда они шли прочь от волчьего вольера. – Этот не пальцы, он руку мог отхватить! Кому сказать – не поверит!

– Не надо никому говорить, – перебил его причитания Алексей. – Слышали, Вячеслав? Не было ничего. Нам ещё не хватало слухов.

Директор постарался как можно быстрее провести гостей мимо других хищников, но у вольера с лисами повторилась та же история, что и с волками. Два десятка лисят разных возрастов собрались у решётки и устроили восторженные танцы.

– Ну этих-то можно погладить? – спросила Лида.

– К этим можете даже войти, – разрешил Ольховский, прикладывая палец к датчику считывателя. – Только не распахивайте калитку, а то разбегутся.

Лида зашла в вольер и села на лежавшее в траве бревно.

– Жаль, не взяли камеры, – сказал ей Алексей. – Тебя из-за них не видно, одна голова торчит. Они не поцарапают? А взрослые не спешат присоединиться. Ладно, поиграла и пошли, а то эти любители курятины испачкают тебе платье.

Несколько вольеров прошли, не заинтересовав их обитателей. Следующую остановку сделали у обезьян. Их было всего два вида: шимпанзе и какие-то мартышки. У двух самок шимпанзе были малыши.

– Для них решили сделать исключение, – объяснил директор, увидев вопросительный взгляд Лиды. – Их у нас потом заберут. Что, тоже хотите пообщаться? Так они вроде не лезут к вам обниматься.

– Я не собираюсь с ними обниматься, – пообещала Лида. – Просто хотела рассмотреть малышей.

Ольховский вздохнул и открыл калитку.

– Не вздумайте трогать детёныша, – предупредил он гостью. – Самка убежит или укусит, а зубы у них большие и грязные.

Они прошли по дорожке к группе деревьев, под которыми сидело полтора десятка шимпанзе. Ещё столько же обезьян разбрелись по всей площадке. Лида подошла к той из мамаш, которая была ближе, и присела на корточки в трёх шагах от неё. А потом произошло неожиданное. Неодобрительно смерив взглядом Лиду, самка оторвала от себя протестующе запищавшего детёныша, сунула его в руки опешившей женщины и, отойдя на несколько шагов, улеглась спать.

Мальш, очутившись на руках, сразу перестал кричать, попробовал ухватить грудь, а когда это не получилось, начал играть, дёргая Лиду за волосы.

– И что мне с ним делать? – спросила она Ольховского. – Я, конечно, мечтала о ребёнке...

– Верни этой лежебоке, – сказал Алексей, – пока он тебе не повыдёргивал волосы. Нам нужно идти дальше, уже и так потратили много времени. Да положи его сверху на мать, он не упадёт.

Зверей смотрели до тех пор, пока один из слонят не облил Лиду водой и убежал прятаться за взрослых.

– Где здесь можно обсохнуть? – спросила она растерявшегося директора. – Звери у вас какие-то ненормальные. Наверное, нам на сегодня хватит. Приедем к вам как-нибудь в другой раз.

– Пойдёмте быстрее на первый этаж! – заторопился Ольховский. – Там у нас душевые, а в них горячий воздух. Обсохнете за несколько минут.

– Ну и как тебе «Ковчег»? – спросил муж, когда ехали домой. – Жаль, мало посмотрели, но там и дня не хватит всё увидеть.

– Впечатлений много, – согласилась она. – А твой Ольховский получил их больше меня. Хорошо, что не было персонала, наверное, он всех выгнал из секции до нашего приезда. Не хватает ещё свидетелей братания с хищниками. Это ведь не просто так? Директор до самого конца нашей экскурсии

ходил с открытым ртом. Есть мысли, что бы это могло значить?

– А чёрт его знает! – высказался Алексей. – Но, вообще-то, приятно. Только лисы – это несерьёзно. Надо было для проверки зайти к тиграм. Да шучу я, зачем толкаться! Нет у меня объяснений. Если можешь, придумай сама.

* * *

– Завтра первые поезда с детьми придут в Новосибирск, – сказал Алексей министрам. – После заполнения подготовленных интернатов часть детей отправим в Свердловск, где создан большой резерв по жилью. Потом эстафету примет Челябинск. Остальных разместим в Московской области. Ответственным за эту работу назначен Холодов. Прошу вас, Николай Борисович.

– Для расселения японцев оборудуем интернаты, используя в первую очередь санатории и профилактории, – начал свой доклад один из заместителей Алексея. – В них удобно размещать детей и осуществлять за ними уход. Обычный жилой фонд хуже подходит для этих целей. Основная задача – это перед раздачей детишек по семьям хоть немного научить их русскому языку. Мы собираем знающих японский, но по нашим потребностям их слишком мало. Первичное общение будет делом прикреплённых девушек, каждая из которых перед отправкой из Японии снабжается электронным переводчиком. С детьми присылают их одежду и обувь и то, что захотят взять в семьях, так что на первое время они всем обес-

печены. Мы думаем сначала обучить по интенсивной методике девушек, а уже они будут работать с детьми. Резервы у нас большие, так что в спешке нет необходимости. Большинство детей младше восьми лет, поэтому японкам будет трудно с ними управиться. Сейчас им в помощь начали готовить наших девушек, срочно обучая их японскому на уровне, обеспечивающем общение на самые насущные бытовые темы. С применением спецоборудования на это уходит пять дней. Для решения всех этих вопросов создана специальная комиссия. Пока всё нормально и помощи не требуется. Я сегодня вылетаю во Владивосток, чтобы лично проверить, как пойдут дела.

– Японцы передали авансом огромный объём научно-технической информации, – сказал Алексей. – Из Японии отправлено пятнадцать грузопассажирских кораблей с уникальным промышленным оборудованием, которые тоже везут детей. Мы взяли бы этих ребятишек без всякой платы, но если от неё не отказались, то это налагает на нас дополнительную ответственность. Уверен в том, что японское правительство захочет проверить, в каких условиях находятся дети, и мы не собираемся им в этом препятствовать. Надеюсь, что всё необходимое выполним без проволочек и в полном объёме. Предупредите своих работников, Николай Борисович, что с проштрафившимися не будут церемониться. К вам это тоже относится. Дмитрий Сергеевич, что у нас по кубинцам?

– Всё согласно планам, – ответил министр МВД. – Забираем из Севастополя и, пока не выучили язык, селим компактно. Ко всем прикреплены администраторы со знанием испанского. Сначала помогаем налаживать жизнь, а потом сажаем за парты. Но это уже не мои проблемы. Нам нужно только доставить к месту учёбы и обеспечить всем необходимым. Срок окончания их доставки будет зависеть от погоды. Это примерно две-три недели.

– Что по болгарам, Алексей Павлович? – спросил Алексей. – Заодно дайте справку по Европе. Есть что-нибудь новое?

– Болгары пока не ответили, Алексей Николаевич, – сказал министр иностранных дел. – В Европе ругань и кавардак. Единственные, кто занят делом, – это немцы, причём и восточные, и западные. Западные, скорее всего, первыми начнут избавляться от иммигрантов и сделают это в ближайшем будущем. Французы об этом кричат с пеной у рта, но раскачаются позже. У них и положение хуже, чем в ФРГ, а о дисциплине я вообще не говорю. Англичане не лезут в европейскую склоку, видимо, уже поняли, что не отсидаются на своём острове. Хуже всего положение в странах Северной Европы. Температуры там уже под тридцать градусов, а резервы продовольствия, по нашим оценкам, месяца на три-четыре. Энергетика чисто тепловая: используют преимущественно газ. Пока его хватает, но температуры продолжают падать. Скоро народ поймёт, к чему всё идёт, и побежит. Учитывая

общую обстановку, они не получают никакой помощи и до наших границ дойдут единицы. Давать информацию по остальным странам? Нет? Хорошо, тогда перейдём к нашей границе. Пока к ней выходит две-три тысячи беженцев в день. Принимаем примерно половину, остальных заносим в базу и предупреждаем, чтобы вторично не обращались. Сегодня забираем весь дипломатический персонал из европейских государств, кроме ГДР и Болгарии, и сможем оценивать там события только по перехвату радио и телепередач и по сообщениям сотовой связи. У меня всё.

– Тогда давайте я кое-что сообщу, и на этом закончим, – сказал Алексей. – Мы уже начали перестраивать промышленность, ориентируя её на новые потребности, но перестройка идёт недостаточно быстро. Ещё допускается выпуск отдельных видов продукции, которая окажется невостребованной двадцать лет. Каждый из присутствующих здесь руководителей промышленных министерств получил список обнаруженных нарушений. Я один раз предупредил, и не ждите второго предупреждения. Нам нужно увеличивать выпуск того, что потребуется для выживания и приёма иммигрантов, а не предметы отдыха у моря. У каждого из вас есть программа, извольте выполнять! В сегодняшних документах по министерству кормов есть ряд изменений. Наши куриные фермы откармливали птиц комбинированным кормом из пшена и БВК. Учёные разработали куриный корм из одного БВК. Испытания прошли успешно, и теперь мы смо-

жем многократно увеличить производство курятины. Аналогичная ситуация и с кроликами. Пока мы проедаем забитый скот, никто не испытывает дефицита мяса, но через год его придётся частично заменять грибами. Перед вами поставлена задача – развернуть производство нового корма, построить фермы и ввести в строй ещё три реактора. Тогда мы сможем существенно увеличить рацион и сделать его более разнообразным. Если появятся вопросы, которые не сможете решить сами, выносите их на следующее заседание Совета.

Глава 26

Месяц спустя после взрыва. Норвегия, Осло

– Как там, по-прежнему метёт? – спросил премьер-министр Снор Эгген. – Садись, надо поговорить. Сейчас распорядюсь насчёт чая.

– Не нужно чая, – отказался министр иностранных дел Раймонд Урфьелл. – Я перед поездкой напился впрок. Погода паршивая, и со вчерашнего дня она не стала лучше, наоборот, сегодня ещё больше похолодало. У меня комм показал тридцать семь. Но ты ведь позвал меня не для разговоров о погоде?

– Хотел посоветоваться. Учёные дают прогноз по холодам на десять лет. Через год-два посветлеет, но это мало поможет. Продовольствия в стране максимум на два года, и у моря мы много не возьмём. Обращаться за помощью к соседям бесполезно: они в таком же положении. Я говорил с королём, но единственный результат этого разговора – это передача мне всей полноты власти. И теперь я хочу от тебя услышать, что мне с ней делать.

– Для большинства пришла пора умирать, – ответил Раймонд, – но кого-то, может быть, удастся спасти.

– Предлагаешь оставить запасы продовольствия отобранной группе? Я думал об этом.

– Если получится, это тоже можно сделать, – согласился Раймонд. – Даже в такой ситуации многие будут цепляться за жизнь, и им не понравится то, что ты захочешь её укоротить. Это приведёт к беспорядкам, и я не знаю, чью сторону займёт армия. Жизнь – это высшая ценность, угроза её лишиться заставляет забыть о многом. Тебе мало Петтерсонов?

– Уроды! – высказался Снор. – Опустился до людоедства!

– Они не опустились, просто убили и заморозили в сарае с полсотни прохожих. Так сказать, запас мяса на чёрный день. Но я хотел предложить другое. Из нашего посольства в Японии передали, что русские приняли несколько миллионов японских детей и брали их только младших возрастов. С ними отправили небольшое число девушек. Но это и понятно: для каждого ребёнка не хватит переводчиков даже у японцев.

– Предлагаешь сделать то же самое? – задумался Снор. – А чем расплатимся? Надо вызвать их посла и поговорить, может, договоримся.

– Не с кем разговаривать, посольство СССР опустело дней десять назад. Тебе разве не докладывали? Я думаю, что нужно всем сказать правду и предложить спасти маленьких детей. Наверное, малышей наберётся тысяч восемьсот, только многие не отдадут. К детям можно добавить немного девушек, они у нас не хуже японок. Если решишь, можно попробовать связаться с их правительством по радио. У нас есть выделенный канал. Если наберём триста или четыреста ты-

сяч, сможем доставить за один рейс. И нужно торопиться, потому что в море уже полно льдин. Ещё две-три недели – и воды у берегов скуёт лёд. Скоро к нехватке продовольствия добавится и недостаток энергии. Если температура понизится до пятидесяти, нам её не хватит. Людей нужно свозить в большие помещения и отключать от электричества частные дома, но разве их уговоришь...

– Свяжись. Узнай, кого они согласны принять и на каких условиях. Если договоримся, тогда я буду говорить с народом.

* * *

То же время. Франция, Париж

Последний президент Французской Республики Фредерик Гибер был разочарован во Франции. Он делал всё возможное для спасения нации, но все усилия разбились о непонимание и эгоизм французов. Единственное, в чём его поддержали, – это в изгнании новых граждан государства. Всех, кто был принят за последние тридцать лет, вместе с их семьями выпроводили на немецкую территорию. Заодно избавились от темнокожих и выдворили итальянцев. Перекрыть границы было нереально, и, чтобы выгнанные не вздумали возвращаться, пришлось применить оружие. Вертолёты летали над удобными для перехода участками границы, и солдаты через инфракрасные прицелы отстреливали всех замеченных. Но и оставшихся шестидесяти миллионов было

слишком много. Реакторы давали достаточно энергии, чтобы осветить города и отопить жилища, но продовольствия было в лучшем случае на два года. Деньги моментально обесценились, а когда правительство решило конфисковать продовольственные запасы, большинство складов уже были пустыми. Крупные оптовики оказались предусмотрительнее. Сбор продовольствия в сельской местности тоже провалился. Продовольственные магазины мигом опустели, и воцарился хаос. Началось массовое дезертирство из армии, и дезертировали, прихватив оружие. Полиция и жандармерия пока не разбежались, потому что им платили продовольственными пайками из быстро тающих государственных запасов. Так же платили и энергетикам, и немногим государственным служащим. Остальные оказались предоставленными самим себе. В стране, имевшей немалый продовольственный запас, половина жителей уже голодала. Взрослые пока держались, но дети кое-где уже начали умирать. Попытки использовать демократические институты власти оказались несостоятельными перед лицом человеческого эгоизма, а вводить диктатуру было поздно. Всё должно было закончиться очень быстро. Через два месяца у правительства не останется продовольствия, а значит, и остатков силы. Полицейские и жандармы, которые и так уже не справляются с грабежами и насилием, уйдут, а потом останутся и станции. Те, кто запасся продовольствием, рано или поздно замёрзнут, потому что десять лет не отопишь дом, сжигая всё,

до чего можешь дотянуться. Пока на улице только пятнадцать мороза, а скоро будет вдвое больше. И убеждать кого-либо бесполезно: власть уже никто не слушал. Вчера ему сообщили, что недалеко от Тулузы группа вооружённых людей захватила один из реакторов и заняла городок энергетиков, и что у них очень много продовольствия, а теперь и энергии. Эти, может быть, и выживут.

* * *

То же время. Англия, Лондон

– Мне это не нравится, сэр! – зло сказал главнокомандующий объединёнными вооружёнными силами НАТО в Европе адмирал Рейдмон Виллард премьер-министру Великобритании Уильяму Кевину. – И это очень не понравится моим людям! Вы должны оказать помощь уцелевшим в катастрофе американцам!

– Я никому из них ничего не должен, адмирал! – отрезал премьер. – У меня семьдесят пять миллионов своего населения! И переправить в Австралию я смогу в лучшем случае миллионов двадцать! Остальные останутся здесь умирать, а вы хотите, чтобы я взял на себя заботу о ваших беженцах. Мало того что они прибывают вообще без ничего, это в основном темнокожие выходцы из южных штатов. Мы выгнали своих чёрных, а теперь заниматься вашими? И кто меня поймёт?

– У меня темнокожий каждый третий солдат, а в идущем

к вашим берегам шестом флоте таких половина!

– Не нужно меня уговаривать, и не вздумайте мне угрожать, – непреклонно заявил премьер. – Я и в Канберре договорился только насчёт англичан! И то их пришлось припугнуть и пообещать, что мы привезём продовольствие на год для каждого! Они могут принять американских солдат, учитывая флот за их спиной, но ораву беженцев... Попробуйте, но тогда сами их переправляйте и кормите. Мы не русские и не готовились к катастрофе. Вот, кстати, интересный вопрос. Как вы думаете, кто будет править миром после того, как всё закончится? Мы в лучшем случае выживем, причём с большими потерями, а они не только выживут, но станут гораздо сильнее! Русские собирают по всему миру миллионы маленьких детей. Вам сказать, кем их вырастят и воспитают или догадаетесь сами? Почему вы не нанесли им удар? Ведь наверняка уцелела часть стратегических сил!

– Я почему-то не вижу у вас готовности принять в этом участие, – мрачно сказал Рейдмон, – хотя у вас самих не так мало возможностей. Не хотите, чтобы они разрядили в вас свои арсеналы? Ну так и я хочу этого не больше вашего! У них мощная противоракетная оборона, и ущерб будет минимальный, а вот нам достанется! И понесём потери, и добавим пыли в атмосферу. Я связывался с генералом Александром. Центр стратегического командования уцелел, но погибли все базы стратегической авиации, и не отвечают две трети постов на шахтах. Остальные докладывают о сильных

повреждениях ракет и самих шахт и просят помощи. Их там сильно трясло. И с базами флота тоже нет связи. Ракетносцы пришли почти все, и сохранились наши базы в Европе и Турции, а вот базы в Японии молчат. И вы хотите в таких условиях начать войну? Они ведь могут не ограничиться Англией, а ударить заодно и по Австралии. И куда тогда поплывёте, если уцелеете? Я не больше вас люблю русских, но не идиот. Пусть они лучше бодаются с китайцами: тем сейчас нечего терять и нужно избавляться от лишнего населения. Ладно, я вижу, что помощи от вас не дождёшься. Как только подойдёт флот, я начинаю погрузку людей и техники. Если останется место, возьмём беженцев. А место в Австралии найдём и заставим поделиться продовольствием. Если откажут, нам, как и китайцам, нечего терять и недолго поменять цели для ракет.

* * *

То же время. Республика Польша, Варшава

– Значит, действовать вместе никто не хочет, – разочарованно подвёл итог президент Богуслав Грабинский. – Жаль, я рассчитывал на другое.

– Не на кого нам сейчас рассчитывать, – мрачно сказал министр иностранных дел Войцех Мацкевич. – Немцы заняты собой, англичане скоро сбегут, а Франции больше нет. Остальные не только не помогут, скорее, навредят, если узнают о наших запасах.

– Запасы! – раздражённо сказал президент. – Вы читали заключение академии? Двадцать лет! А запасов хватит в лучшем случае на четыре года! И не все согласны сдавать продовольствие. Мы не собираемся с такими церемониться, но на своих запасах не дотянем. И производство БВК сами не запустим. Нет нефти, нет оборудования, ничего нет! И я не собираюсь обращаться за помощью к Самохину! Сами знаете, что он нам скажет. И мы не можем, как другие, кого-нибудь выгнать: от всех чужих давно избавились.

– Самохин принимает малышей, – сказал министр. – Много берут у японцев и договорились с бразильцами. Может, и нам отдать своих? Всё равно многие умрут.

– Пусть лучше перемрут, чем отдать этим! – ответил президент. – Ещё предложи подложить под них наших женщин!

– У нас красивые девушки, – нерешительно сказал министр. – Через них можно было бы влиять...

– Вы себя, пан Войцех, ни с кем не путаете? – язвительно спросил президент. – У них получается действовать через женщин, а у вас не выйдет! Не те у нас женщины. В этом они не лучше русских: мужья для них будут важнее бывшей родины! К Самохину обращаться не будем и никого туда не отдадим! Энергии много, продовольствия пока много, так что подождём, надо только снизить нормы потребления. Русские будут помогать восточным немцам, а мы попросим Бартеля поделиться опытом. В этом он не откажет, а потом поможет более существенно. Нам есть что ему предложить.

* * *

То же время. Индия, Дели

– Доложите обстановку, – приказал президент Самир Баччан. – По штатам Бихар и Кашмир попрошу подробней.

– За прошедшие сутки обстановка изменилась мало, – начал доклад премьер-министр Киран Сингх. – Несмотря на массовую выдачу ручных осветителей и налаженную раздачу продовольствия, не утихают волнения и столкновения, в том числе и на религиозной почве. Большие проблемы из-за холодов, особенно в сельской местности. Все запасы тёплой одежды уже раздали, но её нужно в три раза больше. В штате Гуджарат положение удерживаем только с помощью армии. Пришлось несколько раз применять оружие. В штате Бихар не утихают беспорядки, спровоцированные мусульманскими общинами. Полиция не справляется, и власти штата требуют помощи армии. Численность жертв в межобщинных столкновениях идёт на десятки тысяч. Я считаю, что нужно действовать жёстко, пока столкновения не перекинулись на соседние штаты и мы имеем возможность использовать армию. Есть основания полагать, что она в ближайшее время понадобится для отражения нападения китайцев.

– Продолжают наращивать силы? – спросил президент.

– Да, данные разведки показывают, что их силы на границах со штатами Кашмир и Аруначал-Прадеш за последнюю неделю увеличились вдвое. Разведка велась «Невидим-

ками», но два аппарата у нас сбили. Мы повысили степень боеготовности войск и начали их переброску. В Совете Национальной Безопасности очень надеялись на то, что Китай всё-таки нападёт на советский Дальний Восток, но они выбрали нас. Больше половины Китая сильно пострадала от кислотных дождей, а нас эта напасть миновала. У нас намного теплее, чем на востоке СССР и имеются большие запасы продовольствия, а руководству Китая сейчас жизненно важно вывести население из восточных областей и увеличить продовольственные запасы. Кроме того, война поможет отвлечь население и сократить его нашими руками. Поскольку им нужна земля, вряд ли в зоне боевых действий применят что-нибудь из ядерных или химических арсеналов, но могут нанести удар по столице или другим крупным городам.

– И что вы намерены предпринять?

– А что мы можем предпринять сверх утверждённого плана? – пожал плечами премьер-министр. – Части противоракетной обороны ведут круглосуточное дежурство в режиме полной боевой готовности, и стратегические силы готовы нанести удары по самым крупным городам Китая. Раньше мы хотели эвакуировать часть городского населения в сельские районы, но теперь это нереально.

– Мало нам было этого вулкана, так теперь ещё и война! – в сердцах сказал президент. – А как наш договор с Вьетнамом? Что у них творится?

– То же самое, что и у нас. Не будут они воевать, если

китайцы не полезут сами. У остальных соседей положение хуже.

– Вы узнали, с чем связана эвакуация советского посольства?

– Связались по выделенному радиоканалу с министром иностранных дел. Они эвакуируют свои посольства по всему миру. Нам сказали, что в ближайшие годы не будет сотрудничества с другими странами, а отдельные вопросы можно решить по радиосвязи. У русских из-за беспорядков и развала государственности в ряде стран потеряна четверть дипломатического персонала. По нашей просьбе они передали всю имеющуюся информацию по извержению и свой прогноз по восстановлению климата. У нас освещение вернётся к норме через два года, а тепло – через пятнадцать лет. Первые урожаи сможем получить через десять лет, а у нас только трёхлетний запас продовольствия. Они дали свои советы, но считают, что мы потеряем до девяноста процентов населения даже без войн и крупных внутренних конфликтов. И это при условии, что сразу возьмём под контроль всё продовольствие и ограничим его потребление.

* * *

17 мая 2042 года. СССР, Москва

– Собирайся, едем домой, – сказал Алексей жене по комму. – Или у тебя есть желание поработать сверхурочно?

– Уже одеваюсь и иду, – ответила Лида.

Алексей надел шубу и спустился к выходу. В коридоре возле окна стояла Лида и смотрела на падающий снег.

– Всегда любила на него смотреть, – сказала она мужу. – Ещё девчонкой лежала в кровати и смотрела, как за окном в свете фонаря ветер несёт снег. Что-то в этом есть завораживающее.

– Пойдём, – он взял её за руку и повёл к открывшимся дверям. – Сядем в машину, из неё любуйся сколько душе угодно. Из-за этого завораживающего зрелища тысячи людей завтра с утра займутся чисткой улиц и дорог.

– И за этого мужчину я когда-то вышла замуж! – сказала она. – Приземлённый ты человек!

До дома, как всегда, доехали очень быстро и через десять минут прошли пост контроля и поднялись на свой второй этаж. Ужинать было рано, поэтому оба расположились в обнимку на диване в гостиной и молча сидели, пока Алексею не захотелось поговорить. В последнее время подобные посиделки стали привычными и помогали снимать напряжение прошедшего дня.

– Помнишь, мы говорили о японских детях? – спросил он. – Ну когда я сказал, что наши женщины будут становиться в очередь на усыновление. Так вот, они уже становятся. Японские девушки из первых партий уже сносно говорят по-русски и начали учить своих подопечных. Научат, как проситься на горшок, и начнём раздавать. Языку доучатся в школе. Завтра привозим последних и перебрасываем «Ков-

чеги» в Норвегию. Там отправили детей морем, но все не поместились на корабли, а второй рейс не успеют сделать. Море начало замерзать, да и тяжело детям столько дней плыть в этих замороженных коробках.

– А девушек тоже берёте? – спросила Лида.

– А как же, скандинавки нам не помешают.

– Ты не планируешь вводить многожёнство? Тянешь отовсюду девиц, а у нас их и так было больше, чем парней.

– Хочешь, чтобы у меня была вторая жена? – пошутил Алексей.

Шутка получилась неудачной: жена обиделась.

– Если надумаешь брать, бери постарше, – посоветовала она, отодвинувшись от мужа. – Молодой от тебя никакого проку. Ты уже забыл, зачем нужны молодые. Наверное, я так и не узнаю, сняли мне запрет на детей или нет. Плохо, когда тело молодо, а душа постарела.

– Может, ты и права, – сказал он, не делая больше попытки обнять, – но я думаю, малыш, что дело не в старости и даже не в том, что я устал от однообразия жизни. Просто сейчас такое время. Повсюду смерть и горе, и то, что нас это обошло, ничего не меняет. Я почти не устаю физически, но морально к концу дня сильно измотан. Мы ведь до сих пор получаем сводки из разных стран. Наших там нет, работают местные, которым мы заплатили продовольствием. Им это нетрудно, а мы в курсе их дел. Мне по вечерам хочется прижать тебя к себе и не отпускать, а заниматься любовью нет

никакого желания. А ты молчишь. Если тебе нужно, стоит только сказать.

– Дурак! – услышал он в ответ.

– Может быть, – согласился Алексей. – Годы не делают человека умнее, только добавляют ему опыта. А если заниматься все время одним делом, то и опыта много не будет. Станешь асом в своём деле и сможешь верно оценивать людей с первого взгляда, но и только. Тебя я должен знать как облупленную, и что? Иной раз и общаться не нужно: и так понятно, что ты думаешь и скажешь в следующую минуту, а иногда невинная шутка вызывает такой вот эффект. Если я постарел душой, наверное, это коснулось и тебя. Раньше ты никогда не обиделась бы на подобное и не почувствовала бы себя ущемлённой. Подошла бы и разорвала на мне трусы!

– Считай, что я их на тебе разорвала! – сказала Лида. – И что дальше?

– Известно что, – ответил Алексей, взял её на руки и унёс в спальню.

Вышли из неё минут за десять до прихода Лены, которая в это время занималась ужином. До окончания готовки опять сели на диван.

– Наверное, китайцы не будут с нами воевать, – сказал Алексей. – Они решили, что Индия предпочтительней стыллой тундры или замороженной Сибири. И индийцы будут послабее, хотя они многого добились за последние тридцать лет, и продовольствия в Индии не так уж мало. Там раз в

несколько лет всё заливают водой, поэтому скупают еду и делают запасы. И в последние три года были хорошие урожаи. При их численности надолго не хватит, но если китайцы сильно её сократят...

– Атомное оружие? – спросила Лида.

– Конечно. У индийцев много больших городов, а надёжной защиты от ракет не было даже у американцев. У Индии и Китая примерно равные силы, поэтому, если сцепятся, потери с обеих сторон будут огромные.

– Неужели китайцы этого не понимают?

– Понимают, но у них нет другого выхода. Или внутренняя свара, или война с внешним врагом. Ну и, наверное, подготовили какие-то сюрпризы.

– А нам эта война выгодна, – сказала Лида.

– Выгодно то, что не нам драться, – вздохнул Алексей. – В уничтожении индийцев нет никакой выгоды. Нам они ничем не мешали, наоборот. Мы не сможем забрать себе всю планету, да это и не нужно. Станем основной силой нашего мира, но не единственной. Освоим Европу, оставив кусочек немцам, и займём часть Штатов. После катастрофы останется слишком мало людей. Во всём мире их будет не больше, чем у нас, причём разбросанных небольшими группами. И все они потянутся к нам, потому что не успеют одичать, а современное производство не создашь малой группой людей. Даже мы не обходились без кооперации. Поэтому я считаю выгодным помогать другим. Не всем и без большого ущерба

для себя, но помогать. Выживут и будут помнить.

– Будут ли?

– Кубинцы с бразильцами запомнят, и японцы тоже, а для большинства поляков это только лишний повод для неприязни. Поэтому мы не станем им помогать, разве что кое-кого пустим к себе, когда у них закончатся припасы. Сейчас Грабинский удавится, но не обратится за помощью. Он знает, что я ему скажу.

– Неужели совсем не поможешь? Не верю!

– Конечно, помогу, но не в ущерб себе и на моих условиях. И ещё заставлю отработать. Это будет справедливо. А после оттепели им придётся смотреть нам в рот, любят они нас или нет. Это при условии, что хоть кто-нибудь уцелеет. Отношение между людьми – это одно, а между государствами – совсем другое, а я должен в первую очередь заботиться об интересах своей страны и своего народа. И никто не сможет меня упрекнуть. Ресурсы у нас не безграничные, и жаждающих помощи намного больше, чем мы можем её оказать. Так что выбирать, кому помочь, а кому отказать – это наше право. Хотя по-человечески мне жалко всех, даже поляков. Люди не заслужили такой судьбы, тем более если это дети.

– А что у нас на границах с Европой?

– Пока подходят мало, но скоро должны появиться те, кого выгнали сами европейцы, а потом американцы, которым не нашлось места на уходящих в Австралию кораблях. А по данным «Паутины» англичане уже начали отправлять кара-

ваны судов. Флот у них большой, но одним рейсом не обойдутся, а море скоро застынет. Сейчас используют авиацию, но вряд ли вывезут даже треть своего населения. Кому в таких условиях нужны американцы! Кстати, к Англии подошёл их шестой флот, и ещё где-то должен болтаться седьмой, остальные они расформировали. Наш информатор сообщает, что на него грузят боевую технику и американских солдат. И все ракетноносцы там, а значит, их придётся отпустить. Наши моряки захватили в порту Нью-Лондон четыре уже прошедшие ремонт атомные подлодки и одну, на которой он только начат. На базе спаслось несколько человек. Это в основном технический персонал. Они сдали её в обмен на спасение. Сейчас помогают нашим ребятам осваивать американские подлодки и грузить в контейнеровоз всё ядерное оружие, которое было в арсенале базы. Оставлять такое нельзя, поэтому вывезем к себе и разберём. Химию тоже надо забрать, её уничтожить ещё проще. Помимо подлодок там пришвартованы два эсминца, но их пока оставим. На всё просто не хватит рук. Проследят, чтобы кубинцы отогнали к нам последние из отобранных кораблей, и пойдут в Севастополь. Два корабля ненадолго задержим, чтобы забрать дипломатов. Сделают и тоже вернутся. Нужно заканчивать с плаваньем. Холодно, темно, а теперь ещё начинаются шторма и всё чаще встречаются льдины и даже айсберги. Возможно, из-за вулкана сполз в океан ледник в Антарктиде, вряд ли всё это успело замёрзнуть само.

* * *

Ольга вернулась из школы, оставила в прихожей свой рюкзак и первым делом пошла в комнату брата. Он сидел на кровати и пил чай, держа чашку здоровой рукой.

– Сильно болит? – спросила она.

– Нормально, скоро буду бегать на одной ноге, – ответил он и мотнул головой в сторону двери. – По-моему, она опять плачет. Пойди успокой

Ольга послушно пошла в комнату Джейн и на полпути к ней услышала тихие всхлипывания. Вот как их мог услышать брат и почему он всегда чувствовал, когда она ревет? Неужели влюбился в её американскую двойняшку? Девушка подошла к новой сестре и обняла за плечи.

– Не надо плакать, – сказала она по-английски. – Сейчас повсюду горе, а ты спаслась. Нужно радоваться, а не разводиться сырость.

Английский она знала хорошо, лишь иногда задумывалась, вспоминая нужное слово. Сестра пока могла говорить на русском на самые простые темы, но она быстро училась.

– У меня, как и у вас, не было родителей, – сказала Джейн, – только дядя и его семья. Но он был замечательный. Я ведь совсем не помню родителей, а его, когда была маленькой, называла отцом. Он и не возражал, возражала тётя. А теперь они погибли. Почему? За что нас покарал бог?

– А ты верующая? – спросила Ольга. – Я видела у тебя крестик.

– Не знаю, – шмыгнула носом Джейн. – Наверное. Крестили, но в церковь не хожу. У нас в неё и старшие не часто ходят. Может быть, из-за этого? А ты веришь?

– Раньше не верила, а теперь думаю, что, может быть, кто-то и есть. Ты же знаешь о нашем главе?

– О Вечном? У нас много писали о нём и его жене, только их чаще связывали не с богом, а с дьяволом.

– А что у вас говорили о нас хорошего? Ты уже месяц знакома с моим братом, можешь сказать, что в нём плохого?

– Вы хорошие люди, – вытирая лицо платком, ответила Джейн, – но и у нас таких много. И если к вам не все относились хорошо, то виновато правительство.

– А нам легче, что не виноват народ, если он считает нас злом и производит горы оружия? – возразила Ольга. – Ладно, не будем об этом. Я начала говорить о Самохине. Так вот, у нас мало кто сомневается в том, что он знал об этом извержении и как-то сумел убедить правительство. Мы ведь очень долго готовились к катастрофе, и он руководил подготовкой.

– Мы тоже знали, что Йеллоустоун когда-нибудь может бабахнуть, – сказала Джейн. – Кое-кто из учёных даже считали, что это случится лет через тридцать-сорок. Но я не слышала, чтобы хоть кто-то готовился. И как мы могли к такому подготовиться?

– Если бы знали точно, то подготовились бы! – возразила Ольга. – Выход нашёлся бы, особенно у Соединённых Штатов. А на основании чьих-то предположений и у нас никто

не стал бы десятки лет что-то строить и запасать продовольствие. Ты просто не представляешь, сколько всего было построено!

– Хочешь сказать, что они знали?

– Я говорю об этом уже пять минут. Они знали и сто лет готовили страну. И всё это время оставались молодыми. Никто не верит в то, что это не связано. А недавно по рукам пошла гулять одна запись. У нас построен огромный зверинец, чтобы сохранить зверей и птиц. Погибнут же не только люди, но и часть растительности, и большинство животных. У нас этот зверинец зовут ковчегом. Недавно его посетили Самохины. Они пошли в отделение к самым крупным животным, а директор перед этим вывел оттуда весь персонал. Так вот, к ним ластилась половина хищников, а обезьяны отдавали своих детёнышей. И это дикие животные, прирученных там нет!

– А как же тогда узнали, если директор всех разогнал? Сам растрепал?

– Нет, – засмеялась Ольга. – Кто-то спёр записи регистраторов и потом размножил. У нас дома компы не у всех, но их много в салонах, так люди специально бегают туда смотреть.

– И ты тоже видела?

– Только запись с волками. На ней сначала волчата сбежались к Лидии Владимировне, а потом подошли взрослые, и их вожак подставил Алексею Николаевичу почесать свою башку. Ну он и почесал, а волк ему потом облизал руки. А

директор стоял рядом весь белый и хватался за сердце. Скажи, может такое делать простой человек?

– Почему же он ничего не сказал нам?

– А ты подумай сама. У нас писали, что мы пять раз предлагали вам сократить вооружения, подписать договор о ненападении и убрать все препятствия в торговле, и каждый раз получали отказ! Не мы окружили ваши Штаты военными базами, а вот ваши на наших границах были повсюду. Не мы сделали вас врагами, вы этого добились сами! Вчера к Сергею приходил Олег с парнем из их группы, и они об этом спорили. Мне было интересно, и немного подслушала. Так вот, они сошлись на том, что если бы вы всё узнали заранее, то стали бы спасаться за счёт нас.

– О чём ты говоришь? – не поняла Джейн. – О продовольствии?

– Вас было четыреста миллионов, – начала объяснять Ольга. – Как ты думаешь, где можно поселить столько людей? И нужно не просто поселить, а ещё обеспечить всем необходимым. Европа перенаселена, и в ней нет свободных ресурсов. Европейцам самим всего не хватает. И везде примерно то же самое, кроме Австралии и Канады. Но в Австралии нормально всех не устроишь, а Канада сама сильно пострадала от вашего извержения. И кто остаётся? Только мы. И свободной территории навалом, и ресурсов. А если очистить от населения, то больше вообще ничего не нужно делать – живи на всём готовом!

– А вы не поделились бы? – спросила Джейн. – Ведь всё равно не используете!

– У тебя есть большая, просторная комната и лишний диван, – сказала Ольга, – а у соседа сгорела квартира. Пустишь ты его к себе жить, да не на время, а насовсем? И прежде чем ответить, учти, что этот сосед всю свою жизнь делал тебе гадости и не хочет считаться с твоими интересами. Немцев из ГДР мы к себе пустили бы, может быть, даже японцев, если бы их острова начали тонуть, но не ваш народ. Брат говорил, что дело не только в вашей враждебности. У нас слишком разное мировоззрение. Мы могли быть добрыми соседями, но не ужились бы в одной квартире. Это вообще трудно, поэтому мы больше спасаем детей. Не только из-за того, что их жальче, их проще сделать своими. Но и американцев будем принимать. Нам говорили, что это уже скоро.

Глава 27

– Ну что, успокоила? – спросил брат.

– Больше не плачет.

– И чем же ты её успокоила? – не отстал Сергей. – Тебя долго не было.

– Как ты к ней относишься? – неожиданно спросила Ольга. – Как к сестре или она нравится тебе как женщина?

– Какие из вас женщины, – пренебрежительно ответил брат, но было видно, что он смутился. – Детский сад! Тебе ещё два года ходить в школу, а она не намного старше. Возьми чашку и, если нетрудно, принеси горячий чай.

На кухне Ольга увидела Джейн, которая включила чайник и доставала из шкафа банку с чаем.

– Так! – сказала она. – Ставим чай, глазки отводим, и щёки зарумянились. Подслушала?

– Это вышло случайно, – ещё больше смутилась Джейн. – Я хотела войти и услышала конец вашего разговора.

– Ну ладно, он мне врёт, может, скажешь ты? Тебе нравится Сергей?

– Оля, а мне обязательно быть ему сестрой?

– Дальше можешь не продолжать: все признаки налицо. У тебя хоть были парни?

– Был один, с которым я дружила, мы с ним даже целовались. Только не говори Сергею.

– А почему разбежались?

– Сходили в молодёжное кафе и выпили стодж. А потом дядя опробовал на моей заднице новый ремень, а парня турнул. Его родители приходили разбираться и назвали дядю консерватором. Он после всего отвёл меня к врачу, который сделал укол, чтобы не могла пробовать дурь.

– Так стодж – это наркотик?

– Галлюциноген с веселящим эффектом. Удовольствия, как от наркотика, нет, но весело. Все предметы искажаются, но не страшно, а смешно. И этим можно управлять. У стойки стояла похожая на корову толстуха. Я захотела – и у неё выросли хвост и рога. Это безвредно и не вызывает привыкания, ну или почти не вызывает. Но дядя меня тогда сильно выдрал. Он сам даже не курил и почти не употреблял виски. Говорил, что бог дал человеку ум не для того, чтобы тот пичкал его дурью.

– Правильный человек, – одобрила Ольга, – жаль, что погиб. А разве у вас наркотики продавались свободно?

– А разве можно ограничивать людей? – удивилась Джейн. – Таким, как я, не продали бы чего-то по-настоящему сильного, но если больше двадцати одного года, то можно всё. Когда научились снимать зависимость, убрали и все ограничения. Пробуют все, подсаживаются только придурки. Послушай, ты говорила, что погибнет растительность. Это из-за морозов?

– По-разному, – ответила Ольга. – В тропиках многие рас-

тения погибнут из-за недостатка света, а если ударит мороз, то и из-за него тоже. Нам это объясняли на биологии. А у нас деревья спят и нехватка света сильно не скажется, вот длинная зима убьёт двадцать процентов хвойных и треть лиственных деревьев. У кустарников отомрёт верхняя часть, потом начнут расти от корня. Лягушки, тритоны и рыбы в большинстве выживут, особенно в мелких водоёмах, которые быстро промёрзнут. Может быть, сохранится и животная мелочь, но крупные животные погибнут. Пойди отнеси чай, Сергею будет приятно. Не хочешь? Тогда пойдём вдвоём. Возьми печенье, оно ещё из старых запасов.

– Пришли навестить болящего? – спросил Сергей девушка. – Что это ты, хозяйка, расщедрилась на печенье?

– Это тебе подарок за сделанную запись. Сегодня её показывали старшим классам. Там и Джейн была в обнимку с Олегом. Но извержение, конечно, класс!

– Это получилось случайно, – смутилась Джейн. – Был сильный толчок...

– На какой скорости вы оттуда удирали? Пейзаж так мелькал, что рябило в глазах. Наша училка высказалась, что за эту съёмку безумцу, который её сделал, нужно поставить памятник. Меня почему-то терзает подозрение, что для таких съёмок ты со своей кабинетной специальностью не самая лучшая кандидатура. Колись, сам туда пошёл?

– Зато спас Джейн, и у тебя теперь есть сестра, – сказал Сергей, забирая у неё чай. – Положите печенье на столик.

– Ладно, безумец, – сказала Ольга, – государственная премия и невеста – это неплохая компенсация за два пулевых ранения. Ешьте печение, а я отдохну после школы.

* * *

– Ты сегодня собираешься домой? – спросила Лида, зайдя к мужу в кабинет. – В секретариате уже нет никого, кроме дежурного. Я ждала звонка...

Алексей сидел за столом, откинувшись в кресле, и выглядел очень уставшим.

– Извини, – сказал он. – Конечно, сейчас пойдём. Суматошный день: слишком много всего случилось, поэтому немного устал.

– Да, я заметила. Весь день наши работники носились, как наскипидаренные. И почты было больше обычного. Но меня это не коснулось. Я пошла одеваться и буду ждать внизу. Не задерживайся, а то вместо меня увидишь снегурочку. Смотри, как метёт.

Спустившись, он увидел ждущую в вестибюле Лиду.

– Слишком сильная метель даже для моей любви к снегу, – сказала она, кивнув на снежную круговерть за окнами. – Решила подождать тебя здесь.

– Давай руку, – отозвался он, протягивая свою, – а то унесёт. Снег становится проблемой. Снегоуборочная техника не справляется, и не видно конца этим снегопадам.

До стоявшей в полусотне шагов машины добежали уже облепленные снегом.

– Быстрей, Коля! – сказал Самохин шофёру, – а то весь этот снег растает. Намокнем сами и намочим машину. Сейчас почти нет транспорта.

– Не имею права, Алексей Николаевич! – отказался тот. – Наоборот, из-за плохой видимости поедем медленней. А снег с вас отряхнёт Валентин.

Он не разгоняясь поехал к выезду из Кремля, а телохранитель перегнулся через сидение и помог им очистить одежду. До дома ехали вдвое дольше обычного. Видимость не превышала пятидесяти метров, поэтому шофёр сильно не гнал и включил навигатор.

– Позвони Лене, чтобы сегодня не приходила, – сказала Лида, когда вошли в квартиру. – Не стоит ей мотаться по такой погоде, я и сама прекрасно приготовлю ужин.

Она быстро заварила чай и пожарила яичницу с грибами, после чего поели и ушли в гостиную на диван.

– Что у вас сегодня случилось, что все так носились? – спросила Лида. – Хорошее или наоборот?

– Было и хорошее, – ответил он, – но, вообще-то, сегодня страшный день. Когда-нибудь его будут поминать наряду с извержением минутой молчания. Если сегодня погибло меньше людей, чем от Йеллоустоуна, то ненамного.

– Война? – спросила она.

– С одиннадцати часов утра до часу дня наши спутники зафиксировали мощные вспышки, которые просветили пылевой слой. Их было около сотни на территории Индии и

в два раза меньше в Китае. Мощностъ зарядов, по нашим оценкам, составила от ста до трёхсот килотонн. Мы сделали запросы по выделенным каналам, но ни индийцы, ни китайцы на них не ответили.

– И что теперь?

– А чёрт его знает! – ответил муж. – Скорее всего, следует ожидать наплыва беженцев из Китая. Мы привели в полную боеготовностъ все войска в районе границы. Приказ один: никого не пускать на нашу территорию. Выбор средств на усмотрение командования. Они все обречены и в скором времени умрут, вот пусть и делают это на своей земле!

– Тяжело? – спросила она, взяв его руку в свою.

– Гораздо тяжелей, чем я думал. Кто-то сказал, что гибель одного человека – это трагедия, а миллионов – статистика. Его бы на моё место! Легко быть добреньким, попробуй одним росчерком пера лишитъ жизни миллионы людей! Я понимаю, что должен так поступитъ, но чувствую себя мерзавцем!

– Что ещё случилось? Ты сказал, что было что-то хорошее.

– На фоне этой войны всё остальное выглядит мелким. Кое о чём ты должна была слышать в секретариате. Детей из Японии вывезли, поэтому сейчас вывозим с дальневосточного побережья рыбу и оленей.

– Нет, не слышала. С оленями понятно, а что за рыба?

– В прошлом году выгребали на Дальнем Востоке всю рыбу, до которой смогли дотянуться. Всё это морозилось и хра-

нилось на побережье в термоконтейнерах. Сейчас перевозим по железной дороге вместе с мороженными оленьими тушами вглубь страны. Население с побережья будем убирать. Оставим только самый минимум, чтобы присматривать за городами, и охрану границ с Китаем. Слишком упали температуры и очень сильные ветра. Незачем мучить людей, если их есть куда переселить. Беженцы, кстати, пошли валом. Это пока не американцы, а выгнанные из ФРГ, Франции и некоторых других стран. Хотя попадаются и те, кого не выгоняли. Находятся умные люди, которые трезво оценивают обстановку и рассчитывают укрыться у нас. А на подходе вторая волна. Вот в ней будут уже американцы и часть брошенных англичан. Поляки не хотели пропускать их через свою территорию, но немцы чем-то пригрозили. Им не улыбается задерживать беженцев у себя. Есть ещё две новости. Болгары решили обойтись своими силами. Просят только поставить им нефть и помочь с производством БВК. Естественно, мы им поможем. Ну и договорились по всем вопросам с бразильцами. Детей уже начали доставлять, а скоро приедут и их специалисты. Документацию по реактору им отправили, пусть изучают.

– А девушки от них будут?

– Присылают бразильцы девушек, как и все остальные. Мы больше не возьмём детей, эти последние. Я имею в виду специально и большими партиями. Если придут с беженцами, отказа не будет.

– А что у тебя есть такого, о чём я не знаю?

– Сегодня было на удивление много самых разных хозяйственных вопросов, которые вынесли на правительство. Принято решение о строительстве большегрузных экранолётов. Это те же «Ковчеги», только грузовой вариант. Очень сложно очищать все железные дороги и автострады. Построим дополнительные реакторы, а при наличии энергии это самый удобный в теперешних условиях вид транспорта. Полностью от дорог не откажемся, но будем использовать только тогда, когда без этого трудно обойтись.

Прозвучал вызов коммуникатора. Звонил министр иностранных дел.

– Извините за то, что беспокою так поздно, – сказал он. – По одному из выделенных для Штатов каналов пришёл вызов от командующего американским седьмым флотом вице-адмирала Гарри Крейга. Со мной он разговаривать не захотел, просит соединить с вами.

– Соединяйте, Алексей Павлович, – сказал Самохин. – Несколько необычный вызов. Посмотрим, что он скажет. Пусть больше никто не сидит на канале, я сделаю запись.

– Мне уйти? – спросила Лида.

– Остайся, это будет полезным.

На экране коммуникатора появилось изображение мужчины лет пятидесяти в чёрном адмиральском мундире. Он сидел в кресле за небольшим столиком и, увидев на экране Алексея с женой, привстал и поклонился.

– Вы говорите по-английски, ваше превосходительство, или мне включить переводчик? – спросил он на родном языке.

– Говорите, что хотели, адмирал, – сказал ему Алексей. – Здесь вас поймут.

– Прежде всего хочу поприветствовать вас и вашу супругу! – наклонил голову Крейг. – Я много о вас слышал и никогда не верил тому бреду, который печатали газеты. Я имею в виду козни дьявола.

– Мы тоже приветствуем вас, адмирал, – сказал Алексей. – Я знал, что ваш флот должен был уцелеть, но все системы слежения, кроме одной, вышли из строя, а у неё ограниченный район наблюдения. Мы обменялись любезностями, теперь хотелось бы услышать, чем вызвана ваша просьба о разговоре.

– Я должен решить, что делать дальше, – глядя ему в глаза, сказал адмирал. – Моя страна погибла, и те немногие, кому повезло уцелеть, ищут спасение у других. Мы сейчас у берегов Японии. У меня нет желания идти в Австралию. Возможности этой страны не так велики, чтобы годы содержать своё население и прибывающих англичан. Скажите, сколько это продлится.

– Долго, – ответил Алексей. – Без учёта выбросов от полутора сотен ядерных взрывов, которыми обменялись Китай с Индией, окончательно посветлеет через два года. А климат станет более или менее нормальным только через пятна-

дцать-двадцать лет.

– Да, это долго. Мы знаем о войне в Китае, но думали, что с ними воюете вы. Мы заходили в Японию и узнали о том, что вы приняли к себе миллионы их детей. У них самих дела обстоят плохо, но часть населения спасут. Жаль, но нам нет среди них места. Нас не примут, и среди моих людей мало желающих там остаться. Слишком у них всё ненадёжно, а мы всегда будем чужими. Вы не скажете, как обстоят дела в Европе?

– Плохо. Вы ведь уже связались с адмиралом Виллардом? Значит, должны знать, состояние дел в Англии. Франции уже нет. Обе Германии должны сохранить большую часть населения, но ФРГ освободилась от всех, в чьих жилах не течёт немецкая кровь. У остальных по-разному. У кого-то больше порядка, у кого-то его меньше, то же самое и по продовольствию. Мы помогаем болгарам, а остальные вряд ли дотянут до тепла, по крайней мере, большинство населения.

– Я слышал, что вы взяли детей и у норвежцев, – сказал адмирал. – Это очень умно, если у вас есть возможность их вырастить.

– Мы взяли их и у бразильцев, – усмехнулся Алексей, уже понявший, что сейчас скажет собеседник. – И у нас достаточно ресурсов.

– Вы принимаете только детей или не откажетесь от взрослых?

– Сейчас на наших границах с Польшей идёт отбор тех,

кому мы можем предоставить убежище. Понимаете, адмирал, возможности у нас большие, но нужно, чтобы принимаемые люди смогли вписаться в наше общество и не действовали на него разрушительно. Пока разбираемся с теми, кто когда-то иммигрировал в Европу и сейчас оказался в ней лишним, а через две недели появятся ваши соотечественники с англичанами. Наверное, из-за морозов и голода доберутся не все.

– И какие критерии приёма? – невозмутимо спросил адмирал, но Алексей прекрасно видел, что его спокойствие напускное.

– Сколько у вас людей? – не отвечая на вопрос, спросил он.

– С остатками персонала наших баз у меня двадцать три тысячи человек.

– Я не горю желанием брать вас к себе, – откровенно сказал он Крейгу, – но пойду навстречу, учитывая то, что вы можете натворить, устраиваясь самостоятельно. Какой состав флота?

– Один ударный авианосец, три многоцелевые атомные подводные лодки и двенадцать других кораблей разных классов.

– Теперь слушайте, что я могу предложить, – сказал Алексей. – Вы ведёте свой флот во Владивосток и ставите корабли на консервацию. После этого вас отправят вглубь страны. С Дальнего Востока почти всех убираем из-за погодных усло-

вий. Мало радости десять лет просидеть в зданиях, не высовывая наружу нос, без риска его лишиться. Примем всех, но тесты сдадите. За теми, кто их провалит, будем присматривать. Если нарушат наши правила, не выгоним, но поселим изолированно. Есть у нас такая возможность. Доживут до тепла, а потом поможем добраться, куда захотят.

– Не все такое примут, – возразил Крейг.

– Послушайте, что я скажу, адмирал! – перебил его Алексей. – Я нравлюсь вам не больше, чем вы мне, но тем не менее вы позвонили. Сказать почему? Вам просто некуда податься. Штаты завалены пеплом и трупами. Конечно, можно зайти в один из портов и там переждать. Я даже допускаю, что вы найдёте в нём для своих людей достаточно продовольствия, а атомные реакторы дадут тепло. И что дальше? Вы все потеряли своих близких и уже долго трётесь друг о друга спинами в своих кораблях. Жить в них как минимум десять лет без нормального общества, без женщин? Да у вас люди через несколько месяцев начнут сходить с ума, и вы прекрасно это знаете. Вы не хотите идти в Австралию и правильно делаете, там и без вас хватает нахлебников. Австралийцы были вынуждены принять беженцев под угрозой применения силы. Вы думаете, что они будут терпеть их, когда такая угроза исчезнет? Часть, наверное, оставят, а от балласта освободятся. И решать, кто им нужен, а кто нет, будут они, а не вы. А у большинства ваших людей нет других специальностей, кроме флотских. И в любой другой точке земного шара вам

вряд ли обрадуются. Сейчас почти везде беспорядки и хаос. И мир набит оружием, поэтому у вас не получится расчистить себе место силой. Можно попробовать обменять ваши корабли на право на жизнь, если найдёте желающих идти на такой обмен. И не факт, что у них получится выжить и будут держать данное вам слово. А как бы вы к нам ни относились, знаете, что здесь вас не обманут. Я сделал предложение, и других не будет. Поговорите со своими людьми и расскажите им всё, ничего не скрывая. Если кто-то не захочет к нам идти, выделите им корабли, и пусть устраиваются самостоятельно.

– Я поговорю, – сказал адмирал. – А вы сообщите о нас своей береговой охране.

* * *

«Проклятые поляки! – думал Патрик Берто, ёжась от холодного ветра. – Сволочи и ворюги!»

Основания так думать у него были. Если при въезде в Польшу его только обезоружили, то за десять километров до советской границы польские пограничники высадили их всех из машины, которую тут же угнали. Теперь приходилось шагать на своих двоих, мёрзнуть и тащить все пожитки. Даже восьмилетней Мишель дали нести небольшую сумку. Хорошо, что вместе с ними идут другие, а то в случае нападения нечем и отбиться!

Патрик не имел отношения к иммигрантам, он был чистокровным французом. Когда опустели магазины, он провёл

ревизию домашних запасов и сказал жене, что нужно уезжать.

– Никогда не думал, что французы до такого дойдут, – говорил он Николь. – Правительство упустило власть, и лучше уже не будет, только хуже. Еды нам хватит на месяц, а потом мне останется вас застрелить и застрелиться самому или открыть окна и замёрзнуть. Говорят, это самая лёгкая смерть.

– И куда же мы поедем? – спросила испуганная жена.

– Надо ехать к тётке Марии, – подал голос пятнадцатилетний Алан, слышавший разговор родителей.

– Твоего мнения пока не спрашивают! – оборвал его отец. – Сестра нам не обрадуется, а в её доме мы проживём на месяц-два больше. И что потом? Нет, нужно немедленно ехать к русским. Они единственные подготовились к катастрофе и принимают беженцев. Если приедем одними из первых, есть шансы спастись. Провозимся, а они наберут нужных людей и укажут нам на дверь!

– Они и сейчас не всех берут, – не унялся сын. – Я слушал радио. Поляки передавали на французском. Третью беженцев заворачивают обратно.

– Больше верь полякам! – рассердился Патрик. – Они всегда были на ножах с русскими, даже когда жили в одной стране. И они не хотят, чтобы по их Польше бродили толпы беженцев, вот и отпугивают людей такими передачами. А если не соврали, всё равно поедем. Там есть надежда, что хоть пристроим вас, а здесь нас всех ждёт только смерть. На ма-

шине мы туда доберёмся за два дня.

Жену не пришлось уговаривать, поэтому в этот же день собрали самое необходимое и все продукты, погрузились в «Пежо» и покинули Париж. Через два часа были уже в Страсбурге, откуда, переговорив с охранявшими границу военными, перебрались в немецкий Кель. Немцы приняли их неприятливо, но, узнав о цели приезда, сразу потеряли всякий интерес. До ночи пересечь ФРГ не успели, поэтому остановились в небольшом городке, откинули кресла и до утра неплохо выспались. Когда из-за горизонта выползло бледно-жёлтое пятно солнца и стало хоть что-то видно, сделали себе бутерброды, наскоро позавтракали и двинулись дальше. На границе с ГДР никаких проблем не возникло, а вот на польской у него отобрали револьвер.

– Въезд на нашу территорию с оружием запрещён! – непреклонно заявил польский лейтенант. – Это запрещено даже полякам, тем более тем, кто едет к русским. Уже были случаи грабежей и убийств наших граждан. Или сдавайте оружие, или поворачивайте обратно!

Пришлось подчиниться, поэтому вторая ночёвка, которую сделали неподалёку от небольшого города Замбрув, прошла на нервах. Если в начале поездки по Польше дорога не внушала страха и подозрений, то во второй половине дня вдоль трассы стали попадаться сожжённые машины, а кое-где лежали и присыпанные снегом тела. Похоже, поляков это не волновало. А утром перед самой границей у них отобрали

машину. Возле шлагбаума толпилось с полсотни беженцев. Как оказалось, у двух семей точно так же забрали транспорт, а остальные проделали путь от ФРГ на своих двоих.

– Нужно идти всем вместе, – говорил один из них. – Граница недалеко, но у нас нет оружия, поэтому могут убить и ограбить те, кого прогнали русские. А на большую группу нападать не станут, оружия и у них нет.

Так и сделали. До контрольного поста на границе добирались три часа из-за ветра и засыпавшего дорогу снега. Мёрзли даже те, у кого работал электрообогрев. На полпути Мишель обессилила, села в снег и заплакала. Пришлось Патрику нести дочь на руках. Когда перешли границу, русские пограничники быстро посадили всех в автобус и отвезли к расположенной неподалёку огороженной площадке, застроенной большими, похожими на надувные ангары зданиями. У входа в одно из них всех и выгрузили. Здесь им велели очиститься от снега и дали с час посидеть в тепле, напоив горячим какао. Каждому выдали инструкцию, отпечатанную на трёх языках. В ней кратко описывалась процедура отбора. Детей до десяти лет от неё освобождали, для остальных не делалось исключений.

– Возьмите дочь с собой, – сказал Николь один из проверяющих. – Пусть девочка будет с вами, чтобы потом её не искать. Это сегодня затишье, обычно людей намного больше.

Все прошли в большой зал, уставленных столами, на которых стояли то ли компьютеры, то ли терминалы. Время

прохождения тестов каждому считалось отдельно, начиная с первого ответа. Все выбирали родной язык и быстро представляли напротив вопросов один из предусмотренных тестом ответов. Если кто-то начинал не укладываться в отпущенное время, система подгоняла его звуковыми сигналами. Первый тест прошли быстро, на второй отвели намного больше времени. Проверяющие быстро разделили беженцев на три группы. Человек тридцать безусловно принятых, в число которых вошла вся семья Патрика, кроме него самого, отвели в небольшое помещение и велели ждать. Пятерых, которым было отказано, куда-то увели. Остальных стали по одному вызывать в шесть небольших кабин для беседы. Вызвали и Патрика.

– И что с вами делать, месье Берто? – спросил его уже немолодой офицер, сидевший за небольшим столом. – Присаживайтесь, побеседуем. Мы уже два месяца ведём здесь приём желающих получить помощь. Как правило, её получают, но некоторым приходится отказывать. Не потому что у нас нет возможности их принять, просто они по той или иной причине нам не подходят. С вашей семьёй проблем нет.

– А чем вам не угодил я? – похолодев, спросил Патрик.

– Вы слишком конфликтный человек, – объяснил офицер. – Сейчас вы прижаты обстоятельствами и готовы согласиться со многим, но пройдёт немного времени и эта черта вашего характера даст себя знать.

– Но мою семью примите? – спросил он, поднимаясь со

стула. – Они это не я.

– Сядьте! – повелительно указал на стул офицер. – Я вам ещё не отказал, иначе вас вывели бы на улицу с теми пятью бедолагами. Как вы себе это представляете? Мы выгоним вас на смерть и возьмём сына? И он никогда не припомнит нам смерть отца? Да и ваша жена этому вряд ли обрадуется. Безусловно принять я могу только вашу дочь. У вас нужная нам специальность и высокая квалификация. Вы, безусловно, можете стать полезны, но можете принести и вред. Я могу предложить следующее. Мы принимаем вас на срок в один год и будем присматривать. Не бойтесь, никто не собирается ходить за вами хвостом. Просто в случае если вы в ответ на обиду или оскорбление сломаете кому-нибудь руку или выкинете ещё что-нибудь подобное, очутитесь опять у поляков.

– Так что, всё терпеть? – вырвалось у него.

– Я вам такого не говорил, – возразил офицер. – Люди есть люди, и они не могут жить без конфликтов, даже наши, что уже говорить о недавно принятых иммигрантах. Можете судить по себе. Только настоятельно советую учиться держать себя в руках. Запомните, что во всех местах общественного пользования установлены камеры регистраторов. Раньше такого не было, да и сейчас их ставят только там, где селят иммигрантов. Когда станете своими, аппаратуру снимут. Естественно, в жилых помещениях её нет. Если у вас возник конфликт, обратитесь в ближайший орган власти или к своему участковому работнику милиции. Имея запись, легко опре-

делить виновного. Если что-то случилось в вашей или чужой квартире, включайте запись комма. Даже если вас вынудят на рукоприкладство, разбираться будут с обоими по записи. Идите к своей семье, они наверняка волнуются. Через полчаса вас воздухом доставят в Центр, где накормят и поселят на ближайшие десять дней. Это время отведено для начального обучения русскому языку и правилам нашей жизни. После этого дадут уже нормальную квартиру. И сходите за вещами, увозить вас будут через другой выход.

* * *

– Так чем всё закончилось с флотом? – спросила Лида за ужином. – Я знаю, что корабли во Владивостоке, меня интересуют моряки.

– Адмирал отпустил один корабль, – сказал Алексей. – На нём уплыли три сотни сторонников мужской любви. Вряд ли их кто-то примет с распростёртыми объятиями, но любовь – это святое! Ядерное оружие с него сняли. Малыш, не мешай ужинать, я и так плохо пообедал. Терпеть не могу рыбу, а меня ещё уговаривали заняться её разведением. А речная ещё хуже морской: одни кости.

– Так мы не разводим карпов только из-за того, что ты их не любишь? – удивилась Лида. – У тебя есть совесть?

– Тебе лучше знать: сто лет живём вместе. А не разводим потому, что слишком много канители. Рыбу легко разводить в открытых прудах, под землёй это сложнее. С курятиной меньше мороки, да и вообще...

– Ладно, кушай, потом поговорим. Не знаешь, что сегодня в выпуске новостей?

– Сейчас закончу с ужином и расскажу тебе все новости не хуже телевизора. Нет сегодня ничего особенного, разве что на границе с Польшей появились первые американцы.

Через десять минут он подошёл к жене, которая взяла комм и забралась с ним на диван.

– Раз у тебя нет новостей, давай я покажу одну запись, – предложила она Алексею. – Мне сбросила её на твой комм одна знакомая.

– Не надо никому давать мои каналы связи, – недовольно сказал муж. – Могла бы записать на мобильную память. Ладно, показывай, что у тебя такое интересное.

– Мы с тобой. Узнаёшь?

– Ты в роли мамыши, – прокомментировал запись Алексей. – А это волки. Как я забыл о регистраторах! И давно это смотрят?

– Уже два месяца. И мне никто не говорил, сама случайно увидела. Я ещё думала, что это на меня все тарачатся, теперь ясно. Как же, обезьянья Мадонна!

– Мне тоже никто не сказал, а ведь наверняка смотрели. Я ещё кое с кем разберусь. Плохо, но раз это пошло по рукам, нужно использовать для дела. Дам команду, чтобы ненавязчиво распространили эти записи среди иммигрантов и довели до их сведения, что животные настолько страшные, что к ним боится подходить даже обслуживающий персонал.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно. Помнишь, что о нас говорили в западных СМИ? Как ты думаешь, много уважения будет у беженцев к стране, которой руководит такая одиозная личность, как я? Они ведь прибежали к нам не от большой любви, а из-за страха смерти. Благодарны, конечно, но благодарность имеет обыкновение проходить. Уважение мы у них заработаем, а нам надо чтобы не только уважали, но и любили наш народ. Только тогда они станут своими. А пока пусть смотрят. Наши-то не поверят ни в какую божественность...

– Ты уверен? – спросила Лида. – Подержи комм, я сейчас приду.

Жена ушла на кухню и тут же вернулась с ножом в руке.

– Вроде чистый... – сказала она. – Смотри!

Зажмурившись, провела ножом по ладони. Порез сразу окрасился кровью.

– С ума сошла! – Алексей отбросил комм и схватил у неё нож, порезав при этом палец. – Чёрт! Пойдём смоем кровь и продезинфицируем!

– Не суетись, – сказала Лида. – Тоже порезался? Так даже лучше. Смотри, вытираю платком. Вуаля! Теперь давай свой палец. Как тебе?

– Давно узнала? – спросил он, с удивлением рассматривая палец, на котором не было и следа пореза.

На ладони жены виднелась тонкая ниточка шрама, которая исчезала на глазах.

– Вчера порезалась и обалдела. Хороший факт в копилку нашей божественной природы? Что молчишь?

– Вспоминаю, когда поранился последний раз.

– Ну и когда же? Мне ничего не вспоминается. Было, наверно, но давно.

– Я не вожусь с готовкой, поэтому не резался, но года два назад повредил палец. Только я не знаю, когда затянулось. Наложили повязку, и я забыл об этой ранке. Бинт сняли на следующий день. Врач удивился отсутствию шрама, но я тогда не придавал этому значения.

– Но ведь не на глазах же затянулось? Вот я и говорю, что мы изменились. Может, обследоваться?

– Я всё сделаю сам, – пообещал Алексей. – У меня есть лаборатория, где проведут анализы и ничего никому не скажут. Может быть, и найдём что-то полезное для других, но я в это не верю. В прошлый раз ничего не нашли, не найдут и сейчас.

Глава 28

Когда их остановили люди в полушубках и меховых шапках с козырьками, Мартин решил, что это конец. Сейчас его пристрелят из висевших за плечами автоматов, а жену... Оказалось, что это польские пограничники, которые не пропускали никакой транспорт.

–Выметайтесь! – грубо по-английски сказал один из них. – Здесь недалеко, дойдёте и без колёс. Русские обойдутся и без вашей тачки, а за проход нужно платить!

К ехавшей за ними машине тоже подошли и забрали, правда, без хамства: в ней сидели белые. На машинах приезжали меньше половины, остальные шли пешком. Глядя на них из окна электромобиля, Мартин приходил в ужас от мысли, что и им тоже пришлось бы идти своим ходом через Бельгию, обе Германии и Польшу. В Бельгии их хоть пускали переночевать в пустые сейчас школы и поили горячим чаем, а в Восточной Германии слегка подкармливали, но поляки не давали ничего и не позволяли у себя задерживаться даже ненадолго. Ходили слухи, что они убивали всех, кому русские отказали в приёме. Возможно, это было гуманно, так как у этих людей не осталось сил. И куда идти? Он всю дорогу гнал от себя мысль, что и их тоже... Чувствительный толчок в спину прогнал мысли и заставил торопиться. Он подхватил одной рукой Сюзен, а в другую взял тяжёлый сак-

вояж, а Элизабет одела рюкзак и забрала сумку с остатками провизии. Джастин и Дарси, которым принадлежала машина, тоже поспешно нагрузились вещами, и обе семьи влились в бредущую по заснеженной дороге колонну людей. Идти пришлось два часа. За это время Мартин дважды видел, как идущие впереди люди падали и больше не пытались подняться. Их обходили или оттаскивали в сторону и освобождали от тёплой одежды и вещей. Никто на такое не реагировал, все были на пределе и жили только одной мыслью: дойти до конца, а не лежать вот так у обочины дороги мёртвыми и обобранными. Когда толпа впереди начала редеть, увидели два десятка автобусов, в которые солдаты, похожие по виду на польских пограничников, направляли людей. В том, что это не поляки, он убедился, когда они подняли упавшего в снег мужчину и отнесли его в один из автобусов. Вместо отъезжающих, наполненных людьми подъезжали уже пустые. Беженцев не нужно было подгонять садиться в автобусы, они сами бежали к ним на остатках сил. Пограничники лишь следили, чтобы не было давки. До места, где решалась их судьба, доехали минут за пятнадцать. Их подвезли к одному из нескольких десятков зданий и завели внутрь. Прежде всего заставили сдать все вещи.

– Внимание! – прозвучал говоривший по-английски голос. – Сейчас сдаёте свои вещи и получаете временные чипы. Если вас примут, ваши вещи доставят по месту жительства, если нет, вам их вернут. Прошу всех действовать быстро и

соблюдать очерёдность. Если с вами маленькие дети, возьмите их на руки. Если кто-то очень плохо себя чувствует и не сможет пройти тестирование, пусть свернёт в третий проход, ему окажут помощь. Перед прохождением тестов прочитайте выданные вам памятки.

Они прошли в помещение, где отдали всё, кроме сумки с продуктами, которую отказались брать.

– Берём только багаж! – торопливо сказал Мартину принимавший вещи парень. – Держите чип, при тестировании вставьте его в терминал. Вот вам памятка. Следующий!

Мартин взял на руки Сьюзен и вместе с вцепившейся в его руку Элизабет прошёл в большой, заставленный столами зал. Часть из них была занята людьми, остальные были свободны.

– Не задерживайте других! – сказал им один из встречающих. – Садитесь за свободные терминалы, читайте памятки и начинайте работать.

Они сели за соседние столы и прочитали короткое, предельно ясно составленное руководство. Сьюзен Мартин посадил себе на колени, потому что повсюду ходили и бегали люди, и малышку могли сбить. Вставив чипы в считыватели, они приступили к тестированию. Мартин управился быстрее, а жена едва уложилась в отпущенное время.

– Смотри, что у меня на экране... – растерянно сказала она мужу. – Семье Бейкер пройти в комнату номер восемнадцать. Что это значит? Приняли нас или нет?

– Наверное, там и узнаем. Вставай, вон у них на стенах

указатели.

Перед дверью с нужным номером стояли десятка три мужчин, поэтому своей очереди пришлось ждать больше часа. Когда зашли, увидели небольшую комнату и сидевшего за столом мужчину в военной форме. Стулья для посетителей были, но им не предложили садиться.

– Ваши чипы! – сказал офицер. – Быстрее, пожалуйста. Так, Мартин и Элизабет Бейкер. К вам один вопрос. По тестам у вас нет детей, но в чип включена пятилетняя Сьюзен Бейкер. Кто она вам?

– Это дочь брата, господин офицер, – ответил Мартин. – Мы гостили у него, когда всё началось. Это в Алпайне, небольшом таком городе в Техасе.

– Что случилось с родителями? Они живы?

– Я думаю, что нет, – ответил Мартин. – После того как сильно трянуло и обвалилась часть дома, мы поймали на комм передачу об извержении. Не сразу, а только через полчаса. Брат отдал мне вторую машину и велел забирать в доме все ценности и продовольствие, а сам поехал в Форт Стоктон за женой. Это около шестидесяти миль. Она там гостила у подруги, а связаться по комму почему-то не удалось. Дочь он отдал нам и сказал, чтобы ехали в Мексику и там их ждали.

– Понятно, – офицер что-то быстро занёс в чипы. – Девочку удочерите, оформите опеку или отдадите государству?

– Если вы нас примете, она останется с нами, – ответил

Мартин. – А что с удочерением?

– Каждая женщина, имеющая хотя бы одного ребёнка, должна следующие десять лет предохраняться от зачатия, – сказал офицер. – Если удочерите, это будет касаться и вашей жены. При опеке она сохраняет право на рождение своего ребёнка.

– Тогда опека! – сказал Мартин. – Так нас приняли?

– Если бы не приняли, с вами никто не разговаривал бы. Держите свои чипы и идите на посадку. На стенах указатели, так что найдёте. Быстрее, пожалуйста!

К выходу на отправление подошли, когда собравшихся там уже увели в автобус, поэтому пришлось подождать, пока наберётся следующая группа. Ехали минут десять, после чего автобус подкатил к большому летательному аппарату овальной формы, стоявшему на дороге, которая с этого места становилась в два раза шире. Мартин уже летал на экранопланах, но никогда раньше не видел таких больших. Их привели на верхнюю палубу, где уже сидели человек двести. Прибыли ещё три автобуса, после чего посадку закончили и они наконец взлетели. Короткий разбег, при котором всех мягко вдавило в спинки сидений, и огромная машина с большой скоростью заскользила на высоте нескольких метров над дорогой, оставляя за собой шлейф поднятого в воздух снега.

– Прослушайте информацию, – прозвучал мужской голос. – Через десять минут вас разместят в приёмном Центре города Кобрин. Первым делом всех накормят, а потом рас-

пределят на временное жильё. В Центре вы будете находиться десять дней. За это время освоите русский язык в объёме, достаточном для общения в быту, изучите наши правила жизни и определитесь с работой. После этого вас будут распределять на постоянное место жительства. Просьба выполнять все распоряжения сотрудников Центра и не нарушать правила, с которыми вас ознакомят. Сегодня же доставят ваши вещи.

Сказано было на английском, после чего то же самое повторили на испанском и французском языках.

Вскоре их транспорт снизился и уже не летел над дорогой, а катился по ней на шасси, гася скорость реверсом двигателей. Остановились рядом с площадкой, на которой их ждали пять автобусов. Город был недалеко, но его надёжно скрывали от глаз пелена падавшего снега и полумрак пасмурного дня. После приезда в Центр, представлявший собой несколько стоявших рядом высотных зданий, всех развели по двум столовым, предварительно спросив, есть ли те, кто ничего не ел больше трёх дней. Таких кормили отдельно.

– Прослушайте информацию, – услышали они из громкоговорителей. – Сейчас вас расселят, а через час доставят вещи. К каждому зайдёт работник Центра, которому вы можете сказать, каких предметов быта или одежды вам не хватает. Сегодня же вас обследуют медики. Ужин здесь же, и о его времени вам сообщат. С завтрашнего дня все, начиная с семилетнего возраста, начнут изучение языка, а с взрослыми

ми дополнительно займутся изучением правил, которым будет подчиняться ваша жизнь. Дети будут проходить обучение в своих группах, а для самых маленьких есть детский сад-ясли. На каждом этаже имеется дежурный администратор, к которому можно обратиться с любым вопросом. Позже с каждым из вас побеседуют по вопросу будущей работы. Отнеситесь к учёбе со всей серьёзностью. От знания языка зависит ваша полезность, а значит, и отношение окружающих вас людей. Конечно, за десять дней вы получите только необходимый минимум, но не усвоив его, не сможете дальше заниматься самостоятельно. Спасибо за внимание.

– Вкусная еда, – сказала Элизабет, вытирая Сьюзен рот салфеткой. – Быстрее бы поселили, а то она сейчас заснёт. Я как во сне и до сих пор не могу поверить в то, что всё уже закончилось.

В Центре семейным давали одну большую комнату, одиночек селили в такую по четыре человека.

– Когда отсюда уедете, получите двухкомнатную квартиру, – сказал им работник Центра. – Туалет у вас свой, а душевые общие. На чей чип регистрировались вещи? Давайте мне, вам его вернут с багажом. Подумайте, чего у вас нет из необходимых вещей. Перед медосмотром я к вам зайду, тогда скажете.

Он ушёл, и Бейкеры в первый раз за последние четыре месяца почувствовали, что у них есть то, что с натяжкой можно было назвать домом. Сьюзен уложили на одну из трёх кро-

ватей, и она тут же заснула.

– Может, и ты отдохнёшь? – спросил Мартин сидевшую на кровати жену и увидел, что она плачет. – Родная, не надо плакать, всё уже позади!

– Какие вы, мужчины, толстокожие! – ответила Элизабет. – Для нас кончилось хорошо, а для твоего брата или моих сестёр? У нас не осталось никого, кроме этой девочки! Впереди жизнь среди незнакомых и совсем чужих людей, которых у нас всегда представляли врагами! И когда ещё вернутся тепло и солнечный свет! Миллиарды людей погибнут, жизнь остальных изменится, а Америки никогда больше не будет! Дай мне поплакать, я не разбужу Сьюзен. Я за четыре месяца ни разу и не заплакала, держалась изо всех сил, а сейчас не хочу сдерживаться. И не надо меня жалеть, мне просто нужно выплакаться.

С утра отвели племянницу в садик и отправились на занятия. Первые дни занимались только языком, потом им начали дополнительно объяснять сущность общественного строя и основы законодательства. На пятый день их навестил работник Центра, назвавшийся Сергеем, с которым состоялся разговор о будущей работе.

– Ваша специальность у нас не востребована, – сказал он Мартину, – а у вашей жены её нет вообще. Вот перечень работ, где вам придётся проходить обучение, а здесь работа, которая его не требует. Но она в основном для женщин. Цифры напротив профессий – это примерная сумма месяч-

ного вознаграждения. Сейчас деньги не используются и вы всё получаете бесплатно, но их будут начислять на ваши счета. Когда вернёмся к нормальной экономике, они вам пригодятся. Первым лучше выбрать вам, Мартин, так как вы наверняка будете зарабатывать больше жены. А её выбор зависит от вашего места жительства.

– А чем занимаются с этой специальностью? – спросил Мартин.

– Водители землеройных агрегатов работают на строительстве подземных производств, в первую очередь это выращивание грибов.

– Тогда я хотел бы её изучать, – выбрал он.

– Я не хочу учиться, – сказала Элизабет. – Выберите мне что-нибудь сами.

– Выберете, когда будете на месте, – сказал ей Сергей. – Я советую уборку грибов или работу в одной из столовых. Можно работать в яслях, но там нужно учиться, к тому же вы ещё плохо знаете язык. Я завтра скажу, куда вас распределили.

– Вы можете сказать, сколько принято моих соотечественников? – спросил Мартин. – Или это секрет?

– Что в этом может быть секретного? – удивился Сергей. – Я не знаю точных цифр, но если примерно, то приняли шесть миллионов человек. Это по польской границе, но американцы прибывают и морем. Мы рассчитывали на двадцать миллионов, но вряд ли наберём больше десяти. Пока каждый

день через два пункта на границе проходят триста тысяч беженцев.

Десять дней прошли очень быстро и мало отличались один от другого. Сегодня с ними провели последний урок и вручили каждому самоучитель для самостоятельных занятий.

– Советую дома как можно больше говорить на русском, – сказал на прощание учитель. – Это сильно поможет. И учтите, что язык – это душа любого народа. Без хорошего знания языка вы не станете здесь своими.

Их отправили в Куйбышев. Туда же летели ещё около двухсот человек. В Центре Бейкеры всё свободное время проводили в своей комнате, поэтому познакомились только с теми, с кем вместе учились, и не знали попутчиков. Когда прилетели в аэропорт, их встретил работник службы трудоустройства иммигрантов, посадил в два автобуса и развёз по месту жительства, передав другим.

– Я ваш куратор, – представился мужчина лет пятидесяти. – Пойдёмте, я вас заселю, а потом поговорим об остальном. Я не очень хорошо знаю английский, поэтому буду использовать его только в случае, когда вам не хватит знания русского.

Квартира, в которой были две комнаты, кухня и совмещённый санузел, после всего пережитого показалась сказкой, хотя по меркам их прежней жизни условия были весьма скромными. В комнатах имелось всё необходимое для жиз-

ни.

– Скромно, но жить можно, – сказал куратор. – Строилось специально для иммигрантов, и построить нужно было как можно больше, поэтому только две комнаты и вся сантехника в одном месте. Со временем будет жильё лучше.

– Спасибо, – поблагодарил Мартин, который понял только половину слов, но уловил смысл сказанного. – Нам и здесь хорошо.

– Теперь слушайте дальше, – продолжил куратор. – Холодильник на кухне стоит, хотя толку от него сейчас... Остальную технику вам привезут, когда закажете. Вот список всего имеющегося, а это номер коммуникатора, по которому нужно делать заказ. Постельное бельё получите у Марии. Я покажу, где она сидит. У неё же, если нужно, разживётесь посудой. Можно брать продовольственные пайки и готовить дома, но большинство предпочитает столовые. Кормят вкусно и не очень однообразно, и никакой мороки с готовкой. Столовая в этом же здании, так что не нужно никуда выходить. То же касается детского сада. Место для вашей девочки в нём забронировано. Вам даются три дня на отдых и ознакомление, а потом наступят трудовые будни. Ваш учебный центр, Мартин, находится довольно далеко, но вы быстро попадёте в него на метро. Станция рядом с домом. Там же учится один из ваших соседей. Это бывший американский военный из двести пятнадцатой квартиры. Неплохой парень, советую подружиться. Он тоже семейный. С ме-

сяц назад взял в жёны одну из наших японок. А ваши грибные плантации, Элизабет, совсем рядом. Закончили их только месяц назад и пока не полностью запустили. Вход в сквере, в трёх кварталах отсюда. Они под сквером и располагаются в несколько этажей.

– В городе? – удивился Мартин.

– А почему нет? – сказал куратор. – Какая разница, если строят под землей? Главное, чтобы рядом не было высотных зданий, а в остальном очень удобно.

Он поводил их по дому и показал, где находятся садик и столовая. Заодно познакомились с Марией, которая оказалась ровесницей Элизабет. У неё взяли постельное бельё.

– Я подберу и посуду, – сказала Мария, – а вечером забереёте. Если меня здесь не будет, зайдите в двести пятидесятую квартиру, я в ней живу. А если хотите, приходите в гости и захватите с собой этого замечательного ребёнка. Она у вас похожа на куклу!

Её поблагодарили, простились с куратором и пошли к себе. Открыв дверь одним из двух выданных ключей, они включили свет и тщательно осмотрели квартиру. Мартин открыл прејскурант с двумя десятками бытовых приборов и тут же по комму заказал телевизор, ионизатор и универсальный утюг.

– Холодильник с плитой есть, – сказал он, – а стирать будем в прачечной. Я решил не брать машину для мытья посуды. Ультразвук удобней губки, но мы выбрали столовую.

Больше здесь нет ничего интересного.

– Мартин! – она обняла мужа и уткнулась ему в грудь лицом. – Ты не захотел удочерять Сьюзен. Хочешь, чтобы у нас был свой малыш?

– Обязательно! – сказал он и поцеловал в макушку. – Только не сейчас, а немного позже. Сначала нам нужно стать здесь своими. А пока пусть будут таблетки.

Вечером, после ужина, к ним в дверь постучали. Когда открыли, увидели высокого крепкого парня и маленькую изящную девушку, больше похожая на девчонку. Очевидно, это была та самая пара, о которой им говорил куратор.

– Узнал, что появились земляки, и решил навестить! – широко улыбаясь, сказал парень. – Я Ник Сандерс, а это моя жена Кимики. Она не знает английский, а вы, наверное, ещё плохо говорите по-русски, поэтому я поработаю для неё переводчиком.

Мартин представил свою семью и пригласил гостей сесть на одну из кроватей.

– Дивана, к сожалению, нет, а стулья заняла Сью. Она строит в детской домик для кукол. А ты хорошо знаешь русский? Давно здесь?

– Садись, Кими, – Ник усадил жену на кровать и сел рядом. – Я в Союзе уже два месяца. Наш адмирал сдал русским весь седьмой флот, кроме одного корабля, на котором уплыл цвет американской нации. А мы привели корабли во Владивосток, провели консервацию всех систем и отправились по-

ездом через всю страну в один из Центров. Потом, как и все, учили язык и были распределены кто куда. Мне повезло попасть сюда.

– А почему повезло? – полюбопытствовала Элизабет. – Чем здесь лучше?

– Повезло, потому что здесь была Кими! – засмеялся Ник, обнял жену и быстро пересказал ей по-русски, о чём говорили.

– Я не понял об уплывшем корабле, – сказал Мартин. – Какой цвет нации на нём уплыл?

– Голубой, – хмыкнул Ник. – Придурки поплыли в Австралию, как будто они там кому-то нужны!

– А нас не взяли, – сказала Элизабет. – Англичане вообще не брали американцев, тем более темнокожих, а на боевые корабли забрали одних военных.

– Вы должны радоваться этому, Бет! – убеждённо сказал Ник. – Там будет такое, что я не удивлюсь, если из них никто не выживет! Придурки! Навязали себя силой людям, у которых нечем кормить своих детей! А австралийцы очень не любят тех, кто на них давит. Забыли, от какого корня пошла их нация? Было бы у них время подготовиться, тогда куда ни шло. Если отбросят демократию и засучат рукава, вполне могут выжить, если не все, то многие. А ради англичан никто не станет надрывать пуп. Они не будут сидеть на своих кораблях, а обычного оружия много и у австралийцев. Я думаю, что полезных они оставят, а весь балласт, в число кото-

рого попадёт большинство приезжих, отправят на корм рыбам или на каторжные работы. Но эти работы только отсрочка, итог для них один – рыбы. Или отдадут на прокорм своим аборигенам. Смотрел я как-то, какую они жрут гадость, англичане наверняка вкуснее.

– Может быть, – задумался Мартин. – Мы с женой попали бы в разряд балласта, потому что она вообще не работала, а моя специальность теперь никому не нужна.

– Вы шутите, Ник, а мы по пути сюда чего только не рассмотрелись! – сказала Элизабет. – Повезло, что нас подвезла одна семья. У них имелась машина, но не осталось продуктов, а у нас всё было наоборот, вот и договорились. В пути вдоль дороги лежали замёрзшие тела, так вот, у некоторых были отрублены ноги! Так что этот запрет люди уже преступили. А как здесь оказалась Кимико?

– А вы разве не знаете? – удивился Ник. – В СССР очень хорошо подготовились к катастрофе. Ещё бы, когда этим занимались Вечные!

– Подожди, – наморщил лоб Мартин. – Алекс? Писали что-то о дьяволе... У него ведь была жена?

– Была и есть, – сказал Ник. – Плюньте в рожи тем, кто это писал! Правда, вряд ли вы увидите кого-нибудь из них в живых. Я всю жизнь свято верил во всё, что мне говорили! Как же я был слеп! Могу вас уверить, что люди здесь ничуть не хуже американцев, а многие так гораздо лучше! А о руководстве я вообще не говорю. Их идеологию поначалу

трудно переварить, но если вы сами не занимаетесь бизнесом, то вас она не затронет никаким боком. Вы точно так же работаете, получаете деньги и живёте не хуже, чем жили бы в Штатах. Сейчас всех прижали, но это и понятно, потому что нужно выжить самим и помочь другим. Когда всё закончится, пройдёт очень немного времени, и они окрепнут ещё больше. Это я по привычке говорю «они», говорить нужно «мы»! Это государство будет доминировать в мире, причём никто не станет давить оставшихся, они придут сами. Понимаете, что он сделал?

– Кто он, Ник?

– Бог, конечно. Вспомните, каким был мир. Все развитые страны разделились на две группировки и копили горы оружия, а остальные со страхом за ними наблюдали. Перенаселённость рождала голод и нищету, а оружие грозило поставить на жизни человечества жирную точку! И мы не договорились бы. Союз мешал тем, кто правил большей частью мира. И пришло очищение! Нашу страну стёрли с лица Земли, а их спасли Вечные. Сейчас никто не сомневается в том, что они знали, когда всё случится, и сто лет к этому готовились. Теперь в Союз отовсюду забирают не только детей, как это делали раньше, но и взрослых. А для такого нужно иметь просто чудовищные запасы продовольствия!

– Мы слышали о норвежских детях, – сказала Элизабет. – Кажется, что-то говорили и о японцах.

– Японских детей было восемь миллионов, – сказал Ник. –

И ещё девушки, которые присматривали за малышами. И были семь миллионов детей из Бразилии.

– И все маленькие? – спросил Мартин. – Куда столько малышей? Что они с ними делают?

– Всех раздадут по русским семьям. Понимаете замысел? Через десять лет это будут такие же русские, как и их приёмные родители.

– Мне трудно принять это, Ник, – покачал головой Мартин. – Какое же это очищение, если погибло столько замечательных людей. Наши родные...

– А если иначе было нельзя? Я тоже пострадал. Мать наверняка погибла, и ещё были родственники по линии отца. Я думаю, что не Бог устроил это извержение, оно произошло естественным путем. Но он помог им и оставил без помощи нас. Наверное, были основания? Вам не привезли телевизор?

– Обещали завтра с утра, – ответил Мартин. – А что?

– У меня есть интересная запись. Завтра принесу после учёбы, тогда посмотрите. В Союзе не только готовились спасти людей, они ещё устроили под землёй зоопарк на десятки тысяч зверей и прочей живности и запаслись их спермой. Полностью потерь не восполнят, но хоть частично. И назвали это «Ковчегом Алекса». Это была его идея, и он сам работал с этим зверинцем. Так вот, незадолго до моего появления он вместе с женой поехал проверить, что получилось. С ними ходил директор, который перед этим удалил весь персонал. А потом кто-то любопытный просмотрел записи ре-

гистраторов, перед тем как их стереть. Он обалдел, скинул всё на мобильную память и показал друзьям. Те скопировали и тоже кому-то показали, и пошло-поехало. В том, что касается распространения сплетен и слухов, русские ничем не отличается от американцев.

– И что же там было? – не удержалась любопытная Элизабет.

– Хищные звери облизывали им руки, а обезьяны сами приносили малышей. И точно известно, что эти животные завезены недавно, и Алекс просто не мог их видеть. Они совершенно дикие, и персонал их обслуживает с соблюдением всех мер предосторожности.

– А не подбросили ли эти записи? – с сомнением сказал Мартин. – С помощью компьютеров можно сфабриковать всё что хочешь.

– Есть такая версия, – согласился Ник, – только очень сомнительная. Понимаешь, они ведь здесь атеисты. Не все, но большинство. Их идеология отвергает наличие Бога. И потом Алекса и его жену знали многие люди двух поколений, и все отмечали их скромность и желание остаться в тени. Он не хотел возглавлять правительство, просто не смог отказаться.

– На его месте я тоже не хотел бы сейчас править! – передрнул плечами Мартин.

– Вот! – сказал Ник. – Ты понял. Станет такой человек распускать слухи о своей божественности? Ты представь, ка-

кой он взвалил на себя крест! Сто лет трудиться без отдыха! Бог ведь не только дал им молодость, но и запретил иметь детей. Пока всё не выполнят...

– Ты ему поверил? – спросила Элизабет, когда Сандерсы попрощались и ушли. – Я на мгновение представила, каково это – вот так сто лет... Знаешь, стало так жутко! Если это правда, мне их жаль, особенно его жену. Хотя лучше бы ему было всё рассказать. Сколько спас бы людей!

– И многие ему поверили бы? – с сомнением сказал Мартин. – Вот ты поверила бы тому, что предсказал какой-то русский, да ещё спутавшийся с дьяволом? У нас наверняка сказали бы, что извержения, по мнению вулканологов, не произойдёт в ближайшие тридцать лет, а его заявление имеет целью вызвать панику и нанести ущерб США. Я точно никуда не уехал бы, и брат тоже. Меня удивило, с какой горячностью его защищает Ник! Он же профессиональный военный, да ещё пострадавший от этой катастрофы. Я понимаю, что Алекс в ней не виноват, но всё равно у меня неприязненное отношение, хотя мы обязаны ему жизнью. По сути, он спас сотни миллионов. Было ли когда-нибудь такое? А всё равно у меня нет к нему ни любви, ни благодарности. К его стране есть, но не к нему. Может быть, я завидую, может, не могу простить смерть близких – не знаю. Мне трудно разобраться в своих чувствах. Наверное, просто прошло слишком мало времени.

– Мартин, а ты веришь в бога?

– Трудно сказать, Бет, – ответил он. – В моей семье религиозность закончилась со смертью родителей отца. Уже он очень редко ходил в церковь, а дома никогда не молился. Пожалуй, я верю в то, что может существовать высшая сила, но не связываю её с церковью и с тем, чему она учит. У нас среди молодых мало кто верил. Почти всех крестили родители, но крест на шее – это ещё не вера.

– А я всё время молилась, – призналась она. – Очень не хотелось умирать. Ведь жизнь только началась, и мы с тобой никого не оставили после себя! Я поклялась, что если спасёмся, то точно поверю! Интересно, здесь есть церкви?

– Наверное, есть. Они не одобряют веру, но не препятствуют верующим. Завтра узнаешь у Марии.

– Чем займёмся завтра?

– Я постараюсь больше времени уделить языку. Слышала, как болтал Ник? Пока не сможем говорить свободно, не станем своими, даже не сможем ни с кем нормально общаться. Завтра привезут телевизор, а толку от него... И Сюзен нужно понемногу учить. Она сейчас впитывает в себя всё как губка. Поиграй с ней в новые слова, она их запомнит быстрее тебя. Малышка скучает по сверстникам, она и в садике сейчас будет сама по себе, и дома таскает своих кукол под перевёрнутыми стульями. А ведь здесь наверняка есть дети подходящего возраста. Но мы не можем общаться с другими семьями, помимо семьи Ника или Марии, разве что попадётся кто-то знающий английский. А мне уже через три дня идти

на учёбу. Поэтому первым делом язык.

Вечером позанимались русским, потом уложили Сьюзен в кровать, дождалась, пока она заснёт, и занялись друг другом. За четыре месяца они были близки только два раза и сейчас навёрстывали упущенное. Утром сходили в столовую и после завтрака засели за занятия. Когда Элизабет надоело зубрить слова, она сходила в детскую, вытащила из-под стульев племянницу и начала её учить.

– Ты с кем-нибудь подружилась в садике? – спросила она девочку.

– Ну их! – сказала та. – Никто не знает ни одного правильного слова! А няня показывает пальцами, как глухая. Зачем вы меня туда водите? С куклами интересней.

– У детей свои слова, которых ты не знаешь, поэтому тебе с ними неинтересно. И сейчас мы начнём их учить. Мы сами с Мартином этим занимаемся и тебя научим, а ты потом научишь своих кукол. А то будем здесь как немые. Ты у нас умная и быстро запомнишь. Ведь так? А то скоро привезут телевизор, а ты и в мультиках ничего не поймёшь.

Телевизор привезли через час. Мастер повесил экран на стену и подключил питающий и сигнальный кабели. Английский он знал с пятого на десятое, но объяснить смог.

– Сейчас работает пять программ, – сказал он Бейкерам. – Первая общесоюзная, образовательная, детский канал, правительственный и культура.

– А остальные заказы? – спросил Мартин.

– Их доставят другие, – ответил мастер. – Центр заказов один, но продукцию развозят разные отделения. Ушки оставлять?

– Какие ушки? – не понял Мартин.

– Так называют радионаушники, – объяснил мастер. – Выключаете в телевизоре звук и смотрите передачи, не мешая другим. Только их нужно раз в месяц включать на подзарядку. Есть и детские. Можете выбрать нужные размеры.

Он ушёл, а Сьюзен сразу же стала канючить, чтобы её пустили к телевизору. Чтобы не мешала, ей включили детский канал и надели наушники. Как раз шли мультфильмы. Она мало что поняла в передаче, но, когда выключили телевизор, загорелась учить слова. К приходу Ника с Кимико взрослые выучили полсотни слов и занимались грамматикой, а вот Сьюзен запомнила их целую сотню и теперь пересказывала своим куклам. Кимико увидела малышку и сразу же переключилась на неё, оставив мужа общаться с хозяевами.

– Она сильно скучает по детям, – объяснил Ник. – Те, с которыми возилась раньше, были ей как родные, но их всех отдали в семьи. Она тоже хотела взять, но я отсоветовал. Лучше иметь своего. Я принёс запись, можем сейчас посмотреть.

Он включил телевизор и вставил мобильную память в разъём. Хождения Самохиных по зверинцу смотрели молча.

– Мне почему-то кажется, что это настоящая запись, – сказал Мартин. – Но если так, животные что-то в них почувствовали, хотя и не все. Крупные хищники, кроме волков,

никак не отреагировали, а слонёнок отнёсся без всякого уважения.

– Что ты хочешь от малыша? – возразил Ник. – Волчата с лисятами тоже требовали игры и ласки. А вот взрослые...

– Да, я не совал бы рук в пасть этому волку, – сказал Мартин. – С ними рядом был директор? У него чуть не случился сердечный приступ. А эта обезьяна... Для любой самки детёныш – предмет любви и заботы. И вот так сунуть его человеку и уйти спать... Она явно знала, что в этой женщине нет зла. Кто она? О её муже у нас писали много всякого, а о ней что-то было, но я уже не помню.

– Она прекрасная художница, – сказал Ник. – В основном портретист, но рисовала море и пейзажи. Всего больше сотни полотен и многие выставлены в Третьяковской галерее. Когда-нибудь обязательно съездим посмотреть, а пока приходится довольствоваться фотокопиями. Когда придёте к нам, покажу книгу о её творчестве, там они все есть. Сейчас она уже не рисует, а работает в аппарате правительства и помогает мужу.

– Глупости у нас писали о её муже! – сказала Элизабет. – Давайте вернём запись назад. Дай пульт, Ник, я сама. Вот! А теперь выделим кадр и увеличим. Смотрите на лицо!

– Необыкновенно красивая женщина, – сказал Ник. – И глаза... В них хочется смотреть и смотреть, даже на экране.

– Она святая! – сказала Элизабет. – В глазах любовь и доброта! Я ведь взяла кадр, где она смотрит на мужа. Скажите,

может такая женщина сто лет любить человека, в котором
есть зло?

Глава 29

– Сегодня пятнадцатое октября, – сказала Лида. – Тебе это ни о чём не говорит?

Они недавно приехали домой, и после ужина она устроилась с книгой на диване в гостиной. Муж сидел тут же и что-то писал в тетради на журнальном столике.

– Полгода со дня взрыва? – отозвался он. – Сегодня на совещании подводили итоги.

– Ну и как? – спросила она. – Не думают тебя турнуть и поставить кого-нибудь помоложе?

– Попалась неинтересная книга? – поинтересовался Алексей. – Подожди, сейчас закончу и уделю тебе внимание.

– Кстати, по поводу книги, – сказала жена. – Ты у нас весь в делах и заботах, поэтому мог не заметить. За эти полгода не написано ни одной нормальной книги и нет новых фильмов. Показывают заснятое раньше. Вы не разогнали киностудии, а заодно и Союз писателей?

– Что ты подразумеваешь под нормальными книгами? – спросил Алексей, закрывая тетрадь. – Я давно не читал ничего художественного.

– Сейчас всем тяжело, – сказала Лида. – Материально большинство живёт не намного хуже, чем раньше, но всё-таки люди лишились не только лета и солнца, но и свободы передвижения, да и вообще не могут себе позволить делать

многое из того, что было доступно совсем недавно. Все понимают, что с природой не поспоришь, и не винят вас в этих бедах, наоборот, вам благодарны, но это понимание не делает их счастливей, а тут ещё упадок творчества. А ведь людям нужно не только работать, им нужно отдыхать! Я имею в виду не отдых в кровати, а развлечения. А у нас из всех развлечений остался один телевизор, по которому крутят старые фильмы и концерты. Ну и библиотеки, в которых чем дальше, тем труднее найти что-нибудь новое и по-настоящему интересное. Обратился бы ты, что ли, к творческой интеллигенции. Для чего мы их кормим? Сейчас нужно выпускать больше комедий и книги, которые будут читать ночи напролёт, а у нас тихо, как на поминках. Или кто-то считает, что если где-то в мире умирают люди, то и нам неприлично смеяться? По-моему, это глупо. Мы им помогаем, но сами-то живём нормальной жизнью! Или нам и любовь отменить? Она ведь тоже приносит радость.

– Займусь, – пообещал он. – Раньше было не до развлечений, теперь уже стало полегче. Долго ли только протянется затишье?

– А чего ты ждёшь? – спросила Лида.

– Как чего? – удивился Алексей. – Последней волны беженцев. Американцы закончились во всех смыслах, теперь скоро побегут те европейцы, которые доедят продуктовые запасы и смогут до нас добраться. Мы приняли всего тридцать два миллиона, думаю, что придёт ещё столько же, и при-

ём растянется на больший срок, так что устраивать людей будет легче.

А что слышно в мире? – поинтересовалась Лида. – В выпусках новостей всё говорится только по Союзу, где что построили, да о погоде, которая не меняется. Их уже почти никто не смотрит.

– Так мы сами мало знаем, – начал оправдываться Алексей. – С Китаем так и не выяснили, почему они не полезли на наши границы. А ведь там не могли погибнуть все сразу. Индийское правительство, видимо, потеряло контроль над ситуацией. Мы так и не смогли с ними связаться.

– А с Австралией?

– Связались. Знаешь, что они ответили?

– Откуда мне знать? – ответила жена. – Я не работаю в министерстве иностранных дел, а в секретариате женщины болтают о своих мужьях, а не на служебные темы.

– Они посоветовали нам больше заниматься своими делами и меньше лезть в чужие. Мы ответили, что они нам и на фиг не нужны, так что больше не побеспокоим. Ты должна знать о том, что бразильцы скоро запустят первый реактор. Излучатели мы им поставили ещё на три. Думаю, что они сохранят четверть населения, если не начнутся войны с соседями, у которых дела намного хуже. Кубинцы собирали в США продовольствие, пока не закончилась навигация. Сейчас в океане полно льда, а у американского побережья километровый припай. Но им вроде должно хватить. С Канадой

связи нет. Наверное, у канадцев уцелело несколько общин, а центрального правительства нет. Их с одной стороны долбанул вулкан, да ещё сверху побрызгало кислотой, а с другой навалились льды. По арабам и Израилю глухо. Никто не отвечает, а приборы отмечали толчки, характерные для взрыва ядерных боеприпасов средней мощности. Да и без войн в этом регионе не было больших запасов продовольствия. В Юго-Восточной Азии не отвечает ни один из наших информаторов, а в Чёрную Африку никого не посылали. На нашей территории ещё осталось несколько посольств, но и у них нет никакой связи со своими. В Европе всё плохо. Подвела их хвалёная демократия. Немцы должны выжить, а поляки уцелеют, если небольшая группа во главе с правительством запрётся где-нибудь в крепком месте и пошлет всех остальных... далеко. В других странах сохранятся небольшие группы людей, наложившие лапу на продовольствие и захватившие электростанции. Остальные, которые не перемерут, скоро окажутся на наших границах. Мы к этому готовы. Опыт приобрели, уже прибывших беженцев расселили и приспособили к делу и увеличили энергетические мощности и производство продовольствия. Вот тебе и все новости. Как только закончим с беженцами, министерство иностранных дел вообще упраздним. Тебя ещё интересует погода? Снегопады пошли на убыль, но мы всё равно переводим весь транспорт на воздушный. Сначала грузовой, потом пассажирский, а когда окончится зима, начнём в большом числе выпускать

и личный. Возможности для этого есть.

– Вы собираетесь вскрывать запасы продовольствия в мерзлоте? – спросила Лида. – Там много самых разных продуктов, а мы, когда закончатся овощи, сядем на кашу с мясом.

– Мы пока израсходовали меньше трети текущих запасов, – возразил Алексей. – Потерпите немного. Однообразие – это не голод. Продовольствие будем перебрасывать воздухом, а грузовые «Ковчеги» только начали сходить с конвейера.

Разговор прервал сигнал вызова по коммуникатору.

– Что случилось, Алексей Павлович? – спросил он министра иностранных дел. – Вы не звоните ко мне домой по пу-
стякам.

– В очередной раз побеспокоили американцы, Алексей Николаевич, – сказал министр. – По правительственному каналу позвонил один из заместителей командира Стратегического командования Вооружённых сил США генерал Зак Александер. Во время катастрофы он оказался на КП объединённого космического командования в Шайенне, потому и уцелел.

– И он хочет сдать именно мне?

– Он не информировал меня о своих намерениях, – улыбнулся Алексей Павлович. – Переключать на ваш канал?

– Давайте, – вздохнул Алексей. – Только подождите минуты три, пока я поменяю халат на что-нибудь более презен-

табельное. Переключите по сигналу готовности.

Он переоделся и повернул комм так, чтобы Лиде был виден экран, но она сама не попала в объектив камеры. Генерал Александер оказался мужчиной лет пятидесяти, с грубыми чертами лица и густыми, обильно усыпанными сединой волосами. На связь он вышел, надев не мундир, а гражданский костюм.

– Рад вас приветствовать, ваше превосходительство! – сказал он Алексею, коротко кивнув. – Надеюсь, я не сильно оторвал вас от дел?

– Здравствуйте, генерал, – поздоровался Самохин. – Вы оторвали меня от отдыха. Я ждал вашего звонка месяца через три-четыре. По нашим расчётам, у вас ещё должны оставаться продукты. Что-то случилось? Что вы на меня так смотрите? Удивлены? А к кому вам звонить, как не к нам? Смешно, ей богу! Американские военные, которых готовили в качестве наших противников, ищут у нас же помощи и поддержки. Вы не первый, генерал. Весь ваш Седьмой флот уже четыре месяца стоит во Владивостоке. Точнее, бывший ваш, теперь он уже наш. Хорошо, что адмирал Виллард увёл Шестой флот не к нам, а в Австралию! Ладно, выкладывайте, что у вас.

– А как к вам попал Седьмой флот? – спросил Александер.

– Его сдал адмирал Крейг. Была альтернатива – плыть в Австралию, но он оказался умным человеком. У вас, в отличие от него, никакой альтернативы нет. Я ответил на ваш

вопрос? Тогда ответьте и вы на мой.

– Продукты у нас есть, хоть и немного, – сказал Александер. – Я подождал бы два месяца, чтобы не обмануть ваших ожиданий, но заканчивается продовольствие у расчётов шахтных пусковых установок. Я не могу вывезти их своими силами и не знаю, как себя поведут эти люди перед лицом смерти. Большинство неполадок, вызванных извержением, мы ликвидировали...

– Можете не продолжать. Знаете, почему вы ещё живы? Нет? Тогда я вам расскажу. Мы так и думали, что вы займётесь ремонтом и сможете восстановить до половины установок. Кое-кто предлагал стереть с лица Земли вашу гору, а заодно и все шахты с ракетами. Потратить немного уже ненужных нам ракет и обеспечить себе полную безопасность.

– Тогда почему?

– По нескольким причинам. Выпущенные в нас ракеты нетрудно было бы уничтожить, да и не верил я в то, что вы решитесь на такую самоубийственную глупость. Поэтому не хотелось начинать первыми и ещё больше загаживать этот мир, которому и без того немало досталось. Я был уверен, что вы с нами свяжетесь, так и вышло.

– И что вы мне ответите?

– Сколько у вас людей?

– У нас около четырёх с половиной тысяч человек, из которых на командном пункте тысяча двести. Остальных нужно собирать с большой территории, а у меня нет для этого

средств.

– Я думал, что их намного больше, – удивился Алексей.

– Много шахт оказались разрушенными, – объяснил Александер, – а кое-где люди пытались спастись самостоятельно.

– К вам вышлют пять десантных машин, – сказал Алексей. – Лететь они будут часов десять-пятнадцать, в зависимости от ветра. Вас заберут за один раз. Учтите, что командный пункт должен быть разрушен. А перед сбором ваших людей прикажите им отключить все системы и максимально затруднить к ним доступ посторонним. Ваша гора заминирована или нам нужно везти всё необходимое для подрыва с собой?

– У нас предусмотрена ликвидация объекта, – ответил Александер, – но я запущу её только после того, как вы соберёте всех людей. Сигнал можно подать и дистанционно. Что вы можете нам обещать?

– То же, что и всем остальным, – жизнь! – сказал Алексей. – И не где-то в изоляции, а в нормальном человеческом обществе. Только имейте в виду, что сначала пройдёте тесты и вас осмотрят медики. Мы должны знать, что собой представляют ваши люди. Может быть, они давно свихнулись от одиночества и лишений. Не бойтесь, мы не бросим и таких. Если не получится с лечением, поселим отдельно. Учитывая важность того, что вы нам оставляете, вам пойдут на уступки.

– Когда за нами вылетят?

– Завтра часов в девять утра по Москве. И имейте в виду, что вам не удастся захватить машины: в них будут десантники. К тому же побережье сковано льдом, так что вы не сможете воспользоваться кораблями, а «Ковчеги» не дотянут от США до Австралии. Говорю для того, чтобы знали и не строили несбыточных планов. Кроме того, ничего хорошего вас там не ждёт.

– Мы не нарушим слово и надеемся, что так же поступите и вы, – сказал Александер. – Подготовим всё, что нужно, и будем ждать.

* * *

В кабинет командующего Белорусским военным округом генерал-полковника Можайко быстрым шагом вошёл начальник разведывательного управления полковник Сотник.

– Началось, Сергей Фёдорович, – доложил он. – Поляки устроили свару.

– Садитесь, Иван Фёдорович, – сказал Можайко. – Выкладывайте всё, что известно.

– Весь сегодняшний день мы регистрировали активный радиообмен на армейских частотах. Естественно, всё кодированное, но передачи велись с польской территории. Уже два дня нет ни одного беженца, а до этого хоть и немного, но шли. Час назад к нам перебежал один из польских пограничников. Сообщил, что в Лодзи и в районе Варшавы идут бои с применением бронетехники и реактивной артиллерии.

Парень умный и сразу понял, чем это пахнет, поэтому рванул к нам и готов на всё, только бы оставили. Я отдал приказ запустить «Невидимки». Только что передали, что мы потеряли два аппарата из трёх. Оставшийся показал передвижение танковой колонны и многочисленные пожары в городе Остроленка.

– Сбивают по тепловому следу? – спросил генерал.

– Да, это единственное слабое место «Невидимок», особенно в холодный сезон. Мы вернули уцелевший разведчик, поскольку в дальнейшем наблюдении нет смысла. Пока идёт бойня, беженцев можно не ждать, поэтому я распорядился, чтобы эвакуировали весь персонал обоих пунктов их приёма, а пограничников отвели в укрытия. Будут наблюдать с помощью техники.

– Ну что же, это было ожидаемо, – сказал генерал. – В их положении можно было либо попытаться выжить всем, либо спасти немногих. Они выбрали второй вариант. Теперь спорят, кому попасть в число выживших. Как бы только в этих разборках не зашли слишком далеко. Но мы в любом случае остаёмся в стороне. Переведём войска округа в повышенную боеготовность и подождём, чем у них закончится. А в Москву я сейчас доложу.

* * *

– Что творится в Польше? – спросила Лида. – В новостях говорили только о том, что шли бои. Уже прошла неделя, и нет ни одного нового сообщения.

– Я распорядился больше не передавать такую информацию, – хмуро сказал Алексей. – Там делят ресурсы группировки президента Грабинского и министра обороны Заневского. При этом и те и другие уничтожают как беженцев, так и собственное население. Вряд ли они придут к соглашению, поэтому через две недели поляков почти не останется.

– А что случилось? Ты ведь говорил, что у них было много продовольствия и ГДР обещала помочь с БВК.

– Паскудная человеческая природа! – высказался муж. – У нас были свои люди среди польского руководства. Свои не в том смысле, что мы через них как-то влияли на ситуацию, просто нас достаточно подробно информировали обо всём, что происходит в верхах. С такими соседями это полезно. Понятно, что единоначалие в критических ситуациях выгоднее дебатов и голосования, но только тогда, когда наверху достойный человек, который знает, как спасти своих людей, и к этому стремится.

– Такой, как ты.

– Да, такой как я, – согласился Алексей, – а их Грабинский на эту роль не подходит. И Заневский, который тоже возжелал власти, ничуть не лучше его. И теперь они дружно разрушают города и перемальвают в боях армию, без которой не удастся удержать власть. А в пригородах стоят реакторы, которые ничем не защищены. Жалко мне поляков. Способный и красивый народ, но уж больно спесивый и неуживчивый. И скоро его не останется. И если бы только они были та-

кие. Между Боливией и Бразилией уже идёт полномасштабная война. Скажи, есть у руководства Боливии мозги? Ведь ясно, что в случае победы они не приобретут ничего, кроме развалин. В чём смысл? Не получается спастись у нас, так не фиг и вам?

– Я не слышала об этом в новостях.

– Я же сказал, что этот негатив решили не давать. И так в нашей жизни мало поводов для веселья, не стоит омрачать её ещё больше. Сама же говорила, что не снимают комедии. Я недавно поймал министра культуры и пытал с пристрастием. Оказывается, никто не давит на киностудии, они сами не хотят их снимать. Не тот сейчас настрой у людей, так что придётся вам пока удовлетвориться старыми фильмами. Ничего, через полтора года увидим солнце, и настроение будет совсем другим.

– Американцев не привезли?

– Завтра должны прилететь, – сказал Алексей. – Пока всех собрали... К тому же мы на каждой пусковой установке заварили двери в шахты и в аппаратную. Это сейчас там никого нет, а потом? А у нас не скоро дойдут руки до американского наследства. В США работы на много лет, а нам нужно в первую очередь заниматься Европой. Единственное, что сделаем, – это базы на побережье, чтобы отгонять любителей халявы. И дело даже не в том, что утащат с территории США что-нибудь полезное, там много очень опасных объектов. Это не только атомное или химическое оружие, но и ра-

ботавшие на министерство обороны биологические центры, которых было больше тридцати, и многое другое.

– Забрали себе остатки американской нации, а потом заберём и всё, что от неё осталось?

– А почему бы и нет, малыш? В Австралию уплыло не больше ста тысяч американцев, а у нас их миллионы. К чему возиться с добычей золота, если его можно просто взять? Часть их наследства придёт в негодность, но останется немало полезного. А нам ещё всё там чистить. Очередную порцию лавы Йеллоустон соберёт через десятки или сотни тысяч лет, так что материк, несомненно, заселят. Это только кажется, что земли очень много. Снимем ограничения на рождаемость, и через двести лет людей опять станет много. И они уже не будут гибнуть в войнах: не позволим мы никому воевать.

* * *

Беженцы появились только спустя два месяца. Как и ожидали, ими оказались поляки. По их рассказам можно было представить масштабы катастрофы, вызванной междуусобицей. Города центральной части Польши превратились в руины, погибло почти всё их население. На границе с ГДР и на побережье боев не было, но это никого не спасло. Вся электроэнергия вырабатывалась реакторами, расположенными в Варшаве, Лодзи и Вроцлаве, которые были разрушены в ходе боев. Мало того что была уничтожена большая часть продовольствия, страна осталась без света и тепла. Был ещё реак-

тор в Быдгоще, но в этом городе окопались уцелевшие сторонники президента Грабинского, которые поставляли электроэнергию только в соседние районы в обмен на продукты. А температура упала в отдельных местах до сорока градусов. Поляки терпели, пока не стало невмоготу, а потом надевали на себя всю тёплую одежду, брали остатки еды и брели на восток. Машины были у многих, но накопители в них давно разрядились. Из сорока пяти миллионов населения, бывшего в Польше до катастрофы, к границе вышло немногим больше миллиона, но и из этого числа после тестирования была отсеяна треть. Многие так и погибли в своих домах. Почти все принятые были с обморожениями и сильно истощены, поэтому их первым делом отправляли на лечение.

– Если эта сволочь выживет, будем судить и расстреляем! – сказал Алексей жене о польском президенте. – Такое нельзя прощать. Я считаю, что нужны две меры наказания за совершённые преступления: для правителей и для всех остальных. И первая должна быть гораздо суровее. К сожалению, сплошь и рядом бывает наоборот.

– Как отметим Новый год? – спросила Лида. – Панихидой или всё-таки отпразднуем? Ах, отпразднуем! Тогда к празднику нужно готовиться. Ты запас конфеты?

– Из сладкого, кроме сахара, в больших объёмах запасли шоколад, халву, изюм и финики, ну и сгущённое молоко. Может быть, есть что-то ещё, надо сделать запрос.

– Вот и сделай, а заодно подумай, что можно раскупорить

из наших загашников к праздничному столу. Подарки детям – это хорошо, но нужно чем-то порадовать и взрослых. Ёлку в Кремле будем делать?

– Нужно сделать и ёлку, и праздничный концерт, – подумав, ответил Алексей. – Сегодня же озадачу этим кого следует. За оставшиеся десять дней должны успеть. Всё, что нужно, можно найти на складах. Вы не питались после катастрофы конфетами и шампанским. На один раз наскребём и на подарки, и на столы. На складах должны быть даже елочные игрушки, так что раздадим тем, у кого их нет. И ёлки можно рубить без ограничения, всё равно мелочь не выживет. Хочешь взяться за организацию праздника?

– За десять дней? Без чрезвычайных полномочий не возьмусь! – засмеялась Лида. – Иначе завалю!

* * *

– Уже можно входить? – спросил девушек Сергей. – Долго вы будете не пускать больного человека?

– Заходи, больной! – сказала сестра. – У нас всё готово! Как она тебе?

– Здорово! – искренне сказал он, осматривая небольшую, украшенную игрушками и дождиком елку. – Вы молодцы.

– А то! – подбоченившись, сказала Ольга. – Мы с Джейн самые лучшие!

– Кто бы спорил, – засмеялся он. – А это презент для самых лучших. Три праздничных пайка! Это наша Вечная выжала из Комитета по продовольствию. Живём?

– Ух ты! – Ольга с восхищением перебирала высыпанные братом на стол консервы. – Лосось, шпроты, печёнка! Лидия молодец, не зря её все любят. А это что?

– А это, девочки, шампанское! – торжественно сказал Сергей, водружая на стол бутылку. – На работе обещали выдать по паре огурцов и зелёный лук! А тебе, как несовершеннолетней, положены сладости. Только ты не увидишь их раньше праздника.

– А Джейн?

– Джейн уже семнадцать и она закончила школу, поэтому её заявление удовлетворили. Иди сюда, поцелую в щёчку. Теперь ты совершеннолетняя!

Девушка подошла к Сергею, обвила его шею руками и поцеловала в губы.

– Так его, сестрёнка! – одобрила Ольга. – А то от него самого не дождёшься. Когда свадьба-то?

– Я готова хоть завтра! – сказала Джейн, которая уже довольно чисто говорила по-русски. – Только я пока не получила от него предложения. Может, предложить самой? Как думаешь? Или откажет?

– Такой откажешь! – смущённо сказал Сергей. – Американки все такие?

– Я такая одна! – засмеялась Джейн. – А для тебя одна-единственная. И я тоже тебя люблю! А из-за твоей скромности вынуждена проявлять настойчивость. Ты меня спас! Теперь женись!

– Ладно, вы здесь договаривайтесь, а я пока схожу к себе, – сказала Ольга и тактично вышла, оставив приоткрытой дверь в свою комнату.

– Ты действительно хочешь стать моей женой? – спросил Сергей. – Не пошутила?

– Разве этим шутят? – обиделась девушка. – Может, ты меня не любишь?

– Я тебя люблю! – ответил он. – Просто ты выглядишь такой молодой, что до тебя страшно дотронуться. Ты такая маленькая, а я...

– Ничего, – обрадованно сказала Джейн, – я знаю, как это лечится. И подружки рассказывали, и в сети кое-что смотрела. Если боишься меня тронуть, придётся и в этом проявлять инициативу. И я не буду ждать свадьбы, это всё условности! Подумаешь, отметка в чипе! Главное, что мы любим друг друга! И таблетки мне принимать не нужно. Так что сегодня я к тебе приду, у тебя кровать побольше моей. И хватит смущаться, я уже совершеннолетняя!

– Да я не против, если ты сама этого хочешь, – сказал он, обняв девушку. – Брак можно зарегистрировать в любом терминале хоть сейчас. Ты права, это формальность. Но свадьбу мы с тобой сыграем. И учти, совершеннолетняя, что теперь ты обязана выбрать себе работу. После праздника я узнаю, что есть для такой малышки. Кажется, были места в ясли нашего дома. Хочешь возиться с малышами?

– Я хочу возиться со своим малышом! – прошептала она,

прижимаясь к Сергею. – От тебя! А пока его нет, пусть будут чужие.

* * *

– Я не вижу смысла в вашем дальнейшем пребывании в Центре, – сказал генералу Александру куратор. – Вы сносно говорите по-русски, поэтому прощайтесь с друзьями, забирайте свои вещи, и я отправлю вас на аэродром.

– Вы разбросаете нас по разным местам? – спросил он.

– Вам уже говорили, – напомнил куратор. – Не будет никаких землячеств. Вас распределят по нескольким городам и расселят в дома для иммигрантов.

– И чем они отличаются от остальных?

– Меньшей комфортностью проживания. Мы не в силах сразу дать иммигрантам полноценные, с нашей точки зрения, квартиры. Со временем вас будут переселять. Дома расположены не изолированно, а рядом с обычными, и селят вас в них так, чтобы жили ближе к будущему месту работы. Вам дали право не работать, но я советую не замыкаться в своём горе! У большинства иммигрантов погибли родные и близкие, сейчас горечь потерь – это обыденное явление. В работе и общении с людьми намного легче всё пережить и начать жизнь сначала.

– В них живут американцы?

– И американцы, и европейцы, и кубинцы, и наши граждане, которых вывезли с Дальнего Востока. Там сейчас очень неприятно жить из-за ветров и морозов, так что пусть уж

лучше терпят некоторые неудобства здесь. Вам дадут однокомнатную квартиру, а двухкомнатную – только в случае женьитьбы. Не нужно так горько улыбаться. Вы не старик, женщин у нас больше, чем мужчин, а время не только отнимает у нас годы, оно ещё и лечит боль потерь.

– И куда меня повезут?

– Куйбышев. Есть такой большой город на Волге.

Зака отвезли в аэропорт и посадили в уменьшенную копию тех монстров, которыми их эвакуировали из Колорадо. Полёт занял час. После приземления его встретил работник иммиграционной службы, который отвёз в город и показал большой шестиэтажный дом.

– Здесь вы и будете жить. Это центральная часть города. В доме есть лифты, но у вас второй этаж, так что проще пользоваться лестницей. Пойдёмте, поселю в квартиру, познакомлю с заведующей этажом и покажу столовую и всё остальное.

Квартира понравилась. После рассказа куратора он ожидал увидеть что-то убогое, а не просторную комнату, полностью обставленную приличной мебелью. Была ещё небольшая кухня, но Зак не собирался ею пользоваться. Совмещённый санузел имел всё необходимое, а освещение было ярче того, к какому он привык. На нём вообще не сэкономили ни в помещениях, ни на улицах. Весь город был так ярко освещён, что в любом месте можно было читать мелкий текст. Понятно, что этим пытались хоть как-то компенсировать отсутствие солнца.

Зак убрал в ящик стола ненужный фонарь, разложил свои немногочисленные пожитки и, как советовал принимающий, сделал заказ на бытовую технику. Делать было нечего, и он сходил за постельным бельём к молодой девушке, которая заведовала этажом и носила до боли знакомое имя – Мария. К счастью, внешне она не походила на его старшую дочь. Ужин в столовой показал, что кормят здесь так же, как в Центре: вкусно, достаточно, но не очень разнообразно. Одно время он занимался войсковым снабжением, в том числе и продовольствием, и хорошо представлял, какое чудовищное количество продуктов нужно запасти для того, чтобы так кормить четыреста миллионов человек целых пятнадцать лет. Пусть даже половину продовольствия производят сейчас, всё равно получалось, что СССР тратил на закупку еды заметную часть своих валютных доходов в течение десятков лет. Да и собственное продовольствие не всё попадало на столы, многое должны были прятать. Такое можно было объяснить только тем, что они знали и готовились, и никому ничего не сказали. У Зака не было ни ненависти, ни благодарности. На месте Вечного он сделал бы то же самое. Только круглый идиот возьмётся спасать своих врагов, тем более что их спасение нарушит собственные планы и безопасность. А благодарность... Он слишком много отдал за своё спасение, так что оно не было благотворительностью. Вот спасение десяти миллионов американцев – это благородно, хотя тоже когда-нибудь окупится. И территорию США

они заберут себе. Ему об этом прямо сказал прилетевший полковник. Ну и ладно, пусть забирают себе хоть весь мир, если оказались такими предусмотрительными. Уже находясь здесь, он узнал и о детях, и о помощи другим странам. Очень умные ходы. И другим помогли, и соблюли свои интересы. С приходом тепла они начнут строить свой мир, в котором будет только одна сила. Жаль, что это не получилось у Америки, пусть теперь пробуют эти.

До Нового года оставалось всего четыре дня, а позавчера было Рождество. В прошлой жизни Зак встречал его в своём доме в Денвере, и всегда на этот праздник к нему съезжались дети со своими семьями. Жена умерла два года назад, и с тех пор он не любил подолгу оставаться дома, уйдя с головой в дела службы. Только в Рождество его дом оживал и становился желанным. Он и в Шайенне задержался из-за того, что впереди были выходные, которые не хотелось проводить одному. Эта задержка его и спасла.

Неожиданно в дверь постучали. Он не запирает, поэтому крикнул, чтобы заходили. Вошли двое. Один был крепким мужчиной лет тридцати, с открытым лицом и коротко стриженными волосами, а второй – темнокожим парнем лет на пять моложе.

– Извините, сэр, что мы без приглашения, – улыбнулся белый. – Мария сказала, что вселился соотечественник. Мы здесь уже несколько месяцев, может быть, нужно чем-то помочь? Да, забыл представиться. Я Ник Сандерс, а это мой

друг Мартин Бейкер.

– Рад знакомству, – искренне сказал он. – Зак Александер. Вы служили, Ник?

– Так точно, сер! – шутливо вытянулся Ник. – Уорент-офицер Ник Сандерс, сэр!

– Вольно, Ник, – улыбнулся Зак. – Вы не во флоте, а я уже не генерал.

– Вы были генералом, Зак? – спросил Ник. – Откуда же вы сюда попали? Я сам с Седьмого флота, а Мартин с семьёй приехал с другими беженцами из Англии.

– Не вы одни сдались Советам, Ник, – вздохнул Зак. – Я тоже сдал им все оставшиеся стратегические силы.

– Ну и правильно сделали, – одобрил Ник. – Вы ведь здесь недавно? Я так и понял. Поживёте подольше, тогда поймёте, что в нашей вражде к Союзу не было никакого смысла. Точнее, он был у тех, кому его наличие мешало устанавливать в мире свои порядки. И не нужно так на меня смотреть, Зак! Никто не прополаскивал мне мозги. Поживёте здесь с моё, познакомитесь с самыми разными людьми и сами поймёте. Сейчас вам бесполезно что-то говорить. Я сам попал сюда таким. Всё ждал, когда меня возьмут в оборот и начнут обращать в свою веру. Знаете, я в этом смысле оказался никому не нужен. Только в самом начале прочитали основы устройства государства и прошлись по законам – и всё! Остальное за них сделала жизнь. Наверное, не всем нашим ребятам здесь понравилось так, как мне, но что многим – это

точно.

– Поживём – увидим, – пожал плечами Зак.

– Скоро Новый год, – вступил в разговор до того молчавший Мартин. – Здесь мало тех, кто отмечает Рождество, а вот Новый год – это всенародный праздник. В столовых будут кормить по-праздничному, а тем, кто захочет, дадут набор продуктов домой. Повсюду будут празднично украшенные ёлки. Наши семьи собираются в моей квартире, приглашаем вас присоединиться. Сейчас у многих горе, и мы тоже потеряли близких. Но человек не должен жить своим горем и не должен быть один, особенно когда все веселятся. Вы придёте?

– Если выдадут этот набор и не отмените приглашение, то приду. Не обещаю, что смогу веселиться, но постараюсь не испортить вам праздник. Перед вашим приходом в коридоре засмеялась девочка. Это не ваша?

– Это моя племянница Сью, – сказал Мартин. – Ей пять лет.

– Тогда точно приду. Жаль, что не смогу сыграть Санта-Клауса, потому что нечего подарить.

– Не беспокойтесь, Зак, – сказал Ник. – В этой стране каждый ребёнок получит подарок. И вообще, ни к чему ждать Нового года, чтобы познакомиться с нашими семьями. Сейчас все в квартире Мартина, поэтому запирайте дверь и идёте с нами. Человеку плохо одному не только в праздник.

Глава 30

Альфред Педерсен не любил русских и пришёл в ярость, когда старший сын Ингер сказал, что забирает жену и дочь и попытается спастись в СССР.

– Можешь уезжать куда хочешь! – заявил он сыну. – Только у нас не получишь даже хлебной корки!

Сын выслушал разбушевавшегося отца, плюнул на пол, а на следующий день уехал, не попрощавшись. Увидев, что продуктов в погребе стало заметно меньше, Альфред пошёл разбираться к жене, у которой был второй ключ.

– Угомонись! – сказала Жордис опешившему мужу. – Ингер имеет право взять часть того, что он тебе принёс! И если ты из-за своей бессмысленной злобы готов нас погубить, пусть спасётся хоть кто-то из семьи! И они взяли совсем немного, остальным теперь больше останется.

– Небо уже светлеет, – буркнул он, – а скоро придёт тепло! Меньше нужно верить столичным умникам. А мы продержимся на своих запасах и год.

Год они не продержались. Прошла неделя с отъезда Ингера, когда к ним приехал чиновник из Тондера.

– Добрый день, херр Педерсен! – поздоровался он, пройдя в дом мимо посторонившегося хозяина. – Правительство приняло решение переселить всех жителей из частных домов в государственные учреждения и на ещё работающие

предприятия. У вас ведь есть машина? Вот и хорошо! Только у нас в Тондере негде селить, поэтому нужно самим добираться в Силькеборг. Вы должны забрать с собой всё продовольствие и сдать в общественный фонд, потому что там вас будут кормить.

– С какой стати я буду уезжать из собственного дома, да ещё с кем-то делиться продовольствием? – упёрся Альфред. – Не пошли бы вы, уважаемый Николас...

– Я пойду, – перебил уже привыкший к подобной реакции чиновник, – только через месяц от всех частных домов отключат электричество. В трубопроводе упало давление газа, и пришлось остановить три электростанции, а скоро остановят ещё две. Останутся только реакторы в Хернинге и Копенгагене, поэтому электроэнергию придётся экономить. Не угостите чаем? Ладно, давайте кипяток. Уж больно холодно, даже машина промёрзла.

– Вы как хотите, а я забираю своих и еду вслед за Ингером! – заявил младший сын. – И сестру заберу. Если уедем в Силькеборг, лишимся машин и продовольствия. Оттуда нас отпустят только с пустыми руками своим ходом! А оставаться здесь – это верная гибель.

– Возьми и меня, – сказала сыну Жордис. – Оставим отцу больше продовольствия. Всё равно русские его не возьмут.

– Это почему они меня не возьмут? – рассердился Альфред.

– Несколько дней назад слушала радио восточных нем-

цев, – сказала жена. – Передавали, что тем, кто не любит Союз, лучше туда не ехать: они не пройдут тесты.

– Нет смысла оставлять отцу много продуктов, – возразил Борд. – Здесь он через месяц замёрзнет, а в Силькеборге всё заберут. А нам продукты не помешают.

– Я еду с вами! – решил отец. – Даже если меня не примут, лишняя машина не мешает. Если с вашей что-нибудь случится, доедете на моей, к тому же сможем забрать больше продовольствия. Сегодня нужно собраться в дорогу, а завтра с утра выедем. И зарядите все накопители для одежды.

Утром перенесли в багажники обеих машин сумки и саквояжи, надели на себя самую тёплую одежду и взрослые вооружились пистолетами из арсенала Альфреда. Он сам, помимо браунинга, взял с собой карабин. Прошло одиннадцать месяцев с начала катастрофы, и солнце светило уже в два раза ярче. Было неплохо видно, поэтому фары не включали. Бросив последний взгляд на оставленный дом, Альфред выехал на расчищенную от снега дорогу и погнал машину по направлению к Тинглеву. Жордис ехала с ним, а в машине Борда сидели его жена Леона с маленьким Марком и сестра Анека. Через десять минут проскочили почти безлюдный Тинглев и вскоре свернули на магистраль в сторону немецкого Фленсбурга. Границу никто не охранял, а шлагбаума на ней не было уже сто лет, поэтому о том, что они едут по немецкой земле, можно было узнать только по навигатору. Встречавшиеся небольшие городки, отели и просто от-

дельно стоявшие дома были безлюдными и имели заброшенный вид, а дорога никем не охранялась. Через полтора часа проехали по окраинам Ноймюнстера. В городе, несмотря на день, было включено освещение. Здесь впервые увидели военную полицию. Две бронемшины, вооружённые крупнокалиберными пулемётами и лазерными установками, стояли на отводе от магистрали к центру города. Судя по освещению, людей свезли в города не из-за экономии энергии, а в целях безопасности, чтобы защитить от потока едущих через немецкие земли беженцев. Но останавливаться в брошенных домах или в них жить было запрещено. Об этом предупреждали надписи на нескольких языках и сожжённые машины тех, кто пренебрёг предупреждением. Через час проехали Гамбург, на улицах которого увидели много людей. Городское освещение уже выключили, но из окон квартир лился яркий свет. Здесь впервые остановила полиция. Выяснили, кто они и куда направляются, предупредили, что ночевать следует в машинах, и разрешили двигаться дальше. До Берлина ехали четыре часа. Границу между Западной и Восточной Германией не заметили. Похоже, что немцы о ней забыли. То же было и в Берлине. Стена никуда не делась, но проезд никто не охранял, хотя и здесь хватало полиции и военных.

– Немцы объединятся, – сказала жена. – Вот кому можно позавидовать!

Спустя полчаса проехали мимо Франкфурта и по мосту

перебрались через Одер. За время езды до польского города Желина не встретили ни одного поляка. Вдоль дорог стояло много сожжённых и целых с виду машин и кое-где были видны присыпанные снегом тела. Всё чаще встречали бредущих на восток людей, а следом за машинами Педерсонов уже ехало несколько электромобилей других беженцев.

Когда въехали в Желин, увидели, что город мёртв. Его никто не разрушал, хотя в нескольких местах встретились сгоревшие дома. Когда исчезло электричество, исчезла и жизнь. Те, кто не решился искать пристанища у восточных соседей, замёрзли или умерли от голода.

Здесь остановились и достали термосы и заранее приготовленную еду. Быстро пообедали и отправились дальше. До Варшавы ехали шесть часов. Город поразил. Такие разрушения видели только в хрониках о Второй мировой войне. Но дорога была кем-то расчищена от сгоревших машин, бронетехники и обрушившихся зданий. На выезде увидели пост советских солдат. На обочине были установлены большие надувные ангары, в которые стоявшие возле трёх шагающих танков солдаты направляли всех беженцев. Неподалёку еле слышно шумела передвижная электростанция.

– Там тепло и безопасно, – по-немецки сказал Альфреду солдат. – Если нет своей еды, вас накормят. Можете ночевать в машинах, но мы гарантируем, что их не ограбят и не угонят. Завтра за три часа доедете до Белостока, а рядом с ним наш приёмник.

Альфред хотел было устроить ночёвку в машине, но сын отогнал свою на площадку, запер и, получив у охранявшего технику солдата контрольный жетон, вместе с семьёй и сестрой вошёл в одно из зданий.

– Не упрямясь, – сказала жена. – Видно же, что здесь тебя никто не станет грабить. Охота мёрзнуть в машине?

Он не стал спорить и вскоре вместе с семьёй сына ужинал выданными бутербродами. Запив их горячим чаем, все улеглись на стоявшие рядами пластиковые кровати, напоминавшие пляжные лежаки. На них были матрасы и тёплые одеяла. Спали в одежде, сняв только шубы. Утром накормили тем же самым, после чего все опять оделись и пошли к машинам. После трёх часов езды оказались на советской территории.

– Тем, у кого свой транспорт, не нужно ждать автобуса, – сказал им один из пограничников. – Двигайтесь по дороге до отводка направо. Там есть охраняемая площадка для машин. Забираете всё, что вам нужно, и идёте на тестирование. Если вас примут, машины больше не понадобятся, если откажут, возьмёте их обратно.

В десяти минутах езды от границы они повернули на съезд с магистрали и припарковали машины на охраняемой стоянке вблизи огороженной территории с несколькими десятками зданий, похожих по внешнему виду на то, в котором ночевали возле Варшавы.

– Возьмите жетоны, – сказал один из охранников. – Если никому не откажут, отдадите их перед посадкой в автобусы

вместе с ключами. Оружие есть? Всё оставляйте в машинах.

Они нагрузились вещами, а Борд закрепил сына за спиной ремнями. Вместе с другими вошли в одно из зданий и сдали вещи, получив взамен чипы. В зале взрослые сели за терминалы, а Марк перекочевал со спины отца на колени. Прочитали короткое руководство и начали проходить тесты. На экране закончившей последней Леоны появилось приглашение семье Педерсон посетить комнату номер шесть. Её нашли, руководствуясь обозначениями на стенах, и стали в небольшую очередь. Люди продвигались быстро, и через двадцать минут все зашли в небольшое помещение, где за столом сидел пожилой мужчина в военной форме.

– Педерсены? – спросил он. – Нужно решать, что с вами делать. Вы все прошли тестирование, кроме господина Альфреда. Он стопроцентно не проходит. Мало того что относится к нам, мягко говоря, недружественно, так ещё не представляет никакого интереса. Что вы на меня так смотрите? У нас ограниченные возможности. С какой стати брать стариков и отказывать в жизни тем, кто молод и может принести пользу? Обычно мы не разбиваем семьи, и вы, госпожа, идёте со всеми остальными. То же было бы и с вашим мужем, но увы! Я не знаю причины его неприязни, но в подобных случаях редко делают исключения и только для людей, чья полезность не вызывает сомнения. Есть что сказать?

– И где я прокололся? – спросил Альфред.

– Вы солгали на несколько вопросов, – ответил офицер. –

Мы можем это контролировать.

– Нет у меня к вам ненависти, – устало сказал Альфред. – Так, неприязнь, перешедшая от отца. Ладно, мою-то семью пускаете?

– Господин офицер! – сказала Жордис. – Нельзя ли сделать исключение? Мой муж никому не принесёт вреда!

– Результаты тестов заносятся в базу, в которой мы ничего не можем править, – с сожалением сказал проверяющий. – Если я пропущу вашего мужа, меня отсюда уберут, а он быстро окажется на границе с Польшей.

– Перед тем как я уйду, скажите, приняли ли Ингера Педерсена, – попросил Альфред.

– Это ваш сын? – спросил офицер. – Подождите, сейчас проверю по базе. Да, принят с женой и дочерью. Он ещё в Центре, завтра уедет на постоянное место жительства. Так, выйдите все, и пусть сюда никто не заходит.

Они вышли, стараясь не смотреть на главу семьи. Минуты через три динамик над дверью голосом офицера пригласил зайти одного господина Альфреда.

– Когда увидите сына, поблагодарите за жизнь, – сказал ему офицер. – Он у вас очень ценный специалист, поэтому вам решили пойти навстречу. Давайте чип, сделаю отметку.

* * *

– Что ты сегодня такой мрачный? – спросила Лида мужа, когда они возвращались с работы домой.

– Дома поговорим, – ответил он, едва заметно кивнув на

шофёра с телохранителем. – Зато ты у нас весёлая за двоих. Есть причины?

– Светлеет, – ответила она. – Мороз перестал усиливаться, и опять пошёл снег. Чисто метеорологическое веселье. Нет, вру. У нас ещё Нина из отдела статистики родила мальчишку. Сегодня передала запись. Все смотрели, восхищались и сюсюкали, а я ещё и завидовала. Вылезай, приехали. Спасибо, ребята!

Телохранитель проводил Самохиных до поста охраны и вернулся, а они пешком поднялись на второй этаж и вошли в квартиру.

– Ну и кто опять загнулся, что у тебя похоронное настроение? – спросила Лида, с помощью Алексея освобождаясь от шубы. – В последний раз что-то похожее было, когда пришлось воевать бразильцам.

– Плохие дела, малыш, – сказал он. – Пошли в гостиную, расскажу. Давай сядем на диван. Я буду плакаться, а ты меня пожалеешь.

– Что-то серьёзное? – встревожилась Лида. – Начинай уже, чего тянешь!

– Решили выяснить, куда делись китайцы.

– И что?

– И ничего. Нет больше китайцев. Отправили в Китай дальний разведчик. Он шёл на двадцати километрах, но освещение уже неплохое, так что оптика работала прекрасно. За сутки полёта облетели большую территорию, но нигде

не было заметно ни малейших следов человека. Наблюдали и в видимом, и в инфракрасном диапазонах. Обнаружили только мелких зверьков и птиц. Понимаешь? Погибли полтора миллиарда человек! Всё засыпано снегом, и тела можно наблюдать лишь в тех местах, где его сдуло ветром. Ситуация абсурдная. По самым пессимистическим оценкам они должны были сохранить не меньше ста миллионов человек. Мы испугались и не стали возвращать разведчик, его взорвали.

– Думаешь, зараза?

– Очень похоже. Помнишь, что я говорил о китайских сюрпризах? Я думаю, что они вывели какую-то дрянь, применили её против индийцев и заразились сами. Обычно в таких случаях сначала разрабатывают вакцину, а уже потом применяют. Видимо, это какая-то молниеносная дрянь, если они ничего не успели сделать.

– А зачем взорвали разведчик? На такой высоте он ничего не мог подцепить.

– Когда убедились в отсутствии живых, его опускали на малые высоты, – объяснил Алексей, – поэтому решили не рисковать. Слушай дальше. Это было три дня назад.

– И ты молчал! – укоризненно сказала Лида.

– Никто ничего толком не знал. А вчера отправили второй аппарат, на этот раз в Индию.

– И там то же самое?

– Угадала. Только в Индии почти нигде нет снега, поэтому всё прекрасно видно. Представляешь себе полтора миллиар-

да тел? Их там даже на двести миллионов больше. Теперь понятно, почему никто не отозвался по радиосвязи. А нам вообще нельзя соваться в Юго-Восточную Азию. В ближайшее время обследуем с воздуха всех соседей Индии и Китая. В Австралию, кстати, сообщили и в первый раз удостоились благодарности.

– И что думаешь делать?

– Отправим в Тибет микробиологов. Развернём там стационарную микробиологическую лабораторию и построим городок под куполом. Будут выходить только в лёгких скафандрах, поэтому риск прихватить заразу минимальный.

– Неужели все погибли от какого-то вируса? – с недоверием спросила Лида. – В том же Тибете есть изолированные общины...

– Если человек болеет достаточно долго, сотни миллионов заражённых могли далеко разбежаться. Да и не все они погибли от заразы. Там были междоусобица, атомные удары и голод с холодом. Будем работать и надеяться, что заразу некому распространять или она потеряет силу. И попробуем найти средство борьбы. Иначе останется только воззвать к нашему покровителю, чтобы сделал ещё одну попытку. И не с нами: у меня не хватит сил на второй заход. Эта зараза тоже результат нашего с тобой вмешательства в историю, у вас китайцы до такого не додумались.

– Да, я тоже не смогла бы во второй раз, – сказала она. – Проще взять пистолет Сталина и застрелиться. Вряд ли мы

с тобой такие уникальные, найдёт себе кого-нибудь другого. Возможно, мы с тобой у него не первые.

– Зря я это рассказал, – обнял жену Алексей, – только расстроил.

– Ничего не зря! У нас с тобой всё в этой жизни поровну. Ты и дальше держи меня в курсе своих дел, а то всё придется вытягивать. Что у нас с иммигрантами?

– Поток европейцев усиливается. Заканчиваются продукты, вот они и срываются с места. Только многие не доберутся. Машины есть почти в каждой семье, но не все могут зарядить накопители. Подземные хранилища газа опустели, а действующие скважины не обеспечивают потребности. Сейчас повсеместно останавливаются тепловые станции и продолжают работать только реакторы, да и то там, где остались правительства или население напрямую договаривается с энергетиками. А мы не можем дать свой газ из-за поляков. Во время боевых действий они сильно повредили газопроводы. Так что холод гонит европейцев не меньше, чем отсутствие еды. На машине доехать не трудно, а попробуй в мороз пройти половину Европы на своих двоих! Беженцам кое-где помогают, но большинству на них наплевать, а некоторые грабят и убивают. После американцев пришло двенадцать миллионов европейцев, и ждём в два раза больше.

– А будем помогать кому-нибудь ещё? У нас же есть возможности. Ты вроде хотел помочь аргентинцам.

– После того как наша помощь Бразилии обернулась вой-

ной, я уже хочу осторожней. Помогать с реакторами поздно, они не успеют их построить. Хотя мы могли бы сделать это сами. «Ковчеги» за два рейса перебросят всё необходимое для сборки реактора, а эту работу мы делаем за три месяца. Только ведь энергия – это не хлеб и мясо, нужно много всего сделать, а аргентинцы успели проесть большую часть продовольствия. Я не хочу спасать взрослых. Здесь отбор беженцев ведут голод, холод и грабители, а мы сами отсеиваем очень немногих. А как выбирать там? Опять брать детей? Не сильно хочется, но можно. Только желательно, чтобы они вышли на нас сами, а они не выходят. Получается, что мы навязываем свою помощь. Когда я обратился к президенту Боливии с предложением спасти детей, он сразу же стал нас в чём-то подозревать, а сейчас вообще не знаем, что там творится. Резервов у нас для них на десять миллионов. Вроде и много, но на самом деле это ерунда даже для численности уцелевших. Поэтому сам к ним обращаться не буду. Никто не ставил перед нами задачу спасти как можно больше людей. Вспомни вашу Россию. Её руководство ни к чему заранее не готовилось, но смогло так организовать и направить людей, что спасло почти всё своё население, да ещё и кучу иммигрантов в придачу. Думаешь, другие так не смогли бы? Каждая страна, имевшая трёхлетний запас продовольствия и развитую экономику, могла без посторонней помощи, сохранить своё население. А что мы видим? Ни организации, ни порядка, ни желания, засучить рукава, вкалывать ради бу-

душей жизни. Проедают продовольствие, пытаясь продлить жизнь, и всё! А самые хитрожопые ещё стараются отнять его у соседей. Я не хочу сильно размешивать такими наш народ. Если иммигрантов будет мало, мы научим их жить по-нашему, а если много, да ещё наберём дерьма, то учить будут уже они. Так у вас и получилось.

– Через три недели исполнится год со дня взрыва. Надо как-то отреагировать.

– Мы это уже рассматривали. Решили, что вывесим траурные флаги, я выступлю с речью и объявим минуту молчания.

– Нужно пообещать, что построим монумент памяти погибшим, – предложила Лида. – Для этого можно слетать в Штаты и привезти несколько тел. Любой американец будет считать делом чести почтить память похороненных. Ведь это могут быть и его близкие.

– Молодец, – одобрил Алексей, – так и сделаем, только позже. Сейчас просто не успеем. Возьмёшь всё в свои руки? Заодно напишешь речь для выступления, она выйдет у тебя лучше, чем у моих референтов.

– Инициатива наказуема исполнением? Ладно, попробую. Только тогда пусть меня кто-нибудь подменит. Алексей, ответишь правдиво на вопрос?

– Я и так стараюсь тебе не врать. А что за вопрос?

– Для чего ты три дня назад ездил в «Ковчег Алекса»? Я случайно узнала об этом в секретариате, нашла в базе номер Ольховского и позвонила. Так он начал юлить, а когда я на-

жала, отослал к тебе. Колись! Лез к тиграм?

– Так уж сразу и к тиграм. Там есть с полсотни рысей. Я взял метатель с парализующими иглами и выбрал парочку, которая расположилась у ограды отдельно от остальной клыкастой компании.

– И какая была реакция?

– Абсолютно никакой. Я ходил вокруг них, пытался разговаривать, потом набрался нахальства и похлопал одну зверюгу по заднице. Посмотрела с укоризной и опять закрыла глаза. Больше я не стал ничего пробовать. Птицы реагируют, как и на всех остальных: орут, клюются или прячутся. Никакого уважения к божественности. Вячеслав отключил регистраторы и снимал камерой, потом покажу. Не бойся, больше не стану экспериментировать. Всё равно непонятно, с чем это связано и почему такая разница в поведении. Да, зашёл к шимпанзе. У них сейчас ещё один малыш. Я попробовал его погладить.

– Разрешила мамаша? – с любопытством спросила Лида.

– Я это не ты, – засмеялся Алексей. – Она похлопала себя по башке, а потом демонстративно показала мне задницу. Наш директор это тоже заснял.

– А ты не понял? Это она выказала тебе неодобрение, потому что приехал без меня. В следующий раз, если он будет, попробуй только уехать один. Из-за этого малолетнего хулигана с хоботом я тогда почти ничего не посмотрела.

* * *

– Доложите Совету министров результаты разведки и работы аналитиков, – сказал Алексей полковнику, который последнюю неделю руководил специально созданной группой, занимающейся Юго-Восточной Азией.

– По Китаю и Индии у нас нет ничего нового, – начал тот. – Нам поставили задачу произвести облёт сопредельных с ними стран с целью оценки распространения инфекции. Результаты следующие. В Пакистане, Кампучии, Вьетнаме, Бирме, Таиланде, Малайзии, Цейлоне и Непале живых не обнаружили. Картина та же, что и в Индии. В Индонезии, Сингапуре и на Филиппинах, по всей видимости, заразы пока нет. В Афганистане живых очень мало, но они есть. По-видимому, такое количество уцелевших связано не с болезнью, а с нехваткой продовольствия и очень низкими температурами. На востоке Ирана вдоль границы с Пакистаном расположены воинские подразделения. Скорее всего, в Иране знают об эпидемии у соседей и перекрыли её проникновение на собственную территорию. Таким образом, можно считать, что все государства Юго-Восточной Азии, кроме островных, а так же Пакистан, Индия и Китай больше не заселены. Погибла почти половина населения Земли. Что бы ни вывели в Китае, эта болезнь должна характеризоваться крайней заразностью и стопроцентным летальным исходом. Специалисты пока не могут ничего сказать. Пандемия произошла давно, и у нас нет никаких данных, кроме съёмки. Это только предварительные выводы. Невозможно за неделю исследо-

вать такой обширный район десятком разведчиков. В некоторых труднодоступных районах могли сохраниться небольшие группы населения. Теперь по Монголии. Китайцы не переходили её границы. Мы предупредили монгольское правительство и усилили контроль нашей границы с Монголией, чтобы перекрыть в случае эпидемии. Готовится заброска необходимых сил и средств на удобную площадку в Тибете, находящуюся недалеко от округа Лхаса. На высоте четырёх тысяч метров на одном из ледников создадим лабораторию, куда воздухом доставим образцы. Есть план направить экспедицию в военную биологическую лабораторию в Шанжао, в которой предположительно разрабатывалось это оружие, но сначала лучше провести хотя бы предварительные исследования. Возможно, эта экспедиция и не понадобится. У меня всё.

– Спасибо, – поблагодарил Алексей. – Вы можете быть свободны. Хочу добавить, что по всей границе с Китаем происходит полная эвакуация населения и пограничных застав. Те войска, которые вместе с ними контролировали границу, тоже отводятся вглубь страны. Границу и прилегающую к ней китайскую территорию будем контролировать только с воздуха. Мы сделали всё возможное, теперь дело за учёными. Пока стоят морозы, вероятность проникновения инфекции на нашу территорию незначительная, с потеплением она сильно возрастет. Длина границы с Китаем и Монголией у нас больше девяти тысяч километров, причём часть её

приходится на леса. Мы постараемся усилить контроль, используя космические средства наблюдения, и максимально закрыть наиболее трудные для контроля участки, но... Игорь Кузьмич, ваше мнение.

– Всё полностью не перекроем, – сказал начальник Главного управления пограничных войск генерал-полковник Воликов. – И придурки найдутся, как ни стражай, и мы не можем гарантировать того, что в Китай не попрутся монголы.

– Надеюсь на то, что наши учёные и медики не зря едят свой хлеб, – сказал Алексей. – Но если они не управятся до тепла, а носители сохраняют способность к заражению, мы не станем заселять приграничные районы, а саму границу превратим в зону выжженной земли. Всех, кто её пересечёт, уничтожим с помощью авиации и космических аппаратов. Я не знаю, что вывели китайцы, но это самая серьёзная угроза существованию человечества. И нам с вами нужно сделать всё, чтобы поставить на ней крест. Если меня назовут паникёром и перестраховщиком, я это как-нибудь переживу, несравненно хуже по собственной беспечности потерять людей.

Работы сегодня было меньше обычного, а после совещания желание что-то делать исчезло напрочь, поэтому он, оставив все дела на замов, забрал жену и уехал домой на час раньше. Когда подъезжали к дому, пришёл вызов по комму.

– Кому я понадобился на этот раз? – спросил Алексей.

– Вызов от президента Аргентины, – ответил министр

иностранных дел. – Как и все, он хочет говорить лично с вами.

– Неприятный разговор, – сказал жене Алексей, когда поднимались по лестнице. – Кто бы знал, как меня всё это уже достало!

– Отказывайся от таких бесед, – посоветовала она. – Пусть переговоры ведёт Морозов. Не хочешь? Тогда не ной, быстрее проведи разговор, а потом я тебя пожалею. Если хочешь, могу поговорить я.

– Поговорите, а я послушаю, – оживился Алексей. – Может, уберём Алексея Павловича и поставим на его место тебя. Только это работа ненадолго: не будет у нас скоро никаких иностранных дел.

– Подключай канал, – сказала Лида. – Не буду я чистить пёрышки, сойдёт и так.

На экране появилось изображение мужчины лет шестидесяти с приятным лицом, пышной, слегка тронутой сединой шевелюрой и чёрными как смоль усами.

«Красит он их, что ли?» – мелькнула мысль у Лиды.

Увидев на экране вместо Самохина девушку, президент растерялся.

– Извините, сеньорита...

– Сеньора, – поправила Лида. – Вижу, что меня не узнали. Вы хотели поговорить с мужем? Тогда говорите то, что хотели сказать, он делегировал мне право самой решать, что вам ответить.

– Могу сказать и вам. Я ждал, что ваш муж свяжется со мной сам! Вы оказали помощь кубинцам и бразильцам, предлагали её президенту Боливии, но нас почему-то обошли.

– Прежде всего следовало поздороваться. То, что я женщина, не даёт повода для неуважения, скорее, наоборот. Вы Фернандо Сабелья или уже кто-то другой?

– Извините за невежливость, – виновато улыбнулся президент. – Ваше появление было неожиданным. А президент у нас пока не менялся.

– Извинения приняты. Я хочу, чтобы вы, сеньор Фернандо, в нескольких словах обрисовали положение в своей стране.

– Положение, как и у всех, не блестящее, – ответил он, внимательно изучая лицо собеседницы. – Продовольствия осталось максимум на два года, да и то если питаться по минимуму. Мы успели собрать основные запасы, и это позволяет сохранять контроль над большей частью государства. Боливия потеряла в войне почти всю армию, а остальные соседи нам не соперники, поэтому боевых действий не ожидается. До катастрофы американцы построили у нас два реактора, да и газа для тепловых электростанций хватит лет на двадцать, поэтому дефицита электроэнергии нет.

– Кислотные дожди вас не затронули, а температура вряд ли опускалась ниже пяти тепла, – дополнила его рассказ Лида. – Я права? Значит, у вас всё упирается в недостаток про-

довольствия?

– В общем, да, – подтвердил президент. – Мы не обойдёмся без посторонней помощи. Прогноз учёных по холодам на восемь лет.

– И вы ждали, что мы бросимся оказывать вам помощь, – сказала Лида, – а не дождавшись, обиделись и вызвали мужа разбираться. До того как меня увидели, у вас было такое решительное выражение лица... Почему-то многие считают, что те, у кого всего в достатке, непременно должны делиться. Вы тоже из таких? Да, мы помогли кубинцам, с которыми нас связывают общие идеалы и долгая дружба. Потом к нам обратился президент Бразилии. Была возможность помочь, мы и помогли. А вот когда муж решил сам предложить помощь Боливии, ничего хорошего из этого не *Глава 30* вышло. Детей нам не отдали, подозревали чёрт-те в чём и стали торговаться, требуя продовольствие. Не знаю, сколько тех детей осталось в живых, но думаю, что немного, а моему мужу был хороший урок.

– Не все такие идиоты, как Луис Морено, – возразил президент. – Мы не отказались бы и не забыли потом, кто нам помог!

– Ладно, перейдём к делу, – сказала Лида. – Нам почему-то все звонят в конце дня, а в это время уже устаёшь даже с вечной молодостью. Давайте посмотрим, что мы можем вам предложить. Продовольствием мы ни с кем не делимся, у нас много своих едоков и с каждым днём становится всё

больше. Но наладить производство собственного, поможем. Как у вас с нефтью?

– Нефти много, – ответил президент. – Предлагаете развернуть производство БВК? Мы думали об этом, но никогда раньше не занимались, просто не было необходимости.

– Через два дня к вам пришлют «Ковчег», – пообещала Лида. – Подберите две сотни специалистов, которые на месяц отправятся к нам. Научим всему, что знаем сами, и поможем с оборудованием. Если сохранили часть скота, сможете его прокормить. Кроме того, будете в больших объёмах получать курятину, кроликов, грибы и хлореллу. При нехватке энергии, поможем построить реактор. Если хотите, можем принять малышей. У вас они могут не выжить даже с нашей помощью. Берём только в возрасте от пяти до десяти лет и не больше пяти миллионов.

– А девушки? – спросил президент.

– Хотите пристроить и их? – улыбнулась Лида. – У нас уже нет проблем с испанским, но пусть будут и девушки, одна на пятьдесят детей. Все подробности обговорите с нашим министром иностранных дел. И вот ещё что, сеньор Фернандо... Об этом всем должны сообщить по официальным каналам, но вам я скажу сейчас. Китай, Индия, Пакистан и вся Юго-Восточная Азия находятся под запретом. С этим регионом не должно быть никакого сообщения. Я понимаю, что вам пока не до них, но вы должны знать. Китай применил бактериологическое оружие, и сейчас там нет живых. Мы от-

городились от них и разбираемся, соблюдая все меры предосторожности.

– Спасибо за предупреждение и за помощь, – поклонился президент. – Нам сейчас действительно не до них. Я могу быть уверен...

– Алексей, – обратилась она к мужу. – Хватит сачковать. Подойди к комму и успокой сеньора Фернандо, ему недостаточно моего слова.

Глава 31

– Начинать? – спросил Алексей. – Всё готово?

– Да, Алексей Николаевич, – ответил старший смены. – Начинайте говорить по сигналу. Трансляция идёт по всем телевизионным каналам. Кроме того, передадим по радио на семи языках. Сигнал! Вы в эфире.

– Дорогие друзья! – сказал Самохин. – Ровно год назад на американском континенте произошло извержение вулкана, равного которому человечество ещё не знало. Погибли четыреста миллионов жителей Соединенных Штатов Америки, и сильно пострадали южные районы Канады. Но это были только первые жертвы катастрофы. За этот год голод, холод и войны унесли больше пяти миллиардов человеческих жизней. Мы оказались подготовленными к бедствиям лучше других и смогли не только полностью сохранить жизни наших граждан, но и принять пятьдесят миллионов беженцев из США, Латинской Америки, Японии и Европы. Но наши возможности не безграничны. Мы ещё принимаем европейцев и договорились о приёме аргентинских детей, а так же оказываем техническую помощь ряду стран, но остальным нужно рассчитывать только на свои силы. Через год на небе вновь ярко засияет солнце, ещё через десять лет снова станет тепло. К этому времени, по нашим оценкам, сохранится десятая часть человечества. Катастрофа ударила не только

по людям, уничтожена большая часть растительности и животного мира. В новом мире уже не будет того разнообразия видов, которое было всего год назад. Мы предприняли попытку спасти некоторых из них, но это только отчасти восполнит потери. На Земле нет человека, которого не затронула бы беда, поэтому мы решили объявить пятнадцатое апреля Днём памяти. В этот день повсюду будут вывешиваться траурные флаги, запрещаться увеселительные мероприятия, а в двадцать два часа восемнадцать минут московского времени в память о жертвах Йеллоустона пройдёт минута молчания. Принято решение о возведении монумента памяти, у подножья которого будут захоронены несколько тел, взятых в разных районах США. Все те, кто потерял свои дома и близких и нашли в нашей стране новую родину, должны знать, что мы искренне сочувствуем их горю и всегда готовы оказать помощь. Но нельзя жить скорбью! Нужно помнить о прошлом, но смотреть в будущее! Пройдёт День памяти, но останется память, и она должна поддерживать вас в жизни и давать новые силы! У нас много всего впереди. Уйдёт мрак и вернётся тепло, но перед нами окажется наполовину мёртвый мир, который мы должны очистить от смерти и наполнить жизнью! Это трудная, но решаемая задача, ради выполнения которой стоит жить и работать! А сейчас объявляется минута молчания, и мы все отдадим дань памяти погибшим.

– Можно было передать в записи, – недовольно сказала Лида, когда их привезли домой в половине двенадцатого. –

Абсолютно ничего не изменилось бы. А для кого вещали на разных языках? Для Австралии?

– Зря ворчишь, – отозвался Алексей. – Я хотел выступить сам. Запись – это не то. А радиовещание на разных языках будет проводиться ежедневно. Если устала, давай быстрее ложиться спать.

На следующий день пришли первые результаты из лаборатории, которая уже неделю работала на Тибете. Передали, что болезнь, несомненно, вызывалась бактериями. Пока получить живые формы не удалось, но учёные не теряли надежды.

– Сказал бы я, где хочу видеть их надежды! – выругался Самохин, когда ему прочли сообщение. – Не нашли, и дай бог, чтобы и дальше так было. Но монголам об этом не сообщим. А лабораторию в Шанжао нужно уничтожить. Там могут оставаться живые образцы этой дряни. Передайте приказ маршалу Брагину послать туда несколько самолётов стратегической авиации. Пусть всё разнесут и залиют огнём.

Через три дня с Алексеем связался главнокомандующий ВВС маршал авиации Вершинин.

– ЧП, Алексей Николаевич, – сказал он Самохину. – С час назад обнаружили скоростную высотную цель, движущуюся со стороны Турции к нашим границам. Этой целью оказался ударный истребитель Шестого флота США. С экипажем сразу же связались и направили на один из аэродромов.

– Неужели летели из Австралии? – удивился Алексей. –

Это же больше десяти тысяч километров.

– Почти пятнадцать, – уточнил Вершинин. – У «Грифа» очень большая дальность полёта, к тому же с него сняли всё лишнее, даже кресла. Самолёт посадили в Армении на последних каплях горючего.

– И кто это так геройствовал? – спросил Алексей. – Говорите быстрее, Евгений Андреевич, у меня через полчаса совещание.

– Это два американских пилота, – заторопился Вершинин. – Их пока не допрашивали, задали несколько вопросов и позвонили мне. Я распорядился срочно переправить лётчиков в Москву. Думаю, будет полезно узнать, что творится в Австралии.

– Правильно думаете, – одобрил Алексей. – Пусть обрабатывают материалы допросов и выжимку с выводами аналитиков передадите мне. Копию направьте в министерство иностранных дел, пусть ещё и они подготовят своё заключение. И не давите на этих американцев. Раз прилетели к нам сами и пошли на такой риск, значит, имели резоны.

Через два дня на стол Алексея лёг доклад, после прочтения которого он назначил совещание с участием Морозова и Брагина.

– Завтра решим, как реагировать на события в Австралии, – сказал он дома жене. – Сегодня читал результаты допросов лётчиков. Я тебе вчера о них говорил. Страшненький материал.

– А ты не ждал для них ничего хорошего, – отозвалась Лида. – Помнишь, говорили о Шестом флоте? Или ты имеешь в виду англичан?

– Я имею в виду всех. Американцев там было меньше ста тысяч. Это флотские экипажи, те, кого взяли с баз в Европе и Турции, и совсем немного гражданских. А англичан перевезли девять миллионов. Должны были сделать ещё один рейс, но им не дали уйти из портов. Как я думал, так и вышло. Этот Кевин просто идиот. Нажал на правительство Австралии, выбил из них согласие принять англичан и думал, что кто-то будет это соблюдать. Вот они издержки хвалёной европейской демократии! Пятьдесят лет назад ни один английский политик не совершил бы подобной глупости. Если начал действовать с позиции силы, так нужно было и продолжать! А они поверили на слово и убрали всех с боевых кораблей, оставив лишь вахты. И американцев заставили сделать то же самое. Их на суше и повязали. В Австралии много своих вояк, так что всё проделали чисто, а вахты на кораблях сдались при угрозе уничтожения кораблей и взятых в плен экипажей. А потом пришёл черёд англичан. Они ведь не просто привезли людей, ещё доставили годовой запас продовольствия для всех привезённых. Продовольствию австралийцы обрадовались, а англичанам – нет. Поэтому их сразу разделили: продовольствие отправилось на склады, а англичан заставили строить себе лагеря. Сначала они жили под открытым небом и питались всякой гадостью, которую не же-

дали есть сами австралийцы, несмотря на все трудности со съестным, а потом к изгородям добавились бараки. Температуры были уже градусов десять, и шли дожди, а англичане привезли горожан, поэтому их основной работой стало рытье ям для умерших. Помимо простуды, свирепствовали кишечные инфекции. Как сказали пилоты, из девяти миллионов беженцев осталось только два. Экипажи военных флотов держали отдельно от штатских и немного лучше кормили. Видимо, в отношении них были какие-то планы. Может, собирались использовать для управления кораблями и оружием или для того, чтобы учить этому самих австралийцев.

– Трудно поверить в то, что так поступили австралийцы, – покачала головой Лида.

– Им нужно выжить самим, чужие этому мешают. Это только мы кое-кому помогаем, от других нет никакой помощи, наоборот, нападают на соседей и пытаются отнять последнее. Страх смерти смывает налёт цивилизации, и начинают работать инстинкты. Их сотни лет воспитывали как ярких индивидуалистов. Права и свободы – вот что самое главное! При этом каждый в первую очередь беспокоится о своих правах, а обязанности маячат где-то на заднем плане. Коллективное начало в людях вытравлено начисто, и если они способны заботиться о ком-то, помимо самих себя, то только о своих семьях. Конечно, есть исключения, но они не делают погоды.

– И как же удалось удрать этим пилотам?

– Чтобы они смогли сбежать из лагеря и добраться до своего авианосца, многие из их товарищей заплатили жизнями. Если захочешь, потом считаешь. На самом авианосце было десятка два австралийских солдат. Их перерезали те, кто прикрывал вылет.

– Такое можно сделать только для чего-то по-настоящему важного, – задумчиво сказала Лида. – Они ведь прилетели за помощью? Не просто же так гибли эти люди, чтобы могли сбежать два пилота.

– Так и есть, – сказал Алексей. – Они хотят освободить американцев, ну и, если получится, уцелевших англичан, и я думаю в этом помочь.

– Из человеколюбия?

– Не иронизируй. Мне их жалко, но на решение повлияло не это. Если кидаться спасать всех, кто вызывает у тебя жалость... Нет, здесь голый расчёт. Им очень сильно досталось. Несчастья и лишения многим вправили мозги. Для тех, кто выдернет из дерьма и поселит в нормальных условиях, расшибутся в лепёшку. Вояки могут пригодиться не только в сражениях, которых, я надеюсь, уже не будет. Когда наступит тепло, многие из них ещё не состарятся, а работы по чистке и сбору трофеев в той же Америке растянутся лет на двадцать. Они знают, что такое дисциплина, и будут работать на своей земле. А англичан Уильям Кевин отбирал не случайным образом, среди них много учёных и инженерно-технических работников. Австралийцы сделали ошибку, поставив

во главу угла продовольствие и не подумав о пользе людей. Хотя, возможно, у них действительно нечем их кормить. И есть ещё один момент...

– Австралийцы?

– Разгоню министров и сам уйду, – улыбнулся Алексей. – Ты одна такая умная, что заменишь нас всех. Правильно, австралийцы. Забирая у них этих бедолаг, я не только приобретаю для Союза много благодарных специалистов, я лишая их австралийцев. Не исключено, что, помучив их в лагерях и сократив в числе, оставшихся пристроят к делу. А без флотских экипажей Шестой флот – это куча плавающих стальных коробок. Пусть попробуют ими управлять лет через двадцать. Нам невыгодно усиливать Австралию, для нас она единственный возможный конкурент.

– А немцы? Ты их не считаешь?

– Абсолютно, и даже не из-за социализма ГДР. Я думаю, что немцы скоро объединятся. Нам легко заключить с ними союз и наладить сотрудничество. Это самая способная во всех отношениях нация Западной Европы. И нам они не конкуренты. Несмотря на все способности немцев, они не смогут нормально развиваться без кооперации. А вот в Австралии не так уж сложно создать замкнутую экономику, хотя их там всего миллионов сорок. Тоже невыгодно и вызовет отставание в развитии, и я хочу на этом сыграть. Но если не найдём общего языка, то они так и сделают. Другой менталитет и много ресурсов.

– И как думаешь действовать?

– Кнут и пряник. Ничего лучшего люди не придумали. Завтра соберу совещание. Все пряники будут на словах, как аванс на будущее, а вот насчёт кнута нужно подумать.

Думали не очень долго.

– Я внимательно ознакомился с присланными материалами, – сказал Морозов. – Всё совпадает с нашим прогнозом. Их премьер-министр очень своеобразная личность. Душка и либерал, но если считает возможным и полезным, может проявить диктаторские замашки. Сам скользкий как угорь и не обременён совестью. Когда они остались одни и в его руках вся полнота власти, показной либерализм слетел, поэтому говорить нужно только на языке силы, другого он не поймёт. Если напугаем, он всех отдаст, да ещё скажет спасибо. Только учтите, что сразу начнут хамить.

– Чем лучше пугать? – спросил Алексей министра вооружённых сил.

– Арсенал достаточно большой, – ответил Брагин. – Все космические системы продолжают функционировать, не работает только оптика, но без неё можно обойтись, сориентировав технику по звёздам. Большой точности не получим, но для обстрела города лазерными батареями её и не нужно. Они за десять лет заполнили накопители под завязку. Если не грозить атомом или химией, можно послать «Стрелы». Они прикрыты не хуже «Невидимок», а для высотных зданий это страшное оружие. Но можно поступить проще. У ав-

стралийцев построены двенадцать реакторов, и нам известны места их расположения.

– Вы их отслеживали? – спросил Самохин.

– А как же, Алексей Николаевич, – сказал Брагин. – Это жизненно важные объекты, а у Австралии был военный договор со Штатами. И свои реакторы они, в отличие от нас, не прятали под землю. Послать один носитель «Малышей», а потом выпустить их за тысячу километров от побережья по одному на реактор. Их ничем нельзя обнаружить, кроме визуального наблюдения, а это несерьёзно. Они даже выключают двигатель перед заходом на цель, так что не собьют и по тепловому следу. У Австралии неплохая армия, но нам они не противники, и если возьмёмся за них всерьёз... Уверен, что руководство это прекрасно понимает, так что достаточно пригрозить.

– Начинайте работать, Алексей Павлович, – сказал Самохин. – Не будем тянуть время, прямо сейчас и решим.

Морозов разложил коммуникатор, вызвал на экран таблицу каналов и активировал нужный. Минуты две ничего не происходило, потом на экране появился пожилой небритый мужчина, который с нескрываемой неприязнью смотрел на министра.

– Что вам ещё нужно? – спросил он. – Кажется, ясно сказали, что никакого...

– Послушайте, милейший! – перебил его Морозов. – С полномочным представителем великой державы не разгова-

ривают таким тоном. Наверное, ваш Джек Кендал об этом забыл. Я думаю, что залп орбитальных лазеров по Канберре освежит его память. После этого я соединюсь ещё раз. Хотя нет, пусть он сам меня вызывает. Номер канала вы запомните и передадите, если останетесь живы.

– Подождите! – заволновался собеседник. – Сейчас я переключу вас на секретаря премьер-министра!

На экране возникло другое помещение, в котором за письменным столом сидела красивая женщина средних лет.

– Добрый вечер, мисс, – поздоровался Морозов. – Я соединился по поручению главы правительства СССР. Хочу донести до сведения вашего руководства, что уничтожение миллионов людей не может быть оправдано ничем. Вы нарушили не только соглашение, заключённое с правительством Великобритании...

– Вы министр иностранных дел? – перебила она. – Тогда должны понимать, что договоры, заключённые под дулами орудий, не грех и разорвать.

– У меня слишком много работы, чтобы что-то доказывать секретарю! – высокомерно сказал Морозов. – Передайте вашему премьеру следующее. Вы должны в трёхдневный срок передать нам как всех англичан, прибывших к вам по договору, так и личный состав английского и американского флотов. Их корабли можете оставить себе. В случае отказа, который мы сочтём крайним проявлением неуважения к нам и преступлением против человечности в отношении англо-

американцев, к вам будут применены меры военного характера. Пусть ваш премьер проконсультируется у своего министра обороны, ему известны наши возможности. И передайте вот что... Лет через пятнадцать восстановится климат, но мир уже не станет прежним. Так стоит ли ссориться с государством, в котором будет жить половина человечества? Вас не тронут, если не дадите к тому повода, сейчас он очень весом. Мы предлагаем дружбу, смотрите, друзей можно найти и в других местах. Запомните номер канала и постарайтесь не тянуть с ответом.

– У них время на семь часов позже, поэтому ответят утром по Москве, – сказал Морозов Алексею. – И я не сомневаюсь в ответе, хотя могут попробовать на прочность. Но если начнёте давить, всё выполнят. Как будем забирать людей?

– У меня только один вариант – это «Ковчеги», – сказал Брагин. – Только в них нужно устанавливать дополнительные накопители. Одна машина не возьмёт больше тысячи человек, а у нас их теперь сотня, поэтому эвакуация займёт полтора месяца.

– Возьмёте в дело и грузовые «Ковчеги», – сказал Алексей. – В них войдёт ещё больше людей. Положить на пол надувные матрасы – и пусть сидят. Ладно, это детали, которые решите сами.

Вызов из Канберры пришёл в десять часов утра на коммуникатор Морозова.

– Сами будете разговаривать, или опять мне? – спросил по

комму Алексей Павлович. – Ну раз сами, переключаю на вас.

– Не уходите с канала, – сказал Алексей. – Вам полезно послушать. Кто вызывает?

– Сам Джек Кендал, – ответил министр. – Даю сигнал.

– Здравствуйте, ваше превосходительство, – поздоровался с Алексеем интеллигентного вида мужчина в массивных роговых очках. – Рад вас видеть.

Учитывая то, что в любом медицинском центре зрение приводили в норму в считанные часы, очки сейчас мало кто носил. В основном это были те, кому они очень шли.

– Нам пришлось приложить усилия, чтобы вы могли проявить свою радость, – ответил Алексей. – Когда присылать транспорт за людьми?

– Они нам не нужны, – сказал Кендал, – и я не против того, чтобы вам отдать, но мы на них сильно потратились.

– Не будем мы с вами дружить, – задумчиво сказал Алексей. – Таких скупердяев, как вы, свет не видел. Вы забрали себе флоты двух великих держав и годовой запас продовольствия на девять миллионов человек, потом заставили их самих строить себе концлагеря и при этом кормили баландой, отправив на тот свет три четверти прибывших. А сейчас имейте наглость торговаться! Честное слово, у меня возникло большое желание позвонить военному министру. Мы с ним вчера прикинули несколько вариантов силовых действий как раз на случай подобного поведения. Америки, для которой наготовили массу сюрпризов, уже нет, а во всё это вложена

бездна труда. Жаль, если так ничего и не используем. Вы не находите?

– Вы меня не так поняли, – заволновался премьер. – Я хотел сказать совсем другое!

– Ну так говорите то, что хотели! – зло сказал Алексей. – И не заставляйте меня опускаться до угроз!

* * *

Зак играл в своей комнате со Сьюзен, когда в дверь постучали. Он крикнул, чтобы заходили, и в комнату вошли трое мужчин.

– Здравствуйте, генерал, – по-английски сказал один из них. – Я полковник КГБ Рошин, а это два американских лётчика из состава Шестого флота США. Вам они представлятся сами.

– Капитан Дарелл Эдвардс, сэр! – вытянулся высокий, худой мужчина лет тридцати. – Авиакрыло авианосца «Эндрю Джексон», сэр!

– Капитан Джейк Грин, сэр! – представился тот, который был ниже ростом. – Авиакрыло авианосца «Эндрю Джексон», сэр!

– У вас появилась внучка? – спросил Рошин.

– Это ребёнок соседей, – ответил растерявшийся Зак. – Сейчас я верну её родителям, потом поговорим. Милая, – сказал он малышке, – надо идти к папе с мамой.

– Не хочу домой, деда, – закапризничала девочка. – Хочу у тебя.

– Я попрошу папу, и он включит для тебя телевизор. Хочешь смотреть мультики? Вот и молодец! Присаживайтесь, господа, я сейчас освобожусь.

Пристроив Сьюзен, он вернулся к себе, сел на кровать и вопросительно посмотрел на полковника.

– У правительства к вам просьба, генерал, – сказал Рошин. – Нужно помочь вашим соотечественникам и англичанам, которые попали в беду в Австралии. Кроме вас мы привлекли адмирала Крейга. Эти brave лётчики несколько дней назад угнали из Австралии самолёт и сумели добраться до нас. Сейчас они расскажут о своей эпопее, а потом я дополню их рассказ.

Рассказ Дарелла длился минут десять.

– Наше руководство предполагало такой финал, – сказал Рошин, когда лётчик закончил говорить. – Англичанам и вашим морякам решили помочь. Это решение принято не из-за сочувствия. Их, конечно, жаль, но сейчас люди гибнут повсюду. Просто в лагерях много ценных специалистов, да и австралийцев нужно было поставить на место.

– Поставили? – спросил Зак.

– Они окажут всё возможное содействие, – усмехнулся Рошин. – Операция начнётся завтра. У вас остался мундир, или пошить новый?

* * *

Полёт длился уже пятнадцать часов и подходил к концу. Огромные машины шли тремя эшелонами. Впереди ле-

тели десять экранолётов, на которых располагались десантники и персонал мобильных госпиталей. Здесь же находились и Крейг с Александером. С часовым интервалом за ними отправили группу из восьмидесяти «Ковчегов». Остальные шестьдесят вылетели на два часа позже. Зак не был знаком с адмиралом, только видел его пару раз, но сразу узнал, несмотря на то что поверх адмиральского мундира был надет пуховик. Их посадили рядом в одном из «Ковчегов».

– Повезло вам, – сказал Зак. – Умно поступили, что не ушли в Австралию.

– Мы успели насмотреться на чужие беды и поняли, что в Австралии нечего делать. – ответил Крейг. – Надо было идти туда, где могли помочь. Выбора у нас не было. Как вас устроили?

– Так же, как и всех остальных, только дали возможность бездельничать. Мне это уже надоело, поэтому собирался подбрать работу. Живу, кстати, рядом с одним из ваших офицеров. В соседях ещё одна американская семья из беженцев. Я у них вместо деда для малышки. Много общаемся, День памяти провели вместе.

– Не ожидал от них такого, – сказал Крейг. – Я тоже поддерживаю связь кое с кем из сослуживцев. Не все довольны своей жизнью, есть и брюзжащие. Так вот, после Дня памяти брюзжание пропало. Повезло им с руководством. А после этой операции отношение изменится ещё больше. Одно дело приютить тех, кто пришёл сам, совсем другое – вырвать

людей из концлагерей на другом конце планеты.

Они некоторое время переговаривались, а потом пообещали и задремали, усыпленные гулом турбин. За час до прилёта всех разбудили.

– «Геркулесы», – сказал Крейг, кивнув на десантников, которые упаковывались в скафандры. – Мы тоже разработали очень похожую модель и даже запустили в производство, но я не видел силовых скафандров в войсках. Страшная штука.

– Да, мы смотрели фильмы, – отозвался Зак. – Полтонны вооружения и легко держит очередь из крупнокалиберного пулемёта. Лучевое оружие против них бесполезно, по крайней мере, ручное. Гранатомёт пробивает броню, но попробуй в них попасть! Лучше всего применять управляемые ракеты и зенитные спарки.

– Внимание! До подлёта осталось десять минут! – сообщил кто-то из экипажа. – Полная боевая готовность всех систем. Десанту занять места для высадки!

Шестьдесят находившихся на нижней палубе десантников разбились на четыре группы и сосредоточились у выходов, а медики поспешили занять места в модуле госпиталя.

– Солнце восходит, – выглянул в иллюминатор Крейг. – Мы сильно опустились, и уже можно различить волны. А берега пока не вижу.

– Скоро будет совсем светло, – сказал Зак. – Через два месяца освещение станет таким, как в пасмурный день. А сейчас пока темновато, потому не видите берега. Он должен

быть недалеко. Кажется, пошли на посадку.

«Ковчеги» шли по радиопеленгу в указанное австралийцами место. Они снижались возле небольших построек, разворачивали турбины и, поднимая тучи пыли, садились на грунт. Через раздвинувшиеся створки люков выпрыгивали десантники, а модуль госпиталя двинулся по аппарели к поднимающимся воротам грузового отсека.

– Мы пока сидим, – сказал американцам подошедший Рощин. – Скажут, когда выходить. Сели у одного из двух лагерей военных, так что скоро ваш выход. За бортом пять тепла, поэтому пуховики можно снять, а то никто не увидит вашей формы.

– Толку от нашей формы! – сказал Крейг. – Можно было обойтись и без неё. Меня там многие знают в лицо.

– Можно было обойтись и без вас, – возразил Рощин, – но с вами лучше. И вы неправы насчёт формы, она сильно подействует на людей. По комму дали сигнал, так что идём садиться в машину. Я в гражданском, но тоже сниму пуховик, а то скажете, что сам грелся, а вас заставил мёрзнуть.

– Можете не снимать, – ухмыльнулся Зак. – Я не обижусь, а вы через полчаса взопреете.

Штабной электромобиль скатился с аппарели на каменистую, лишённую растительности землю и, объезжая громаду «Ковчега», повёз их к подсвеченному прожекторами проходу в ограде лагеря. Полсотни окружённые колючей проволокой барачных вызвали в душе гнетущее чувство тревоги. Ав-

стралийцы убрали охрану, но обитатели лагеря ещё об этом не знали.

– Езжай туда! – показал водителю Рошин. – Видишь помост? Сейчас заберёмся на него, включим освещение и дадим сигнал сбора. Нам сообщили, что всё это есть в каждом лагере. А когда соберутся, будете говорить. Возьмите мегафон. Этим регулируется громкость.

Тоскливый звук сирены ударил по нервам, но сделал своё дело: к освещённому ярким светом помосту стала собираться толпа людей, которые, не веря своим глазам, смотрели на двух неизвестно откуда взявшихся высших офицеров.

– Начинайте, – сказал Крейгу Рошин. – От барачков уже никто не идёт.

– Я бывший командующий Седьмым флотом вице-адмирал Гарри Крейг! – сказал в мегафон адмирал. – Среди вас должны быть те, кто знает меня в лицо. Я сразу понял, что в Австралии нас не ждёт ничего хорошего и привёл флот в Советский Союз, где все моряки получили возможность не просто выжить, но и нормально жить. У многих из них уже есть семьи. Несколько дней назад двое из вас вырвались из лагеря и смогли улететь в Советский Союз за помощью. За это заплатили своими жизнями два десятка ваших товарищей. Руководство СССР приняло решение вам помочь и заставило ваших тюремщиков дать свободу вам и англичанам! Все желающие будут эвакуированы отсюда воздухом. Сейчас начнут приземляться другие корабли и вам разрешат посад-

ку. За один раз заберём всех, поэтому просьба соблюдать порядок и выполнять требования экипажей. Есть вопросы?

– А если я не хочу в Союз? – крикнул кто-то недалеко от помоста.

– Разве я неясно сказал? – удивился Крейг. – Кто не захочет лететь с нами, останется здесь. Сами договаривайтесь с австралийцами, если они станут с вами разговаривать. И хочу предупредить, что в СССР никто вам ничем не обязан, наоборот, это вы обязаны их правительству жизнью. Поэтому вы должны знать, что соблюдение законов и порядка жизни хозяев является обязательным. Наша страна погибла, а союзники пытаются выжить, и им нет до вас дела. Есть только одно место на планете, где вам предлагают жизнь, так постарайтесь вести себя достойно, чтобы никто не отозвал для вас это предложение.

– Неужели действительно все погибли? – крикнули вдали, но Зак услышал и взял у адмирала мегафон.

– Я был заместителем командира Стратегического командования Вооружённых сил США, – сказал он толпе. – Генерал Зак Александер. Я со своими подчинёнными недавно покинул Штаты, когда подошли к концу продукты. Может быть, где-то в убежище и остался кто-то живой, но страна мертва. Десять миллионов американцев, которым удалось спастись и добраться до советской границы, сейчас живут вместе с нами, остальные собрались здесь.

– А англичане? – спросил его один из офицеров у помо-

ста. – Что будет с ними?

– То же, что и с вами, – ответил Зак. – Всех выживших доставят в Союз и будут лечить. Военные английские моряки пока останутся здесь и будут помогать ухаживать за больными соотечественниками. Их два миллиона, поэтому вывести будут месяц.

– Дайте мегафон, – попросил Рощин. – Теперь скажу я. Вы слышите гул турбин, это идут на посадку наши корабли. Сейчас вы организованно покидаете лагерь и грузитесь по тысяче человек в каждый из них. Выполнение приказов экипажа обязательно! Такого же поведения от вас ждут и по прилёте. Когда прибудете на место, вас приведут в нормальный вид и накормят, а потом проведут тестирование. Мы должны знать, что вы за люди и чего от вас можно ждать. Могу обещать, что к вам отнесутся с уважением, как к новым гражданам государства. И так будет всегда или до тех пор, пока кто-то из вас не покажет, что он недостоин такого отношения. Если в бараках есть те, кто не может передвигаться самостоятельно, вы должны им помочь. На борту будут врачи, которые окажут нуждающимся срочную помощь. Остальным лучше потерпеть до конца полёта. Всем всё ясно? Тогда идите на посадку и помните о том, что мы вам сказали.

Глава 32

Зак пятый день работал в госпиталях, которые развернули на территории каждого лагеря. Многие из бывших заключённых дошли до предела и продолжали умирать даже сейчас, когда их перенесли в тепло быстро возведённых госпиталей, уложили на надувные матрасы и оказывали всю возможную в таких условиях медицинскую помощь. В каждом госпитале, помимо врачей, работали три сотни английских военных моряков. Они же каждый день хоронили тысячи тел.

– Мы опоздали, – сказал Заку один из врачей. – Здоровье выжившим вернём, но треть пациентов не вытянем. Летели бы вы домой, здесь и без вас хватает помощников.

Генерал не мог улететь. Он увидел на носилках женщину, бывшую копией его Маргарет, и теперь проводил рядом с ней всё свободное от работы время. Вглядывался в исхудавшее лицо и синяки под глазами, прислушивался к дыханию и боялся, что однажды на матрасе окажется кто-то другой. А сегодня она впервые пришла в себя. Случилось это после того, как медсестра что-то ввела в вену и поспешила к другому больному. Зак сидел на пустом соседнем матрасе и смотрел на неё с состраданием и нежностью. Наверное, он задумался, потому что никак не отреагировал на её широко открытые глаза.

– Кто вы? – еле слышно спросила она. – И где я?

– Я Зак Александер, – ответил он, чувствуя, что душу захлёстывает радость. – Вы в советском полевом госпитале. Вас вылечат и вместе с другими отправят в Советский Союз, так что самое плохое для вас уже позади. Не скажете, как вас зовут, мэм?

– Джина Брукер, – ответила она. – Вы не могли бы дать воды? Страшно хочется пить.

– Сейчас я узнаю, что вам можно, – заторопился он, – а заодно приведу врача!

Врача он не привёл, а притащил.

– Прекрасно! – обрадовался тот, увидев ожившую пациентку. – Сейчас вас напоят. Так, пульс гораздо лучше! Раз имеем такое улучшение, значит, вас первым же рейсом отправим домой и там долечим.

– У меня нет дома, – горько сказала Джина, – и не осталось никого. Зачем вы меня лечите?

– Так дело не пойдёт! – решительно сказал врач. – В чём дело, генерал? Вы не отходите от неё уже пять дней. Если эта женщина что-то для вас значит, постарайтесь изменить её настрой. В таком она загнётся и при нашем лечении.

Подошла медсестра и дала Джин что-то выпить, после чего они побежали к другим больным, и с ней остался только Зак.

– Почему вы здесь? – спросила она. – Вы меня знаете? Я не могу вас вспомнить.

– Вы копия одной хорошо знакомой мне женщины. Я по-

нимаю, что это глупо, но ничего не могу с собой поделатъ. Не прогоняйте меня, Джин, позвольте побыть рядом!

– Эта женщина ваша жена?

– Да. Она умерла незадолго до извержения от саркомы. Всё произошло слишком быстро, медики ничего не успели сделать. Не часто, но такое бывает. Чтобы заглушить тоску, я с головой ушёл в работу. Это и спасло мне жизнь.

– А дети?

– Дети и внуки погибли. Сохранили близких очень немногие из американцев. Это кое-кто из беженцев южных штатов и тех, кто был за границей. Сейчас они в Союзе. Вы говорили о потере. Это был муж?

– Да. Мы долго держались, но потом ему стало плохо с животом. Неудивительно, если знать, чем нас кормили. А когда его не стало, сразу свалилась и я. Всё стало безразлично, и не осталось сил. Зак...

– Что, Джин?

– Не бросайте меня, Зак! Я видела, как вы на меня смотрели. Я не могу ничего вам обещать, но даже просто иметь друга, когда в душе не осталось ничего, кроме пустоты...

– Завтра я улечу с вами, – решительно сказал он. – Мне тоже нужен близкий человек, а к вам тянет так, что не могу этому противиться, да и не хочу. Вы всегда можете рассчитывать на мою помощь и поддержку!

* * *

– Врачи поставят тебе памятник! – сказала Лида мужу,

после того как они поужинали, отпустили Лену и устроились на диване в гостиной. – То стояли пустые больницы, а теперь они все забиты.

– Так уж и пустые, – возразил он. – Многих беженцев пришлось лечить.

– Я не считаю обморожения, – отмахнулась она, – а у большинства не было ничего другого. Кстати, сегодня слышала, что вернулась экспедиция на Тибет. Так ничего и не нашли?

– Где ты могла о ней слышать? – удивился Алексей. – Это секретная информация, которая не проходила через секретариат.

– Знаешь профессора Лешкова? Его жена работает у нас завсектором. Не вздумай её чихвостить: Светка ничего не болтала. Было несколько намёков, но мне этого хватило.

– Живых бактерий не нашли. Может быть, что-то оставалось в лаборатории в Шанжао, но там всё обработали плазмой, так что убрали и эту опасность.

– А в Индии?

– Если они не сохранились в Китае при низких температурах, то давно не сохранятся в Индии, но мы туда не полетим. Даже у наших десантников есть предел психической устойчивости. Ты просто не представляешь, что там сейчас творится. Морозов нет, но холодно. В таких условиях тела будут разлагаться годами. Позже пошлём автоматы и посмотрим.

– Значит, опасности больше нет?

– Бережёного бог бережёт, – ответил Алексей. – Все пострадавшие страны закроем на двадцать лет. За это время точно ничего не останется, а плоть сгниёт. Да и не нужны нам пока те территории, надолго хватит возни с Европой и Америкой. А остальных строго предупредим, чтобы тоже не совались.

– Остальных – это кого?

– В первую очередь Иран, Монголию и Японию, ну и островные государства, особенно Сингапур. Там нужно только восстановить мосты. Конечно, если будет кого предупреждать.

– Получается, сам не дам и другому не дам? – съязвила Лида.

– После катастрофы много свободной земли в своих странах, так что нет необходимости лезть к соседям. А когда она появится, решим этот вопрос коллективно. Не бойся, всё себе не захапает.

– А как ведут себя новые граждане? На вашем канале вообще не упоминают об иммигрантах, по крайней мере, я не слышала.

– Очень сложный вопрос, – поморщился Алексей, – но мы и не думали, что с ними всё будет тихо и гладко. Непросто ассимилировать десятки миллионов носителей другой идеологии и культуры. Поначалу всех придавила беда, теперь люди понемногу отходят. Тестами отсеяли человеческий мусор, да и то не весь.

– Неужели много недовольных?

– Не много, но есть. Кому-то не нравятся ограничения по спиртному, а курильщики недовольны ограничениями на выдачу их отравы и места курения. Есть недовольные уравниловкой и отсутствием денежного обращения или тем, что всех иммигрантов расселяем в разные части страны и не позволяем сбиваться в землячества. А есть наши, которые недовольны самими иммигрантами. Как и прогнозировалось, высказывают недовольство ограничением рождаемости. Среди наших недовольных больше всего в Грузии. Но наши терпят, и недовольство не идёт дальше ворчания. Знают, что все ограничения на время, и нам верят, разве что любители зелёного змия пытаются задурить себя чем-нибудь другим. Химики хреновы. С пришлыми есть сложности, но и там по большей части всё ограничивается ворчанием. Как только начнём убирать ограничения, исчезнет большинство поводов для недовольства.

– До тепла ещё далеко, – заметила Лида.

– Люди всегда чем-нибудь недовольны. Ворчание как-нибудь переживём, тем более что ворчат с пониманием. А кое с чем мириться не будем. Никто не позволит сборищ по национальному признаку. Никому не возбраняется дружить семьями или переписываться с друзьями, но и только. Мы ведь не распустили Комитет, наоборот, когда отпала надобность в привлечённых сотрудниках, их начали возвращать Василию Петровичу. Сейчас у него создано новое управление, кото-

рое отслеживает процессы в иммигрантской среде. Постараемся мягко исправлять то, что нас не устраивает, но в случае необходимости не остановимся перед крайними мерами. Я прекрасно помню, что у вас творилось. У нас такого не будет. Главное – выиграть время. Сейчас начался процесс ассимиляции пришельцев. Уже лет через пять большинство из них станет для нас своими, а с меньшинством будем разбираться. Самых крикливых можно вывезти куда-нибудь подальше, чтобы не слышать их криков. Мы ведь предупреждали при приёме, так что в своём праве. А вообще, я ими доволен. Почти все хорошо уживаются с нашими и прекрасно работают. Кое-кто опасался, что с ростом иммиграции будет расти преступность, но этого не произошло. Многих уголовников расстреляли, остальные отработывают прощение на Дальнем Востоке, а экономическая основа правонарушений исчезла вместе с деньгами. Очень благотворно сказывается отсутствие пьянства. Преступления на бытовой почве есть, но не так уж много, и там редко доходит до крайностей. И в этом больше отмечены наши, чем пришлые. Те ведут себя осторожней. Хотя несколько моряков адмирала Крейга уже попались на убийствах. Этих расстреляем, другие десять раз подумают, прежде чем хвататься за нож.

– Лёш, а чем вы хотите занять людей? Экономику перестроили, а грибов и курятины производим столько, что можно уже продавать за границу, и каждый день едим свежие овощи. При нашей жизни у людей мало других потребно-

стей, кроме пищи. Конечно, продолжаем производить одежду и обувь, но такое производство не займёт всё население. И увеличение сферы услуг не сильно поможет. А допускать, чтобы люди сходили с ума от безделья, или создавать им видимость работы... Лет через десять нам не станет хватать работников, но чем занять их сейчас?

– Займём всех, можешь не сомневаться. Мы были заняты выживанием и вынужденно на многом сэкономили. Перед извержением у нашего населения было намного меньше интеллектуальной электроники, чем у соседей. Обеспечили производство и учебные заведения, а в остальном делали упор на салоны коллективного пользования. Сейчас это нужно исправить. Разработана программа глобального мониторинга планеты. Через три-четыре месяца уже сможем использовать оборудование спутников и оценить потери в самых разных уголках Земли. Но одними спутниками не обойдёмся, поэтому запустим производство «Невидимок». Их понадобится очень много. Я тебе уже как-то говорил об индивидуальном воздушном транспорте. Вот его собираемся массово изготавливать. Сейчас используем только там, где это необходимо, а остальное пойдёт на склад. Разблокируем счета, тогда пусть покупают. Помнишь наши коммуникаторы с голо? Такие же уже есть в планах на изготовление. А их нужно сделать сотни миллионов. Работы и до тепла много. Мы ведь сейчас единственные, кто учит десятки миллионов молодых и продолжает развивать науку. Постоянно появляется что-

то новое, новые открытия и разработки. И это тоже пойдёт в производство. Позже займёмся и космосом. У тебя на сегодня все вопросы? Тогда спрощу я. Тебе не надоело маяться дурью в секретариате?

– Почему это дурью? – обиделась Лида. – По-моему, я делаю полезное дело.

– Полезное, – согласился муж, – но не своё. С твоим умом и опытом нужно как минимум возглавлять министерство. У нас, кстати, скоро исполняется семьдесят министру образования. Работает хорошо, но закон для всех один, так что пусть отдыхает, если ты не найдёшь ему какую-нибудь другую работу.

– Уже решил? А это ничего, что я в два раза старше его? И почему именно образование?

– Мы Вечные, для нас законы не писаны, – сказал Алексей. – Не хочешь образование? Ладно, тогда станешь председателем КГБ. Только нужно немного подождать: Василию Петровичу исполняется семьдесят только через год.

– Согласна на образование, а то с тебя станется предложить мне должность министра вооружённых сил.

* * *

Ник возвращался с работы вместе с Мартином и, прежде чем зайти к себе, подошёл к комнате генерала и постучал. На стук опять никто не отозвался.

– Жаль, что Зака до сих пор нет, – сказал он Мартину. – Уехал два месяца назад и пропал. Дочь не перестала спра-

шивать, куда дели деда?

– Нет, – улыбнулся Мартин. – Она к нему прикипела и очень скучает. Приходите сегодня, может, замените вдвоём одного Зака. А то опять придётся отдавать ей телевизор.

– Если жена не будет вымирать, тогда придём, – пообещал Ник.

Кими была на третьем месяце, и беременность протекала тяжело, поэтому ей разрешили работать полдня, а когда было особенно плохо, освобождали от работы. Сегодня она тоже позвонила в свой садик и попросила кем-нибудь заменить. Ник открыл дверь и услышал всхлипывания. Кимико сидела на своей кровати вся в слезах.

– Что случилось? – бросился он к жене. – Тебе плохо?

– Не мне! – помотала она головой. – У наших опять сильное землетрясение! Они, наверное, все погибли!

– Откуда такой пессимизм? – спросил он, обнимая жену и вытирая ей слёзы платком.

– Каждый раз, когда передавали о землетрясениях в Японии, сообщали об ущербе! – сказала она, давясь рыданиями. – А сегодня только сказали о землетрясениях, а об ущербе ни слова! Их сразу два, и оба сильные! И ещё какое-то ледяное цунами! Мало им было радиации из Китая, так теперь постоянно трясёт! Как можно что-то строить под землёй, если всё это раз за разом разрушается! Ник, я боюсь, что моего народа скоро не будет. Останутся только принятые здесь дети и мы! У нас сильный, умный и самоотверженных народ,

но он просто ничего не сможет поделывать!

Кое-как успокоив жену, Ник решил не ходить сегодня на ужин в столовую, а взять пайки. В коридоре он столкнулся с Заком, идущим с красивой миниатюрной женщиной лет сорока или чуть старше.

–Познакомься, дорогая! – сказал генерал. – Это один из моих друзей и соотечественников Ник Сандерс! А это моя жена Джин! Как у тебя дела? С Кими всё в порядке?

– Замучил токсикоз, – пожаловался он, – а в остальном порядок. Позвольте поздравить вас обоих! Зак, вы ведь будете менять квартиру?

– К сожалению, вынужден уехать совсем, – сказал Зак. – Жена биолог с мировым именем, поэтому её поселили в столице, а я пошёл довеском. Заодно предложили вернуться на военную службу, и я согласился. Жалко с вами расставаться, но ничего не поделаешь. А сюда приехал проститься и забрать вещи.

* * *

– Запись на мониторе! – сообщил оператор. – Минус десять секунд.

– Никто ещё не наблюдал цунами при полуметровой толщине льда! – сказал Алексею академик Гурин. – Правда, море замёрзло на километр от берега, но всё равно... Смотрите, пошла волна! Магнитуда землетрясения в океане больше девяти, высота волны у кромки льда около тридцати метров, а скорость около ста километров в час. Посмотрите на лёд!

Вода отхлынула от берега, и теперь ледяное поле на всём видимом пространстве проседало, разваливаясь на отдельные глыбы, и на всё это с сумасшедшей скоростью накатывалась стена воды.

– Лёд не дал воде уйти далеко, – говорил Гурин, – но на километр вглубь берега не осталось ни одного сооружения. Японцев здесь не было, но погибло всё, что они приготовили для подлёдного лова. Все суда в портах – тоже.

– А что с нашими берегами? – спросил Алексей.

– На Сахалине волна была всего метра три-четыре, а на Камчатке ещё меньше. Там даже не разрушился припай.

– А второе землетрясение?

– Это следствие извержения системы Текай, – сказал академик. – Магнитуда около семи. Боюсь, что оно причинило японцам намного больше неприятностей. С ними до сих пор не могут связаться. Они ведь почти всё перенесли под землю, а это уже девятое землетрясение за год. И не одного магнитудой меньше шести с половиной. Каждый раз гибнет много людей и большие потери в ресурсах. Упрямый народ, другие уже давно куда-нибудь сбежали бы.

– Некуда им бежать, – мрачно сказал Алексей. – В Китай или Корею нельзя, да и мы их к себе не приглашали, хотя... Виктор Фёдорович!

– Да, Алексей Николаевич! – откликнулся начальник Центра правительственной связи.

– Продолжайте вызывать японцев и, если ответят, пере-

ключите на меня. А пока дайте связь с маршалом Брагиным... Здравствуйте, Александр Иванович! Объявите повышенную готовность экипажам «Ковчегов». Возможная цель – остров Хонсю, регион Тохоку.

– Японцы?

– Похоже, их нации приходит конец. Эти землетрясения их доконают. Я хочу до тёплых времён сдать им в аренду наше побережье. Нам оно пока не нужно, а там хватает городов с реакторами. Есть и всё остальное, что мы готовили для себя, но так и не пустили в ход. Выжившим позже найдём место и поможем устроиться. Эти потом отработают. Плохо, что не удаётся с ними связаться. Ждём ещё сутки, а потом грузите спасателей и отправляете к пяти подземным городам. Не может быть, чтобы они все погибли. Если нужна землеройная техника, перебросите из Хабаровска. Для этого к десантным «Ковчегам» возьмите два грузовых.

Он простился с академиком и на выходе из Центра связи столкнулся с женой.

– Не меня ищешь? – спросил Алексей. – Что-то срочное?

– Не тебя, – ответила Лида, – но ты мне тоже был нужен. Разговор на несколько минут. Ты к себе? Тогда я провожу, заодно и поговорим. Я хочу провести реформу языка.

– Ты не размениваешься на мелочи, – улыбнулся Алексей. – Ну и чем же тебе не угодил русский язык?

– Он слишком сложен для изучения. Несмотря на свои сто тридцать с чем-то лет, прекрасно помню, как учила в гимна-

зии. Учишь и думаешь, мол, кому было нечего делать, что он сочинил эти бесконечные правила. Почему одно и то же слово в разных случаях пишется по-разному, зачем эти исключения и миллион правил по знакам препинания. С «не» настоящий идиотизм. Я изучала историю вопроса. Пять раз поднимался вопрос упрощения письменности, а воз и ныне там. Многие русские часто делают ошибки в письме, а как-то иностранцам? Наши иммигранты в большинстве уже свободно говорят на русском, а пишут – тихий ужас! А детям нужно идти в наши школы.

– Да я не против, – сказал Алексей. – И у меня в школьные годы русский не относился к любимым предметам. Только к такой реформе нужно подойти очень осторожно. Убрать явную глупость и анахронизмы и ввести две формы написания на переходной период. А в школу нужно внедрять специальную аппаратуру, которую мы используем для экспресс обучения. Определись с потребностью, тогда запустим в производство.

За полчаса до конца работы его вызвали из Центра связи и переключили на один из резервных каналов, по которому связались японцы. Появившейся на экране мужчина был Алексею незнаком.

– Я приветствую вас, ваше превосходительство! – сказал он, отвесив поклон. – Мы слышали ваши вызовы, но не могли ответить: были серьёзные повреждения. Я вас слушаю.

– Нет, это я вас слушаю! – сердито сказал Алексей. – Со-

общите, пожалуйста, что у вас случилось и кто вы такой.

– Землетрясение, – внешне спокойно ответил японец. – Очень большие жертвы. Премьер-министр тоже погиб. Пока не получается пробиться ни в один из подземных городов. На поверхности уцелел один реактор, который питает города Итиносеки и Осю. В них остались три миллиона человек. Я губернатор префектуры Иватэ Икиру Танигава.

– Сколько человек под землёй?

– Ещё пять миллионов.

– А остальные? – спросил Алексей, уже зная, что сейчас услышит.

– Это все, – ответил губернатор. – Последний год был нелёгким.

– Значит так! Сейчас к вам вылетят наши спасатели, которые попробуют пробиться к заваленным городам. Всех остальных воздухом эвакуируем во Владивосток. Он рассчитан на полтора миллиона жителей и сейчас пуст, так что вы как-нибудь уместитесь. Энергии там достаточно, а продовольствие на первое время подбросим. Потом запустите нефтедобычу и завод БВК. Фермы и подземные производства пищи там есть. Сегодня же туда доставят всё необходимое для их обслуживания и специалистов. Помогут вам и вернуться. Свои продукты есть?

– Да, примерно на полгода. Благодарю вас!

– Надо было обратиться за помощью раньше. Я знал, что вам трудно, но не думал, что дойдёт до такого! Когда прибу-

дут «Ковчеги», оставьте несколько тысяч человек в помощь нашим спасателям, а остальных сразу же отправляйте. До Владивостока по прямой около тысячи километров, так что вас всех переправят за четыре дня. А если будут живые под землёй, их повезём в Хабаровск. И не нужно гордо молчать! Если что-то потребуется, не стесняйтесь просить. Чем сможем, поделимся, а если не сможем, так и скажем. Всё поняли?

– Что ты такой мрачный? – спросила Лида, когда приехали домой. – Это не связано с японским землетрясением? Ты ходил в Центр связи, чтобы связаться с Сатоми Морисима?

– Как жить с человеком, который видит тебя насквозь? – сказал Алексей. – Я в последнее время начал принимать близко к сердцу чужие беды. Знал, как трудно японцам, а всё равно стало тоскливо, когда доложили, что их почти не осталось. А времени прошло меньше полутора лет. Но на них навалились все напасти: и кислотные дожди, и китайские радиоактивные осадки, и землетрясения с извержениями вулканов. И в Японии не было больших запасов продовольствия.

– И что теперь? – спросила Лида.

– Всех, кого спасём, приютим у себя, – ответил муж. – Досидят до тепла, а потом найдём, где их поселить. Наверное, выждем, как я и хотел, двадцать лет и отправим их в Китай. Разрешим занять хорошие земли на побережье, а они займутся чисткой его территории.

– Ты же не хотел занимать Китай.

– Он нам не сильно нужен, но придётся занимать. У нас только на востоке общая граница больше четырёх тысяч километров, и на западе не меньше. В Индию я не рвусь, а Китай за собой застолбим. А японцев уже не наберётся на полноценную нацию. У нас их детей больше, чем уцелевших. Так что, скорее всего, войдут в наше государство на правах автономии. Мы не будем их тянуть, сами попросятся.

– Жалостливый ты стал, как я посмотрю! – усмехнулась Лида. – С чего бы это? Европейцев пропускаем сквозь мелкое сито, а японцев, у которых мозги работают иначе, берём на содержание без всяких тестов. Про англичан я уже не говорю: выхаживали полмиллиона живых покойников!

– Японцы сделают себе продовольствие сами, мы только поможем, – возразил Алексей, – и не станем мешать их со своими людьми. Эта нация, несмотря на её чуждость, знает, что такое честь, и будет благодарна за помощь. А европейцы страдают разжижением мозгов. Не все, но многие. Они не способны долго помнить добро. А за англичанами попёрлись на край света и выхаживали, потому что их премьер забрал с собой лучших. Он провёл отбор за нас. И наше участие запомнят не только спасённые, но и все остальные.

– У тебя и жалость в конечном итоге оборачивается трезвым расчётом и выгодой, – вздохнула Лида. – Неужели и я такая же?

– Ты почему-то, – улыбнулся муж. – Каждый вечер зада-

ёшь вопросы.

– Потому что ты намного больше знаешь и не делишься знаниями. Сел на диван, обнял, отсидел свою норму и на боковую! Составляли бы хоть итоговую сводку за день для тех министров, которые не протирают штаны в твоём кабинете. Я тогда тоже молча тебя обнимала бы.

На следующий день, перед обедом, Алексею позвонил на комм председатель КГБ.

– Алексей Николаевич, у нас появилась интересная информация. Запустили на обработку записи с камер тех разведчиков, которыми обследовали Китай. Сегодня утром машина отобрала кадры, на которых были самостоятельно перемещающиеся объекты. На одном фрагменте увидели человека. Пошлём группу?

– Посылайте, Василий Петрович, – сказал Алексей. – Только обязательно используйте скафандры, а этого китайца нужно как следует упаковать и поместить в карантин. Не будем рисковать, пусть сначала с ним поработают учёные.

* * *

Город лежал в руинах. В отдельных местах возвышались остатки высотных зданий, но остальные превратились в бетонное и кирпичное крошево, из которого торчали искорёженные металлические конструкции. Входы в убежища были расчищены, и сейчас из них бесконечной чередой шли к громадам «Ковчегов» японцы. Мужчины и женщины, одетые в комбинезоны, которые, как знал Рощин, неплохо за-

щищали от радиации. Стариков он не видел, а дети попались на глаза только несколько раз. Проходя мимо него, японцы кланялись и вежливо улыбались, но в их глазах стыла тоска. Каждый нёс в руках небольшую сумку.

– Городами только занялись, – сказал Рошину шедший рядом японец. – В первую очередь расчищали убежища здесь. А там, если кто-то выжил, могут подождать. Воздуха много, и в каждом городе свой реактор. У нас есть землеройная техника, зря вы привезли свою.

– Посмотрим, – ответил Рошин. – У вас всё прекрасно организовано, так что поедем к месту работ.

Вход в один из подземных городов располагался в километре от окраины разрушенного Итиносеки и представлял собой бетонный купол. Неподалёку стояли грузовые «Ковчеги», из которых выгружали нужное оборудование.

– Шахту смяло, – объяснил японец, показав рукой на купол. – Через вход не пробиться, проще прокопать другой. Есть ещё два аварийных выхода, но там то же самое. Очаг землетрясения был недалеко...

– Пока не задействуйте свою технику, – попросил Рошин. – Лучше подтяните нам электропитание для комбайна. У него есть встроенные накопители, но это только аварийный резерв, а энергии нужно много. У вас есть план верхнего яруса?

– Кабель сейчас подведём, – кивнул японец. – План есть, только он без точной привязки к поверхности.

– Ладно, найдём сами. За вами кабель.

Рошин подошёл к спасателям, которые уже вывели своим ходом комбайн с цистерной уплотнителя и сейчас выгружали остальное.

– Почему дали два «Ковчега»? – сердито спросил старший группы. – Мы можем начать работы только с тремя городами!

– Вот и начинайте, – спокойно сказал Рошин. – Грузовые «Ковчеги» заняты на перевозке продуктов. Начали раскупоривать склады с продовольствием, поэтому они все там. Ничего, хватит и этих. Сейчас развезут оборудование и сделают ещё один рейс. Японец сказал, что если внизу кто-то выжил, то должны дожждаться помощи. Реакторы там есть, и он почему-то уверен в том, что они уцелели. К планам городов долго делать привязку, поэтому действуйте сами.

Старший отдал несколько распоряжений, и спасатели быстро установили в разных местах с десятков датчиков. Грохнул взрыв, и на большом экране интравизора появилась картина части коридоров верхнего яруса.

– Есть точка врезки! – сказал оператор. – Ставьте комбайн возле пятого датчика!

Загудели электромоторы, и комбайн, задрав в небо блок фрез, переполз в указанное место. К нему подогнали цистерну, и соединили её намотанным на барабан шлангом. Вовремя подъехала машина японцев, от которой отцепили питающий кабель и подключили его к комбайну.

– Десять градусов влево! – скомандовал оператор. – Угол заглупления – сорок. Пока нормально, потом внесём коррективы. Пошёл!

Диск фрез наклонился под нужным углом и комбайн начал на глазах погружаться в землю. Когда на поверхности осталась только его задняя часть, спасатели быстро пристыковали к ней двадцатиметровую транспортную спираль. Опять заработали моторы и комбайн уполз под землю, а за ним поползла спираль, выбрасывающая наружу срезанный грунт. Когда и она скрылась в прорытом туннеле, двигатели остановили и спираль нарастили.

– Стенки пропитываются раствором из цистерны, – пояснил Рошин подошедшему японцу. – Потом всё нагревается и твердеет. За час, я думаю, доведём туннель до одного из ходов.

С гулом в небо поднялся первый транспортный «Ковчег», за ним – другой... Последние японцы покидали острова, которые их предки некогда поэтично называли Страной восходящего солнца.

Глава 33

– Что узнали у нашего китайца? – спросил Алексей. – Ваши материалы, Эдуард Константинович, я почитаю после. Расскажите самую суть.

– Для меня после разговора с ним всё ещё больше запуталось, – сказал профессор. – Судите сами, Алексей Николаевич. Он служил связистом на высокогорной радиорелейной станции. Насколько я понял, цепочка ретрансляторов была резервом на случай уничтожения космической связи. Он сидел там не один, а в компании трёх солдат, которые охраняли эту станцию. Ему разрешалось от неё удаляться только в туалет, даже спал в помещении, смежном с аппаратной. А вот солдаты отлучались часто. Неподалёку была деревенька, где покупали выпивку и по взаимному согласию валяли деревенских дев. Там же оставляли для них продукты, чтобы не тащить их на гору. Этот связист от безделья днями напролёт слушал эфир. Когда случилось извержение, для них ничего не изменилось, разве что потемнело, похолодало, да девы стали требовать за развлечения продукты. За пять дней до того как ушли солдаты, внезапно очистился эфир. Не было ни армейских шифровок, ни просто переговоров, вообще ничего. Это случилось в тот день, когда Индия и Китай обменялись ядерными ударами. Если после этого кто-то и использовал радиосвязь, то только маломощные передатчи-

ки, которые он не мог слушать. Три дня они волновались, а потом солдаты отправились снимать стресс в деревню. На их беду туда добрался офицер, который уже был болен. Он и рассказал, что повсюду свирепствует болезнь, которая ко-сит людей как траву. Никакие лекарства не помогают, не по-могают даже противогазы. Его, во всяком случае, противо-газ не уберёт. От офицера узнали, что за два дня до войны всех оповестили, что против противника используют смер-тельную болезнь. Сказали, что болеть ею будут только ин-дийцы, а китайцев она не затронет или почувствуют неболь-шое недомогание. Таким больным предписывалось не выхо-дить из палаток и ожидать помощи.

–Генетическое оружие? – спросил Алексей.

– Похоже, – ответил профессор. – Чистое генетическое оружие научились создавать только для негроидной расы. Других оно не затрагивает, разве что полукровок. А вот та-кое же оружие для азиатов, в той или иной мере затронет и европейцев. Если это так, понятно, почему не озаботились вакцинацией. Изготовить нужное количество вакцины при их численности, да потом ещё незаметно и быстро обрабо-тать сотни миллионов жителей... У индийцев наверняка бы-ла своя агентура в Китае, так что узнали бы. Но тогда непонятно, почему вместо лёгкого недомогания все умерли. Од-ним из непременных условий создания генетического ору-жия, является стабильность сконструированных микроорга-низмов, а у китайцев были хорошие генетики. Не могли они

так ошибиться. Я даже подумал, что их противники вывели и применили такую же дрянь, но уже рассчитанную на китайцев. Если это так, то мы рано успокоились. Те бактерии, от которых погибли китайцы, не несут угрозы, а вот другие могут оказаться более стойкими и долгоживущими. Хотя лично я в это не верю. Не будут создавать такие микроорганизмы, сами потом замучаются лечиться. Но проверить не помешает.

– И что было дальше с этим связистом?

– Офицеру стало хуже, и к ночи он умер, а к утру заболели все солдаты и часть жителей. Связисту сообщили об этом по армейскому коммуникатору, который брали с собой. Он оказался сообразительным парнем и не стал ждать их возвращения. Собрал продукты, которые были, и сбежал в расположенную неподалёку пещеру отшельника. Там и просидел какое-то время, прежде чем выйти. Его искали по коммуну, но парень не отозвался. На следующий день умер один из солдат, второй прожил после этого три дня. Третий нашёл в себе силы заложить камнями тела товарищей и ушёл. Когда связист через месяц пришёл на станцию, там никого не было, не было и продуктов. В деревне тоже не осталось живых жителей, а вот продукты были. Он собрал всё, что смог найти, не побрезговал даже остатками замёрзшей пищи, которую ели больные незадолго до смерти. Всем этим они питались вместе с отшельником, и никто не заболел. А потом, по его словам, отшельник заявил, что наступил конец мира и он не

видит смысла в жизни. После этого старик отказался есть и скоро умер. Там действительно была могила, в которой лежало тело буддийского монаха, убитого ударом кинжала в спину. Смерть «уставшего от жизни» отшельника позволила бывшему связисту растянуть продукты до нашего появления. Он не стал прятаться и сдался сам. В пещере к тому времени не осталось еды, а всё, что было в деревне горючего, он сжёг. Из рассказа можно сделать кое-какие выводы. Во-первых, болезнь могла передаваться контактным путём. Но это и понятно: при её заразности так и должно быть. Во-вторых, с момента заражения человек жил от одного до семи дней. Семь дней я беру по офицеру. Получается довольно большой разброс. Ну и, в-третьих, микробы умирают со смертью носителя и не образуют эндоспоры. Я убеждён, что в Китае сейчас безопасно, а вот Индию надо посетить и проверить. В тех штатах, где есть высокогорья, должен лежать снег, значит, сохранится и часть тел. Если разрешите, я готов туда слетать.

– Спасибо, Эдуард Константинович, – поблагодарил Алексей. – После вашего рассказа необязательно читать доклад, но я прочитаю. И вашу готовность буду иметь в виду. Сейчас вряд ли, а через два-три месяца, возможно, такая экспедиция состоится.

Когда профессор простился и вышел, Алексей связался с секретарём.

– До совещания осталось десять минут. Никто не подо-

шёл?

– Только что появился Александр Иванович, – доложил секретарь.

– Это кстати, скажи ему, чтобы заходил.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич! – поздоровался вошедший Брагин.

– Здравствуйте, Александр Иванович, – сказал Алексей. – Садитесь ближе. Пока никого нет, обсудим один вопрос. Мы уже приняли около семидесяти миллионов беженцев, пора закругляться. Сейчас их подходит немного, но через полгода я ожидаю ещё одну волну, а нам с вами она уже не нужна.

– У них закончится еда?

– Конечно. Как ни уменьшай порции, запасов продовольствия не хватит, если не заниматься его производством. Они это не мы и не запасали еду восемьдесят лет. От тех, кто к нам пришёл, известно, что никто не производит в больших объёмах БВК или что-то другое. Немцы и болгары не в счёт, они к нам не побегут.

– И что будем делать? – помрачнел маршал. – Если попрут валом... Полтора года принимали людей, а сейчас в них стрелять? А как на это отреагируют уже принятые? Ведь не скроешь!

– Постараемся обойтись без стрельбы, – сказал Алексей. – Мы даже не прекратим приём, но открыто объявим, что не будем никого брать. А немцев попросим распусть слух о том, что минируем границы. Поставьте себя на их место.

Приём беженцев ведётся только на польской границе, поэтому все идут через немецкие земли. Можно было бы пройти через Чехословакию, но там никого не пропускают и не стесняются применять силу. А если мы завернём беженцев, куда они пойдут?

– В Польше им делать нечего, поэтому пойдут к немцам, – ответил Брагин. – А им тоже не нужно такой радости. Распустят они ваш слух – это без вариантов. Ещё и сами начнут препятствовать.

– А нам надо усилить охрану границы. Мы не французы, чтобы отстреливать людей с вертолётов, но хоть часть завернём.

– А для них что так, что этак – одинаково! – высказался Брагин.

– Для них одинаково, а для нас? Кто только что плакался насчёт стрельбы? Мало мы отказывали, выбрасывая людей на смерть по ту сторону границы? А ведь никого, насколько я знаю, не застрелили! Что же вы мне, Александр Иванович, нервы мотаете? Или думаете, что если я прожил сто тридцать лет, то мне уже по фиг чужое горе? Сами же знаете, что мы не можем взять всех! В общем, продумывайте всё, что можете предложить по своему министерству, я тоже подумаю и кое-кого озадачу, а потом соберёмся и всё обсудим.

– Алексей Николаевич, – связался по комму секретарь. – Все собрались.

– Пусть заходят, – ответил ему Алексей и сказал марша-

ду: – Границу с финнами тоже нужно перекрыть. Мы бесплатно поставляем им газ с условием, что на нашей границе не будет беженцев, но, когда припрёт, наплюют на все договорённости. А их там больше шести миллионов. Всё закончили. Здравствуйте, товарищи! Рассаживайтесь и начнём. Извините за то, что немного задержал. У нас с вами на повестке дня не горящий, но важный вопрос. Атмосфера почти очистилась от пыли, и мы уже можем использовать космические средства наблюдения за планетой. В связи с этим предлагаю организовать комитет, который займётся сбором информации об ущербе, нанесённом катастрофой природе и населению на всех значимых для нас участках суши. Одних спутников недостаточно, поэтому уже запущена программа производства большого числа летательных средств дальней разведки. Мы с вами должны знать, что творится в мире, и отслеживать всё самое важное. Я думаю, что в этот комитет нужно отобрать профессионалов разведки и учёных из Института стратегических исследований. Остальных они сами включают в постоянный состав или привлекут на временной основе. Помимо общих задач, у этого комитета будут и приоритетные задания. Есть подозрение, что китайцы и индийцы погибли от разных микроорганизмов, и это нужно проверить. Академия наук внесла интересное предложение. По прогнозам, через пять лет в таких африканских странах, как Замбия, останется не больше десяти процентов населения. Естественно, что государственность в таких условиях не со-

хранится. Но тепла и света у них будет достаточно для выращивания овощей на грунте под плёночным укрытием. А через два-три года можно сеять зерновые без плёнок. У нас такие условия будут на десять лет позже.

– Они предлагают взять себе одну из африканских стран? – спросил министр иностранных дел.

– Правильно поняли, Алексей Павлович, – кивнул Самохин. – Без этого можно обойтись, но если возьмёмся, можем в изобилии обеспечить всех овощами. Кроме того, поможем остаткам населения занятой страны наладить нормальную жизнь, да и нам не помешают продовольственные резервы. К этому времени уже можно использовать флот, а не только «Ковчеги». К задачам нового комитета я отнёс бы и отправку нескольких экспедиций в Штаты. Там тоже нужно осмотреться, а заодно выяснить, нуждаются ли в помощи кубинцы. Задача ясна? Персонально ответственность за создание нового комитета возложим на Василия Петровича. Кадров у него в КГБ достаточно, но можно привлечь и армейцев. Только учтите, что создание комитета на вас, а его руководство будет подчинено лично мне. Вопросов ко мне по этому делу нет? Тогда пойдём дальше. Как у нас дела с японцами, Игорь Юрьевич?

– Хорошо с ними обстоят дела, Алексей Николаевич, – ответил председатель Комитета по иммиграции Ханин. – Все бы так работали, мы бы горя не знали. Повезло в том, что у них оказались разрушены верхние ярусы, где было очень

мало людей, поэтому потери составили около восьмидесяти тысяч человек. Хотя докапывались до них долго. Спасённых перевезли в Хабаровск и в Спасск-Дальний, перед этим оттуда пришлось убирать наших каторжников. На островах осталось всего двадцать тысяч японцев, которые готовят к отправке продовольствие и другие грузы, а мы доставляем в занятые ими города. Во Владивостоке и Хабаровске налажено производство БВК, а во всех трёх городах уже действуют птицефабрики и теплицы. Немного продовольствия мы им подбросили. Это в основном мороженая рыба. Скота дали совсем чуть, пусть разводят на будущее. Фактически им теперь не нужна наша помощь.

– Ну и прекрасно, – сказал Алексей. – Сделали доброе дело и при этом почти не потратились. Всегда бы так. Теперь поговорим о наших иммигрантах. Какие сводки за последние дни?

– По обоим пунктам приёма не больше тысячи человек в сутки, – ответил Ханин. – Отсеиваем примерно треть.

– Отправляйте-ка вы, Игорь Юрьевич, половину ваших сотрудников в отпуск, – сказал Алексей. – Нагрузка на пункты сейчас небольшая, а людям нужно отдохнуть от такой работы. Потом они вернутся, и отдохнут остальные. Я уже говорил Александру Ивановичу, говорю и вам. Приём беженцев нужно заканчивать. Возможности пока есть, но не стоит сильно разбавлять наш народ. Если будет возможность помочь кому-то ещё, не принимая к себе, мы это сделаем. А

теперь рассмотрим заявки министерств на производство новых видов техники.

* * *

– Спасибо за оборудование, – поблагодарила Лида. – Мы используем его только для изучения языка. Обучение ускоряется раза в три. Когда дадите больше, попробуем и для других предметов.

– А как твоя реформа? – спросил Алексей. – Иммигранты не писают кипятком от счастья?

– Не знаю, я их об этом не спрашивала, – улыбнулась жена. – И ещё рано судить о результатах. В школах начнём учить по-новому с начала учебного года. Лёш, в сегодняшнем выпуске новостей была информация по Африке. Говорили, что там уцелело намного больше растительности и животных, даже крупных. Вы решили рассекретить часть информации комитета?

– Нет смысла такое засекречивать, – ответил Алексей, – а людям позитивная информация пойдёт на пользу. Боюсь только, что крупные животные не дотянут до тепла, всех съедят люди. Жителей осталось мало, но когда в Чёрной Африке были запасы продовольствия? Его там вечно не хватало.

– А может, занять одну небольшую страну и подкормить тех, кто остался? Глядишь, и животных спасём. Жалко!

– Я не понял, кого тебе жалко, животных или африканцев? – засмеялся муж. – Открою государственную тайну. Есть планы занять то, что раньше было республикой Замбия.

Населения до взрыва было восемнадцать миллионов, а сейчас, насколько могли оценить со спутников, всего тысяч восемьсот.

– А почему так мало? – удивилась Лида. – Там же не было сильных холодов.

– После катастрофы власти быстро утратили контроль за ситуацией, а города, в которых жили шестьдесят процентов замбийцев, при отсутствии подвоза продовольствия и параличе коммунальных служб стали непригодными для проживания. Люди из них побежали в деревни, а у крестьян не было ни возможности, ни желания их кормить. К тому же население Замбии очень неоднородное в этническом отношении. Одним словом, крови пролилось много, да и соседи не остались в стороне. А среди них две трети были больны СПИДом. Лекарство от этой дряни стоит дорого, откуда у замбийцев такие деньги? Так что вымирали они быстро.

– И всё это вы узнали только сейчас с помощью спутников? – с сомнением спросила Лида. – Колись, сколько жителей этой несчастной страны вы к нам притащили?

– Комитет доставил несколько человек, – ответил Алексей. – Центральной власти по-прежнему не существует, так что договариваться не с кем, просто узнали, что у них творилось. Хотели забрать Замбию через пять лет для нужд сельского хозяйства, а теперь думаем с этим не тянуть, потому что через пять лет там почти никого не останется. Язык у них английский, так что договоримся без проблем. Всех вы-

лечим и накормим и сохраним таким образом флору и фауну. Их соседей придётся малость припугнуть, а то они любят есть не меньше замбийцев, а какие там сейчас границы!

– Только в Замбию летали или ещё куда? – спросила Лида.

– Была экспедиция в Индию. Летали в штат Уттар-Прадеш, к Гималаям. Там сохранилось достаточно тел для работы наших биологов.

– Что замолчал? Что-нибудь узнали?

– Узнать-то узнали, но ничего не поняли. Китайцы и индийцы погибли из-за одной и той же болезни. Генный анализ бактерий показал их идентичность. Похоже, что кто-то пытался поставить запрет на три основные гаплогруппы китайцев, но не преуспел. Но тогда совершенно непонятно, почему пошли на такой самоубийственный шаг. Если хотели очистить Индию и избавиться от своих лишних ртов, зачем эта затея с обменом атомными ударами? Ведь наверняка была вакцина, и были выделенные для выживания люди, которые погибли, попав под ядерный удар. Китайцы очень умны и обычно тщательно продумывают свои действия, стараясь учесть все последствия, а в этой их войне я не вижу ничего, кроме глупости. И это настораживает. Конечно, они оказались в отчаянном положении, но это не повод для коллективного самоубийства.

– А наш покровитель не мог подправить эти микробы? – предположила Лида. – Я думаю, что его главная цель не в том, чтобы сохранить как можно больше людей, а в том, что-

бы дать человечеству пинок для развития. А для этого его нужно объединить и не потерять при этом духовность. То человечество, которое было до взрыва, не смогло бы объединиться.

– Не хочется мне все странности приписывать действиям высших сил, – возразил Алексей. – Так можно вообще всё объяснить божьей волей. Видно же, что он сам по какой-то причине ни во что не вмешивается, а действует только через людей.

– Конечно, – согласилась Лида. – В этом случае он всё сделал руками китайских генетиков. В нашей реальности нормальных китайцев вообще не осталось. Не считать же нормальными тех мутантов, которые жрали каторжан. А об индийцах мы ничего не знали. Но если они сохранились, то совсем мало. Уж слишком много их было, к тому же треть – это мусульмане. Без кровавой междоусобицы не обошлось бы, а если правительству при этом не удалось сохранить контроль, то вообще тушите свет! Так что эти микробы немного поменяли, разве что нам не пришлось отваживать от своих границ миллионов сто китайских беженцев. С точки зрения любого человека, это мерзость, но он-то не человек! Не убедила? Ладно, рассказывай, куда ещё наведывались.

– Пока больше никуда. Автоматы посылаем, а люди полетят только в Штаты. Ну и завернут на Кубу. Мы обмениваемся сообщениями, но будет нелишним посмотреть самим.

– А что сейчас делать в Америке? – спросила Лида. – Там

же всё засыпано пеплом, а сверху ещё снег.

– Не всё там засыпано пеплом. На юге Техаса его почти не было. Там и сделаем базу, не сейчас, а года через три. Но меня больше интересуют некоторые города. Трясло их сильно и не один раз, но многое должно было уцелеть. Пепел мог разрушить только крыши и верхние этажи, а подземные могут сохраниться в неприкосновенности.

– Хотите пограбить?

– Грабят, когда у кого-то отнимают насильно. Мы приняли одиннадцать миллионов американцев, у большинства из которых с собой ничего не было. Считай, что это их наследство.

– Тебя интересует золото?

– Зачем нам сейчас золото? – удивился Алексей. – Его тоже как-нибудь заберём, и не столько вам на украшения, сколько для технических нужд. Но это не горит, пусть пока лежит там. Меня интересует другое, например, завод микроэлектроники в городе Чандлер. Информацию мы у них скачали, но сами долго провозимся. А если позаимствуем хотя бы часть оборудования, уменьшим время на производство новых процессоров в разы. А они у американцев лучше наших. Ну и ещё кое-что в этом же духе.

– Через месяц уже вторая годовщина извержения, – грустно сказала Лида. – Небо сероватое, но солнце светит вовсю, а я не вижу у людей радости. И вряд ли дело только в затянувшейся зиме. И наши такие же, хотя не потеряли близких.

На всём теперешнем поколении словно лежит печать Йеллоустона. Может быть, их дети это в себе изживут.

– Излишне драматизируешь, – не согласился муж. – Вернётся тепло, и мы снимем все ограничения. Понемногу люди оттают. Хотя нам ещё лет тридцать чистить мир и возродить его к жизни, так что, может, ты кое в чём и права.

– Лёш, а беженцев точно больше не будет? Эта бойня, которую устроили немцы... Мы не имеем к ней отношения?

– Косвенно мы в ней виноваты, потому что прекратили приём беженцев и всем об этом заявили. Многие поверили и решили умирать дома, а тем, кто не поверил и наплевал на предупреждения, помогли умереть немцы.

– Восточные или западные?

– Там были солдаты западных, хотя вряд ли сами немцы сейчас придадут значения идейным разногласиям. Их объединила общая беда. А стреляли потому, что беженцы пошли в их города. Фактически они выполнили за нас всю грязную работу. Мы не можем строить стену на границе или её минировать. И что остаётся? Стрелять? Вот дали тебе автомат и приказали стрелять в толпу людей, вся вина которых в том, что они хотят жизни для себя и своих детей. Стала бы ты это делать? Тебе сто тридцать лет, даже больше, а у нас в армии мальчишки. Мы ведь перекрыли границу с Финляндией, не используя солдат. Точнее, перекрываем сейчас. Граница тянется на тысячу триста километров, но тысячу можно не учитывать. На север никто не пойдёт, особенно сейчас.

– Если не солдаты, то что?

– На расстоянии ста метров одна от другой устанавливаем стационарные лазерные установки. Наводятся и стреляют на движение взрослого человека. Ребёнок пройдёт, если будет идти один. Всех постоянно предупреждаем по радио и передали письменно в Хельсинки. Пока соблюдают договор и к нам не идут, вот только надолго ли их хватит?

– Три тысячи установок! Когда закончите?

– Через два месяца.

– Мне расхотелось с тобой разговаривать, – встала с дивана Лида. – Когда-нибудь люди обо всём узнают. Понять они смогут, простят ли?

– Мораль и действия правителя и обычного человека сильно отличаются! – сказал муж. – Разница в мере ответственности и цене ошибки. Они несоизмеримо разные, поэтому и руководствуемся мы разными мотивами. Мне не всё равно, что обо мне скажут или подумают люди и какая останется память. Но я не знаю, как можно спасти народ, который я считаю своим, не пожертвовав при этом чужими. И я не рвался на эту работу.

Он ушёл к себе в кабинет, включил лампу на столе и сел в кресло. На душе было гадостно и тоскливо. Жена сейчас выплакалась бы, у него это не получалось. Алексея давил гнёт ответственности, и сознание того, что он спас сотни миллионов жизней, не снимало вины за то, что приходилось делать. Рассудком он понимал, что прав, что ничем не обязан

тем людям, которые проклинали его, падая от немецких пуль под Мюнхеном в красный от крови снег, но душу жёг стыд. И Алексей ненавидел того, кто дал ему долгую жизнь и заставил нести этот крест. Нельзя столько взваливать на одни плечи! До сих пор жена поддерживала во всём, сегодня он впервые почувствовал её отчуждение. Она всё понимала, но это было рассудочное понимание, сердце такого не принимало. И от этого было ещё больней. Он знал многих, которые не хуже выполнили бы его работу, не испытывая при этом больших терзаний. Тогда почему он? Ладно, последуем совету древних и не станем терзаться там, где от этого нет толку... По крайней мере, попробуем. Он мысленно дал себе ещё пятнадцать лет. Надо их как-то вынести, а если его не освободят и после этого, он освободится сам.

* * *

– Третья воронка, – сказал Пётр, – и полно бронетехники. Чья это, арабов или Израиля?

– Арабская, – ответил Олег. – Притормози разведчика.

Летевший в двухстах метрах над землёй «Невидимка» резко сбросил скорость. На большом панорамном экране проплывала покрытая снегом земля, на которой виднелись воронки и сгоревшие танки и бронемашины. Повсюду лежали припорошенные снегом тела.

– Неплохо поработала авиация Израиля, – сказал Пётр. – Уже двадцать километров одно и то же. Смотри, обломки самолёта. Это точно израильский. Ещё один, а здесь сразу

два.

– Их сняли электромагнитной пушкой. Небольшой шарик на трёх километрах в секунду прошьёт самолёт насквозь, а когда их тысячи, не увернёшься. Мама моя!

«Невидимка» перелетел гряду холмов, и их глазам открылась долина, забитая боевой техникой.

– Не меньше тысячи единиц, – оценил на глаз Пётр. – А это уже израильские танки. У них намного длиннее стволы. Сколько же здесь всего! И многие машины не имеют заметных повреждений. У них же была защита от химии?

– Этот тип танка герметизирован, – ответил Олег, – газы ему по фиг. Здесь было что-то другое. У арабов были нейтронные заряды? Уровень радиации опять скакнул.

– Думаешь, взорвали над ними? Надо проанализировать характер излучения. А фон всё время скачет. Сбрось скорость, сейчас будет столица. Вот она. С виду целая.

– Толку-то. Тел на улице мало, но они есть. Раз не убрали, значит, это некому делать. Наверное, когда закончилось пища, остались в домах.

– Если не считать Ирана, весь регион вымер, – подвёл итог Пётр. – Давай покружим над городом, может, остались живые.

* * *

Два «Ковчега» поднялись с аэродрома Гаваны и, набирая скорость, полетели в сторону Техаса. Один из них должен был забрать тела погибших американцев для захоронения у

подножья монумента памяти. Девяностометровая, облицованная гранитом игла монумента была уже готова, а до второй годовщины извержения оставалось пять дней. У экипажа второго экранолёта, на котором летел Джед Уолш, было другое задание. Надо было посетить завод, производивший микропроцессоры, и оценить степень сохранности его оборудования. От Гаваны до нужного им Чандлера было четыре часа полёта, и Виктор Сивцов, которого дали в напарники, уже спал. Посмотрев на русского инженера, Джед решил последовать его примеру. Их обоих разбудил один из десантников.

– Просыпайтесь, парни! – сказал он. – Минут через пять прибываем. Под нами уже Аризона.

Драки не предвиделось, но десантники забирались в свои чудовищные скафандры, делавшие их похожими на киборгов из американских фильмов. Джед выглянул в иллюминатор и увидел метрах в трёхстах внизу покрытую снегом равнину. Быстро промелькнул небольшой городок, и через несколько минут полёта вдали показались небоскрёбы Чандлера. «Ковчег» подлетел к отдельно стоявшему зданию в тридцать этажей и стал опускаться. Воздух турбин сдул снег и поднял в воздух тучу вулканической пыли. Когда «Ковчег» мягко сел на шасси, видимость снаружи была нулевая.

– Ждём, – сказал им бывший старшим в десанте майор. – Пыли не очень много, и она быстро осядет, а до вечера ещё далеко.

Минут через двадцать инженеры, надев маски, вышли из «Ковчега» следом за десантниками.

– Часть стёкол вылетела, – сказал Виктор, показав на кучу битого стекла вокруг здания. – Наверное, разбились при землетрясении.

– Плевать, – отозвался Джед. – Нужное нам оборудование на минусовых этажах. Там всё должно сохраниться, если не прорвало водопровод или не замкнула проводка, пока было электричество. Фонарь взял? Ну и пойдём. Некого здесь опасаться. В здании полно пыли, на ней любой оставит следы. Вот и посмотрим.

Пыли действительно было много, но в вестибюле никто не наследил. Людей видели, но лежавших уже два года замёрзшими у одной из наружных дверей. Инженеры нашли лестницу и стали спускаться, подсвечивая себе фонариками. Десантники с ними не пошли, остались наверху и слушали Виктора, пока не прервалась связь. Результаты проверки обрадовали: оборудование на пяти этажах выглядело неповреждённым, и нашли большой склад готовой продукции.

– Это мы заберём, – сказал Виктор, оглядывая штабель коробок с процессорами. – Нужно вытряхнуть наших храбрых десантников из их скорлупы, и пусть таскают.

– А тел здесь нет, – заметил Джед. – Наверное, после землетрясения все выбежали наружу, там их и накрыло. Ладно, пошли быстрее. Нужно управиться до вечера.

Десантники не стали раздеваться, поступили проще. По-

могая друг другу, они сняли со скафандров оружие, сразу став в два раза меньше. Но килограммов сто каждый нёс, как пушинку.

– Больше не можем, – отмахнулся один из них от Джеда. – Нужно правильно распределять вес, а то можно перевернуться. Это долго, нам проще лишний раз сбегать.

За пять часов хождений вверх-вниз очистили склад, заставив в «Ковчеге» коробками всё свободное пространство. Оставили лишь узкие проходы. Командир экипажа с неодобрением смотрел на этот бардак и, как только закончили, сразу же взлетел.

– Готовьте карманы для премии, – сказал десантникам Виктор. – По моим прикидкам, забрали не меньше двух миллионов процессоров. Руководство оценит.

– Толку от этой премии! – проворчал Джек. – Она пятнадцать лет будет лежать на счёте.

Ворчал он для порядка, на самом деле радовали и премия, и то, что пришли и просто так забрали ценный груз. Было в этом что-то волнующее. Наверное, подобные чувства испытывал один из его предков, который, по семейным приданиям, был пиратом и потрошил купеческие корабли.

В другие здания не заходили. Десантники прошли по одной из улиц и, встретив на перекрёстке десяток сгоревших автомобилей и лежавшие повсюду тела, повернули обратно. Мёртвый город давил на сознание, поэтому все были рады переключиться на переноску коробок. С ещё большей радо-

стью улетели бы сразу после осмотра, но не хотелось бросать находку.

– Пепла сантиметров пять, – сказал Виктор Джеду. – И это в полутора тысячах километров от вулкана. А в пятистах его уже с метр. Учёные умудрились как-то оценить это по фотографиям со спутника. Там все здания сложились под его весом, как карточные домики. Представляешь, что будет, когда потеплеет и пойдут дожди? Собрать бы эту пыль и сбросить обратно в Йеллстоун. Там сейчас озеро лавы в десяток квадратных километров. Сожрёт и не подавится, только это сумасшедшая работа на десятки лет.

Глава 34

– Господин Горин, – обратился к директору вошедший в кабинет замбиец, – опять припёрлись соседи. Хотят с вами говорить.

– Хорошо, Мукула, – вздохнул, поднимаясь из-за стола Василий. – Хотят говорить, значит, поговорим. Поедешь со мной. Скажи Давиду, чтобы подогнал машину.

Когда он вышел из правления, у крыльца уже стоял «рено», за рулём которого сидел молодой замбиец из народности тонго. О том, что он тонго, Василий узнал от самого шофёра, он не разбирался в этих тонкостях, хоть и жил здесь уже полгода.

– Опять на посиделки с ангольцами? – спросил подошедший Свен. – И опять без меня! Оторвут вам когда-нибудь голову, Василий, а всё остальное съедят. Я еду с вами. Мукула, пересаживайся к Давиду.

Здоровенный швед уселся рядом с Гориным и расстегнул кобуру.

– Сделайте так же, – посоветовал он директору. – Никто не заставляет вас стрелять, но метатель будет под рукой, и собеседники не станут наглеть.

Их овощной совхоз находился в сотне километров от заброшенного сейчас Монгу, и до границы с Анголой было километров тридцать или сорок. Точно никто не мог сказать

из-за отсутствия самой границы. До ангольцев ехали минут двадцать по недавно асфальтированной дороге, идущей мимо бесконечных рядов плёночных теплиц.

– Хоть нет пыли, – проворчал Свен. – Нужно быстрее асфальтировать дорогу к посёлку и за теплицами. Сегодня опять пришлось гонять антилоп. Тянет их из заповедника Лиува к нашей капусте как магнитом. Может, огородим совхоз, как думаете?

– Потом поговорим, – сказал Горин. – Приехали, вон они стоят.

Пришедших было шестеро: пять мужчин и одна молодая женщина. Женщиной она была по местным меркам, для Василия Евгеньевича это была тринадцатилетняя девчонка. Но для африканки очень даже славная. Понятно, что её привели менять на овощи. Вперёд вышел самый крупный из мужчин и что-то сказал. Лицо у него тоже было самое круглое.

– Это их вождь, – начал переводить Мукула. – Он мбунду, их язык похож на бемба, а английского он не знает, только португальский. Врёт, наверное. Видно, что бывший военный и людоед. Вон морда какая круглая!

– Ты переводи то, что он говорит! – недовольно сказал Василий. – Твоим мнением я поинтересуюсь потом.

– Он пожелал мира вашему дому и просит забрать их всех к себе вместе с землёй. Электричества нет, а без него не ездят машины, а дичь убежала далеко, да и патроны закончились. Осталось только есть людей, но они не хотят. Точно

врёт! И ещё он говорит, что плохо, что у вас нет женщины. У мужчины без неё холодная постель и жестокое сердце. Эту девчонку они дарят вам просто так, но не откажутся от капусты. Говорит, что она не тронута мужчиной и в ней нет заразы.

Вождь что-то сказал девчонке и толкнул её к Горину. Та подбежала к машине и вцепилась директору в руку.

– Скажи, что капусту сейчас привезут, – вздохнув, обратился Василий к своему переводчику. Вдыхал он потому, что эта малышка была уже третьей.

Мукула перевёл, а девица поняла, что её не прогоняют, просияла и, открыв дверцу, забралась Горину на колени. И не прогонишь: другого места в машине не было.

– Поехали! – приказал он шофёру. – А эти пусть ждут. Сейчас высадишь нас возле дирекции, а девушку отвезёшь ко мне домой к остальным. Мукула, скажи ей, что сейчас отвезут в мой дом, а позже осмотрит врач. И добавь, чтобы не ёрзала у меня на коленях, соблазнительница хренова.

– Что будете делать со своим гаремом, Василий? – спросил Свен, когда зашли в директорскую. – Это вы считаете их девочками, они сами думают иначе. Доиграетесь, что вас дружно изнасилуют. И с этими побирушками нужно что-то делать. У соседей, кстати, то же самое, и это только ближние. А что начнётся, когда и остальные узнают, что здесь кормят?

– И что вы предлагаете, Свен? – спросил Горин. – Взять ещё и этих, а следом за Анголой и всю Африку?

– Зачем нам Сахара? – усмехнулся Свен. – Да и египтяне с арабами не нужны, как бы мало их ни осталось. А вот всё южнее Сахары я забрал бы. Населения там с гулькин нос, а потенциал огромен. Свою государственность они создадут через сто лет, а пока будут жрать друг друга. Вы же не станете отрицать, что здесь все сильно отстали в развитии? Ни французы, ни англичане ими толком не занимались, а сейчас выбиты все горожане, которых с натяжкой можно отнести к цивилизованным людям. Если вылечим жалкие остатки населения, приставим их к делу и обеспечим нормальную жизнь, они поставят нам памятник! Уже сколько поколений чернокожих жили в голоде и болезнях, они и не знают другой жизни. А люди, в общем-то, неплохие, если ими нормально управлять.

– Я слышу это от вас, Свен, уже в десятый раз! – отмахнулся Горин. – Бремя белого человека и всё такое... Только это решать не нам с вами. И не говорите больше, пожалуйста, про гулькин нос! Где только подцепили? Эту фразу уже забыли и русские, а вы с вашим акцентом... Честное слово, смешно.

– Мне нравится, – невозмутимо ответил Свен, – а вы можете смеяться. Смех – это хорошо. Вы же знаете, Василий, что я на вас не обижаюсь. А министру позвоните. Это добром не кончится. Если за что-то берешься, нельзя останавливаться на полпути.

* * *

– Алексей Николаевич, – соединился секретарь. – Подошёл Прохоров.

– Пусть заходит, – распорядился Самохин и ответил на приветствие вошедшего председателя агропромышленного комитета: – Здравствуйте, Ростислав Александрович! Как слетали? Как там Африка?

– Жаждет нам отдаться, – сказал Прохоров, садясь на предложенный стул. – Все директора в один голос твердят о наплыве населения из сопредельных стран. Наплыв – это преувеличение, но пришлые мешают всем, кроме тех, кто далеко от границ. Нужно или как-то закрывать границу, или забирать себе все соседние государства. Местное население только «за», лишь бы помогли наладить нормальную жизнь. Я прикинул наши ресурсы...

–Продолжайте, Ростислав Александрович, – вздохнул Алексей. – Что замолчали? Всё это было ожидаемо, правда, я думал, что случится годом позже. За пять лет после извержения все народы этого континента оказались отброшены в дикость и так сильно сократились в численности, что иные уже не назовёшь народом, только в Алжире сохранилось подобие государства, и их там больше пяти миллионов. Но это север Африки, да ещё ислам, так что мы не будем туда соваться. Вот соседей Замбии заберём. Там восемь государств, в которых треть плодородных земель континента, а населения осталось только пятнадцать миллионов. И половина его прячется и выйдет на нас очень нескоро, так что не придётся

сильно напрягаться. Пока не встал вопрос чистки части американской территории, у нас есть время и ресурсы, и мы всё это используем. На своих землях ничего не вырастим раньше чем через десять лет даже по самому оптимистичному сценарию, а там можно обеспечить едой и нас, и африканцев. А года через три-четыре избавимся от плёнки и продовольствия будет намного больше наших потребностей. Вся Европа не вымрет, и мы поможем тем, кто продержится самое трудное время. Это не потребует больших усилий и пойдёт нам в актив. Начинайте прорабатывать этот план с привлечением всех необходимых министерств.

– Алексей Николаевич, к вам товарищи из Третьего комитета, – сообщил секретарь. – Вы назначали им на четырнадцать.

Третий комитет при Совете министров занимался Северной Америкой.

– Пусть заходят, – ответил Самохин. – Мы с Прохоровым уже закончили.

Вошли трое мужчин, один из которых был председателем комитета. Все поздоровались и заняли места за столом.

– Охарактеризуйте вкратце состояние текущих дел, – попросил Алексей, – а потом расскажите, что придумали по очистке. Кто начнёт?

– Давайте начну я, – сказал председатель. – Первым этапом у нас было создание баз в штатах Калифорния, Техас, Джорджия и Пенсильвания. Всё это успешно выполнено.

Под базы использовались готовые строения, их только очистили и отремонтировали. Поблизости от каждой запустили по одному реактору. Они питают только базы, зарядные терминалы для «Ковчегов» и оборудование бригад, которые сейчас чистят прилегающую к базам территорию. На базы уже переброшены десантники и тяжёлая техника. В планах был ремонт ограждений границы с Мексикой, но мы считаем, что этим не стоит заниматься. Все уцелевшие мексиканцы, по данным Первого комитета, собрались в четырёх южных штатах и стараются держаться подальше от границы с Северной Америкой. Центральной власти давно нет, её заменили несколько враждующих между собой мафиозных кланов. Ну и города Мерида, Вильяэрмоса и Тустла сохранили видимость жизни и независимости. Из ста двадцати трёх миллионов человек осталось около двадцати. По оценке экспертов, к теплу эта численность уменьшится вдвое. Поэтому население Мексики ничем не помешает, а если какой-то из кланов заинтересуется нашим присутствием, с ним можно не церемониться. Мексиканская граница, так же как и морские границы Штатов, постоянно контролируется спутниками. Теперь по нашим собирателям. Перед нами поставлены две задачи. Первая из них – это очистить территорию США от всего оружия массового поражения и демонтировать химические и биологические лаборатории, в которых велись работы по военной тематике. Срок окончания – конец пятидесятого года. Работы только начались, и в некоторых местах

сильно мешает толстый слой пепла, но времени ещё много, и я не вижу причин для срыва сроков. Вторая задача не менее масштабная и по срокам совпадает с первой. Нам нужно демонтировать и вывезти к себе уникальное технологическое оборудование с пяти сотен предприятий, а также запасы драгоценных металлов и стратегического сырья. Эта работа успешно ведётся уже третий год. Большие сложности возникают только там, где лежит толстый слой пепла. Мало того что мешает сам пепел, из-за него почти полностью разрушены все строения, которые образуют сплошные завалы. Но сил и средств привлечено много, опыт этих работ уже тоже немаленький, поэтому и здесь должны закончить вовремя. У меня всё, а по очистке доложит наш главный специалист. Пожалуйста, Фёдор Борисович.

– Со сбором пыли ничего не получается, – начал Дробышев. – Её оценочная масса на территории Соединенных Штатов приближается к триллиону тонн. Можно создавать летающие пылесосы на базе «Ковчегов», но потребуются две тысяч машин и пятьдесят лет непрерывной работы. И технически невозможно собирать такие объёмы пыли, не захватывая поверхностный слой почвы. Поэтому её уберём только там, где мешает и лежит слоем в несколько сантиметров. Это побережье Калифорнии, южная часть штата Техас, Луизиана, Миссисипи, Алабама, Джорджия, Орландо, Флорида и Майами, ну и всё Восточное побережье США с удалением от береговой черты на расстояние от ста до трёхсот ки-

лометров. Территория шести штатов полностью или частично залита лавой, а толщина выпавшего пепла местами превышает два метра. С потеплением дожди будут постепенно смывать часть пепла в водоёмы. Процесс очищения займёт двести лет, причём весь пепел не смоет. Запланированные работы позволят жить на очищенных территориях и вести на них хозяйственную деятельность. Только первые десять лет нужно носить маски. При проведении всех работ попутно занимаемся захоронением тел. Везде, где получится, эту работу закончим до тепла. Там, где лежит толстый слой пепла, тела извлекать не станем, без его уборки это нереально сложная задача.

– Я думаю, что и озвученный вами объём работ слишком велик, – сказал Алексей. – Вложим сумасшедший труд и не сможем полноценно пользоваться землёй. А у нас её свободной на сотни лет вперёд. Очистим только южные штаты, а Восточное побережье не тронем. Природа напакостила, пусть сама работает над очисткой, а у нас с вами много других дел. Когда будет готова конструкция очистителя?

– Месяца через три, раньше не успеем, – ответил Дробышев. – По расчётам, их нужно не меньше ста.

– Лет за десять сделаем, – сказал Алексей, – так что до тепла они у вас будут. А вас жду с подробным проектом. Сколько нужно времени? Месяц? Вот через месяц и приходите.

После ухода комитетчиков он некоторое время о чём-то думал, а потом набрал на коммуникаторе код. Ждать отве-

та пришлось минут пять. На экране появилось изображение мужчины лет шестидесяти, с почти седыми волосами и густыми кустистыми бровями. При виде Алексея он изумлённо застыл.

–Здравствуйте, ваше превосходительство! – поздоровался Самохин. – Не стоит так удивляться моему звонку. Просто возникла возможность вам помочь.

– А она не могла возникнуть раньше? – спросил собеседник.

Наверняка в вопросе была горечь, которая исчезла при переводе.

– Значит, не могла, – ответил Алексей. – Я всё-таки не Бог, с которым меня иногда путают. Когда я всё расскажу, сами поймёте. Но сначала два вопроса. Сколько вас осталось и насколько вы контролируете ситуацию?

– Три миллиона с небольшим, – ответил президент Португалии. – Пока есть нефть и газ, постараюсь сохранить тех, кто остался. Сидим только на тех продуктах, которые производим сами, все запасы съели два года назад. Думаю, что продержимся года два.

– Я могу предложить кое-что получше, – сказал Алексей. – Мы немного прибарахлились и забрали себе часть Африки. У нас настоящее тепло будет только лет через пятнадцать, у вас – немного раньше, но вы до него не дотянете. Мы уже год выращиваем в Замбии под плёнкой сотни тысяч тонн овощей, и их производство постоянно увеличивается.

– И вы хотите предложить нам в этом поучаствовать?

– Лучше, сеньор Барбоза. Я хочу отдать вам в аренду Мозамбик. Мы могли бы заняться сами, но очень много более важных дел и нет надобности в таком количестве продовольствия. Слушайте, что я предлагаю. Жителей в Мозамбике осталось меньше миллиона, и они небольшими племенами рассеяны по всей стране или ушли к соседям. Кто сейчас соблюдает границы! Вам нужно их собрать и пристроить к делу. При этом не должно быть никакого принуждения. Да вам оно и не потребуется, достаточно предложить им продовольствие.

– И где я его возьму? – спросил президент. – Отниму у своих? Или вы дадите?

– Дам, – кивнул Алексей. – До первого урожая для ваших людей и мозамбийцев еда у вас будет. Дадим плёнку, каркасы и семена и поделимся опытом. Я выделяю вам два десятка экранолётов, каждый из которых возьмёт на борт две тысячи человек или пятьсот тонн груза. Со сменными экипажами они смогут летать непрерывно, а зарядку накопителей мы обеспечим, пока вы не запустите электростанции в городах. Дадим и немного техники, но больше ориентируйтесь на ручной труд. Вы вполне сможете перебросить туда миллион своих соотечественников и помогать остальным продовольствием. Но есть и условия. Там сохранилось мало животных, поэтому постарайтесь обойтись без мяса. У вас будет обширное побережье и должны сохраниться суда, вот и попробуйте

ловить рыбу. Второе условие касается темнокожих. Никакого насилия и притеснений. Они работают – вы их кормите и помогаете с жильём. Одновременно с этим займитесь их оздоровлением. Мы всё это проверим. Если что-то не получится сделать самим, обращайтесь к нам. Мозамбик отдаём не насовсем, а на тридцать лет. Детей у них сейчас практически нет, но если будут жить нормальной жизнью, будут и дети. Тогда поговорим о том, как их учить.

– Можете сказать, зачем они вам нужны? – спросил президент. – В такое время возиться с чёрными!

– То, что мы берём под свою руку земли в Африке, не означает, что не признаём прав населяющих их народов, – сказал Алексей. – После катастрофы останется не так много людей. Тысячи лет народы дрались за право распоряжаться этой планетой. Так получилось, что это право вскоре без драк окажется у нас. И я не хочу быть тем, кто начнёт решать, кто лучше, а кто хуже, кому жить, а кто этого недостоин. Помогать, направлять и контролировать, создавая единое человечество – это я могу принять, но править всеми народами для пользы своего... Для этого я не стал бы тратить сто лет своей жизни.

– Он выбрал достойного! – сказал президент. – Я со всем согласен. Когда мы сможем начать?

– Можете считать, что мы договорились, – сказал Алексей. – Готовьте первую партию в двадцать тысяч человек. Хорошо, если среди них будут агрономы. Обязательно пошлите

несколько сотен солдат. Пусть будут вооружены, но оружие используют только в крайнем случае. Нам нужно несколько дней, чтобы забросить для вас всё необходимое на первое время. Потом с вами созвонятся. Завтра утром в Лиссабон вылетит «Ковчег» за группой ваших специалистов. Подберите сотню толковых администраторов, и мы покажем им, как налажено дело в Замбии.

– Вы обратились только к нам? – спросил президент.

– Вы первый, к кому мы обратились, – ответил Алексей. – Попробуем такой же вариант с Бельгией. В Конго французский язык, им подойдёт. И они, как и вы, ещё держатся.

– Что это ты сегодня такой весёлый? – спросила вечером Лида. – Сделал доброе дело?

– Ты, как всегда, угадала! – засмеялся муж. – Отдал в аренду европейцам две не принадлежащие нам африканские страны. И африканцам хорошо, и европейцам здорово. А мы их таким образом закрепили за собой де-факто и получим назад через тридцать лет уже обустроенными. Да и португальцы с бельгийцами теперь никуда от нас не денутся. Менталитет такой у европейцев – смотреть в рот самому сильному, а нам они теперь обязаны жизнью.

– Специально подобрал самых слабых? – спросила Лида. – Немцам, наверное, землю не предложил?

– Правильно понимаешь. Не будем так усиливать немцев.

– Лёш, – Лида подошла к мужу, села рядом и обняла. – Ты ничего не почувствовал в последнее время?

– А что я должен был почувствовать? – спросил он, удивлённый и этим вопросом, и её нежностью.

– Не знаю, как тебе объяснить, но сегодня днём я почему-то твёрдо уверилась в том, что смогу стать матерью. Это точно была не моя мысль, я сама уже, наверное, этого не хочу. Я ведь, в сущности, старуха. Странно, что он тебе ничего не сообщил.

– Ну что же, – задумчиво сказал Алексей, – такое не может не радовать. Во-первых, это признание того, что мы сделали своё дело, что всё уже утряслось и это необратимо. Во-вторых, как мне кажется, это конец нашей противоестественной молодости. Теперь мы с тобой должны повзрослеть, состариться и помереть, как все нормальные люди. Ну и дети... Я не понял из твоих слов, хочешь ты их или нет? У нас ведь в любом случае впереди ещё лет семьдесят жизни. Доведём всех до тепла и отдадим власть в достойные руки. И что дальше? Дело-то мы себе найдём, но жить опять только вдвоём? Может быть, найдём в себе силы? Отправлю тебя в декрет, бросишь, к чёрту, работу...

– Звучит заманчиво, – засмеялась она. – Не насчёт декрета, а насчёт работы. Как я от всего устала!

– Нельзя устать от того, с чем не имела дела, – возразил он. – Это я о детях, если не поняла. Кто-то не так давно рассказывал мне о сюсюканье и зависти. Врала?

– Ладно, убедил. – Она поднялась с дивана. – Пойдём в спальню. У меня такое чувство, что тебе не придётся долго

трудиться.

– Ну нет! – Алексей встал и взял жену на руки. – Дети должны делаться не в трудах, а в любви! Когда я любил тебя в последний раз?

– Уже не помню, – засмеялась Лида. – Когда-то давно!

– Значит, скопил немало сил! Сейчас буду исправляться, а если перестараюсь, освобожу тебя завтра от работы!

* * *

– Сколько вы планируете запусков? – спросил председатель Первого комитета начальника австралийского сектора.

– Пока хотя бы один, Борис Игнатьевич, – ответил Бармин. – Задача слежения за Австралией входит в число приоритетных, а у нас не летает над ней ничего серьёзного. Нам нужны не наскоки «Невидимок», которые всё-таки поддаются обнаружению, а несколько спутников с качественной оптикой. Если применим «Гамму», их можно развесить за один полёт. А несколько «Гамм» остались со времён до извержения. И спутники есть, нужно только их проверить и, может быть, кое-что заменить.

– А космодром?

– Всё равно им будут заниматься, почему не сейчас? Обратитесь в правительство, Борис Игнатьевич! Эти работы включены в планы на следующий год. Может, изыщут возможности перенести сроки? Австралийцы начали противодействовать нашим разведывательным операциям, и это явно не просто так. А у них в Шестом флоте много всякой га-

дости. Или дешевле опять сажать на боевое дежурство уйму народа?

– Ладно, попробую, – согласился Катаев. – Заодно поговорю с адмиралом Васильевым по поводу вашей операции «Изъятие». Какой умник придумал название? Беляков? Скажи, что из-за своего юмора останется без месячной премии. Что скалишься? Вот как работать, когда не можешь толком наказать подчинённых? Ладно, иди, я потом сообщу о результатах.

* * *

– Сергей Владимирович, ко мне должны прийти маршал Брагин и адмирал Васильев, – передал Алексей по коммунсекретарю. – Как только появятся, пусть сразу же заходят.

Через полчаса министр вооружённых сил и главком ВМФ сидели в его кабинете и пили чай, который принесли из секретариата.

– Вас можно поздравить? – спросил Алексея Брагин. – Я не слышал в новостях, но о беременности Лидии Владимировны говорят все.

– Зачем нужны информационные системы, если и без них моментально разносятся слухи? – улыбнулся тот. – Ладно, поздравление я принял. Теперь говорите, с чем пришли.

– Умники из Первого комитета предложили избавить австралийцев от попавшего в их руки оружия, а меня – от головной боли, – улыбнулся маршал. – У нас из-за него по-прежнему не законсервирована треть сил стратегической

обороны. Я оставляю вам модуль памяти с записью их разработок по операции «Изъятие».

– Ну и название, – хмыкнул Алексей. – Их или ваше?

– Их, конечно, – засмеялся Брагин. – Мы не опускаемся до такого цинизма. У нас половина оружейных систем носит названия цветочков. По моему мнению, операция осуществима, хотя и потребует много сил и средств. В первую очередь нужно повесить над Австралией три-четыре спутника с телескопами, чтобы взять её под плотный контроль. Австралийцы оказывают противодействие нашим воздушным средствам разведки, да и нельзя их использовать для флота: сразу привлечём внимание.

– Сбивают «Невидимки»? – нахмурился Алексей.

– Нет, так не наглеют, – ответил Брагин. – Создают мощные радиопомехи. Не удаётся управлять «Невидимками» и передать с них информацию. Можно, конечно, выполнять полёт по программе, но это снижает наши возможности и замедляет получение информации. И ничего не скажешь: это их право.

– Насчёт спутников не возражаю, – сказал Алексей. – Мы хотели заняться космосом, вот и начнём и заодно приведём в порядок космодром. А что предлагают по флоту?

– Скрытый поход наших атомных многоцелевых подлодок в порт Сиднея, – ответил Васильев. – Атомное и химическое оружие есть на борту двадцати трёх кораблей и пяти подводных лодок, по крайней мере, раньше оно там было.

Но наши специалисты считают, что стратегические носители не демонтировали. Для большинства систем это сложно сделать, особенно без специалистов. Вот тактическое оружие могли и снять. Предлагается первым этапом минирование боевых кораблей как Шестого флота, так и военного флота Великобритании. Потом высаживаем на них свои десанты и обезвреживаем охрану. Раньше она была немногочисленная, вряд ли с этим что-либо изменилось. Спутники покажут точно. Ну а дальше просто выводим из строя всю электронику и демонтируем боеголовки. Для того чтобы сделать это быстро и качественно, потребуется десяток подлодок. Возьмём с собой англичан и американцев, которые служили на кораблях. Если что-то не удастся выполнить, корабль топим. Если всё выполним тихо, снимаем минирование и уходим. Нагло, но если хорошо подготовиться, должны выполнить чисто. На всякий случай прикроем операцию из космоса орбитальными лазерами. Надо подтянуть их в нужный район. Австралийцы нарушили договор с правительством Великобритании, а со Штатами не было никаких соглашений, поэтому эти боевые корабли им не принадлежат. Если бы они не вмерзли в припай и не минирование портов их можно было бы просто угнать.

– Если устраним угрозу, сможем как минимум на тридцать лет законсервировать все оборонительные системы, – добавил Брагин, – да и вообще сильно сократим моё хозяйство. А это тоже резервы, и немаленькие.

– Начинайте детальную проработку операции, – решил Алексей. – Только поменяйте это циничное название на что-нибудь другое. Ещё не все цветочки использовали?

* * *

– Говорит флагман, – сказал адмирал Таганцев. – Первая линия, доложите обстановку.

– Флагман, говорит «первый». Нахожусь в акватории порта. Никаких мин не обнаружил.

– Говорит «второй». Товарищ адмирал, мины, наверное, выдуманы австралийцами. В зоне действия аппаратуры чисто. Прибыл в расчётную точку.

– Говорит «третий». У нас мин тоже нет. К операции готовы.

– «Первому», «второму» и «третьему» выпускать десант, – отдал приказ Таганцев. – «Седьмому» буксировать платформу, остальные остаются на своих местах. «Первый», какая толщина льда у кораблей?

– Около полуметра, – ответил капитан подлодки, которому в операции присвоили первый номер. – «Манты» прорежут лазерами. Выпускаем десант.

На нижние десантные палубы трёх уже находившихся в порту подводных лодок забежали одетые в скафандры бойцы. Они по двое забирались в модули «Мант» и переходили на автономное дыхание. Каждая лодка несла десять таких модулей. Когда все передали сигнал готовности, палубы начали заполняться водой. Разошлись створки обшивки, и

три десятка плоских аппаратов, похожих на гигантских ска-
тов, быстро поплыли по пеленгу каждый к своей цели. При-
близившись к нужному кораблю, «Манта» принимала почти
вертикальное положение, и носовым инфракрасным лазером
вырезала во льду круг диаметром три метра. После этого
один из десантников покидал модуль и вручную крепил к
вырезанной льдине трос. Сдав назад, «Манта» вводила вы-
резанный кругляш за собой и оставляла его подо льдом. Че-
рез десять минут после начала операции в темноте ночи воз-
ле выбранных кораблей застыли в готовности шестьдесят де-
сантников. По команде они подбежали к кораблям и, как та-
раканы, полезли по бортам наверх, не производя при этом
шума. Специальные накладки из губчатой резины с электро-
магнитами, закреплённые на руках и ногах, позволяли быст-
ро перемещаться по стальной обшивке, поочерёдно подклю-
чая нужные магниты к накопителю на поясе. Очувившись
на палубе, они избавились от магнитов и взяли в руки из-
лучатели. Короткий импульс радиоизлучения блокировал у
незащищённого человека передачу сигналов в нервной тка-
ни и ненадолго приводил его в коматозное состояние. Бо-
лее длительное воздействие убивало. Один из десантников
работал излучателем, другой страховал его с автоматом бес-
шумной стрельбы. Для ориентировки использовали инфра-
красное оборудование, подсвечивая себе фонарями. Как по-
казало спутниковое наблюдение, охранников было немного
и они редко покидали каюты. Их легко повязали, только на

авианосце пришлось немного напрячься. Через полчаса подлодки высадили на лёд полторы сотни технических специалистов, служивших раньше на захваченных кораблях. Электронное оборудование уничтожили быстро, с оружием провозились намного дольше. Тактические носители спускали на лёд и опускали в проделанные проруби, а под водой их цепляли тросами «Манты» и буксировали к огромной подводной платформе, на которой они и крепились. Со стратегических носителей снимали боеголовки, которые точно так же отправляли под воду. Напоследок вывели из строя все «Гриффы», находившиеся в ангарах второй палубы авианосца. Эвакуация прошла спокойно, а самыми последними ушли боевые пловцы из флагманской лодки. Они в самом начале поставили на днища всех нужных кораблей магнитные мины, а уходя, их сняли. Тяжело гружёная платформа вытравила часть воды из цистерн и всплыла над дном, после чего седьмая подлодка потянула её на буксире к выходу из порта. Пять подводных лодок из десяти так и не приняли участия в операции.

Через девять часов, в пять утра по Москве, Алексея разбудил сигнал комманды. Набросив халат и чертыхаясь по поводу того, что не заблокировал связь, он подошёл к столу и ответил на вызов.

– Как это понимать? – не здороваясь, спросил Джек Кендал.

– Вы о чём? – сказал Алексей. – Об оружии? Не могли

позвонить чуть позже.

– Вы нарушили своё слово! – зло сказал премьер-министр. – Ночью, по-воровски...

– Послушайте, Кендал! – перебил его Алексей. – Помните наш разговор? Если нет, я могу включить запись. Вам отдали корабли, об оружии не было разговора. Вы наплевали на договор с Великобританией, поэтому не имеете никакого права на их флот. То же и с американцами. Я отдал корабли, поэтому мы их не тронули, но всю дрянь с них сняли. А действовали ночью исключительно для общего спокойствия. Не могли мы оставлять это оружие, оно вам совершенно не нужно. С кем вы собрались воевать? С нами?

– Почему именно с вами?

– Так больше не с кем. Через двадцать лет в нашем государстве будет пятьсот миллионов человек. Хорошо, если всех остальных наберётся ещё триста. И большинство, скорее всего, придёт к нам, те же немцы. Европа фактически наша, Северную Америку мы заняли, почти всю Африку – тоже. И Азия наша, за исключением той её части, где ещё долго нельзя жить. И кто остаётся? Иран и вы. И вы нам не противники. Фактически, Кендал, всё человечество – это и есть мы! Мы будем терпеливо работать с теми, кто выжил, помогая и приглашая присоединиться к нам. И большинство присоединится, потому что малые группы людей не смогут нормально существовать и скатятся в дикость. Многие уже скатились. Если есть желание, вы можете остаться на своём

континенте в изоляции. Мы не собираемся вас трогать и куда-то насильно тащить. Но если захотите жить вместе со всеми, то присоединитесь и вы. Для вас это оружие только головная боль, а мы из-за него подозревали бы вас чёрт-те в чём и держали бы наготове силы противоракетной обороны и ответного удара. Вам это нужно?

– А зачем оно вам? – спросил Джек Кендал. – Сказали бы, и мы сами его уничтожили бы.

– Нам оно тоже не нужно, – согласился Алексей, – поэтому всё демонтируем. Уран и плутоний пригодятся, а остальное утилизируем. Это, кстати, не такое простое дело. Открою вам секрет: мы разбираем и две трети своего ядерного оружия, и всё то, которое было в Америке.

– А остальное?

– Слышали об астероидной опасности? – спросил Алексей. – Нам хватило этого проклятого вулкана, чтобы понять, насколько уязвима жизнь на планете. Хотите испытать такое же из-за какого-нибудь булыжника? В ближайшие двадцать лет такой опасности нет, но мы будем готовиться. Если захотите, сможете поучаствовать. Но пока это преждевременный разговор. Мы уже выжили, вам это ещё предстоит.

Глава 35

Коммуникатор подал сигнал вызова, когда Самохины уже собрались спать. Алексей не понял по коду, кто вызывает, и ограничился бывшим на нём халатом. Появившийся на экране бородатый мужчина тоже был одет в нечто вроде халата, только вместе с чалмой.

– Я счастлив приветствовать того, кого Аллах избрал своим мечом! – поклонился он Алексею. – Вам не надо ничего настраивать, мой комм переводит с русского. Простите, что беспокою так поздно, но хотелось поговорить с вами в домашней обстановке. Позвольте представиться, я президент Исламской Республики Иран Юсеф Лахути.

– Неожиданный звонок, – сказал Алексей, с интересом рассматривая иранца, которому вряд ли было больше сорока лет. – А что случилось с вашим предшественником на этом посту?

– Тяжёлые времена и больное сердце, – скорбно наклонил голову Юсеф. – Все мы в руках Аллаха!

– И сколько народа осталось в вашем благословенном государстве из тех, кого не прибрал Аллах? – спросил Алексей. – Мы неоднократно пытались с вами связаться по всем каналам, но безрезультатно. Со спутников определили, что вы сохранили государственность и довольно много населения.

– У нас сохранилось пятьдесят пять миллионов жителей, – ответил Юсеф. – Нам повезло, в отличие от соседей!

– Вы очень везучи, уважаемый, – сказал Алексей. – И чем же объясняется такое везение, помимо вашего благочестия? Мы очень долго готовились, поэтому сохранили всё своё население и помогли многим другим. У вас не было наших возможностей.

– Нам действительно повезло! – прижал руки к груди Юсеф. – Вечная нехватка продовольствия вынудила наших учёных искать новые пути. У нас до сих пор много нефти...

– БВК используют многие, но только как корм животным и птицам. Неужели вы кормили им людей?

– Мы научились делать глубокую очистку, насыщать его всем необходимым для жизни и придавать самый разный вкус. Это уже не корм для скота, а искусственная пища. Но скот мы тоже кормили, а в теплицах выращивается много зелени. Без неё умирают дети.

– Я думал об этом пути, – сказал Алексей, – но решил от него отказаться. Натуральные продукты полезнее, даже консервированные. Но у вас не было выбора. Ну что же, ваше достижение достойно уважения. Хочу спросить, почему из всех государств Персидского залива выжили одни вы? Только не надо говорить о войне с Израилем и атомных бомбардировках. Основная масса населения умерла от голода, и никто не производил БВК даже на корм скоту. Были основания скрывать свои достижения от соседей?

– Я не так давно на своём посту... Прежнее руководство...

– Позвонили вы, а не я, – прервал его Алексей. – Я ведь могу и выключить комм.

– Вы прекрасно знаете, какие у нас были отношения с соседями! – нервно сказал Юсеф. – За тридцать лет пять войн! Только безумец помогает врагам!

– Я вас не обвиняю, – пожал плечами Алексей, – просто хочу открытого и правдивого разговора, а сейчас гадаю, что же такого случилось, если вы сами захотели поговорить. Разобрались в том, кто новый хозяин мира? У вас же запущены десять спутников?

– Работает только половина, но и этого хватило, чтобы оценить, что из всех великих держав уцелели одни вы.

– Мы не только уцелели, уважаемый Юсеф, – усмехнулся Алексей. – Мы приняли семьдесят миллионов полезных беженцев, забрали себе территорию бывших США и значительную часть Африки. Кроме того, мы помогали выжить населению восьми стран. Когда через тридцать лет можно будет без риска забрать Китай, мы это сделаем. Возможно, оставим себе и Индию.

– А Пакистан? – спросил Юсеф. – Как вы посмотрите на то, что мы его займём?

– Я не против, – ответил Алексей. – Есть только одно условие. Ваша республика должна стать светским государством.

– Но какое это имеет значение?

– Для меня – большое! – отрезал Алексей. – Мы не бу-

дем иметь никаких отношений с теократией, тем более исламской! И вашего усиления не допустим. Можете забрать пески и нефть соседей, но Пакистан вам не отдадим, Африку – тоже.

– И это говорит тот, кого выбрал Он! – воскликнул Юсеф. – Как вы можете?

– Послушайте меня хорошенько! – сказал Алексей. – Я не просил меня выбирать и взваливать на плечи ответственности за человечество, но раз уж так получилось, постараюсь сделать всё, чтобы люди меньше собачились по национальным или религиозным соображениям. А вы будете в этом мешать! Я терпимо отношусь к любой вере, в том числе и к исламу. В нашей стране около тридцати миллионов его последователей. Но между ними и вами лежит пропасть. Для большинства наших верующих есть жизнь и есть ислам, а для вас есть ислам и всё остальное. Они верят, но не лезут со своей верой к другим и не считают человека неполноценным только потому, что он верит в другого бога или не верит вовсе. А для вас есть правоверные и все прочие, которые... Впрочем, что я объясняю очевидные вещи! У вас вся жизнь пронизана религией, она ею регулируется на каждом шагу, а отношения к чужакам немногим лучше, чем к собакам. До крестовых походов, ваши предки были гораздо терпимее к иноверцам, сейчас этого терпения нет и в помине. Вы неприятные соседи, Юсеф! Мы не собираемся вмешиваться в ваши внутренние дела, но ограничим распространение. Сможете

измениться и научиться уважать чужую веру и чужие обычаи, изменится отношение и к вам. Вы собачились со своими соседями и не стали им помогать. Теперь у вас одни соседи – это мы. Вы уже никогда не будете для нас противниками, а станете ли друзьями – зависит от вас самих. Я вижу, что вы пока не готовы к этому разговору. Подумайте, посоветуйтесь с руководством и вашими духовными лидерами. Мир неузнаваемо изменился, и чтобы в нём преуспеть, недостаточно научиться есть нефть. Если хотите, чтобы учитывали ваши интересы и уважали вас самих, научитесь делать то же самое по отношению к другим. Захотите поговорить – звоните, только выбирайте для звонков не такое позднее время.

Он выключил коммуникатор, снял халат и вернулся в спальню.

– Что случилось, если тебе звонят на ночь глядя? – спросила Лида.

– Новому президенту Ирана захотелось пообщаться, – объяснил он. – Повернись, послушаю, как толкается сын.

На днях жена была в поликлинике, где определили, что у неё будет мальчик.

– Он сейчас спит, – сказала Лида. – И я уже спала бы, если бы вы так не кричали. Чего он хотел?

– Понял, что мы сейчас единственная сила в мире, и хотел прозондировать, на что они могут рассчитывать. Земли своих соседей они могут занять и без нашего ведома, но их интересует Пакистан. Я пока отказал. Давай перенесём по-

литинформацию на завтра? А то ещё немного, и у меня не останется сна ни в одном глазу.

На следующий день Алексей рассказал на Совете министров о вчерашнем разговоре с президентом Ирана и получил полное одобрение своей позиции.

– Им придётся уступить, – высказался Морозов. – Политики к этому готовы, население – нет. Психологию народа быстро не поменяешь. Вряд ли вам позвонят в ближайшем будущем.

Он оказался прав: в этом году звонков из Ирана не было. А через два месяца Лида родила сына.

– Эталон здорового ребёнка, – сказал Алексею принимавший роды профессор Шелихов. – Вы знаете, Алексей Николаевич, ещё никогда на моей памяти ни один мальчишка не вызывал такого ажиотажа! Вас уважают и любят, но к Лидии Владимировне сейчас особое отношение! Все знают, из-за чего она была лишена материнства, поэтому радуются и переживают.

– И из-за чего же? – спросил Алексей.

– Ну как же! – сказал профессор. – Сто лет молодости вам дали для работ по спасению страны, а отсутствие детей – это плата за остановку в старении. Это не очень заметно, но вы с женой за последний год стали выглядеть старше. Все радуются и вашему ребёнку, и тому, что он своим появлением символизирует окончание бедствий.

– И кто же подарил нам молодость? – спросил Алексей, с

интересом ожидая, что ответит профессор.

– Разное говорят... – смешался тот, – но большинство считает, что это некто вроде бога. В церкви сейчас многие стали ходить и из-за катастрофы, и из-за вас. И эти записи со зверями... Я слышал... Вы ведь помните тот автопортрет, который нарисовала Лидия Владимировна? Так вот, сейчас народ валом идёт в Третьяковку, и возле её портрета всегда стоит люди. И многие крестятся! Я, конечно, не верю...

* * *

– Дай мне Юрку, – сказал Алексей, присаживаясь к жене на кровать. – А куда дела нимб? И зачем так туго пеленать ребёнка? Крылышки помнёте!

– Ты что? – распахнула глаза жена. – Шутишь, да?

– Какие шутки! – с досадой сказал он. – Знаешь, что на твой автопортрет уже крестятся, как на икону Богородицы? А кто был её сыном? Не нравится мне этот всплеск религиозности, да ещё с нами в главных ролях. Слава богу, что мне на Совете министров пока не кланяются в пояс, да и вообще основная суета почему-то вокруг тебя, а я здесь вроде ни при чём. Точно непорочное зачатие, зря я выкладывался! Ладно, мы как-нибудь перетерпим, лишь бы эта фигня не прилипла к сыну.

– Слушай, Лёш, – сказала Лида, – может, нам отменить ограничение на рождаемость? В пяти африканских странах выращиваем столько овощей, что не успеваем возить, и рыбы у побережья Анголы много, а через два года вообще из-

бавимся от плёнки и начнём сеять зерновые. Мне медсестра говорила, что сегодня особенный день: впервые с начала большой зимы в Москве была положительная температура! Всем уже видно, что самое страшное позади. Я думаю, этому послаблению обрадуются и те, кто не собирался заводить ребёнка. Раз разрешаем, значит, уверены в том, что скоро всё закончится! Прикиньте у себя на Совете. Первые дети появятся, когда положение выправится ещё больше. Отдай ребёнка, ты не умеешь его держать! Видишь, он у тебя заплакал!

* * *

Пять лет спустя

– Алексей Николаевич, вас хочет видеть Лидия Владимировна.

– Хорошо, Сергей Владимирович, – ответил Алексей секретарю. – Сейчас товарищи выйдут, и пусть она заходит.

– Значит, мы отдаём старое продовольствие бразильцам и финнам, – сказал Прохоров.

– Только то, которое осталось до восемьдесят пятого года заложения, – предупредил Алексей. – В остальном действуйте, как договорились. Всё, товарищи, все свободны.

– Какие у тебя вопросы? – спросил он вошедшую жену. – Семейные или служебные?

– Когда я в рабочее время беспокоила по семейным вопросам? – сказала Лида. – Служебные они, и сразу преду-

преждаю, что много.

– Это понятно, что много, – вздохнул он. – Ты у меня сейчас самый главный министр без всяких скидок на родственные связи.

– А что ты хочешь, если весь мир взялся изучать русский язык? – усмехнулась она. – Даже с учётом того, что осталось от этого мира, приходится крутиться. Ладно, это всё лирика, давай заниматься делами.

– Давай, – согласился Алексей.

– Португальцы хотят прислать дополнительно двадцать тысяч студентов.

– Они хотят изучать таким числом русский или сэкономить на продуктах? – спросил Алексей. – У них же уже учатся двадцать тысяч! Куда столько?

– За ними обучение русскому населения Мозамбика, – напомнила Лида. – Я нигде не найду столько знатоков португальского. Это в нашей части Африки все болтают по-русски, остальные его не знают! Если с английским в ЮАР нет сложностей, то с французским в Конго они есть. Пусть лучше португальцы с бельгийцами сами обучаются русскому, а потом учат других. Причём это лучше и для них, и для нас.

– Уже придумала, куда их пристроить? – спросил Алексей.

– Эти отправятся в Киев. Я уже обговорила с киевлянами. А ты прекращай тяжело вздыхать: я только начала. Почему вы задерживаете моё оборудование? Кого персонально брать

за жабры? Чем дольше у нас просидят иранцы, тем больше проедят твоего продовольствия, а без оборудования они будут сидеть долго!

– Сегодня же разберусь и приму меры, – пообещал Алексей. – Электронная промышленность сильно перегружена. Сама же знаешь, сколько всего делается.

– Притормозите свои компьютеры! – рассердилась жена. – Или отложите запуск какой-нибудь ракеты! Я понимаю, что производство быстро не перестроишь, но я уже три года твержу вам о своих потребностях!

– Дорогая, кто же виноват в том, что твои потребности растут быстрее наших возможностей? – пошутил Алексей. – Всё, не нужно так сверкать глазами! Обещал, значит, сделаю. Что у тебя ещё? Надеюсь, не австралийцы?

– Нет, те нашли учителей у себя и к нам с этим не обращаются. И слава богу! У меня в перспективе проблема с начальными классами. Пять лет назад сняли ограничения на детей, и через два года ожидается наплыв первоклашек. Нужно включить этот вопрос в план обсуждения на Совете и принять меры. Время пока есть, а строить для детей лучше не в пожарном порядке.

– А учителя?

– Учителей будет избыток в старших классах, так что временно поработают с малышами, а потом заменим. А вот компьютеры для новых школ нужно внести в план.

– У тебя всё?

– Нет, конечно, – улыбнулась Лида. – Много мелких вопросов, но я не буду тебя ими загружать. Ты не думаешь задерживаться? Тогда я отпущу свою машину и домой поедем вместе.

Жена ушла, и Алексей вызвал председателя Четвёртого комитета, который занимался Европой.

– Что у нас по Англии, Герман Платонович? – спросил он. – Какой прогноз?

– У них холода продержатся лет на десять-пятнадцать дольше, – ответил председатель. – Пока ещё восстановится Гольфстрим и растает весь снег, которым её засыпало... А что, по ней появились какие-то планы, о которых я не знаю?

– Наши англичане подняли вопрос о захоронении соотечественников. В Америке с этим управились, теперь на очереди Англия. И желательно начать пораньше, пока там отрицательные температуры. Мониторинг по живым ничего не даёт?

– Откуда там живые! – сказал председатель. – Больших запасов продовольствия не было, а морозы доходили до пятидесяти градусов. Спутники не зафиксировали перемещения людей или источников тепла, и никто не отвечает ни на одной частоте. Мы направляли в Англию несколько «Невидимок». Только снег и лёд, нет там живых.

– Тем более, – сказал Алексей. – Пятьдесят миллионов тел быстро не захоронишь. Нужно запустить хотя бы один из их реакторов, расчистить дома для тех, кто этим займётся, и

забросить туда всё необходимое.

– Сделаем, Алексей Николаевич.

– Теперь второе. Поляки как-нибудь реагируют на то, что мы заняли три четверти Польши? Было что-нибудь, кроме протеста Грабинского?

– Ничего не было. Поляков осталось меньше ста тысяч, у нас их в три раза больше. А Грабинского предупредили, что его ждёт суд и судить будут наши поляки. Он сразу же заткнулся.

– Что по Франции? Я просил Первый комитет послать туда «Невидимки», но пока не получал от них результатов.

– Нам совсем недавно дали. Сохранились три группы французов общей численностью в двести тысяч человек. У них что-то вроде диктатуры. До тепла должны продержаться. На наши аппараты не реагировали. Правительственных каналов они не знают, но между собой ведут радиообмен. К общению с нами интереса не проявили.

– Ну и чёрт с ними. Там тоже будет задержка с теплом?

– Не такая большая, как в Англии, но будет. Они тоже сильно зависят от Гольфстрима.

День был насыщен работой и пролетел быстро.

– Первое лето без снега! – сказала Лида, когда подъезжали к дому. – Николай, сверни к третьему подъезду. Возьмём сына отсюда, чтобы не бегать по дому. Валентин, я обойдусь без твоих услуг.

Телохранитель всё равно вышел следом за ней и проводил

в садик. Вернулись через несколько минут уже с Юркой.

– Пап, а когда поедем к слонятам? – спросил сын, очутившись в салоне машины. – По мне Васька соскучился!

– Неизвестно, кто из вас больше соскучился, – проворчал Алексей. – Всё, приехали, давай на выход. До свидания, ребята.

– Пап, а когда вы выпустите зверей? – продолжил допытываться сын, пока поднимались по лестнице. – Меня возьмёте?

– Спроси у мамы, – Алексей попытался перевести поток вопросов на жену, но не преуспел.

– Она ничего не знает! – отмахнулся Юрка. – Я спрашивал, так она отправила к тебе.

– Ладно, – сдался отец. – Не скоро мы их выпустим. Земля пока не прогрелась и им нечего кушать. И сначала будем выпускать самых мелких, за ними тех, кто покрупнее.

– А Ваську когда?

– Входи в квартиру и снимай куртку, – сказал Алексей, открывая дверь. – Слонов отвезём в Африку, у нас для них слишком холодно. Это только через три года, так что твой хулиган пока остаётся здесь.

– И ничего он не хулиган! – взялся защищать друга сын. – Подумаешь, облил вас водой. Они все обливаются.

– Тебя почему-то не обливают, – сказала мать, – а я больше не пойду в ваш слоновник.

– Ну мам, я с ними договорюсь, и они не будут тебя об-

ливать, – пообещал Юрка, – только папу. И птицам скажу, чтобы не клевались.

Алексей с Лидой переглянулись. Несмотря на рождение ребёнка и возрастные изменения, отношение к ним животных не поменялось, а дружелюбие к сыну было выражено ещё сильнее: к нему липли даже птицы. Это пытались исследовать, но, как всегда в случае с их семьёй, никакого объяснения не нашли. А запись того, как их пятилетний сын умудрился забраться в вольер к тиграм и разъезжает верхом на одном из них, гуляла по бескрайним просторам Союза и уже за его пределами. Пока едва не сошедшая с ума от страха Лида влетела в вольер и стащила сына с полосатой спины и в аппаратной стёрли записи регистраторов, кто-то уже успел сделать копию.

– А отец, значит, может ходить мокрым? – спросил Алексей. – Давай, помогу разуться.

– Я сам! – пропыхтел Юрка, отдирая липучки. – Пап, тебе что, жалко? Им же скучно за решёткой, а вода тёплая.

– Ладно, – согласился отец, – потерплю. Рассказывай, что у вас нового в садике.

– У нас новая девочка, – сказал сын. – Пап, я, кажется, в неё влюбился. И Петьке в ухо дал, чтобы он её не дразнил.

– А как же он её дразнил? – спросил Алексей. – И нужно ли было драться?

– Нужно! – сердито сказал Юрка. – Он назвал её китаёзой, а она японка. Она плохо говорит по-русски, но всё понимает.

Поняла, что он хотел обидеть и чуть не заплакала. Пришлось утешать.

– Тогда всё сделал правильно, – одобрил Алексей. – И как же ты её утешал?

– А мне не сообщили о драке, – сказала Лида.

– Стали бы они жаловаться на нашего сына, – усмехнулся муж. – Видел я этого Петьку, и ты должна его помнить. Здоровый и нахальный парнишка на год старше нашего. Такие не понимают слов, хотя старайся, Юрок, не распускать рук. Лучше учиться бить не кулаком, а словом. Я тебя научу. Так что с утешением?

– Я погладил по голове и поцеловал в щёчку, – потупившись, объяснил сын. – Ей понравилось.

– Молодой, да ранний, – улынулась Лида. – Будешь смотреть мультики? Тогда до ужина телевизор твой, а мы с папой поговорим. Интересно, откуда в нашем доме пятилетние японки?

– Сейчас узнаем, – сказал Алексей и вызвал домоуправа.

Пришёл ответ – и над рукой появилось изображение симпатичной женщины лет сорока.

–Здравствуйте, Елена Викторовна! – поздоровался он. – Не скажете, кого к нам заселили из японцев?

– Есть одна семья, Алексей Николаевич! – почтительно ответила она. – Васильевы надолго уехали в Танзанию и сдали квартиру. В неё вселили семью Такаси. Это родственники последнего японского премьер-министра, приехавшие к

одному из принятых нами детей. Семья, которая его взяла, живёт у нас, так что и их поселили сюда же.

– Спасибо, – поблагодарил Алексей и отключился. – Теперь понятно, кто наша будущая невеста? А ты была против таких приездов.

– Мне это и сейчас не очень нравится, – сказала Лида. – Пусть японцы решили строить у нас свою автономию и мы им в этом не отказали, но трогать принятых в другие семьи детей...

– Не так много осталось в живых их родителей, – возразил Алексей. – Эти тоже, скорее всего, дальние родственники. Младших обычно не трогают, навещают тех, кто постарше и многое помнит, и всегда требуется согласие новых родителей. Правда, я не слышал, чтобы кто-нибудь отказал. Ребята прекрасно ассимилировались, но рады и приезжающим родственникам. Ну уедет кое-кто в их автономию, что в этом плохого? Когда закончим со скоростной авиацией, будут летать в гости к новой семье, и те тоже поедут к японцам. Да и комм у каждого на руке. Любые консерватизм и замкнутость не вечны, а наличие «наших японцев» размочит их ещё быстрее. Традиции и культуру нужно сохранять в меру и не отказываться от того хорошего, что есть у соседей. Мне недавно показывали запись их прилёта, когда встречали не дети, а бывшие с ними девушки. Видела бы ты, сколько было радости и слёз! И их мужей целовали, как родных, хотя это были наши парни или американцы. Сейчас все меняются, японцы

в этом не исключение.

– Да уж! – сказала Лида. – Если даже иранцы во многом изменились...

– Не очень им верь, – поморщился Алексей. – Они начали меняться и будут двигаться в нужном направлении, потому что иначе окажутся в изоляции. Но это медленный процесс. Раньше чем уйдёт старшее поколение, серьёзных сдвигов не будет. Австралийцы тоже демонстрируют дружелюбие, но пока это только слова. Посмотрим, что за этим последует. Сейчас начнётся сближение европейцев, которым удалось выжить. Не совсем ясна позиция немцев. Скорее всего, пока не разобрались в новых реалиях, а мы не спешим их просвещать.

– И что дальше?

– Ну ты и спросила, – засмеялся муж. – Тебе перечислить по пунктам? Лет за сто нужно создать мощную цивилизацию и устранить все последствия катастрофы. За двадцать лет развернём в космосе средства перехвата и уничтожения астероидов, а потом начнём делать жизнеспособные колонии сначала на Луне, а затем и на Марсе. Вот когда всё это будет, можно смело говорить о том, что человеческая цивилизация не сгорит в огне какого-нибудь катаклизма. А потом шагнём к звёздам. И многое из этого мы с тобой успеем увидеть. Знаешь, что на днях сказал профессор Шелихов? Мы с тобой меняемся, но в два раза медленней, чем должны. По его мнению, жить нам существенно больше ста лет.

– И он не нашёл причину?

– Не нашёл. Регенерация у нас по-прежнему очень сильно ускорена, хоть уже не такая сумасшедшая, как была. И у сына то же самое.

– Вы резали Юрке пальцы? – спросила Лида.

– Сыну сделали микроскопический надрез кожи, который он даже не почувствовал, а потом оценили скорость заживления. Она в пятьдесят раз выше нормы.

– Значит, он должен дольше жить?

– Я думаю, что и он, и его избранница. Тебе дали то же, что и мне, позволив нам прожить жизнь вместе. Чем наш сын хуже?

– Интересно, на ком это закончится, – задумалась Лида. – Или ни на ком?

– Кто знает, что он задумал? – пожал плечами Алексей. – Возможно, в его планы входит новый вид людей. Наверное, в будущем этому найдут объяснение.

* * *

– Здравствуйте, Ольга Викторовна! – ответил Алексей на приветствие ведущего социолога Службы иммиграции Немировой. – Чем обязан вашему визиту? Садитесь, пожалуйста.

– У меня несколько вопросов, Алексей Николаевич, – ответила она. – Первый касается кубинцев, которых мы приютили по договору. Через пять лет на Кубе будут привычные для них условия, только почти никто не хочет возвращать-

ся. И это касается не только молодых, многие из которых нашли себе пару среди наших, а вообще всех. Мы постоянно увеличиваем жизненный уровень населения, а через три года должны ввести денежное обращение и отменить все ограничения на поездки. После этого их придётся увозить в связанном виде. Люди они прекрасные и работники хорошие, но такая ассимиляция может вызвать недовольство руководства Кубы.

– Это меня не беспокоит, – ответил Алексей, – пусть не беспокоит и вас. Мы их приютили и не вели пропаганды остаться, за нас это сделала жизнь. Они свободные люди и вправе решать, где жить и трудиться. Пусть с ними разбирается руководство Кубы, если у них будет такое желание. Но я не думаю, что они будут этим заниматься, скорее, сами попросят включить их в Союз, и мы в этом не откажем. С Латинской Америкой придётся разбираться, и кубинцы в этом помогут. Как идёт ассимиляция англичан и американцев?

– Американцы идеально вписались в наше общество, англичане более замкнутые, но и у них нет отторжения. Они слишком многим нам обязаны и на родине потеряли вообще всё. Лет через десять вы не отличите их от наших людей.

– А японцы?

– Если вы о детях, то они прижились хорошо. С малышами нет никаких проблем, те, кто постарше, чаще испытывают к приёмным родителям не любовь, а благодарность. Некоторые из них, несомненно, уедут в автономию. Прибыв-

шие с детьми девушки вышли замуж и ассимилировались ещё лучше, чем дети. Вот взрослые японцы в автономии будут по-прежнему жить своим укладом. Они общительны и дружелюбны, но продолжают придерживаться обычаев своего народа. Я не вижу в этом ничего плохого. Это просто их национальная особенность. С европейцами всё выйдет по-разному. Те, кого принимали в прежние годы и разбрасывали по стране, в большинстве прижились нормально, даже поляки. Наша политика национальной изоляции принесла свои плоды: никаких землячеств никто не создал, хотя многие по-прежнему поддерживают между собой связи. Если будем принимать большие группы вроде бельгийцев или португальцев, делать это нужно только на правах автономии. Будут жить компактно и перемешиваться с основной массой населения при поездках на работу и смене места жительства. Процесс очень длительный, но с этим нельзя спешить, да и нет необходимости.

– Иранцы?

– Только деловые контакты. Их нельзя мешать с нашими людьми. Все преобразования в Иране пока больше на стадии намерений. Посмотрим, что из этого выйдет. То же самое и с австралийцами. Там нет ислама, но очень мутное руководство. Кроме того, наши англичане ещё долго будут помнить их лагеря, и мы вынуждены с этим считаться.

– У меня к вам просьба, – сказал Алексей. – Мне нужен прогноз по нашим отношениям с мексиканцами. В Первом

комитете есть специалисты по Мексике. Информации по Латинской Америке собрали много, так что у вас есть материал для анализа. Это последний регион, по которому много вопросов. С Аргентиной замечательные отношения, с Бразилией – тоже, но там правительство контролирует только треть территории. Остальное – это такая каша... Населения осталось мало, но в разы больше, чем в Африке, и этих не купишь капустой. А с ними нужно как-то выстраивать отношения. И даже не как-то, а так, как нам нужно. А для этого прежде всего надо разобраться с тем, что там творится. Кроме них, остаются только островные государства Юго-Восточной Азии и Алжир, но на островах мало выживших и они потерпят, а в Алжире после катастрофы совсем рехнулись на почве ислама. Никаких дел с иноверцами иметь не желают и всех неверных убивают на месте. Мы изолируем их от остальных, пока мозги не заработают как положено. В этой стране девяносто процентов территории – это пустыни и горы, но жителей осталось мало, так что пусть живут по своей вере и не суются к другим. У вас есть ко мне вопросы? Тогда не буду больше задерживать, а то уже конец рабочего дня.

– Закрывается с интересной женщиной, а жена должна ждать в приёмной, пока они закончат, – сказала Лида, которая вошла в кабинет после ухода Немировой. – Бросай дела, и поехали домой.

Когда машина въехала во двор дома, увидели возле подъ-

езда садика уже одетого сына, державшего за руку девочку. Рядом с детьми стояла одна из воспитательниц.

–Здравствуйте! – первой поздоровалась она с Самохины-ми. – Ваш сын проявил инициативу. Дышат свежим воздухом и ждут вас. А родители Норики сейчас должны подъехать.

– Нори, это мои папа и мама, – представил родителей сын. – Они очень хорошие. Алла Владимировна, вы идите, мы сами отдадим Нори родителям.

– Да, да, – подтвердил Алексей. – Мы их дождёмся и отдадим ребёнка.

Малышка с большими глазами, тонкими чертами лица и выглядывавшей из-под капюшона чёрной чёлкой была само очарование. Она низко поклонилась Алексею с Лидой, прижав при этом ручки к груди. Отдав таким образом дань уважения взрослым, она вернула руку ухажёру. Рядом с машиной Самохиных остановился другой электромобиль, из которого вышла молодая пара, сразу же устремившаяся к крыльцу. Узнав Алексея, они подошли и поклонились.

– Рады видеть родителей Юри! – на чистом русском сказал мужчина. – Ваш сын очень настойчивый молодой человек. Раньше Норико была только нашей, а сейчас мы у неё уже на втором месте!

Он говорил серьёзно, но глаза при этом смеялись.

– Алексей и Лида Самохины, – сказал Алексей. – Рады видеть родственников почтенного Сатоми Морисима. Это был

достойный человек. Кем он вам приходится?

– Он брат моей матери, – поклонился мужчина. – Спасибо вам за добрые слова! Мы Сэдэо и Мияко Такаси.

– Рады знакомству, – вступила в разговор Лида. – Вы сейчас никуда не спешите? Тогда мы приглашаем вас к себе.

Эпилог

12 июля 2067 года

– Ну что, Вячеслав Андреевич, скоро станете безработным? – спросил Алексей Ольховского. – Ваш «Ковчег» уже наполовину опустел.

– Меньше чем на треть, – ответил директор. – Пока выпускаем мелочь, а разведением остальных надо заниматься лет десять. И знаете, что заметили? Когда выпускаем молодняк, звери разбегаются, хотя настоящего страха к людям у них нет, а вот животные в возрасте часто отказываются выходить из клеток. Их страшат простор и неизвестность. Несколько поколений жили в «Ковчеге», и это не могло не сказаться. Они боятся свободы. Я сам во многом на них похож. Мы с вами начинали этот проект вдвоём пятьдесят лет назад, и с тех пор я жил только им. А сейчас он идёт к завершению вместе со мной. Мне уже семьдесят пять, и я точно его не переживу. Просто незачем будет жить. Алексей Николаевич, я ведь могу хотя бы с натяжкой считать себя пусть не другом...

– Зачем говоришь глупость, Слава? – с обидой сказал Алексей, впервые переходя с Ольховским на ты. – Долгая жизнь, помимо преимуществ, имеет и недостатки. Одним из них у меня можно считать отсутствие тяги к общению. Если подумаешь, то поймёшь, чем это вызвано. Знаешь, как боль-

но терять близких людей? А мы потеряли их столько, что уже боимся к кому-нибудь привязываться. Именно поэтому наша дружба неполноценна, но она есть. Поверь, что ты много для меня значишь.

– Тогда, может, ответишь, кто за всем этим стоит? Это действительно бог? Честное слово, я никому не скажу!

– Если бы я знал сам! – сказал Алексей. – Это кто-то за-предельно могучий, кому явно небезразлична судьба человечества. Он бросал нас сквозь время, иной раз подсказывал, что нужно делать, и дал молодость, но о его природе не было даже намёка.

– Жаль. Ты знаешь, эта девушка... Я говорю о Нори. Она во многом стала такой же, как твой Юрий. Когда он привёл её сюда, в ней не было ничего необычного, а с прошлого года всё изменилось. Все мои питомцы сразу её признали. И ещё я заметил с месяц назад... Она ободрала ладонь об угол вольеры. Уже через час на месте ранки была чистая кожа. Это ведь из-за него? Им только четырнадцать, но у них точно любовь... У вас ведь тоже так?

– Когда-то всё затягивалось на глазах, сейчас просто быстро заживает. Это исследовали, но не нашли причин. Насчёт Нори я предполагал, что будет что-то такое.

– Алексей... – Ольховский помолчал, потом продолжил: – Можешь сказать, зачем решил уйти? Многие боятся твоего ухода, и я тоже. К тебе все привыкли и знают, что вся твоя жизнь для людей, что ты не злоупотребишь доверием и все-

гда всё сделаешь лучше других. Сейчас снова ввели деньги, и опять будут никому не нужные выборы, в результате которых к власти могут прийти не самые лучшие люди. Зачем это?

– Ради себя и ради вас, – ответил Самохин. – Не понимаешь? Ты говорил о «Ковчеге» и о зверях, боящихся свободы. Не видишь аналогии? Я у вас как зверинец, названный моим именем, и вам в нём спокойно и сытно, хотя в вольере много не побегаешь. Нельзя жить, прячась за спину кого-то одного и радуясь тому, что у него много опыта и есть совесть. Я, Слава, жутко устал. Устал от власти, от ответственности, от своей однообразной жизни. И жена устала. Она ведь так и не захотела второго ребёнка. Мы с ней хотим отдохнуть и осмотреться. Наверное, найдём для себя полезное и интересное дело. Но собой управляйте сами. Думаешь, ты первый, кто нам такое говорит? Бухаются на колени и упрашивают, а некоторые... просто даже не знаю, как таких назвать, ещё и крестятся! И это тоже показатель того, что нам не уходить, нам бежать нужно! Всё самое сложное уже позади, а проблемы будут всегда.

– Простился? – спросила Лида. – Чего ты такой мрачный?

– Я не сказал, что больше не приду, – ответил муж. – Не хватило духа. Слава сильно постарел и скоро уйдёт, и мне будет его не хватать. Сколько раз давал зарок не привязываться к людям. Я ведь пятьдесят лет называл его по имени-отчеству, а на ты обратился только сейчас. Он рассказал о Нори. Как мы думали, так и получилось. Очень рано, но

видно, что у них уже всё решено.

– Я и так вижу, что они любят друг друга, – сказала Лида. – Что у неё, звери?

– Звери и регенерация. Интересно, какие задачи он придумал для них.

– А ты не веришь в то, что это просто благодарность? – спросила Лида. – Был бы сын обычным человеком, и ты похоронил бы его через семьдесят лет.

– Не хочу без толку ломать голову. Пусть думают сами, когда придёт их время. Душу я в сына вложил, а знания и опыт пусть добывает самостоятельно.

– Кого думаешь оставить вместо себя до выборов?

– Всё уже обговорено. Пока останется Батищев, а потом пусть решают сами.

– И куда поедем? Уже решил?

– Если не возражаешь, поедем к морю. В Крыму много законсервированных правительственных дач. Займём одну на два месяца. С обслуживанием договоримся.

– Можно, – согласилась Лида. – Только в нём холодная вода.

– Я искупаюсь и в холодной, – улыбнулся Алексей, – а можно обойтись без купания. Будем сидеть с тобой на берегу, слушать шорох набегающих волн и вспоминать тех, кто оставил след в наших сердцах. Таких было много: у меня всё сердце в шрамах. Все мечтают о жизни без конца, не давая себе труда подумать. Жизнь – это цепь из приобретений и

потерь. В конце длинной жизни приобретения перестают радовать, а потери по-прежнему больно жалят в сердце. И если этому нет конца... Человек на такое не рассчитан. Я ведь боялся, что когда-нибудь не хватит сил и придётся самому...

– Не надо! – Лида обняла мужа и прижалась щекой к груди. – Всё будет хорошо! Любая усталость снимается отдыхом и переменами в жизни. И никто не помешает всё это сделать. Когда поедем? Я могу хоть завтра сдать министерство.

– Я уже разделался с делами. Можно обо всём договориться по комму, но всё-таки съезжу в последний раз. Иначе будет по-свински, хоть мне простят. Надо попросить Мияко присмотреть за молодёжью. Надеюсь, что я правильно воспитал сына и они не наделают глупостей.

* * *

– Не надоело здесь за два месяца? – спросила Лида, морщась от холодного ветра. – Мало того что нет настоящего тепла, так уже середина сентября.

– А тебе надоело? – Алексей встал и сложил раскладной стул. – Пошли в дом, а то действительно холодновато. Знаешь, я решил, чем займусь. Если хочешь, займёмся этим вместе.

– И чем же?

– Землёй займутся и без нас, а мы с тобой займёмся космосом. В программе задействовано немало достойных людей, но и мы не будем лишними. Защитим Землю, а потом начнём строить там города! – Алексей показал рукой в

пасмурное небо. – Меня не успокаивает статистика падения астероидов. Супервулканы тоже извергаются нечасто. Планы составлены, средства выделены, а наработок по космосу у нас много. Теперь нужно засучить рукава и взяться за дело. Первый опасный гостинец ожидается через восемнадцать лет. Вполне достаточно времени, чтобы подготовиться, слетать к нему и разнести в клочья. Что скажешь?

– Интересное дело, только очень далёкое от того, чем я занималась раньше. Найдёшь мне работу? И где будем этим заниматься? Не хотелось бы надолго оставлять сына.

– Найти работу нетрудно. Жить будем в Москве, но придётся помотаться по разным объектам. С нашей новой авиацией это не трудно. Сегодня уже поздно, а завтра позвоню в ялтинский горисполком, сдам дачу и попрошу выделить транспорт.

– Я вижу, что с тебя из ста пятидесяти прожитых лет слетела как минимум сотня, – улыбнулась жена. – Весёлый и энергичный, давно ты таким не был.

– Главное в жизни – это цель, – изрёк Алексей, – и любимый человек рядом с тобой. А если на пути к достижению цели предстоит заняться новым и интересным делом, то и годы уже не так давят на плечи. И всё это у нас с тобой есть.

Конец